

ДРЕВНЕГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

(V—XVIII вв.)

Издательство Тбилисского университета

Тбилиси 1987

В «Древнегрузинской литературе» печатаются памятники грузинской литературы V-XVIII вв. В зависимости от объема произведения грузинских авторов приводятся полностью или в отрывках. В конце прилагается краткий пояснительный словарь некоторых терминов, собственных имен и географических названий.

Книга рассчитана на филологов, а также на широкий круг читателей, интересующихся грузинской литературой.

С о с т а в и л Л.В. М Е Н А Б Д Е
Р е д а к т о р А.А. Г В А Х А Р И А

© Издательство Тбилисского университета, 1987

ПУТИ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Истоки грузинской письменности восходят к глубокой древности, к эпохе, предшествовавшей в Грузии феодальному строю и распространению христианства как идеологии феодального общества. Памятники дохристианской

грузинской письменности до нас не дошли. Вероятно, эта дохристианская, языческая по своему характеру, литература была уничтожена восторжествовавшей воинствующей христианской церковью. Христианство объявляется в Грузии государственной религией в первой половине IV-го века. Христианская церковь проявляла нетерпимость не только по отношению к язычеству и его культуре, но и к так называемым ересям, время от времени возникавшим в недрах самого же христианства. Однако пережитки древне-грузинской дохристианской письменной культуры и богатой устной народной словесности прослеживаются в памятниках ранней христианской литературы (V-VII вв.). Церковные писатели древности широко использовали фольклор и дохристианскую письменность с ее развитым литературным языком. Этим и объясняется совершенство литературного стиля грузинской ранней церковной письменности как переводной, так и оригинальной.

Первыми произведениями церковно-религиозной грузинской литературы, дошедшими до нас, были переводы на грузинский язык книг "священного писания" (библейские тексты Ветхого и Нового завета). Но очень скоро зарождается и быстро развивается самобытная оригинальная литература, которая особенно на первых порах, вызывалась к жизни практическими запросами христианской церкви. Это была агиографическая (мариологическая и житийная) или, скорее, историко-биографическая литература. Служа пропагандистским целям церкви, она включала в себя значительные элементы беллетристики и историографии. Собственно говоря, агиографическая литература есть первая ступень художественной прозы и истории письменности христианских народов. Агиографическая литература в обоих своих видах представлена богато на грузинском языке. Памятники ее свидетельствуют о развитом литературно- книжном стиле и отличном мастерстве писателей агиографов. Агиографические произведения содержат обильный историко-бытовой материал и зачастую подробно освещают борьбу грузинского народа против иноземных захватчиков и поработителей.

Древнейшим грузинским литературно-художественным памятником, дошедшим до нас, который далеко не уместится в рамки агиографического жанра, является "Мученичество Шушаник" Якова Цуртавели (написанный между 475-484 годами). Автор этой повести был личным духовником Шушаник, он не гиперболизирует ее религиозные наклонности. Цуртавели как истинный писатель, рисует живой, человеческий образ духовно сильной, решительной, волевой женщины. Прекрасным литературным языком рассказывается в произведении как правитель Картли Варскен, побуждаемый корыстными политическими целями, предался персидскому шаху, отрекся от христианской религии, принял маздеизм и решил принудить к вероотступничеству членов своей семьи. Шушаник резко отвергла домогательства мужа, за что и подверглась жестоким пыткам и мученически кончила жизнь в 475 г. Преданной отечественной вере и родине, строгой и вспыльчивой, но великодушной Шушаник Цуртавели противопоставляет образ изменника и вероотступника, жестокого и свирепого шахского агента Варскена. Этим противопоставлением и подчеркивается идейно-художественный замысел автора этого замечательного литературного памятника V века.

Другим древнейшим литературно-художественным памятником, связанным с тяжелыми временами арабско-мусульманского господства, является "Мученичество Або Тбилели" Иоанна Сабанисдзе, Або Тбилели по происхождению был арабом, по вероисповеданию — мусульманином, который примкнул к грузинам, принял христианство и был казнен за это халифским эмиром в Тбилиси в 786 г. Иоанн Сабанисдзе — современник описанных им событий, был трезвым общественным мыслителем и искусным писателем. По

мнению автора, пример Або должен был пробудить в широких массах населения религиозно-национальное самосознание и вызвать ненависть к чужеземным захватчикам. Являясь выразителем и идейным вдохновителем освободительного движения своего времени, Сабанидзе метким художественным словом развенчал чудовищные злодеяния и коварные действия "опирающихся на обнаженный меч" (т.е. на грубую военную силу) поработителей.

Судя по дошедшим до нас скудным материалам, сравнительно позже появляются памятники собственно агиографической или житийной грузинской литературы. Наиболее важными образцами этой литературы считаются "Житие Серапиона Зарзмели" (произведение первой половины X в). Василия Зарзмели и "Житие Григория Хандзтели" (951 г.) Георгия Мерчуле.

Георгий Мерчуле блестящий писатель, который не ограничивается традиционной житийной формой изложения деяний своего героя, он проявляет "широкий кругозор и самобытный интерес к окружающему миру" (Н.Я.Март). Этот мир — Тао-Кларджети (южно-грузинские провинции) с его сложной социально-политической и культурной жизнью. Здесь, в Тао-Кларджети обосновались грузинские Багратионы, решившие покинуть Тбилиси из-за арабско-мусульманского гнета и искавшие убежище в неприступных местах южного Причерноморья. Маленький городок Артануджи сделался новой столицей государства, средоточием национально-объединительных сил Грузии, центром культуры и просвещения. Главный персонаж повести Георгия Мерчуле — Григорий Хандзтели (759-861 гг.) — крупный церковно-политический деятель, просветитель, строитель и зачинатель книжного дела в новых условиях. Излагая биографию Григория и его сподвижников, автор "Жития" описывает важнейшие события, связанные с историей его страны и, что особенно примечательно, характерные социально-бытовые стороны жизни светского феодального общества, внося в произведение ряд вполне композиционно законченных, самостоятельных новелл романтического содержания. Мерчуле с живейшим интересом описывает жизнь общества, любит природу, реалистически изображает многие характерные подробности быта. Распущенным нравам своевольных и самовластных светских феодалов писатель противопоставляет суровый аскетизм и затворничество иноков, этих "добровольных мучеников во Христе". Отдельные церковные деятели и светские феодалы обрисованы им столь мастерски, что их образы могут служить примером подлинного типового обобщения.

"Житие Григория Хандзтели" проникнуто ярко выраженной национальной тенденцией. Язык "Жития" легкий, образный, колоритный, непревзойденный в грузинской духовной литературе.

Древнейшие памятники грузинского фольклора имели в основном стихотворную форму, памятники же начального периода христианской литературы сплошь прозаические. Стихотворные размеры применялись, главным образом, в гимнографических жанрах грузинской церковно-религиозной литературы. Первые памятники гимнографической поэзии (песнопения) относятся к VIII-IX векам, к X же веку этот вид поэзии достигает наивысшего уровня развития. В конце X века появляется громадный сборник первоклассных песнопений, снабженный нотными знаками. Грузинские гимнографы IX-X веков сочиняли свои песнопения употребляя разные размеры, в честь своих и чужеземных "святых", а также на библейские темы.

Гимнографы искренне и просто выражали свои религиозные и религиозно-патриотические чувства. Не довольствуясь чужеродной (византийской) ямбикой, некоторые гимнографы применяли гибкие размеры родной народной поэзии. Особого внимания заслуживает произведение подвижника Саввинского монастыря в Иерусалиме, сочинившего "Похвалу и славословие грузинского

языка" Вдохновленный глубиной и изяществом, как он сам выражается, родного языка и видя его незавидное ("униженное") положение среди господствующих тогда мировых языков, автор провиденциального сулит ему в будущем "торжество" и новоявление во всем своем блеске.

Высокой ступени развития к этому времени достигают и другие виды грузинской церковно-религиозной литературы, в частности это относится к церковно-философской и богословской литературам. По словам академика Н.Я.Марра: "грузины /в XI-XII вв./ интересовались в области философии теми же вопросами, какие занимали передовые умы тогдашнего христианского мира как на Востоке, так и на Западе, с тем отличием от других, например, от европейцев, что тогда грузины отзывались раньше других на наиболее новые течения философской мысли и работали во всеоружии образцовой для своего времени текстуальной критики непосредственно над греческими подлинниками"¹.

Средневековая Грузия достигла своего наивысшего развития в политическом, экономическом, социальном и культурном отношениях в XII веке. Грузия того времени — сильная феодальная держава, играла значительную роль в истории народов Ближнего Востока. В жизни грузинского народа это был период могучего подъема материальных и духовных сил. Поражают величие и красота дошедших до нас монументальных памятников зодчества, тонкость и изящество живописи, ювелирного дела, чеканного искусства, художественного рукоделия и т.д. Особого развития достигла письменность, словесное искусство. Особое положение церкви и церковно-христианской идеологии обуславливало господство в грузинской литературе V-XI веков церковно-религиозного направления. Однако в самом начале XII века глава объединенной грузинской державы Давид Строитель (1089-1125гг.) производит полную реорганизацию церковной жизни, подчиняет церковь светской власти. Примерно к этому времени зародилась и вскоре расцвела светская литература, особенно поэзия. С уменьшением политического влияния церкви уменьшилось влияние и церковно-религиозной литературы. Потеряв свое прежнее господствующее положение, церковная литература обретает все более и более конфессионально-исповеднический и книжно-схоластический характер.

XII век считается классическим периодом в истории грузинской духовной культуры. Светская литература этого периода носит ярко выраженный самобытный характер, хотя она развивалась в тесной связи с литературами соседних стран. Следует подчеркнуть, что Грузия на протяжении веков поддерживала культурные связи не только с религиозно-конфессионально близко стоящими к ним христианскими народами, но и со странами мусульманского Востока. Литературное общение способствовало сближению народов, взаимному обогащению их культур.

Из литературного наследия грузинской классической эпохи очень многое и ценное утеряно в результате катастрофических событий последующих веков (монгольские нашествия), но все же уцелевшие памятники дают возможность до некоторой степени восстановить общую картину литературной жизни страны.

Одним из первых памятников древнегрузинской светской литературы является авантюрно-героическая повесть "Амирандареджаниани", некоторым образом созвучная сказанию о богборце Амиране. В ней рассказывается о фантастическо-сказочных похождениях пехлевана Амираана Дареджанисдзе, его дружинников и других доблестных витязей. Отдельные моменты повести объединены между собой общей фабульной нитью и общей сюжетной завязкой. Центральный персонаж повести — Амиран Дареджанисдзе, отсюда и происходит название произведения "Амирандареджаниани". На фоне сказочно-

---

¹ Иоанн Петрицкий, ЗВОРАО, т. XIX, 1909, стр. 113.

приключенческих повествований в повести ярко вырисовывается образ главного героя Амирани, гордого и могучего витязя, верного, преданного слуги своего государя и патрона, борца против злых сил и коварных людей, победителя чванливых великанов и страшных чудовищ, заступника собратьев, покровителя слабых и немощных, защитника женской чести. "Амирандареджаниани" идеализирует физическую мощь витязей, соединенную с их нравственной безупречностью и благородством. Несмотря на свою фантастичность повесть правдиво отражает социально-политические настроения и морально этические идеалы военно-рыцарского сословия грузинского общества XII века, ставшего ведущей силой в централизованном феодальном государстве грузинских Багратионов. "Амирандареджаниани" написана простым, сочным языком, существенно отличающимся от языка церковно-книжной литературы. Авторство повести приписывается Мосе Хонели, Биографические данные о нем неизвестны.

В первой половине или в середине XII в. Саргис Тмогвели перевел с персидского и отлично обработал известную поэму Гургани "Вис-о-Рамин", получившую в грузинской литературе название "Висрамиани". В своей основе сюжет поэмы "Вис-о-Рамин" имеет много общего с сюжетом знаменитого средневекового романа "Тристан и Изольда". Несмотря на иноземное происхождение, язык художественной прозы "Висрамиани" классически совершенен и носит яркий национальный колорит. "Висрамиани" красочно повествует о нежной, но в общем низменной плотской любви, от которой резко отмежевывается певец возвышенных чувств Шота Руставели.

В те времена представители науки, искусств и поэзии имели некоторый доступ ко двору грузинских царей XII века: они писали хроники и исторические сочинения, в которых развивали взгляды официальных кругов, ученые-законоеды обосновывали божественное происхождение царской власти, на торжественно обставленных дворцовых приемах поэты-одописцы выступали с чтением высокопарных, но изящных панегирических стихов.

К числу крупных поэтов-одописцев XII в. принадлежат Шавтели и Чахрухадзе. Иоанн Шавтели — автор панегирической поэмы "Абдул-мессия" (что значит раб Христа, по-видимому, это прозвище главного героя произведения). Продолжаются споры о том, кто именно это лицо — Давид Строитель или Давид Сослани (муж царицы Тамар). Шавтели изощренно воспеваает своего благодетеля-патрона, в нарочито приподнято-торжественном стиле, рисуя его образ. По мнению одописца, предмет его хвалебных стихов божественным провидением поставлен во главе грузинского государства на страх "бусурманам" и на радость христианскому миру. В оде Шавтели чувствуется церковно-религиозное мышление, язык поэмы в значительной степени искусственный и книжно-архаичный.

В сборнике хвалебных стихов под названием "Тамариани" Чахрухадзе прославляет царицу Тамар и ее супруга Давида Сослани. Автор развивает мессианистическую идею о предвечности грузинской царицы и ее священной миссии по спасению христианства. Тамар провозглашается инкарнацией христианского божества и вся предшествующая история человечества якобы была призвана подготовить почву для земного воплощения грузинской царицы. Чахрухадзе превозносит могущественное грузинское государство, возглавляемое "божественной царицей" и ее славным супругом Давидом.

Стихи Чахрухадзе характеризуются чрезвычайной образностью, словесной величавостью и виртуозностью. Обращает на себя внимание начитанность и эрудиция одописцев Чахрухадзе и Шавтели, наглядно иллюстрирующая наличие высокой книжной культуры Грузии XII в. Оды Чахрухадзе и Шавтели написаны двадцатисложным размером, с богатой внутренней и внешней рифмой, получившей впоследствии название ч а х р у х а у л и .

Непревзойденным образцом грузинской поэзии классической эпохи является поэма Руставели "Витязь в тигровой (или в барсовой) шкуре".

Поэма эта написана на рубеже XII-XIII веков. Она проникнута духом высокого гуманизма, антиклерикализма и пламенного патриотизма. Впитав в себя все достижения древнегрузинской культуры, Руставели развил и поднял родную поэтическую речь до блистательных вершин мировой поэзии.

Руставели вдохновенно воспел всепобеждающую силу морально-возвышенной человеческой любви. Ведущие герои поэмы — просвещенные, учтивые, доблестные витязи (рыцари), верные служители любви, чести и долга перед отечеством, народом. Их одинаково характеризует внешняя и внутренняя красота, мужество и благородство. От мужчин не отстают и женщины. Нестан-Дареджан — центральный образ поэмы, дева-красавица, целомудренная, добродетельная, разумная и кроткая, а когда надо становится тигрицей. В ней вспыхивает душа мятежника, она восстает против насилия, против принуждения. За ее непокорность Нестан заключают в неприступную Каджетскую крепость, где она томится в этой цитадели тирании и изуверства, символе вечного земного мрака. Титанические усилия, непоколебимая вера в осуществление справедливости, самоотверженная борьба славных витязей побратимов, увенчались решающим успехом — Каджети разрушена. Нестан вызволена из "пасти змия", справедливость восторжествовала: "мрак развеян и величие света стало нераздельно".

В основе поэмы Руставели лежит оптимистическая и жизнеутверждающая идея победы справедливости над произволом, добра над злом. Руставелевские герои ищут и добиваются полного счастья на земле. Руставели поборник свободы человеческих чувств, борец за прекрасные земные идеалы. В отличие от многих великих средневековых поэтов-мыслителей, Руставели отклонил все формы религиозной обрядности, ему чужда как церковно-христианская ортодоксальная догматика, так и мусульманско-суфийская мистика.

Побратимство руставелевских витязей перерастает в дружбу народов. Араб Автандил, индеец Тариел и мулгазарец Придон установили между собой не только личную душевную дружбу, но они крепкими узами дружбы связали возглавляемые ими народы. Несмотря на национальное различие и происхождение добрых побратимов воодушевляло единое благородное человеческое устремление, их объединяла единая воля и единая цель. Именно в результате объединенных усилий добились они желанной победы над произволом.

Любовь в поэме Руставели не отвлеченно-беспредметная духовная страсть, не низменное, плотское влечение, а правдивое, земное, нравственно-возвышающее человека чувство. Для мужчины, равно как и для женщины, любовь трудное испытание. Она стимулирует высокие моральные подвиги, вдохновляет на героические дела. Национальна и самобытна идея преклонения перед женщиной, которая занимает видное место в поэме "Витязь в тигровой шкуре" и обусловлена общественно-политическими условиями жизни, способствовавшими особому положению женщины в Грузии. Отсюда закономерность знаменитого афоризма Руставели "Льва щенки равны друг другу, будь то самка или самец", и общая идейная направленность поэмы, восторженный гимн женской чести и свободе женской любви.

Нестан и Тинатин — сильные индивидуумы, натуры непоколебимых моральных устоев и глубоких интеллектуальных побуждений, а потому достойны человеческих прав. Заточенная в Каджетскую крепость Нестан не теряет самообладания, в необычайно тяжелых условиях она сохраняет бодрость духа и трезвость рассудка. Это она, хрупкая телом, но могучая духом, произносит мудрейшие слова:

Кто ж из мудрых раньше смерти сам покинет этот свет?

В затруднениях нужен разум, ясный разума совет.

Нестан не ограничивается личными чувствами и переживаниями, ее беспокоит и угнетает так же судьба отечества, судьба обездоленной родной Индии и безутешных родителей, и она пишет возлюбленному:

Торопись в пределы индов: мой родитель ждет подмоги,

Окружен он там врагами, без поддержки, одинокий!

Письмо Нестан-Дареджан из Каджети — блестящий образец величия женской души, торжества разума над страстями, зажигательный и волнующий поэтический документ беззаветной любви к родине. Юрий Тынянов прекрасно говорит по поводу этого письма: "Я не знаю в мировой поэзии более вечных, более молодых женских слов, чем письмо Настан-Дареджан к своему рыцарю, чем плач Ярославны в Путивле-граде на городской стене, чем письмо Татьяны к Онегину."² А по словам видного русского ученого: "Женские образы Руставели чудесны и изумительны. Не в обиду Данте будет сказано, это не некие почти бесплотные Беатриче, а земные, хотя и идеализированные существа."³

Благородной идеей патриотизма проникнута вся поэма Руставели.

Политическим идеалом Руставели является объединенная, сильная, единоподержавная страна во главе с мужественным, просвещенным и гуманным царем. Поэт стоит за полную централизацию власти, он осуждает феодальные распри и феодально-сепаратистские устремления вассальных царьков.

Руставели бесподобный мастер грузинского стиха. К сожалению, в переводе руставелевские стихи, особенно аллитерационные и афористичные, теряют свою неподражаемую выразительность.

Руставели впитал в себя все богатство древнегрузинской письменной культуры и одновременно, следуя лучшим традициям родной народной словесности, развил и поднял на небывалую высоту грузинскую поэзию. Идеи, отраженные в поэме "Витязь в тигровой шкуре", глубоко самобытны, народны и национальны. Руставели — певец лучших идеалов и чаяний грузинского народа. Ему совершенно чужда какая бы то ни была национальная ограниченность или замкнутость. Мир идей Руставели имеет общечеловеческое значение. Хотя идеи возвышенной любви, патриотизма, дружбы, идеи героических дерзновений, воспетые Руставели, народнонациональны, но такие идеи присущи и другим народам — малым и большим. Однако грузинскому поэту в XII веке, в условиях средневековья, в условиях господства религиозно-мистической идеологии удалось художественно воплотить эти передовые идеи в образцовую поэтическую форму. Руставелевские идеи так же свежи, прекрасны и оригинальны, как восхитительны его бесподобные стихи.

Гуманистическое мировоззрение Руставели, исключительная популярность его поэмы вызвали озлобление в церковно-клерикальных кругах грузинского общества. Одни сознательно искажали ее текст, другие всячески поносили, чернили имя ее автора, третьи пытались уничтожить рукописные копии и печатные издания. Но им не удалось ни уничтожить "Витязя в тигровой шкуре", ни умалить ее вдохновляющего влияния на развитие грузинской поэзии, вплоть до наших дней.

Тяжелое монгольское иго (XII-XIV вв.), непрерывные разрушительные нашествия и варварские насилия персов и турок (XV-XVIII вв.), внутренние феодальные раздоры, распад централизованной монархии пагубно влияли на развитие грузинской литературы. Сохранить свою национальную самобытность грузинскому народу помог великий русский народ. Уже с XVI века внешне-

² Героический эпос, газ. "Известия", 26.XII.1937, № 300 (6462)

³ И. К. Л у п о л , Образы и идеи Шота Руставели. Шота Руставели и его время. Сборник статей, М., 1939, стр. 195.

политическая ориентация Грузии окончательно склонилась к России. Сближение Грузии с Московским государством определялось общностью их политических целей, общностью религий и культурных интересов, обоюдным стремлением к дружбе и братству. Естественным следствием исторических событий явилось добровольное вступление Грузинского царства в 1783 году в состав Российского государства, на началах протектората, а затем, в 1801 году, официального присоединения Грузии к России. Конечно, царское самодержавие преследовало свои военно-стратегические и колонизаторские цели, но все же присоединение Грузии к России было событием огромной исторической важности и оно имело исключительно большое прогрессивное значение в жизни грузинского народа. С этого времени Грузия освободилась от жестокой тирании шахского Ирана и султанской Турции, народ же грузинский, спасшись от порабощения и уничтожения, обеспечил себе условия для дальнейшего развития своих материальных и духовных сил.

Социально-политическое и экономическое состояние Грузии позднефеодальной эпохи не могло способствовать ее движению вперед. От времен монгольского ига страна унаследовала общий упадок жизненного уровня, погибло много памятников культуры, заглохли центры научной и литературной деятельности. Казалось, окончательно замолк язык Руставели. Но и в таких тяжелых условиях грузинский народ не впал в отчаяние, сохранял бодрость духа, любовь к искусству и литературе. В XVI-XVIII веках Грузия выдвинула немало незаурядных талантов — мыслителей, поэтов, ученых. В силу известных исторических причин в среде некоторой части грузинской феодальной аристократии стал насаждаться персидский язык и персидско-мусульманский ("кизылбашский") образ жизни, в литературе усилилось влияние вычурной персидской поэзии, появились отдельные чрезмерные ее поклонники. Передовые силы грузинского общества, опираясь на глубокие традиции древней национальной культуры, вели непримиримую борьбу против опасного проникновения в общественную жизнь и культуру иноземного влияния. Для грузинской литературы XVII-XVIII веков характерно упорное стремление к преодолению чуждого влияния и к утверждению народно-национальных основ своей духовной культуры.

Последовательным проводником персидского влияния на грузинскую поэзию был известный поэт и царь Теймураз I (1589-1663 гг.). Получив солидное персидское образование, воспитывавшийся при дворе шаха Абасса I (1557-1628 гг), он в совершенстве овладел персидским литературным языком, подпал под влияние поэзии позднесредневекового Ирана и попытался пересадить на родную почву ее формалистические приемы. Как известно, многие персидские поэты XV-XVI вв. полностью игнорируя смысловую сторону стихов и занимаясь преимущественно, а зачастую и исключительно, изысканием чистейших форм, создавали "головоломные фокусы и трюки" (Е. Э.Бертельс), способствующие торможению живой мысли. Сам Теймураз хотя и был за смысловую сторону стиха и написал ряд произведений, имеющих большое художественное и общественно-познавательное значение, но следуя манере некоторых персидских поэтов, увлекался формализмом и создал целую лирическую поэму "Маджаму", состоящую сплошь из искусственных, замысловатых, нуждающихся в разгадывании трудных омонимических стихов.

Движение против такой литературной тенденции Теймураза возглавил Арчил Багратиони (1647-1713 гг.). Он осудил творческие установки своего старшего современника, ополчившись против фантастичности, сказочности и надуманности поэзии персидского толка. Критику старого и попытку обоснования нового, Арчил дает в своей поэме под названием "Диспут" или "Прения Теймураза и Руставели". В предисловии он заявляет, что будет писать только

сущую правду, отбросив все сказочное, ложное и вымышленное. Говоря о "ложном", "вымышленном" и "сказочном", Арчил имел в виду прежде всего заимствованные из персидской поэзии тематические и сюжетные основы поэм Теймураза — "Лейли и Меджнун", "Иосиф и Зулейха", "Роза и соловей", "Свеча и мотылек". Арчил последователен и в разрешении языково-стилистических вопросов. Он упрекал Теймураза в том, что тот засорял свои произведения варваризмами (персизмами тюркизмами), одновременно превознося чистоту родной речи. Наконец, Арчил обосновывает преимущество писательской тематики из "жизни Грузии". Таким образом, в теоретическом аспекте Арчил отстаивал правдивый, так сказать, реалистический способ изложения явлений, историко-национальную тематику и чистоту грузинского литературного языка. Нужно оговорить, что здесь не может быть и речи о реализме в обычном его толковании. Грузинский писатель XVII века очень узко трактует понятие правдивости (реалистичности), совершенно игнорируя понятия образности и типичности.

Несмотря на узость и ограниченность суждений Арчила, его литературные взгляды и творческие установки нельзя не признать новыми, свежими и прогрессивными в истории грузинской общественной мысли и художественной литературы того времени. Арчил высмеял абстрактную любовь соловья к розе, свечи к мотыльку, Меджнуна к Лейле; он призывал писателей ориентироваться на действительность, заняться животрепещущими актуальными вопросами современности, излагать жизненные явления точно и занимательно. Арчил порицал субъективно-созерцательное отношение писателей к жизни, требовал от них суровой правды, объективного освещения и ясной политической оценки исторических событий и деяний исторических личностей.

Арчил первым в истории грузинской литературы остро поставил вопрос о несправедливости социально-имущественного неравенства людей, хотя в силу классово-исторической ограниченности, он не пошел дальше религиозно-нравственного его толкования. Его новаторский творческий метод развили, расширили и углубили Сулхан-Саба Орбелиани (1658-1725гг.) и Давид Гурамишвили (1705-1792гг.).

Из богатого литературного наследия С.С.Орбелиани наибольшего внимания заслуживает "Мудрость лжи" или "Мудрость вымысла". Это — сборник поучительных басен, притч, парабол и разных коротеньких новелл, идейно и сюжетно объединенных между собой общей фабульной канвой. В этом отношении "Мудрость вымысла" принадлежит к типу широко распространенных в мировой литературе, особенно на Востоке, так называемых обрамляющих повествований.

В "Мудрости вымысла" ясно отразились просветительские идеи Орбелиани, его вера во всепобеждающую силу разума и знаний. Автор ратует за всесторонне развитого и просвещенного человека, полагая, что невежество является первопричиной общественных зол. По мнению Орбелиани, физическое воспитание обуславливает умственное и нравственное развитие молодежи, поэтому он предлагает подростка воспитывать в условиях труда и физической закалки. По воззрениям Орбелиани, изнеженность и баловство приучают подростка к лени и праздности, притупляют его умственные способности, морально уродуют, развивают злые эгоистические страсти, делают безвольным и жестоким. Чтобы стать человеком выносливым и терпеливым, нравственно устойчивым и гуманным, любящим свой народ и заботящемся о нем, подросток должен пройти суровую жизненную школу труженика, простолюдина. С.С.Орбелиани требует от молодежи трудолюбия, усидчивости и прилежания.

"Мудрость вымысла" разоблачает нравственные пороки феодального общества, социальное изуверство, власть имущих классов. Он резко осуждает

невежественных и жестоких царей, в чьих преступных руках часто оказывается судьба народов. Будучи сторонником сильной, целостной централизованной монархии, С.С.Орбелиани бичует партикуляризм владельных князей, внутреннюю разобщенность дворянского государства, феодальный разлад и междоусобицу, "Сила в единстве", провозглашает писатель. Он не щадит коварных и лстивых царедворцев, клеймит насильников, взяточников и легкомысленных судей, вероломных и продажных посредников, гнусных лжесвидетелей, клеветников и ябедников и т.д. По достоинству достается и купцам, ростовщикам, мелким сельским управителям (старшинам, десятникам) за их корыстолюбие, насилие и беззаконие. С.С.Орбелиани изоблачает нравственное падение, фарисейство, заносчивость и жадность духовенства, высмеивает ханжеское паломничество по "святым местам", лицемерие и притворство при исполнении "священных таинств" и т.д. С.С.Орбелиани образно нарисовал мрачную, но реалистическую картину общественно-политической жизни Грузии позднефеодального периода. Однако, разоблачая и высмеивая социальные и нравственные пороки, он проявлял великую любовь к человеку и заботу о нем, он верил в светлое будущее своего народа и всего человечества.

В творчестве Давида Гурамишвили с необычайной силой сказывается страстный политический порыв и мощный гражданский пафос. Во вступлении к своей замечательной поэме "Беды Грузии" Д.Гурамишвили изложил свои общественно-политические и литературные взгляды о том, что писатель всегда должен открыто излагать жизненную правду, сколь прискорбна бы она ни была в действительности. Поэт прекрасно понимал, что высказываться правдиво, значит развенчивать пороки, вскрывать язвы общественно-политической жизни. Он не забывал, что "обличителю нередко не прощают обличения", но и что "стране забвенье правды не приносит облегченья". Д. Гурамишвили. мучительно переживал тяжелый исторический кризис своей страны, доведший ее почти до полного истощения. Вспоминая обездоленную родную землю, перед которой он считал себя в долгу, обнаруживал "слишком много дел позорных", поэт "очевидец дней печальных" — не мог молчать, не мог без отвращения смотреть на разлад и разброд, на крушение общественных, политических, культурных, моральных и бытовых устоев жизни Грузии, на безжалостную эксплуатацию трудового люда, на распущенность временщиков, предателей родины и своего народа, низких и продажных дельцов, подлых лицемеров и злобных человеконенавистников. "Порицать злодеев нужно", говорит поэт. Великая правдивость Д.Гурамишвили проявилась в том, что главной причиной неопикуемых бедствий Грузии своего времени он считал не разбойничьи безчинства внешних врагов, а причины внутреннего порядка, забвение общественно-государственных интересов, торжество социального разбоя и необузданность низменных страстей в жизни господствующего феодального слоя как светского, так и духовного.

Поэма "Беды Грузии", задуманная и написанная в строго эпическом плане, проникнута глубоким лиризмом. Поэт подробно рассказывает о своих тяжелых злключениях, о своей судьбе, в которой реально отразилась историческая правда жизни народа.

Д.Гурамишвили волнующе воспел в своих стихах трогательное благородство и сердечность простого русского человека, прелесть и очарование украинской девушки из Зубовки. Действие его второй крупной поэмы "Веселая весна" или "Пастух Кацвия" развивается на фоне великолепных степных просторов Украины. Персонажи этой поэмы и детали носят явный отпечаток украинской действительности. Вообще украинизмами окрашены многие произведения грузинского поэта Д.Гурамишвили, который жил на Украине не один десяток лет. Он умер и похоронен в Миргороде.

С именем С.С.Орбелиани и Д. Гурамишвили связана демократизация грузинского литературного языка. У народа черпали они творческое вдохновение, у народа учились простоте и легкости выражения, ясности мысли и прозрачности стиля. Характерно, что значительная часть стихов Д.Гурамишвили воспроизводит музыкально-мелодические напевы грузинского, русского, украинского и, отчасти, польского фольклора.

В творчестве Арчила Багратиони, Сулхана-Саба Орбелиани и Давида Гурамишвили нужно искать истоки грузинского реализма. Это своеобразный ранний реализм, реализм стихийный, находящийся в стадии развития и становления, но все же достаточно определившийся реализм с его приемами и характерными чертами.

Развитие древнегрузинской литературы фактически замыкают два выдающихся поэта — Саят-Нова и Бесики.

Саят-Нова (1722—1801) знаменитый поэт Закавказья, По социальному происхождению — крестьянин, армянин по национальности, родился, духовно возмужал и творчески развился в Грузии (Тбилиси); писал стихи и пел на армянском, грузинском и азербайджанском языках. Некоторое время Саят-Нова был придворным поэтом и сазандаром царя Ираклия II-го, которого называл "душою и сердцем всея Грузии", по-ашугски откровенно и просто посвящая ему лирические стихи. Однако около 1765 с Саят-Нова, сделавшись жертвой злостной клеветы со стороны дворцовых кругов, был изгнан. Саят-Нова, тяжело переживая свое изгнание, яростно нападает на злоязычников, намекая на представителей аристократических слоев общества. "Злому человеку в чем пригодится его родовитость?" — говорит поэт и горестно продолжает: "Некоторые люди пресмыкаются как черви, полные змеиного яда".

Грузинские стихи Саят-Нова в основном проникнуты жизнерадостным настроением. Он — поборник веселой, здоровой и разумной жизни, жизни полной благородных человеческих побуждений, любви, романтических увлечений. Саят-Нова — певец вина, меджлиса, красавиц. Но он не впадал в крайность: он воспевал разумное начало в весельях, осуждал излишества и грубость. В былые времена поэт горделиво заявлял: "Слово скажет Саят-Нова, громом грянут небеса". Однако события, связанные с изгнанием, наложили глубочайший отпечаток на его творчество. Разочарованный поэт впал в страшное уныние, отвернулся от жизни (между прочим, постригся в монахи), проклял мир, "презренный и преходящий", разоблачив вероломство и гнусность людей. Саят-Нова с глубокой лиричностью передает свои меланхолические, а порой и тяжелые пессимистические настроения, вызванные превратностями судьбы. "Я не выдержу эту (гнетущую) скорбь" — прорывается у него. Отчаявшись, поэт, потеряв веру в благородство человеческой души, отгораживается от окружающей среды, замыкается в свой собственный внутренний мир переживаний.

В поэзии Саят-Нова мотивы отрешения и скорби носят глубокий социальный смысл. Эти мотивы обусловлены не столько личными невзгодами поэта, сколько невзгодами того общественного класса, к которому он принадлежал. Саят-Нова то негодуя бичевал заносчивое и высокомерное "родовитое" грузинское феодальное общество конца XVIII в., то искренней скорбью выражал свой протест против порочных социальных устоев своего времени.

Бесики (1750-1791) — поэтическое прозвище Бессариона (Виссариона) Габашвили. Вначале он подвизался при дворе царя Ираклия II-го, затем был изгнан из Картли, убежище нашел в Имерети. В качестве посланника имеретинского царя находился при ставке фельдмаршала Потемкина на Украине и в Молдавии. Умер в Яссах, где и похоронен.

Бесики погиб в расцвете своих творческих сил; жизненные обстоятельства не способствовали плодотворной литературной деятельности поэта, его архив безвозвратно, погиб на чужбине. Несмотря на это Бесики все же оставил значительный след в истории грузинской поэзии. Он известен преимущественно как тонкий лирик, восторженный певец пылкой любви. Поэт красочно и выразительно воспевает женскую красоту, в самых нежнейших ее проявлениях, чувства любви передаются у Бесики исключительно звучными и изящными стихами.

Перу Бесики принадлежит также ряд торжественных од и эпистолий; особой славой пользуется его патриотическая ода-поэма "Аспиндза" или "Аспиндзская битва" в честь блестящей победы грузинских войск в 1770 г. у местечка Аспиндза (в южной Грузии) над вторгшимися турецкими полчищами. Бесики вдохновенно превозносит доблесть, мужество и военно-стратегический талант аспиндзского героя, полководца Давида Орбелиани. Давиду Орбелиани посвятил Бесики также большой цикл поэтических посланий издалека.

Во многих лирических стихах Бесики жалуется на свою судьбу, бичуя мимолетный, изменчивый мир. Он написал сатирическую поэму на бытовую тему "Невестка и свекровь", в которой реалистически, но явно преувеличенно и шуточно изображает сцены семейного разлада. Должное достается в поэме невежественному и алчному служителю церкви — попу духовнику. Много писал Бесики едких сатирических стихов и эпиграмм, направленных, главным образом, против высокомерного и заносчивого поэта-аристократа Мзечабука Орбелиани, злобно высмеивавшего его социальное происхождение (ближайшие предки Бесики были крестьянами).

Поэтическая речь Бесики отделана мастерски; он смелый новатор в области версификации и словотворчества, оказавший громадное влияние на грузинскую поэзию конца XVIII и начала XIX вв. Однако, в поэзии Бесики чувствуется некоторое тяготение к риторичности, к искусственной словесной изошренности, к чрезмерному увлечению внешней отделкой стиха в ущерб его смысловой стороне.

В новых историко-культурных условиях продолжала развиваться грузинская литература в XIX веке, в лучших своих образцах ярко отражая социальные чаяния народа и его национально-освободительную борьбу против царского режима.

А.Барамидзе
акад. АН ГССР

ЯКОВ ЦУРТАВЕЛИ

МУЧЕНИЧЕСТВО ШУШАНИК

(Мученичество святой царицы Шушаник)

Теперь же я расскажу вам правдиво о кончине святой и блаженной Шушаник.

1. И было, в восьмой год царя персидского ко двору царскому направился питиахш Варскен, сын Аршуши. Вначале он был христианином, рожденным от родителей — христиан. Женой его была дочь армянского военачальника Вардана, о которой пишу вам это. Отеческое ее имя было Вардан, а ласкательное — Шушаник. Со дней младенчества своего она была богобоязненная, как об этом говорили мы. Она постоянно размышляла о нечестивом образе жизни своего мужа и просила всех молиться за него, чтобы бог обратил его от неразумия к разумению Христа.

Кто в состоянии поведать, как этот нечестивый, трижды жалкий и в конец обреченный Варскен отверг спасительную надежду Христову, или кто не восплачет о нем, ибо он не изведал ни бедствий, ни страха, ни меча, ни узничества за Христа [тем не менее изменил ему]!

Он предстал перед царем персидским не для восприятия чести, а чтобы принести себя в жертву ему через отречение от истинного бога и поклонение огню, ибо он всецело отказался от Христа. Чтобы угодить царю, прежалкий сей выпрашивал у него жену себе и говорил ему так: "Настоящую жену свою и детей своих также обращаю в твою веру, как обратился я сам". Он обещал ему то, что еще не было дано ему в руки от Шушаник. Царь обрадовался и приказал дать ему в жены дочь царя.

II. Питиахш отбыл от царя персидского. Когда он добрался до пределов Картли, — до страны Эретской, вознамерился известить [о своем прибытии] азнауров, сыновей своих и слуг, чтобы, выйдя на встречу ему, они ввели его в страну свою, как преданного ей. Впереди он отправил верхом на коне посла, который приехал в место, называемое Цуртави.

Когда он прибыл, вошел к царице нашей Шушаник и приветствовал ее. Блаженная Шушаник, как бы предчувствуя, сказала: "Если он жив душою, будь жив и ты; если же вы уже умерли душою, приветствие твое да возвратится к тебе". Человек тот не дерзнул ответить ей. Святая же Шушаник заклинала его и настойчиво спрашивала. Тот открыл ей правду и сказал: "Варскен отказался от истинного бога".

Когда блаженная Шушаник выслушала это, она упала на землю и, припадая к ней головой, в горьких слезах говорила: "Каким жалким стал Варскен, он отверг истинного бога, исповедал атрошан и присоединился к безбожным!"

Она встала, покинула дворец свой и богобоязненно вошла в церковь, куда привела с собою трех своих сыновей и дочь. Поставив их перед алтарем, она молилась следующими словами: "Господи, боже! Ты мне их даровал, ты же сохрани их, просвещенных в святой купели благодатью духа святого, дабы они составляли едино стадо единого пастыря, господя нашего Иисуса Христа".

По совершении вечерней службы она нашла маленькую келью по близости к церкви, вошла в нее, полная огорчений и, притаившись в одном из углов ее, плакала горькими слезами.

III. Епископа питиахшского двора, которого звали Афоцом, не было тогда там, он отправился на дом к некоему мужу по какому-то делу, причем забрал с собою и меня, духовника царицы Шушаник. Вдруг прибыл из дворца диакон и рассказал все: о приезде питиахша и поступке царицы. Мы исполнились печали и огорченные оплакивали плачем великим умножение грехов наших.

Я раньше ушел оттуда и прибыл в то место, где находилась святая Шушаник. Видя ее страдания, я тоже плакал с нею. Я сказал ей: "Тебе, царица, предстоит претерпеть много страданий, береги веру Христову, чтобы враг, подобно гангрене, не обрел в тебе пажити". Святая же Шушаник ответила мне: "Пресвитер! Я готова для великих подвигов". Я сказал: "Так и должно быть, будь бодрой, терпеливой и выносливой". Она же сказала мне: "Эти бедствия — для меня только одной". Я ответил: "Бедствие твое — наше бедствие, радость твоя — наша радость, ибо ты была не только царицей нашей, но на всех нас смотрела как на собственных детей".

Я сказал блаженной тайно: "Скажи мне, что у тебя на душе, дабы я знал и описал подвиги твои". Она сказала: "О чем ты спрашиваешь меня?" Я ответил: "Твердо ли стоишь?" Она сказала: "Да не будет со мною, чтобы я сделалась сообщницей дел и грехов Варскена!" Я ей ответил: "Горькое у него намерение, он тебя подвергнет большим страданиям и мучениям!" Она же сказала: "Лучше мне умереть от рук его, чем опять сойтись с ним и погубить душу свою: ибо я слышала от апостола Павла: не связаны ни брат, ни сестра, пусть расходятся". "Так", сказал я.

IV. Пока мы разговаривали, явился один человек — перс, который войдя к Шушаник, с плачем сказал ей: "Как жаль, что дом сей сделался несчастным и радость его преложилась в печаль!" Он говорил лукаво и по умыслу Варскена, чтобы уловить блаженную. Святая же поняла его коварное намерение и твердо оградила себя. По истечении трех дней явился питиахш Варскен. Перс тот тайно сказал ему: "Как я догадываюсь, жена твоя бросила тебя, я советую, не говори ей сурового слова, ибо природа женщин тесна".

На другой день, как только встал, питиахш позвал нас священников и мы явились. Он весело встретил нас и сказал: "Вы не стесняйтесь меня и не презирайте". Мы же ответили: "Ты погубил себя и нас погубил!" Тогда он начал говорить: "По какому праву жена моя так поступила со мною? Подите и скажите ей: ты разрушила молельню мою и ложе мое посыпала пеплом, ты оставила свое обиталище и удалилась в другое место". Святая послала ему в ответ: "Я разрушила молельню, которую сама воздвигла? Отец твой воздвиг мартирионы и построил церкви, ты же извратил содеянное им и от всех добрых, его [начинаний] уклонился. Отец твой ввел в дом свой святых, ты же ввел дэвов, он исповедал бога небес и земли и веровал в него, ты же отказался от бога истинного и поклонился огню. Как ты отверг бога, создавшего тебя, так я отвергаю тебя. Я не буду сообщницей дел твоих, если даже подвергнешь меня жестоким мукам".

V. После этого Варскен отправил к ней брата своего Джоджика и супругу его, — жену брата своего, — также своего придворного епископа, которым дал наказ: "Скажите ей —

вставай, возвращайся на свое место и откажись от своего упрямства, иначе волоком притащу тебя".

Когда они явились, вошли к царице и долго ее убеждали. Святая сказала им: "Премудрые люди! Вы говорите хорошо, но не думайте, чтобы я осталась его женой. Я думала, что обращаю его к себе и он исповедает бога истинного: а теперь вы заставляете меня сделать обратное. Да не будет этого со мною! И ты, Джоджик, не доверяй ты мне и я не жена брата твоего, и жена твоя не сестра мне, ибо вы стоите на его стороне и являетесь сообщниками его дел". Джоджик сказал ей: "Я знаю, что он пришлет сюда своих слуг и волоком потащут тебя". Святая Шушаник ответила: "Если он свяжет меня и потащит, буду рада, ибо этим самым произведен будет суд его надо мною".

Когда это выслушали от нее, все плакали. Джоджик встал и со слезами на глазах вышел вон. Святая Шушаник сказала епископу: "Как ты хочешь уговорить меня, когда он отверг бога?" Джоджик же умолял ее, говоря: "Ты сестра наша, не губи царственный сей дом!". Святая ответила: "Знаю, что я — сестра и что мы вместе воспитаны, но того я не могу допустить, чтобы дело дошло до кровопролития и вы все оказались ответственными за это".

Так как слишком к ней приставали, святая и блаженная Шушаник встала, взяла с собою свое Евангелие и с плачем говорила: "Господи боже, ты знаешь, что я всею душою иду на смерть!". Затем она пошла с ними, забрав с собою Евангелие свое и святые книги мучеников. Когда она вошла во дворец, остановилась не в своей опочивальне, а в маленькой келье и, воздев руки вверх, сказала: "Господи боже, в этом собрании не нашлось никого, кто бы сжалился надо мною, ни среди священников, ни среди мирян, но все передали меня на смерть врагу божьему Варскену!".

VI. Спустя два дня, явился во дворец волк тот и сказал слугам своим: "Сегодня я и Джоджик с женою вместе будем вкушать пищу, и никто другой не должен войти к нам". Под вечер пригласили жену Джоджика, чтобы вкушать пищу вместе, велели привести и святую Шушаник. Когда настало время есть, Джоджик с женой вошли к Шушаник, чтобы пригласить ее вкушать пищу, ибо все те дни она провела голодной. Ее вынудили и силою взяли во дворец, но ни до чего она не дотрагивалась. Жена Джоджика преподнесла ей стакан вина и принуждала ее выпить его. Святая Шушаник с гневом сказала ей: "Когда это бывало до сих пор, чтобы мужчины и женщины вместе вкушали хлеб?" И, протянув руку, швырнула ей в лицо стакан, который разбился, причем вино разлилось.

Тогда Варскен стал непристойно ругать ее и топтать ногами своими. Он взял кочергу и нанес ей по голове такой удар, что кочерга врезалась ей в голову, от этого у нее распух один глаз. Он бил ее безжалостно кулаками по лицу, волочил по земле за волосы, ревел как разъяренный зверь и кричал, как бешенный. Тогда поднялся на помощь Джоджик, брат Варскена, последний в схватке избил и его, а у Шушаник сорвал с головы покрывало. Джоджик с трудом отнял ее у него, как ягненка у волка. Святая Шушаник, как мертвая, лежала на земле, Варскен же ругал ее родственников и называл ее разорительницей его дома. Он приказал связать ее и заковать ноги в кандалы. Когда ярость его немного улеглась, пришел перс тот и горячо умолял его освободить от уз святую Шушаник. Вследствие усиленной просьбы Варскен приказал развязать ее и поместить в одной комнате, приставить к ней для тщательной охраны одного из его слуг и не впускать туда для свидания с нею никого, ни мужчины, ни женщины.

VII. На рассвете следующего дня он вспомнил о ней и спросил у стража: "Как она чувствует себя от ран?" Ему ответили: "Не выживет она". Тогда он сам вошел туда и, увидев ее, удивился громадной опухоли на ней. Он дал приказ стражу, чтобы никто не входил к ней, сам же отправился на охоту.

Я встал и пошел к стражу и просил: "Впусти меня одного, чтобы видеть раны ее". Тот же ответил: "А вдруг он узнает и убьет меня!" Я же сказал: "Несчастный, не ею ли ты воспитан? Что из того, если даже и убьют тебя из-за нее?" Тогда он впустил меня тайно. Войдя, я увидел лицо ее растерзанное и опухшее и стал горячо плакать. Святая же сказала мне: "Не плачь обо мне, ибо ночь эта сделалась для меня началом радости". Я сказал ей: "Прикажи мне и я смою кровь с лица твоего и пепел, которым засыпаны глаза твои, смажу мазью и обложу лекарством, авось, за ночь и выздоровеешь". Святая сказала мне: "Пресвитер, не говори этого, кровь эта — очищение грехов моих".

Я уговаривал ее принять немного пищи, которую присылали ей епископы Самуил и Иоанн, ибо они тайно заботились о ней и утешали ее. Она мне сказала: "Пресвитер! Я не в состоянии отведать пищу, ибо челюсти и половина зубов сокрушены у меня". Тогда я взял немного вина, размочил в нем хлеб и она немножко поела. Я спешил выйти, святая сказала мне: "А что, пресвитер, не отослать ли мне ему его украшения? Как бы он сам не потребовал их, мне ведь они не нужны в этой жизни!". Я ответил: "Не спеши, пусть останутся с тобою!"

Когда мы разговаривали, пришел отрок один и спросил: "Тут ли Яков?" Я сказал ему: "А что ты хочешь?" Он сказал: "Питиахш зовет". Я удивился, зачем он зовет меня в такое время? Я поспешно явился к нему. Он сказал: "Знаешь, священник, я отправляюсь на войну с гуннами и не хочу оставить ей мои украшения, раз она не жена мне, найдется кто-нибудь, кто использует их.

Поди и доставь мне все, что там есть". Я пошел и рассказал все Шушаник, она очень этому обрадовалась, возблагодарила бога, отдала мне все, а я отнес их питахшу. Он принял их от меня, осмотрел и нашел, что все на лицо. При этом он прибавил: "Найдется еще кто-нибудь, кто разукрасится ими".

VIII. Когда наступил великий пост, блаженная Шушаник нашла поблизости к святой церкви маленькую келью, в которой она и уединилась. Келья имела малюсенькое окошечко; она забила его и пребывала в темноте, посте, молитвах и слезах. Один из приближенных к питахшу сказал ему: "Текущим великим и святым постом не говори ей ничего".

Когда настал пасхальный понедельник, питахш вернулся с гуннской войны, дьявол копался у него в сердце. Он встал, пошел в церковь и сказал епископу Афоцу: "Отдай мне жену мою, зачем ты ее отдаляешь от меня?" И стал он резко злословить и хулить его. Один из священников сказал ему: "Господин, зачем ты так поступаешь, злословишь и ругаешь епископа и гневаешься на святую Шушаник?" А он трах его палкой по спине, тот, конечно, больше не смел говорить.

И он волоком потащил ее, как мертвую, по земле и колючкам, которыми по местам нарочно была устлана земля от церкви до дворца и по которым он сам ступить не мог. Тело Шушаник и головное ее покрывало истерзано было колочками на мелкие клочки. В таком виде ее доставили во дворец. Он приказал связать ее и в злобе говорил: "Вот, не помогли же тебе ни церковь твоя, ни пособники твои — христиане, ни бог их". Она претерпела триста ударов палкой, причем ни одного вздоха, ни одного стона не было слышно из ее уст. Она только сказала нечестивому Варскену: "Несчастный, ты не пожалел самого себя и от бога отказался, меня ли тебе жалеть?"

Когда он увидел кровь, которая в изобилии сочилась из нежного ее тела, распорядился возложить на шею ей цепи, а постельничему своему приказал отвести ее в крепость и заключить в темницу, чтобы она там умерла.

IX. В то время, когда Шушаник выводили из дворца, с нею рядом стоял один из дьяконов епископа того. Он хотел сказать ей: "Твердо стой!" Питахш уловил это взглядом, так что дьякону не удалось договорить до конца, он только и успел сказать: "твер..." и замолчав, поспешно обратился в бегство.

Тогда взяли святую Шушаник и повели ее необутую, с растрепанными волосами, как одну из униженных. Никто не осмеливался прикрыть ей голову, так как питахш следовал за нею верхом на лошади и ругал ее всевозможной руганью.

Святую Шушаник сопровождала громадная толпа, бесчисленное множество мужчин и женщин. Они, следуя за нею, плакали громко, царапали себе щеки и проливали горькие слезы. Она, обернувшись к народу, сказала: "Не плачьте, братья и сестры и дети мои, но помяните меня в молитвах, с этого времени я расстаюсь с вами, вы не увидите меня больше, ибо живую я не выйду из заключения". Когда питахш увидел толпу плачущих женщин и мужчин, старых и юных, стал преследовать их верхом на лошади и разгонять их.

Когда подошли к крепостному мосту, питахш сказал святой Шушаник: "Тебе это только и осталось пройти своими ногами, ибо не выйдешь отсюда живую, четыре человека вынесут тебя".

Войдя в крепость, нашли с северной стороны маленькую, темную комнату, в которую и водворили святую. Цепи, бывшие у нее на шее, так и остались на ней, нечестивый Варскен припечатал их своею печатью. Святая Шушаник сказала: "Я рада страдать здесь, лишь бы там найти упокоение". Питахш ответил ей: "Ну, да, найди упокоение!"

Тогда он приставил к ней стражу и приказал уморить ее с голоду, при этом сказал: "Если кто войдет к ней, мужчина или женщина, берегите головы вешки, жен, детей и дома ваши, я не буду повинен в том, что сделаю с вами".

X. Варскен вышел из крепости; спустя три недели, он призвал одного человека из стражи и спросил: "Неужели эта несчастная до сих пор еще жива?" Тот ответил: "Господин, она ближе к смерти, чем к жизни, морит себя голодом, не принимает никакой пищи". Питахш сказал: "Не беспокойся, оставь, пусть помрет!"

Я много упрашивал стража, обещал ему приличное даже вознаграждение, и он с трудом решился впустить меня, он сказал: "Когда стемнеет, приходи ты только один". Когда тот ввел меня и я увидел агницу Христову, словно невесту разукрашенную, только узами, не вытерпело сердце мое и заплакал горько. Святая же сказала мне: "За это ли доброе дело ты плачешь, пресвитер?" Страж сказал мне: "Если бы я знал это, не впустил бы тебя сюда". Я стал говорить с нею и ободрять ее, насколько бог вразумил меня, затем оставил ее, я поспешил к себе домой.

Питахш отправился в Чор. Джоджик, брат его, отсутствовал, когда с Шушаник проделывали все это. Когда он вернулся, поспешил вслед за питахшом и догнал его на границе Эрети. Он его усиленно просил освободить Шушаник от цепей. Так как он слишком ему надоел, Варскен приказал освободить ее только от оков. Вернувшись домой, Джоджик снял с шеи Шушаник цепи, от ножных же кандалов она не хотела освободиться до самой смерти своей.

Шесть лет она пробыла в заключении и украсилась добродетелями: постом,

бодрствованием, стоянием на ногах, неослабными поклонами и непрерывным чтением книг. Она сделалась духовной цевницей, освещающей и украшающей темницу.

XI. С тех пор про нее стали говорить по всей Картли. Приходили к ней мужчины и женщины с обильными, заранее обещанными, приношениями, при этом каждый, по молитвам блаженной Шушаник, получал от человеколюбивого бога то, в чем он нуждался: бездетные — детей, больные — исцеление, слепые — прозрение.

Была одна женщина, персиянка — огнепоклонница, которая болела проказой. Она пришла к Шушаник, которая стала убеждать ее оставить огнепоклонство и уверовать во Христа! Женщина захотела исполнить это как можно скорее. Шушаник наставляла ее и говорила: "Отправляйся в Иерусалим и получишь исцеление от этой проказы". Та усердно вняла ее наставлению, отправилась по указанному ей пути и именем бога нашего Иисуса Христа исцелилась от болезни. Когда она вернулась назад с великой радостью, пришла к святой Шушаник поблагодарить ее, а потом отправилась домой, радуясь исцелению своему.

XII. Святая Шушаник вместо того, чтобы заниматься вышиванием по шелку, с большим усердием взяла в руки Псалтырь и за короткое время выучила 150 псалмов, в которых днем и ночью возносила слезные молитвы ко всевышнему владыке.

Святой Шушаник доложили: "Он детей твоих обратил в идолопоклонство". Тогда она, рыдая глубоко, стала молиться богу и, преклонив голову до земли, вздыхала и говорила: "Благодарю тебя, господи боже мой, ибо они были не мои, а ты их мне даровал, да будет воля твоя, господи, как тебе угодно, сохрани меня от вражьих дел".

Я явился к Шушаник и нашел ее изможденной и распухшей от плача. Оказалось, что святой тот епископ прислал ей пищу, я силою заставил ее отвесть пищу. Мы вдвоем благодарили бога. Раньше дети ее являлись к матери навещать ее, после же того, как их отвратили от бога и обратили [в огнепоклонство], они не осмеливались приходить, ибо она не хотела даже слышать имя их.

XIII. Питиахш прислал посредников сказать ей: "Или выполни мою волю и возвращайся во дворец, или же, если не вернешься, отправлю тебя на осле в Чор или ко двору царя [персидского]". Шушаник ответила ему: "Несчастный и неразумный, кто знает, что, если ты меня отправишь в Чор или ко двору, я там не обрету добро и не избежну зла!" Питиахш стал раздумывать о ее словах: "Кто знает, может быть я там обрету добро", "как бы там она не стала женою какого-нибудь князя". Поэтому с тех пор никого не подсылал к ней. Святая же Шушаник на самом деле говорила о жестоких муках и страданиях, которыми хотела угодить богу.

Питиахш выбрал близкого к себе молочного ее брата и поручил ему доставить ее во дворец. Тот ей сказал: "Послушайся меня, вернись во дворец и не разорь семьи нашей". Шушаник ответила: "Передай этому безбожнику: ты меня убил, когда пригрозил, что живую на ногах не выйду из темницы. Теперь, если ты в состоянии воскресить мертвую, воскреси прежде всего свою мать, которая похоронена в Урде. Если же ты не в состоянии ее воскресить, не в состоянии будешь вывести меня отсюда, разве только волоком вытащишь". Когда об этом донесли питиахшу, тот сказал: "Да, действительно так сказал ей".

На другой день вошел некий муж и сказал святой Шушаник: "Ты хорошо ему ответила, он таким путем хотел обмануть тебя, в душе своей он лелеял другую мысль — причинить тебе зло". Святая Шушаник ответила ему: "Ты не думай, что спит бог, который наперед влагает в уста человека слова, ведь сам он говорит: я буду отвечать за вас".

XIV. Исполнилось шесть лет пребывания ее в темнице. Вследствие сильного переутомления, от чрезмерных подвигов она заболела, "об этом я предупреждал ее: "Не пересаливай, столь суровым постом, постоянным стоянием на ногах, еженощным утомлением, псалмопением и славословием ты обременяешь тело свое, оно не выдержит и ты не в состоянии будешь творить добрые дела". Она малейшего даже покоя не давала плоти своей, вследствие чего вся растаяла и превратилась как-бы в пепел.

В течение шести лет великим предпасхальным постом, — 50 дней, — она не садилась ни днем, ни ночью, не засыпала, не принимала никакой пищи, только в воскресный день причащалась тела и крови Христа бога нашего, равно как принимала очень мало похлебки из зелени, хлеба же не вкушала до самой пасхи.

С того дня, как ее перевели в темницу, она не знала подушки, а клала в изголовье кирпич, постелью ей служил старый войлок, а для вида у изголовья держала одну подушку из шерсти, для коленапреклонений разостлана была маленькая рогожка. В том месте копошилось невообразимое количество вшей и блох, [а природа местности была такова]: в летнее время палящие, подобно огню, лучи солнца, знойные ветры и болезнетворная вода. Обитатели той местности, одержимые болезнями, распухшие и пожелтевшие от воды, покрытые сыпью, увядшие, зараженные чесоткой, страдающие болезнью лица, с раздутыми щеками, живут столь кратковременно, что стариков в этой местности не бывает. Вот в такой темнице шесть лет сидела она, прославляя бога в тяжелых веригах.

XV. Когда наступил седьмой год, на теле святой и преблаженной Шушаник появились язвы. От непрерывных трудов у нее распухли ноги, из которых по местам выступал гной. В глубоких ранах завелись черви. Она взяла одного из них собственными руками, показала мне и, возблагодарив бога, сказала: "Пресвитер! Пусть это не смущает тебя, ибо "тамошний" червь крупнее [этого] и не умирает". Когда я увидел червя, на меня нашла невыносимая скорбь и я сильно заплакал. Она мне заметила с гневом: "Пресвитер! Чего ты скорбишь? Лучше, чтобы в этой земной жизни ели меня "черви умирающие", чем там — "неумирающие". Я ей ответил: "Власяницу нашла недостаточной для умерщвления плоти и потому обрадовалась этим червям?" Она меня просила: "При жизни моей никому не говори о власянице, мне вскорости предстоит расстаться с брэнной плотью". И действительно, снутри она носила власяницу, о чем, кроме меня, никто не знал, а снаружи, для вида, одежду из дорогой антиохийской материи.

XVI. Когда Джоджик узнал, что святая и блаженная царица Шушаник приближается к смерти, он вместе с женой, детьми, рабами и рабынями своими отправился в темницу повидать святую мученицу. Придя туда, он силой проник в темницу, поклонился честному кресту и приветствовал святую Шушаник. Усевшись рядом с нею, он расспрашивал ее о болезни. Святая сказала ему: "Я чувствую себя хорошо, так, как угодно богу, но я тоже отправлюсь по тому пути, по которому все идет".

Джоджик сразу поднялся и стал исповедываться перед Шушаник в прошлых своих недостойных поступках, говоря: "Невеста и рабыня Христа, попроси у бога, чтобы он простил мне множество моих грехов". Святая Шушаник ответила ему: "Если ты не иначе, как по юности грешил, бог да простит". Джоджик сказал: "Я потому и пришел к тебе, чтобы больше не делать того, что негодно богу". Шушаник сказала: "Если так будешь поступать, то обретешь бессмертие со мною, и бог умножит дни твоей жизни".

Когда Джоджик убедился, что она в тот же день разделится с плотью своею, сказал ей: "Благослови меня, жену мою — рабыню твою, детей моих и рабов с рабынями и, если в чем-нибудь согрешили мы пред тобою, как преданные миру и временной сей жизни люди, прости нас и не вспоминай нерадивой нашей жизни" Шушаник сказала Джоджику и жене его: "Вы были нерадивы ко мне, не нашлось никого из людей, кто бы проявил ко мне жалость и показал соболезнование и кто вразумил бы нечестивого Варскена, временно бывшего моим мужем". Те сказали: "Мы без тебя много старались, но не было от него ни слуха, ни слова". Тогда святая Шушаник сказала: "Меня и питахша Варскена рассудят там, где нет лицепрятия пред судьей судей и господом господ, где нет различия между мужчиной и женщиной, где я и он одинаково будем держать речь перед господом нашим Иисусом Христом. Да воздаст господь ему, ибо он преждевременно собрал плоды мои, погасил светильник мой и засушил цветок мой, прелесть красоты моей омрачил и славу мою унизил. Пусть бог будет судьей между мною и им. Я же ныне благодарю бога за то, что через причиненные им мне страдания я обращаю отраду, а через муки и поношения, — покой; за безрассудство и безжалостность его я жду милости от Иисуса Христа, господа моего".

При этих словах они горько плакали и говорили ей: "Прости нам вину нашу и благослови нас, святая и блаженная мученица Христа бога нашего". Святая Шушаник ответила: "Бог да простит вам все, что вы сделали". Тогда она благословила Джоджика, жену, детей, рабов и рабынь, весь двор и всю палату его. Она заповедала им ходить путем божьим и сказала: "Вся здешняя жизнь мимолетна и непостоянна, как цветок полевой, кто посеял, тот и пожал, кто расстил для нищих, тот собрал, кто пожертвует собой, тот обретет прославившего его". Потом она рассталась с ними и отпустила их с миром.

XVII. После Джоджика прибыл глава епископов Самуил и клирик его, епископ Иоанн, которые обычно укрепляли ее и много о ней заботились. Они с домочадцами своими являлись как бы привязанными к ней рабами, а также сообщниками и соучастниками ее подвигов. Поэтому то они и напутствовали ее в пристанище Христа. Пришли равным образом великие азнауры и высокородные женщины, также свободные и несвободные [в социальном отношении] страны Картлийской и те, которые искренне сочувствовали блаженным ее подвигам. Они вручали ее Христу, как доблестную и мужественную [мученицу].

Все они, и епископы, и азнауры, единодушно просили ее, чтобы она соблаговолила оставить им ножные кандалы в благословение и защиту. На это Шушаник ответила: "Кто я недостойная? Пусть священник исполнит желание ваше за вашу любовь к богу. Я бессильна, но пусть всесовершенный Христос исполнит вас всяких благ, так как вы потрудились и сделали сообщниками страданий, скорбей и мук моих. Я, возлюбленные, отправляюсь в предуготованный мне вечный путь. Вместо скорбей Христос да даст мне радость, вместо мучений — покой, за страдания, муки и поношения я обращаю на небе бесконечную славу и честь". Те, расставшись с нею, вышли из темницы, полные слез, и возносили богу славу за одержанную ею победу.

XVIII. Настал день ее отшествия [от мира сего]. Она позвала епископа дома своего Афоца и благодарила его, как отца и воспитателя, за сострадание к ней. Она поручила ему меня,

грешного и убогого. Поручила ему также попечение о своих костях, завещав положить их там, откуда ее вытащили первый раз, при этом сказала: "Если я, последняя, одиннадцатая работница в винограднике, чего-либо стою, благословляю вас на вечные времена".

Она поблагодарила бога и сказала: "Благословен господь бог мой, ибо с миром я легла и заснула", и предала душу господу, принимающему всех.

XIX. Блаженный епископ Иоанн немедленно достал саван, чтобы одеть в него святые и честные ее останки. Все мы подняли изможденное и изъеденное червями тело ее, очистили его от червей земных и от гноя и одели в саван. Тогда оба епископа, Афоц и Иоанн, как два сильных запряженных вола высокой ценности, со всем собранием вместе, подняли честные ее останки и, с пением духовным, зажженными свечами и каждением благоуханий, вынесли во святую церковь. Там в приготовленном месте похоронили святые, славные и всечестные останки Шушаник. Ту ночь мы провели, на подобие ангелов, в бодрствовании и на цевнице Давида славили всемогущего бога и сына его, господя нашего Иисуса Христа, который в силах исполнить всем [просимое] и дать крепость всем мужчинам и женщинам. Он всем, ищущим его усердно, действительно дает победу над сильными.

XX. Страдания святой Шушаник начались в среду, в восьмой день месяца Апана, вторичное ее мучение имело место вслед за праздником пасхи, в понедельник. В третий раз мучили ее в 19 день месяца Роз. Преставилась же она в 17 день октября месяца, в праздник святых и блаженных мучеников Космы и Дамиана. Днем памяти святой Шушаник мы установили четверг, для прославления и восхваления бога отца и сына и духа святого, ему же слава во веки веков. Аминь!.

ИОАНН САБАНИСДЗЕ

МУЧЕНИЧЕСТВО АБО ТБИЛЕЛИ

(Страдание святого и блаженного Христова мученика Або, который замучен был в Картли, в городе Тбилиси от рук Сарацин. Составлено Иоанном, сыном Сабана, по повелению Самуила, во Христе католикоса Картлийского)

Я, Самуил, во Христе Картлийский католикос, господина Иоанна, сына Сабана, духовного сына святой католической церкви и возлюбленного нашего, молитвенно о господе приветствую!

Мы сами знаем преданность твою благочестию и дарованное тебе богом знание божественных книг, равно как ревность твою по упражнению в добрых делах. Ты сам знаешь блаженного сего нового мученика Або, который пострадал в наши дни в качестве молитвенника за нас и за всю нашу страну Картли.

Я желаю, чтобы описано было мученичество его, подобно мученичеству первых тех страдальцев за Христа, и положено было во святой католической церкви на память всем, имеющим быть после нас. Посему я направил к тебе настоящее письмо через священника моего Хсартана.

Прими письмо это, молитву мою, крестообразное осенение рук моих и, помощью бога, отца, сына и святого духа, молитвами святой богородицы, святых апостолов и мучеников изложи совершенно правдиво, как было на самом деле и как сам ты знаешь, и опиши страдания святого мученика Або, описанное же пришли нам, дабы еще более молиться за тебя. Благодать господя да будет с тобою. Аминь!

Ответ Иоанна

Вожделенное и достопоклоняемое повеление богочестного владыки и господина моего получил я через любителя святости священника Хсартала. За это, через воздеяние рук моих, недостойнство мое вознесло благодарение всемогущему богу и благодетелю нашему Христу, не забывшему смирение мое в богоприятных молитвах ваших, которых я удостоился. Тем более хвалю и благословляю милость бога, внушившего владыке повеление, которое является полезным и плодотворным для души моей, предметом гордости и радости для тела в будущем веке и в настоящей жизни.

Что же я скажу владычеству вашему? Повеление ваше является для меня тяжелым с двух сторон: если я послушаюсь его, [вспоминаю] написанное: "Сын непокорный предан будет на погибель", если же поспешу подчиниться, [вспоминаю] сказанное по этому поводу: "Не

исследуй, что ниже тебя, и не испытывай, что сильнее тебя" Посему страх и боязнь объяли меня, ум мой встревожился, поколебался я и лишился чувств. Но в конце концов почел за лучшее подчиниться повелению владыки моего; это решение укрепило меня, оно подняло меня богоугодною, святою молитвою вашею и крестообразным осенением десницы вашей, всегда возносящей богу святые дары, к тому же я вспомнил изречение премудрого Соломона: "Подражай муравью, ленивец, и будь работником, подобным ему", [Видя], как он взявшись со всем усердием за превосходящее его по величине пшеничное зерно, тащит его в пропитание себе, я тоже захотел взяться за превосходящее силы мои дело.

Желание сердца моего исполнил господь и, споспешествуемый молитвами и помощью святого и блаженного Або, описал кратко, от недостойного сердца моего, истинное и неложное мученичество его и прислал тебе, владыке моему. При этом молитвенно прошу, да соблаговолит господь, чтобы я, недостойный, сделался сообщником молитв сердца вашего я всего христолюбивого верующего народа, который будет читать это!

Чтения о святом Або, четыре главы:

Первая глава: повествование и наставление для благочестивого, любящего мучеников, собрания и память нового сего мученика Або.

Вторая глава: вступление в Картли и крещение блаженного Або.

Третья глава: мучение святого Або.

Четвертая глава: похвала святому и блаженному Або.

Глава первая

Повествование собравшимся для служения богу, наставление любящим мучеников и воспоминание нового сего мученика святого Або.

Возлюбленные отца, друзья и рабы сына божья — Христа, и наследие духа святого! Вижу в вас познанных богом и познавших его, посему назвал вас рабами и друзьями Христа. Рабами потому, что "вы куплены честною кровью его", друзьями же потому, что мы рождены и созданы им и крещены любовью его.

Умоляю вас во Христе, с вожделием сердца приклоните ко мне телесный слух ваш, в особенности же раскройте мысленные уши сердца и разумения вашего и будьте хозяевами настоящих моих слов, которые относятся ко Христу, и блаженным его мученикам, примите их в храмину тела вашего и приготовьте им там обитель! Ибо господь хочет вселиться в органы вашего тела, как сказал учитель церкви, святой апостол Павел: "Вы храмы божьи и дух божий живет в вас". Господь говорит через пророка: "Вот я приду и поселюсь посреди вас"; во святом же Евангелии сказано: "Царство божье внутрь вас есть".

Поэтому возлюбленные, не ленитесь слышать настоящие слова, чтобы не утомляться втуне, мне рассказыванием, вам же слушанием, но чтобы господь сообща даровал нам воздаяние за труды наши.

Ибо не мне одному нужно стремиться к ознакомлению со страданием святого сего мученика, но со мною и всем вам надлежит вникнуть в него. В настоящее время мы переживаем седьмой век, о котором господь говорит: "Многие соблазняются и многих прельстят", апостол же Павел пишет Тимофею: "Будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут выбирать себе учителей, которые льстили бы слуху и от истины отвратят слух и обратятся к басням". Все это совершается ныне среди нас.

Ибо господствующие над нами, живущими на краю света сего, хозяева настоящего времени, отступники от Христа, коварным своим учением и верою, которую сами они выдумали, многих соблазнили и отклонили от правого пути. Те, которые были более чем пятьсот лет тому назад просвещены благодатью святого крещения, согрешили против Евангелия Христа; одни совершали насилеием, другие обманом, иные коварством или благодаря юношеской неопытности. Некоторые из верующих, поработанные насилеием, окованные, как бы железом, бедностью и нищетой, мучимые и изнывающие под тяжестью их дани, безжалостно истязуемые, подавлены страхом и колеблются как тростник от сильного ветра. Но любовью и страхом Христа, терпя бедствия и следуя, обычному течению жизни родины, не отступают от едиnorodного сына божья.

В такое время явился доблестный сей мученик; он не изначально был с нами, но, чуждый вере нашей и не знающий ее, явился к нам с неведомой нам верою и познал Христа, бога нашего. Вследствие этого сегодня новый сей праздник и собор в честь нового мученика увенчали церковь и просветили все собрание христиан.

Сегодня все удостоились вознести преизобильное благодарение ко Христу, истинному богу нашему, ибо настоящий праздник богоявления сделался двойным праздником; благодать бога отца, появлением среди нас возлюбленного его сына и сошествием святого его духа, верою сплетенный венец мучеников возложили на главу церкви, которую украшает множество праздников и в которой обычно собираются боголюбцы для божественного славословия.

Собираясь вместе, они показывают премное благочестие; среди них нет места суетному развлечению и ненасытному объядению, вместо вкусных яств из уст их исходит сила божественных сладких слов, ибо среди них звучит слово пророка: "Сладки гортани моей слова твои, лучше меда устам моим".

За собранием для вкушения пищи обычно следует насыщение, воспоминание же божественных слов не знает насыщения душ боголюбцев: "Воспоминанием мучеников кто из любящих их насытился?" Они преданы богу, ибо господь говорит святым своим: "Кто принимает вас, принимает меня". Любящие бога охотно собираются вместе ради божественных слов: там среди них произносятся спасительные слова, там возрождается вера во святую троицу, там сладкое учение, благодатное наставление, украшающее патриархов, там слава пророков, проповедь апостолов, подвиги мучеников, терпеливое за нас страдание Христово.

Рассказ о подвигах мучеников является для юных подкреплением и радостью, воспоминание о подвижничестве их для старых — весельем, собор в честь праздника святых — желанным и вожделенным для священников и для отроков — учеников и детей церкви.

В церкви голоса их уподобляются голосу воспевающих песнь ангелов, дух святой, поклоняемый среди них, радуется, отец прославляется, человеколюбие же и благодеяние сына проповедуется. Ибо вседержитель бог и всецелый господь, который не отверг печали людей и из любви к ним воспринял плоть от девы, святою плотью своею воззвал на небо падшего и изверженного из рая человека и сподобил его недоступной для него тайны, причем ущемленное на вид при уничтожении за нас величие спасителя нашего осталось таким же, каким оно было.

Он смирил себя и избавил нас, вознеся на небо, откуда снизошел и, поднявши с собою земную человеческую природу, которую, по неизведанному промыслу, воссоединила с собою божеская природа, воссел одесную отца. Так что он проповедуется теперь двойным именем — сыном божьим и человеком, без разделения, или иначе "Эммануил — с нами бог" и человек, "дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что господь Иисус Христос в славу бога отца".

Имя его страшно, свято, могущественно, удивительно, оно господствует над всем и все обдержит, хотя мы не в состоянии постигнуть богатство имени его, но все же, по немощи моей и усердию вашему, возвещу вам [эти имена]: дверь, путь, агнец, пастырь, камень, жемчуг, цветок, ангел, человек, бог, соль, червь, горчичное зерно, солнце правды, сын бессмертного отца и один бог непреложный, непреходящий и неизменный, ибо непреходящею и неизменною является божественная его природа после восприятия плоти и соединения с нею. Если в состоянии буду, по милости его я возвещу вам, христоролюбцам, о каждом из этих имен.

Д в е р ь ю он называется потому, что сам сказал: "Я есмь дверь" для овец; истинно верующие через него входим в царствие.

П у т е м называется потому, что сказал: "Я есмь путь, истина и жизнь"; для нас, восходящих на небо, он является путем.

А г н ц е м называется потому, что "он заклан за нас", он живет всегда и разделением плоти и крови своей, жизнь вечную дает нам.

П а с т ы р е м называется потому, что сказал: "Я пастырь добрый". Воистину он обрел нас, заблудших овец, древом креста убил врага нашего — льва и умерщвленное им тело первозданного [человека] силою божества вновь оживил, укусы ядовитого волка язвою своею исцелил, смертоносный яд лекарством божества своего уничтожил и исполнил слова пророка: "Он изъявлен был за наши грехи и ранами его мы исцелились".

К а м н е м **к р а е у г о л ь н ы м** назван пророком потому, что он камень, который отвергли первосвященники и книжники еврейские в Иерусалиме, но он "сделался главою угла" во всей вселенной.

Ж е м ч у г о м назван потому, что он сияет по божеству посреди двух досок — души и тела, как жемчуг, который боголюбивые купцы царства божья с верою ищут, ищут не как бога только и человека простого, но как бога и человека, и покупают его, многоценного, отвергая все мирское и даже проливая кровь свою.

С о л ь ю назван потому, что он приблизился к плоти нашей, испорченной грехами, удалил от нас вонь идолопоклонства и души наши, благочестиво верующие, благоуханием освежил.

Ц в е т к о м назван потому, что он по плоти вырос из корня Иесея — от святой девы Марии, духом же благодати покрыл нас как бы благоуханием божества.

А н г е л о м назван потому, что пророк называет его "ангелом великого совета, чудным", пришедшим к нам от отца для нашего спасения.

Ч е л о в е к о м назван потому, что пророк говорит о нем: "Он — человек, кто познает его"; воистину он облечен в настоящего человека, кроме греха и открыл нам свое божество.

Б о г о м назван потому, что блаженный евангелист Иоанн говорит: "Был свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир".

З е м л е ю назван потому, что пророк Давид говорит: "Земля дала плод свой, благослови нас, боже, боже наш". Воистину создатель земли явился на землю и на земле

произросла из земли созданная плоть земной природы. Он показал в качестве плодов святых апостолов, мучеников и праведников и проклятую землю, плодами благословения наполнил.

Г о р ч и ч н ы м з е р н о м назван потому, что унижает себя самого и воспринимает наше естество, чтобы посеять себя в борозде, пустить глубоко корни, собрать нас на крыльях креста своего и вознести с собою нас [на небо].

Ч е р в е м назван потому, что сказано: "Червь я, не человек". Он спрятал во плоти своей божество свое, как прячут крюк во черве, и закинул в пучину мира сего, а потом вынул как добрый рыбак. Об этом сказано: "Поймал он кита крючком, вложил удила в челюсти и кольцо в ноздри его", то есть поймал дьявола, расстроил ухищрения его. Об этом свидетельствует псалмопевец Давид: "Ты сокрушил голову змиев".

С о л н ц е м п р а в д ы назван потому, что пророк сказал: "Для вас, благоговеющие пред именем моим взойдет солнце правды и исцеление в лучах его"; ибо он тот, который прикрывает и нагревает, и нет ничего, что укрылось бы от тепла его.

Я вам, возлюбленные мои, любящие Христа и подвизающиеся в учении, разъяснил не от себя, но согласно со свидетельством книг пророческих и проповеди апостолов, веру, изложенную во святых Евангелиях и установленную блаженными отцами и учителями. Ибо несомненная вера — сокровище великое для держащихся ее. Отец небесный, бог и господь живодавец, в силу дарованной тобой благодати, вера христиан — великое учение! Вследствие этой благодати поклоняются тебе праведники, благословляют тебя святые, становятся исповедниками и устаиваются гонения за тебя, пострадавший нас Христе боже, мученики, которые свидетельствуют о тебе и молятся тебе, ни во что не ставя соблазн дьявола и насилие служителей его.

Божественную веру Христову обрели не одни только греки, но и мы, обитатели отдаленной [сей страны], как свидетельствует и говорит господь: "Придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Яковым", ибо веру эту имеют и обитатели Картли, которая называется матерью святых, из коих некоторые являются здешними жителями, некоторые же иностранцами, приходившими к нам извне в разное время, чтобы сделаться мучениками во Христе Иисусе, госпode нашем, ему же слава во веки веков, Аминь!

Г л а в а в т о р а я

Прибытие в Картли и крещение Або

Было время, когда главный правитель Картли, по имени Нерсе, сын куропалата Адарнасе, вызван был в страну Вавилонскую тогдашним обладателем сарацин, амир-муминином Абдилою, находившимся в великом городе — Багдаде, который выстроен был им самим. По наущению злых людей он вверг его в темницу, в которой он пробыл три года, пока, по божьему велению не умер Абдила амир-муминин и вместо него не воссел на престол его сын Махдий. Бог, благодетельный всем, внушил Махдию — амир-муминину освободить Нерсе, он разрешил его от тягостных темничных уз и отпустил в землю свою в звании главного правителя.

Ныне христоробцы, я желаю поведать вам о святом и блаженном мученике Або: кто он был и как он прибыл сюда. По происхождению он был из сынов Исмаила, из сарацинского племени, рожденный по отцу и матери не от иноплеменной наложницы, но из семени аравийцев. Отец его и мать, братья и сестры жили тоже в Багдаде Вавилонском. Это был юноша — отрок восемнадцати или меньше — семнадцати лет. Он пожелал отправиться сюда вместе с правителем Нерсе и потому поступил к нему в услужение. Он был искусный мастер изготовления благовонных мазей и научен грамоте сарацин, сынов Исмаила, сынов Авраама, происходящим от Агари.

Выселиться в землю нашу он не от себя надумал; подобно тому, как господь сказал блаженному Аврааму в земле халдейской: "Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего и иди в землю, которую я укажу тебе", и этот рожденный от Авраама, будучи призван по внушению божью, как господь говорит в Евангелии, оставил отца, мать, братьев, сестер и родственников своих, также имущество и поля свои и, из любви ко Христу, направился сюда вместе с Нерсе. Когда он прибыл в Картли, он жил вместе с Нерсе. Благодаря своим добродетелям, он сделался любимцем всего народа. Он научился грамоте грузинской и свободно изъяснялся по грузински. Стал прилежно изучать благочестивые священные книги Ветхого и Нового завета. Вразумляемый от господя, он приходил в святую церковь и постоянно слушал святое Евангелие, чтения из пророков и апостолов, расспрашивал вероучителей и учился у них. Иногда вступал в пререкания с некоторыми, это служило к приумножению его знаний. Таким образом он преуспел в учении, которое содержит святая католическая церковь Христова.

Тогда отверг он веру магометанскую, оставил чин отеческого служения и всем сердцем возлюбил Христа, которого он избрал по слову: "Законопреступники поведали мне мнение свое, но оно не таково, как закон твой". Он не имел возможности открыто объявить себя христианином, поэтому постился и молился тайно, в то же время искал безопасного места, чтобы креститься во

Христа, ибо боялся миродержателей — сарацин, господствующих над нами.

В те дни сарацинские владетели снова рассердились над правителем Нерсе и он бежал, ибо войско сарацин сильно его преследовало. Господь спас его от их рук. Он прошел ворота осетинские, известные под названием Дариалан. Когда он миновал это место, из войска его с ним было около трехсот человек, среди них был и блаженный раб Христа Або. Нерсе, оставив землю свою, прибыл в страну северную, где находились стоянка и лагерь сынов Магога-хазар, народа далекого, страшного по виду, звероподобного, кровоядца, который не имеет никакой религии, хотя и признает бога-творца. Когда Нерсе явился к царю хазар, последний радушно принял его, как иностранца, бежавшего от врагов своих, и дал ему и войску его пищу и одеяние.

Когда Або увидел, что он вне опасности и насилия от сарацин, поспешил приблизиться ко Христу и от рук честных пресвитеров принял крещение во имя отца и сына и святого духа, ибо по милости духа святого, в северной этой стране много селений и городов, которые живут безпрепятственно в вере Христовой. С тех пор Або, исполненный благодати Христа, безбоязненно предался посту и молитве.

По прошествии некоторого времени Нерсе стал просить северного царя отпустить его в страну Абхазскую, куда он с самого начала отправил мать, жену с детьми и всех своих домочадцев, равно как и имущество свое, ибо страна та защищена была от страшных сарацин. Бог умиротворил сердце северного царя и он отпустил Нерсе со многими дарами. Нерсе и спутники его отправились с радостью и, по милости божьей, прошли страну язычников, которые не имели никакого представления о боге; они безбоязненно держали путь днем и ночью в течение трех месяцев. Блаженный Або за все это время молился и постился в пути и не переставал петь псалмы. Когда они прибыли в страну Абхазскую, князь той страны принял Нерсе со всеми его спутниками. Нерсе увидел царицу — мать свою, жену и детей своих; все они с радостью возблагодарили бога, что они в мире живыми сошлись вместе.

Когда князь Абхазский узнал, что Або новокрещенный, он очень обрадовался со всем народом своим. Князь, епископ и священники позвали Або и благословили его, утешали, возвещали ему слова спасения и благовествовали о Христе и вечной жизни. Он же от себя отвечал им словами истинной веры, до того, что те удивлялись и благословляли бога. Больше всех благодарил бога блаженный Або, ибо он нашел страну ту процветающей в вере Христовой, в ее пределах нельзя было найти ни одного неверующего. Границей этой страны являются: море Понтийское, обиталище христиан до пределов Халдии; в ней находятся: Трапезунд, поселение Апсар и гавань Нафсай, тамошние города и селения являются достоянием царя христолюбивых ионян, престол которого находится в великом городе Константинополе.

Когда святой и блаженный Або увидел чрезмерное благочестие жителей этой страны и непрерывное возношение молитвы всем народом, он проникся ревностью, ибо вспомнились ему слова святого апостола: "Хорошо ревновать в добром всегда". Поэтому и он начал в зимние дни, в 17 день января месяца, в день памяти святого отца Антония, подвизаться: он взялся за тяжкий труд и посреди города, как в пустыне, боролся с врагом — дьяволом. Он в молчании и посте изнурял плоть юности своей, дабы иметь возможность "угасить все раскаленные стрелы дьявола". Он вспомнил, как спаситель наш, выйдя в пустыню после святого крещения, победил коварного искусителя, дьявола, сорокодневным постом и молитвой. Подобно сему и блаженный Або не произносил ни одного слова среди людей, но беседовал с богом в молитве своей. Так он пребывал в молчании и посте три месяца. Во дни же великого поста, в течении семи седмиц, только по субботам и воскресеньям, после приобщения святых тайн и крови Христовой, он принимал самую скудную пищу. Так продолжалось до самого праздника пасхи, с того же дня он закончил строгий пост, развязал язык от молчания и славил бога.

После бегства Нерсе из Картли амир-муминин Махдий, по внушению бога, прислал правителем этой страны вместо Нерсе, племянника его, сына Гургена эристава, Стефаноза. Нерсе этому очень обрадовался, ибо господь не отнял власти у дома его. Он отправил послов ко владетелю страны амиру и просил его заверить его в безопасности и разрешить ему вернуться свободно со всеми своими спутниками.

Когда они выступили из страны Абхазской, князь Абхазский позвал к себе блаженного Або и сказал ему: "Не уходи ты отсюда, ибо страной Картлийской владеют сарацины, которые не позволят тебе, природному сарацину, остаться христианином среди них. Я боюсь за тебя, чтобы они не заставили тебя волею или неволею отступить от веры Христовой и чтобы ты не погубил столько трудов". Блаженный Або ответил: "Раз Христос принял меня, рассеял от меня тьму прежнего неведения моего и удостоил меня света своего, никогда не откажусь от его имени. Если мне предложат множество золота и серебра или же осудят меня на страдания и мучения, не отклонят они меня от любви господа бога моего. Теперь же, благочестивый, не мешай мне, ибо какая польза мне оставаться здесь, где нет ни страха, ни смерти из-за Христа? Прошу тебя,

отпусти меня, чтобы христоненавистники знали, что я христианин, ибо я слышал из святого Евангелия слова спасителя нашего: "Никто, зажегши свечу, не ставит ее под спудом, но на подсвечнике, и светит всем, так да светит свет ваш пред людьми". Зачем я буду скрывать истинный сей свет, которым просветил меня Христос? Не буду я скрываться от страха смерти, ибо я научился у святого апостола: "Труссы царства божья не наследуют". Посему не убоюсь и смерти, ибо я ищу царства Христова". Так он убедил князя, который отпустил его.

Он вместе с Нерсе отправился в страну Картлийскую; вступив в город Тбилиси, жил здесь явным христианином. Когда тамошние сарацины, знавшие его, увидели, что он стал христианином, одни укоряли его, другие ругали, третьи запугивали, иные преследовали, некоторые же мирным словом убеждали его. Он же, укрепленный Христом, не страшился никого. В течение трех лет он вел себя в городе и окрестных селениях как христианин, и "никто не наложил на него руки, потому что еще не пришел час его". Христолюбивые же мужи, которые знали его любовь к богу, заботились о пропитании и одеянии его.

Глава третья

Мучение святого Або

Христолюбцы и мучениколюбцы! Выслушайте от меня приятное повествование о святом мученике и подвижнике Христовом, который увенчан был Христом доблестью и славой.

В царствование господина нашего Иисуса Христа, в год после страданий и воскресения его, когда в великом городе Константинополе над христианами владычествовал Константин, сын Леона, над сарацинами же амир-муминин Моисей, сын Махдия, в Картли при католикосе Самуиле и при правителе Стефанозе, сыне Гургена, в 6424 году от сотворения мира, месяца января шестого, в пятницу, в день богоявления, совершилось в Тбилиси мучение святого блаженного Або. Совершилось оно таким образом.

Незадолго до этого дня схватили блаженного сего мученика, его представили на суд амира в городе Тбилиси, и, за исповедание Христа, заключили в темницу. Спустя несколько дней, его выпросил эристав Картли Стефаноз, который вызволил его из темницы и отпустил. Прошло после этого несколько дней и наветчики в гневе и смятении, полные злобы против христиан, снова поднялись на святого мученика. Сговорившись против него и пользуясь тем, что в Тбилиси в это время вступил новый амир, они вошли к нему и сказали: "В этом городе пребывает один юноша, по происхождению сарацин, выросший и живший по закону, данному нам пророком нашим Магометом. Он оставил нашу веру и называет себя христианином, безбоязненно расхаживая по городу, многих из нашей среды убеждает стать христианином. Прикажи ныне поймать его и предай его страданиям и мучениям, пока не вернется к вере пророка нашего Магомета; если же не вернется, пусть умрет, чтобы другие не стали подражать ему по его слову".

Об этом знали некоторые из христиан, которые немедленно явились к нему и сказали ему: "Тебя ищут поймать и предать мучениям и страданиям", они убеждали его, в целях осторожности, спрятаться. Он им сказал: "Я готов не только страдать за Христа, но и умереть". Затем он вышел с радостью и стал открыто ходить по улицам. Появившиеся слуги амира захватили его и представили его на суд.

Судья сказал ему: "Что это я слышу про тебя? Будучи из рода и племени сарацин, ты оставил отеческую веру и заблуждаешься вместе с христианами? Сейчас подготовься и вознеси молитву по закону, в котором воспитывали тебя родители". Блаженный же Або, укрепившись во Христе, набрался духа веры и сказал ему: "Ты хорошо сказал, я по происхождению, — по отцу и матери, сарацин, воспитан в вере магометанской и по ней я жил, пока пребывал в неведении. Когда же бог, по благодати своей, избрав меня среди братьев и единоплеменников моих, избавил меня через сына своего Иисуса Христа и научил меня лучшему, тогда я оставил сочиненный людьми закон и выдуманную ими сказочную веру и принял дарованную Христом истинную веру во свягую троицу — отца, сына и святого духа. Я крестился в эту веру и поклоняюсь истинному богу; теперь я христианин вне всякого спора".

Судья сказал ему: "Брось эту неразумную мысль, если бедность вынудила тебя стать христианином, ты получишь от меня много даров и восприимешь большие почести". Блаженный Або ответил ему: "Золото и серебро твое пусть с тобой останутся на погибель твою, я не ищу чести от людей, ибо имею дар Христов — венец жизни и нетления и почесть вечную на небесах".

Тогда судья приказал связать его по рукам и ногам узами железными и в таком виде бросить его в темницу. Блаженный же, радуясь, благодарил бога и говорил: "Благодарю тебя, господи спасителю, боже наш, Иисусе Христе, ибо ты удостоил меня осуждения и узничества за святое имя твое!" Это было 27 декабря, во вторник, в день памяти Христова апостола, перводьякона и первомученика главы всех мучеников, Стефана. Ему, с ним и другим мученикам, надлежало позаботиться о том, чтобы не было препятствий для причисления к ним последнего

сего мученика Христова.

Блаженный Або пребывал в темнице в непрерывной, деннонощной молитве, посте, псалмопении и благодарении. Он продал все, что у него было, и кормил находившихся с ним в узах голодных и неимущих. К нему в темницу заходили мучители и наветчики и льстивыми словами говорили: "Сын, не обрекай себя на погибель и юность свою не продавай на христианство, не разлучайся с братьями и единоплеменниками своими, чтобы не подвергнуться злу и не причинить всем нам огорчений". Некоторые из них запугивали его, говоря: "Какую пользу принесет тебе твой Христос, или кто избавит тебя от рук наших, ибо если не вернешься к нам, у нас уже приготовлены для тебя огонь и муки". Блаженный же, тот не слушал их, но молился и тихо пел псалмы в уме своем. После многих приставаний к нему он сказал им: "Не говорите мне ничего, ибо я глухой, который не слышит ничего, и немой, который не отверзает уст своих. Я надеюсь на господя, а посему удалитесь от меня беззаконные и буду хранить заповеди бога моего". Не сумев поколебать его, они вышли пристыженно.

Блаженный пробыл в темнице девять дней, причем каждый день он постился и молился до рассвета. На девятый день он сказал всем находившимся с ним узникам, — христианам и не христианам: "Завтра я разлучусь с телом и отойду к господу богу моему Иисусу Христу". Это ему открыл сам бог. Он снял одежду свою и отдал ее продать и купить ладан и свечи, которые он разослал для возжжения по всем церквам города. Вместе с этим он послал ко всем священникам просьбу молиться за него, чтобы он не поколебался в вере Христовой и удостоился подвигов святых мучеников. В ночь накануне святого того праздника он бодрствовал; взяв в руки две большие свечи, он стал в темнице поодаль и простоял на ногах, не присаживаясь, до рассвета, пока не пропел всех псалмов, и не сгорели свечи в руках его, связанных железом с шеею его. Стоя неподвижно, он говорил: "Всегда видел я пред собою господя, ибо он одесную меня, не поколеблюсь" и прочее.

На десятый день, в пятницу, в праздник крещения господня, который бывает шестого января, он сказал: "Велик для меня настоящий день, ибо вижу я двойную победу господя моего Иисуса Христа. В этот праздник он голый вошел в реку Иордан креститься и силою своего божества сокрушил главу скрывавшегося в глубине вод змия. В этот день и мне надлежит сбросить с себя страх плоти, которая является одеянием души моей, спуститься, как бы в глубину морскую, в середину города этого, и креститься кровью, огнем и духом, как проповедывал Иоанн Предтеча, потом же снова спуститься в воду и опять просветиться. Ибо сегодня — сошествие духа святого повсюду на воду, в которой крещаются верующие во Христа на подобие вод Иордана. Оголением тела своего я растопшу ногами посередине города сего ухищрения коварного врага и посмеюсь над ним. В сегодняшний день, в пятницу, господь мой Иисус Христос страданием своим и распростертием рук своих на кресте изобличил во всех краях земли врага всего мира. Теперь и мне надлежит выступить на борьбу с врагом христиан и сделать его посмешищем для всех христиан пролитием крови моей. Он думал страхом смерти отдалить меня от любви Христовой; я же поругаюсь над его намерением, одолею его помощью Христа и этим выплачу господу моему двойной долг".

Тогда, потребовав воды, он умыл лицо свое, помазал елеем голову свою и сказал: "Я когда-то был мироносцем, хорошо изготавливающим благовония для помазания, елей же этот — для дня моего погребения, отсею я не буду мазаться елеем временного жития моего, как научил меня в книге "Песнь песней" премудрый Соломон: "Стремился я к благовонию мастей твоих", Христе, исполнивший меня непреходящим благовонием веры и любви твоей. Ты знаешь, Господи, что я возлюбил тебя больше самого себя". Сказавши это, он послал в церковь и оттуда доставили ему святые тайны тела и крови Христа, и сказал: "Благодарю тебя, господи и боже мой Иисусе Христе, давший мне в напутствие живоносную плоть твою, честную же кровь твою в радость и утверждение мое. Я знаю, что ты не оставил меня, но стоишь со мною, я же с тобой. С этих пор я не буду вкушать такой пищи, после которой опять хочется кушать, и пить питье, после которого снова хочется пить, что ты мне дал, достаточно того для жизни вечной. Отныне, "если я пойду среди теней смерти, не убоюсь зла, потому что ты, господи, со мною".

Когда он это сказал, вдруг явились слуги судьи амира; он отошел от узников-христиан и сказал им: "Поминайте меня в молитвах ваших, ибо больше не увидите меня в мимолетной сей жизни". Его, связанного по рукам и ногам, вывели и повели по городу. Видя его, христиане и знакомые плакали, святой же Або сказал им: "Не плачьте обо мне, но радуйтесь, я иду к господу моему; напутствуйте меня молитвами и господь сохранит вас в мире". Он шел так, как будто душою провожал тело свое, как провожают покойного, при этом говорил слова 118 псалма: "Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе господнем". В качестве припева к этому стиху он повторял слова благоразумного разбойника: "Помяни меня, господи, когда придешь во царствие твое".

Таким образом, он дошел до дворца амира. Когда он пришел туда, смело осенил крестным знаменем и дворец и себя. Его представили перед судьей, который сказал ему: "Ну, что, юноша, что ты решил относительно себя?" Святой мученик, исполнившись духа святого, ответил: "Я решил, что я христианин!" Судья спросил его: "Ты еще не оставил глупость и

зablуждение свое?" Або ответил: "Если бы я был глуп и неразумен, не удостоился бы последовать за Христом!" Судья сказал: "Разве не понимаешь, что такие слова обрекают тебя на смерть?" Або ответил: "Если я умру, верю, что со Христом буду жить, а ты чего распространяешься? Сделай то, что ты собираешься делать со мною, ибо я также не слышу злых твоих слов, как стена, к которой ты прислонен, разум мой работает со Христом на небе". Судья сказал ему: "Какую сладость обрел ты во Христе твоём, что не жалеешь себя для смерти?" Або ответил: "Если желаешь узнать, какая сладость во Христе, уверуй в него, прими святое крещение, тогда узнаешь эту сладость!"

Амир рассердился, он приказал вывести его вон и отсечь ему голову. Слуги вывели его во двор и развязали руки и ноги его от железных оков. Блаженный же разорвал на себе одежды свои и, нагой, осенил крестом лицо и все тело свое и сказал: "Благодарю и благославляю тебя, троица святая, что ты сподобила меня приобщиться подвигом святых мучеников". Сказав это, он возложил себе на спину руки крестообразно и, с радостным лицом и дерзновенной душою воззвал ко Христу, преклонил шею свою. Его три раза ударили мечом, ибо думали страхом смерти отвлечь от Христа. Святой мученик мужественно воспринял удары, пока не предал душу свою господу.

Когда христорборцы и наветчики на святого мученика увидели, что он скончался во Христе и, восприяв долгий подвиг, верою и терпением победил ярость их, еще более исполнились зависти, вошли к тирану и сказали ему: "Мы знаем, что христиане имеют такой обычай: когда кто-нибудь из них умирает за Христа, крадут тело его, воздают ему почести погребения, распространяют среди народа ложные слухи о чудесах и исцелениях от него и делают между собою волосы, одежду и кости его, в целях якобы предохранения их от болезней; таким путем они многих вводят в заблуждение. Поэтому отдай нам тело его, чтобы сжечь и уничтожить его и искоренить соблазн христиан. Видя это, испугаются все, некоторые из них из боязни обратятся к нам, наши же не будут переходить в христианство". Хотя это они говорили из зависти ко Христу, но свидетельствовали истину и правду, ибо Христовы мученики и вправду являются целителями и молитвенниками за всех, которые с верою и любовью обращаются к ним. Судья сказал им: "Берите, куда хотите, и делайте, что хотите!"

Тогда они вышли, подняли честное его тело и вместе с одеждой его положили в дорожный мешок; туда же вложили и кровь праведника, которую они счистили с земли так тщательно, что на ней не осталось ничего. Мешок этот положили на арбу и [поступили с Або], как было поступлено с телами сорока мучеников. Подобало уподобиться ему доблестным сорока мученикам, ибо ему отрубили голову во дворе церкви этих мучеников. Когда вынесли святое его тело вне города, они повезли его на место, называемое Сагодебели, — ибо там находятся могилы жителей города, — сняли его с арбы и положили на землю. Они подвезли туда дров, сено и керосин, которым облили тело святого. Разведя костер, они сожгли святое тело на месте, находящемся к востоку от городской крепости, называемой Садилего, на скалистом берегу великой реки, известной под названием Мтквари которая протекает с восточной стороны города. Они не дали никому из христиан доступа туда, пока не окончили дело сожжения тела святого мученика. Кости же святого, которых не могли сжечь, зашили в овечью шкуру и выбросили в великую реку под мостом, над которым возвышался честный крест моста. Пучина реки стала могилей святого мученика, воды же ее, которые обмывали святые кости его, сделались одеждой для них, чтобы кто-нибудь небрежно не коснулся их. Так поступили христорборцы те, такой подвиг воспринял блаженный Або.

Тогда христиане города отбросили страх насильника, стали выходить на то место, где было сожжено тело святого. Старики спешили, опершись на свои посохи, хромые прыгали, подобно оленям, юноши бежали, отроки друг друга обгоняли, женщины уподобились святым мирноносцам, которые поспешно несли благовония на гроб Христа, бога нашего. Они в самом деле подражали им, ибо бежали со слезами, неся в руках свечи и ладан. Все с радостью и благодарностью ко Христу приходили туда, брали землю с того места, при этом многие исцелялись от болезней. Всесильный же бог еще больше показал силу свою и почтил мученика своего; он сотворил дивные чудеса, дабы все знали, что Або мученик Христов.

Когда стемнело, в час ночи, бог ниспослал на то место звезду, блиставшую как огненная лампада; она долго стояла над тем местом, где был сожжен блаженный мученик Христа. Она висела высоко в воздухе до трех часов ночи, даже больше, и испускала сияние не огня земного, но страшной молнии.

Ее видели все горожане, амир-судья тот, весь народ и все живущие там христиане, сарацины и пришедшие из других стран путешественники. Насильники же долго созерцали ее собственными глазами и стыдились. Некоторые из слуг амира-судьи приходили на то место, думая, что христиане зажгли там свет. Когда они приблизились к тому месту, увидели, что звезда та поднялась высоко в воздухе; они не могли подойти совсем близко к тому месту, ибо их объял божественный страх.

В следующую ночь воды испустили более сильный свет. Некоторые, желая замаять чудо, считали привидением огонь на земле и под воздухом; но этого света не могли прекратить воды, ни бездна и бушующие сильные волны потушить его. Под мостом, где брошены были богочестные кости мученика, воссиял, как молния, столбообразный свет. Он стоял долго и освещал берег реки,

скалу и мост сверху до низу. Свет этот видели многие горожане, дабы все уверовали, что Або является истинным мучеником Иисуса Христа, сына божья и дабы все верующие во Христа и неверующие уразумели, что истинно слово, сказанное господом: "Кто мне служит, того почитит отец мой, который на небе". Если он над тленной плотью показал столько чести, насколько больше при нетленном воскресении праведники увенчаны будут честью и славою среди ангелов? Те, которые отвергли Христа и преследовали, мучили и убивали святых, пристыжены будут за свое заблуждение, святые же приняты будут господом на небе.

Возлюбленные! Отселе нам надлежит еще более любить первых блаженных мучеников, чтобы от зримого нами нового сего мученика верили им и повторяли слова блаженного Давида; "Честна пред господом смерть преподобных его", ибо ему подобает слава ныне и присно и во веки веков. Аминь!

Г л а в а ч е т в е р т а я

Похвала святому мученику Або

Придите, верующие во Христа, будем праздновать память нового сего мученика, которого Христос даровал нам в качестве молитвенника за всю землю Картлийскую, в избытке радости откроем сокровище сердца и ума нашего и радостными устами и велеречивым языком восхвалим добрые его подвиги и скажем:

Радуйся о господе, блаженный мученик! Ты, рабочий последнего одиннадцатого часа, воссоединился с трудившимися с раннего утра и не лишился мзды их.

Радуйся о господе, мученик! Ты уподобился последнему из апостолов Павлу и отвержением отеческой веры и исповеданием Христа, сына божья, подобно ему и тебе отсеки голову.

Кто достойно восхвалит тебя, воистину достохвального? Хочу хвалить тебя, всехвальный мученик Христов, но не осмеливаюсь, ибо хвалить твои добродетели выше моего разумения. Но вместе с тем боюсь молчать, ибо пока ты пребывал в нашей стране, ты полюбил меня любовью во Христе. Опасаюсь, как бы молчание мое не лишило меня твоих молитв пред Христом. Посему, восприяв через тебя благодать Христову, по мере сил моих восхваляю тебя, увенчанного красотою о Христе!

Радуйся, радуйся о господе, блаженный мученик! Ибо ты обрел блаженство очевидцев и служителей Христовых апостолов твердой верою и мужественным исповеданием.

Отец небесный через едиnorodного сына своего увенчал тебя и благодатью духа святого исполнил.

Тебя сын [божий] через [бога] отца воспринял и дух святой прославил.

Тебя дух святой возлюбил и вместе со отцом и сыном почтил и добropобедным мучеником показал.

Тебе удивлялись ангельские чины, ибо ты, как бесплотный, претерпел смерть за Христа. Тебе радуются патриархи, ибо блаженный Авраам принял тебя, — отпрыск свой, — в лоно свое из-за Христа, которого он принял в шатер свой и этим сделался отцом многих народов. Ты сделался плодом мучеников Христовых и учеником апостолов.

Имя твое внесено среди мучеников в книгу небесного царя и увенчано с ними.

Ты вчинен в сонм исповедников и с праведниками прославлен.

Мы удивляемся тебе, святой мученик! Ибо в свирепое время господства исмайлтян ты добровольно избрал унижение за Христа и отверг мечом поддерживаемую веру, исповедал истину и распятому поклонился, как господу и богу.

Каким образом и от кого ты получил столько знания о Христе? Каким чудом вошел ты в царствие небесное?

Ты воистину уподобился разбойнику, [висевшему] с правой стороны. С тобою находился один из узников, которого заставили отказаться от Христа и принять чуждую веру. За вторичное исповедание Христа он судился с тобою, но несчастный опять споткнулся и пад. Из страха смерти он полюбил мир сей и погиб для жизни вечной, злой враг его похитил и агнец Христа сделался добычей волка. Он отошел от доброго пастыря и выронил из рук посох силы Христовой, посему он был побежден и изгнан из стада словесных овец Христовых. Тебя же, блаженный мученик, Христос сохранил посохом своим, крестом, за твою крепкую веру в него. Ты по вере сравнялся с тем разбойником и вчинен был в рай.

Ты крестом Христовым открыл двери рая и огнеподобные херувимы, охранявшие его, не могли спросить — кто ты такой?

Что больше сказать? "Господь пострадал за грехи наши, праведник за неправедных", пролил честную кровь свою; ты заплатил долг свой, ибо также пролил кровь свою из любви к нему. За это он увенчал тебя венцом победы и показал наследником царства отца своего небесного.

Через тебя, святой мученик, обновилась любовь Христа к нам и вера наша в него, ибо

мы смешались с народом, чуждым нам по вере, отступником от Христа, любящим мимолетный сей мир, с племенем, неверующим в сына божья, с хулителями веры нашей, от которых мы научились делам их и, в подражание им, мы, как бы лишенные надежды Христовой и забывшие вечную жизнь, поработились страстям сердца нашего. Ныне через тебя приблизился к нам Христос и мы снова уразумели страх его и любовь его и сподобились благодати его, любви и милости его через ежедневное проявление среди нас многочисленных чудес и исцелений.

Неразумные же, принешие тебя в жертву огнем и мечом, больше чем пламенем, осветили тебя. Они неразумные, не поняли слов господя: "Всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит богу". О, неразумные и больше, чем неразумие их! Вначале никто не знал тебя — кто ты, из какого племени или народности, или в какой вере жил; теперь же они невольно показали тебя исповедником Христа, вследствие чего все признали тебя мучеником Христовым.

Вся тварь почтила тебя: небо засвидетельствовало праведность твою ниспосланием огня на то место, где ты, как беспорочный агнец, принесен был в жертву через сожжение огнем.

Земля, на которой сожжено было пречистое твое тело, вознесла тебя богу как жертву чистую и угодную ему, ибо она сделалась престолом Авеля, Еноха, Авраама и Ильи, которые приносили ему жертву всесожжения.

Равно и место твое жертвенное уподобилось каждению священников Аарона и Захарии, ибо на огненных углях благовоние плоти твоей возносилось пред господом как благоухание кадильное во святое святых в раю небесном.

Тебя река приняла как мученика Христова. Христос же бог тьму бездны осветил светом небесным.

Тебя соплеменники твои отвергли как чуждого им, Христос же избрал тебя среди исмаильтян, как розу среди терний, и пересадил в церковь свою.

Тебя, дикую маслину, воспринял Христос и насадил в собственном своем саду, плодами веры твоей обрадовал церковь, в которой торжествуют верующие, ублажая величие твое, подвиги твои, доблесть твою, мучение твое, венченность твою.

Как восхваляю тебя, добропобедный мученик Христов? Ибо ты, новый сей исповедник Христа, сделался учителем нашим, ученых еще более вразумил, колеблющихся подкрепил, твердостоящих обрадовал, язычников расположил принимать веру Христову, нам оставил память о своих муках и всех нас сделал проповедниками твоего имени.

Ныне все мы просим твое христолюбие, будь молитвенником пред спасителем за всех нас, испрашивающих через тебя у Христа бога милость, ибо того есть слава, честь и держава со отцом и все святым духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь!

ВАСИЛИЙ ЗАРЗМЕЛИ

ЖИТИЕ СЕРАПИОНА ЗАРЗМЕЛИ

(Житие и деяние богоносного, благочинного отца нашего Серапиона)

I. Любящие бога и исполняющие святые его заповеди достойны доброй и возделенной священной похвалы и торжественного восхваления. Ибо сам господь и бог наш убеждает их в Евангелии, говоря: "Блаженны нищие духом" и дальше следующие блаженства, в конце которых предлагает как бы некий дар и пресветлый венец в воздаяние за труды и говорит: "Радуйтесь и веселитесь, ибо велика награда ваша на небесах". В другом месте он говорит: "Тому не радуйтесь, что злые духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах". Богоотец Давид говорит: "Оттого возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой" и "жилище всех радующихся у тебя". Радость эта проистекает от того блаженства, о котором говорит тот же самый пророк в начале псалмов: "Блажен муж, который не ходит путем нечестивых" и еще "блаженны непорочные в пути, ходящие в законе господнем". Премудрый сын премудрого отца—Соломон, говорит: "Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум". Златоголосый же соловей церкви—Павел, взывает: "Радуйтесь всегда в госпде и еще говорю,—радуйтесь, ибо вера ваша доставляет вам вечное блаженство".

Святые Ветхого и Нового завета, утвержденные этой надеждой, научились терпению и с верою бегали для получения венца небесного звания, как говорит тот же Павел,—уста Христа,— "ибо вера—сила надеющихся на него, осуществление ожидаемого, уверенность в невидимом, в ней свидетельствованы древние", просиявшие в Ветхом и Новом завете. Подобно тому, как из одного и того же обильно проистекающего источника,—благодатного божественного дара,—

орошаются многие сады и множество разнообразных растений, так изливаются обилие разнообразных даров, как говорит тот же Павел: "Дары различны и языки разнообразны". Он говорит также: "Сперва поставлены апостолы, пастыри и учителя".

Благодать духа не замедлит возродить сынов купели, как говорит Слово: "Идите, научите все народы, крестя их во имя отца и сына и святого духа. Я—с вами" и дальнейшее. В другом месте—"Возрождайтесь, размножайтесь и наполняйте землю". Апостол говорит: "Иисус Христос вчера и сегодня и во веки тот же". Через него теперь воссияли, подобно молнии- зарнице, на новом небосклоне святой церкви многие сии светила, дабы они, как светоч, сияли по лицу всей земли и располагали сердца всех прилежных подражать святой жизни.

Вот, по соизволению бога, и в наши дни появились новые светила, учителя и наставники, как некогда Илья и Иоанн, а потом—Павел Фивейский и великий Антоний, Макарий, Евфимий, Савва и Герасим,—к чему поодиночке называть,—все ревнующие и подобные им, которые с усердием шли по узкому и трудному пути, ведущему в небесный град, которого художник и творец—бог.

Некоторые говорят: "В наши дни никто не может уподобиться первым тем отцам, ибо соизволением бога это теперь недосыгаемо". Но ты, возлюбленный, внимай прилежно тому, к чему слово клонится: пресветлый и достойный небесного звания, святой и блаженный Серапион во всем уподобился этим святым отцам. Из многих сведений о жизни его мы изложим письменно кое-что на память святости вашей, честное и священное собрание, стройным чином уподобившееся распорядку небесных воинств и обитающие им в созданной кущи. Священники и отцы великой пустыни Зарзмской, вам по жребию достался великий сей светильник, отец отцов, наставник и учитель, чтобы, выслушивая повествование о словах и божественных делах и трудах его, прославлять отца небесного. Господь сказал: "Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела" и прочее.

Надлежит нам, братья, чтобы мы, по мере сил своих, подражали великому тому учителю и пастырю и усердно, с любовью к труду, выслушали краткое сие словесное изображение продолжительной и вожденной жизни его, равно повествование об обстоятельствах, собравших нас на этом месте. Я, недостойный, слезно молно любовь вашу, посочувствуйте слабости моей и пособите мне открыть уста свои при помощи Слова [божья], делающего бессловесных разговорчивыми и слабых сильными. И так, открывается слово о начале жизни его.

II. Блаженный и всехвальный Серапион происходил из страны Кларджетской от достойных родителей, честно и просто живших. Они содержали себя трудом земледельца и плодами его поддерживали бедных, по мере возможности оказывая им помощь. Жили они в мире и смирении согласно со словами пророка: "На кого я призрю: на смиренного и сокрушенного духом".

Отец блаженного сего назывался Киприаном, имени же матери его мы не знаем, не по невнимательности, в следствие сокрытия его временем,—нельзя быть невнимательным к тому, кто произвел такой плод,—ибо, по словам господя, "не может дерево доброе приносить худые плоды".

Мать блаженного сего отошла от мира, не оставив имени своего. Она произвела на свет святого сего с двумя братьями, из коих один был старше него, а другой моложе, их не раз придется вспоминать дальше. Родивши трех сыновей, она радовалась чадородию, как пишет псаломпевец: "Мать, радующаяся о детях" и, произведя их на свет, отошла к свету непреходящему.

Младший сын остался малолетним, с заплетавшимся языком: его воспитал отец Киприан, как подобает отцу, любящему чадо свое. Спустя несколько лет, умер и отец блаженных сих, который, будучи украшен доброй старостью, предстал пред богом. Три его отрока, подобно отрокам вавилонским, остались вверженными в пещь нищеты.

Здесь предстоит слову несколько уклониться в сторону, чтобы лучше проявилось плодonoшение добрых сих насаждений, которые распустив ветви, принесли плоды в тридцать, шестьдесят и стократ; в конце рассказа мы поймем, как созрели сладкие и прекрасные гроздьи их учительных трудов.

III. Нам надлежит упомянуть, каким образом выстроены и кто были строителями великих тех пустынь и монастырей,—первое всего духа божья, а затем вдохновенных им святых отцов. Когда выстроена была святая и великая пустыня Опиза монахами, которые назывались Аммоном, Андреем, Петром и Макарием, прибыл оттуда Михаил и устроил, по божьему указанию, маленький молитвенный дом для собрания монахов на месте скалистом, на котором нельзя было ходить человеку, место это называется Парехи.

До нас дошло от отцов предание, что Михаил был строитель, творец великих чудес и знамений и ученик великого чудотворца Шио, который сиял в стране Картли, подобно утренней звезде. К этому Михаилу направился вместе с младшим братом своим премудрый Серапион и поручил себя ему, как духовному отцу и воспитателю сирот. У блаженного того было много и других учеников, совершенных и сиявших добродетелями. Как у великого Антония были ученики—Илларион и Макарий, так и у Михаила—Василий и Маркелаос, к которым он

присовокупил блаженного Серапиона с братом, сопричислив их к строю учеников своих.

Старший же брат Серапиона, согласно с правилами мирской жизни, сделался обладателем отцовского имения и полюбил талант служения странникам и нищим. Когда настало время, святой отец [Серапион], по соизволению Михаила, удостоился почести священства и сделался достойным служителем святого алтаря. Михаил, этот препрославленный и великий чудотворец, руководил ими и возвел их на вершину добродетели, ибо они видели святую его жизнь, равно как реку обильных учений и знамений и великих чудес, им совершаемых.

Все это было описано впоследствии, после смерти его, учениками его. Созерцая все это, они считали его образцом, которому нужно было подражать как искусному художнику. Они внимали учению его и, следуя ему, они собирали не сено и солому, но золото, серебро и драгоценные камни. Михаил любил их за то, что они слушались его наставлений. Таким образом они пробыли с ним много времени, во всем подражая ему.

IV. Мы должны внимательно выслушать повествование о том, как они прибыли в страну Самцхийскую. Вот мы и поведаем об этом.

Когда великий отец и учитель Михаил совершил ночную молитву, на него напало удивление какое-то, он восхищен был на небо и вздел некое благолепно, по-священнически одетого мужа, который велел ему немедленно отправить в страну Самцхийскую выучеников своих Серапиона и Иоанна; при этом он показал ему приметы места, на котором, найдя его, они должны были построить монастырь, чтобы в нем собрались многие души во славу бога и владыки всех. Покончим с этим видением!

Когда пришел в себя святой, который видел много божественных знамений, позвал их и со скорбью сказал Серапиону: "Возлюбленный сын и во Христе брат Серапион! Для меня слишком тяжело повеление это, ибо душа любит совместное воспитание, в особенности когда воспитанники связаны божественною любовью. Но так как повеление это божественное, тебе надо выйти отсюда и построить дом попечения о душе там, где бог покажет тебе!" Выслушав это, Серапион упал в ноги ему и долго оставался безгласным. Святой же взял его за руки, поднял и сказал: "Будь уверен, сын, что невозможно ничтожное даже противление повелению бога. Тот, который повелел тебе взять только крест, теперь повелевает тебе взять животворящий образ вочеловечения его и, выйдя отсюда, построить святую церковь и поставить его в ней для поклонения, исцеления больных и немощных и спасения многих душ!"

Когда святой Серапион выслушал это, вместо слов стал проливать слезы и сказал: "Если на это есть благоволение твое, проси бога за меня, чтобы он не разлучил меня с этим святым собранием и чтобы я всегда созерцал святое твое лицо".

Он же ответил ему: "Чтобы не лишиться тебе венца послушных, оставь слова и приготовь себя в путь, сделав спутниками своими брата своего Иоанна и четырех из монахов моих". Он указал ему приметы того места, на котором он должен был строиться, при этом сказал: "Знай, чадо, что ты сделаешься причиною вечного спасения многих душ, дабы, как говорит апостол, "при гласе трубном, вместе со многими, тобою спасенными, предстать тебе царю".

Выслушав от святого слова эти, он не решился пререкаться с ним, но припал к нему со слезами. Он и Иоанн с любовью обняли Михаила, попрощались с монахами и, забрав с собою молитву его, отправились в путь.

V. Отправившись в путь, взяли с собою животворящую икону преображения—помощь и надежду всех христиан. Они шли без лишений, как бы в царскую палату, пока не дошли до горы, поднимавшейся в небо, и остановились в месте, которое называлось Берас-Джвари. Святой как бы пальцем указал спутникам место, где он нашел возможным построить монастырь. Когда они миновали конец долины, называемой Утквиса, вышли на место, именуемое Дзиндзе. Осмотрев его, они нашли, что оно было пустынно и окружено лесами и ущельями, поэтому понравилось спутникам его. Но святой сказал им: "На этом месте не вижу тех примет, которые указал нам пославший нас". Но они все же стали строить маленькую палатку и монастырь и пробыли там не мало дней.

Когда владетель той местности узнал, что какие-то незнакомые монахи на принадлежащем ему месте строят монастырь, не захотел этого, ибо, будучи звероподобным, безжалостным и злым, он не пожелал получить от них благословение. Их окружили здесь и, как написано относительно жителей Назарета, приведших Христа до вершины горы, на которой построен был их город, их тоже привели до реки, текущей на восток от того места.

Перейдя реку, они вышли к западу от нее в двух милях в место, покрытое лесом, куда не ступала нога человека. Обходя с трудом и усилием узкое то место, они нашли приметы, указанные им великим их учителем, обрадовались радостью великою и убедились, что не напрасно шли путем трудным и неудобным. Они увидели небольшой холм, поднимавшийся над тою местностью, к востоку же от него источник проточной великолепной воды, которая являлась завершением цели их путешествия.

Обойдя и обозрев местность, они не нашли ровного и открытого места. Святой приказал сравнять место между источником и холмом и выстроить палатку, чтобы в ней приютить себя и икону, пред которой они молились.

VI. Продолжая слово, покажем любви вашей, как преуспевало место то, или кто был человек тот, который, как бы по повелению бога во всем споспешествовал им.

Был в стране той некий великий и известный властелин, который всех превосходил богатством, количеством подданных и поместий, пределы которых были обширны и велики. Он был богат не только земными, привлекающими в здешней жизни, благами, но превосходил и тех, которые жили благочестиво, как написано об Иове: "Он был правдив, справедлив и непорочен". У него было много дворцов и палат; имя его Георгий, другое—Чорчанели, дворцы его находились в окрестностях Чорчани и Занави.

Он часто занимался охотой в месте, называемом Цхроча, ибо здесь водилось много коз и разной дичи. Там у него был дом, чтобы в случае, если его застигнет ночь и невозможно будет идти дальше вследствие темноты и непроходимости леса, переночевать в нем.

Когда святые остановились станом на вышеуказанном месте, они выстроили палатку поблизости к холму тому и развели костер, от которого поднялся сильный дым. Увидев это, Георгий, преследовавший в это время дичь, удивился и сказал сопровождавшим: "Откуда на этом месте дым и кому здесь нужен огонь? Может быть кто-нибудь выслеживает дичь, но как мог осмелиться на это? Если же это из нуждающихся в чем-нибудь, почему мы об этом не знали ничего?" Никто не мог дать ему ответ, поэтому он тотчас же приказал одному из рабов своих: "Иди скорее, узнай подробности этого дыма и доложи мне, что значит все это".

Раб немедленно отправился по направлению к дыму от огня и с трудом и усилием добрался до того места. Здесь он увидел палатку и людей, облеченных в странное одеяние пустыльников. Человек этот поразился, удивились и те. Присланный спрашивает—кто они и что делают они, похожие на нищих, в этой дикой местности? Они сказали ему в ответ: "А кто ты такой, любезный, зачем тебе нужно знать—кто мы такие". Тот ответил: "Я человек великого властелина Георгия, он прислал меня сюда, ибо он удивился огню в этом месте и вообще человеку".

Когда святой выслушал, что Георгий является главою и властелином той местности, стал выведывать все о нем подробно. Узнав, что он владыка и хозяин всех тех местностей, Серапион немедля рассказал все с первого дня до самого того момента,—зачем они пришли сюда. Он дал ему знать, что они хотят строить здесь монастырь, к этому он прибавил, что таково повеление божье, и что они являются учениками прославленного чудесами и знаменами Михаила Парехели. Человек тот рассказал великому властелину и окружающим его все, что он видел и слышал,—их всех объял страх и удивление, думали, что все это привидение. Вернувшийся говорил им: "Я видел людей во плоти, образом и видом монахов, а не привидение".

Когда рассвело, властелин приказал двум приближенным к нему владетелям, смышленным по уму, чтобы они обстоятельно разведали все. Те отправились; когда явились пред святым отцом, последний понял, что они князья, приближенные великого того властелина; он вышел навстречу им, приветствовал их и подвел к иконе. Когда князья поклонились иконе и приняли благословение, с великой радостью сказали святому Серапиону и прочей братии: "Святые отцы, благодарим бога, который призрел ныне на нас и на земле показал людей небесных! Откройте нам, по какой причине вы явились в дикое сие и необитаемое место?" Тогда святой отец Серапион осенил себя крестным знамением и с глубоким вздохом сказал: "Мы, возлюбленные, хотя и грешники, но христиане, верующие во Христа, для нашего спасения воплотившегося, и ожидающие всеобщего воскресения и уготованного святым блаженства; кроме истины не говорим ничего, ибо являемся учениками великого и прославленного Михаила Парехели; По его повелению мы явились сюда, дабы на этом месте построить обитель словесных овец"; и он рассказал им все последовательно.

Те поняли, что им говорят правду и, выслушав имя великого того учителя Михаила,

поклонились животворящей иконе, распрощались со святым и отправились назад, чтобы,

явившись к благочестивому Георгию, рассказать ему все виденное и слышанное. Он же, узнав,

что монахи являются учениками Михаила, поверил в истинность их слов и обрадовался, потом

же вернулся домой с желанием видеть их.

VII. Спустя три дня, он приказал быть готовым в путь, приводивший в место, где были святые те. Запасшись всем необходимым, равно как приношением, приличным для пустыльников тех, он забрал с собою священников с кадильницами, впереди же себя отправил скороходов приготовить ему встречу.

Они прибыли на место, где пребывали святые мужи. Когда последние узнали об этом, немедленно вышли навстречу туда, где находился источник. Властелин слез с коня, преклонил колени пред животворящей иконой, приветствовал святых и принял от них благословение. Он стал говорить умиленно с блаженными отцами: "Святые! Благодарю бога—владыку, который не

презрел недостойнство мое и в жизни моей сотворил со мною чудо—сподобил меня поклониться святой иконе и вам".

Блаженный же Серапион, исполнившись духа святого, медоточивым языком стал изливать, подобно эдемской реке, божественное учение, которое поразило властелина и бывших с ним. Они пали в ноги ему и говорили: "Христос прислал тебя к нам, как одного из апостолов, прикажи нам, отче, что делать?" Святые сказали: "Не надо замедлять исполнение воли божьей, здесь должен быть выстроен монастырь для собрания душ, любящих бога".

Властелин преклонился пред ними и сказал: "Прошу вас, святые, не просите трудного, ведь вы сами видите, что место это суровое, вы же бедны, как апостолы. Так как бог прислал вас подвизаться у меня, знайте, что дело это без меня не обойдется. Есть место, более подходящее и соответствующее тому, что говорила святость ваша; давайте, там выстроим монастырь, здесь же отнюдь дело это не выйдет".

Святой же сказал ему: "Бог приказал Моисею жезлом разделить море, из скалы вызвать воду в пустыне и с неба ниспослал в пищу манну, как дождь; подобное может быть и здесь, он трудное сделает легким. Соизволением твоим и содействием бога приступим к постройке, невозможно идти против воли божьей и менять это место, ибо приметы и предугазания относятся как раз к этому месту".

Властелин же сказал: "Не подобает человеку сознательно обрекать себя на трудности и в конце концов оказаться посрамленным, ничего не достигшим".

Святой ответил: "Выслушай, властелин, внимательно притчу сию: когда жемчуга и драгоценные камни в беспорядке рассыпаны по земле, они не так блестят в глазах любителей красоты; когда же искусный мастер выплавливает и очищает их и слагает в золотую цепь, тогда проявляется блеск их, и прославляется мастер и красота их. Также и это место: когда возмущаются за него искусные работники, тогда увидят глаза красоту его. Поэтому не заставляй нас менять место это на другое, ибо это невозможно для нас".

Выслушав это, властелин преклонил голову и молчал. Потом он поднялся, помолился и сказал им: "Помолитесь о мне, святые, мне не жаль этого места, но помочь вам в чем-нибудь другом не могу никак". Ему подвели коня и, сев на него, сказал святым: "Значит, я недостойн ваших молитв" и уехал печальный.

Когда он доехал до реки, текущей у холма, увидел скалу, слез с коня и остановился на ней; затем подозвал одного из слуг своих и сказал ему: "Поди, брат, и скажи святым тем, чтобы они явились сюда". Когда тот ушел, он сказал своим приближенным: "Они не захотели строить монастырь в Занави, что же нам делать?" Они ответили: "Не надо препятствовать желанию их!" Властелин сказал: "Дело это не без божественного усмотрения, поэтому нам нужно оказать им сильное содействие!"

Когда святые явились к нему, он им сказал: "Прошу вас, святые божьи, сделайте для меня одно: много у меня хороших, обработанных и плодоносящих угодий, посмотрите их и, если они понравятся вам, я подарю вам угодья эти, доходы от них и все потребное".

Блаженный Серапион опять сказал ему: "Говорю словами апостола: если бы ангел стал благовествовать нам не то, что нам благовествовали, не поверим".

Тогда Георгий позвал некоего юного по возрасту и сильного человека и сказал ему: "Возлюбленный сын, будь путеводителем святым сим; пусть завтра, с утра до вечера, они обходят мое имение и, сколько они сумеют обойти, дарю им, ибо они хотят это именно место. Если кто, не зная их, будет препятствовать им, скажи, что они свободно, по нашей воле строят монастырь в наших владениях". Святым же он сказал: "Будьте уверены, что всеми силами своими я помощник вам и забочусь о вас, и нет противника у меня в том месте, которым вы будете владеть; после трех дней я снова увижу вас, если это угодно богу". Святые очень обрадовались и благодарили его.

Властелин со своими людьми ночевал на той скале. Достоверно слово, дошедшее до нас, что Серапион в ту ночь видел ангела, который подкрепил его и повелел усердно трудиться. Согласно с этим, святой, спустя два дня, сделал своими руками три креста и поставил их на той скале во имя святых архангелов, впоследствии же воздвиг молитвенный домик, ибо благодатью архангелов там совершались знамения и исцелялись больные.

VIII. Но мы вернемся к начальному рассказу и по мере сил будем держаться порядка его.

Когда рассвело и взошло солнце, встал святой Серапион, брат его Иоанн и один из монахов, число которых было шесть, и они отправились втроем вместе с тем юношей, трое же остались на месте.

Пошли они по берегу той реки к западу и после многих скитаний дошли до слияния двух рек, на место, называемое Садзмо. Здесь жили какие-то нечестивые люди, во всем похожие на зверей и на обитателей безлюдного и дикого места. Когда мы дошли до того места, юноша, наш путеводитель, сказал нам: "Святые божьи! Куда вы хотите направиться?" Нам же хотелось обойти кругом то место, поэтому направились к югу, вдоль течения одной из трех рек. Когда нас увидели жители той местности, где была мельница, нас остановили и, как бешенные, стали бегать пред нами. Юноша наш останавливал их и сердито говорил с ними. Святой обратился к ним с гневом и

произнес слова пророка: "Видел я нечестивца, возвысившегося до кедров Ливанских, но я прошел и не нашлось места его". Смотри, возлюбленный, до чего исполнен был духа божественного святой этот, и что означали слова пророческие, обращенные к тем людям! Через некоторое время, последовало окончательное разорение и опустошение того места. Дай мне, возлюбленный, немного времени и слово покажет тебе это. Теперь же продолжим рассказ.

Идя по берегу той реки, вступили мы в ущелье глубокое и трудно проходимое, которое называлось Годердзиса. С трудом войдя в это ущелье, от густоты леса долго не могли видеть небо или луч солнца; выбравшись из него как бы из густого пламени или глубокой грязи, с большим трудом и усилием, с опозданием добрались до его начала и увидели незначительные пашни и маленькое поселение. Нас неожиданно встретил некий муж, добрый, седой; он с любовью приветствовал святого, приглашал его немного отдохнуть у него от трудностей пути. Весть о нашем прибытии в эти края облетела всех, муж этот стал нас спрашивать, зачем мы ходим по этим суровым, без дорог, местам? Юноша, наш путеводитель, узнал его и рассказал ему все подробно. Так как этот человек настоятельно просил нас переночевать у него, святой с благодарностью принял его намерение и спросил его имя, заметив при этом, что нельзя, чтобы они во-время не вернулись домой. Тот сказал: "Имя мое Иа, но поздно уж, чтобы вы могли добраться до того места, о котором говорите". Святой ответил: "Возлюбленный брат Иа, потрудись, ради бога, и немного пройди с нами!" Желаящие из них приняли немного хлеба, соли и сыру, святой же не вкусил ничего.

Иа пошел сопровождать нас, мы направились к востоку по горам высоким, лесистым и каменистым. Когда мы поднялись на самую высокую вершину, святой спросил: "Возлюбленный Иа, как называется место это?" Тот ответил: "Место это, являющееся обиталищем зверей, называется Бакта. Святой взял в руки железное орудие с двумя зубцами и высек на громадных камнях кресты, которые сохранились до настоящего времени.

Устремив взор к востоку, Серапион увидел на горе озеро, покрытое мутью и потому казавшееся грязным. Мы были удивлены и спросили нашего провожатого: "Что за это озеро с такой странной водою?" Иа же ответил: "Это мутное озеро называется Сатахве, в нем много бобров и прочего зверя; оно является источником всевозможных пререканий и распрей, ибо в это время здесь собираются с разных мест охотники, которые, будучи преданы делам непотребным, готовы убить друг друга".

Когда мы направились к тому озеру, Иа припал к святому и, благодаря бога за то, что он сподобил его видеть нас, просил нас всячески использовать его, если мы в нем будем нуждаться. Святой сказал ему: "Не уходи пока, брат, ибо и путеводитель наш, этот юноша, не знаком с этими местами!" Иа ответил: "Да сподобит меня Христос вечно пребывать с вами, отцы!"

Когда мы спустились на берег озера, спросили его: "Какое теперь время?" Он ответил: "Уже заходит солнце и день склоняется к вечеру". Святой спросил: "Что там за тою лесистою горою, и какова высота великой сей горы, что над нами возвышается?" Тот ответил: "Гора эта очень высокая, она—глава всех других здешних гор; так как она покрыта лесами, она называется Шешистави; по причине высоты она непроходима для человека и зверей. Впереди нас находятся места малонаселенные; так как вы хотите во-время попасть туда, не надо медлить, а то ночь застанет вас".

Святому хотелось обойти озеро с правой стороны и идти по ущельям, бывшими пред ними. Когда мы шли, явились какие-то недобрые люди, которые предложили нам приостановить шествие по взятому нами направлению, ибо теперь, говорили они, время спуска на водопой зверей, которых подстерегают охотники, вы можете помешать им. Они не позволяли нам идти. Наш путеводитель—юноша стал им противиться всюду, но они, не обращая внимания на его слова, заставили нас повернуть назад.

Мы взяли направление к западу от озера и дошли до начала спуска с горы, где не было ни дороги, ни человеческого следа. Иа нам показал маленькое поселение и назвал человека доброго и именитого, по имени Гарбанели, при этом посоветовал идти узкой этой тропой; Человек тот, говорил он, легко проводит вас до того места, откуда вы начали утром свой обход.

IX. Возлюбленные отцы и братья! Нам надо слушать повествование о чудесных делах и прославлять бога, который даровал нам такого отца и учителя.

Когда мы пришли в место, которое называется Бабген, и увидели небольшую равнину, известную под именем Бобха, Иа рассказал нам все относительно Гарбанели; он припал к святому и с любовью целовал его. Святой осенил его знамением креста и сказал: "Бог да вознаградит тебя, брат, за то, что ты сопутствовал нам! Скажу тебе, ты скоро сделаешься свидетелем возмездия тем злым и сварливым людям".

Когда он удалился от нас, мы спустились вниз и вошли в селение. И вот—видим: вышеназванный Гарбанели вместе с двумя своими сыновьями направляется домой. Увидевши нас, он удивился, почтительно приветствовал и осматривал нас. Когда он узнал, что мы те самые, которые явились в эти места строить монастырь, и своими глазами увидел, что на нас почти нет одеяния и тело наше растрескалось, со слезами обнял святого и лобызал ноги его. Серапион сказал ему: "Возлюбленный во Христе брат Гарбанели! Пособи нам немного в пути и доведи нас до реки,

которая находится к северу от нас". Он же с усердием и слезами сказал ему: "Этого не может быть, божий человек, тебя бог привел ко мне грешному к закату солнца. Я вижу, что ноги твои потрескались, прошу тебя, отдохни немного от трудностей дороги, я хочу подробно познакомиться с теплотой вашей души, которая побудила вас путешествовать по столь трудной дороге". Святой ответил: "Нельзя, чтобы мы не явились своевременно в намеченное место".

Человек тот забежал в свой дом и вышел оттуда со своею супругой; подобно вдове Сарептской и Соманитянке она пала в ноги ему. Им не удалось уговорить его, тогда юноша, наш путеводитель, сказал Иоанну, брату его: "Душа наша уходит от нас, послушаемся человека этого, ибо не время продолжать путь!" Святой сказал: "Кто в Гаваоне остановил солнце для Иисуса Навина и для старца Виссарiona, тот и нас удостоит, пока стоит это солнце, узреть святую его икону и поклониться ей". Тогда в предшествии человека того они отправились в путь. Юноша-путеводитель сказал святым: "Помолитесь обо мне, святые, теперь я отстану от вас, завтра же, если угодно будет богу, я буду лобызать ноги ваши". Это было сказано по усмотрению свыше, чтобы он стал свидетелем великого чуда, о котором будет сказано спустя несколько времени.

Когда мы шли по узкой и трудной дороге, Гарбанели приказал сыну своему идти с нами до устья реки. Когда мы дошли до того места, монахи увидели нас и вышли навстречу нам. Ты же, возлюбленный, обрати внимание на чудо это: с того времени, как мы ушли от того человека, до возвращения в наш монастырь, солнце стояло на своем месте по слову святого; этому мы удивлялись и прославляли бога, прославляющего своих. Монахи, видя нас, оборванных, с потресканными ногами, плакали о нас. Мы приняли немного пищи, которую нашли у них. Когда рассвело, мы помолились богу; святой взял в руки дерево и, как в начале было сказано, сделал кресты, которые воздвиг во имя святых архангелов.

Х. В три часа, когда мы молились на том месте, Гарбанели и юноша, наш путеводитель, а также два незнакомых человека поспешно явились к нам; увидев их, мы обрадовались. Они были объята ужасом, в особенности два незнакомых, которые с виду похожи были на мертвых. Мы стали спрашивать, почему они явились с такими вздохами и воздыханием, и кто те два мужа, которые безгласны и безмолвны, как мертвецы? Гарбанели начал рассказывать святым: "Когда вы ушли от нас, юноша этот был слишком утомлен; была ночь, мы вкусили пищи и, удивляясь вашему мужеству, прославили бога и заснули. К утру стали готовиться в путь к вам; вдруг началось землетрясение, поднялся шум на подобие ветра, чему мы очень удивились. Нам явились эти два мужа, которых вы видите, и с трудом стали говорить. Когда мы их спросили: "Что это за шум и сотрясение", они ответили: "Скалу, бывшую с западной стороны озера, прорвало и хлынула мутная вода; мы, находившиеся около того места, убежали от сильного страха и спустились к этому человеку, ибо он был знаком нам".

Правдивость их слов подтверждала река, которую не вмещало свое русло, вследствие чего повсюду разлилась муть, подобная грязи; этому мы все удивлялись.

Юноша же тот говорил святому: "Вижу я, что слова твои стали делом; помню сказанное тобою вчера человеку тому, который сопутствовал нам до озера Сатахве: скоро ты увидишь возмездие тем сварливым людям, а также и тем, которые у слияния рек неистово бегали пред нами, как бесноватые; думаю, что следа не останется от того места".

Когда воды в реке спали, на месте озера увидели каменистую равнину, место же, где стояла мельница, было затоплено и невидно. После этого юноша припал к святому, принял от него благословение и сказал: "Если господу угодно будет, скоро увижу вас; если что захочешь от властелина, скажи мне, он намерен в скором времени повидать вас". Святой ответил: "Без божьего благословения нельзя его утруждать, он сам лучше знает все, в чем нуждаемся, ибо Соломон говорит: "Уши мудрого всегда готовы [слышать] божественное слово". Юноша тот ушел от нас, мы же остались на том месте.

XI. Благочестивый властелин, полный страха и радости, отправился видеть чудеса те и знамения; с ним были все знатные его страны, а также много народа со всех тех мест, где слышали о великом сем чуде. Когда прибыл властелин, облобызал святую икону, приветствовал их и, удивленный, спрашивал о чуде. Он обстоятельно разузнал все от людей, которых сам послал, именно: место озера превращено в равнину, сухое его дно покрыто песком и камнями; об этом рассказывали и те, которые спаслись бегством. Отовсюду являлись священники и монахи, которые с радостью приветствовали святых. С берега той реки мы с молитвой и литаниею поднялись на упомянутый раньше холм, по приказанию властелина сравняли холм и превратили его в ровное место.

Пришли окрестные князья, каждый из них говорил святому о преимуществах своих поместий для построения монастыря. Даже тот, который в начале прогнал их с места, называемого Дзиндзе, приглашал его построить там монастырь. Святой сказал ему: "В нечестивую душу страх божий не вселяется, не следовало бросать жемчуг пред свиньями; что же—слепой проходит мимо лежащего пред ним золота! Пусть тебе простится грех твой, только не думай заставить нас переменить это место".

Все собрание громогласно заявило: "Эти чудеса подобны чудесам Моисея: разделению моря, изведению воды из скалы и разделению иорданских вод кивотом завета. Подобно тому, как

Григорий Чудотворец высушил озеро, бывшее причиною вражды между братьями, так иссушилось через Серапиона озеро это, бывшее причиною раздоров и человекоубийства". Так как Серапиону была чужда гордость, он им сказал: "Не думайте, властелин и все собрание, что я своею силою сотворил чудо это; Христос бог прославил икону лица своего, чтобы вы поверили, что не ложны и не тщетны дела, которые вы видите".

С тех пор место это получило соответствующее название: народ, который объят был страхом и несказанным ужасом, дал ему имя Зарзма. Проведши ночь ту в молитвах и пении, утром попрощались со святыми и с радостью разошлись по домам.

XII. Благочестивый Георгий остался с ними и предложил им избрать место, где они хотели бы построить церковь, при этом одарил их щедро всем, что требовалось для начала дела. Расставшись с ними, он обещал снова навестить их.

С тех пор стали искать место, чтобы построить церковь для прославления бога. Святой хотел строить ее на высоком холме, Иоанн же и другие говорили ему: "Нет, не на этом месте, оно высоко и там холодно, братья же голые и нищие". Начался спор между ними. Некогда Гедеон положил для испытания руно, великий же Феодосий посредством углей нашел место для постройки монастыря. Подобно им поступали и они: наполнив елеем две одинаковые лампы, они поставили их в пререкаемых местах. К югу от того высокого места была маленькая долина, где Иоанн поставил свою лампаду, на холме же—Серапион; оба они стали на молитву. К рассвету лампадку Серапиона нашли потухшею, лампадка же Иоанна сияла до полудня. В этом было показано усмотрение божье, чтобы не поспешно, но в свое время построить боголепный храм на высоком том месте. Видя это, решили построить там церковь.

Святой медоточивым языком сказал брату своему Иоанну: "Брат Иоанн, бог показал тебе это дивное чудо, ибо он увидел незрелость ума твоего, знай, что, немного времени спустя, на этом месте построен будет великий храм".

Украсили место то, число монахов все увеличивалось, ибо известность святого привлекала к нему многих, которых орошали, как река, сладкие его слова. От рук его восприял постриг Гарбанели и те два мужа, которые спаслись во время разлива озера. Новому этому Моисею повелено было быть вождем нового сего Израиля, он нуждался при постройке скинии в помощи новых Веселиила и Елиава, ибо он не то что вошел в дым и принял скрижаль каменную, на которой были начертаны заповеди и закон, но в уме своем нес того, кто начертал их и кто в расщелине скалы тайно говорил Моисею: "Я есмь сущий". Кто на горе Фаворской разговаривал с Моисеем, Ильею и с главою апостолов, того, изображенного в плоти, нес на раменах своих и поставил для поклонения верующим.

Приступив к постройке церкви, положили основание на том месте, которое избрал Серапион.

XIII. Строить было трудно; так как камни той местности покрыты были лесами, обратились к реке и оттуда доставляли их правда не все доброкачественные. Архитектором и смотрителем над работою были Гарбанели и те два брата. Когда разнеслась весть, что строят церковь, начался прилив, на подобие реки, рабочих; так как на месте не было камня, они с трудом и усилием доставляли его с реки.

Благочестивый Георгий снова явился туда и, ознакомившись со всем, что там делалось, решил приложить усилие, чтобы постройка была хорошая. Он вспомнил и сказал святым: "Умудренные Христом отцы! Есть место, где находится разрушенная от землетрясения церковь; если угодно будет вам и прикажете, легко будет оттуда доставать камни".

Когда святые убедились, что камни от той церкви остаются без употребления, приказали немедленно приступить к делу. И стали оттуда доставлять камни, сколько их нужно было на постройку; они теперь являются краугольными, можно их видеть и в арках. Имя местности той, откуда их доставили, Умца, она отстоит на двенадцать миль от места постройки.

По истечении трех лет закончилась постройка церкви, которая была украшена сообразно с тем моментом. В ней поставили животворящую икону преображения; после стали строить кельи для монахов. Их собралось там большое количество, ибо благодать святого духа и известность человека божья Серапиона, влекла туда людей. Господь говорит: "Где соберутся двое или трое во имя мое, я там посреди них". Тем более он с теми, которые во множестве собрались для служения богу.

Благочестивый Георгий дал им все необходимое: мулов и ослов и все, в чем они нуждались. Святой Серапион установил чин и устав церковный, которым они руководились, как божественной благодатью. Человек божий Георгий отвел им и земельные угодья и селения, он готов был отказаться в пользу этого места от всего своего добра.

Многие стали подражать ему и, как некогда Моисею сдавали жемчуга, благородные камни и всякие драгоценности для постройки скинии, так и теперь, по мере сил, жертвовали на постройку новой этой скинии, которая есть Церковь Христова.

XIV. Здесь слово направляется в другую сторону, чтобы особо поведать о чудесах святого сего и чтобы жизнь благочестивого Георгия лучше проявилась. Все это нам рассказали не какие-либо незнатные люди, но очень даже известные и славные, именно: епископ Георгий

Мацкверели, который происходил из области Шуарткли, от родителей благородных и боголюбивых, воспитанный в прославленной обители Опиза. Богоносный сей говорил неложными устами своими: Когда я был в Опизской пустыне, в обители предтечи и крестителя, оттуда я поднялся к великому отцу Михаилу. В бытность мою с ним он отправил двух учеников своих с письмом к Серапиону и брату его Иоанну, чтобы они немедля явились пред ним. Предчувствуя время отшествия своего [от мира сего], он желал повидаться с ними и узнать, как идет застройка указанного им богом места. Серапион, будучи послушным учеником своего учителя, вскорости же явился к нему вместе с братом своим Иоанном и с другими братьями. Увидев друг друга, великий Михаил и Серапион обрадовались, как следовало ожидать, радостью великою и со слезами благодарили бога; братья приняли благословение друг от друга.

Когда прошло три дня и мы отдохнули, великий Михаил начал расспрашивать, каково место то и как успешно идут там работы, или кто был им помощником и сподвижником? Блаженный Серапион рассказал с самого начала все бывшее с ними, именно: как их поддерживал великий властелин Георгий Чорчанели, как удвоилось число монахов, поведал также о великом чуде иссушения озера и уничтожения нечестивых жителей того места, вследствие чего место то получило соответствующее название Зарзма—от великого страха, объявшего народ; рассказал ему и все остальное последовательно.

Святой Михаил, выслушав это, обрадовался духом, благодарил бога и благославлял благочестивого того мужа Георгия Чорчанели. Потом он позвал келаря и приказал приготовить ужин. В девять часов они совершили положенный чин псалмопения, сели ужинать и выпили вина, объединив таким образом духовное торжество с телесным. Святой Михаил, прославившийся великими чудесами и знаменами, обратился к Серапиону со словами: "Возлюбленный сын и брат Серапион! Я поверю в чудеса, совершенные тобою, и в преуспевание начатого тобою дела, если случится следующее".

По усмотрению бога в церковной стене была давнишняя ветвь ваии; Михаил взял ее в руки, отдал Серапиону и сказал: "Сын мой, посади ее близ церкви сей и, если она оживет, знай, что место твое будет плодоносить, иди и застраивай его". Все сидевшие там были удивлены и сказали друг другу: "Сколь велики чудеса, совершенные обоими ими?" Серапион, будучи совершенно чужд гордости, пал в ноги ему и сказал: "Святой божий человек! Нет ничего невозможного пред тобою, ибо ты имеешь власть даже горы сдвигать". Приняв из рук его ветвь, он посадил ее; чрез некоторое время она ожила и, став многоветвистою, возвещала о величии чуда. Видя это, все удивлялись и прославляли бога. Когда весть об этом разнеслась по окрестным пустыням, все поразилась и славилась богом, совершителя чудес.

XV. Затем последовал ряд чудес; рассказав о них, вернемся к началу слова.

Они пробыли вместе некоторое время, радостные духом, веселые и исполненные благодати божьей. В один день, совершая чинопоследование третьего часа, какое-то удивление напало на святого Михаила и он долго стоял в оцепенении. После, как бы проснувшись от глубокого сна, обратился к святому Серапиону и сказал: "Поспеши, брат, и иди в возделанное тобою место, ибо там должны начаться ссоры, которые, если богу угодно, скоро прекратятся; меня же больше не увидишь в этом мире, ибо скоро уйду отсюда. Когда по божьей воле, будет всеобщее после [воскресенья из мертвых] собрание, тогда увижу я тебя, радостного и сияющего, как доброго делателя, богатого своими заработками. Брат же твой Иоанн пусть ищет другое место; найдя его, в заботе о местных жителях пусть строят там монастырь". И он указал ему приметы того места, на поиски которого должен был отправиться Иоанн.

Оставив Серапиону такое завещание и предуказав все будущее, Михаил отправил его в слезах, ибо ему больше не суждено было увидеться с ним.

Когда они добрались до великой Кларджетской пустыни Опизы, их встретили тамошние отцы, с любовью приветствовали их и воздали им должное почитание. Через несколько дней смиренного и чуждого гордости Серапиона видели стоящим с церковными зодчими, ибо, вместе с другими добродетелями, он обладал знанием законов церковного зодчества и был украшен званием архитектора.

Видя его, некий гордый и высокомерный человек стал хулить его и говорил: "Вот святой и прославленный Серапион стоит как бессловесный и безгласный, он отнюдь недостоин какой-либо почести" Когда он это говорил, исполненный дьявольской зависти,—о, чудо божье,—свершилось слово пророческое: "Господь обратит на них беззаконие их", и еще: "Да онемеют уста лживые, которые против праведника говорят злое".

Когда они находились в церкви, вдруг человек тот упал пред всеми безгласный, вывалился из рта набухший язык, и он валялся, испуская пену: удивление забрало весь хор певцов. Те, которые слушали от него хулу на святого, говорили друг другу: "Неужели такое наказание исходит от него?"

Когда человек тот пришел в себя, он сознал свой грех; не имея возможности говорить языком, он пал пред сонмом отцов и этим исповедал согрешение свое. Все опустились на колени пред святым и умоляли его простить ему грех его. Он же сказал им: "Собрание святое и сонм избранный, да не будет того, чтобы из-за меня случилось с этим человеком что-нибудь; согласно

словам апостола Якова, мы должны все по братолюбию молиться за него и господь исцелит болящего". Они еще больше стали просить его: "Прости, святой божий, и помилуй несчастного сего". Святой им сказал: "Вот я готов [молиться] с вами". Преклонив колени, он произнес: "Господи Иисусе, сын бога отца, пришедший в мир спасти грешных! Подобно тому, как ты словом своим отверз уста глухонемому, исцели, владыка, господи боже, и человека сего, которого ввел в грех коварный дьявол".

Когда он это произнес, сразу прекратились жесткие боли языка, и он встал. Видя это, все прославили бога. Весть об этом чуде разнеслась повсюду и все говорили: "Чудо, совершенное Серапионом, не уступает ничем следующим чудесам: превращению сухой ветви ваи в растение со свежими листьями, исцелению господом сухорукого, процветанию жезла Аарона и оживлению дерева через прислонение к нему великого мученика Харлампия, равно как чуду Григория Акракантского". Господь говорит: "Верующий в меня сотворит больше, чем я творю" и "дивен бог во святых своих". Говоря это и подобное сему, все прославляли бога.

XVI. Продолжим рассказ, чтобы потом вернуться к первому слову.

После того, как святой совершил такие чудеса в том месте, где он был воспитан настоятелем, бывшим причиною преуспевания всех его подвигов, он повидал раньше упомянутого старшего брата своего, который обслуживал их все время, пока они оставались там. Потом святые покинули пустыню ту и, попросившись с тамошними монахами, ушли. Когда они перешли гору, называемую Арсиани, и дошли до ущелья, по имени Квели, по усмотрению свыше, выполнен был некий как будто недостаток. Их встретили какие-то монахи и сказали: "Добро пожаловать, святые деятели Христова вертограда! Есть повеление, чтобы в этом месте вами был построен монастырь, в котором мы нуждаемся. Мы ждем вас, уверенные, что вы и здесь будете вождями и учителями этого дела". И повели их на место, где они нашли указанные им великим Михаилом приметы.

Святой Серапион приказал брату своему приступить со всем усердием к постройке монастыря, согласно с повелением святого Михаила. Дело это Иоанну показалось трудным, но не смея идти против повеления обоих святых, сказал Серапиону: "Если дозволено будет от времени видеть святое твое лицо, я готов выполнить твое повеление". Святой обещал, что они часто будут видеть друг друга. Иоанн выстроил монастырь согласно воле своего учителя, украсил его подобающим образом и дал ему свое имя; место то называется Иованецмида. По временам он приходил к брату своему и учился у него управлению монастырем. Но здесь вернемся к началу, у нас слова сплелись и не выделили повествования о постройке монастыря во имя святого Иоанна.

Когда святой Серапион ушел из Опизы и пришел в свой монастырь, его встретили с радостью и приветствовали с любовью. Обозрев все, что сделано им, новым сим архитектором и видя, что число монахов заметно увеличилось, он обрадовался и благодарил бога.

XVII. Здесь рассказ должен быть направлен в другую сторону.

Богоносному отцу Серапиону доложили о смерти великого властелина Георгия, строителя его монастыря. Когда он узнал это, опечалился, как и следовало ожидать, и плакал по примеру спасителя над Лазарем, в особенności потому, что он не присутствовал там в то время. Он приказал эконому, священникам и монахам назавтра вместе с ним отправиться на могилу его в Занави, где находился великолепный монастырь, построенный Амаспом и Курдием и реставрированный сестрою Георгия, которая была женою великого властелина Мириана, сына Бешкена Пахлаунди и внука Иоанна.

Георгий не оставил после себя наследника, ибо два сына его умерли еще в младенчестве, после же них скончалась мать их, произведшая их на свет; жениться другой раз Георгий не захотел. Умирая, преблагословенный Георгий свое достояние, все, что у него было,—вотчины, разного рода богатство, церкви,—завещал в собственность сестре своей и ее сыновьям, которые назывались: Сула, Бешкен и Лаклаки. Прибыв на могилу его, святой всем сердцем оплакал его, а потом приветствовал должным образом и утешил сестру его Латавру, впоследствии названную Феклюю. Он благословил трех ее сыновей на подобие трех странников, явившихся Аврааму. Затем он взял завещание великого властелина Георгия и со слезами на глазах прочел его, помолился за него и благословил его, ибо он и ему оставил все в изобилии: пашни, стада, верховых животных и разного достатка; он с надеждой вручил душу его богу. С течением времени разрасталось и преуспевало место то.

XVIII. Теперь нам надлежит со вниманием выслушать, каких дарований удостоился великий Михаил.

Как известно, он [Михаил] предсказал блаженному Серапиону: "Место, возделанное тобою, делается местом пререканий и испытаний". Поведаем об этом.

После смерти Георгия место то пребывало в мире и спокойствии, владения его, завещанные сестре Фекле и ее сыновьям, преуспевали во всем добром. Впоследствии же, по козням дьявола, начались здесь волнения: Лаклаки убил зятя своего [мужа сестры], который

говорил: "В вотчинах ваших, которые вы получили от матери, имеет долю и сестра ваша!" Начались между ними пререкания, окончившиеся смертью зятя. Волнения продолжались три года; на четвертом же году бог прославил великого первосвященника Георгия Шуарткелели, который воссел на Ацкурский архиерейский престол, ибо не подобало держать свечу под спудом. Он взял в руки свои управление Самцхийской областью, умиротворил, как следовало, удел свой и завладел всем наследством и всеми церквями враждовавших между собою. Место то, называемое Зарзмою, помощью бога и молитвами чудотворца Серапиона, оставалось незыблемым.

По прошествии семи лет, благодаря усилиям святого архиерея Георгия, улеглись волнения и беспорядки. Причиною всего этого вместе с великим Георгием Мацкверели, был и блаженный отец Серапион. О всех этих чудных делах, которые он видел до епископства и после, поведали мне уста неложные и правдивые, имею в виду Георгия Мацкверели, именно: как ожила ветвь ваии, как Серапион исцелил гордый и превозносивший язык, введенный в заблуждение по наущению дьявола, ибо он сам видел все это.

XIX. Теперь пусть слово следует последовательно за начатым рассказом.

Когда раздоры прекратились, монастырь тот стал ежедневно преуспевать. Брат Серапиона Иоанн часто приходил к нему за благословением и изучал все то, чего недоставало у собственного его монастыря. Они, блаженные, вменили себе в обязанность стоять ночную службу с распростертыми руками вместе с хором певцов. На рассвете же отходили друг от друга на расстояние метания камня и тихо, со слезами, возносили молитвы, чтобы и этим уподобиться господу своему. Таким образом они каждый день приумножали талант, чтобы представить прибыль раздателю даров.

Прошло много лет, они достигли доброй старости, однако в божественном знании остались младенцами. После этого скончалась сестра Георгия Фекла, сыновья же ее остались жить, причем преуспевало владычество их и благословилась семья их, как семья Авраама и Якова,

XX. Теперь, братья, нужно с усердием приклонить слух свой и, выслушав начало и конец повествования о жизни блаженного сего, удивляться и благодарить бога.

Приблизившись к отходу от мира сего и к превращению печали в радость, он собрал монахов и сказал: "Отцы и братья! Я желаю сказать подобно апостолу: "Течением добрым подвизался я и веру сохранил". Не говорю я по гордости, но надеюсь, что теперь мне готовится венец правды, и не только мне, но и всем возлюбившим явление его. Для возлюбивших господа готовы венцы, как он, сам господь, говорит: "Придите ко мне все нуждающиеся и обремененные, и я успокою вас: научитесь от меня, ибо я кроток и смирен сердцем". Ты же сын мой, научись от говорящего; "Возлюби господа бога твоего всем сердцем своим и всею душою твоею и всем разумением твоим, и ближнего своего как самого себя". И еще: "Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки, по этому узнают все, что вы ученики мои, если будете иметь любовь между собою". Прежде всего, братья, сохраните любовь к богу и ближним, как главное требование закона и пророков, и молитесь всегда, чтобы не впасть в искушение, ибо молитва приближает к богу, она дверь в царствие небесное, она соединяет с ангелами и поражает дьявола. Святые и богоносные отцы молитву считали оружием, пост—оградой, святые же слезы—банею, послушание—мученичеством, которое вместе с мучениками—подвижниками венчает человека".

Много чего такого высказал святой ученикам своим и прибавил: "Я, братья, спустя немного дней отойду от вас, вы же ищите отца и вождя, который пас бы вас, как детей своих и братьев". Они, проливая слезы, плакали много и никто не в состоянии был ответить что-нибудь. Но, придя в себя, сказали ему: "Мы, отче, остающиеся сиротами после сладкого и милостивого отца, не знаем что и ответить!" Святой сказал: "Так как, дети мои, вы ничего мне не хотите сказать, я убогий, должен сказать, что следует".

Был там один священник, муж, украшенный добродетелями и сладкий в словах и делах; святой позвал его и сказал: "Возлюбленный сын Георгий! тебе выпал добрый жребий пасти после меня, как чадолюбивый отец, стадо сие Христово, и они, любящие отца, послушают гласа твоего" Выслушав это, Георгий в слезах сказал ему: "Трудно мне, святой отец, возложить на себя бремя неудобноносимое, поэтому молю, прости меня и не приказывай мне этого". Святой сказал: "Не я, а через меня повелевает сам Христос". И убедил его принять пост настоятеля; этому обрадовались братья, ибо видели в нем человека, во всем подобного Серапиону. Последний вручил ему паству свою и, поставив служителей церковных, сколько нужно было, дал собранию благолепный и божественный устав.

На седьмой день после этого он немного захворал и лег в постель. Спустя пять дней, встал и, как бы юноша, дошел до святого алтаря, приложился к святой трапезе и животворящей иконе воплотившегося Христа. Изобразив на себе крестное знамение, он приказал причастить его святого тела и крови Христовой, обласкал всех по одиночке и сказал: "Помолитесь, братья, обо мне, больше не увидите меня в жизни этой". Выйдя оттуда, в шестом часу он добрался до своего ложа, а в девятом предал дух свой в руки бога, которого желал все время.

Монастырские отцы не мало плакали о нем. Тогда явился, как бы на облаках небесных, брат его Иоанн, ибо он был извещен об этом духом. Пришло очень много людей из окрестных

монастырей и селений. Явился и богоносный Георгий Мацкверели со крестом и со всем чином церковным. Скажу и то, как будто явились и чины ангельские вместе с сонмом всех святых к сожителю и сподвижнику своему и с рукоплесканием и радостью взяли на небо всеблаженную душу его. Небесные [обитатели], радостные, славили бога, земные же, исцеленные прикосновением к святому телу его, от болезней и недугов, возносили благодарение и поклонение к нему.

Намастив тело его благовониями, в пении и преднесении множества возженных свечей положили его в могилу, которую он при жизни приготовил к востоку от алтаря, чтобы, созерцая ее ежедневно, помнить смерть, которую он постоянно имел пред глазами. Так совершен был чин погребения. Во время погребения его многие исцелились от разнообразных болезней, дабы знали все, что он, будучи мертвым, жив и заботится об обращающихся к нему. Он совершал много непостижимых для ума чудес, вспомним о некоторых из них, а потом прекратим слово.

XXI. Когда многотрудившееся тело его лежало еще на одре, явился какой-то, весь иссохший человек, который жестоко страдал от лютых болезней, ибо кровь текла у него из срамного органа. Взывая неестественным голосом, он пришел и обнял одр его. И вдруг на виду у всех, семеноточивый орган его изверг два, поразительных по величине, камня, и он исцелился, как будто ничего не было с ним. Все, видевшие это, прославили бога, прославляющего святых своих. Пришли также многие другие, одержимые всевозможными болезнями, и исцелялись во славу бога.

Непостижимы знамения и чудеса его, совершаемые им после погребения его до сего дня над больными; невозможно человеческим языком пересказать или описать чудеса, с которыми познакомили нас клятвенно люди, достойные доверия. Да сумеем ли мы рассказать любви вашей о чудесах, которые видны и слышны в настоящее время? Ибо мощи его постоянно преизобильно источают во славу бога благодать всем, с верою к нему прибегающим.

XXII. Упомянем и то, какого пророческого дара удостоен был он. Вспомним сказанное им некогда брату своему Иоанну: "В свое время на холме сем построена будет великолепная церковь". Настало предсказанное то время. Пока жив был святой, он, любимый всеми, был всем другом и учителем. Учеником его сделался некий муж, совершенно ему неизвестный, бывший из незначительной местности, которая называлась Дзаргуа. Он каждый день приходил к нему и говорил: "Благослови меня, отче, руками своими и воссоедини меня со святым собранием твоим". Он же не спешил, чтобы продлением его светской жизни проявилось большее чудо. Он же говорил: "Благослови меня, отче, прими малое сие приношение и употреби его на постройку монастыря". Он же советовал ему обождать, настанет само собою время, когда он сделается монахом и приношение, уготованное им, окажется полезным.

Когда пришло время, Серапион скончался и на третий день был похоронен в упомянутой могиле, которую сам приготовил к востоку от алтаря против окна. Человек тот явился, как сказали, на третий день после его смерти, оплакал его и жаловался ему, как живому, что он не постриг его своими руками, при этом говорил: "Не уйдет он от его могилы, пока не сделается монахом, приношение, которое у него было, будет лежать на могиле его".

Когда он находился в таком возбужденном состоянии, игумен приказал эконому принести наплечник и кукуль и постричь его. Он не замедлил исполнить повеление и постриг его, совершив над ним весь положенный чин. Новопостриженный после этого отправился в свое селение.

Когда поселяне увидели его, облеченного в непривычное одеяние, удивились и решили оставить его в миру. Это им не удалось, поэтому доложили об этом его господину, у которого человек этот состоял как бы курьером, которого посылали в дальние страны. Когда человек этот увидел, что ему не позволяют поступить по воле своей, взял он приношение свое и, сколько мог, бежал из дому. Погнались за ним, но благодаря заступничеству святого Серапиона, не могли догнать.

Он вошел во внутрь монастыря, за ним вошли туда и преследующие, чтобы схватить его и отнять бывшее при нем приношение. Человек тот, успев поравняться с окном, бросил через окно в церковь завернутое в платок приношение.

Преследующие попросили настоятеля Георгия открыть им церковь, чтобы они могли поклониться святому и видеть, сколько пожертвовал этот человек. Вот усмотрение божье, внушавшее всем, что святой, будучи мертвым, может сделать все, что ему угодно! Когда открыли церковь, они вошли в нее, поднялись в алтарь и стали искать то, что на виду у всех было заброшено туда, но ничего не могли найти. Поэтому страх и трепет объял всех и славили бога.

XXIII. По прошествии многих лет скончался настоятель Георгий, его заменил некий Михаил, которому Георгий завещал: "Стройте храм согласно с повелением Серапиона, о расходах не беспокойтесь, ибо святой Серапион дал мне знать в видении, что приношение того человека сокрыто ниже креста, стоящего у изголовья его; достаньте его и расходуйте на строителей, распорядителем сделайте жертвователя, ибо он еще мною был поставлен надзирателем всех монастырских служб". При этом Михаиле четвертого июня месяца, в четверг, начали строить церковь, предначертанную святым.

Михаил, по приказанию господ той местности, пригласил прославленного зодчего из

страны греческой, из местности, известной под именем Хупати; у него помощником был каменщик, по имени Шуартктели. Эти два человека были учителями и руководителями всех рабочих. Согласно с показанием отца Георгия Михаил стал искать приношение того человека. Священники с Евангелиями и зажженными свечами, в присутствии самого жертвователя, прошли на могилу Серапиона и, прочтя из Евангелия Иоанна слова: "В начале было слово", преклонили колени и, помолившись Серапиону, отодвинули крест тот, как было указано отцу Георгию, и вот чудо—нашли совершенно нетронутым сверток. Увидев это, жертвователь удивлялся, и все воздали благодарение богу и святому Серапиону.

У жертвователя стали спрашивать о количестве золота. Он же сказал: "Это чистое, полированное, с изображением древних царей, золото, в этом свертке, было 305 драхм". Когда раскрыли сверток, в нем оказалось столько, сколько он сказал.

Стали строить усердно, человека того поставили надсмотрщиком над каменщиками, ему же вручили должность эконома монастырского братства. Строительство во всем преуспевало, ибо человек тот доставлял рабочим, с заложения фундамента и возведения цоколя, все необходимое, кроме пищи. Когда здание с портиком доведено было до окна, кончилось золото того человека, как об этом гласит высеченная там надпись: "Здесь, где стою я и держу крест, кончились средства мои".

Когда постройку довели до окна, над восточным окном сделали изваяние Михаила с двумя каменщиками. Благодарью святого Серапиона они всегда доставали средства, ибо все нужное притекало подобно реке. Когда здание доведено было до окна, настоятель Михаил оставил жизнь сию и отошел к господу. Настоятелем вместо него сделался некий Павел, человек, имевший рекомендацию всего собора. Он закончил постройку церкви и всячески ее украсил. В ней поставили икону преображения и освятили ее в настоятельство этого Павла. Отошел ко господу в доброй старости и тот муж, который сделал первое пожертвование на постройку. Пусть это будет до сих пор!

XXIV. После этого мы вспомним еще кое-что и другое и заключим слово. Василий, который написал Житие это, сам говорит: "Я, Василий, племянник [по брату] святого Серапиона, последний из всех монашествующих, после смерти его прибыл на могилу его и, увидев все, им сделанное, в великолепном и хорошем виде, развеселился и обрадовался. Когда же я нашел могилу его в потаенном месте, где ежедневно получали исцеление все немощные, с согласия начальствующих в монастыре, изготовил каменный саркофаг; потом открыл гроб святого, откуда вышло необыкновенное благоухание. Мы были удивлены и поражены чудесами, которые тогда совершились, поэтому прославляли бога. Ибо многие больные от прикосновения к костям святого выздоравливали и, исцелившись, с радостью возвращались назад, славя чудотворца бога.

Зажегши множество свечей, при пении певцами благодарственных песней, положили кости в новый саркофаг, а над ним в открытом притворе поставили крест во имя предтечи. Вместе с этим установили, чтобы один из священников возносил в нем жертву господню.

Постановили также праздновать память его в пении и песнях духовных, со всеобщим бдением, 29 числа октября месяца, с тем, чтобы после литургии устраивать, вместе с духовным, щедрое и богатое угощение, дабы в двойном веселии прославлять бога, прославляющего святых своих".

XXV. Мы еще предадим повествованию одно из чудес его, а потом войдем в тихую пристань.

Когда пред нами стоял саркофаг святого и все присутствующие пели, подошел один человек, у которого с давних пор поврежден был правый глаз, до того, что совершенно не видел света; нестерпимая боль предвещала, что он потеряет и другой глаз. Увидев его, все мы пожалели его. Он был из местности, называемой Бобга. Этот человек припал к саркофагу святого, и все мы стали свидетелем великого чуда: вдруг он стал совершенно здоровым; мы все прославили бога, который ежедневно творит на гробнице его силы и знамения.

После этого должность настоятеля принял Василий, который несколько времени трудился на месте подвигов своего дяди.

XXVI. Теперь же мы, убогие и неученые, обратим слово наше к тебе, о, святой отец, великий заступник всех, как до нас, так же и после! Не забудь нас немощных и недостойных, называемых детьми твоими; не отврати от нас, за множество наших грехов, лица твоего. Какую мы воздадим тебе хвалу, ибо преуспевание жизни твоей превыше человеческого естества. Вознося к тебе слова, прославляющие подвиги твои, молитвенно припадаем к тебе и просим, чтобы бог, ходатайством твоим, простил нам согрешения наши.

О, собеседник ангелов, верный раб святой троицы, во сто крат умноживший данный тебе талант. О, целитель слабых, помощник бедствующих, пристанище обуреваемых, богатство нищих, утешение путешествующих и странных, украшение подвижников, избранный из монашествующих гордость отцов, великий светильник путеводителей и прибежище всех, к тебе притекающих, учитель божественной ревности для послушных, слава отцов, говоря кратко, достойный всякого доброго имени и дела! Приими от меня изображение твоих добродетелей, представленное словами, вышедшими из недостойных моих уст, и будучи рабом Слова божья,

подражай Христу владыке, который принял лепту вдовицы; не отвращайся от алавастра недостойных моих уст, как не отверг Христос алавастра блудницы.

Войди в нашу среду, как Христос в дом Закхея, и спаси нас молитвами своими от ухищрений врага. В этом мире мы назывались последователями твоего учения, удостой же нас, недостойных твоих учеников, в последний день славного пришествия господина, стоять одесную господина бога, близко к тебе, со всеми святыми, молитвами пресвятой богородицы, благодатью твоею, святых апостолов, пророков и отцов, чтобы удостоиться нам, недостойным, слушать торжественный голос вместе с ангелами, которые славят в трисвятой песне троичную единую, которой подобает всякая слава, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь!

ГЕОРГИЙ МЕРЧУЛЕ

ЖИТИЕ ГРИГОРИЯ ХАНДЗТЕЛИ

(Труды и подвиги достойной жизни святого и блаженного отца нашего архимандрита Григория, строителя Хандзты и Шатберди, и с ним многих блаженных отцов)

I. Источник благ, Христос, бог всех тварей, насадил [корень мудрости] в природе истинных мудрецов; посему от совершенных мудрецов требуй осторожного мудрословия, а от глупцов, разумеющих [свою немощь?], того, чтобы они молчаливо слушали мудрых. Ныне глупцы мудрословят от себя, а мудрецам [предоставили] молчание: они не уразумели, что "мудрая речь — чистое серебро, а молчание — отборное золото", как сказал Соломон.

В самом деле, когда у мудрых перевешивает молчание, тогда "мудрость их воспевается на улицах", ибо язык их не молвит праздною речью и не творит злословия, поскольку они заняты исканием мзды, всячески мудрствуют о святости вместе с праведностью в достоинстве и поют в любви к богу с разумением, постоянно вознося молитву по слову апостола: "Непрестанно молитесь!"

Но так как я не в силах непрестанно молиться и сам ниже всяких глупцов, недостатки мои не позволяют мне молчать, и чем говорить о чем либо ином, я предпочел божьею милостью и помощью рассказать посильно для сведения слушающих достойную жизнь богоносных мужей, блаженного отца нашего Григория, друзей его и учеников, правдиво поведанную учениками святого и учениками его учеников, и заступничеством блаженных обрести в обеих жизнях облегчение моих немощей, поелику буду писать следующие слова.

II. Грузинская земля страдала от того, что по упомянутой уже причине не были описаны доблесть терпения и угодное господу во святости подвижничество, а также множество чудес достойно проживших, в славных пустынях впервые поселившихся святых отцов, великих отшельников Кларджети, гордившихся святым крестом и непостижимо для нас вписанных с ангелами в книгу живых на небесах во веки милостью человеколюбивой святой троичности с несотворенною сущностью. Описать же это надлежало для оповещения всех из рода в род до скончания века, дабы грядущий народ славил господина в день их праздника.

Однако, чудеса их от давности времени теперь преданы глубине забвения, [а также] добрые дела и безпорочная жизнь приснопамятных дивных блаженных людей, которые сияли подобно утренней заре на небесной тверди под видимым и преходящим солнцем, а ныне лучезарные душою веселятся в нескончаемом свете и постоянно ходатайствуют за нас, возрадованные получением обещаний Христа, так как за труды свои они получили на небесах бесконечную, неиссякаемую и несказанную радость и веселье.

Среди этих блаженных воссиял полный благодати, совершенный в мудрости великий священник, во благе правящий подвижник, градоделец пустынь, небесный человек и ангел на земле вожденный Григорий, духовный отец, игумен и строитель Хандзты и Шатберди, двух славных монастырей, ставший добрым примером для всех отцов пустынников того времени в их новом строительстве.

Григорий был сын выдающихся по знатности и правоверных родителей, возвращенный в царственном доме великого Нерсе эристава, благочестивою государынею, женою Нерсе, усыновившею его, которой он приходился племянником [букв.: сыном брата]. От утробы Григорий матерью посвящен был богу, как пророк Самуил. Подобно предтече рос он в посте. С младых лет в его уста не входили вино и мясо, так как он усвоил душу Христу для поселения, облачен был в монашеский образ, будучи свободен от юношеских шалостей и всякого человеческого волнения, и одиноко пребывал в своем помещении, отведенном ему, почему и называли его отшельником.

Сильно удивляла способность его к учению. Он быстро усвоил псалмы Давида и церковную науку, изучаемую на голос; изучил все отеческие писания на грузинском языке, а также грамотность на многих языках, усвоил наизусть божественные книги, но хорошо изучил и мудрость философов сего мира, воспринимая благое слово, которое он в них находил, и отменяя скверное, и совершенство его прославилось среди всех. Но внешнюю мудрость он оуждал по слову апостола: "Обратил бог в безумие мудрость сего мира".

Речь его была приправлена солью благодати; когда он говорил, раскрывал рот мудро и учинял языку порядок. С ростом стана росла и благая его добродетель. Не был он подобно юношам заносчив и любитель приятных яств. Напротив, он сам от себя говорил слова пророка Даниила: "Вкусной пищи я не буду есть".

И таким образом для укрепления плоти принимал скудное питание блаженный Григорий, смиренный сердцем и нищий духом, кроткий поведением и милостивый умом. Корень святости навсегда был посажен в его сердце для произрастания всходов благочестия, посадок истинной веры дал росток в его душе, и плоды боголюбия в нем превзошли меру. И в таком многообразном благонравии жил в угоду господу юноша, достойный священнического звания.

Видом он был величественен, плотью худ, ростом статен, во всех отношениях прекрасен до совершенства, здоров телом и беспорочен душою.

III. Тогда властители, воспитавшие его, возжеленная мать и множество народа пожелали посвятить блаженного в священники. Князья те и родительница ему сказали: "Прекрасный сын и верный раб Христа, вот наступил час сказанного пророком Давидом, когда он говорит: "Кто может взойти на гору господню, или кто станет на святом месте его, если не тот, кто невинен руками и чист сердцем?" И ныне в тебе обрел Христос невинного руками и чистого сердцем, дабы ты поднялся на гору господню и стал на святом месте его для возношения его святой и бескровной жертвы в силу твоего достоинства и во спасение наших душ и тел".

Но блаженный, хотя и питал любовь к священническому званию, речью их был озабочен; страх объел его вследствие молодости, и он сказал им: "Вам известно значение божественных книг, вы понимаете канон святой соборной церкви, определенный святыми апостолами и блаженными иерархами именно какое для священствования требуется воздержание: требуется полная невинность не только делом, но и словом и мыслью. И хотя великодушие бога мирится и терпит священствование непорядочных людей, лучше бы было для них, если бы они вовсе не были сопричислены людям, чем то, что на веки подлежат нескончаемым мукам.

Что же касается верных священников, да будет вам известно, что такое священство выше всякой духовной и материальной славы, так как оно есть заместительство Христа, истинного бога, который и сказал своим ученикам: "Блаженны вы, ибо многие пророки и праведники желали видеть и слышать, что вы видите и слышите, и не успели в том, чего вы удостоились".

Взамен своего священствования господь священниками поставил апостолов и в последующие времена всех верных священников, через них он поручил священству надежду христиан на жизнь и печать священства наложил на все знамения, на видения пророков и откровения боговидцев, и ныне нет людям спасения вне священства, о чем и говорит Павел: "Во Христе благовествованием родил я вас". И господь велит: "Если кто не родится вторично и не примет святого таинства, то не может войти в царствие небесное". И ныне я вижу честь, но боюсь наказания".

Тогда мудрые князья в ответ ему сказали: "Сын, избранник Христа, страх божий — глава добродетелей, как говорит Моисей: "Чего требует бог от тебя, Израиль? Только того, чтобы ты боялся его," ибо "Страх пред господом умножает дни", как говорит Соломон, так как честь старости не в многолетии, не считается ею число дней, а старость в разумности человека, беспорочная жизнь и есть возраст старости. И еще говорит Иов: "Не многолетние бывают умны, и не старики понимают правое дело", "но дух, следовательно, и дух вседержителей, который учит мудрости". Христос дал тебе добрую старость разума, и ты теперь не будь ему послушником, а подчинись велению Христа и служи в священстве вечному священнику, который пострадал за нас и спас нас всех".

Блаженный Григорий покорился им и волею божею посвящен был во священники согласно молению просивших его, что и подобало его воздержанной по божественным канонам жизни и неукоснительно в святой троице православию. И таким образом ликовало множество народа, когда оно удостоилось принять плоть и кровь Христа из святых его рук.

Князья те имели в мыслях возвести его в епископы, так как он был для всех, точно ангел божий, учителем истины, как написано: "Уста священника должны хранить право, и из этих уст пусть исследуют закон, так как он — ангел господа вседержителя".

IV. Когда блаженный Григорий увидел себя возвеличенным во плоти, то сердце его очень обеспокоилось, и он вознамерился бежать из своей страны тайком по божьему зову, предводившему его как патриарха Авраама и как израильтян в пустыню. Но Авраама бог удалил из страны нечестивых племен, а этого он вывел из верующей и благочестивой страны для того, чтобы в невозданных пустынях воссияла неугасимая свеча, светя на высоком подсвечнике неиссякаемым маслом, чтобы возгорел он при звуке трубы и ее стоне, озарился сильным духом и вместе с сонмом святых учеников предводил их в брачное место. И так как благодатью

боговидения, благоразумия и беспорочности он уразумел неизменчивое царство, князей неба, то, желая быть членом их сонма, он оставил изменчивую честь мира, царства смертных людей, и уклонился от временных и материальных естеств, чтобы вне временный свет предводил его в нематериальное местопребывание и неизменчивую славу небесного царствия.

V. Возымеv такое доброе намерение и вступая на путь его осуществления, он с помощью Христовой благодати обрел добрых друзей, Савву, который был прозван Сабаном, племянника своего [букв.: сына сестры матери], возобновителя Ишхани и его епископа, Феодора, строителя Недзви и его настоятеля, и Христофора, строителя Квирикети и его настоятеля. Вера соединила в сочлены этих четырех, божественная любовь укрепила собравшихся, в единомыслии точно одну душу, утвержденную в четырех телах. Тогда блаженный Григорий сказал реченное Давидом: "Что лучше и что прекраснее, чем то, когда братья поселятся вместе". Ибо, как сказал Христос, что он поселится среди собравшихся во имя его, так да будет среди нас сам господь, чтобы он благоприят наше духовное сотоварищество на чужбине и счел наше служение жертвою в угоду себе. Они же сказали: "Да будет Христос бог среди нас при духовном нашем братстве и шествии и немощном усердии, как сказал ты, мудрый Григорий, чтобы божественная сила поселилась среди нас".

Тогда в нераздельном единении они запечатлели себя печатью силы, господня знамения, честного креста, и радостно пустились в тот путь, которого не знали, но о котором не были неосведомлены, так как единый господь предводил, видя их чистые сердца, неиссякаемое, точно источник, моление и поток слез, И он привел их сначала в Опизу. В Опизе же было немного братьев, собравшихся из за любви Христа с тех пор, как обретена была святая церковь, малая, святого Крестителя. Имя настоятеля было авва Георгий. Он был третий настоятель Опизы, так как Самуил и Андрей преставились. Увидев достоуважаемого отца Григория и его друзей, блаженный авва Георгий догадался божественным знанием о благодати их достоинства и принял их с радостью, не как учеников, а как стоящих выше его. Он знал духом, что вышняя честь будет дарована богом им. Два года пробыли в Опизе отец Григорий и его друзья в тяжких подвигах монашеского труда по правилу монахов того времени.

Но святой Григорий желал отшельничества, так как он слышал об ангельском в просторе пустыни житии отшельников, которые подобно травоядным питались зеленью и плодами, некоторые же немногим хлебом. Слава одних из них доходила до его слуха, а другие жили в тайне. Святой Григорий посещал всех их и учился их добрым делам, у одних молитве и посту, у других смирению и любви, у иных кротости и незлобию, у иных нестяжательству и лежанию на земле или сну в сидячем положении, у иных бдению и рукоделию в молчании и подобном добродетелям. И таким образом, преисполненный духовных поучений, он возвращался в свое местопребывание, так как он слышал от святых: "Мир да стыдится наших добрых нравов".

VI. В то время в Хандзте был старец отшельник, праведный и святой муж, по имени Хуедий. Этот блаженный имел видение не во сне, а на яву: на том святом месте, где теперь построена святая Хандзтийская церковь, он увидел, как облако света в образе церкви стояло продолжительное время, и из облака исходило сильное благовоние. И блаженный старец услышал голос: "На этом месте будет построена церковь руками священника Григория, божьего человека, и благовоние молитв его и его учеников, как благое курение, будет возноситься к богу". Узрев это видение, он очень обрадовался и стал ждать возвещенного святого, так как он привык к видениям от бога. Таким же образом Христос оповестил вождельного отца Григория о достоинстве старца и о приобретении того места.

В это время богоугодный отец наш Григорий, предводимый святым духом, прибыл в Хандзту к святому старцу. Увидев друг друга, они очень обрадовались и сотворили молитву. Тогда блаженный старец сказал: "Благослови меня, святой отец Григорий, ибо ты—священник". Отец Григорий благословил святого. И они приветствовали друг друга как давнишние возлюбленные друзья, сели с радостью и рассказали видение, которое каждый из них имел раньше. Блаженный Григорий сказал: "Благодарю Христа, приведшего меня, сына твоего, избранник божий, в твою обитель и удостоившего поклониться отпечаткам святых ног твоих. Отселе да будет святой крест твой покровом мне и помощь твоих достойных молитв — моей оградою!" А тот сказал: "Скорее плод твоих святых молитв и твой крест да осенят меня, немощного старца, которого через несколько дней узришь обращенным в прах. Божий святой, хотя ты днями моложе, делами — старше меня, так как ты будешь добрым пастырем многочисленных словесных овец Христовых и венцом и надеждою навеки моей души. Посему не плоть и кровь загнали тебя, честной отец, из твоей страны в эту невосделанную пустыню, а предводила тебя сила единого сына божьего, мудрость святого духа и благодать бога отца, перед которым гибнет всякое плетений козней лукавого, как паутина — от ветра. Злой [дух] знает ужас твоей святости, которую он связан точно презренная птица, и Христос повергнет его на полное поправление под твои ноги, святой отец". Блаженный же Григорий сказал ему: "Христос возвестил своим ученикам — "Я с вами во все дни", и не только с вами, а со всеми верующими "до скончания мира". И с тобою, преподобный отец, пребывает этот самый господь, который да сподобит меня твоими молитвами побед над дьяволами и над их несметными кознями, а тебе да

воздаст он за труды небесным царством по слову апостола: "Воздаяние делающему вменяется не по милости, но по долгу".

После этого добрый старец сказал святому отцу Григорию: "Пророк говорит — "сладки гортани моей слова твои, паче меда устам моим". Тем не менее плоть нуждается в попечении по писанию: "Дал он пищу всякому телесному, так как милость его во веки".

Тогда с радостью приготовил он по обычаю стол, который имелся в его великой бедности, и они благословили его и стали есть, произнося все время назидательные для души слова: "Господи Иисусе Христе боже наше, помилуй нас!" Несмотря на незначительность припасов, они сильно радовались, точно от обильных яств, так как среди них, святых, был бог, нескончаемое веселье и неиссякаемое благо, почему они и говорили: "Мы ни в чем не терпим недостатка; напротив, мы полны благодати от неиссякаемых сокровищниц, незримых и не расхищаемых". Когда приняли пищу, они снова стали беседовать о спасении души, и речь их была продолжительна: день склонился к вечеру и ночь уступила рассвету, а они неусыпно молились и пели богу.

На рассвете старец повел святого Григория осмотреть все окрестности Хандзты, и очень понравилась она ему. Тогда он сказал блаженному старцу: "Я пойду в Опизу и быстро вернусь с моими братьями, которых я там оставил, чтобы они пришли со мною и также получили благословение от твоих молитв". Прибыв в Опизу, он сообщил братьям радостную весть о том, что видал святого старца и место прекрасной обители, дарованное богом. Живо пошли они к авве Георгию, игумену Опизы, получили святые молитвы его и всей братии и радостно прибыли в Хандэту. Сотворила она молитву и приветствовали святого старца, точно небесного ангела. Он же при виде их возрадовался и сказал им: "Вы — плоды святости, благоухающие растения, прекрасные розы, благие финики и масличные деревья, полные плодов, маститые от елея святости, лицеизрением коих сегодня умастилась старость моя и возвысилась радость моя, как рог единорога. Отныне да ликует сия пустынь насаждением в ней вас, творящих волю Христа!" Они сказали: "Святой отец, уподобившийся святому Антонию, честь твоих слов для нас сверхъестественна, всемогущий Христос да утвердит похвальное веление твое, благодатное, и этого достаточно для нас. Да соизволит господь сподобить нас такой благодати, чтобы мы до конца достойно служили твоей святости, о, святой божий!" Тогда старец молвил: "Хотя ваше сердце радуется службе моей старости, однако да будет вам известно — божьею волею до смерти я сам себе буду служить, так как Давид говорит: "Обещайте и совершайте обеты господу богу вашему!" Вот я дал обет господу быть в одиночестве до моей кончины; душою я еще с вами, и ныне надлежит мне исполнить на деле обет".

После этого он сказал блаженному Григорию: "Блаженный в людях, уподобившийся Илье и Иоанну, вблизи нас находится маленькая пещера; поведите меня туда ты и твои братья, чтобы я в ней провел остаток дней моих, так как недолго пребывать мне еще во плоти. Но обещайте не умножаться в этом месте до моей смерти!" Осенил он крестом свое обиталище, слово его было крепко, и они не дерзали оспаривать. Напротив, они пошли с ним в пещеру и сотворили молитву, старец же сказал: "Это — место моего упокоения во веки; здесь я поселюсь, так как оно нравится мне". Тогда облобызали друг друга, оставили его с миром блаженные и спустились в место, богом явленное для монастыря. Святой же Григорий, воздев руки и проливая слезы, с сокрушенным сердцем сотворил следующую молитву:

VII. "В час скитания на чужбине и нищеты нашей не убоимся мы злого, так как с нами ты, господи, приготавливающий нам сие доброе для успокоения место, тебе угодное, где непрестанно будем возносить моление об ожидаемом дне второго твоего, боже, во славе пришествия, когда ужас страхов и стон трубы приведет в смятение всю тварь, угрожая грешникам нескончаемыми муками и благовестуя праведникам бесконечную жизнь. Тогда возопиют все народы мира, так как виновные все будут преданы избиению и насилию, праведные же будут плакать о них, так как и для беспорочных ужас твой — смятение, от чего трепещу я, будучи не приуготовлен, не в тень невежества заключенный, а побежденный вялостью безделия, с воздыханием оглашаю воздух. Когда настанет разрушение плоти и обличение грехов, опять обновление и соединение души и тела; одних для вечной жизни, других для вечных мук, откуда будет мне тогда избавление от наказания за вины, когда отнюдь не стяжал я дела, которое доказало бы мою невинность пред престолом твоим, Христе? Но помилуй, милосердый господь и благий царь, молитвами царицы богородицы приснодевы и всех твоих святых и спаси нас вместе с избранниками твоими, чтобы с ними воздавали мы тебе во веки славу. Аминь".

После этого начал он строить Хандзту и велел братьям произвести следующие стихи песней Давида: "Милости твои, господи, буду петь вечно, из рода в род буду возвещать истину твою устами моими, так как ты сказал, что мир будет устроен милостью". "Поля твои наполняются тукон; утучнишь ты красоту пустыни, холмы оденутся в радость и ложбины умножат пшеницу богочестия, будут восклицать и петь" уста наши так — "Воззри на нас, рабов твоих, господи, и создания твоих рук! Предводи детей их! Да будет свет твой, господи бога нашего, на нас! Делаем рук наших дай успех для нас и направь нам содеянное нашими руками". "Ибо возвели мы очи наши на пустыни сии и горы, откуда пришел ты на помощь нам". "Воистину

помощь нам в имени господя, создавшего небеса и землю и всех тварей."

И осенили воедино крестом место и стали работать, выравнивать землю для кельи, так как хандзтийская скала самая острая во всех пустынях Кларджети, и с большим трудом отделали место. Не было у них ни топора, ни кирки, ни иного подобного орудия, и опизские отцы дали все, что было у самих в руках, и помогли всем, нужным и для плоти потребным, так как в то время в тех краях кроме Опизы не было иного обстроенного монастыря, и миряне оседлые не имелись поблизости вследствие новости заселения этих краев в Кларджети, Тао, Шавшети, и во всех смежных краях было мало поселенцев в разброску в лесах.

Блаженный отец Григорий сначала построил деревянную церковь, а потом свой скит, братьям по маленькой келье и большое помещение под склад продовольственных продуктов. Братия росла с каждым днем: господь приобретал работников одиннадцатого часа для возделывания истинного виноградника, и они приобщались к первым праведникам и становились соучастниками святых мучеников, проявляя доблесть в монашеских подвигах подобно святым мученикам и выше их, так как мученики были замучены в один час, а эти мучились ежечасно во имя Христа, как говорит Давид: "За тебя умерщвляемся мы всякий день". И Павел говорит: "Всякий день за Христа умираем". Если бы борьба святых не была неусыпною, не назвали бы ее умиранием всякий день. "Ибо плоть желает духа и дух желает плоти, и они противятся друг другу", по слову апостола: "При одном дыхании духа происходит в нас благодать, при другом — грех". Потому то Павел называет человеческий разум ангелом сатанюю, и как он проповедует это о себе, так говорит и обо всех, так как находит в нас иногда разум святых ангелов, а иногда — дьяволов. По сему и велел Христос апостолу Петру "прощать братьям не семь раз только в день, но седмижды семьдесят раз". С такими страстями, тайными и явными ухищрениями сатаны, мощно боролись достойные сии отцы, перенося за Христа многообразные лишения и печали.

VIII. Между тем блаженный старец Хуедий состарился очень и был близок к часу разлуки с плотью. Тогда пришли святой отец наш Григорий и также братья, бывшие с ними, повидать старца и по приветствии сказали ему: "Благослови нас, святой отец, так как ныне отходишь к господу!" Он же сказал: "Бог мира, любви и человеколюбия да будет всячески с вами, а обо мне творите молитву, святые отцы, так как сегодня ухожу в чуждый стан к страшному престолу бога". Они сказали: "Ты не чужд стану святых ангелов, с которыми духом радуешься постоянно перед Христом, но не забывай нас, жителей твоего святого места и посадков твоей благодати!" И он сказал им: "В руки божьи предаю душу свою и в ваши руки — плоть свою, да будет волею божьею вместе наша радость во веки!"

Уснул блаженный старец. Сладок был сон его. Место то наполнилось благоуханий и пений святых ангелов, которые радостно повели его ко Христу. А отец Григорий и братья привезли победоносную плоть его и со святым пением похоронили в могиле и воздали благодарение Христу, дарующему победы творящим его волю и венчающему их.

С тех пор братия, служащая Христу, стала умножаться. Отец Григорий с своей стороны не принимал никого из нерадивых: сначала испытывал каждого на всяком добром деле и лишь того, в ком находили невинное сердце, бесхитростное, безропотное, смиренно покорное, ревнующее о всяком добром деле, того он принимал с радостью. Посему то его ученики были все прекрасны, достойно усваивали святые его добродетели и уподоблялись благому учителю, как их учитель уподоблялся Христу, который и говорит: "Довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его". И таким образом во благе жили они духовно, но телесно пребывали в великой нужде.

IX. В то время теми краями владел великий богочестивый властитель куропалат Ашот Багратиони, благоверный, через которого над грузинами утвердилось господство [мтаварство] его и сыновей его до скончания века. Этот властитель и сыновья его, прославленные властители, ничего не знали о святом Григории.

Был некий славный азнаур у куропалата Ашота. Звали его Гавриил Дапанчули. Потомки его теперь называются Дапанчулами. Этот азнаур украшен был всяким совершенством и богатством, ростом и доблестью и славился успехами во всяком деле и благоверностью.

У него были кое какие села близ, обители блаженного Григория, который, видя беспомощность учеников, прибыл божьею волею в дом Гавриила Дапанчули, но не застал его дома. Тем не менее боголюбивая его супруга Мария с верою встретила отца нашего Григория, оказала ему подобающую честь и, отпустив со многими благами, чтобы осведомиться самой, дала ему в спутники людей со словами: "Святой отец, научи этих людей пути к твоему монастырю, и да перестанут тебя заботить потребности духовных твоих детей, так как нужды ваши вполне будут удовлетворяться из нашего дома только поминайте в святых молитвах ваших нас, господина моего Гавриила, меня, рабу твою, и наших детей!" И так весело вернулся в монастырь святой Григорий, и братья очень обрадовались, что бог почтил славословящих его.

Когда же князь Гавриил прибыл домой, боголюбивая супруга сообщила ему, что приходил блаженный отец Григорий, и она отпустила его ликующим. Услышав это, вельможа вознес горячее благодарение богу за вступление святого в его дом, благословил супругу, немедленно написал письмо и отправил людей прося, чтобы изволил он опять посетить его дом.

Отец наш блаженный Григорий подчинился его словам и последовал за посланными людьми.

Оповещенный, что прибыл блаженный, царский азнаур Гавриил встал и пошел навстречу, поклонился радостно, приложился с вожделием к рукам святого, повел с честью к себе и ублаговорял его много дней. Представил он блаженному Григорию четырех сыновей, прекрасных и во всем подобных отцу их Гавриилу, Патрика, Гуарама, Аршушу и Абуласада со словами: "Божий святой, благослови сих, возложив на них святые руки! Как благословил Израиль детей Иосифа, так благослови всех детей наших вместе с нами, родителями их!"

При виде сильной веры супругов и детей святой поднялся, полный слез радости, воздел руки к небесам и сказал: "Господи, ты исполнял на деле слова от века святых твоих, когда ими благословлялись верующие в тебя, ныне также воззри ты на молитву мою, твоего убогого раба, и молитвами всех святых твоих благослови родителей с детьми и детей с родителями, сих благоверных и славословящих святое имя твое, как благословил ты дом праведного Ноя, патриарха Авраама и всех творивших твою волю. То же вечное благословение утверди среди них и обильно даруй им земные блага в долгоденствии и нескончаемые блага небесные и помилуй нас. Аминь". Осенил он всех крестом и сел. Тогда Гавриил сказал святому: "Христос да утвердит на деле сказанное твоими устами, преподобный отец, и да сподобит нас также господь ревностно служить твоей святости во исполнение на нас апостольского слова: "Ваш избыток в [восполнение] их недостатка, и их избыток в [восполнение] вашего недостатка". Ныне у нас материальное благо, а у вас — духовное благо, и вот сочетаем их друг с другом: вы сделайте нас соучастниками святых молитв ваших в сей жизни и по смерти, удостойте наши кости погребения вместе с вашими костями и установите в вашем монастыре моление о нас на веки, а мы клянемся вам своею жизнью и жизнью детей, что берем на себя из рода в род попечение о вас и вашем монастыре до скончания веков. Кроме того, отыщите, святой отец, хорошее монастырское место для поселения женщин, чтобы между нами был такой завет: если из моего потомства вступит в монашество мужчина, местопребывание его да будет в Хандзте, если же в монашество из моего рода вступит женщина, пусть поселятся в том месте, тобою благословенном, которое выберешь ты, и как для преставившихся мужчин устанавливаю Хандзту, так усыпальница почивших женщин да будет во вновь имеющем быть построенным монастыре!"

Блаженный отец Григорий принялся усердно за поиски и нашел хорошее место близ Гунатле: осенил он его крестом, и построили там женский монастырь, называемый теперь Гунатлийскою обителью. Священника для совершения служб в этой обители блаженный Григорий по просьбе Гавриила назначил из Хандзты. Посему то согласно обету в Хандзте по сей день совершается моление о Дапанчулах.

Х. В свою очередь славный азнаур Гавриил напутствовал отца Григория со многими благами, дал ему строителей на цементе и всякий материал для постройки церкви из камня на извести. Так то вернулся отец Григорий в свою обитель, и ученики его обрадовались, воздали благодарение Христу и помолились о попечителях. Блаженный же Григорий сравнял место для церкви и, приступая к ее постройке, со слезами произнес следующую молитву:

"Христе боже, домостроительство твоего воплощения божественно явил ты своим созданиям, и со страхом служили твоему царствию пророки предсказыванием, апостолы проповедыванием, мученики истинным исповеданием, преподобные святые, вселенские соборы и отцы пустынники постоянным прославлением твоего святого имени. И это четырехстороннее божественное собрание всех святых, обступающее кругом наподобие непоколебимой ограды, стало крепостью твоих церквей.

Ибо ты, сама премудрость, построила себе дом святости для моления верующих народов и святую церковь нарекла своим телом, в честь твоего святого имени и во имя твоих святых построила непоколебимо и утвердила святые церкви. И назвала ты всех святых церковью для того, чтобы по смерти их взамен твоя паства, истинные христиане, видела крепость и гордость в церквах, пока ни придешь ты опять во славе со святыми.

Господи, благослови ныне сие место, где должна утвердиться твоя церковь милостью твоею и ходатайством твоих святых, чтобы сподобился я, убогий, закончить ее постройкою в честь твоего имени и в честь непобедимой веры твоего великомученика грозного крестом Георгия, доблестного и блистательно прославленного среди твоих мучеников, которых плоть рассекалась мечом, но вера не сокрушалась. Доблестью оказавшись превыше их всех, святой Георгий христиан, издавна потрясенных ужасом перед нечестивыми, научил могучей доблести, претерпев с радостью многообразные муки, и прославился, победоносный, на небесах и на земле. Потому то со святыми ангелами возрадовались его подвигам блаженные мученики, так как Христос даровал ему, а теперь мощам и имени его, победу над всеми врагами, и заступничество его защищает нас всех, прославляющих его, присно и во веки".

И осенил он крестом место святой церкви; начали строить, и так во благе завершилась постройкою старая церковь Хандзты с помощью Христа, заступничеством святого Георгия, молитвами блаженного отца Григория и материальным попечением славного Гавриила, мтавара, и всех верующих. В то время во всех святых пустынях святые отцы начали строить монастыри и святые церкви, и таким образом размножились служители святой троицы,

непрестанно славословящие.

XI. Что касается вожденной и украшенной знаменами матери Февронии, то она прибыла из Самцхе и поселилась в Мере. Не было предела достойной жизни и духовному водительству ее. В святой божественной любви блаженные сии божьи люди, мать Феврония и отец Григорий, были единомышленны и дружны. Священник Мере был из Хандзты.

После этого эрисмтавар Гавриил сообщил куропалату царю Ашоту о достоинстве вожденного отца Григория, о скитальнической его жизни и строении им монастыря в невозделанной пустыне, о добродетелях его учеников, от которых и узнал о знатности родителей святого. Узнав все это, благочестивый куропалат Ашот немедленно написал послание собственноручно и тотчас же отправил к отцу Григорию одного прекрасного человека из приближенных и одного из слуг Гавриила. Прочитав пригласительное письмо куропалата, вежливо написанное, а также от людей осведомившись обо всем, отец Григорий тотчас отправился к властителю. Когда он достиг дворца, его встретили сыновья куропалата, а когда он подошел к дворцовой двери, тогда встал куропалат и пошел навстречу блаженному отцу Григорию, и они приветствовали друг друга с большим смирением и сели. Куропалат сказал: "Божье благословение да почесть на всех нас через твои уста, о, святой!" И он сказал: "Да благословят вас всех уста Христовы и всех святых, ибо воистину правдиво сказанное — "Где почет власти, там подобие божества", так как бог вас, властителей, уполномочил управлять страной, почему мы и постигаем, что твоим царствованием бог благоворит нам.

И как касательно Авраама говорит господь: "Авраам хотел видеть свет мой, увидел и возрадовался", так подобно Аврааму, и я, убогий, хотел увидеть вас и поклониться вам. И ныне полон я радости и молитву возношу в качестве подношения. Христос с избытком величия да сохранит во славе и радости твою царственность и даст тебе в наследие вместе с достойными сынами вечную славу наравне с небесными властями".

Тогда куропалат сказал отцу Григорию: "Царям Израиля бог от времени до времени посылал пророков как гордость их и ограду закона на помощь верующим и в обличение неверных; точно также в наши дни бог явил тебя как гордость христиан и для того, чтобы постоянно пекся ты перед Христом и его святыми о нас твоими святыми молитвами". Он же сказал ему: "Властитель, сын пророка Давида и господина помазанника, нареченный ими, Христос бог да даст тебе в наследие царствие свое, а также добродетели, И посему доложу вам следующее: да не отнимется власть у твоих детей и их потомства в этих странах до скончания веков; напротив, да будут они крепки более незыблемых скал и вечных гор, и да прославятся они веки!"

Вслед за этим посланный произнес хвалу Хандзты: "Хороша та пустынь яркостью солнца и умеренностью воздуха во всех отношениях. В ней прекрасный, холодный и приятный родник, обильно вытекающий. Дубравы многочисленны до бесчисленности. Найдется еще кое-что для утешения, насколько в силах дать его пустыня, но полей для посевов и земли для косыбы нет вовсе, да их и нельзя иметь на зубчатых острых вершинах гор Гадо". Услышав это, славный куропалат пожертвовал хорошие места и в числе их местность Шатберди в качестве пахотной дачи. Тогда три славные сына куропалата, Адарнерсе, Баграт и Гуарам, щедро пожертвовали каждый в отдельности потребное, в чем только нуждался монастырь.

Приняв земли и дав благословение куропалату и его сыновьям, блаженный Григорий, полный многочисленных благих плодов, прибыл сюда в Хандзту, свой монастырь, и радостно оповестил братию о всех успехах милостью Христа и заступничеством святого Георгия. Они же радовались, молились о пожертвовавших с верою и благодарили благодетеля Христа.

XII. И как телесно умножалось, так духовно росло число святых мужей. В самом деле прибыли в то время из Картли отец Епифаний и священник Матой и из Самцхе великий Зенон. Епифаний и Матой еще прежде были друзьями сего святого и в Хандзту пришли, привлеченные его именем.

Что же касается Зенона, он был сын некоего выдающегося человека в Самцхе, взрощен был в богочестии и вел себя свято, так как божий страх пребывал в нем, и он желал постричься в монахи по обету братства постников. Скончавшись, родители оставили свое имущество Зенону и его сестре, жившей дома вместе с ним. Зенон раздумывал оставить стяжания отца и матери сестре в ее распоряжение и самому стать монахом на чужбине. Пока Зенон размышлял об этом, некий недобрый муж соблазнил его сестру при содействии дьявола, и, [отправившись] в Шавшети, они ехали всю ночь. Узнав об этом, он облачился один в доспехи, сел на коня и погнался, но, проехав большое пространство, мысленно сказал: "Я — именитый витязь, а за кем я гонюсь, тот без всякой чести. Если я догоню его и убью, это будет соблазном для моей души, если же ни с чем вернусь домой к себе, это будет позором для меня. Нет, лучше я исполню сейчас перед господом обет быть монахом". Блаженный вступил в ряды мучеников, так как отречение от стяжаний уподобляется пролитию собственной крови. Осенил он свою плоть крестом, направился по божественному пути и прибыл в Мере к матери Февронии, так как он происходил из ее дома. Божьею волею там

находился отец Григорий. Мать Феврония вручила невинного агнца святому, пастырю доброму, который привел его сюда в Хандзту, поселил в месте златном божьей милости и взростил на водах, где покоится святой дух.

Блаженный Зенон сей достиг старости и до кончины не удалялся из Хандзты: воистину духовный сын, подобный отцу, добрый ученик, заменяющий учителя, блаженный, сокровищница добродетелей, святой чин монашества, ограда кларджетских пустынь, гонитель злых духов, ибо при жизни самого и при жизни его учителя дьявол не дерзал соблазнять кого-либо в этих святых местах.

Сей доблестный по преставлении своем наш — перед господом вечный заступник наравне с товарищами, подобными ему, каковы ученики отца Григория, достойные чудотворцы, столь же непоколебимые столпы терпения, как незыблемо утверждены устои неба.

В самом деле до прихода доброго пастыря Григория немногочисленные овцы Христа, гонимые невидимыми зверями, были рассеяны по одной или по две в ширь пустынь, но с приходом святого Григория овцы стали храбры, звери те, т.е. дьяволы, бежали, и весь божественный чин пришел в порядок.

Отец же Григорий говорил с собою: "Как отцы моего монастыря добродетелями выше монахов сего времени, так и церковный чин надлежит установить в моей церкви божественный, стоящий выше суда мудрецов". Поэтому он решил отправиться в сокровищницу Христа, второй Иерусалим, т.е. в Константинополь, чтобы посетить все замечательные святые места Греции и помолиться. В то время он встретил [букв. нашел] друга своего, шедшего в Иерусалим, и поручил ему списать устав монастыря Сабацмиды и прислать. Затем назначил попечителей своей братии, покинул ее с миром и обещал вскоре вернуться назад.

С собою взял он Савву, двоюродного брата [букв.: сына сестры матери], да еще одного ученика, направился в Грецию, прибыл в Константинополь, поклонился древу жизни и всем святым мощам, обошел радостно все святые богомолья, ибо он знал много языков и учился многому в благочестии. Иное зрелище было для него учителем добра, а иное — предостережением от зла. Таким образом сердце его наполнилось богатством незапечатанного нового закона, и, возрадованные духом благодати, они направились в свое местопребывание.

XIII. И когда они прибыли в Тао, услышали от местных людей, что куропалат Ашот убит, и вместо него властвуют его сыновья. Тогда они залились горькими слезами из-за падения богочестивого властителя и, заплаканные, молились о преставившемся царе. Блаженный же Григорий благодарил бога и говорил, оплакивая: "О, могущественный и славный царь мой, крепость церквей и ограда христиан, откуда ждать мне тебя, с востока или запада, с севера или юга? Ибо ты владычествовал над всеми племенами, и как ты, войною покорявший властителей, чудный, славный, богочестивый властитель, отдался в презренные руки нечестивых и негодных людей, которые подобно Иуде стали твоими убийцами, убийцами своего господина, для умерщвления нас, убогих молитвословцев твоих во веки?" После этого они молились о сыновьях его, прославленных властителях, чтобы господь сохранил их, добрых богочестивцев, во славе и в долгоденствии.

XIV. Когда они прибыли в окрестности Ишхани, блаженному Григорию и достойному Савве от бога открылась прежняя слава Ишхани, святые церкви в селе при нем, и было им возвещено, что Ишхани опять обновится рукою Сабана. Указан был им и путь, чтобы дойти туда, так как место то было недоступно для людей того времени.

Когда они добрались в Ишхани, очень были обрадованы обретением славного места, так как в нем имелось и духовное, и телесное утешение. Савва тотчас задумал остаться там, но блаженный Григорий сказал ему: "Брат, сначала повидаем наших братьев, пребывающих в Хандзте, и потом ты опять придешь в это святое место волею божьей и молитвами их". Отправившись оттуда, они прибыли к сыновьям куропалата и дали им молитвенное благословение, утешая их в смерти отца.

XV. Таким образом они прибыли в Хандзту, свой монастырь, принеся с собою мощи святых, святые иконы и иные благословения во множестве.

Застали они братьев в живых и в мире, всех в безмятежной радости, полных божественной любви, и возрадовались, ибо благодать спасителя опять собрала вместе творцов его воли.

Спустя несколько времени Григорий отпустил Савву в Ишхани, дав ему двух учеников, а сам управлял духовною жизнью Хандзты согласно воле господна.

XVI. К этому времени из Иерусалима подоспел человек, который преподнес ему устав монастыря Сабацмиды и письмо. Блаженный Григорий в то время положил устав своей церкви и монастыря, мудро определенный, знаменем озаренный и составленный с выбором из всех святых мест, как сокровищница неисчерпаемых благ.

XVII. Ныне от тех духовных правил мы держимся немногого, как если бы кто черпнул каплю воды из моря. В самом деле жизнь блаженных тогда была такова: в праведности они постоянно обличали себя, имея корень любви, непоколебимое терпение со смирением и кротостью, пост, огражденный молитвою, в правой вере утвержденную чистоту сердца,

правдивость языка и безукоризненно полное воздержание во всем. В святой церкви за молитвою не происходило у них беседы друг с другом; напротив, они стояли со страхом, точно, на небе перед богом. Когда они пели псалмы, до окончания аллилуйи певчие не дерзали расправить колена за медленным молитвословием, ибо не было у них обыкновения торопливо произносить какие-бы то ни было песнопения; молитва их была тихая и протяжная. К стене никто кроме старцев не прислонялся, спать же и без стеснения садиться в церкви они вовсе себе не позволяли. Насаждены были в них иные еще подобные добродетели во множестве, о каждой из которых нет теперь речи, так как время у нас ограничено, а мысль торопится, [к тому же] чтобы не утруждать чрезмерно слух слушателей, в этой книге не выписан весь устав, а [приведен] лишь по примеру [букв.: по слову] из каждой части [дабы знать], каков был до сих пор устав Хандзты и каков он теперь. Так

При всех всенощных бдениях моление от сумерок до рассвета, а за день до всенощного бдения во все дневные часы моление, литургия во время девятого часа и добавление эктений. Во время всякой литургии перед трисвятой песнью [букв.: "Святый боже"] эктения "О свшнем мире", а на воскресных литургиях шесть раз "Святый боже". При службе [у] жертвенника не допускалось служение в облачении с бахромою или в шкуре.

О всех преставившихся совершали службу в третий день, седмицу, сорокоуст и год со дня преставления, в какой бы день они ни пришлись, и службу этих дней не засчитывали в двести дней, постановленных для погребенных в Хандзте. Разделение паксимада установлено искони. С наступлением месяца ноября [букв.: месяца праздника святого Георгия] пост молочным до праздника святого Георгия.

Равным образом большим тщанием и благим воздержанием блюли церковно посты рождества Христова и святых апостолов, С наступления ноября до начала великого поста в заутрени в каждую субботу четыре "канона" [кафизмы]; в великий пост до недели ваий в каждую заутреню четыре "канона", а также четыре чтения. О страстной седмице был подробный устав. С пасхи до нового воскресенья "канона" ["Ко господу всегда] скорбети [ми]" не произносили; в повечерие произносили "Всегда призвати ми" [букв.: "На зов мой"], воскресные прокимены, чин утрени и по одному "канону" до нового воскресенья. При поминовении же душ после пасхи за утрению произносили "Блаженны [непорочны]" и песнопения, как это все написано в церковном уставе, в памятнике обо всем этом. Так исполняли все отцы в мое время.

XVIII. В первые дни блаженного отца нашего Григория правила для его учеников были весьма суровы: в их кельях находились маленькие кровати, невзрачная постель и по кувшинчику для воды, иного же утешения для плоти не было у них вовсе ни по части съестного, ни по части питья. Жили они тем, что ели за общею трапезою, и многие из них вина не пили вовсе, да и те, которые употребляли его, принимали малость. В кельях их не было камина [букв.: дымовника], так как огонь не разводился, ни свечки не зажигали ночью; ночью происходило пение псалмов, а днем чтение книг и моление постоянно, как говорит Давид: "Днем поведал господь милости свои; а ночью пение свое".

Блаженный же отец Григорий сам великий пост проводил, довольствуясь сырою капустою в малом количестве, а сугубое питание во все дни, его было: раз в день ел хлеб скудно и принимал опять теки по весу немного воды, вина же он с детства отнюдь не пил. Впрочем единый бог знает о многочисленных добродетелях самого и его учеников.

XIX. От начала добрые друзья блаженного Григория Феодор и Христофор питали в сердце божественную ревность к построению монастыря. Однако они не открыли отцу Григорию своего намерения, и так отправились тайком в Абхазию; за ними последовал и кое-кто из братии.

Прибыв в Самцхе, божьею волею они взяли себе в ученики сына великого Миреана, азнаура, по имени Арсения, прозванного достойно Арсением великим, впоследствии католикоса Грузии, неувядаемый венец мцхетской церкви. Тогда отрок был мал, около шести лет, и рос в доме отца. Божии люди согласно с намерением Миреана облачили отрока в монашескую одежду и, поклявшись десницею Миреану, сказали: "Учитель наш Григорий — настоятель Хандзты, и если богу угодно, этот будет его учеником вместе с нами, где только мы будем". И они отправились в Абхазию, царь же Абхазии Димитрий почтил их великою почестью и поселил на хорошем месте.

XX. Узнав об уходе Феодора и Христофора, блаженный Григорий очень огорчился и взял с собою четырех братьев: добрый пастырь отправился искать избранных агнцев. Прибыв в края Картли, волею божьею при поисках своих братьев обрел отрока Ефрема, достойного юношу: в достоинстве видели его, как он достиг полной возмужалости со святостью, в святости стал ацкурским чудотворным епископом, в епископстве дошел до доброй старости, скончался чудесно, и святые его мощи пожалованы были Самцхе для озарения. Этого Ефрема, достойного перед богом, блаженный Григорий взял себе в ученики и изволил ему сказать так: "Когда вернусь из Абхазии, я возьму тебя с собою в Хандзту", и сам направился в Абхазию. Когда он прибыл к властителю, последний встал, пошел навстречу и смиренно приветствовал, так как его объял ужас от благодати его святости и от славы его лица, ибо божьею милостью образ сего блаженного был прославлен, точно лицо пророка Моисея.

После обмена приветствий царь и блаженный Григорий сели. Святой продолжительно молился о нем и украсил его многочисленными благословениями. Царь сказал: "Благословен бог, который привел сюда тебя, святой отец! Но осведомь меня, что за причина, утрудившая тебя приходом сюда". Блаженный отец сказал ему: "О, богочестивый и славный царь, прибыли к тебе святые отцы, мои братья, и ныне находятся в этом царстве. Мой приход — из-за них. Пусть твое властительство велит им явиться к нам". Но царю тяжело было, что искали их, и он сказал: "Не приходили сюда такие монахи, о каких изволил говорить твоя святость". Тогда блаженный отец Григорий рассердился за речь на царя и сказал ему: "Царь, не подвергай меня страданию! Дай мне моих братьев, прибывших сюда к тебе". И так как от правдивого обличения святого у царя не было возможности что-либо сказать, он велел привести тех братьев. Увидев отца Григория, они припали к его ногам со слезами, но святой поднял их, обласкал с любовью и благодарил Христа за обретение их. И так как братья по природе ожидали святого, их также радовала встреча. Царь сказал блаженному Григорию: "Святой отец, вот исполнилось то, к чему стремилась твоя воля. Да исполнит господь и желание моего сердца, ибо в душу мою запала мысль построить монастырь впервые, так соизволь осмотрим различные местности Абхазии, и где пожелает твоя святость, на том месте построим мы монастырь".

Они обошли места, представлявшие удобными для постройки монастыря, но не понравились они святому, и он сказал царю: "В этой стране нет ни земли, ни воды, чтобы можно было строить монастырь, ибо талант монаха — пост, а на такой земле нельзя поститься от [злокачественных] испарений в убийственный зной". Царь очень огорчился по этому поводу и сказал им: "Несправедливо не уделять ваших благ этой стране".

XXI. Тогда отец Григорий построил монастырь соответственно вере царя и назвал его Убэ, а настоятелем его поставил некоего Илариона, прибывшего из Иерусалима, старца, заслуживавшего доверия: он следовал из Хандзты за Феодором и Христофором, и у него были хорошие книги. Отец Григорий также оставил книги, бывшие с ним. Властитель же исполнился радости от построения монастыря, сделал много пожертвований на его постройку, подарил отцу Григорию и его друзьям десять тысяч драм и наполнил их всяким добром.

XXII. Когда они собирались сюда в путь, царь Димитрий тщательно расспросил отца Григория о характере кларджетских пустынь, чтобы он осведомил его в каждой черте святых мест. Отец Григорий сказал ему: "Богочестивый царь, если даже чересчур буду многоречив, все равно моему уму не удастся поведать тебе все прелести тех пустынь, почему в них и возник чин монашества, который еще более расцветет и преуспеет в грядущие времена. Однако сообщу малое от многого так —

Край с теми пустынями однороден по природе и благорастворён в отношении солнца и воздуха: ни сильная жара, не опаляет края, ни чрезмерный холод не беспокоит его обитателей, и край по чину пребывает в пределах своей природы без сырости и без зноя, постоянно залитый лучами солнца и без грязи, почему, когда бы люди ни ходили, никогда к пяте их ног не пристает грязь.

В крае сколько угодно прекрасной воды и дров на песчаной почве произрастают бесчисленные леса и из нее же бьют в обилии вкусные воды. Богом даровано ему природное веселие; нет в нем дорог, и недоступен он никак для ведущих мирскую жизнь, ибо обиталище их находится на высоких горах Гадо: с одной стороны оно опоясано этими горами, а с другой его обступает, точно непоколебимая ограда, собрание обтекающих горы великих вод Шавшети.

Таким образом они ограждены со всех сторон горами, ущельями и водами, текущими по страшно обрывистым местам. И нет у тех монастырей ни лугов, чтобы косить, ни пашен, чтобы орать, а что касается провизии, она доставляется с большим трудом на спинах ослов. Только ценою страданий и беспокойств насажены ими немногие виноградники и также фруктовые сады, злаки же полевые рождаются в несметном обилии. Со всем этим сердца их свободны от страха перед потрясениями, которые вызывают неверующие, нехристи, и перед всякою смутною во время вражды властителей. И так совершенно спокойно пребывают они в великом мире и славят Христа.

Бог действительно сотворил те местности в самом начале мироздания для последних времен в двух целях — в качестве местопребывания монахов и молельни о всех христианах. Божье провидение установило такой обычай, чтобы монастыри в этих святых местах строились руками убогих, совершенно свободных от мирских соблазнов: хотя властители и пекутся о святых пустынях, но призвать по имени к созиданию святых монастырей Христос сподобил убогих, а верующим царям бог дал власть строить церкви в епископских резиденциях, городах и селах и поставил их начальниками над всем народом [букв. воинством] с тем, чтобы они праведно судили его, облачившись в блестящие одежды, однако не погружаясь мыслями в видимую материю, а постигая благие века, ибо божественная премудрость внушила всем людям богочестивое почитание каждого чина по многообразным их одежаниям, но верные и истинные монахи не находятся ни под чьей властью на земле с тех пор, как они отстранились от мирских утех по своей воле и выбрали в удел себе печалование в местах плача подобно первым святым отцам, которые, находясь в великой нищете, построили святые пустыни помимо воли земных царей с помощью всемогущего бога.

И теперь также, в наше время, обретаются подобные первым блаженным мужам: они строят монастыри в невозделанных местах для пребывания бога, а благочестивые властители соучаствуют в трудах их, щедро наделяя деньгами, как ныне твое царское величество обогатило нашу нищету множеством благ, и ты — всемерно участник наших молитв". Царь развеселился от слов блаженного Григория, утвердил в своем сердце великую веру и любовь к пустыням Кларджети и благодарил Христа, воздающего добром творящим его волю. Таким образом оставили они властителя с миром и направились сюда из Абхазии.

XXIII. Следуя по пути, вожделенные Феодор и Христофор сказали блаженному Григорию: "Святой отец, по отбытии из Хандзты, когда мы приблизились в Самцхе к владению азнаура Миреана, нас увидели его люди, так как мы устроили нашу стоянку в поле, и сообщили своему господину Миреану; он же поспешно пришел к нам лично, приветствовал нас и повел в свой дворец, где предоставил нам приятный отдых.

С рассветом Миреан повел нас к своей супруге, по имени Крави [букв.: Ягница] ибо она была рабой Христа, и когда, дав им молитвенное благословение, мы уселись, знатный Миреан велел поставить перед нами своих детей, трех всемерно добрых и прекрасных юношей. Приняв наше благословение, он сказал Крави: "Ныне сотворим доброе знамение и определим одного из наших сыновей в монахи учеником этих христовых учеников, молитвами которых на него снизойдет благодать, чтобы узрели ненавистники наши и были посрамлены. Так скажи, кому из сыновей быть монахом!" Она же ответила: "Господин мой, дети твои стоят перед тобою. Господь да выберет себе избранным монахом того, касательно которого ты велишь". Он сказал: "Этот, младший, да будет монахом и духовным сыном сих отцов пустынников". Подвел он его к нам, велел нам осенить крестом и одел его в монашеские облачения. Мы нарекли ему имя Арсений и обещали Миреану сделать его сына твоим учеником подобно нам, и он еще больше возрадовался. Теперь делай так, как угодно твоей святости!" Святой ответил: "Вожделенные братья, воля — бога, чтобы, он чрез нас стал избранным среди монахов и достиг великой степени". И он, как бы в ответ, также рассказал все о достойном юноше Ефреме. И братья обрадовались речи своего учителя.

Прибыли они вместе туда, где был Ефрем, взяли с собою его, а также вожделенного Арсения. Святой Ефрем был днями старше. О них и сказал блаженный Григорий реченное Давидом: "Откровение слов божьих просвещает и разумляет младенцев". Ими да утвердится хваление Христа: они, воистину беспорочные и простые, прилепились к нам, чтобы нести монашеские труды, придя к нам по велению господу — "Не препятствуйте детям приходить ко мне, ибо таковых есть царство небесное". Однако, знайте, братья, что будет справедливый ропот на нас среди нашей братии, но пусть печется о них сам господь, который и сказал: "Остерегайтесь, не соблазняйте ни одного из малых сих, ибо ангелы их всегда видят лицо отца небесного". Итак вы, победоносные братья Феодор и Христофор, будьте их воспитателями по благой воле бога! "

Они же дали слово и взяли на себя попечение об отроках. Тогда блаженный Григорий сказал им: "Братья, выше всех ваших добродетелей долг не сводить глаз ваших с них и помнить величие их родителей и веру их в Христа и в нас, убогих, помнить, как из любви ко Христу забыли любовь к сыновьям, они поднесли их через нас господу в качестве жертвы и с надеждою доверили нам, чужакам, точно родным братьям. Какими мы взяли их с собою от родителей беспорочными для сохранения в чистоте, такими да обретет Христос, когда он их потребует из наших рук, чтобы поселиться в них! "

Когда они достигли Хандзты, очень обрадовалась братия, во Христе божественное собрание, прибытию духовного отца и братьев, но ропот возник среди нее, так как привели отроков; пришла братия к отцу Григорию и сказала: "Святой отец, апостол говорит — "Совершенная любовь изгоняет страх". Если твоя святость разрешит, мы без страха скажем, для чего мы пришли". Он сказал: "Братья, воистину любовь между нами пустила крепкие корни, и в ней нет страха. Извольте сказать, что вам угодно!" Они сказали: "Все твои деяния выше суда кроме сего одного, именно ты привел сюда отроков, и в правиле, тобою же утвержденном, при тебе же делается изъятие для осрамления нас в грядущие времена. Хотя не страшится наше сердце настоящего, но все-таки это дело вне правил. И вот это и есть наше слово, божий святой". Услыхав благое желание, блаженный отец Григорий не скрыл своей радости и сказал им: "Вожделенные братья, да не будет, чтобы я изменил по какому-либо телесному побуждению правило, собранное из первых святых отцов, но говорю истину перед богом, ибо никогда не приходилось вам слышать из моих уст лживое слово: обстоятельства прибытия сюда этих отроков таковы — Христос, бог устами святого ангела поведал мне все касательно их; как Ефрем Сирий и Арсений Римлянин, удалившись от людей и приблизившись к богу, эти достойные отроки будут беспорочно воспитываться в Хандзте до часа их возвеличения. Можем ли мы теперь оспаривать волю господу? "Ибо невольному подлежу" по слову апостола, "горе мне, если я не благовестую". Вы — блаженны, ибо господь избрал вас для сих рабов своих. Но если кто изменит прежнее правило, независимо от подобной причины, и приведет отрока в монастырь, да будет он наказан в преславное второе пришествие господу бога нашего!"

Братия была удовлетворена и, получив назидание, благодарила Христа, творца чудес. Тогда Феодор и Христофор, духовные отцы, имевшие кельи в одном месте поодаль от других братьев, повели богоносных отроков к себе, как заповедал блаженный отец Григорий, и вскормили их во благе божьею благодатью взамен молока.

XXIV. В то время божьею волею, с согласия своих братьев и по повелению греческого

царя куропалат Баграт принял куропалатство взамен отца, куропалата Ашота, ибо свыше дано было ему владеть властью, и все братья его, славные властители Адарнерсе старший, и Гуарам, младший, покорились ему, среднему брату, в божественной братской любви, ибо у них была одна мысль, одна душа и одна воля.

Баграт главенствовал над ними мудростью, наружностью, доблестью и всемерной полнотою богочестия; он был подобен пророку Давиду и блаженному апостолу Баграту (Панкратию), священномученику, ученику святого апостола Петра. Царство трех братьев властителей возросло от всякого благочестия и благодати Христа, так как божьею помощью они завоевали мечом много стран и изгнали агарянские роды.

Блаженный отец Григорий прибыл к славному куропалату Баграту и поздравил его в хвалебной речи с куропалатством как подобало случаю. Благочестивому куропалату сильно понравилась хвалебная речь, необъятная по обширности мыслей для современных мудрецов, и он сказал ему: "Святой отец, бог украсил тебя мудростью, статностью и святым духом, чтобы быть оградою для нашего спасения, посредником смерти и жизни, благодаря чему слава о тебе, о твоём попечении и божественном подвижничестве разнеслась по всей земле, на мне же лежит обязанность любить и чтить тебя, как отца. Так, да велит твоя святость нашей царственности служить твоему преподобию, ибо ты от бога имеешь часть с нами, сыновьями куропалата Ашота". Святой сказал ему: "Царь, украшенный благочестием больше и выше благочестивого твоего отца, осененный крыльями господня креста, десница создателя, и благословение святых непрестанно ограждают тебя, неусыпный страж хранит тебя всячески, свет, не допускающий наступления ночи, предводит твою царственность, и нет надобности у него в освещении свечи, нужном лишь для пребывающих во мраке. Усердно совершаю я моление о тебе, чтобы из-за управления царством не пошли на убыль твои добрые дела. А ныне прошу я тебя о следующем: в Хандзта имеется дача, пожертвованная куропалатом Ашотом; ее можно обратить в прекрасный монастырь. Если велит мне твоя царственность, я построю монастырь для прославления бога и для спасения твоей души, и да не прекратится в нем моление о тебе, пока стоят небо и земля!".

XXV. Тогда куропалат Баграт с радостью велел строить монастырь и дал ему все нужное на постройку. И когда блаженный отец Григорий прибыл в Шатберди, он стал орошать рекою слез местность, произнося следующую молитву:

"Господством твоего царствия без труда создал ты, боже, все создания и властно распоряжаешься над всеми твоими творениями, ибо ты — творец небес и создатель ангелов, ты утвердил землю и основал моря, даже мелкие дела делаешь ты, как сказал Давид: "Если господь не создает дома, напрасно трудятся строящие его". Ныне, господи, да покорятся твои уши гласу нашего моления! Благослови благодатью твоею это место, создай монастырь для успокоения святыни твоего наследия, даруй ему невидимой помощью твоих сильных мышц прославленное имя среди многочисленных племен для твоего величания, господь всего, освети его светом твоего святого духа и сохрани до скончания веков ходатайством святой богородицы и всех святых. Аминь".

Он осенил крестом выдающееся место, и они начали работать над церковью и кельями. Таким образом он рос во благе изо дня в день и стал долиною плача для невидимых и видимых врагов, гаванью жизни для христианской паствы — царей, начальников и всего христианского народа верующих. Подобно Хандзте, отличенный богом свыше, и Шатберди был построен с божьею помощью и молитвами блаженного мужа, который соединил обе эти пустыни, сложенные и скрепленные братскою любовью до скончания веков.

После этого куропалат пригласил святого. Прибыв к нему, святой сообщил о всем благопреуспевании монастыря во Христе. Тогда царь велел отвести Шатберди удобные дачные места, и дал ему все, что нужно было для завершения постройки.

XXVI. В то время сердце подсказало блаженному Григорию вспомнить о Сабане Ишхнели, и он сообщил богочестивому куропалату обо всем, бывшем с ним раньше. Услышав это, он сильно обрадовался, поспешно написал письмо, отправил хороших людей и с честью пригласил его. Но отправленные вернулись и сообщили куропалату, что человек божий не желает прийти сюда. Тогда куропалат велел проделать дорогу в Ишхани, так как в то время он находился поблизости, и в тоже время сказал блаженному отцу Григорию: "Я плохо распорядился, не поручив тебе написать письмо. Так — напиши теперь ему по правилу". Сам же он опять написал другое письмо и с ним отправил и письмо отца Григория. Блаженный Сабан подчинился вторичному велению куропалата и особенно письму отца Григория.

Вожделенный муж божий прибыл к ним, желавшим его. Куропалат вышел навстречу и приветствовал его с честью. Он благословил его и помолился о нем. Когда они сели, куропалат сказал святому: "Надлежит подчиняться властителям. Почему ты, святой отец, не пришел на первый зов?" Он сказал: "Славный царь, ты — властитель земли, а Христос властвует над небесами, землею и преисподнею; ты — царь вот этих племен, а Христос царствует над всеми созданиями; ты — царь преходящего времени, а Христос — царь вечный; он в совершенстве пребывает без изменения, вне времени, безначальный, нескончаемый, царь ангелов и людей, и слов его надобно слушаться больше чем твоих. Он изволил сказать: "Никто не может служить

двум господам", и вот я пришел к тебе по слову нашего брата и учителя Григория". Куропалат сказал: "Справедлива речь твоя, святой, но лучше осветить многие души, возжегши себя, блестящую свечу, на подсвечнике, как сказал Христос своим ученикам: как сияние солнца освещает поднебесных, "так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли отца вашего небесного".

После этого куропалат прибыл в Ишхани, и с ним вместе блаженные мужи отец Григорий и отец Савва. Куропалат очень полюбил ту местность, но к чему затягивать речь? Божьею волею Савва сделался епископом в Ишхани, построенном блаженным католикосом Нерсе, в соборной церкви и на кафедре его, которая многие годы была во вдовстве. Ныне вновь состоялся духовный брак, и вторично была церковь обстроена нашим блаженным Саввою при материальном попечении богочестивых царей.

Когда отец Григорий в Ишхани прибывал в гости, епископ на кафедру сажал его, а сам садился рядом, не решаясь послушаться блаженного Григория, так как он был учитель и старший. Таким образом стал преуспевать Ишхани во благе до сего дня и во веки.

XXVII. Но мы вернемся снова к тому, о чем мы раньше говорили. Блаженный отец наш Григорий почтен был свыше богом; в те времена никто не являлся слушателем его речи и менее всех современные властители. Раз славные братья находились в одном месте, и блаженный Григорий со рвением доложил, чтобы они изволили осмотреть монастыри, построенные им, и все пустыни Кларджети.

Они вняли докладу святого. Он и предводил князей и сначала привел их в Шатберди. Сильно возлюбили это место; много пожертвований сделали властители, азнауры и все воинство. Тогда попечителями Шатберди появились славные азнауры.

Когда властители выступили из Шатберди, и предводил их блаженный Григорий, тогда прибыл к ним анчский епископ Захарий, достойный чудотворец. Властители с честью приветствовали, взяли его с собою и достигли церковью богородицы в Джмерки и Берте и церкви святого мученика Георгия в Дабе. Что касается Долисканы, в монастырь она была обращена впоследствии. Помолитесь они в святых местах и роздали им много даров, так как у трех властителей были большие средства на пожертвования, и прияли они благодать по молитвам сих блаженных отцов.

Достигли они Описы, возрадовались благодатью крестителя и молитвами тех же мужей, выказали большое попечение вкладом пожертвований и направились в Хандзту. Блаженный Григорий взял с собою сюда игуменов монастырей. Прибыли они в Хандзту, местопребывание великомученика Георгия, и умы властителей были еще более удивлены, когда они увидели учеников блаженного Георгия, живших по суровейшим канонам монашества, ибо они были как небесные ангелы. [Властители] сначала по ходатайству святого Георгия, прияли оружие для победы над врагами, а потом по молитвам вождельных просветлели душой и телом, и так как они увидели, что местность необработана и бесплодна, то от своих благ сделали еще больше пожертвований. В это время прибыли навстречу властителям игумен Мидзнадзори, великий отец, вождельный Давид, строитель монастырей, и блаженные ученики его Иларион, отец и строитель Цкаростави, впоследствии сделавшийся католикосом в Мцхете, и отец Захария, строитель Баретелты. Когда владетели увидели это собрание отцов, подобных бестелесным святым, то обрадовались, слыша от них поучения о божественном завете, почему и сказали великие властители: "Святые отцы, лицеизрев вас, мы как бы забыли, что находимся на земле; нам кажется, что мы поселились на небе в стане святых ибо вы душою стоите всегда перед богом, и где местопребывание ваше, там сердца ваши, и да будет ходатайство ваше о нас в этом мире и в будущем! "

Святые же вооружили властителей множеством молитв, благословили их и сказали: "Богочестивые цари, воистину сердца ваши находятся в руке бога, который утешил наши сердца, сердца убогих, вашими устами и щедрым дарованием ваших благ, а вам господь предоставил смертную царственностью насадить святые церкви бессмертных властителей, наделив вас их помощью как невидимым вооружением, что крепче видимых доспехов и многочисленнее десятков тысяч конницы. Знайте, что эти духовно снаряженные войска ваши, святые отцы пустынники, суть в боевых рядах крепость ваших телесно выстроенных войск и вооружение всех верующих царей, особенно же ваше, так как с царственной высотой у вас смирение, подобно Христу, попечение о святых церквях, утешение для убогих и праведный суд для всего народа по слову господя "Не судите по лицеприятию, а судите судом праведным", чтобы с земным царством получить бесконечное сожительство с небесным царем. Да даст вам Христос полную небесную и земную славу, дабы никогда не преминули ласково помнить о нас, живущих в сей обители! Вразумитесь, подобно тому как патриарх Авраам и пророк Давид из добычи поровну уделили воинам, так да получают долю в ваших благах убогие и церкви по велению господя о левитах: "Я удел их". Так же да будет определена вами доля убогих, чтобы взамен вы обрели господя как надежду в обеих жизнях, ибо у убогих нет ничего кроме милости благаго бога".

XXVIII. После этого святые отцы совещались с анчским епископом об отце Григории, чтобы поставить его архимандритом всех пустынь Кларджети и доложили об этом властителям; те

очень обрадовались. Тогда все вместе настойчивым приглашением поставили его исполнять это дело, и он во благе управлял чином святых отцов много лет до преставления.

Между тем властители поклонились в Мидзнадзори, Цкаростави и Баретелте и в их окрестностях; там также сделали они вклады, приняли благодать от святых церквей, блаженных отцов, достойных и святых подвижников, каждой из пустынь определили ее границы и, путившись в путь, взяли с собой блаженного Григория. Тогда властитель Адарнерсе дал ему в крестники своего сына Гургена. Блаженный же отец Григорий был восприемником куропалата Давида, сына куропалата Баграта. Оба эти властителя, куропалат Давид и куропалат Гурген, [были восприняты им,] почему в час преставления куропалат Гурген завещал: "Положите меня близ костей моего крестного отца, у его ног, и кости других отцов упокойте на мне!" Это так и сделали, а после куропалата Гургена сын его эристав эриставов Ашот начал усердно строить новую церковь и наделил ее в избытке несметными дарами.

В то время игуменом в Хандзте был отец Арсений, азнаур по происхождению. По его мысли была начата постройка новой, прекрасной церкви на остроконечной скале, которую сравнивали с большим трудом и возведением кладки из камня и извести в продолжение долгого времени, и эта подготовка почвы сочтена была так, точно вполне была выстроена сама церковь. Христос да благословит искуснейшего строителя Амону и его помощников, — благодаря которым прекрасно преуспела постройка церкви. Камень и известь доставляли из весьма далекой местности по трудным путям на спинах людей, и, так как строители их покупали, все взвешивалось на весах.

В это время преставился богочестивый властитель, строитель святых церквей, жертвователю имуществ и попечитель об убогих, и был погребен в Хандзте, напутствуемый Арсением и сыном его Мцхуедою. Отец же Арсений и блаженный Иоанн, брат Джибрила, закончивший постройку новой церкви, оба они, скончались настоятелями, Христос да упокоит их!

Гурген, племянник Ашота, великий властитель многих племен, сел божьею милостью эриставом эриставов. Он закончил новую церковь в Хандзте при участии всех славных властителей, азнауров и всего верующего народа, господь да даст всем им неиссякаемое благо.

XXIX. Теперь вернемся снова к тому, что мы раньше прервали. Когда возвеличилось имя блаженного отца и достигло Картли, и вожделенная мать услышала о славе своего сына [она была жива и в преклонном возрасте], она возрадовалась в душе, окрепла плотью и воздала благодарение Христу, услышав благою весть о прекрасном своем сыне, телесной гордости ее и увенчателе ее души, так как у нее он был единственный сын и, по рождении его, она не знала мужчины, свято предаваясь молитвам, посту и постоянному божьему страху.

Сердце ее оплакивало разлуку с сыном, но радостная молва укрепила ее; утешившись, она забыла о преставившихся, причинявших ей огорчение, поспешно направилась сюда верхом в сопровождении слуг, женщин и мужчин. Она прибыла в Мере к матери Февронии. Та радостно приняла ее и поспешила письмом сообщить блаженному Григорию. Святой беспорочный сын пошел к верующей матери, поклонился и дал ей благословение и мир во Христе, Она с радостью встретила сына, и, облобызав его, сказала: "Сын мой милый, я вижу тебя, к кому я стремилась, так как при твоём лицеизрении у меня исчезли все болезни". Беседа их была разнообразна и продолжительна.

Блаженный отец Григорий сказал: "Прости меня, мать моя, но я удалился от тебя не по своей воле, а потому, что то, что произошло, угодно было богу, это была его воля. Однако, в этой мимолетней жизни ты до сих пор не чувствовала недостатка ни материального, ни духовного, отныне же на мне лежит обязанность пеших о тебе духовно и телесно по заповеди о почитании родителей, которую господь заповедует, да в премудрости написано: "Сын, воздай родителям твоим за то, что они дали тебе, ибо без них не было бы и тебя". Еще говорит: "Подлежит осуждению, кто пренебрегает своего отца, и проклят господом, кто язвит сердце матери", ибо "благословение отца и матери укрепляет дома во веки, а проклятие их искореняет в конец". Павел также заповедует многократно всем о почитании родителей. Эти и подобные им слова мы слышим из боговдохновенных книг для поучения верующих, и я милостью божьею унаследую твое благословение посильною покорностью согласно с твоим сердечным желанием, как сын, любящий родителей".

Блаженный божий человек доставил вожделенной старице большое утешение, преподавал ей внушительное назидание. Она сперва благословила бога, затем — сына и поручила ему пришедших с нею домашних со словами: "Сын, подобно мне да будут предметом твоих забот эти, принявшие на себя ревностное служение мне!" Святой сказал: "Апостол говорит — "Если кто о своих и особенно о домашних не печется, таковой отрекся от веры, и он хуже неверного". На мне лежит обязанность слушаться твоей, о, мать, воли и заботиться о всех этих предметах твоего попечения". И он во благе распорядился, как надлежало.

Тогда блаженная Феврония сказала верной старице: "Богочестивая мать, отныне я — твое дитя рядом с сыном твоим и моим братом Григорием. Будем мы всемерно служить тебе без упущения, так как вижу в тебе пророчицу Анну, которая денно и ношно молилась и постилась, не удаляясь из храма господня, подобно ей ты всегда твердо пребываешь в заповедях божьих, да и по плодам узнается доброта дерева". Она же радостно благодарила Христа и святых.

Тогда-то блаженный Григорий устроил, как надлежало, жизнь своей матери и бывших с нею. Одну из служительниц матери он выдал замуж, и у нее родился Василий, хандзтийский настоятель, который игуменствовал в Хандзте долгие годы до смерти и явления к Господу. Что касается вожделенной матери отца Григория, она спустя много времени преставилась в Мере и отошла к господу, к которому стремилась. Блаженный Григорий озаботился об ее душе, воздал славу богу, который сподобил его во благе служить матери, и получил от нее полное благословение.

XXX. Между тем, видя, что достойные божьи люди Арсений и Ефрем возмужали и созрели умом и летами, Феодор и Христофор, великие вожделенные отцы, успокоились, отныне свободные от обета, данного отцу Григорию — не расставаться с отроками, пока они не вырастут. После этого они вышли из Хандзты тайком ночью, взяв с собою кой-кого из братии, и отправились в страны Картли, ибо господь звал их невидимым велением, чтобы построить через них монастыри, один в Недзви, другой — в Квирикецмида. Блаженный Григорий извещен был господом не мешать их рвению и оказать содействие в этом добром деле. Отец Григорий принял искать, нашел их в Самцхе и укорял их в тайном уходе. Они же припали к нему со словами: "Да будет прощение нам, святой отец! Мы ушли из Хандзты для того, чтобы, построив вновь монастыри, мы получили какую-либо пользу в удел себе". Святой сказал: "Прекрасно ваше решение божьею волею, но сделайте меня соучастником вашего рвения, так как я не сторонюсь от добра". И они вместе отправились в пустыни в областях Самцхе и Картли, нашли два места, удобные для монастырей, построили в них обоих кельи и назвали обитель Феодора Недзви, а обитель Христофора — Квирикецмида.

Оставив там учеников, блаженные Григорий, Феодор и Христофор отправились втроем сюда в Хандзту, чтобы надлежаще разделить братию. Когда прибыли в богоугодное собрание, и их приветствовали, блаженный Григорий обратился к братии с речью: "Христов народ, слушайте меня! В начале в эту святую пустынь прибыли вместе мы — я, убогий Григорий, Сабан, епископ Ишхани, Феодор и Христофор, вот эти четверо. Эти великие отцы, угодники Христа, были мне покорны как ученики много лет, пока не призвал их бог.

Христос сделал Савву епископом в Ишхани, когда он это захотел, и тот взял с собою братьев отсюда. Ныне Христос строит через Феодора и Христофора два прекрасных монастыря в Картли. Как телесные родители раздают свое имущество детям, так Хандзта при моем посредстве жалует братьев этим своим детям, чтобы, поддерживаемые хорошо испытанными монахами, они спокойно вели новые насаждения, и чтобы твердо держалась духовная любовь монастырей, построенных нами: Хандзта — духовная родительница всех нас, так как здесь приняты нами все посвящения, хотя монашеская схема у нас была раньше, до прибытия сюда".

Окончив эти слова, он велел собрать всю братию, и с ведома Феодора и Христофора он из ее среды отобрал тринадцать братьев для Хандзты, как старшей, и, так как удел Шатберди сначала же был отправлен туда, всех остальных он разбил на три группы и велел поделиться согласно уговору по жребию. Феодор и Христофор обрадовались, но у них было небольшое недовольство, так как Ефрем и Арсений оказались в части Григория. Тогда Григорий Ефрема уступил Феодору, оставив себе Арсения, и другого брата, равного, дал Христофору, и они удовлетворились с радостью.

Но удивительно было в самих вожделенных пасомых то, что они не спорили с добрыми пастырями, чтобы, например, возражать против места в зависимости от того, кому где было удобно, ибо, как избранные Христом, постоянно пребывавшие с ним, считали себя овцами, такая у них была покорность перед победоносными мужами. Блаженные отцы наши повели братьев и опять прибыли в Недзви и Квирикецмида. Отец же Григорий от всего сердца поддерживал их в новых постройках. Осветили они места святых церквей и заложили основание. А когда блаженный Григорий собрался в путь, вся братия с плачем говорила ему:

"Божий святой, вот уже исполняется слово господина на нас: "Будете вожделеть взглянуть на вашего учителя и не увидите его", о все преодолевающая святость твоя! Но да будет воля твоя, святой, а не наша! Хотя в этом мимолетном мире ты удалил нас, не желай разлуки с нами навеки и постоянно помни нас в святых твоих молитвах, избранник бога!"

Блаженный благословил их всех со слезами, утешил их сердца, поручил их Христу и вожделенным отцам и осенил крестом святые монастыри. Когда он тронулся в путь сюда, провожали его отец Феодор и отец Христофор: облобызав друг друга со слезами, они остались каждый в своем монастыре, а блаженный отец наш прибыл в Хандзту.

Так кратко я рассказал о житии трех святых, Феодора, Христофора и Сабана Ишхнели, иначе долго бы длилось полное правдивое описание их дел.

XXXI. Когда Хандзта прославилась благодатью и стала радоваться духовным детям, сюда прибыл из Мидзнадзори отец Михаил, великий пустынный, живший в Парехи [пещерах]. Он был другом блаженного отца Григория, стремился к отшельничеству, нашел для себя местопребывание в пещерах Берты, поселился с ведома нашего святого в них и прекрасно преуспевал в добродетелях господина.

Между тем враг, дьявол, сильно печалился, видя уменьшение своего успеха от

умножения святых мужей. Явно и тайно вызывал он призраки перед Михаилом, чтобы обратить его в бегство из пустыни, но он мощно переносил искушения неусыпного противника и срамил разнообразные его козни с помощью Христа и ходатайством всех святых.

XXXII, Однажды отец Михаил стоял в некотором нерадении на высокой скале, вдали от своей кельи. Велиар дерзновенно напал на него и сбросил его с высоты вниз, но Христос бог, царь всех, сохранил его совершенно невредимым. Тем не менее отец Михаил обеспокоился постоянною борьбою изо дня в день и, отправив ученика к своему духовному учителю, отцу Григорию, сообщил ему о всех искушениях злых духов. Святой поспешно отправился помочь господнею силою своему брату, приободрил его духовно и вновь собственноручно сделал печати Христа, дарующие победу, два деревянных креста для ограждения его и изгнания врагов, водрузил их поодаль от кельи, один с одной стороны, другой — с другой, и указал святому на них как на пределы, говоря: "Без страха пребывай среди двух этих Христовых крестов с помощью святой троицы и силою честного креста, но если прейдешь предел, опять будешь искушаться хуже прежнего".

Помолились они, и вожденный Григорий направился сюда. Блаженный же Михаил нашел полный покой, повергнув гордого врага смирением, так как не понадеялся на свою праведность, а возложил упование на единого бога, почему и привел своего учителя и духовного брата Григория на помощь, как написано: "Брат помощник брата, точно несокрушимая ограда" по слову апостола Якова — "Молитесь друг за друга, чтобы исцелиться, ибо много может помочь молитва праведного". Таким образом он вполне победил врагов божьею милостью.

Блаженный Михаил происходил из села Норгиали области Шавшети. Монахом он сделался в Мидзиадзори. Жил долгие годы в Парехи и, скончавшись, там же был погребен. Ныне могилы его и славного отца Василия, поселившегося в Парехи после него, находятся вместе и дают благодать исцеления тем, кто с верой приходит к ним.

XXXIII. Блаженный отец наш Григорий вращался постоянно в Хандзте и Шатберди, двух монастырях, построенных им, и наполнял сердца учеников знанием, присушим его учительству. Он не только излагал всякую мудрость божественных книг, но являлся безукоризненным учителем песнопений полного годовичного порядка, возглашаемых в святой католической церкви, и прекрасно знал чин всех праздников, сохраняя в памяти неискоренимо то, что раз было им выучено. Голосом он обладал нежным и улаждающе прекрасным, поразительна была его память.

Сейчас имеется в Хандзта годовичный иадгар, написанный святым духом его рукою, с прекрасными словами. Он знал наизусть канонические книги Нового завета, а также многие ветхозаветные книги, но и неканонические сочинения святых учителей он произносил без книг на память, превыше нашей природы. Сила божья, где только утверждается, совершает все выше человеческой природы и понимания. Адаму также покорялось все, пока он не презрел первую заповедь. У нашего же Григория все прекрасно преуспевало, так как он безукоризненно соблюдал заповеди, и не только его собственные монастыри укреплялись им, но все пустыни Кларджети орошались потоками его мудрости. Святые отцы, игумены монастырей, многократно приходили к нему по различным делам и, благодаря его мудрости, — находили успокоение во всем.

XXXIV. Все время, пока жил наш блаженный, святые отцы (настоятели) монастырей заговлялись в Хандзте, в качестве вступления в пост получали канон на великий пост и уходили. Однажды блаженные собрались вместе у святого, и отец Григорий поучал добрым словом духовной жизни всех, кроме игумена Опизы. Тогда опизский настоятель смутился и сказал ему: "Святой отец, почему ты обошел меня духовными словами". Он сказал: "Честной отец, я обошел тебя не из пренебрежения, а потому, что Опиза построена раньше всех этих монастырей, и не подлежит моему распоряжению ни Опиза, ни игумен ее". Но тот смиренно убедил святого поучать его наравне с прочими отцами, так как все считали его посредником между богом и людьми, точно одного из святых апостолов.

XXXV. Властители того времени не разрешали твердо сделать нашего блаженного епископом; они много утруждали и беспокоили его, чтобы покорился, но он не захотел такой славы и обстоятельно вразумлял их: "Святые церкви в пустынях, кафедры божьей славы, не ниже святых кафедр в мире. Хотя священство дается всем священникам епископами, но мы знаем от первых святых отцов пустынников следующее: "Какая благодать нисходит на человека во время крещения, такую же видим мы", говорят они, "Когда впервые монах принимает монашеский образ, а также при получении святой схимы". Еще много других свидетельств имеется. Как среди Израиля определили города в качестве убежищ убийц, так святые пустыни — пристанища всех: они ограждают невинных от мирских страстей и служат гаванью для подпавших страстям, предоставляя им надежду покаяния и налагая каноны. Достаточно мне в качестве славы в обоих мирах, если я каким либо образом сумею опечь, как надлежит, эти святые пустыни, в которых люди нашли свободу, как сказал Павел: "В свободе, которою освободил нас Христос" и "где дух господень, там свобода", ибо дана им власть "быть сынами бога" по слову евангелиста Иоанна". Такими словами цари назидались и славили Христа.

XXXVI.. После этого блаженный отец Григорий увидел, что в Шатберди возникло

божье воинство, первая святая церковь заканчивается и готова для освящения. Он исполнился радости о том, что господь даровал ему успех в этом благом деле согласно с сердечным его желанием по благодати и ходатайству святой богородицы; святой монастырь во имя божьей матери и был построен для постоянного прославления ее, помощницы беспомощных и всячески защитницы уповающих на нее и ее хвалящих ныне и вовеки, которую сын ее и бог всех несказанно прославил выше всех, сотворенных его властью. Ныне же поселил ее духом и плотью, неразлучно в непреходящем царствии у славы своего божества, так что она, свет христианства, — первородна среди всех святых, и ходатайством ее и всех святых господь спасает всех нас, верующих в него, особенно же прославляет своих избранников, творящих его святую волю, так как говорит: "Прославляющих меня прослаблю" и "дам ему во стократ здесь и наделю его вечным царствием". Это неложное веление Христос исполнил в отношении блаженного Григория: в честь непреходящей славы он сподобил его постройки славных пустынь, на царей и на все воинство навел страх и ужас перед его святостью, когда еще он был во плоти, как перед силою непреодолимого властителя, по разлуке же с миром прославил его с ангелами на небесах превыше нашего понимания, а на земле ныне прославляется он непрестанно устами учеников и хвалителей.

XXXVII. Вожденная мать Феврония была озабочена, так как преставился верный священник, назначенный пастырем у них, присланный отцом Григорием. Однако ей было сообщено богом, что теперь новый священник будет лучше пасти их, и она написала письмо блаженному Григорию, прося достойного священника. Тогда святой сказал святому Матое: "Возлюбленный сын, пока воин [букв.:всадник] не вступает в бой, нельзя узнать его победоносность над многочисленными войсками, и не получает он дара от царей; когда же он выказывает доблесть, боевая его сила становится для всех ясна, и царь справедливо награждает его множеством подарков. И ты покоришься моему слову, именно согласишься всемерно быть священником церкви всесвятии Богородицы в Мере, как победоносный воин Христа, и я надеюсь на Христа, что ты стяжаешь славное дело". Он припал к нему со слезами и сокрушенно сказал: "Прости меня, отец, так как твоей святости известно, что я никогда не был послушником твоего веления, но теперь не могу сделать то, что ты приказываешь мне". Святой сказал: "Можешь силою господя! За одно с прочими добродетелями стяжай теперь полное послушание! Осеняю я крестом Христа, чтобы ты уничтожил всякое препятствие".

Видя непреклонную волю учителя, вожденный чудотворец Матой покорился его словам вопреки своему желанию и божьею волею сделался священником в женском монастыре. Матой был велик и славен делами. Сорок лет, пока он был священником в Мере, никто не слышал от него праздного слова и бесполезного возражения, что само по себе достаточный для людей грех, как говорит господь: "За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда". И не в этой только мере он был велик. Видевшие его не дерзали праздно развлекаться под влиянием его воздержанной жизни, святости и безукоризненного поведения, так как для всех он был пример хорошего.

Матой сохранил истинную девственность не только плотью, но и душою и словом, слухом и зрением, ибо блаженный говорил, что "Монашеством называется воздержание". По этому-то поводу боголюбивая Феместия, деканисса Мере, сказала: "В продолжение сорока лет, пока я была деканиссою, а Матой — священником, он ни разу не брал кадильницы из моих рук".

От чрезмерных трудов Матой занемог. Блаженный неослабно преумножал молитвы, воздержание от питья, голодание, бдение, стояние и коленапреклонение; он сокрушал страсти тела и обессиливал врагов духа, никогда не пропускал церковной службы без уважительной причины и болезни; одежда его, как и пища, была самая простая.

XXXVIII. Однажды Матой был в своем жилище близ Мере. Он узнал, что придут воры, и днем заготовил для них яства. Когда ночью прибыли воры, он им сказал: "Верьте мне, дети, святая богородица велит вам не вредить мне. Идите сюда и ешьте пищу, приготовленную мною". Один из них, приведший прочих, дерзнул было забрать имущество святого. Святой сказал: "Ходатайствую перед богородицею, пусть она накажет тебя за твою дерзость". И он тотчас же повергнут был наземь злым врагом. Тогда друзья его со слезами пали в ноги святому, прося исцелить его. Он же, осенив крестом, сказал ему: "Да исцелит тебя святая богородица", и тот быстро выздоровел. Святой сказал: "Почему повел ты этих людей причинить мне зло?" угостил их и отпустил с миром.

Много таких знамений сотворил святой. Он достиг старости. От сильных трудов его постигла болезнь, и он не мог сам служить себе. Тогда блаженный Матой сказал: "Это — происки супостата, что-бы мне прислуживали женщины. Хотя сестры наши — исполнительницы божьей воли, но правила нарушаются, когда монаху прислуживают женщины. Однако у меня есть средство, чтобы выйти из затруднения". В Берте был кой-кто из слуг матери отца Григория, родственники Матоя, прекрасные монахи, друзья его. Он сообщил им, и те с радостью пришли, чтобы понести его на носилках, так как он был чрезвычайно слаб от великих трудов.

Сестры все были полны скорбных слез, так как они сиротели, лишаясь духовного отца и учителя. Он, полный слез, благословил всех, осенил крестом и, оставляя их с миром, сказал: "Христос да хранит вас благодатью девы, своей родительницы, и всех святых! Молитесь за меня

всегда!" Затем он сделал знак братьям, и те приняли его на носилки. После того, как они прошли немного, Матой, велел остановиться, сказал: "Господи, твое слово оживляло плоть немощных, так дай силу и мне, немощному рабу твоему!" Вдруг вернулась ему полнота сил, и сам дошел он до Берты. Пробыл там здоровым в продолжение одного года, а затем, преставившись из этого страдного мира, предстал с радостью перед богом в мире живых, как доблестный борец, подвижник Христа, исключительно победоносный, и ходатайствует о нас во веки.

XXXIX.. В час, когда он преставился, вожделенные мать Феместия, деканисса, и отшельник Анатолий, прозванный Антониюм, имели видение, и та, и другой в полночь. Отшельник пошел в церковь до ударов [била] на службу; прибыла также деканисса в портик церкви. Они приветствовали друг друга, а деканисса спросила: "Почему ты пришел? Скажи мне, что ты видел?" Тот сказал: "Я видел то, что и ты видела. Скончался дававший нам благословение Матой". Он рассказал ей все: "Явился ко мне некий светозарный муж и сказал — "Проставляется великий Матой к богу. Последуй за мною, чтобы удостоиться видеть, как он представляется во славе из этого мира в небесное царство". Я последовал за ним. Он повел меня на холм близ Берты и сказал: "Посмотри на Берту и зри славное видение!" Я увидел столп света, с неба спускавшийся до монастыря; со столпом во множестве сходили святые ангелы, и с ними один в образе дьякона с орарем: они пели богу великолепными голосами. Затем увидел, как сонм святых ангелов, светозарных и бесплотных, в том же виде поднимался на небо и, поддерживая за руки, вел святого Матоя по середине в несказанной славе и с пением славы в вышних. Вот мое видение о святом". Она сказала: "Это явление воистину верно. Но послушай про мое видение! Я увидела вожделенного Матоя; он был статен и прекрасен, еще более украшен славою, чем раньше, в молодости; облаченный для службы в невообразимо блестящие одежды, держал в руках золотую кадильницу. Я удивилась зрелищу и сказала: "Какой ты стал сильный после твоей немощи, учитель!" Он ответил мне: "От этого престола я представляюсь к престолу, которому я служил с юности, чтобы служить перед ним нескончаемо; я удостоился предстать перед небесным престолом и постоянно служить". Когда Анатолий и Феместия рассказали друг другу о видениях, пришли люди сообщить о преставлении Матоя в тот именно час, и они воздали благодарение Христу, творящему чудеса.

XL. Многие из других учеников, блаженного Григория достигли еще более высокой степени монашества: иногда можно было видеть, что тела их облачены более Матоя в блеск святых ангелов. Они творили великие знамения еще во плоти, а также после смерти. Но расскажу я о верном сыне, христоносце, которого звали Димитрием. Его воспитала мать Феврония. Он поступил, в учение к отцу Григорию и был в числе первых его учеников.

XLI. Много раз видел божий человек над ним столп света в продолжение всей ночи, когда его преподобие молилось, так как на нем постоянно покоился святой дух. Он отправился в Иерусалим, но достигнув Емесы, занемог легкой болезнью, духом узнал, что будет призван богом, и написал собственноручно следующее послание: "Избранники Христа, жилища святости, отец Григорий и мать Феврония, духовные родители, вскормившие меня взамен молока духовною пищею учительства и отправившие в добрый путь сюда с божественным знамением в качестве провизии, отныне замолкнет моя речь к вам до явления господя во славе, так как, прибыв в Емесе, засыпаю здесь до второго пришествия Христа. Когда будете справляться в том мире о своих учениках, наведайтесь обо мне, вашем сыне, и поминайте постоянно меня в святых ваших молитвах, святые бога!" В тот же час он скончался и был похоронен в самой Емесе.

XLII. Но вспомним об упоминавшихся раньше приснопамятных достойных Арсени и Ефреме, учениках — питомцах Григория: богу угодно было сделать их архипастырями, каждого особой словесной паствы, это была его воля. Великий Ефрем сделался епископом на ацкурской кафедре в Самцхе за много лет раньше Арсения; впоследствии же великий Арсений сделался каталикосом Грузии в соборной церкви во Мцхете, местопребывании Христова хитона. Воспитанные вместе, они любили друг друга.

Между тем епископы Грузии были исполнены глубокого недовольства на Миреана, отца Арсения, так как без их ведома он насильственно поставил его при содействии самцхийского народа [букв. воинства] католикосом, в присутствии немногих, епископов, которые совершили посвящение. Господь допустил возмущение епископов для некоторого обличения; к ним примкнул и блаженный Ефрем, так как возражение их было справедливо. Властитель того времени великий Гуарам, мампал, был зол на Миреана. Он поспешно велел собраться епископам и отцам пустыннокам, и собрались все в Джавахети, но отца Григория не было там, как не было вовсе и отцов игуменов пустынь Кларджети. Блаженный Григорий был архимандрит, и все страстно ожидали его. Вожди закона наедине совещались касательно Арсения, но не могли дать твердое решение. Тогда епископ Эрүшнели того времени произнес во всеуслышание: "Когда прибудет звезда пустынь, тогда дело и намерение всех правильно направится". Они спросили его: "Про кого ты утверждаешь это?" Он ответил: "Про архимандрита Григория, строителя Хандзты и Шатберди". Тогда какой-то епископ дерзко сказал среди собрания: "Разве он один — светило?" Но все прочие сказали: "Правду говорит, так как Григорий просвещает светом учительства и украшен святым духом". Вдруг они увидели святого. Он ехал верхом на осле в собрание отцов при чудном видении: простая одежда на старце казалась облачением из ослепительно блестящего света,

клубок на его голове красовался, точно царский венец, украшенный бесценными благородными камнями и жемчугом. Видя прославление его богом, все радостно пошли к нему навстречу и радостно стали следить за его словами.

В то время прибыл епископ Ефрем. Он приветствовал сначала своего учителя отца Григория, а затем братьев епископов. Блаженный Григорий тайно позвал блаженного Ефрема и сказал ему: "Сын мой, заклинаю тебя честью твоего святого архиерейства, не мешай твоему духовному брату Арсению!" Тот ответил: "Святой отец отстаивая справедливость, нельзя препираться с моими братьями — епископами, да и прости меня, что отныне я не овца Арсения, и он не мой пастырь". Тогда святой сурово произнес: "Если ты поступишь так, отрекись от меня, я не учитель тебе!" Блаженный Ефрем заплакал при этих словах духовного отца и учителя и сказал: "Твое приказание — жестоко, оно режет острее меча; так да будет не моя, а твоя воля, божий святой!" Он сказал: "Вожденный Ефрем, да услышит Христос, о чем бы ни просил его ты, невинный сердцем и праведный умом, уподобившийся учителю своему Христу по слову Давида: "Праведен господь бог наш, и нет в нем неправды". Ты с твоей боговидящею душою знаешь, что богом велено быть Арсению католикосом, так как он совершенен, но отец Миреан опорочил его несвоевременной поспешностью подобно тому, как Адам съел плод, который еще не был зрел. Хорошо ты сделал, послушав меня, ибо человек в гневе не творит божьего правосудия, вина же Арсения да падет на меня".

После этого властитель Гуарам, услышав о прибытии блаженных, радостно вышел к ним навстречу и смиренно приветствовал их. Гуарам велел собраться всем лицам монашеского чина, и вот, когда они пришли и уселись, он сказал: "Святые отцы, епископы и пустынники, вы все знаете, что правило закона не разрешает насилием сажать епископа и католикоса". В речи на эту тему он умножил порочащие слова и ждал их ответа, глаза же всех устремились на отца Григория и епископа Ефрема, но они некоторое время хранили молчание.

Епископы обратились к Ефрему со словами: "Изволь ответить должно!" Он сказал: "Где отец Григорий, там я не дерзаю говорить".

Тогда властитель сказал блаженному Григорию: "Отец, все ждут чтобы ты сказал истину, так как ты и деньми и угождением божьей воле старше всех, тебе подобает начать слово". Он ответил: "Надлежало сначала архиереям высказаться, но по твоему слову я скажу так — истинная Христова паства, слушайте меня, убогого старца! Католикос Арсений есть волею божьею католикос, и злословящие его, если они не покаются, будут пристыжены и совершенно посрамлены в сем мире и в вечном". Властитель, хотя был мудр и богочестив, однако правдивое обличение праведника сильно расстроило его, так что воля преодолела мудрость и мстительность не была внимательна к чести, поскольку жало его сердца открылось через уста, когда бесчинно он дал себе волю сказать следующее: "С давних пор я не видел отца Григория, но я слышал, что мудрость его, необъятная для мудрецов, изменилась от старости, и теперь вижу собственными глазами, что я слышал раньше". И, будучи весьма искусным в речи, много говорил он и по части законов так, как не подобает мирянам [букв.человеку из воинства].

Блаженный отец Григорий сказал ему: "О, властитель, почему гневаешься, когда говорят истину. Знай, что на соборе первых святых отцов с монахами, епископами и вождями закона были и верующие цари, но они не дерзали вместе с ними поучать закону, а спрашивали, как те наследуют закон, и просили открыть им это, так что от них учились заповедям бога и были свидетелями их речений. В канонах, определенных святыми апостолами и преподобными иерархами и нет вовсе разрешения, чтобы мирянин дерзал поучать закону, который подлежит распоряжению отцов, епископов и законоучителей, или вводить новшества; это — пренебрежение к закону и иерархам, хотя бы предложения казались правильными. Что же касается меня, я по твоему мнению, Гуарам, изменился в природе, но, когда правосудие рассудит тебя, увидишь, что ты лишился разума, и тогда не будешь осуждать моих слов".

Властитель смутился в душе и сказал епископам: "Вам самим надлежит устраивать ваше дело, так — высказывайтесь!" Они сказали: "Богочестивый Гуарам, Христово знамение лишило наш язык способности говорить, так как мы сегодня увидели на Григории непостижимую славу". И они рассказали ему видение целиком, как они видели, когда тот въезжал. Ужас объял властителя, так как он был смиренный и богобоязненный: смирение взяло в нем верх, и он, пав в ноги блаженному Григорию, сказал: "Божий святой, прости меня, что я ввел тебя в соблазн". Он же сказал: "Христос да простит тебе все прегрешения!"

Тогда-то великий властитель Гуарам отлично угостил всех. За трапезою, когда Гуарам развеселился от вина, епископы единодушно говорили: "Это обличение нужно было для Арсения, но отныне Арсений да будет католикосом всей Грузии и духовным отцом всех, да рассеется совершенно во всех прежнее сомнение, чтобы мы в мире и спокойствии оказывали честь христианству и встретили добрый привет у Христова трона". Властитель Гуарам и весь народ сказали: "Да будет аминь!"

Между тем властитель спросил епископов: "Божьи святые, хорошо это или нет, если какой-либо мирянин, знаток божественных книг и владеющий также языками, сам от себя возьмется поучать непросвещенный народ, после того как он, поехав в Иерусалим или в другие

святые места, увидит какой-либо хороший порядок, подобающий христианству и отсутствующий среди нас, или независимо дойдет до этого своим умом на основании святых книг?" Говоря так, он намекал на некоторых любителей многоречья.

Они ответили: "Определенного груза достаточно для лодки; если прибавить тяжести, она пойдет ко дну, если облегчить, ее унесут волны и ветры". Точно так же прекрасен груз закона и правило христианства, которого теперь держится наша страна, и бог доволен: мы ручаемся за это. Если кто твердо будет держаться и не изменит, будет на деле исполнять, а не торговать словом, "получит во сто крат здесь же, и наследует жизнь вечную" по слову господина.

Мы выслушали мнение, высказанное отцом Григорием раньше. Скажем следующее: если мирянин откроет какой-либо новый хороший порядок, согласно твоему велению лучше молчать ему, как сказал апостол Яков: "Братия, не многие делайтесь учителями!" Если он не может молчать, пусть не проповедует сам от себя, а сообщит своему епископу, который и преподает пастве, если это надлежит. Если опять мирянин дерзко и нагло вновь постановляет для народа особые правила, таковой взамен приращения да будет осужден вместе со спорщиками и противниками, когда господь прибудет во славу".

Властитель сказал: "Воистину праведен ваш духовный суд о божественном порядке. Если надлежит спрашивать чтеца, еще более нужно опрашивать учителя правил и закона и всячески сдерживать себя, как сказано: "Врач, сначала исцели самого себя!".

Миряне были пристыжены, обличенные в том, что они сочиняли правила для невежд, и искали прощения у вождей закона. По окончании трапезы собравшиеся простились с великим начальником, и он радостно отпустил их всех. Тогда понесли радостную весть Арсению, так как его не было на соборе: "После бога твой учитель отец Григорий утвердил тебя католикосом". Он радостно благодарил Христа и его святого.

Епископ Ефрем возобновил прежнюю любовь к католикосу Арсению, следуя завету отца Григория; он усмирил быстро смуту, которая надолго могла затянуться, так как она была между католикосом и епископами, особенно же властителем Гуарамом. Возделенные католикос Арсений и епископ Ефрем посещали своего учителя отца Григория. Католикос Арсений освятит старую церковь Хандзты и навевал радость на все церкви Грузии, ибо он вполне украсил патриарший престол и сам украсился благодатью. Когда отец Григорий преставился, Арсений присутствовал на его похоронах. Он был католикосом двадцать семь лет и затем, преставившись из этого мира, радостно явился ко Христу. У него благодать, чтобы помогать нам.

XLIII. Что касается великого Ефрема, он много благ привлекал в нашу страну. Прежде католикосы Востока миро привозили из Иерусалима, но Ефрем велением во Христе установил мироосвящение [мироварение] в Грузии по радостному распоряжению иерусалимского патриарха и его свидетельству. Грузией считается обширная страна [именно вся та], в которой церковную службу совершают и все молитвы творят на грузинском языке, только "кирие-[е]лейсон", что по-грузински значит "Господи, сотвори милость" или "Господи, помилуй нас", произносят по-гречески.

Блаженный Ефрем епископствовал сорок лет, украшенный святым духом: сокровенные людские дела он обличал, как явные, быстро исцелял больных, обреченных на смерть, простым словом умерщвлял непокорных и много иных знамений творил. Преставился он в благой старости, полный благодати и, представ радостно ко Христу, предстательствует за нас, верующих, во веки.

XLIV. Вот какие богоносные ученики были у отца Григория. Великий же Епифаний смирением сравнился с своим учителем: плачем и слезами он изгонял злых духов, быстро исцелял больных и творил много других знамений, поучая непокорных страданиями, и молитвами избавлял верных от смерти. Так — однажды в летнюю пору он спускался с Хорасунских гор; с ним были братья. Увидели они удобное место и расположились покушать. Тем же путем шла какая-то женщина; с нею шел сын семи лет. Мальчик был прекрасен по наружности, остер умом. Когда они ступили в поле зрения блаженного отца Епифания, мальчика постигла смертельная болезнь, и от боли, колотья, душа стремилась расстаться с телом. Мать подхватила сына с горьким плачем и, подбегая к святому, жалко вопила:

"О, божий святой, помоги мне, беспомощной! Умирает мое дитя, и после бога я прибегаю к тебе". С этими словами она бросила сына к ногам Епифания. Он же встал, прослезившись, так как был по природе жалостлив и пал перед Христом со словами: "Господь бог наш Иисус Христос, зри мои слезы и слезы этой несчастной женщины, пожалей мальчика и вели его душе многие еще годы пребыть во плоти на утешение ее, убогой, и на славу тебе, едиnorodному сыну, вместе с отцом и святым духом во веки. Аминь". Осенил он крестом и, взяв его за руку, произнес: "Господь Иисус Христос исцеляет тебя, встань, мальчик, и живи!" Мгновенно покинули плоть мальчика болезнь и немощь, душу его — всякие заботы. Епифаний передал его матери и велел накормить. Женщина радостно воздала благодарение богу и святому, с миром пустилась в путь с сыном, и мальчик жил во благе до старости и прославлял бога.

XLV. Еще случай. У каких-то верующих людей было дитя, мальчик, от рождения искалеченный врагом: он был глух, нем и слабоумен, но по наружности казался здоровым и рос, как другие мальчики. Когда ему исполнилось десять лет, в деревню, где находился мальчик-

калека, прибыл отец Епифаний; он уже слыл тогда за чудотворца. Мать повела мальчика к дороге, по которой проходил Епифаний, и как только увидела его, стала просить о сыне с горькими слезами и с твердою верою. Блаженный, прослезившись, испустил вздох и умиленно возгласил: "Христе боже, вочеловечившийся по человеколюбию и перенесший страсти для исцеления страдающих, почему ныне, для обличения наших грехов, истязуется дьяволом это безгрешное твое, милосердный господь, творение? Неисчислимо милосердный бог, дай ему облегчение, освободи его от всех напастей и возрадуй его родителей!" Осенил он мальчика крестом и отдал его, исцеленного, матери: вмиг он, немой и глухой, разумно заговорил и стал хорошо слышать, как только молитва блаженного мужа изгнала злого дьявола. Видевшие это славили бога.

XLVI. Женщина пришла с мужем и привела в дар Епифанию двух коров, но он, подарив коров исцеленному мальчику, благословил их и они ушли и возносили богу благодарение.

XLVII. Однажды блаженный Епифаний пошел к великому Абуласаду во время жатвы просить провизии для Хандзты. Он сказал ему: "Даю вам столько, сколько пожнут твои братья за день". Об этом же осведомил Абуласад жену, находившуюся в Гунатле, а сам отправился в другую страну. Епифаний собрал у себя хороших жнецов из братии, прибыл с ним в Гунатле согласно договору, и они, начав жать прекрасную ниву, с большим усердием жали до полудня. Какие-то злые люди сообщили своей госпоже, что они до вечера сожнут всю прекрасную пшеницу. Она обеспокоилась и послала человека сказать, чтобы перестали жать. Епифаний находился вдаль от братьев, и они не послушались посланного. Она в гневе послала других людей, и те силою прогнали их с нивы. Тогда отец Епифаний смутился, что они не послушали человека, присланного в первый раз, так как он воистину был раб Христа и не хотел видеть ссоры. Потому он произнес: "Господи, прости твоей рабе такое пренебрежение к нам и на пользу ей позаботься наслать на нее немного испытаний, чтобы она выучилась не отвергать убогих". Тотчас злой дух поверг ее, так как дух благодати покинул ее из-за дерзости. Мгновенно уведомили Епифания. Пошел к ней он с братьею, и молились о ней от всего сердца: она, крайне жалкая, вмиг исцелилась, так как дух благодати снова поселился в ней хранителем во веки, и перестала страдать. С тех пор она переменилась во благе и, припав к Епифанию и его братии, отпустила их в радости, наделив большими богатствами.

XLVIII. Христос украсил знамениями и кротостью как отца Григория, так и его учеников по слову апостола: "Кротость ваша да будет известна всему миру". Потому-то так ярко проявилась кротость Епифания, проходившая всякие границы. Случилось некогда, что пришли из Недзви какие-то духовные братья, добрые монахи. Беседуя с ними наедине, блаженный отец Григорий сказал им: "Существует ли в вашем монастыре в среде братии совершенная кротость на деле, а не на словах?" "Существует", сказали они, "Твоими молитвами, как тебе известно". При этих словах ударили [в било] для службы. Когда блаженный Григорий начал службу, декан спросил, кто будет служить народно, и он велел служить Епифанию, так как он был поставлен игуменом в Хандзте. Епифаний облачился для службы, а с ним и другие священники, так как день был воскресный. Когда они поднялись на жертвенник и Епифаний стал произносить возглас перед Трисвятою песнью [букв.: "Святыи боже"], отец Григорий взшел на жертвенник и, ударив его посохом по голове, сказал: "Замолкни!" Он замолк без признаков волнения. Григорий велел ему отправиться в дьяконник и разоблачиться. Тогда весь народ охватило удивление и ужас. Он пошел, снял с себя облачение, вернулся к учителю и долго стоял перед ним. Учитель снова велел облачиться и служить литургию. Он с радостью облачился и припал к блаженному Григорию: тот осенил его крестом, и он взшел на жертвенник, поборов немощь гордости, и начал приносить бескровную жертву. Никто не осмелился спросить святого о причине такого поступка, пока он сам не изволил сообщить братьям из Недзви. "Посмотрите-ка, возлюбленные братья, на совершенную в делах кротость Епифания. Верьте мне, говорю истину перед богом. Ни в чём не провинился он, так что благодать святого духа пребывает всегда с ним из-за богобоязненности его, святости и кротости. В вину ставится, конечно, и кротость низменного, но какое может быть сравнение между светом и тьмою? Эти многочисленные братья, украшенные подлинною кротостью, одеты в облачения истинного света, и я поступил так, чтобы видели вы, так как вы своей братии присвоили совершенную божественную кротость". Они, припав к нему, сказали: "Братия нашего монастыря, конечно, отличается добродетелями, но ей не по силам такая кротость". Когда преподобный Епифаний совершил литургию, все приобщились святых тайн, плоти и крови Христа, и единодушно воздали благодарение святой троице, сотворившей все.

XLIX. Среди шатбердских отцов во множестве появились одни за другими избранные деятели, отличавшиеся монашескою доблестью, иные блиставшие благодатью пророчества, причем подобно им святые люди от времени до времени озаряли и другие пустыни; из них в наши дни воссиял в Миднадзорском ушелье великий Иаков, многообразными талантами украшенный выше наших слов вместе с божественными друзьями, как утренняя заря среди звезд, но, так как эта книга начинает разрастаться, я опустил их всех и приступил к знамениям блаженного отца нашего Григория, о которых я узнал от достоверных людей, но я не мог по невежеству описать все: я думал, что это житие напишут мудрецы, совершенные отцы, бывшие в наши дни, великий Софрон, вожделенный отец, возобновитель Шатбердской церкви, ее венец до скончания веков,

богоносный отец Иларион Парехели, Христовы архиереи преподобные Георгий, ацкурский епископ, Стефан, первый тбетский епископ, и другие подобные им. И когда они, блаженные, уснули, тогда только как бы проснулся я, невежественный и прегрешный, чтобы приняться за описание жизни и знамений, о которых вы теперь услышите.

L. Однажды блаженный Григорий находился в своей отшельнической келье. В его келье, как и в кельях прочей братии, никогда не разводился огонь, никогда не возжигалась лампада. В час утрени декан сказал пономарю: "Иди к отцу и послушай, спит он или бодрствует!" Когда пономарь дошел, внутри кельи увидел он огромное сияние, стал убежать и крикнул: "Огонь охватил келью отца!" Декан сказал ему: "Замолкни, сын! Не пугайся! Это не сжигающий огонь, а дух божий, который освещает". Декану много раз приходилось видеть это великое видение. Он подошел к келье, посмотрел в нее через скважину стены и увидел святого с воздетыми руками: из его тела исходили крестообразные лучи света; украшенный славою, он сиял как солнце. Декан радостно благодарил Христа и не велел бить на службу, пока видение не исчезло. Это тянулось долго.

LI. Еще знамение. Некогда в морозную пору братья скатывали дрова в хандзтийском лесу. С ними был блаженный Григорий: он стоял на видном месте. Один старец из братии переходил трудное место по пути дров, другие, не зная этого, пустили громадное дерево. При виде сильно несущегося дерева, старец очень испугался, перестал двигаться и громко крикнул: "Отче, помоги!" Тот осенил дерево крестом со словами: "Именем Христа стой, дерево!" От его слова, точно от непоколебимой скалы, остановилось дерево, страшно несшееся по отвесному льду, и он велел старцу спокойно пройти. Увидев это знамение, братья удивились и стали прославлять бога.

LII. После этого блаженный раз находился близ Шатберди. Пришла к нему с верою какая-то женщина, у которой на руках был малолетний сын, приблизительно двух лет, с отнявшимися по козням врага руками и ногами и искривленным ртом. Она подошла, обливаясь слезами, и бросила сына к ногам святого со словами: "Божий святой, помилуй сего, отверженного людьми! После бога к тебе прибегаю". При виде ее сильного плача он почувствовал жалость, и потекли у него слезы, сделавшиеся печью для врага, так как молитвы Григория, невидимо для людей, сожгли недоброго дьявола и изгнали его. Тогда Григорий сказал: "Имя Христово изгоняет тебя, дьявол, удались во веки от сего беспорочного младенца!" Осенил он его крестом, тотчас бежал злой дух, и отрок вполне исцелился. Родительница радостно благодарила бога и святого: веселые, они отправились домой, и отрок вполне прекрасно жил.

LIII. Еще знамение. Была еще какая-то женщина, страдавшая кровотечением многие годы. Она прослышала про то знамение и пошла к святому со рвением, но не могла огласить публично своей болезни и, молчаливо орошая его ноги слезами со вздохом, просила исцеления. Тогда по мановению святого братья отошли немного, так как духом узнал он об ее скрытном страдании: он дал ей правую руку приложиться, она приложилась, и тотчас исцелилась от немощи, пошла к себе домой и прославляла бога.

LIV. Добрые дела блаженного отца Григория полны чудес. Близ Шатберди жил какой-то поселении: у него была жена, родились дети. Владел он большим имуществом. Жизнь их протекала в веселье, так как они были благоверны. Но с женою, для пользы ее, приключилась болезнь, чтобы Христос исцелил ее через праведного мужа и опозорил пристыженного врага, который своими кознями все десять пальцев на ее руках прирастил к ладоням и сильно истязал ее лютой болью. В то время божественное знание открыло женщине достоинство блаженного отца Григория, и она живо прибыла с одним из своих сыновей к блаженному. Божьею волею святой находился на одной из дач Шатберди. Она стала молить, заливаясь слезами и рыдая, о немощи, постигшей ее. Видя ее веру и слезы, Григорий почувствовал сильную жалость. Велел он одному из священников отправиться в церковь и принести евлогию из лампадки, которая неугасимо горит перед обрезом святой Богородицы, сам же с воздетыми руками встал на молитву перед богом, неумолчно вздыхая и проливая потоки слез, до возвращения священника. Когда же тот доставил масло от лампады, Григорий позвал женщину, осенил ее руки крестом и помазал их накрест тем маслом во имя святой троицы и ходатайством святой богородицы со словами: "Да исцелятся твои руки". Тотчас же выпрямились у нее все пальцы, и никакого следа не осталось от уродства, так как калечивший дьявол в ужасе бежал молитвами блаженного Григория. И так в радости отправилась она домой, прославляя Христа бога.

Эта же женщина опять пошла к святому, повела мужа и детей и понесла много пожертвований. Все они получили благословение и отправились радостные, разглашая среди многих о знамении.

LV. Во дни святого властитель Ашот, куропалат, завладел многими странами. Он построил крепость Артануджи для проживания государыни, супруги своей. Она благополучно жила в ней в продолжение многих лет. Но враг соблазнил властителя: он привел в крепость распутную женщину, с которой грешил, так как демон любви очень разжигал его. У него раньше не было этого в нраве, но его одолел злой грех. Услышав о таком деле, растлевавшем душу, блаженный Григорий сильно огорчился. Он сообщил святому Григорию, великому старцу, жившему в церквах; тот был чудотворец и пользовался уважением перед богом и людьми и с его

согласия лично стал обличать властителя. Тот дал слово оставить грех и отпустить женщину туда, откуда он ее привел, но властитель не имел силы остаться верным слову, так как был поработчен страстью.

Блаженный Григорий улучил время. В один прекрасный день, когда куропалат был в далекой стране, он отправился из Шатберди в Артануджи. Прибыв к вечеру под крепость, он послал к той женщине человека попросить еды и выставил какой-то предлог, почему остановился там. Она обрадовалась великою радостью и выдала разнообразные яства для святого и его учеников. Как только рассвело, он вторично отправил к ней человека, прося повидать его. Еще более обрадованная она тогда пришла живо к святому в сопровождении двух служанок, чтобы сподобиться благословения блаженного мужа крестным знаменем. Однако, он не осенил ее крестом: ей велел сесть поодаль, а ученики отошли в сторону по мановению глаз учителя, также служанки, ибо страх перед святым был наваян на всех. Тогда блаженный Григорий сказал ей: "О, жалкая! Почему ты вторглась между мужем и женою, готовишь себе вечную гибель злым грехом, поработившим тебя дьяволу, и попусту стала соблазном для великого властителя?" Она со слезами сказала: "Святой бога, я не вольна над собою, так как куропалат питает ко мне чрезмерную любовь, и не знаю теперь, что мне делать: меня очень смутило то, что ты изволил сказать". Святой сказал: "Дитя, покоришься вполне словам моим, словам убогого, и я ручаюсь тебе перед Христом, что он сам простит все твои прегрешения". Она сказала: "Святой отец, я в твоих руках — лекись о пользе моей души!" Тогда только он осенил ее крестом, благословил молитвами, вооружил благодатью и дал ей ремень от своих сандалий, чтобы опоясалась им, и она так и сделала. Святой сказал ей: "Дитя мое, сегодня спасение твоей души, поведу тебя к возжеленной матери Февронии". Она очень обрадовалась. Блаженный Григорий велел служанкам уйти к себе обратно в крепость, а женщине молвил: "Дитя мое, пустишь в путь — иди перед нами!" Так привел он ее в Мере, так как заранее было дано согласие блаженной матери, и поручил ей со словами: "Заботься о ней, должным образом заботься о ней и тогда, когда куропалат начнет разыскивать ее. Ты видишь как сокрушено ее сердце!" Она сказала: "Христос во благе да печется о рабе своей, которую он обрел через тебя, преподобный отец".

Долго еще беседовали вместе блаженные [такой установился обычай у отцов настоятелей того времени, что без одобрения матери Февронии они не брались ни за какое дело] Какая-то сестра прошла мимо их и успела услышать один вопрос, она не решилась слушать еще дальше: "Что тебе сказал ангел?" спрашивал святой Григорий блаженную Февронию. Бог был среди них воистину.

Между тем куропалат, явившись в крепость, справился о женщине. Так как не нашел ее, то очень огорчился, поняв все происшедшее. Влюбленный в нее не по какому-либо ухищрению человеческих козней, а по проискам демона, властитель был настолько поработчен, что забыл самоуважение и поспешно явился в Мере. Блаженная Феврония скрыла женщину. Помолвившись в церкви святой богородицы и получив благословение от матери Февронии, куропалат повел с нею беседу: "Знаешь ли, мать, почему я теперь прибыл сюда?" "Господь знает", сказала она, "почему ты пожаловал сюда". "Я прибыл сюда потому", сказал он, "что отец Григорий, оказывается, привел сюда женщину, ключницу нашего дома; в ее руках находилось все наше имущество, и у нас оказался большой недочет в сокровищах. Так вели ей явиться раз в крепость; она передаст нам все по счету, а потом пусть возвращается опять к вам, как того желает!" Феврония резко ответила ему: "Не уклоняй сердца моего к злым помышлениям, к возбуждению причин греховных с людьми, творящими беззаконие". Услышав это, куропалат, смущенный правильным обличением устыдился и долго молчал, как сраженный: телесно могущественного властителя победили духовно сильные люди, вооруженные божественною ревностью. Огорченный куропалат наконец произнес в сердечной тоске: "Блажен человек, который уже не в живых!" Он быстро встал, чтобы уйти. Тогда блаженная Феврония, кроткая душою, остановила было его, чтобы угостить, но он не покорился, так как собственный разум был у него обличителем, как только он уразумел свой позор с удалением желанья плотской страсти. В душе радовался он тому, что мудрость обратила в бегство вредное малодушие, и восхвалял победу святых, еще более — бога, дарующего победы, и радостный ушел, так как питал чистым сердцем уважение к блаженным, как венчавшим его душу на веки.

LVI. Еще большему искушению подверг враг человеческого рода властителя Адарнерсе, сына куропалата Ашота: по наущению блудницы, с которою прелюбодействовал, без суда, по блудливой лжи, он удалил от себя верную жену и отправил в Абхазию, ее родину, откуда он ее привез. Христос открыл своему рабу Григорию всю несправедливость, которой подвергли невинную государыню. Григорий многократно обращался к Адарнерсе с обличением, но властитель, поддавшись пустому своеволию, не внимал обличению праведника; более того, он к злу прибавил зло: взял вторую жену. Тогда отец Григорий пророчествовал о том, что должен был допустить бог — какие прегрешения должны были постигнуть его по божьей воле. Он сказал следующее: "За послушание меня, убогого, ты будешь предан лютой болезни, а сыновья, какие у тебя сейчас, будут одержимы дьяволами, и не исцелитесь ни ты, ни твои дети, пока не получишь прощения от государыни, без суда наказанной рабы божьей. Если же она к тому времени успеет

расстаться с плотью, дети твои получают прощение от ее могилы, а блудницу, наущничавшую, за похотливую наглость и злобу да опозорит Христос более всех грешниц!" Адарнерсе, сильно уstraшенный словами блаженного Григория, бросился в ноги ему. Тот поднял его со словами: "Христос да дарует тебе прощение твоих прегрешений, однако да будет тебе известно, что сказанное мною исполнится в свое время, чтобы все поняли, какой плод приносит неповиновение". Спустя немного времени Адарнерсе постигла болезнь ломоты, колотье, которое называется подагрой. Он жестоко мучился от боли, так как до тех пор не страдал ничем. Живо отправил он хорошего человека, по имени Купра, к государыне просить у нее прощения. Достигнув Персати, где теперь находится ее могила, посланец Адарнерсе застал свою государыню, дочь властителя Баграта Шароели, в великом монастыре: облачением ее служила простая ряса; одетая в священную схиму, возделенная, прежде называвшаяся Бюрилою, потом Анастасиею, несла домой громадный выюк дров, взвалив его на себя. Она совершенно осрамила дьявола, и теперь верующие обретают исцеление по ее милости, унося от ее могилы землю в качестве евлогии. Увидев ее в подвиге, посланец узнал ее и бросился ей в ноги за Адарнерсе со словами: "Тебя, о, творящая волю Христа, молит господин мой помиловать его, справедливо наказанного из-за тебя богом, не проклинать, более того — простить великую его вину". Она сказала: "Клянусь Христом, проклятие никогда не исходило из моих уст, и его я также не предавала проклятию. Христос да простит ему все грехи и исцелит его душу и тело". И мгновенно исцелился Адарнерсе: посланец запомнил час, когда она благословила его господина, и по возвращении нашел его без всякого недомогания и радостно воздал благодарение Христу. Немного лет спустя, детей, бывших у властителя Адарнерсе, куропалата Гургена и Сумбата, сильно стал истязать дьявол, и он немедленно отправил их в нищенском одеянии и с достойными властителей пожертвованиями в Персати помолиться на могиле возделенной государыни, уже преставившейся. Помолившись, они совершенно исцелились согласно тому, что говорил блаженный Григорий, ушли домой радостные и славилы Христа, бога всех.

Что касается наущницы, она стала одержима лютым бесом и взбесилась, да и другие еще испытания постигли ее за злые дела. Страшно и ужасно было видеть ее и слышать ее речи. Как только рассудок вернулся к ней, жалкая пошла к матери Февронии и, бросившись ей в ноги со слезами, исповедалась во всех прегрешениях и молила ее с плачем ходатайствовать за нее перед отцом Григорием. Она написала ему просительное письмо. Блаженный не внял, наоборот, сообщил ей: "Жесточайшие испытания будут насланы на нее за то, что она сделалась соблазном для богочестивого властителя и разлучила его с верною женою, обесславив ее как блудницу, да еще пролила кровь невинного юноши. Ныне да воздастся ей до смерти и соответственно недостойным ее делам". Блаженная Феврония сказала: "Истинен суд отца Григория!" Она не прибегла к насилию над святым, следуя слову апостола: "Духи пророческие будьте послушны пророкам!" Она, как подобало, утешила безнадежную, так как была полна мудрости обеих жизней, и от нее и от некоторых ее учениц являлись великие знамения, и ныне их могилы производят исцеление молящимся с верою. Женщина же та осталась до смерти в Мере: хотя она испытывала лютые истязания, но ум сохраняла живой. Когда она умерла, мать Феврония велела похоронить ее близ сестер, творивших волю Христа, чтобы ее, тяжко повинную, оправдали перед Христом невинные. Господь явил знамение: при погребении других преставившихся тело грешницы три раза было найдено внутри у двери усыпальницы: не решились поднять его, тотчас же сообщили обо всем блаженной Февронии, так как, состарившись чрезвычайно, она не была в силах придти на погребение почивших. Она же сказала: "Надлежит уведомить об этом блаженного Григория, так как он ведет это дело". И написала с почтением епистолию.

LVII. "Милость да сотворит господь над нами святым крестом и помощью молитв твоих, христоносный отец Григорий, всемерно соучастник моей, убогой, молитвы. Тебе, святой божий человек; супостаты по злобе приготовили разнообразные соблазны, точно охотники — западню, и стали неустанно воевать с тобою: вероломно боролись они многократно призрачною свирепостью, страшным зрелищем полчища воинов, иногда ужасающим видением множества хищных зверей, и таким образом возбуждали волнение тайных и явных боевых выступлений против тебя, но святостью украшенная кротость, посаженная в твоей плоти, победила все, твой огненный дух праведности сжег невидимых и видимых врагов: сила такой твоей благодати есть божья сила, так как у тебя подобие святых ангелов — залог победы — святость, огражденная непрестанною молитвою, постом и многократным коленопреклонением, возносящая в жертву святые слезы от твоих неусыпных очей и твоей бдящей души, о ты, святой священник, покоящийся среди призванных в церковь праведников, божественный учитель, крепость верующих, нелицеприятный обличитель властителей, поучающий их жезлом поучения, почему твои слова среди людей исполняются как пророческие.

Но ныне время прощения. Помилуй отверженную женщину, как подобает твоей святости. От доставляющего письмо узнаешь об остальной части моей просьбы. Окажи мне всемерно помощь в этом мире и в вечном. Аминь".

Прочитав письмо Февронии и осведомившись обо всем, блаженный Григорий со слезами воздал благодарение Христу и написал так епистолию к упокоившимся сестрам.

LVIII. "Христолюбивые, с молодых лет до смерти во имя Христа одерживавшие победы над порядками сего кратковременного мира по слову апостола: "Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом у бога", когда откроется та жизнь наша, тогда явитесь во славе будущего вечного мира, и вы, ублажаемые мудрецами и неизвестные невеждам, подобно добрым купцам мимолетным богатством скупившие бесконечное, ныне уснувшие плотью и бдящие духовно, мертвыми сочтенные за мертвых и во веки живые во Христе, храмом души землю превратившие в небо, цветы девственности, подобия божьей матери, вечно радостные перед нею в ожидании славного пришествия ее сына, от немощи достигшие неизменчивой силы и по смерти всячески способные даровать оба вида воздаяния смотря по поведению людей! Вот мы видели вами сотворенный праведный суд, и, благодарные за такое ваше содействие, я, убогий Григорий, и мать Феврония, молим вас просить Христа о прощении этой жалкой женщине ее прегрешений и удостоить ее кости (покоя) с вашими костями и ее душу — с вашими душами, а еще более пещись о ней при втором пришествии господя, так как у вас есть благодать для помощи верующим, и вы ожидаете, что достигнете нескончаемой славы и несказанной радости. Впрочем ваше ходатайство да будет нам постоянной помощью, чтобы и мы в будущем вечном мире сподобились вожденной жизни".

Когда письмо блаженного отца Григория прочли преставившимся сестрам, а также сообщили им устное веление матери Февронии, тогда только перенесли покойницу на ее прежнее место, куда ее клали три раза, и с тех пор она не перемещалась. Отец Григорий был сначала виновником обличения ее грехов, а затем — утешения и прощения. Покаяние также много помогло грешнице перед богом, который желает не смерти грешника, а обращения и покаяния. Разумеющие же удивлялись и славили бога.

LIX. Такие-то чудеса творил Христос через блаженного Григория. Немошные, во власти всякого рода болезней, и страдавшие от нечистых духов исцелялись святыми молитвами его и слезами сообразно с тем, как молящие просили с верою.

На него смотрели как на гавань не только люди, но и звери полей. Так некогда блаженный находился по какому-то делу на одной из гор Шатберди, и с ним были также его братья. На виду их вышел олень: охотники окружили его, и никуда не мог он спастись от их рук. Тогда олень направился к монахам, пройдя среди всех их, точно одаренный разумом, подошел к блаженному Григорию, положил голову на руки святого и как бы оплакивал постигшее его несчастье. Он же в утешение ему сказал: "Во имя Христа не могут эти враги твои повредить тебе, не бойся!" Увидев это, те люди удивились и славили бога, пришли к святому и дали себя осенить крестом. Святой же, благословив их, вместо оленя дал им иное питание для тела, и они ушли, а оленя он отпустил с миром.

LX. Также случилось в Хандзте, когда он находился в келье. Охотники толпою окружили четырех диких коз близ монастыря, а те вбежали в келью, где сидел отец Григорий, и обступили святого. Он понял причину их появления и приободрил их, а охотников велел угостить и отпривить в путь. Затем он накормил дичь и отпустил с миром.

LXI. Отец Василий во дни юности смотрел за ослом отца Григория. У него на шее образовался нарост, называемый "к-х-л", в древности его называли "сатал". От этой лютой болезни Василий всего четыре дня мучился лежа, как блаженный Григорий спросил: "Где отрок Василий?" Братья сообщили ему, что он болен. Святой велел позвать. "Не в силах прийти", сказали ему. Тогда он молвил: "Скажите ему от меня, что его зовет отец Григорий".

Когда весть о приглашении дошла до его слуха, Василий почувствовал прилив сил от вelenия учителя и отправился к нему. Тот спросил: "От чего ты страдаешь?" Он указал рукою на нарост, захвативший большое пространство. Тогда блаженный Григорий сильно ударил рукою по месту, где находился нарост, и сказал Василию: "Напрасно ты разгневался, когда в тебе нет никакого изъяна". Тот повел рукою по месту, но даже след исчез от злокачественного нароста. Видевшие это знамение прославляли бога.

LXII. В то время в Иерусалиме находились некоторые ученики Григория, прекрасные люди, отличные монахи, полные мудрости, чудотворцы, искатели небесного царства и убежавшие от мирской славы, достойные священники, дети великих азнауров, из рода великого Ефрема, ацкурского епископа. Они написали следующую епистолию отцу Григорию. Епистолия раньше прибыла из Иерусалима в Хандзту, но я теперь вписываю ее в эту книгу целиком без изменения:

"Святую молитву святого и честного великого отца нашего Григория господь да жалует нам и да сподобит ее нас, убогих грешников и недостойных твоих рабов, негодного Арсения и немощного Макария, духовного племянника и сына твоего и; сына всех твоих детей; Великий и честной в госпoде отец, госпoдин наш, достойный бога, сам владыка святой сей пустыни, учитель христолюбивого народа и просветитель всех, прости твоею святою кротостью нам, убогим и недостойным рабам, это дерзновенное, невежественное и неразумное писание. Полагаясь на твое боголюбие, осмелились мы дерзновенно писать, о, выдающийся! На бессмертной вечери мы, грешные более всех людей, умиленно вспоминаем вас и посылаем вам в дар благодать и молитвы

святого воскресенья и всех святых мест поклонения Христа господя нашего, расположенных в святом городе Иерусалиме и его окрестных областях.

Ты, святой и честной отец, со всеми твоими в вере детьми простите нас, как вы все того желаете, и примите, как жертву, желание наше приветствовать вас!" Далее: Святой отец, прибыл сюда из вашей местности некий муж, раб бога, священник, грек из здешнего края. Он видел тебя, отец, и рассказал нам, как богом охраняется в мире и здравии честная во святости твоя жизнь в святой вашей пустыне. Слыша это и радуясь твоему здравью, мы, недостойные, нашли большое утешение и радость и, грешные, недостойными устами дерзнули воздать благодарение человеколюбивому богу.

Тот же божий человек, Моисей, опять отправился в вашу страну. Сие письмецо ему вручили мы для вас. Он обошел все здешние святые места и поклонился, всячески молясь о тебе, отец, со всеми верующими, поминая тебя и сильно восхваляя. Мы обрадовались выше меры и на пользу себе и своим душам дерзнули написать это. Молим, пав ниц, твою прекраснейшую благодать и приветливое господство твоего боголюбия, не забывай в святых своих молитвах рабов твоих, богоносный отец, великий учитель святых.

Как мы вручили наши души в святости твоему преподаванию, так теперь молим тебя помянуть нас во имя Христовой любви в твоих достойных молитвах перед вашею святою паствою, достойный бога, честный отец и господь наш. О нашем житье—быть в сем святом месте, в монастыре святого Саввы, и всех новостях тебе, святой отец, доложит тот же Моисей. Препоручив себя твоей приветливости, мы сообщаем тебе. Да верит твоя святость, что мы постоянно дерзаем помянуть тебя в этих святых местах в наших молитвах, чтобы господь нас, недостойных, сподобил быть всемерно соучастниками твоей святой молитвы.

Отец, тебе вручается сестра наша Ефросинья: ради божьей любви передайте ей поклон и на нее также излейте благословение ваше с молитвою".

О таких достойных мужах говорили первые святые отцы: "Отцы, творящие волю Христа, которые окажутся в последние дни, будут выше и нас, и наших отцов".

LXIII. Блаженный отец Григорий, чудотворец, так управлял всеми святыми пустынями Кларджети: о верных монахах он хорошо заботился, повинных обращал к покаянию, а непокорных правде совершенно изгонял. Один опизский старец говорил: "В молодости я три раза изгонялся из Опизы отцом Григорием за дурное поведение".

С тех пор как были обстроены славные пустыни Кларджети, священники и дьяконы для них получают посвящение от анчских епископов. В свою очередь, когда посвящались епископы на анчскую кафедру, католикос не соизволял рукоположить кандидата во епископы, если у него не было свидетельства одинаково всех пустынь и подлинной удостоверительной грамоты от каждой из них. По справедливому суду и нельзя одобрить рукоположения без такого свидетельства: хотя анчская кафедра имеет много лет первенства по времени построения, и много во благе чудотворных епископов перебивало на ней, Христос так почтил святые пустыни для того, чтобы вождем у них был безукоризненный по святости и достоинству епископ, как подобает этой святой кафедре, построенной во имя святого образа Христа бога, которая девственно сохранилась от расстления еретическим учением, полным искажений.

LXIV. Во дни блаженного отца Григория достойный архиерей Захария совершил следующие знамения.

В монастыре Тба у обрывистого склона закачалась страшная скала. Монахи в ужасе бежали из своих домов, но Захария, оставаясь на месте, полный упования, сказал им: "Завтра увидите, что скала будет лежать на безвредном для нас месте". И было так. Отцы и не заметили вовсе ее движения, так она оказалась на следующий день непоколебимо лежавшей на месте, по слову святого, где никто не думал, и славили они Христа.

LXV. Однажды тот же Захария сидел в осенний день в Тба под зрелым виноградом, который поедал дрозд: он осенил его крестом, и дрозд пал мертвый; снова осенил он его крестом, и дрозд, ожив, полетел к своим близким.

Раз к границе Анчи подошла многочисленная саранча. Блаженный епископ Захария выслал через священников на встречу ей свой жезл. Благодатью своего раба господь истребил множество саранчи, закрывавшей свет солнца, и верующий народ славил бога.

LXVI. Еще знамение, В винограднике Анчи появились два страшных дракона ["вешап"а]. Виноградари бежали. Захария умертвил драконов молитвою, и садовники благодарили Христа.

Такие достойные епископы, чудотворцы, в Анчи были и другие. Они, уподобившись господу, во время голода насыщали немногим хлебом толпы алчущих.

LXVII. Начало благодати проявилось в детстве Захария, когда он пас ягнят в стране кларджов. Захарий тогда приготовил, как священник, жертву перед честным крестом, а другие отроки, обступили его и без умолку возглашали ангельскую песнь: "Свят, свят, свят господь Саваоф. Исполнь небо и земля славы его. Аллилуя, аллилуя. Слава богу!" Произносили и "кирие — [е] лейсон" многократно. В то же время на невинного отрока-священника с неба нисходил сильно сиявший столп света. Идя в эту сторону по своему пути, какой-то анчский епископ увидел

знамение, подошел к достойному отроку, приобщился из его рук и повел его с собою в Анчи. Епископ сообщил декану, как он приобщился. По велению того епископа достойные люди воспитали блаженного епископа в Тба. Такие прекрасные добродетели унаследовали епископы Анчи.

LXVIII. Но в чистой пшенице уродился плевел:, это был дьякон в Сарцеби, воспитанный в Тбилиси амиром Сааком, сыном Исмаила, ходивший послом к куропалату Ашоту. Увидев, что преставился анчский епископ, он, недобрый Цкир, просил себе через амира Саака анчскую кафедру у куропалата Ашота. Безмерно великодушный, бог допустил это. Захватом овладев Анчи, Цкир ко злу во множестве прибавил зло. Повествование об этом не подобает вписывать целиком в нашу книгу.

Его многократно обличали за нарушение порядков первые святые отцы пустынники Кларджети и все паствы соборной церкви, более же всех отец Григорий, так как он был архимандритом славных пустынь. Но тот, побежденный гордостью, совершенно отбросил божий страх, позвал мирянина из Анчи, бесстыжего и убогого, но сильного стрелка и, обещав ему три грива проса и пять коз, отправил его в Хандзту убить отца Григория. По пути он от кого-то узнал, что Григорий находится на даче Хандзты и в этот день должен вернуться домой. Тогда тот отправился согладатаем в Хандзтийский лес, надев лук на руку.

LXIX. Между тем блаженный отец Григорий одиноко спускался с дачи в Хандзту, и, шествуя по пути, в слезах и с плачем произносил наизусть чтения, сочиненные святым отцом Ефремом, в душе же ликовал, так как по благодати святого духа созерцал божественные видения. Тогда жалкий человек увидел великое знамение сверху над святым: сильно сиявший столп света, достигавший неба, прикрывал его; на голове у него находился крест, кругом дававший ослепительный свет, точно радуга, когда она красиво появляется во время дождя. Он увидел на святом такую славу, и его охватил сильный трепет: жилы его мышц ослабли, и от великого ужаса лежал он на земле поверженный. Блаженный Григорий сказал ему: "О, жалкий, делай то, что приказал пославший тебя! Ты — отрицатель Христианства, так как за презренное воздаяние обгаряешь себя кровью невинного человека, старца. Разве ты, безумный, не за три грива проса и пять коз пришел убить меня?" Тогда тот с плачем взмолился: "Помилуй, божий святой, меня, отверженного убийцу твоего, и уподобься Христу, простившему своих покаявшихся убийц, ибо покинули меня силы от страшного твоего видения, которое повергло меня наземь!" Тогда святой, милостиво осенив крестом, исцелил его, так как на него напало много болезней, и отпустил радостно домой. Все происшедшее он рассказал Цкиру, который еще более воспламенился и к слепоте прибавил слепоту.

Много зла причинил Цкир отцу Григорию и святым отцам того времени, а также другим, верующим мирянам, которые постоянно обличали его по справедливости. Они же в единении сообщили обо всем куропалату Ашоту, великому властителю. Согласно его велению все члены чина анчской соборной церкви написали письмо к католикоку Грузии, от которого в Анчи прибыли достойные епископы. У них собрались все отцы [настоятели] пустынники. На этот свитой собор, уподобившийся первым соборам святых отцов, прибыла и блаженная мать [настоятельница] Феврония, творившая чудеса, и все священники, пасшие приходы Анчи. И они, достоверные чудотворцы, лично открыли епископам правду о Цкире, его беззаконие, беспутный источник его несправедливостей. Тогда верные иерархи лишили его сана: отец Григорий и мать Феврония с жертвенника низвели его в облачении, совлекли с него облачения перед жертвенником и все единодушно извергли его из соборной церкви, как сгнивший член. Он был изгнан подобно еретикам, как во всех отношениях преступающий закон. Когда божья помощь удалилась от него, у него иссякло всякое средство, и он отправился опять к амиру Сааку, своему господину. Надоев он ему [а через него] куропалат как бы снизошел, и Цкир снова захватом овладел анчской кафедрой, чтобы отомстить отцу Григорию.

Тогда-то он собрал анчский народ и отправил его на разрушение Хандзты. С восходом солнца они пришли туда. Отец Григорий сказал им: "Дети, дайте мне и моим братьям время до полудня, чтобы мы могли совершить моление в святой церкви перед Христом и призвать на помощь себе святого Георгия и всех святых, и пусть господь сотворит доброе знамение!" Они послушали слов старца, так как раньше видели от него знамения.

LXX. В час моления со слезами господь услышал их просьбу, и они были оповещены ангелом, что злого врага постигло божественное мщение, и вот прибудет вестник сказать: "Он уже в мертвых, хотя дня два проживет, чтобы не сподобиться погребения в епископской кафедре, а также для убеждения всех в его отлучении, сердце же его уже ныне мертво".

Услышав такой радостный для них глас от ангела, отцы, равные ангелам, сильно возликовали, вознесли славу богу, который один творит чудеса, и уразумели написанное: "Глупца убивает гнев", т.е. того, кто изощрялся в беззаконии и причислял себя к праведникам. Тогда блаженный Григорий вышел радостно из церкви и сказал им: "Не бойтесь более насилия со стороны пославшего вас, ибо господь во гневе убил его". И подоспел человек, который сказал: "Не дерзайте разрушить славную Хандзту, ибо умер ее разрушитель". Тогда люди обрадовались, отцы их угостили, и они весело ушли домой, слава бога.

Но вернемся к предшествовавшему. Отправив народ в Хандзту, Цкир сам пошел в Карту, где им было оставлено нечто на хранение, чтобы увести его. По пути, когда покушали, он вздремнул и имел страшное видение, обличавшее его злые дела, более всего то, что он причинял зло хандзтийцам. Тогда с ним был такой то божий священник из Анчи. Господь открыл ему, что злая смерть постигнет Цкира. Священник отправил своего ученика в Хандзту и сообщил твердо о смерти Цкира. Цкир умер, как только достиг Карты, и его похоронили там до второго пришествия господина.

Когда исчезло испытание того времени, кафедра образа Христа, живого бога, навевала радость благополучия на свою паству сиянием добрых пастырей. В сии же последние дни наши убогие ликуют благодатью господина, по ходатайству от века святых и материальным попечением наших славных царей, во благо богочестивцев, строителей святых церквей, разрушителей стана варваров, гордости истинных христиан, радости членов чина. Среди них оказался сын великого Адарнерсе, куропалата, эристав эриставов Баграт, божьею мощью великий властитель во дни Езры, достойного анчского епископа-архипастыря, который происходил от славных азнауров Дапанчулов. Баграт славился проникновенным умом, строил святые церкви, разыскивал и собирал божественные книги и достойно славил всех святых, да будет его постоянною помощью здесь и в вечности предстательство святых. Им обновлено это житие блаженного отца Григория внесением исключенных знамений, да будет он внесен царем Христом в число первых святых царей по молитвам достойного Григория и всех святых. Он, славный царь, уничтожил основание для упреков нам, убогим детям отца Григория и утвердил в наследие срам упрекавшим по невежеству, господь да уничтожит прегрешения его, в которых, как он предполагал, могли бы его упрекнуть, молитвами вполне достойных отцов и благодатью блаженного отца Григория, который на земле жил как ангел.

Во дни старости так заповедал отец Григорий собору Хандзты: "Пусть в монастыре, если не будет воли народа, никто близ келий не построит молельни для совершения литургии, кроме большой народной церкви. Это не подобает, так как, когда декан ударит [в било] на службу, не все священники пойдут к нему, останутся служить в своих молельнях и наравне с большой церковью будут досаждать людям, прося пожертвований, и декану понадобится всячески упрашивать их идти в большую церковь, чтобы были литургисующие священники. Этот порядок надлежит утверждать всякому, кто покорен моим словам, — словам убогого Григория".

LXXI. Сей блаженный божий человек, отец Григорий, обиталище Христовой воли, великий чудотворец, дожил до чрезвычайно глубокой старости: достиг возраста ста двух лет. Но цвет его лица не изменялся, глаза его не теряли ясности зрения, и был он плотью силен, и никакой немощи не обреталось в нем до смерти, так как его укрепляла сила Христа, и гордость его составляли свеча девственности, елей милосердия и любовь к богу и братьям. Очень любил он труд не только молитв и поста, но [и ручной работы:] день и ночь работал руками, как говорит Павел: "Если кто не хочет трудиться тот и не ешь". Он с радостью принимал гостей и заботился об убогих. Большинство времени он проводил в Шатберди, так как в прочих монастырях им были поставлены в каждом настоятели, которые пеклись о них, но если дело случалось чрезвычайное, уведомляли его соответственно богом данной мудрости, которая непрестанно пребывала в нем до его кончины, когда мудрец прибыл к мудрецам в жизнь и царство вечности.

LXXII. Во дни старости, когда святой Григорий находился в Шатберди, братья, жившие в Хандзте, обеспокоились, услышав, что духовный отец их ждет конца своей жизни в Шатберди. Тогда, кто только в силах был ходить, все вместе прибыли в Шатберди, чтобы заполучить его обратно. Шатбердские братья обрадовались приходу братьев, но радость обратилась в печаль, когда они узнали о цели их прихода. Как только помолились коленопреклоненно в святой церкви святой богородицы и поклонились блаженному отцу Григорию сыны, духовно им рожденные и его трудами собранные, он с душевною привязанностью облобызал их всех и милостиво приветствовал, как ласковый отец и благий учитель. А затем хандзтийские и шатбердские братья облобызали друг друга, обменялись приветствиями и сели. Тогда блаженный Григорий обратился с речью к хандзтийцам. Он сказал:

"Возлюбленные братья и дети, сообщите мне, почему вы потрудились прийти сюда?" Тогда Епифаний и Зенон сказали прочим братьям: "Было бы правильно вам дать достойный ответ, чтобы вы, мудрые ученики, преподнесли мудрому учителю в достойных словах дар усердия, и мы получили бы божьею милостью то, чего душа наша желает с упованием".

Тогда все в один голос произнесли: "Божий святой, духовный родитель наш, твоих детей, отец попечитель нашей жизни, пристанище верующих во Христа, хотя шатбердские братья наши все угодны богу и покорны твоей воле, как божьей, все-таки большой позор для Хандзты, что ты так долго не приходишь к нам; за это все люди стыдят нас всех, так как Хандзта — первый плод твоих святых трудов. И мы пришли сюда для того, чтобы ты изволил пойти в Хандзту: утешатся те, кто не был в силах прийти сюда, и ты покажешь другим монастырям полноту твоей любви к нам. Знай, что, если мы не будем услышаны, останемся все здесь у тебя, так как тяжело нам в этот час идти в Хандзту без тебя". Святой сказал: "Благословен Христос бог всех, крепко насадивший свою святую заповедь любви в ваших сердцах по отношению ко мне, убогому старцу

вашему, возлюбленные дети мои, еще более — дети Христа, исполнители святой воли того, кто свои веления назвал Евангелием, так как своим пришествием он благовещал мир людям, его врагам, из любви к которым сам подвергся смерти, и учил нас всех, что основа всех добродетелей божественная любовь. И вот любовь привела вас сюда. Мне одинаково тяжело и то, и другое, огорчу ли вас или расстанусь с этой братьей".

Тогда он, позвав всех шатбердских братьев, сказал им: "Придите, дети, к жителям Хандзты, вашим братьям, примирите взаимно ваши требования, так как ссора убегает от мудрецов, и постановите в единении то, что наилучше. Я думаю, что место, построенное раньше, имеет право на больший почет со стороны строителя, как старец вправе ожидать от молодого почтения и службы". Шатбердские братья сказали: "Истину изволил ты сказать, святой отец, и если бы справедливость не требовала отдать тебя им, жив господь и свята молитва твоя, мы не уступили бы нашим братьям". Когда они сказали это и сему подобное, как надлежало, тогда блаженный отец Григорий сказал всем: "Дети, нас сегодня собрало веление Христа, чтобы на будущие времена для братьев, поселяющихся в этих двух монастырях, мы утвердили крепость единения и любви как вечный закон по слову господя, сказанного апостолам: "Потому узнают все, что вы мои ученики, если будете иметь любовь между собою", или, как еще он изволил сказать: "А что вам говорю, говорю всем. Ныне вы также соблюдайте веления господя, чья и любя друг друга, со всеми добродетелями, безукоризненною крепостью, молитесь друг за друга в ваших святых церквах и постоянно поминайте меня также в святых молитвах, чтобы близкие и дальние видели ваше благополучие в вашем братстве. Если какие либо хандзтийские братья пожелают жить в Шатберди или шатбердские — Хандзте, никто не властен без основательной причины не принять их или расстроить их план ссорою и помешать насильственно. Если же кто помешает без основания, пусть ответит перед богом в день суда, так как не разрешаю я, ваш духовный отец, по слову апостола: "Хотя у вас десять тысяч наставников, но немного отцов". В остальном все божественные правила духовной жизни сначала же установлены мною, стойте на них твердо во веки, и Христов мир, превосходящий все, что можно себе представить умом, да сохранит вас всех вместе от всяких страстей души и тела, да доведет к святым!"

Затем он вошел в святую церковь и, в слезах препоручив себя ей, молчаливо оставил ее с миром и уходя облобызал старцев и так направился в Хандзту. Весь народ в слезах приблизился к нему. Святой встал на высоком месте среди божьего народа и, воздав Христу славу, произнес:

LXXIII. "Господь мой, Иисусе Христе боже, до пришествия на землю ты был во вселенной, а ныне, пребывая на небесах, светом силы божества приходишь на помощь нам. Милостиво предводил ты меня в эти края вместе с тремя друзьями, добрыми святыми священниками, все время до смерти непрестанно совершавшими для тебя святую бескровную жертву, и, сделав их гаванью множества душ, по смерти ты сподобил их без конца служить со святыми ангелами у небесного Престола, а затем от меня произвел ты, Христе, творящих твою волю, ибо, как верный раб, я умножил среди верующих в тебя талант мудрости, от юности данный мне. Ныне у тебя находятся ученики небесного царства, благослови их, Христе, как благословил ты святых апостолов, сохрани в последние дни будущих моих детей до свершения мирской стези по твоей воле и помилуй, господи, всех христиан, правильно исповедующих тебя".

Затем, осенив крестом Шатберди, он произнес:

"Во благе возник ты, Шатберди, украсился благодатью бога, окреп его силою, чтобы от времени до времени посвящать господу беспорочный плод твоих жертв. Вот оставляю тебя с миром, и более не увидишь моего лица телесно до пришествия господя во славе. И хотя плотью удаляюсь от тебя, но душою я постоянно с тобою для помощи".

Жители Шатберди стали плакать горькими слезами при словах о том, что им не придется более увидеть своего учителя во плоти. А святой им сказал:

"Дети, осильте боли сердца мудростью души, да не смущается ваш ум, ибо я обещаю вам следующее — Христос не обойдет вас ничем здесь или в будущем мире, если вы будете пребывать в тех освященных первыми святыми отцами правилах монашества, которым вы выучились у меня.

Таким же образом заповедую моим духовным детям в последующих поколениях соблюдать настоящее учение, если же время принудит изменить какое-либо правило, без особого вреда для души, да будет прощение на то время, а не навсегда, при том нельзя гнаться и за большою утешою, как, сказано: "Ничто так не гневает бога, как чрезмерная утеха".

Я же, когда сподоблюсь предстать пред господом, буду молиться о вас, так как вы меня сильно утешили. И теперь, находясь во плоти, я молюсь о себе и о вас, но, когда освобожусь от мгновенного мира, надеюсь на Христа, что будет непрестанно мое моление перед ним о вас, о всех, молящихся с верою, и детях моих, чтобы они получили от бога милости и помощь на вечную радость".

Окончив эти слова, он облобызал шатбердских братьев, полных слез, и настойчивою просьбою убедил их вернуться к себе, а сам последовал за хандзтийскими братьями. Взявшие его с собою и вернувшиеся прияли равную мзду, так как все они в равной степени имели веру и питали любовь к своему отцу и учителю. Когда же из Шатберди, блаженный Григорий прибыл в Хандзту,

вместе с Хандзтою обрадовались близлежащие пустыни; со всех сторон приходили братья повидать святого и полные радости уходили домой, унося с собою его благословение и молитвы.

Слава Хандзты возросла от вечных, достопримечательных украшений, став приготовленным местом вечного упокоения мошей, изнеможенных трудами. Видя преуспевание своего монастыря, блаженный отец Григорий, глубоко признательный, благословил верного игумена отца Епифания и всех братьев, покорных ему.

LXXIV. В то время один священник, живший в одиночестве, просил у блаженного разрешения построить молельню в келье для совершения литургии, но святой сказал: "Соборной братии неправильно делать это. Если ты построишь молельню, братья все построят, и когда декан ударит [в било] на службу для литургии, с трудом найдет священника для большой церкви. В этом деле еще много другого, что вместо пользы принесет вред, и я не одобряю этого".

LXXV. После этого он изволил сказать великому Зенону: "Брат пойдем вниз в виноградник, что на пути в Опизу". Было время сбора винограда. Они оба спустились вместе в обработанный виноградник с прекрасными плодами. Тогда пришел возделенный отец Макарий, из Опизы, повидать отца Григория, своего учителя. Как только сильно обрадовавшись, возделенно приветствовали друг друга, они сели за трапезу, так как было время еды. Откушав, они решили остаться там до следующего дня. Во время беседы отец Макарий спросил блаженного Григория: "Подлежит ли крещению сын еретиков, если он обратится в православие". Святой сказал: "Апостол лжебратьями называет тех, которые, коварные, носят имя своего учителя, ибо Павел не соглашается с тем, чтобы истинно верующие называли себя именами апостолов; наоборот, он винит их в этом словами: "Для чего среди вас есть ереси, я разумею то, что каждый из вас говорит: "я Павлов" и т.д. Православных же всех он называет христианами. И хотя писание устанавливает и в отношении еретиков одних крещать, других нет, однако я скажу следующее: как вам всем известно, священник из еретиков не может крестить, детей истинных христиан, хотя бы некрещеными умирали они, так как у них, еретиков, нет света. Лучше умереть некрещеным, чем стать безбожным, преступив закон. Таким же образом по правде надлежит крещать детей всех еретиков: хотя их лжеучения можно рассматривать различно, но сами соблазном сплетены друг с другом подобно лисицам, которым Самсон сплел хвосты, привязав к каждому хвосту светильник, так как они являлись образом всех еретиков. Еретиков также вечный огонь ожидает под конец в качестве местопребывания, так как они, проклятые святыми отцами, нашими учителями, стали чуждыми святой матери нашей, единой католической апостольской церкви, заблуждаются от утробы, что и считают вторым рождением, и говорят ложь, постоянно проповедуя клевету и клеветца. Если дети еретиков рассчитывали бы на собор, то это не полагается для них, напротив, правильно остерегаться их и вовсе не заводить речи о соборе с ними, так как верующий, который не в силах творить знамения, не должен спорить с неверным, и раз все еретики носят одинаково имя еретика, то и заблуждение их одинаково утверждено врагом человеческого рода, посему необходимо крещать их всех, чтобы исчезло подозрение во лжи, и истинная паства Христова объединилась в полной радости".

В этом роде много слов изволил произнести блаженный Григорий. Отец же Макарий сказал ему: "Воистину справедливо, что изволил высказать ты, святой отец, но научи меня ясно касательно святой троицы слову, годному для возражения противникам". Он сказал: "Учись у Исаи, как он узнал о равной чести святой троицы от серафимов, которые неумолчно возглашают: "Свят, свят, свят господь Саваоф". А Григорий богослов говорит о трех ипостасях троицы: "Когда в комнате три свечи, нельзя разделить их свет, ни смешать их". Вот какова вера в святую троицу.

В "Сокровище" написано все правдиво. В нем говорится: "Отец и на один миг не старше сына". Мудрость, которой мы учились из святых книг, достаточна, чтобы быть твоим учителем во всех отношениях". Блаженный Макарий сказал ему: "Святой отец, как образ монашеский впервые через тебя дал мне господь, так ныне да жалует мне духовное поучение как ограду мою во веки". Когда свечерело, в одной комнате находились все три божьих человека, и они по правилу произнесли псалмы. Макария клонило ко сну, и он заснул на постели.

LXXVI. И пока блаженный отец Григорий и Зенон тихо пели псалмы, божественная благодать озарила их сиянием славы, точно блеск солнца осветил темную комнату; отец Макарий, проснувшись, сказал: "Какой дивный вид у этих святых!" Отец Григорий ему заметил: "Брат Макарий, почему ты удивляешься этому видению? Разве ты не слышал, что написано: "Дивен бог во святых своих". Так все трое радовались, славя святую троицу, и произнесли песнопения заутрени.

Как только в мирных их покоях рассвело, они простились друг с другом с миром. Отец Макарий ушел в Опизу, а отец Григорий и Зенон поднялись обратно в свой монастырь. Зенон достиг добродетелей своего учителя. О нем по преставлении блаженного Григория говорили: "Зенон — крепкая ограда славных пустынь Кларджети".

LXXVII. В сердце блаженного Григория возникло желание расстаться с плотью и уйти к богу. Господь известил его, что желание будет исполнено, как сказал Давид: "Желание боящихся его господь исполняет, молитвы их слышит и спасает их". Тогда он велел братьям приготовить свечи для принесения в жертву во всех окрестных близлежащих пустынях, каковы Опиза и ее

крылья, Берга и близлежащие к ней [обитатели], Мидзнадзори и Цкаростави с их обитателями. Шатберди, хотя стоит несколько вдали от прочих пустынь, тем не менее нераздельный собрат их по доброте божьего в нем воинства, по всем правилам божественного учения и по канонам законоположения о монашестве; его одинаково чтут бог и люди за благонравие во всем, так как он — гордость близлежащих монастырей во всех отношениях. Он разослал свечи во все эти пустыни и оповестил их о дне, когда они должны были возжечь их и сотворить молитву.

LXXVIII. Отцы поняли, что наступает час преставления его из сего мира. Как при преставлении святой богородицы прибыл сонм святых апостолов с краев мира, так святые отцы собрались в час срока жизни блаженного старца почтить его и получить от него благословение. Он исполнился радости при виде их и, благословляя их благословением во Христе, сказал им: "Да воздаст вам господь, изволивший сказать — "Я был болен и в темнице, и вы пришли ко мне". Вот я покидаю темницу-плоть и освобождаюсь от болезни милостью бога, поправшего смерть крестом и всем верующим наравне с разбойником даровавшего святой свой крест в путеводство, а святым наравне с ангелами — царственную печать христианства в знамение, что служит душам верующих людей для вечной защиты и спасения".

Тогда все отцы сказали блаженному Григорию: "Святой бога, местопребывание дел [семи] блаженств по велениям Христа, нищий духом смиренная по доброй воле для унаследования царствия, плачущий сердцем для получения утешения, миротворец умом в уповании на райские блага, алчущий и жаждущий правды, удостоившийся сладкого питания в нескончаемом мире, сострадающий нищим, с тобою всегда неразлучно пребывает божье милосердие. Святой сердцем и душою, боговидец в совершенстве, миротворец среди братьев и наречением в сыны бога достигший мира святых ангелов, обрекающий себя на гонения и лишения за бога для того, чтобы обитать вместе с Христом, пристанище подвергавшихся за Христа укорам, заботящийся о нашем спасении в вечной жизни, радуйся и веселись, так как велика твоя мзда на небесах; подобно апостолу Павлу ты стяжал славный подвиг праведника, свершил путь и соблюл веру, полную добрых дел, и отныне тебя ждет венец праведности, который пожалует тебе царь за твои святые труды. Однако не забывай нас, твоих духовных детей, когда предстанешь перед лицом благого, милостивого, милосердного и ласкового господя, помяни нас, твою паству, не прекращай забот о нас перед Христом, ибо ты всегда в силах помочь всем, кто уповает на твои молитвы и прибегает к твоему ходатайству".

Святой сказал им: "Хотя я уготовал себя господу, от юности трудясь посильно, но слишком много чести в ваших словах, отцы служители Христа, однако бог ищет усердия в людях, воздавая в награду покорным царствие, и да сподобит меня также поселиться вместе с творящими его волю молитвами всех вас, у вас же да будет мое воздержание и терпение в монашестве, которое наблюдали вы с тех пор, как я поселился среди вас, до сегодня, так как этим путем надлежит искать небесного царства. Творите молитву обо мне, чтобы мне была дана благодать перед богом для помощи вас, пособникам моим в господе".

LXXIX. Тогда-то он говорил братьям, находившимся в Хандзте: "Дети мои, соблюдайте для спасения вашей души заповедь, которую впервые вы слышали от меня, совершайте постоянно мою память. И если я обрету смелость перед Христом, благие щедроты его не пресекутся у вас в обоих мирах. Ныне Христовым крестом заповедую вам похоронить мою плоть вместе с моими братьями, так как я не превзошел их в стяжании добродетелей. Посему прошу вас всех никогда не забывать в ваших перед богом молитвах всемерно молящегося и ныне возносящего моления о вас Христу во веки.

Меня, смертью ставшего вам чуждым, поминайте постоянно в молитвах и службах, видя место моего пребывания на чужбине, так как вот до часа нового призыва плоть моя обратится в прах, а душу примет господь".

LXXX. Пока блаженный Григорий говорил эти слова, вид его прекрасно украсился непостижимым светом и блеском во Христе: стан ангелов господя обступил его и благовоние честных курений наполнило все воинство, собор отцов. Так как душе праведника привычно было видеть святые небесные господства, то и теперь он услышал от них следующий глас: "Не бойся, иди к нам, возделенный служитель Христа, ибо Христос, небесный царь, призывает тебя, земного ангела и небесного человека. Так приходи радостно и нескончаемо ликуй у твоего господя. Блажен в людях ты, приготовленный наследовать блаженную славу и радостный во веки!" Эти слова слышали некоторые из учеников, славное же видение видели все. Тогда блаженный целиком отдался непреодолимой радости, осенил крестом свой монастырь и благословением во веки благословил братьев вместе со всеми верующими, говоря: "Христос царь, сам пострадавший и искушавшийся, ты в силах помочь тем, которые искушаются кознями и соблазнами врага, так как ты — помощник христиан. Господи, охраняй твоею десницею уповающих на твое имя, избавь их от зла и даруй им бесконечную радость, меня же, раба твоего, спаси в твоем царствии и милостиво помяни твоим царствием".

LXXXI. Таким образом он предал свою душу господу и присоединился к собору ангелов, так как безтелесные ангелы и человеческие души имеют одну природу, дух человека владеет ангельским даром слова. Хотя Давид об умолчании телесных языков говорит: "В тот же

день исчезают все замыслы их", но он же говорит о душах святых: "Торжествуют святые во славе, радуются памяти о них" и ходатайствуют перед Христом о славящих их. Ибо до суда над живыми и мертвыми они пекутся о молящихся смертных, верующих, и по обету царя ожидают полной радости и ликования, когда при пришествии господина во славе унаследуют славу выше их прежней славы. Собрание избранных четырьмя небесными ветрами от края до края неба значит следующее: Христос ветром, точно колесницею, соберет своих святых у себя на радость и утеху во веки, когда каждый из них покажет господу свои труды и взамен возьмет неиссякаемое богатство.

LXXXII. Тогда, блаженный отец, вместе с избранными твоими детьми, которых ты представишь Христу, будет ликовать новый мученик Христа вождевленный Иоанн, из Хандзты дошедший до Иерусалима, убитый руками сарацин в Багдаде за Христа, озаренный знаменем. И какое будет в то время утешение нам, нерадивым, носящим звание твоих учеников, когда у нас заглохла взаимная любовь, все добрые дела сократились и недостатки возросли.

После милосердия бога и ходатайства всех святых, у нас упование на твои молитвы, святой отец. Прими, преподобный, в жертву нашу веру, так как ты знаешь нашу любовь. Хотя ты не видишь нас телесно, не забывай нас. Да будет твоя благодать в помощь нам, обитателям святых пустынь и всему воинству, чтобы мы оказались с тобой в жизни непреходящей радости.

Ныне, возлюбленные верующие во Христа, рядом с милосердием бога и ходатайством святых нам также нужно рвение для совершения посылно добрых дел, чтобы удостоиться прощения грехов и великих милостей во веки.

LXXXIII. Преставление блаженного отца нашего Григория произошло, когда число его лет достигло сто второго года, в 81-й хроникон. Житие его написано спустя 90 лет после его преставления, в 6554 году от начала мира, в патриаршество в Иерусалиме Агафона, в католикоство Михаила во Мцхете, в господство над грузинами куропалата Ашота, сына Адарнерсе, царя грузин, в царствование над абхазами Георгия, сына царя Константа, во дни эристава эриставов Сумбата, сына царя Адарнерсе, в магистерство Адарнерсе, сына магистра Баграта, когда эриставом был Сумбат, сын мампала Давида, Христос да дарует им всем бесконечную славу.

В тоже время в Анчи епископом был Макарий, а в монастырях, построенных блаженным отцом Григорием, настоятелями были дети славных азнауров, в Хандзте — отец Феодор, племянник [сын сестры] Мцхуеды, в Шатберди — отец Григорий, сын Липарита, украшенный именем великого отца Григория, Христос да украсит его благодатью и оправдает перед собой во веки.

Это Житие блаженного Григория написано в Хандзте совокупным усердием всех трех лиц — игумена Хандзты, брата его Иоанна и автора этой книги Георгия Мерчуле, Христос да впишет их в книгу живых, и вполне помилует всех верующих, чтобы они уразумели божественный дар земной с небесным.

В церкви одного чтеца довольно, будет ли мало слушателей или много. Таким же образом, один ли благословляется или много, достаточно одного благословляющего, ибо неиссякаемы блага Христовы, изливаемые на нас, и благодать ходатайства святых.

LXXXIV. Посему-то будет постоянно предметом наших упований и убежищем души и плоти память в сей день блаженного отца Григория и всех праведников среди монашеского отряда военачальника [букв. эристава] отца нашего великого Антония, в невечереющем свете, как сказал Соломон: "Свет над праведниками постоянен" или еще: "Души праведников в руках божьих живы", освещенные солнцем правды, неумещаемым на небесах, но неизреченно поместившимся в утробе Девы и осиявшим для нашего спасения светом — безначальным богом нашим Христом. Нет ничего невозможного для него, даровавшего своему созданию солнцу такой блеск, что оно, растекаясь по всему видимому, озаряет светом. Он же, всемогущий бог, дал благодать власти всем своим святым, которые и творят непрерывно молитвы о нас перед ним. Потому-то память их совершается с хвалением. Они охраняют постоянно воспевателей их праздника, просвещают их души и даруют благодать всем верующим, так как каждый из них может помочь молящимся с верою, и постоянно ходатайствуют все за нас перед святой троицею, создавшей все, которой принадлежит сила, слава, великолепие и царствие без начала и без конца; ей же подобает честь и в хвалах поклонение во веки времен и будущих веков. Аминь.

LXXXV. Мы слышали от наших старцев о следующем знамени; происшедшем раньше. В дни настоятельства в Хандзте Епифания, ученика отца Григория, жил в Анчкоре богатый человек по имени Церта. Местность, теперь называемая Цертаисни, служила стоянкой его коз. У него была дочь, глухонемая от рождения, но с виду здоровая. Когда девушка была тринадцати лет, матери ее во сне в видении открылся преподобный Епифаний и сказал: "Пошли к нам в Хандзту человека завтра, когда я буду служить; я дам ему воды от омовения моих, Епифания, рук, напою ею твою дочь и помажу ее голову, и Христос исцелит ее от недуга благодатью всех святых".

Верующая женщина не сообщила мужу о своем видении, так как он в то время был зол на монахов, и тайком послала человека. Блаженный Епифаний знал от господина о предстоявшем и дал ему воды от омовения рук. Когда посланец прибыл обратно, женщина с твердою верою [дала напиток и] смазала дочь евлогиею от священника, достойно приносившего бескровную жертву.

Девушка спала три дня и три ночи. Проснувшись, она сказала: "Слава богу, слава святой троице, которая исцелила меня молитвами блаженного отца Епифания и избавила от дьявола". Увидев это знамение, Церта, ее отец, удивился и радостный отправился в Хандзту. Как только он вышел на виду пустыни, стал оплакивать свое прежнее нерадение. Тогда отец Епифаний приветствовал его радостно, утешил и оказал ему честь посильно. Со своей стороны Церта преподнес ему большие дары и пожертвовал главе-мученику Георгию, вознося благодарение Христу, творцу чудес, и его рабу Епифанию, молитвами которого на него излилась радость, а дочь его во благе спаслась в семь мгновенном и том вечном мире, да сотворит господь в полноте милость и для нас ходатайством всех его святых.

LXXXVI. Учитель Гавриил, большой подвижник, блаженный святой отец, живший в Хандзте, нам рассказывал про отца Василия. В течение долгих лет его настоятельства в Хандзте он держался следующего правила: будучи дома, иначе как из трапезной, он не принимал никакого питания, ни еды, ни питья. Во дни болезни, от которой он преставился, во время своего настоятельства, он мне сказал: "Сын Гавриил, принеси мне из трапезной горячей каши из пшеницы". Оказалось, что в тот день ее не варили. Я сварил особо и преподнес ему, так как он давно ничего не отведывал. Однако, узнав, что в тот день блюда, доставленного мною, не было за общей трапезою, с возмущением вылил его и в гневе сказал мне: "Почему соблазнил ты, жалкий, и соблазняешь меня?" Я в страхе просил прощения и осведомился о причине сильного поношения моего.

Он сказал мне: "Дитя, в юности я смотрел за ослом отца Григория и надоедал отцу требованием телесных забот обо мне. Но у божьего человека был дар пророчества от Христа, и он мне сказал: "Василий, вскоре ты станешь настоятелем Хандзты. Какие впоследствии у тебя должны быть облачения и постель, когда ты теперь так хлопчешь о них. Я, старец, духовный отец твой, заповедую тебе, осеняя крестом Христа. Когда слово мое на деле оправдается, ты, находясь в Хандзте, довольствуйся в отношении телесных забот тем, что подают в трапезной, для утехи плоти хватит чести, которую тебе будут оказывать в других местах". И вот в продолжение многих лет, как настоятельствовав, я исполнял на деле правило моего отца, а ты в час смерти собирался подвергнуть меня наказанию за неповиновение, посему я разгневался на тебя". И я опять пал в ноги ему, сильно удивляясь великому его терпению, а отец Василий благословил меня всяким благословением и сказал: "Благословение господя на тебе и на всем правовеующем воинстве ходатайством святой богородицы, святого Георгия и всех святых. Аминь!"

БАЛАВАРИАНИ (МУДРОСТЬ БАЛАВАРА)

(Отрывок)

Часть первая

ЖИТИЕ ИОДАСАФА, СЫНА ИНДИЙСКОГО ЦАРЯ АБЕНЕСА, ОБРАЩЕННОГО БЛАЖЕННЫМ ОТЦОМ И УЧИТЕЛЕМ БАЛАВАРОМ

I. Был некий царь в стране Индийской, в местности, называемой Шолайт, и звали его Абенес. Он был великим язычником, владел большим царством и неисчислимым множеством войск, наводил страх и ужас на всех и легко одолевал врагов. Был он горд, надмен и красив: прославлен глубокой мудростью своей и правосудием; он ненавидел и преследовал служителей Христа, имя его—Абенес. Всеми помыслами он был связан с благами мирскими и был рабом своей собственной страсти и вовсе не в силах был противостоять наслаждениям, растлевающим душу. Не было на свете ничего, что бы ему не досталось, если бы он того пожелал. Одного только ему не хватало—не имел он сына.

II. Между тем в стране его умножились верующие в Христа и подвижники—люди святые, из которых иные совершенно отрешились от мирских забот. И весьма дивились они тому, что царь столь зависим от собственных страстей и сделался рабом славословия. И начали они ненавидеть жизнь и все деяния царя. Говорили о затаенных страданиях и соблазнах мира, о конце мирской злобы и о том, что образ мира сего непостоянен.

И дошли их слова до царя Абенеса, который весьма ожесточился по этому поводу и сказал про себя, что такое их сопротивление может послужить причиной разрушения его царства и растления порядка. По сему он вознегодовал на христиан и навлек беду на людей благочестивых и на всех, кто прислушивался к их словам. И тогда начал он замышлять при помощи дьявола зло против них. И наложил на них тяжелую руку, и стал истязать и мучить их, столкнув с ними людей

безумных. И начал он призывать к себе и принимать идолопоклонников с большими почестями, восславлять их идолов и в их присутствии поклоняться им; приносил им жертвы и принимал участие в их праздниках. И взялись все безумцы и невежды вместе с царем служить идолу.

Тогда в стране усилились соблазны идолопоклонства, и большие беды и притеснения постигли все церкви и верующих людей, и никто не был в силах терпеть эти беды, кроме совершенных и истинных исповедников Христа.

III. И справился царь об одном из вельмож, весьма прославленном и преуспевшем в мужестве и мудрости. Оказалось, что тот доблестный муж оставил сей преходящий мир и, последовав за Христом, проводил жизнь вместе со, всеми другими отцами, но царь не знал об этом.

Когда доложили царю о содеянном вельможей, он весьма опечалился и приказал привести его. И когда привели, царь увидел его в образе инока, подобного людям веры, в облачении уничиженных. Сердце царя преисполнилось ярости, и начал он бранить его с гневом и сказал:

—О безумец, ты был знаменит и почитаем мною, а сделался посмешищем, наряду с безрассудными; ты низверг славу свою, которую заслужил предо мной и, следуя по пути безумных и падших, погубил величие свое и осмеян и опозорен в народе. И что ты навлек на дом свой и детей своих?!

Ответил человек божий ему:

—Мне нечего оправдываться перед тобой, ты же обязан уважать самого себя и защитити ум твой от врагов.

Спросил его царь:

—А кто же враг ума моего?

Ответил ему человек сей:

—Врагом ума твоего является ярость твоя, которая возбуждает и смущает его и сопротивляется добрым делам. Выслушай ныне слово мое и, вникнув, поступи так, как желаешь.

И сказал ему тогда царь:

—Вот отвращаю я от тебя гнев свой: говори, если есть у тебя, что сказать в свое оправдание!

Ответил ему человек сей:

—Теперь изволь сказать, царь, за что вознегодовал ты на меня, чем согрешил я пред самим собой или пред тобой, как перед царем?

Сказал ему царь:

—Разве не знаешь ты, что, греша против самого себя, ты грессишь и против меня? Ведь на мне лежит обязанность судить заблуждающихся праведным судом, наказывать правосудием моим, принять к сердцу всякую правду народа моего и осудить провинившихся. И если ты наносишь самому себе какой-либо вред, не поправимый ничем, кроме моего правосудия, знаешь ли, на какие испытания ты меня этим обрекаешь? И теперь ты зависишь от меня так, как и другие из народа моего, ибо, если кто тебе сделает зло, я обязан защитити тебя от него, так же как должен защитити от тебя каждого, кому ты причинишь зло; я обязан защитити и самого себя от тебя, а затем дом твой и детей твоих, ибо ты погубил их.

Ответил ему святой человек:

—Основой судилища являются взаимные словопрения, и никто не принимает слова осуждения без явного доказательства вины, да и никто не утверждает в суде доказательства, кроме судьи. Однако, о царь, при тебе есть двое судей: один заслуживает моего доверия, другой—сомнителен. Если ты посадишь между нами судьей того, кто заслуживает доверия, то он рассудит справедливо, но если посадишь того, кто сомнителен, то не поможет мне правда моя.

Царь спросил:

—Кто же эти двое судей, и который из них заслуживает доверия?

Ответил ему человек сей:

—Заслуживают моего доверия твоя мудрость и рассудок твой, а сомнительными для меня являются ярость и воля твоя.

Сказал тогда царь:

—Вот, отстраняю от тебя гнев мой и волю мою, и да будет судьей между тобою и мной рассудок и правосудие мое, хотя мне и без этого ясно помрачение разума твоего. Теперь же поведай все деяния твои и скажи, кто соблазнил тебя.

Сказал ему человек, возлюбивший Христа:

—Начало дела моего таково: в дни юности я услышал слово одно, и оно, каплей запав в

меня, росло изо дня в день, как растёт любое растение, пока не завершится его развитие и не даст оно такой плод, какой ты видишь во мне. Слово то—в сердце моем, и во всем, что я делал, оно значило: неразумные считают сущее за не сущее, и не сущее за сущее. Кто не постигнет то сущее тот не избегнет не сущего. А сущее сие есть другой, грядущий мир, а не сущее—мир сей, которым ты одержим.

И слово это мое сердце хранило всегда, и час от часу я все больше думал о нем. И когда оно меня уличало, то предостерегало душу мою, и очищался разум мой, чтобы помочь душе. И затем вновь возникала воля, чтобы склонить к наслаждениям, и отстраняла от меня то, что я до тех пор познал, пока не сговорились душа и разум. Тогда рассеялись соблазны и узрел я, что мир сей во всех отношениях есть огонь. И показало оно, слово это, все соблазны мира и западни, в которые он завлек всех приверженцев своих.

Тогда я сдержал волю свою, искоренил похоть и заставил разум заняться познанием добра и зла. И тогда спало покрывало печали и рассеялось опьянение от прихотей и открылась срамота мира сего. И видел я будущее, рассматривал преходящее и подвергал исследованию конец, пока не утолил жажду знания. И хотя я не зрел, но знание само являлось мне. Я не спрашивал, —оно само рассказывало мне о страстях своих, которые питало только к близким и друзьям своим. И тогда чистота мира сего показалась мне мутностью, и радость его—горем, и богатство его—нищетой, и возвышение его—низостью, и наслаждение его—покаянием. Нигде я не нашел такого человека, который, имея богатство, не имел бы при том причины для забот. Ибо богатство его не может быть упорядочено ничем, кроме забот, которые сопутствуют ему.

Это подобно тому, как некий нищий нашел коня. Знаешь ли ты, какие последовали за этим заботы? Понадобились ему для коня и корм, и снаряжение, и стойло, и тому подобное. Да разве когда-нибудь кончатся желания, следующие одно за другим? И разве мир сей не полон горечи и боли, ибо нет никого, кто возрадовался бы от потомства или имущества, если оно ему досталось. А причины боли и печали сердца—ожидание грядущих зол, болезней, недугов или прихода конца своего. Тогда исчезает сладость страстей: за наслаждениями вмиг наступает горечь, для которой нет выхода. Из этого вывод, что вовсе не следует смешиваться с миром и особенно с теми, которые знакомы с его соблазнами. И тем более следует возненавидеть и избегать эти соблазны. Ими щедро располагает сей мир,—ибо человек ожидает со дня на день и с часу на час ушерба от убавления времени и боится за имущество, потому что его похитит смерть, когда он ее совсем не ждет. И тогда не по воле своей оставит он мир, которым одержим.

Отныне я осуждаю, царь, сей мир и предостерегаю тебя от него, ибо он отбирает то, что дает, и сожалеет о том, что дарит, и затем отпускает обремененным. Он грехами скрадывает одежду, в которой ходит человек, пока не оголит его до срамоты и не навлечет на него позор и поношение; он унижает того, кого превозносит, доколе не сделает его попираемым ногами врагов. Он соблазняет послушных ему, ненавидит любящих его, коварен со своими единомышленниками, повергает того, кто опирается на него, приводит в отчаяние уповавших, омрачает радость веселящихся, и никто из тех кто его любит, не уходит от него с миром. Ибо он дает слово и приручает безумных. Они исполняют, а он обманывает. Сегодня он уготовляет пищу пирующим, а завтра бросает их самих червям на съедение. Сегодня все служат тому, кто завтра сам служит другим. Сегодня он дает радоваться завистникам над их врагами, а завтра врагам—над ними. Сегодня возводит в цари того, кого завтра делает рабом другого. Того, кто сегодня простирает руку, чтобы раздавать дары, завтра заставляет протягивать ее за милостыней. Сегодня возлагает венец, украшенный драгоценными камнями, на голову того, чьи ланиты завтра зароет в могилу. Сегодня украшает шею ожерельем, а завтра уничтожает железными наручниками и цепями. Любимого сегодня друзьями делает завтра ненавистным им. Сегодня собирает хвалителей славословить того, вокруг которого завтра соберет рыдающих и плакальщиц по нем. Сегодня всем желанна близость к тому, с кем завтра все жаждут расстаться, после чего он уготовляет для него геенну огненную. Он не оплакивает уходящих, не милует остающихся. Нравится ему все, что сменяет ушедшее, и предпочитает он оставшееся, и сажает злодеев на место добрых, трусов—на место мужественных, неверующих—на место верующих.

Он собирает всех на исходе пути еще до того, как отнять желанное, ибо мирские заботы преходящие: все враждуют и едят друг друга и кусаются, как псы, ибо знают о краткости срока жизни и о том, что она мимолетна. Поэтому один старается поспеть раньше другого, ближний насилует ближнего, чтобы похитить что-либо еще до его ухода из мира сего. Они постоянно враждуют и безмерно завидуют друг другу. А тот, кем познаны вечные блага и кто признал их, уповает на вечность грядущих благ, постижимых святыми. Оттого-то познавшие не враждуют меж собой и не завидуют друг другу и никогда вражда и зависть им в голову не придет, ибо многие жаждут только той обители, которая обещана единокровным сыном божьим именем отца своего.

Это—братья и ближние мои, к которым я приобщился и которые меня призрели. А те, кого я считал своими другом и братом,—злее всяких врагов оказались. Потому и удалился я от них и обрел мир и следую за ним.

Вот образ сего мира не сущего, но если ты желаешь знать образ сущего, я покажу тебе его таким, как сам воспринял, ибо не в силах познать непреходящие дары Христа тот, кто не владеет волей и разумом своим.

И возразил ему царь:

—Пропаший! Ты ничего не узрел и ничего не обрел, кроме гибели души своей, ибо отточил язык свой для совращения народа, и если бы я не дал тебе обета перед тем, как ты заговорил, то приказал бы сейчас же бросить тебя в огонь. Встань и удались из царства моего.

И человек тот ушел не медля, туда, в пустыню, к святым отцам.

Взъярился после этого царь на всех христиан, особенно на монахов-пустынников, и сказал:

—Это они—совратители, восставшие против воли моей и моего влечения к удовольствиям и радостям.

И усилил он поэтому преследования всех христиан, умножил прославление идолов и удостоил их служителей высокого почета.

IV. Пока царь пребывал в заблуждении, родился у него сын, столь прекрасный, какой еще не рождался во все времена.

Преисполнился царь большой радости, назвал его Иодасафом и сказал: "Его мне даровали идолы мои, ибо я прославил их". И еще больше предался ликованию и наслаждениям, губящим душу.

Собрал царь множество звездочетов, чтобы узнать, что предначертано царевичу. Все в один голос сказали, что отрок достигнет такой царской славы и величия, каких еще не достигал никто в стране Индийской.

Но среди мудрецов был один наиболее прозорливый и сведущий.

Он сказал:

—Я так думаю, царь! Та слава, которой достигнет это дитя, не от сего мира, и кажется мне, что он будет великим подвижником на пути истины.

Услышав эти слова, царь огорчился, исполнился печали и отрешился от радостей.

Затем он приказал построить для своего отрока город, обособленный от окружающего мира, и младенец был водворен в него. Отец приставил к нему людей верных, чтобы те прислуживали и холили его, а когда мальчик подрос и окреп сознанием, царь приказал удалить тех людей, а новым слугам велел: не смей упоминать при нем ни о смерти и болезнях, ни о жизни вечной, ни о правде, ни о грехе, ни о старости, ни о юности, ни о нищете, ни о богатстве. Приказал царь удалять из города всякого, кого только постигнет какой-либо недуг, чтобы отрок не видел больных. Это сделал царь для того, чтобы не имел царевич никакого повода доискиваться истины и расспрашивать других о вере христианской.

V. После этого царь приказал изгнать из своего царства всех христиан — священнослужителей и верующих. Послал он глашатая, а тот громко взывал: так, мол, говорит царь Абенес: "Если только найду кого-либо из вас по прошествии трех дней в моем царстве, то предам сожжению". И никого из христиан не осталось в той стране, так что и память о них исчезла.

Был у царя муж некий, советник. Он был знатен и весьма надежен. Был он добрым и добродетельным и у царя самым любимым из всех людей, только некоторые завидовали ему, не мирились с чрезмерным предпочтением его и искали подходящего момента, что бы навлечь на него зло.

Вышел царь однажды в сопровождении своего советника обозреть окрестности города. Подошли они к одному дереву. Заметил советник лежащего под ним человека. У того болели ноги, и он не в силах был привстать. Спросил его царедворец, что с ним. Тот ответил:

—От зверя случилось со мною это. Однако если ты возьмешь меня с собой, то по воле господина найдешь во мне пользу.

—Я так и поступлю,—ответил царедворец,—если даже не найду в этом пользы. Только скажи, что это за польза, о которой ты говоришь?

Ответил ему больной:

—Я зашиватель слов!

—А как же ты зашиваешь слова?—спросил его царедворец.

На это страждущий ответил:

—Если в словах обнаружатся раны, я зашиваю их, чтобы не было от них вреда.

Царедворец не придавал значения этим словам, но тут же распорядился отвести страждущего и окружить попечением.

Вскоре, однако, приближенные царя устроили тому царедворцу западню, они сказали венценосцу:

—О царь! Известно ли тебе, что любимец твой хочет завладеть твоим царством и унаследовать трон, для чего неустанно совращает народ? Теперь, если ты желаешь узнать истину, скажи ему, что вот, мол, покидаю я свою страну, потому что лжив сей мир, и хочу присоединиться к рабам божьим, которых я рассеял по свету. Тогда ты убедишься в правдивости наших слов. Испытай его таким путем, и ты узнаешь о его вероломстве.

А эти люди знали о чувствительности царедворца к разговорам о вечной жизни. Так коварно вздумали они погубить его.

Ответил им царь:

—Если я не найду вины, о которой вы говорите, то не буду судить его.

И призвал царь любимого своего царедворца и начал испытывать его.

—Ты знаешь,—сказал царь,—как разум мой слился с миром сим и как провел я свои дни. Ныне я вижу, что тружусь тщетно, и боюсь, а вдруг наступит конец мой и останусь я ни с чем. Ныне я хочу позаботиться о вечной жизни больше, чем забочусь о жизни в мире сем, и ничего иного не остается, как пристать к рабам Христа, которым я причинил так много бедствий. Что ты скажешь мне на это, мой преданный советник?

Когда тот услышал слова царя, у него самого проснулось желание приблизиться к Христу, и он прослезился. И сказал царю:

— Живи, царь, живи до скончания века! Хотя вечное трудно уловимо,

но все же подобает искать его. А преходящее, хотя оно есть нечто сладкое, лучше отвергнуть, ибо оно есть и нет, и те, которые ему рады, как будто и не рады, те, которые им веселятся, как будто и не веселятся, а тем, которые бедствуют, как будто нечего бедствовать, ибо одно преходящее кратковременно и ничтожно среди вечных. Однако скорбь о боге коротка среди быстротечных и совершенна среди вечных. Отныне направь сердечные помыслы свои, ибо они хороши, так, чтобы оставлением сего преходящего обрести вечное царство.

Тяжко стало царю от этих слов, и исполнился он злобы, но не открылся в этом.

Понял царедворец, что ему расставлена сеть, когда заметил, как изменился в лице царь. И вернулся он к себе домой весьма опечаленный—не знал, откуда западня сия, в которую он попал, и кто изменил отношение царя к нему. И провел всю ночь без сна. Тогда вспомнил он—зашивателя слов! Призвал его к себе и сказал:

—Ты когда-то говорил мне, что врачуешь раны слов?

Он ответил:

—Да, верно, говорил! Не нужно ли тебе чего-нибудь?

Тогда царедворец начал рассказывать ему:

—В продолжение стольких лет служил я царю, и никогда еще он не гневался на меня, так как я был предан ему. Сегодня же я видел его в таком расположении духа, что не могу быть спокоен за себя.

—Что же произошло между тобой и им?—спросил его тот пострадавший.

—Мне ничего не известно, кроме того, что он сказал одно слово, а я посоветовал ему лучшее. Мне кажется, что он тем словом только испытывал меня.—И передал царедворец подробно весь свой разговор с царем.

Сказал ему пострадавший:

—Неужели это могло ранить твои слова? Однако я исцеляю их с помощью всевышнего. Так знай, что царь подозревает тебя во зле и думает, будто ты добиваешься захватить его царство, и не без лукавства внушили ему это слово. Завтра встань, остриги на голове волосы, сними свое одеяние и облачись во вретиче и подойди к царю. Если царь спросит, что это значит, скажи ему: "Вот, я готов к тому, к чему ты вчера призывал, хотя человеку изнеженному легче умереть, чем нести такую жизнь. А я не хочу жить без тебя. Поскольку ты приобщил меня к благам царствия твоего, то и я должен приобщиться к твоей земной скорби, и как до сих пор был обласкан тобой, так отныне мне мучиться вместе с тобой, дабы вместе удостоиться желанного. Ныне не мешкай, царь, ибо сердце подсказало тебе добро".

Поступил царедворец так, как научил его пострадавший. И вышло из сердца царя подозрение на него, и разгневался он на рабов божьих, преисполненных злобы и зависти.

VI. Объезжал однажды царь окрестности и увидел двух мужей из христиан, выходящих из города. Он позвал их к себе и сказал:

—Как вы смели до сих пор не убраться из страны моей? Или вы не слышали, что вещал вам мой глашатай?

Они ему ответили:

—Вот мы и уходим из страны твоей!

Спросил их царь:

—А что же вас задерживало до сих пор?

Они в ответ:

—Не было у нас припасов на дорогу, а ведь нам предстоит большой путь.

Сказал тогда царь:

—Кто боится смерти, тот из-за припасов не задерживается. Возразили царю святые мужи:

—Если бы мы боялись тебя, то поторопились бы уйти отсюда. Но смерть не только не тяжка нам, она желанна, ибо от нее ждем мы успокоения от забот сего мира. А страх, что испытывают любящие сей мир, отдавшие ему предпочтение перед вечной жизнью, нам не ведом, и радость их не является нашей радостью.

Царь им в ответ сказал:

—Что вы говорите? Вы же сказали, что по моему приказу покидаете страну мою? И

разве это делаете не из страха перед смертью?

Ответили ему мученики за Христа:

—Не боянь смерти гонит нас, мы бежим потому, что не хотим споспешествовать твоей злодейской расправе над нами и быть виновниками твоего безбожья, которое ты намерен учинить, но страх перед тобой никогда не проникал в наши сердца.

Тогда царь исполнился большого гнева и приказал сжечь их на костре. И свершились мучения их ради Христа, истинного бога. И издал царь приказ всему народу, что если кто встретит кого-нибудь из христиан, пусть убьет его.

Тогда озлобились все идолопоклонники, усилились их злые дела, и убийствами и злодеяниями они начали походить на своего царя. И множились в стране той случаи уничтожения христиан. Многих священнослужителей и находящихся в пустыне монахов сжигали на кострах.

И с тех пор в стране Индийской повелось сжигать мертвецов-язычников в огне. И в царстве том не осталось ни одного человека, которого можно было бы принять за христианина, кроме тех, кто надежно укрылся в земных расщелинах или кто жертвовал собой за исповедание пресвятой троицы и упование на непогрешимый завет, что бы удостоиться благодати мученичества за Христа.

Было много и таких, которые тайно придерживались веры Иисуса Христа и не в силах были в этом открыться, подобно другим великомученикам и исповедникам троицы.

Так множество злодеяний свершили и большие страдания причинили идолопоклонники рабам истинного спасителя Иисуса Христа.

VII. Между тем сын царя вырос, стал красивым отроком и достиг зрелости. Был он прекрасен внешностью, наделен твердостью воли и ясностью ума. И позаботился его отец, чтобы у него не было недостатка в образовании, мудрости и учености, которые необходимы царям; чтобы ему ничего не говорили ни о ничтожестве сего мира, ни о смерти, ни о существовании конца жизни людей. И это все царь делал потому, что боялся, чтобы эти вопросы не послужили отроку поводом для поисков вечного пути и исследования законов веры.

Однако юноша был крайне восприимчив к мудрости, склонен к учености и пытлив во всех предметах и вопросах ума, и подобного ему никогда не было в его роде. Царь дивился делам юноши и не знал, радоваться ли знанию и совершенству сына в науках или скорбеть и печалиться по поводу слов звездочетов, сказанных в день его рождения. Однако юноша уразумел, что он заключен в городе и что отец никого не допускает к нему и не дает ему права выйти куда-нибудь. Размышлял он много по этому поводу. Затем обратился к самому себе:

—Отец старше меня, и он знает все, что мне нужно, и не подобает мне сомневаться в том, что он желает для меня самого лучшего.

Так было до тех пор, пока царевич не обрел совершенства в своей мудрости. Потом же он сказал себе:

—Хотя он и отец, но не было бы неуместно и мне искать для себя лучшего, потому что я уже взрослый и никакого превосходства в нем над собой не нахожу. Не следует мне ждать от него лучшего для себя, а надо самому исследовать то, что мне положено, как это делает всякий.

А отец охотно исполнял волю сына и не старался посещать его во всякое время. И решил юноша осведомиться у самого отца по поводу своих раздумий и затем сказал:

—Заключение мое—дело отца моего. Если спросить его об этом, он не скажет мне истины, зато могу вызвать моими расспросами у него тревогу. Попробую-ка достигнуть цели иным путем.

Среди слуг был один, которого любил царевич больше всех, потому что тот был к нему ласковее других. Через него он замыслил узнать о своем деле. И начал царевич относиться к нему с большой любовью, воздавая ему всякие блага и обещая их и впредь. Воспитатель поверил в это—он знал, что юноша говорит правду. И когда отрок убедился, что он уже нашел место в сердце того человека, обратился к нему тайно и сказал:

—Я спрашиваю тебя об одном деле. Если ты мне скажешь истину, знай, что ты мой друг и самый любимый из всех людей на свете, и ты обретешь положение около меня; но если ты скроешь от меня истину, то тем положишь предел моей любви к тебе и потеряешь на нынешние и последующие времена питаемую тобой надежду на меня, ожидающего престола.

Воспитатель был весьма уверен в искренности царевича и в том, что тот сохранит в тайне то, что он ему скажет, и согласился.

—Спроси, что угодно, ибо ничего не скроет от тебя душа моя.

Сказал ему юноша:

—Растолкуй мне, чем вызвано, что я заточен в таком месте, что отчужден от людей, а люди отчуждены от меня?

Воспитатель сказал ему в ответ:

—Я изложу тебе все и дам вникнуть в истину. Звездочеты внушили отцу твоему поступить так, когда он уничтожил и удалил из своей страны благочестивых. Провозвестники сказали ему, что ты призван тверже всех ступить на путь служения богу. Отец твой испугался, как бы ты не склонился к их воле и не прислушался к их словам. И отчуждал тебя от этих людей,

чтобы ты не стал причиной принятия народом чуждой веры.

Тогда юноша обратился с вопросом:

—Что это за благочестивые люди, которым отец мой причинил так много зла?

И воспитатель разъяснил ему все дела христиан и подробно дал ему вникнуть во все их добродетели. Но юноша, узнав обо всем, ничего ему не сказал в ответ.

VIII. А когда пришел отец, он обратился к нему:

—Я хочу у тебя узнать об одном деле, которое меня заставляет сильно скорбеть и тосковать.

Сказал ему отец:

—Спроси, сын мой, что хочешь.

Юноша спросил:

—Скажи мне, отец и господин мой, зачем ты заключил меня в это место и по какой причине запрещаешь людям входить ко мне?

Сказал ему отец в ответ:

—Хочу, сын мой, чтобы ты ничего не видел такого, что озаботит твое сердце, и хочу удалить от тебя всякие страдания, портящие удовольствия.

Юноша возразил ему:

—Знай, царь, что, поступив со мною так, все удовольствия, которые ты мне доставляешь, сам же превращаешь в горечь, даже пища во рту моем теряет вкус; этим ты ввергаешь меня в большое огорчение, ибо душа моя стремится с величайшим желанием ко всему тому, что находится за пределами этих стен. Ныне же я прошу, отец, царской милости твоей,— отпусти меня, выйду и познаю мир и нигде не нарушу заповедей твоих.

Не понравились царю эти слова, впал он в беспокойство и понял, что если укротит волю сына, то тем умножит его скорбь, и горечью станут для него удовольствия. Тогда сказал царь:

—Сын мой, если только ты пожелаешь днем выехать верхом вместе с людьми, да будет воля твоя!

И велел царь сопровождающим юношу водить его только по красивым местам и беречь от всего уродливого, дорогой услаждать его песнопениями и ликованием, чтобы весельем отвлечь его ум от исследования дел мира сего. И делали слуги все согласно приказаниям царя.

И участвовали выезды юноши за город, куда и как хотел.

Однажды юноша заметил на дороге двух человек, один был изувечен, другой, сопровождаемый поводырем,—слеп. Слуги царевича не позаботились убрать с его дороги страждущих, что им следовало сделать. И когда увидел их юноша, он ужаснулся и обратился к приближенным. Они ответили:

—Это—люди, с которыми приключилось несчастье, как случается со всеми: расслабленность одного от болезни, слепота другого—также от недуга.

Спросил их юноша:

—Разве подобный недуг случается со всеми людьми?

Ему ответили:

—Нет, не со всеми, лишь с некоторыми...

Сказал тогда юноша:

—Можно ли узнать, с кем он случается и с кем нет?

Ему ответили:

—Случается только с некоторыми, иные его избегают, но по выбору этого не бывает.

Спросил их снова юноша:

—Неужели нет никого, кто действительно знал бы, что это с ним не случится?

Ответили:

—Нет никого.

Тогда царевич начал размышлять, и встревожился разум, и изменился цвет лица его, и, отягченный горем, он вернулся домой.

После этого он снова выехал за город и увидел дряхлого, сгорбившегося старика. Лицо старца было черное, а волосы белые и плоть сморщена. Не имел он зубов, что мешало ему говорить ясно, и ходил он, согнувшись до земли. Приблизившись к старцу, юноша снова ужаснулся и начал спрашивать о нем у приближенных. Они отвечали:

—Это—состарившийся с годами человек, у него от долголетия убавились силы, и дальше с каждым днем он будет все больше слабеть.

Спросил юноша:

—Всех ли настигает это?

Ответили:

—Да, всех, кого не постигнет преждевременно смерть. Спросил юноша:

—А что же после этого будет?

Ответили ему:

—После этого его заберет смерть.

Спросил опять юноша:

—Когда же человек достигает этого предела?

Ответили ему:

—После восьмидесяти лет или же после ста.

Спросил юноша:

—А что такое год?

Они ответили:

—Двенадцать месяцев.

Спросил юноша:

—А что такое месяц?

Ответили ему:

—Тридцать дней.

Спросил их юноша:

—Неужели после этого нет спасения от смерти или подобной старости, и вслед затем от смерти?

Ответили ему:

—Нет никакого исхода.

Сказал юноша тогда:

—Неужели все подвержены тем недугам, которые я заметил у людей, этой изувеченности и слепоте, и никто не может надеяться на избавление, даже если он бесстрашен?

Последовал ответ:

—Так оно и есть, как ты сказал.

—Спросил юноша спутников:

—На всей ли земле это так?

—Ответили ему:

—Да, так есть на всей земле!

Тогда юноша сказал:

—Не сладка больше жизнь в этом мире после всего того, что я видел. И никто не имеет покоя от мысли о смерти, которая придет рано или поздно. Чем позднее, тем она ближе, и близок день ко дню в месяце. Быстро следует за месяцем месяц, и быстро истекают годы, чтобы исчерпать жизнь человека, если достигнет она своего предела.

И удалился юноша. Так размышлял он, все чаще повторяя про себя эти слова. С тех пор ушел он в горе и думы и ни во что не ставил радости мира сего. И с каждым днем множились его печали. Когда же встречался с отцом, начинал, притворяясь, веселиться и радоваться, боялся, как бы отец не узнал, что составляет предмет его размышлений, как бы не запретил ему вовсе выходить из города. Встречая кого-нибудь, глаголющего разумно, он внимал ему старательно, дабы услышать истинное слово и тем рассеять печаль сердца своего.

И призвал он однажды воспитателя и спросил:

—Не знаешь ли ты здесь человека, который не следует нашей вере?

Тот ему ответил:

—Да! Были тут люди, о которых я тебе сказывал раньше и которых называли христианами и благочестивыми. Они презирали мир сей и его довольствия и искали, как говорили, царствия вечного. И вера их не похожа на нашу веру, да и дела их не схожи с нашими делами. Но царь преисполнился враждой к ним и изгнал их из нашей страны а многих истребил, предав различным мукам, сжигая в огне, как о том я уже сообщал тебе. Ныне из них в нашей стране я никого не знаю.

И когда воспитатель рассказал ему о делах тех людей, смутилось сердце юноши, и у него усилилось желание узреть их. И стал он походить на человека, который ищет, не щадя своих сил, что-либо потерянное. И явно выразил он свою ненависть и отвращение к преходящей жизни: ничтожны, мол, наслаждения мира сего для меня. Возненавидел он все пути жизни и любящих сей мир, и повсюду распространилась молва об этом, и кто из праведных слышал, восславлял бога триединого и единодушного.

IX. Молва об этом дошла до страны Сарнадиб, до некоего боголюбивого человека, украшенного чином монашеским, исполненного духом святым и всеми мудростями, имя которого было Балавар. Узнал он о царевиче и что тот жаждет приобщиться к вере Иисуса Христа, бога праведного. Прибыл он в столицу Шолайт на лодке и, сняв с себя монашеское одеяние, облачился в одежду купца. И смешался с людьми. И часто стал появляться у дворца царя, пока не изучил людей и не узнал положение каждого перед царем и его сыном.

Узнал он также о том, как относится царевич к воспитателю своему. В один из дней он добился встречи с воспитателем, чтобы наедине поговорить, и сказал ему:

—Я—чужеземец, прибывший издалека. При мне вещь, весьма ценная, —я скрываю ее от людей, и никому, кроме тебя, я не решусь заявить об этом. Я надеюсь на твою доброту и твою сознательность, на то, что ты сохранишь эту тайну от других.

Сказал ему воспитатель:

—Положись на меня, ибо я все силы приложу к тому, чтобы позаботиться о воле твоей,

и никому не откроюсь в этом, кроме тех, кого ты назовешь.

Сказал тогда Балавар:

—Вещь эта, которую я имею, лучше красной серы, ибо она возвращает слепым зрение, глухим—слух, немым—дар речи; от нее исцеляются прокаженные, начинают ходить хромые, немощные становятся сильными; она делает неимущих богатыми, исцеляет от всех болезней и приносит победу над врагами, изгоняет бесов из лунатиков и исполняет все желания сердца человеческого.

Сказал ему воспитатель:

—Человек! Я не вижу в тебе ничего безрассудного, но твои речи похожи на болтовню чрезмерно речистых. Ты говоришь нечто такое, чего я никогда не слышал. Я не решаюсь уличать тебя во лжи, преклоняясь перед мудростью, которую вижу в тебе. Только скажи мне, что это за вещь? Покажи мне, дай взглянуть на нее! Если она достойна царей, сообщу о ней царевичу. Не подобает же мне хвалить ему что-нибудь сверх меры. А вдруг после того, как сам посмотрит, не найдет ее такой, как я ему опишу.

Сказал ему мудрый Балавар:

—Ты просишь, чтобы я показал тебе эту вещь, а ее никто не может видеть, кроме тех, кто обладает двумя качествами: остротой зрения и безгрешностью плоти. А если увидят ее не имеющие хорошего зрения и пребывающие в грехах, то они потеряют совсем свет очей и лишатся пытливости ума. Я—врач и вижу, что глаза твои нездоровы, и боюсь, чтобы ее блеск не лишил тебя зрения. Но я слышал о безупречном поведении, о непорочности и чистоте жизни царевича. К тому же он еще отрок и имеет острый глаз. И я надеюсь на бога,—он обретет силу узреть эту вещь.

Согласился с ним воспитатель:

—Осознал я все сказанное тобой. Я, действительно, предался грехам, и больше не добиваюсь видеть эту вещь. Притом ты говоришь, что я не остроумный, и мне кажется, ты глаголешь истину, а не ложь.

Сказал ему Балавар:

—Истинную правду говорю тебе, поверь и не страшись сказать об этом царевичу, ибо он знает достоинство про то. В твоём перед ним положении не следует утаивать от него эту вещь. А если ты доложишь ему о ней, то обретешь больше почести и славы, чем все твои ближние.

Тогда воспитатель вошел к царевичу и рассказал ему все, что слышал от мудрого Балавара.

Между тем душа юноши давно жаждала видеть человека, от которого можно услышать полезные для души слова. И, когда он внимал словам воспитателя о чудесной той вещи, то почувствовал душой, что в лице Балавара найдет того, кого ждал.

Тогда приказал он провести тайно к нему иноземца с той вещью.

X. И провел воспитатель Балавара, который так нес коробку маленькую, словно в ней лежал какой-то драгоценный камень. Когда предстал Балавар перед царевичем, то приветствовал его с миром и начал молиться за него, как это полагается совершать перед царями. Царевич также почтил его и с радостью осведомился о его самочувствии и приказал воспитателю уступить ему место, а самому удалиться. И когда воспитатель вышел, царевич велел Балавару сесть и сказал:

—Покажи-ка мне ту вещь, что ты принес с собой.

Ответил ему Балавар:

—Мне не следует причинять тебе что-либо плохое по неосторожности, а вещь эта именно такова, как сообщил тебе о ней твой воспитатель. Никто не в силах видеть ее, кроме чистого и непорочного человека с совершенным разумом. А если ее увидит слабоумный, он совсем лишится ума вместе с зрением. Поэтому я хочу испытать тебя на словах, побеседовать с тобой и, если найду, что ты в состоянии узреть ее покажу тебе, ибо я принес ее только для тебя, а не для кого другого. И я уповаю, что ты уже достиг той меры совершенства, которая необходима, чтобы видеть эту вещь, и постигнешь ее, если господь того пожелает. Ибо дал ты мне, царевич, увидеть себя и принял меня, не изучив, оказал мне почет, какой оказываешь в этих хоромах самим вельможам!

Ответил ему Иодасаф, сын царя:

—Это потому, что я питаю большую надежду на помощь твою и что благодаря тебе сбудутся все желания души моей.

XI. Сказал ему Балавар:

—Нет ничего удивительного, что ты со мной так поступил. Был некогда царь верующий, добрый и ищущий правды. И когда он однажды шел, сопровождаемый множеством народа, то увидел двух человек в убогих одеждах, сшитых из найденного на свалке тряпья. Желтый цвет лица этих людей свидетельствовал об их нищете. Но царь узнал их и поспешно сошел с коня, обнял и отнесся к ним с большим почетом. Приближенные вознегодовали в сердцах, что так поступил царь, и сочли это за недоразумение, ибо такого обычая не было у их царей. Однако вельможи не осмелились упрекнуть царя. Они пошли к брату его, который был с ним смел, и, рассказав обо всем, уговорили сказать царю, чтобы он больше так не поступал. Пришел

брат к царю и передал то, что ему сказали вельможи. Когда он кончил свою речь, царь дал ответ, из которого тот не понял—удостоены ли его слова внимания или брат разгневался.

А был в той стране такой обычай: когда царь гневался на кого-либо и желал казнить его, то направлял к дверям опального глашатая, которого все звали глашатаем смерти, чтобы трубил в рог и возвестил о смерти. Заслышав рог, хозяин дома понимал, что должен скоро умереть. И весь народ узнавал об этом.

Спустя некоторое время царь приказал глашатаю смерти пойти и затрубить у дверей брата. И пошел глашатай, и затрубил в рог смерти у его дверей. И как только брат царя услышал глашатая, впал в отчаяние и, предчувствуя гибель, оставил завещание. И начали плакать и бить себя по голове его домочадцы. Тогда он одел на себя саван и отправился с женой и детьми во дворец царя. Шли отчаявшиеся с громким плачем и рыданиями, посыпая пеплом голову. Велел царь вести их, и стал брат плакать и умолять о пощаде. Сказал тогда ему царь:

—Эх ты, жалкий и безумный! Как это мог тебя испугать глашатай брата твоего, затрубивший в рог смерти у дверей твоих? Правда ты знаешь, что я и мой глашатай сотворены всевышним и мы не в состоянии ни изменить воли его, ни отвратить участи своей, но ведь знаешь и то, что ни в чем не повинен перед братом, так за что ты должен заплатить жизнью своей? Как же тебя удивило, что я сошел с коня и поклонился тем, кто являются глашатаями господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа, кто напоминают нам о встрече с ним и возвещают слова его Евангелия. И при этом я знаю множество моих прегрешений. А теперь да будет понято тобой и теми, кто подговорил тебя, твое неразумие, как это ты уже познал.

И простил царь брата своего, и весьма полезен был этот упрек.

XII. Потом царь приказал тайно сделать четыре сундука: два оковать золотом и серебром и усыпать рубинами, карбункулами и разными драгоценными камнями, а два других сундука обмазать смолой и дегтем. И приказал царь наложить в окованные золотом сундуки кости трупные и всякую нечисть и гниль, которые мерзки человеку, и запереть их золотыми ключами; и два сундука, обмазанных смолой и дегтем, наполнить рубинами и самоцветами и всеми благовониями, возбуждающими желания у людей, и перевязать их старой веревкой. Затем приказал царь ввести приближенных своих, осуждающих его за почести, оказанные им святым нищим. И когда вельможи уселись, царь велел внести сундуки и предложил оценить их.

О сундуках, окованных золотом, вельможи сказали:

—Разум наш не в силах постичь их цену, ибо они достойны того, чтобы в них лежала драгоценная кладь, а те два, обмазанные смолой и дегтем, безобразны и, по нашему мнению, ничего не стоят.

Тогда сказал царь:

—Вот какова ваша житейская мудрость и догадливость! Как все люди, вы судите по внешности.

И приказал он открыть два окованных золотом сундука. И содрогнулись все от мерзости того, что в них лежало. Поднялся такой страшный смрад, что все зажали носы.

И сказал тогда царь:

—Это—подобие людей, которые наряжаются в дорогие, шитые золотом одеяния, тогда как нутро их полно безумия, обмана, пакости и нечисти и этого зловония, которое поражает более, чем смрад мира сего.

А затем приказал открыть два других сундука, обмазанных дегтем. И озарился весь чертог блеском драгоценных камней, и надышались все желанным благовонием.

И сказал царь:

—Вот это—подобие тех святых людей, которых я почтил. Вас тогда это удивило—ведь вы видели только убожество их одежды, потому что судите о человеке по внешним признакам, а я видел нутро их разумом своим.

Тогда посрамленные вельможи сказали, что пример этот весьма полезен для них, и убедились они в том, что царь поступил правильно.

И заключил Балавар:

—Это подобие твоего поступка, царевич! И ты тоже оказал мне почет в надежде на радость, которую ты ждешь от меня.

XIII. Тогда встал царевич с высокого седалища и решил: "Видимо, это и есть желание души моей, то, что я искал". И, обернувшись к Балавару, сказал:

—Весьма благи слова твои, и ясен их истинный смысл. Я думаю, что это и есть та вещь, которую ты таишь от меня, ибо она ободряет сердце, просветляет очи и укрепляет разум. И если это так, как я думаю, скажи, что еще имеешь сказать, кроме того, что я слышал. Об этой вещи довольно слов твоих, ибо ты весьма просветил ими мой разум и совлек с сердца моего покрывало скорби. Теперь же дай мне образец доброго, совершенного.

И сказал Балавар:

—Вышел некий сеятель и взял добрые семена и начал сеять. Одни семена упали на край дороги и тотчас же были склеваны птицами. Другие упали на скалу, покрытую тонким, слегка увлажненным слоем земли; взошли всходы, но, когда корни достигли скалы,—засохли. Всходы же

семян, упавших среди терний, были задушены и не смогли подняться. А те семена, которые упали на добрую, очищенную от сорняков почву, пышно взошли и, хотя их было мало, дали много плодов. А сеятель тот—источник мудрости, Христос наш, а те добрые семена — слова, сказанные святыми его устами, слова истинные.

Семена, упавшие на край дороги и склеванные птицами, это те слова, что попали только в уши, но ускользнули от сердца. А те, что упали на увлажненную почву и взошли, но не привились на скале,—это тот человек, который слушает, услаждается, признает на некоторое время истину слов, но не закрепляет их в своем сознании. Те же семена, которые взошли и могли плодоносить, но были задушены терниями,—это те слова, которые человек воспринимает и, когда собирается претворить в дело, падает, задушенный мирской похотью. Но семена, что взошли и дали обильный плод,—это то, что воспринимает глаз, вбирает в себя сердце. Оно направляет разум, очищает от похоти и оберегает от пороков сердце.

Сказал царевич Балавару:

—Уповаю на Христа—то, что ты посеешь во мне, взойдет и даст обильные плоды. Так дай мне пример того, как мир сей совращает ближних своих.

XIV. Рассказал Балавар:

—Сей мгновенный мир и все приверженцы его похожи на человека, которого разъяренный слон преследовал и загнал в страшную пропасть. При падении в нее человек тот ухватился за две ветви, раскинувшиеся над пропастью, нащупал что-то и оперся ногами. И когда осмотрелся, увидел двух мышей, одну—белую, другую—черную, которые неустанно грызли корни дерева, протянувшего ему спасительные ветви. Заглянув же в пропасть, человек увидел дракона, который раскрыл пасть и намеревался проглотить его. А на том месте, где человек нашел опору, высовывались из нор головы четырех аспидов. Подняв глаза, он заметил на ветвях немного меда и начал слизывать его. Вкус и сладость меда отвлекли его от мыслей об опасности. Забыл он о ветвях, за которые цеплялся, и об аспидах, и уже не ждал, что они его укусят, и не видел, как догрызали мыши корни дерева, и, более того, забыл о драконе, готовом его проглотить.

Слон тот является теперь знамением смерти, преследующим сынов Адама, а пропасть—это мир сей, полный всяких зол и губительных козней. А те две ветви—суть дни человеческие. Две мыши, белая и черная,—день и ночь; непрестанно сменяясь, они быстро сокращают жизнь человека. А те четыре аспида подобны тем четырем веществам, из которых создано тело человека, и когда одно из этих веществ разложится,—уходит жизнь. Дракон тот, что раскрыл пасть и намеревался проглотить человека,—есть образ ада, куда попадают после смерти все любящие сей мир. А тот ничтожный мед изображает мгновенную сладость мирских наслаждений. Этой малой тленной сладостью сей мир обманывает сбившихся с пути людей.

XV. И сказал царевич:

—Подобие это истинно, и притча—дивная! И вот ты оживил душу мою словом твоим. Теперь расскажи мне еще притчу о мире сем тщетном и приверженцах его, о тех, кто соблазнились его любовью и презрели лучшую жизнь.

Продолжал Балавар:

—Мир сей и любящие его похожи на тех, кто облюбовывают тернии, смазанные медом, и уничтожают цветы благоуханные,—такова вражда мира сего: она подобна некоему человеку, который имел трех друзей. Одного он любил больше остальных. Другого он также любил, а третьего презирал. Однажды того человека настиг гнев царя и его собирались судить; пришел он тогда к своему возлюбленному другу и сказал:

—Ты знаешь, дорогой мой, как я люблю тебя; вот меня поведут на суд, помоги в беде.

И ответил тот:

—Я тебе уже не друг и не знаю тебя: у меня другие друзья, с которыми я буду веселиться. Тебе же дам два одеяния, но и они тебе не на пользу.

И отправился тот человек ко второму другу и сказал:

—Вспомни ныне любовь, которую я питал к тебе; вот поведут меня судить, помоги в моей беде.

Последовал ответ:

—Не до тебя сегодня, ибо достаточно мне своей беды: иди ты своей дорогой, отныне я уже тебе не друг; но все-таки немного провожу тебя, а потом вернусь к своим заботам.

И отправился человек к третьему, которого презирал [и], устыдившись, обратился к нему:

—Не смеют уста мои умолять тебя, но большая нужда привела к тебе, и какую милость ты мне окажешь?

А тот принял его с радостью и сказал:

—Я—твой друг, который не забыл твое малое благодеяние и теперь с лихвой воздаст тебе за него. Не бойся, ибо я буду сопутствовать тебе и утешать тебя в беде, не отдам тебя в руки врагов твоих и не предам. Отныне ободрись и будь весел, ибо будет найден выход из этой беды.

Тогда сказал человек тот:

—Не знаю я, в чем мне раскаяться: в чрезмерной ненависти к истинному другу или в

чрезмерной любви моей к лжедрузьям?

Сказал царевич Балавару:

—Притча эта хороша и весьма притягательна, только разъясни мне ее значение.

Ответил ему Балавар:

—Первый друг—это корыстолюбие, которому подвержен человек: из-за любви к наживе он не страшится смерти и ни во что не ставит всякие беды и заботы; в час ухода человека из жизни тот друг не может оказать ему никакой помощи, разве только даст два савана могильных. Тем его и вознаграждает, а сам находит себе других друзей, с которыми проводит время. Второй же друг —жена и дети. К ним привязан человек всем разумом своим, о них заботится и готов пожертвовать и душу и плоть. И от них нет ему пользы в день смерти, разве что проводят его прах до могилы, после чего возвратятся к своим, заботам и больше не вспомнят об ушедшем. Третьим другом, который всячески был презираем, является единство добрых дел—любви, милости, веры, упования, святости и других подобных совершенств, которые в силах сопутствовать и спасти нас в день судный. И малейшее наше благодеяние с избытком возвращается нам. Таков образ мира сего и любящих его.

XVI. Сказал царевич:

—Я знаю, что ты глаголешь истину, и это так ясно душе моей. Скажи теперь, чем искушает мир сей людей и как можно избавиться от этого искушения.

Ответил ему Балавар:

—Я скажу тебе, царевич, каким способом можно избавиться от искушения. Притча моя—о людях, обитателях некоего города, которые имели обычай приводить иноземца, не сведущего в их делах, и сажать его на год царем в своем городе.

Призванный думал в своем невежестве, будто царствование его над жителями сего города незыблемо. И начинал он беспечно предаваться пиршеству и развлечениям, ибо ему была дана на то воля. А он, считая свою власть неизменной до конца жизни, не подозревал о существовавшем обычае. И когда кончался год, врывались к нему горожане, раздевали его и голого выталкивали с позором. Изгнанный за пределы страны, он лишался и пиши, и питья, и одежды, и всего другого. И так веселье и радость сменялись для него покаянием и горем. Таков был обычай горожан.

Но как-то раз, сообразно с обычаем, посадили они царем некоего мудрого мужа. Тот заметил отчужденность свою и, не полагаясь на горожан, стал искать человека, который бы посоветовал, как ему поступить. И нашел некоего достойного доверия человека, знавшего об обычае тех горожан. И сказал ему царь о своей заботе, поделился с ним своими сомнениями, И тогда, человек тот дал совет:

—Я скажу тебе, как поступить. Начинай тайно вывозить из казны, которая находится в твоей власти, все, что только можешь: золото и самоцветы, отборные рубины и всякие драгоценности, отправь все это на хранение в ту чужую страну, куда изгоняют они царей своих. Когда ты будешь, согласно их обычаю, изгнан, то вновь обретешь все, что отослал раньше. И ты избежешь того, что случилось с бывшими до тебя царями. И поступил тот царь, как советовал ему муж разумный и мудрый. Когда год истек, бросились на царя горожане и, раздев его, изгнали по своему обычаю. И нашел он в чужой стране все, что отослал заранее. И жил там в довольстве, спокойствии и достатке, и не имел больше страха и зависимости от суетности горожан. А город этот есть сей суетный мир, горожане же—дьяволы, владетели сего темного мира. Они расставляют перед людьми многие соблазны, и только безумцы думают, будто их веселье не имеет конца. Я уповаю на Христа, чтобы он уподобил меня советнику царя, а тебя—самому царю, мудрому и разумному, который не доверился тем горожанам и не соблазнился властвованием над ними. Отныне и ты приложи усилия, чтобы спастись от страшных ловушек, ибо я указал тебе путь, и не к лицу тебе больше беспечность.

XVII. Сказал Иодасаф:

—Я уповаю на Христа, сына божия, что буду таким, как ты мыслишь обо мне в своей молитве. Ты воистину показал мне срам и позор мира сего. И теперь я знаю, как преходящи его образы. Я и без того совершенно ни во что не ставил мир сей, а ты своими словами еще больше умножил мою ненависть к нему. Только скажи мне: так ли все люди страны твоей понимают дела мирские, как ты, и так ли глаголят они то, что глаголешь ты?

Ответил Балавар:

—Нет, но я из тех людей, которые приобщились к Христу—богу всего и оставили сей мир приверженцам его. Мы удалились в пустыни и горы, занялись подвижничеством и делом монашеским, которое является подобием жизни ангелов. Но раньше мы жили в царстве отца твоего. Когда он услышал о наших деяниях и сборищах, то встревожился, испугался, ибо подумал, что мы оспариваем у него какое-то мирское дело. Поведал он тем, кого сделал соучастниками своих увеселений и славы, свои думы о нас. И они посоветовали ему изгонять нас, убивать и сжигать в огне. А поступил так отец твой с нами за то, что мы, презирая его, избрали себе величайшего властителя—Иисуса Христа.

Спросил Иодасаф:

—Почему же весь народ стал врагом твоим и хулителем ближних твоих?

Ответил Балавар:

—Вражда его к нам была такова, как ты слышал, а хулениям не достичь людей, которые глаголят правду и не лгут, молятся и не дремлют, постыятся и не насыщаются, пребывают в нужде, но считают ее за благо, и не завидуют тому, что у людей вызывает зависть.

Спросил Иодасаф:

—Чему же они не завидуют?

Ответил Балавар:

—Не завидуют они богатству и тем, кто имеет жену и детей, и никто из них не трясется ни над имуществом, ни над семьей, а ведь вражда людей не что иное, как борьба за довольство, за то, чтоб больше стяжать.

XVIII. Спросил Иодасаф:

—Как же в таких случаях люди сговорились во вражде к вам, если они, занятые своими делами, были разобщены?

Ответил Балавар:

—Искатели мирских благ, хотя они завидуют и враждуют друг с другом, являются врагами и преходящей жизни, а в отношении верующих, которые служат Христу—богу нашему, они уподобляются псам, грызущимся над падалью. И как только они видят человека, путника, то, бросив грызню, забыв, что они враги, все вместе набрасываются на него и помогают друг другу, потому что боятся, что человек посягнет на их падаль. И все это из-за ненасытности и жадности, непонимания, что человеку тому вовсе не нужна их падаль.

Так и приверженцы мира сего, отдавшие предпочтение земному царствию перед небесным, едят друг друга и проливают из-за него кровь и коротают свои дни в исканиях почестей мирских и славы. И зависть, навсегда губящая человека, утвердилась в их сердцах. Когда они видят врагов мира сего, не желающих стать их соучастниками и у которых нет иных забот, кроме как освободиться от мирской жизни, они думают, будто им расставляют соблазны, считая, что верующие в Христа так же лукавы духом, как и они сами. Потому они сговорились враждовать с нами. Так решили они своим скудным умом и убедили отца твоего, будто наши сходь—не что иное, как посягательство на царство его. Отец твой не уразумел истины и решил, что величие и славе его царствования грозит опасность со стороны тех, кто веруют в спасителя нашего Иисуса Христа, особенно истинных монахов, которые считают мирские удовольствия мерзкими и досадуют, что разум царя одержим наслаждениями сего мира.

XIX. Прервал Иодасаф Балавара:

—Не продолжай больше эту речь, а расскажи о полезном для души.

Сказал Балавар:

—Когда искусный лекарь видит тело, пораженное тяжелым недугом, и хочет восстановить здоровье, он не начинает с пищи и питья, которые способствуют жизнедеятельности тела. Он знает, что если пища и питье соединятся с одним из четырех веществ, то могут вместо пользы принести вред больному. Лекарь старается настойками и лекарствами, посредством которых по воле божьей удаляются из тела недуги, вылечить его. И когда недуг преодолен, прибегают к пище и питью, и тогда больной ощущает вкус еды и пища укрепляет его, если только бог не желает ему смерти.

XX. Спросил Иодасаф:

—Скажи мне, святой отец Балавар, с чего ты начал и как достиг этого предела, или как ты приобщился к жизни монашеской?

Ответил святой Балавар:

—Когда я соединился с сим миром, я узрел, как он перемешал деяния людей и род с родом, и видел я, как люди метались перед наступающим их злом, словно загнанные в пещеры. И узрел я, что их веселье кратковременно, а труд весьма долог, и тогда покался в моем раннем безумии и моих чрезмерных ошибках и, естественно, начал печалиться о правде и совершенствовать свой разум. Открыв глаза на все, я стал осуждать самого себя, чтобы вновь обрести то, что было во мне, и достичь предела святых отцов. И приучал я разум свой каждодневно, пока не обратил его к любви ко Христу и к добрым помыслам. А затем начал вырабатывать волю, и желания свои приблизил к их обычаям, подчинил себе, и заставил себя нести бремя святых законов и терпения во имя радости. И тогда только сошел с меня мрак тьмы и исчез во мне хмель беззаботности. Но однажды осмелился я предаться радости и прихотям и узрел позор тех деяний, от коих я отдалился. И ясно представилось мне превосходство того, что я избрал и что стало для меня самым насущным. И стал я направлять самого себя, как пастух свое стадо, как настоятели паству, воздавая по заслугам и послушным и непослушным. Так трудился я над собой, то почитая себя за терпение, то обрекая на муки за нетерпеливость, пока не утвердил то, что полюбил, и не удалил от себя то, что возненавидел.

Спросил Иодасаф:

—Сами ли своей мудростью и ученостью нашли вы истину и пришли к деяниям, о которых ты говоришь и которые ты и твои ближние проповедуете, или бог призвал вас, и вы

откликнулись?

Ответил Балавар:

—Деяния сии превыше мудрости мира сего. Если бы прекрасное житие монашеское утвердилось земной мудростью, то легок и просторен был бы путь. Если бы житие было творением человеческим, то тогда оно заставило бы полюбить все радости и веселья мира сего. Но оно явно чуждо земному, оно проповедуемо истинным богом, оно разрушает дела, противные богу, и уничтожает причины похотей, не признает веселье и земные наслаждения, а взывает к воле бога нашего Иисуса Христа. И ясно, что это есть веление царя небес и земли... И бог устами апостолов и пророков показал святое правило сие некоторым из людей, и они уверовали и исцелились, ибо через святых апостолов утвердилось это удивительное, подобное ангельскому, житие.

XXI. Спросил его Иодасаф:

—Что это за мудрость, прославленная своею возвышенностью и совершенством, преисполненная благотворных сил, и почему не все люди стремятся к ней?

И ответил святой Балавар:

—Мудрость эта подобна солнцу, которое озаряет светом людей—и великих и малых—и не отказывает в нем никому, кто бы ни пожелал им воспользоваться,—ни тому, кто жаждет согреться, ни тому, кто хочет прикоснуться к его лучам. А если кто-нибудь не найдет в солнце пользы, то не оно ведь виновато. Так будет и с мудростью у людей до самого воскресения из мертвых, ибо свет этой мудрости озаряет всех, подобно солнцу, и так же легко уловим. Но люди стремятся превзойти друг друга, извлечь из нее жемчужины, одним из коих цена миллионы, а другим—два кодранта. Но в руках того, кто ищет, обретает и сохраняет эту мудрость духовную не ради самого названия, а для того, чтобы претворить ее в дело, она действительно оказывается жемчужиной драгоценной. А если кто не найдет большой жемчужины, пусть довольствуется малой, ибо как бы она ни была незначительна, она все же—благо.

Спросил Иодасаф:

—Бывает ли такая мудрость, которую много лет тщетно ищут, а после случайно находят?

Ответил ему на это Балавар:

—Так именно и бывает со многими, ибо мудрость—многообразна: одна проста и близка, другая трудно постижима и далека от нас; иная ясна и зрима, а иная глубоко скрыта. И подобна мудрость источникам: некоторые тихо выбиваются из недр земли, другие поднимаются в человеческий рост или выше копыя; одни выбиваются там, где есть влага, другие—в глубине безводной пустыни. Да и воды бывают разные: иные, журчащие на поверхности, приятны на вкус, другие, прокладывающие себе путь из дальних мест, мутны и к тому же едва текут, а третьи соединяют в себе все лучшие признаки.

МОСЭ ХОНЕЛИ

АМИРАНДАРЕДЖАНИАНИ

(Главы из романа)

Глава первая

СКАЗ О ЦАРЕ ИНДИЙСКОМ АБЕСАЛОМЕ

Был в Индии царь Абесалом, премудрый и великий, и никакие заботы не обременяли его. Имел он сто ловчих барсов и пятьсот белых ястребов для охоты, а в подчинении своем — три тысячи вельмож. И был заведен им такой порядок: в первые три дня недели призывал он к себе по тысяче вельмож и одарял каждого по достоинствам, в полную меру, и сам пребывал в спокойствии и величии, в радости и веселии. На четвертый, пятый и шестой день царь развлекался охотой, в воскресенье садился решать дела своего царства, творить суд и вершить судьбы крепостей, городов и всей страны.

Однажды царь велел вельможам выехать на охоту. И поехали они с царем охотиться в прекрасной местности, где много дичи и зверья. Довольный вернулся царь во дворец, устроил пир

большой и благодарил загонщиков за то, что доставили ему удовольствие в хорошем уголье поохотиться. Но тут же воскликнул царь Абесалом: "Жизнью моей заклинаю, идите и найдите мне дичь поблизости".

Отправились загонщики исполнить веление царя и столько дичи нашли, что не было ей счета. Увидели они также серну, у которой рога были золотые, глаза и копытца — черные, брюшко — белое, а спинка — красная, и поспешили во дворец. И вот рассказывает главный загонщик царю о творении необыкновенном. Несказанно обрадовался царь и молвил, обращаясь к вельможам: "Изумительную серну увидел этот человек, и мы обязательно должны посмотреть на нее, раз серна такая чудесная, то поймите ее живой и невредимой".

Пир был прерван. Снарядились царь и его вельможи на охоту и взяли с собой того загонщика, что видел серну, Приехали они на поле, где спокойно паслась та серна, и велел царь: "Окружите ее скорей на конях, да только осторожно, чтобы не причинить ей вреда".

Припустили охотники коней, а серна метнулась от них прочь. Гнались всадники за ней на расстоянии одного дня пути и выбились из сил. Только царь и его трое вельмож продолжали погоню, и до вечера прошли путь семи дней. Не могли настичь серну неутомимую, но отстать от нее не хотели.

Когда попали они в скалистое ущелье, серна взметнулась со скалы и исчезла. Глядя вниз, удивлялись царь и его спутники, куда скрылась серна и что это за места такие — вдали ни города, ни деревни. Край был чужой, и охотники не знали, куда им дальше ехать. Оглянувшись, царь увидел в стороне одиноко стоящий каменный дом. Он удивился и сказал: "Что это за дом в такой пустынной местности?"

Переступив порог, путники остановились перед изображенными на стене тремя витязями женщиной редкой красоты. Поражал своим ростом и мужественным видом один из витязей в доспехах и с мечом в руках. И было там написано: "Я — Амиран, сын Дареджан, и вассал мой Саварсимидзе, Бадри Иаманидзе и вассал его Индо-Чабуки, Носар из Нисры и вассал его Али Дилам; истребив каджей и вызволив царевну морей, прибыли мы в эти места, и тогда вся Аравия выступила против нас, но мы сумели достойно показать себя в ратном деле".

Оглянулись — и на другой стене еще три витязя. Выйдя из покинутого дома, охотники заметили, что земля усеяна костями людей и коней и обломками доспехов, подобных которым никто не видал.

Удивились царь и его вельможи и сказали: "Кто эти витязи, и в какие времена они жили? По всему видно, один из них над всеми остальными господином был..." Так рассуждали они, но ничего не могли узнать.

Долго искали путники дорогу и наконец вернулись к себе во дворец. Собрались тогда вельможи и заметили, что печален царь и чем-то сильно озабочен. А пребывал он в горе от того, что не знал ничего о случившемся с витязями. И больше не выезжал царь на охоту и не устраивал пиров.

Молва о том прошла по всей стране. Один другому передавал, что царь Абесалом видел дом какой-то и чем-то весьма опечален. При этом называли разные причины.

Тогда явился к царю старший везирь и смиренно молвил: "Живи, о царь, вечно! Знаю, что решаюсь на большую дерзость, но нет страха у меня! Даже если ты, о владыка владык, разгневаешься и велишь обезглавить меня, то и тем премного обрадуешь, ибо, умерев, я не буду больше зреть тебя таким печальным и грустным".

Велел ему царь: "Доложи, Джазир, мой старший везирь, чего ты хочешь?.. Ничего неуместного, я знаю, ты не скажешь". И тогда произнес старший везирь: "О царь царей, живи вечно! С того дня, когда ты велел изловить серну с золотыми рогами, мы видим тебя опечаленным и ты больше не выезжаешь на охоту и не задаешь пиров. Вот почему скорби предался весь наш народ".

И ответил ему царь: "Я знаю, мой верный везирь, как скорбят мои подданные оттого, что печалюсь я по ничтожному поводу, но не могу совладать с горем моим". И поведал царь старшему везирию, как в погоне за серной чудесной очутился он в местах пустынных и увидел дом, покинутый людьми, а на стенах в том доме изображены шесть витязей и женщина с ликом прекрасным, а один из витязей был по виду — повелитель. И так заключил царь Абесалом свой подробный рассказ: "Я хочу знать о них все!"

Тогда дерзнул старший везирь Джазир обратиться к царю с такими словами: "Живи, о царь, вечно! Осмелюсь высказать свое недоумение и спросить, стоит ли тебе, о царь царей, так печалиться об этом? Что горестного в том, что, узрев лики каких-то неведомых тебе людей, ты ничего о них не узнал?! О царь, в пучину горя поверг ты свое царство. Так пощади своих подданных, прикажи снова выезжать всем на охоту и задавать пиры. Неужто тебе не под силу будет узнать всю правду о тех людях?"

Понравился царю совет Джазира, и снова зазвучал рог на охоте и начались пиры, но вернуть радость сердцу своему царь все-таки не смог.

И снова прошла в народе молва, что царь Абесалом пребывает в безысходном горе.

Однажды вел царь со своими приближенными беседу все о том же чудесном изображении на стене, и не знал никто, что подсказать царю, что посоветовать. Но вот поднялся один из вельмож, по имени Абуласан, сын Абулкасима, и молвил так: "Живи, о царь, вечно! знаю я кое-что о том человеке, о котором ты изволишь печалиться. Прикажи рассказать тебе все, что известно мне о нем". Обернулся царь к вельможе, произнесшему речь, и подал знак: говори, мол. И начал Абуласан свой рассказ:

"Живи, о царь, вечно! Я был еще юношей, когда отец мой однажды отправил свои товары с купцами в Багдад. Особенно богато снарядил он Абубакара — навьючил пятьсот верблюдов и столько же мулов. Прибыли купцы в Багдад. Пробыв там целый год, возвратились с большими барышами, что очень обрадовало моего отца. Веселый, он встретился с Абубакаром в нашем плодовом саду и повел с ним разговор о Персии. Отец задавал вопросы, а собеседник отвечал. Я стоял неподалеку и слышал всю беседу. Вот что под конец рассказал Абубакар моему отцу:

"Я поведаю тебе еще одну чудесную историю. Мы уже собирались было в обратный путь, когда подошел к нам незнакомец и предупредил, что люди дурные, зарясь на наши богатства, собираются устроить нам в пути засаду. Готовые к отбытию, но встревоженные предупреждением, мы вынуждены были остаться, переждать в Багдаде целый месяц. И вот однажды подходит к нам другой незнакомец — араб — и говорит: "Я знаю, вы боитесь разбойников. Обещайте мне достойное вознаграждение, и я проведу вас такой дорогой, на которой никто не причинит вам зла".

Заставив незнакомца поклясться в доброжелательности, мы щедро его вознаградили. И посоветовал нам тот араб взять с собой побольше еды, а также корма для коней на целый месяц, ибо предстояло ехать степью, где нет ни воды, ни пастбищ. Мы последовали его совету и запаслись всем необходимым.

Пятнадцать дней шел наш караван по бесплодной местности. Потом вышли мы на широкое поле, усеянное, как снегом, белыми костями сраженных людей и павших коней. Посреди поля возвышался каменный дом. Пораженный необычным зрелищем, я спросил проводника, что произошло здесь и что это за дом? Проводник ответил: "А разве вы не знаете, что дом этот принадлежал изображенному на стене прекрасному витязю, а витязь тот есть Амиран Дареджанисдзе?"

Вошли мы в дом и увидели изображение витязя, действительно редкой красоты; был тот витязь в доспехах, с мечом в руках. И прочли мы надпись: "Я — Амиран, сын Дареджан, и вассал мой Саварсимисдзе, Бадри Иаманисдзе и вассал его Индо-Чабуки, Носар из Нисры и вассал его Али Дилам; истребив каджей и вызволив царевну морей, прибыли мы в эти места, и тогда вся Аравия выступила против нас, но мы сумели достойно показать себя в ратном деле".

Еще более пораженный виденным, я спросил: "Кто же эти витязи?" Проводник мне ответил: "Они те, которые всюду творят геройские дела". Тогда я снова задал ему вопрос: "А что они еще сделали?" На это последовал ответ: "Ничего другого не знаю, но следы их деяний можно найти повсюду..."

Вот что рассказал моему отцу — Абулкасиму его верный слуга Абубакар".

Все это пересказал царю Абуласан, и тогда обратился к нему царь со словами: "Оттого печалюсь я, что были такие люди, а мы ничего не знаем о них". Еще пуще омрачилось чело царя Абесалома, и не пожелал он более утех, доставляемых охотой и пиршествами.

И тогда предстал перед ним его старший везирь и, низко склонившись, промолвил: "Живи, о царь, вечно! Чувствую, что и мною овладевает глубокая печаль. Горе нам, если мы ничего не узнаем о тех достойных витязях". И, боясь, что позже не осмелится сказать ни слова, предложил старший везирь: "Пошли, о царь, людей во все города Персии узнать, может быть, жив еще кто-нибудь из вассалов тех витязей, и тогда мы узнаем всю правду о них".

Царю понравился совет Джазира, и вскоре его люди отправились в Персию. Побывали они там во всех городах, долгое время оставаясь на чужбине. Двое из посланцев царя посетили Багдад, исходили его вдоль и поперек, но так и не узнали ничего. Возвращаясь домой, они повстречали старика, который, остановив их, спросил: "Откуда идете, братья? Видать, чужестранцы вы". Те ответили старику: "Мы инды, выполняем повеление царя своего", — и рассказали, что привело их в чужую страну.

Выслушал старик путников и сказал им: "Если возблагодарите меня, укажу вам путь, который приведет к желанной цели".

Обрадовались посланцы царя Абесалома и одарили старика богатым одеянием индийским. И сказал тогда им незнакомец: "Есть в стране нашей город небольшой, основан он

самим Дареджанидзе. В городе том по сей день живет его вассал Саварсимидзе, который с юных лет был свидетелем славных деяний своего повелителя и может многое о нем рассказать".

Поблагодарив, пошли посланцы царя по указанному стариком пути. Шли пять дней и пять ночей, пока не увидели в Балхети на берегу большой реки красивый город. На воротах того города изображен был на коне Амиран Дареджанидзе. И воскликнули посланцы, глядя на это изображение: "Вот тот, о ком печалится наш царь Абесалом!"

Вошедших в ворота путников встретили горожане и повели к себе. По обычаю, введенному самим Саварсимидзе, каждому, кто посещал их, устраивали достойный прием, и никто не спрашивал гостя, кто он и откуда, и ему ничего не говорили о себе.

Три дня пробыли посланцы царя Абесалома в гостях, и каждый день их приглашали к столу, ни о чём при этом не спрашивая.

В том заветном городе возвышался большой дворец, а на фасаде его изображен был Амиран, сын Дареджан.

Вот вышел из дворца глубокий старец и принял участие в трапезе своих сограждан. То был Саварсимидзе. Когда ему подали первую чашу вина, он подозвал рабов, и они, поддерживая его с обеих сторон, помогли ему привстать для сотворения молитвы. Воздав благодарение всевышнему, старец взглянул на изображение Амирана Дареджанидзе и, заплакав, промолвил: "Вот человек, подобного которому не было и нет на свете". Произнеся эти слова, он низко опустил голову, как бы кланяясь ему, а уже затем выпил вино.

Три дня наблюдали посланцы царя подобную картину и наконец встали, почтительно склонили головы перед старцем и сказали: "Мы посланы в этот город индийским царем Абесаломом и предстаем пред вами, рассчитывая на ваше благоволение", а затем рассказали обо всем подробно.

Заплакал, выслушав гостей, Саварсимидзе и ответил им гневно: "Не будь вы посланцами великого государя, клянусь всевышним, приказал бы я отрубить вам головы за то, что осмелились предложить мне рассказать о жизни и деяниях повелителя моего".

Ни с чем вернулись посланцы на родину и так доложили царю Абесалому: "Живи, о царь, вечно! Нашли мы одного почтенного старца, вассала Амирана Дареджанидзе, однако не пожелал он ничего нам рассказать".

Усмехнулся царь, выслушав эти слова, и сказал: "Слава богу, что не лишен я надежды узнать на своем веку кое-что, о славном витязе". И тогда подали царю его посланцы совет поспешить, ибо очень стар тот вассал и может умереть раньше, чем успеет его повидать венценосец.

Внял совету царь Абесалом и тотчас отправил людей своих к старцу с письмом, в котором говорилось: "К тебе, прославленному рыцарю Саварсимидзе, обращается царь индийский Абесалом. Я очень рад и воздаю богу хвалу, что ты жив и здравствуешь. Так поспеши же, прочитав это послание к нам, порадууй нас посещением своим. С почетом встречу тебя, как отца родного, и насладишься ты здесь покоем и отдыхом, как воспитатель наш, и поведаеть нам о повелителе своем Амиране, сыне Дареджан, и тогда развеется печаль, которая тяготит наши сердца. Так живи и здравствуй долгие лета!".

Доставили это послание старцу, прочитал он и написал царю такой ответ: "Живи, о царь, вечно! Я, Саварсимидзе, прах твоих ног, почел за честь великую прочесть твое веление и, преисполненный радости, вознес к небу руки, благословил царствование твое за то, что оскатишил ты меня вниманием своим, о царь, и удостоил послания, которое обрадовало и утешило меня в старости, а также за то, что справляешься о воспитателе моем Амиране, сыне Дареджан, равного которому не было и, сдастся мне, не будет и впредь на целом свете. Ты повелел мне предстать перед тобой и тем удостоил меня счастья узреть тебя, уподобленного всевышнему, однако путь дальний, и силы мои ослабшие не позволят мне исполнить веление твое. Если же пожелаешь, о царь, узнать все, что хранит моя память о воспитателе моем, то пришли человека, которому смог бы я поведать, пока немощь старческая не лишила меня этой последней утехи". И хотел Саварсимидзе тут же начать свой рассказ, но посланцы царя ответствовали, что велено им только послание передать. И доставили они ответ старца царю своему.

Прочел то письмо царь Абесалом и велел двум вельможам снарядить паланкин на верблюдах и отправиться за старцем с посланием новым. А в послании том говорилось: "Ежели по воле всевышнего ты дожил до нынешнего дня, то не может случиться, чтобы не узрели тебя наши очи царские. Посылаю к тебе двух вельмож — Джаунара и Омара и с ними паланкин для того, чтобы ты не испытывал в пути никаких неудобств. И да будет тому свидетелем бог, что нет лучшего лекарства от старческих недугов, чем находиться в пути".

Доставили Саварсимидзе Джаунар и Омар послание царя, подали паланкин и, усадив в него старца, повезли его в царство индийское.

Несказанно обрадовался царь Абесалом встрече с гостем знатным и воскликнул: "Большое счастье принес ты сердцу моему, Саварсимидзе! Да возрадуется и твое сердце, ибо

встречаем мы тебя, как родного отца, когда же пожелаешь вернуться к себе, проводим тебя с почестями и славой". Затем, обратившись к своим придворным, царь продолжал: "О господи! Ничего мудреного, что такой достойный человек творил добрые дела!" Ответили ему вельможи в один голос: "Живи, о царь, вечно! Никогда еще не видали глаза наши столь достойного человека, а каким же должен был быть его господин?!"

Прослезился растроганный подобными речами Саварсимидзе и молвил: "Ах, что сказал бы ты, о царь, узрев господина моего, если уж я, несчастный старец, удостоился таких похвал!"

Много дней пробыл Саварсимидзе во дворце, вкушая сладость покоя и почестей. Что ни день, то новыми подарками радовал его царь Абесалом. И однажды царь сказал своему гостю: "Я очень жажду услышать повесть о повелителе твоём и о вас, вассалах его, но до сих пор не решался о том сказать, видя тебя уставшим. Ныне же прошу, начни свой рассказ долгожданный".

Ответил царю Саварсимидзе: "Живи, о царь, вечно! Я стар и не смогу говорить долго... — Помолчав немного, гость продолжал: — Повествование о деяниях повелителя моего и других рыцарей составит двенадцать глав и может продлиться целый год, но так долго я не смогу говорить". Потом добавил: "С самого отрочества я был свидетелем деяний Амира́на Дареджанидзе, и ныне прошу вас сказать о каком из его деяний рассказывать раньше? Начать ли с того дома с изображениями Амира́на Дареджанидзе и его вассалов Бадри Иаманидзе и Носара из Нисры, что довелось вам увидеть в пустынном поле?" Царь молвил: "Поведай мне о деяниях трех этих героев". И ответил ему старец: "То, что желаешь ты услышать, о царь премудрый, — есть середина сказа, и с этого я начну..."

Глава вторая

СКАЗ О БАДРИ ИАМАНИСДЗЕ

Живи вечно, о царь царей! Да возвеличит бог друзей твоих и да посрамит недругов. И пусть усладится слух твой этим рассказом.

Охотились мы однажды и увидели леопарда, схватившего серну. Долго не мог отвести от них взгляда Амира́н Дареджанидзе. И тогда мы заметили едущего к нам на вороном коне человека в черном одеянии. Лицо и десница его тоже были черные.

Соскочив с коня, незнакомец приблизился и низко поклонился. Взглянув на него, Амира́н Дареджанидзе проникся жалостью и сказал нам: "Горе-то какое! Что могло приключиться с этим человеком?" И обратился к нему с вопросом: "Кто, мол, ты и по ком носишь траур?" Тот ответил! "Повесть моя очень длинная. Когда закончится охота и вы отдохнете, я вам все поведаю".

Заспешил Амира́н Дареджанидзе домой, и мы вернулись с ним. После трапезы, отпустив гостей, велел он позвать того человека и, усадив его возле себя, спросил: "Что стряслось с тобой, по ком ты скорбишь?" "По моему господину", — сквозь слезы сказал незнакомец. "Умер он, что ли?" — спросил Амира́н. "Нет! С ним случилось несчастье", — последовал ответ. Велел ему тогда Дареджанидзе рассказать, какое несчастье постигло его господина.

И начал тот человек так:

"Повелитель мой Бадри Иаманидзе — славнейший витязь. На перечислить всех деяний его, ибо повесть затянется и может наскучить. Скажу вкратце. Когда возмужал он, не было никого, кто мог бы сразиться с ним. Если доходила молва о каком-либо прославленном витязе, он отправлялся к нему, состязался с ним и возвращался неизменно с победой.

И вскоре уже никто не решался помериться с ним силою, — не было на свете ему равного. По той причине овладела им печаль, и не стал он ни охотиться, ни участвовать в пиршествах. Озабоченные этим горожане спрашивали друг друга, что случилось с Бадри Иаманидзе, почему он такой грустный.

Я был постельничим у своего господина и ночью бодрствовал у дверей его опочивальни. Однажды подошел ко мне некий старик араб и спросил: "Скажи-ка, о чем загрустил Бадри Иаманидзе?" Я объяснил. "Стоит из-за этого горевать?! — удивился старик. — Клянусь, найду я ему такого богатыря, что если он вздумает с ним сразиться, то проклянут день рождения своего и он, и тот, кто решится помочь ему".

И поспешил я доложить господину об услышанном. Обрадовался Бадри Иаманидзе, торопливо встал и велел позвать того человека. Я ввел старика в покои.

"Скажи, есть ли такой человек, который не уступал бы мне в силе?" — спросил его Бадри. "Есть!" — последовал ответ. "Кто же он?" — осведомился мой господин. И тогда сказал старик: "Отправьтесь на поиски царицы морей, и вы встретите в пути не одного, а много витязей,

весьма опасных в бою. Дорога же туда ведет такая, что не каждому пожелаешь вступить на нее". Спросил Бадри Иаманисдзе: "А кто может провести этой дорожкой?" "Ее лишь немного знаю я", — ответил старик.

И тогда велел господин мой вынести одеяние для старика и одеть его. А сам подзвал верного витязя своего Индо-Чабуки, того, что подобен льву, и рассказал ему про все, что было перед этим.

Клянусь вами, на следующий же день мы выступили, взяв проводником старика араба. Ехали пятнадцать дней и очутились на одной вершине, откуда открывался вид на огромное поле. Указав на него, наш проводник сказал: "Дальше я не поеду! Спуститесь, перейдите поле, и вы встретите тех, кого ищете, Я же буду ждать вас здесь пятнадцать дней, и если за это время вы не вернетесь, — уйду во свояси".

Возмутился Индо-Чабуки и, пригрозив старику, сказал: "Клянусь всевышним и славой моего господина, я отрубил бы тебе голову, если б не страх перед гневом божьим. Как ты осмелился сперва обнадежить властелина, а затем бросить его в пути?" Тот начал что-то городить.

Усмехнулся Иаманисдзе и сказал, обращаясь к Индо-Чабуки: "Умерь свой гнев, Индо! Клянусь жизнью, раз мы вознамерились стать витязями, то скоро выяснится, какие вы рыцари". И, оставив старика на вершине, мы двинулись дальше. Ехали долго, и наконец увидели шатер, возле которого привязан был конь. Предложил Индо-Чабуки: пойду, узнаю, чей это шатер, но не успел он подойти к нему, как вышел из шатра некий рыцарь рыжий и спросил: "Кто ты?", а затем стал бранить незванного гостя: "Знаю, что тебя, как многих других, нашедших здесь гибель свою, завлек старик араб..." Ответил ему Индо-Чабуки: "Не подобает мужчине браниться. Если ты рыцарь, давай сразимся". "Отступи от порога", — последовал ответ. отошел Индо-Чабуки от шатра и стал ждать.

И снова вышел к нему Рыжий рыцарь, но уже в доспехах. Сел он на коня и, направив его на гостя, замахнулся мечом. Тогда Индо-Чабуки схватил его руками, стащил с коня и, доставив к нам, сказал: "Вот кто дерзнул нагло разговаривать со мною. Рассудите теперь сами, что с ним делать".

Рыжий рыцарь пал на колени пред господином и, поклонившись, сказал: "Победа сопутствует тебе, о Носар из Нисры! Давно мы ждали тебя!"

Возразил ему Индо-Чабуки с достоинством: "Никакой это тебе не Носар, а Бадри Иаманисдзе!"

Мы двинулись дальше, прихватив с собой Рыжего рыцаря. Ехали долго и завидели наконец два шатра — большой и малый. Рядом был привязан конь вороной.

Приблизившись к шатрам, мы увидели некоего человека, погруженного в глубокий сон. Два раба — один у изголовья, другой в ногах — охраняли его с обнаженными мечами в руках.

Крикнул им Индо-Чабуки, кто, мол, вы такие. Рабы, приложив пальцы к устам своим, тихо сказали: "Уходите с миром, пока он спит безмятежно". Велел им тогда Бадри Иаманисдзе: "Разбудите этого человека, я хочу узнать, кто он?". Рабы ответили: "Пожалуйста и сами попробуйте его разбудить".

Возмутился Индо-Чабуки, соскочил с коня и ринулся к шатру. Набросились на него с поднятыми мечами те рабы, но он схватил одной рукой одного, другой — другого и, бросив их со всей силой на землю, промолвил: "Клянусь всевышним, мой господин повергнет вашего так же, как я вас..."

Между тем тот спящий витязь имел, оказывается, такую статью: пока его сильно не потрясут, не проснется. И с криком набросился на него Индо-Чабуки, стал трясти и будить. Тот открыл глаза, налитые кровью и страшные, а совсем очнувшись, сказал: "Знаю я... Должно быть, их тоже завлек сюда нищий старик араб. — И, повернувшись к нам, крикнул: — Уйдите, пока целы!"

Ответил ему Бадри Иаманисдзе: "Таковыми словами не поразишь нас, лучше попробуй ответить мечом!" Тогда предложил пробудившийся витязь: "Отойдите от шатра". И мы отступили немного.

Надел тот витязь доспехи и вышел из шатра. Клянусь вами, страшен был вид его. Индо-Чабуки хотел сразиться с ним первым, но Бадри Иаманисдзе остановил юношу: "Нет, брат, тут подобает сначала мне биться с ним".

Гарцуя, объехали один другого и сблизились. Ринулся тот всадник на Бадри и одним ударом поразил, его коня. Но Бадри Иаманисдзе схватил противника своими мощными руками, сорвал его с седла и со всей силою бросил оземь.

Очнувшись, произнес тот витязь: "Живи вечно, о Носар из Нисры! Ты добрый молодец, оказывается!" Удивились мы: кто же этот Носар из Нисры, что так они его боятся? И тогда рассказал нам Рыжий рыцарь подробно, как царь морей получил известие от Носара о том, что собирается тот посетить его царство и жениться на дочери его. Не выдавай ее замуж за другого, если жаждешь спокойной жизни для себя, — предупреждал Носар. И заключил свое слово рассказчик, обращаясь к Бадри Иаманисдзе: "А мы поджидали его здесь и думали, что ты — это и

есть Носар".

Мы двинулись дальше, снова взяв с собой Рыжего рыцаря, а другого витязя оставили на месте. И тогда обратился наш спутник к Бадри Иаманисдзе: "Хочу вам что-то сказать, но прошу выслушать без гнева". "Говори!" — велел Бадри. "Пожалей свою молодость, не омрачай чела родителя и возвращайся, ибо никому из людей не довелось быть там, куда ты замыслил идти. Если же думаешь одолеть того человека, которого встретишь, то знай, что он намного сильнее всех нас".

Недовольный словами этими, упрекнул Бадри Иаманисдзе Рыжего рыцаря: "Как посмел ты сказать это вслух!".

И мы двинулись дальше. Ехали долго и наконец спросили своего спутника: что нас ожидает впереди? Ответил Рыжий рыцарь: "Впереди — несметные полчища Черного рыцаря, сам же он расположился неподалеку от войска в двенадцати шатрах. Врагу не пожелаю с ними столкнуться, и узнать от них ничего не сможешь".

Долго еще мы ехали. Стали нам попадаться отряды, и мы пробивались сквозь густую толпу воинов. Многие из них распевали песни или сидели и пили, а завидев нас, восклицали: "Вот и приехал Носар из Нисры!".

"Видимо, добрый и славный витязь этот Носар из Нисры, что все его так ждут", — сказал Бадри Иаманисдзе.

И продвигались мы так почти до вечера и слышали, как воины воздавали хвалу своему Черному рыцарю. Наконец мы заметили вдали двенадцать шатров и среди них один большой шатер.

О нашем появлении, видимо, доложили Черному рыцарю, и он, выглянув из шатра, сказал своим воинам: "Смотрите, захватили они какого-то злополучного рыцаря и направляются сюда!" Потом громко спросил, показывая на нас рукой: "Не Носар ли это из Нисры?" "Нет! — ответили ему. — Это Бадри Иаманисдзе". Тогда вышел Черный рыцарь нам навстречу, и приветствовали мы друг друга. А потом для нас разбили большую палатку и принесли угощение. Вошел к нам и Черный рыцарь. У него был задиристый нрав, и он обычно искал ссоры, а в поединке, если одолевал противника, то уже не оставлял его живым.

Но в тот день он принял нас с большими почестями и дал насладиться отдыхом. А ночью прислал вестника, которому велел передать: "Хотя не время сейчас нарушать ваш покой, но таков мой обычай — должен предупредить, что предстоит вам завтра сразиться".

Возликовал Бадри Иаманисдзе и послал ему с тем же вестником ответ: "Видит бог, готов я помериться силами, да не мог, как гость, заговорить об этом первым".

Утром снарядился к поединку Черный рыцарь, сел на своего вороного коня и выехал в поле. Клянусь, если б довелось вам увидеть его тогда, возрадовалось бы ваше сердце. Снарядился и Бадри Иаманисдзе, выехал на своем белом коне, и оба — одно загляденье!

Сначала разъехались всадники, потом, направив коней навстречу друг другу схватились и лязг их мечей был подобен грому небесному.

Долго бились они, даже преломились мечи. Под конец разъярился Бадри Иаманисдзе, осадил он коня, да так ударил противника с размаху, что от правого плеча до левого бедра раскроил его.

Воины Черного рыцаря издали следили за поединком и, как только их повелитель принял смерть от меча, припустили коней, чтобы сразиться с нами.

Ни с чем не сравнима была доблесть Бадри, но если бы вы видели в той схватке Индо-Чабуки, то восхитились бы им также.

Мы обратили в бегство оруженосцев Черного рыцаря, и Бадри Иаманисдзе вступил в его шатер. Тогда подошел к нему Рыжий рыцарь и сказал: "Благословенна десница твоя, ибо нет на свете подобного тебе богатыря. Клянусь тобой, двенадцать самых отважных витязей пали от руки Черного рыцаря, и не думали мы, что найдется кто-либо сильнее его. Отныне начинается для тебя путь испытаний. Но вижу, не труден он будет для такого витязя, как ты".

Пробыли мы там неделю, освободили плененных ими людей и среди них одного по имени Юсиб. Возрадовался он полученной свободе и обратился к моему господину с такой речью: "Да будут благословенны десница твоя и мужество твое, что заставил ты Черного рыцаря кровью расплатиться за кровь стольких витязей и меня спас от его злой расправы. Ничем не могу воздать тебе благодарность, разве что верно служить в пути".

Спросил его Бадри Иаманисдзе: "А знакомы ли тебе дороги здешние?" "Знакомы!" — ответил Юсиб. Обрадовался этому Бадри Иаманисдзе и подбодрил Юсиба надеждой на воздаяние.

Мы двинулись в путь, и вскоре Юсиб сказал: "Три дня и три ночи нам предстоит среди зверей находиться". А когда мы очутились в безлюдной местности, пересеченной ущельями и скалами, Юсиб объяснил: "Отсюда начинается страна зверей".

И тут же перед нами появились два льва. Я вызвался убить их, и господин мой велел: "Убей!" Львы были сражены, и мы поехали дальше. Что долго рассказывать, увидели мы какого-то

зверя с огромным рогом на носу.

"С этим я сражусь, а вы поглядите"— сказал Бадри —Иаманисдзе, но Юсиб отсоветовал: "Этот не для тебя, прикажи, пусть Индо-Чабуки сразится с ним".

Выступил на коне Индо-Чабуки и, клянусь, как котенка, смял он того зверя. И сказал, глядя на это, Юсиб: "Поистине тяжела дорога, но для тех, с кем сейчас наш господин и вассал его Индо-Чабуки, она не страшна".

Направились мы в глубь страны, и вдруг увидели зверя, одним видом своим наводящего ужас. Величиной он был в слона, с двумя головами, раскинувшимися в разные стороны и извергающими пламя из пастей.

И сказал Юсиб: "Вот тот зверь, которого предстоит тебе сразить". Приказал тогда Бадри Иаманисдзе Юсибу: "Заклинаю тебя светилом небесным, садись на моего коня и замани зверя сюда, и ты убедишься в отточенности моего меча". Ответил Юсиб, смеясь: "Знаю, конь твой самый быстрый, а то не сел бы я на всякого. И, вскочив на белого коня, привлек он к себе внимание чудовища.

Кинулся зверь стремглав на всадника, но тот ускакал от него. Промчавшись мимо Бадри Иаманисдзе, крикнул Юсиб: "Настал час, о властелин, спаси меня". Сверкнул в воздухе меч и опустился на спину зверя с такой силой, что разрубил его пополам, да еще острием своим вонзился в землю.

"Благословенна десница твоя! — воскликнул Юсиб. — Тяжела эта дорога, но облегчит нам ее наш властелин".

Еще два дня провели мы в пути.

Какой-то человек крикнул нам с горы: "Идите, спешите ко мне" Он был опоясан змеей, а другую змею держал в руке и, как только приблизились мы, кинул ее на нас, а сам сгинул.

Поднялись мы на вершину, глянули вниз по ту сторону горы и увидели: лежат в низине два огромных дракона — один черный, другой белый.

И тогда решил Бадри Иаманисдзе: "Черный — мне, а белый —вам троим". Но Юсиб отказался от доли своей.

Взметнув копыя, направили коней своих: на черного дракона Бадри Иаманисдзе, на белого — Индо-Чабуки.

Поднялся черный дракон с разинутой пастью, чтобы проглотить витязя, но тут разгневался Бадри Иаманисдзе и вонзил в его пасть копые, да так, что оно на целую пядь вошло в землю.

Накинулся белый дракон на Индо-Чабуки, проглотил его по самый пояс и хотел убежать, но нагнал Бадри Иаманисдзе дракона и убил одним ударом меча.

И тогда сказал Бадри Иаманисдзе спасенному Индо-Чабуки: "Брат мой, помоги и мне, когда я буду в помощи твоей нуждаться" И ответил ему Индо-Чабуки: "Хвала богу, что создал он тебя таким рыцарем! "

Проехали мы всю страну зверей, а затем столкнулись с вооруженными эфиопами, охранявшими дороги и поджидавшими нас. Три тысячи всадников ринулись вперед. И пусть бог так покарает изменников ваших, как мы разделились с недругами и уничтожили их.

После битвы этой выехали мы к берегу моря и увидели город небольшой и красивый с горожанами славными. Встретили они нас с подарками и воздали нам хвалу. Пробыли мы в том городе три дня и отменно отдохнули.

Затем подъехали к самому морю, и сказал нам Юсиб: "Пока мы будем у моря, подплывут на ладьях отряды несметные с огромным рыжим человеком во главе. Не устоят наши латы перед их оружием, нам же не под силу будет поразить их латы. Если же мы убьем того человека, то мигом развеются отряды, и нет иного выхода для нас".

Прошел еще день в пути, и случилось все так, как предвидел Юсиб. Подплыли на ладьях несметные отряды, обстреляли и потеснили нас, и тогда крикнул нам Бадри Иаманисдзе: "Спрячьтесь в ладьях!" Спрятались мы, и подплыл к нам тот рыжий человек и крикнул: "Сдавайтесь!" Но Бадри Иаманисдзе мигом прыгнул в ладью рыжего главаря, ударил его мечом и убил.

Переплыли мы море свободно и увидели остров — страну морского царя. В стране той двадцать тысяч сел, и нет ей подобной в мире. Понравилась она Бадри Иаманисдзе. Ехали мы по ней три дня, и сказал нам Юсиб: "Здесь надо выставить дозор".

Вышел я и, не буду кичиться, неплохим был в ту ночь дозорным. Утром увидел мой повелитель, сколько перебил я людей и коней, и отблагодарил меня.

Ехали весь день, и когда спустились сумерки, снова сказал Юсиб: "Здесь нужен дозор". Он сам простоял в дозоре всю ночь и выдержал большой бой. Отблагодарил и его Бадри Иаманисдзе.

Прошло еще три дня, и сказал Юсиб: "Здесь нам нужен сильный дозор". Затем обратился он к Индо-Чабуки: "Тебе стоять этой ночью". И оказалось, что вдвое больше напало

отрядов, и, конечно, всех уничтожил Индо-Чабуки.

На исходе четвертого дня очутились мы в прекрасной местности, где росли высокие деревья, а под горой бил источник. "Здесь будет наша стоянка", — решил Бадри Иаманисдзе. Когда мы расположились, Юсиб наполнил чашу вином и сказал: "Ждем твоих велений, о лев над львами, но в эту ночь ты сам должен выехать в дозор".

Взял Бадри Иаманисдзе из рук Юсиба чашу, выпил и ответил: "В самом деле, так нужно! Клянусь жизнью своей, вы можете спать спокойно!".

Как только стемнело, сел Бадри Иаманисдзе на коня и умчался. Взглянув на него, Индо-Чабуки сказал: "Кто из нас, его товарищей, боится, тот достоин презрения".

В ту ночь мы не слышали ни крика, ни даже возгласа, а утром увидели, что Бадри один уничтожил врагов втрое больше, чем мы уничтожили все вместе. И сказал Юсиб: "Остался позади тяжелый путь, и уже приближаемся мы к городу".

Прошло еще три дня, и подъехали мы к воротам города большого и красивого. Выслал царь морей своих людей навстречу и велел им передать: "Славно твой приход, Бадри Иаманисдзе, слышал о мужестве твоём и радуюсь".

Вынесли и разбили для нас шатер, принесли яств разных, и мы услаждались весь день. На второй и третий день приходили горожане посмотреть на нас, и очень им понравился повелитель наш, которому не было равного по красоте и мужеству.

Мы уже стали думать, что не ждут нас больше никакие беды, но посланный царем морей человек передал такие его слова: "Сын мой Бадри, много бед обрушилось на тебя в пути — на земле и на море, из многих сражений, каких никто еще не видывал, вышел ты победителем, но хочу еще раз испытать твоё рыцарство. Есть у меня три богатыря, сразись с ними и докажи своё превосходство в силе, и тогда станешь желанным зятем моим".

Ответил на эти слова Бадри Иаманисдзе: "Прибыл я сюда из дома моего в поисках рыцарских дел. Если даже тысячу выставишь богатырей, пока не сражусь со всеми, не женюсь на дочери твоей, как бы ты этого ни желал".

Пошел Юсиб в город и, вернувшись, сказал: "Выведал и кое-что о тех людях: одного зовут Абаши, силы он отменной, другого — "Низкорослым" за его огромный рост, о третьем ничего не знаю но его хвалят. И так говорят: "С этими тремя никому не пожелаешь сразиться".

Прислал царь морей в подарок одеяния и велел передать: "Завтра предстоит тебе сразиться с Абаши". И возрадовался этому Бадри Иаманисдзе.

Высокая башня возвышалась над городом. С той башни собрался царь наблюдать за поединком. Рядом с собой усадил он дочь — царевну морей; жену и знатных вельмож. Ограды и кровли домов были усеяны людьми. Под звуки труб и грохот барабанов выехал Абаши, а навстречу ему — Бадри Иаманисдзе, и ринулись они друг на друга.

С утра до позднего вечера длилась эта схватка. И вот крикнул Индо-Чабуки: "Впервые вижу тебя таким, и, клянусь солнцем твоим, не похож ты сегодня на себя". Тогда припустил коня Бадри Иаманисдзе, откинувшись, с размаху ударил мечом по шлему и разрубил противника по самому сердцу. Загудело все вокруг, и воздали люди хвалу победителю.

Как узрел царь убитого Абаши, всплеснул руками, а затем вынес драгоценное облачение и поздравил победителя. И воскликнул вслед за ним весь народ, что не найти на земле рыцаря, подобного Бадри Иаманисдзе.

Шли дни. С заходом солнца садился царь пировать и посылал гостям дорогие подарки, вина и фрукты, а однажды велел передать: "Славен ты был в поединке и очень понравился мне, но пришло время сразиться тебе и с Низкорослым".

Обрадовала эта весть Бадри Иаманисдзе, и послал он царю ответ: "Я сам спешу, я готов сразиться с двумя витязями сразу".

Наступило утро. Вышел царь, пригласил вельмож и устроил пир. Все ограды и кровли домов снова были усеяны людьми. Забили барабаны, заиграли трубы, и поднялся шум такой же, как при первом состязанье.

Выехал рыцарь Низкорослый, такой огромный, что нельзя его ни с чем сравнить. Сел на своего коня Бадри Иаманисдзе и тоже выехал. Весь город собрался смотреть на них.

Противники бросили ратный клич и схватились. Ребяческой забавой показался первый поединок в сравнении с этим. Длилась эта схватка с утра до наступления сумерек. И тогда некий вассал Низкорослого припустил своего коня на Бадри Иаманисдзе и ударил его мечом. Увидел это Индо-Чабуки, разгневанный понесся на того вассала и со словами: "Пусть они сами решат исход поединка", — ударил его по шлему и убил.

Когда Бадри Иаманисдзе увидел, как замахнулся мечом Индо-Чабуки, то еще сильнее припустил коня и, крикнув: "Смотри-ка сюда, Индо-Чабуки", — обрушил острый меч на голову противника, и свалился тот мертвым на переднюю луку седла.

И тогда закричали в восторге горожане: "Да будут благословенны десница и удаль твоя!" — и забросали победителя золотыми и серебряными монетами и жемчугом. Бросился Юсиб подбирать драгоценности и прятать их за пазуху, мол, почему нам не собрать эти дары?!

А царь морей ударил с досады ладонью по колену, встал и сказал: "Кто этот витязь, что прибыл к нам и перебил мое войско и моих наемных богатырей?" Затем послал людей преподнести Бадри Иаманисдзе одеяния и поздравить с победой.

В тот же день созвал царь вельмож своих и велел передать дочери: "Я состарился, дочь моя, и ты являешься наследницей моей. Искал я для тебя мужа такого, которого никто не мог бы превзойти в ратной силе и удали. И нынче, дочь моя, не надо его больше испытывать, достаточно тех поединков, из которых он вышел победителем, и славных дел, им свершенных. Ни одному из вассалов наших не под силу состязаться с ним, и пусть он станет твоим мужем".

Ответила царевна морей отцу своему: "Не хочу я, выйдя замуж, думать, что есть на свете человек, который может одолеть мужа моего. Пусть померится силами с ним наш третий богатырь, если ж и он будет сражен, то подчинюсь я воле твоей".

Опечалился царь, опечалились и его вельможи, но не было у них другого исхода. Послал царь морей облачение в подарок Бадри Иаманисдзе и велел передать ему: "Знает бог, что не от меня исходит это решение, и сам ты услышишь, чья на то воля. Так, ныне ты должен сразиться и, если победишь, — будешь зятем моим".

Не стал противиться Бадри Иаманисдзе воле царя и ответил ему: "Знаю, о царь, что были постылы тебе те двое, которых пришлось мне сразить, а еще постыл третий, и если б даже не было на то веления твоего, не дал бы я ему избежать боя".

Утром царь, царица и дочь их заняли свои обычные места, а за ними расселись вельможи.

Царевна морей была облачена в багряницу златотканую, и сказал я Бадри Иаманисдзе: "Видишь, она как бы бестелесная и сияет как солнце".

Высыпал опять весь город на ограды и кровли домов, и все, стар и млад, оплакивали Бадри Иаманисдзе, который первым выехал на ристалище. Его противник Азарманик выступил вслед за ним. Тогда обратились вельможи к царю и царевне с просьбой такой: "Воспрепятствуйте поединку этому, а то может погибнуть тот, с кем вы собираетесь породниться". Но не смогли вельможи уговорить царя и царевну, и тогда обратились они к Азарманику, умоляя его не вступать в бой. Рассвирепел Азарманик, стегнул плетью коня и, наехав на вельмож, поверг их наземь.

Когда Азарманик появился на ристалище, мы поглядели на него и решили, что не походит он ничем на двух сраженных витязей.

Прислал он железную пику, длиной в десять локтей, и предложил: "Я себе тоже возьму такую, и сразимся мы нынче".

Взял Бадри Иаманисдзе в руки пику, испробовал ее. Обошли кони, гарцуя, друг друга, и сразились витязи. Длился бой с утра до наступления сумерек, но ни один из них не добился перевеса. Тогда повернул Азарманик коня к городу, а Бадри Иаманисдзе вернулся к своим.

Доложили вельможи царю обо всем и так заключили речь: "Никто не сможет осилить того человека, с которым ты заставил сразиться Азарманика, и не пришли они ни к чему. Так не заставляй их больше испытывать силы".

Сам царь хотел того же, но не мог он уговорить царевну.

В ту ночь сидели мы за столом и пировали. Вдруг кто-то вызвал Юсиба. Вышел Юсиб и долго не возвращался. Наконец явился и такой повел разговор: мол, если не одарите, — не скажу ничего. Обещал ему Бадри, поклявшись, и тогда доложил Юсиб: "Прислала невеста твоя в подарок коня". Так обрадовался этому Бадри Иаманисдзе, будто весь мир ему подарили.

Позвали посланца царевны, а потом привели коня, покрытого паласом меховым и златотканым. Ничего, подобного этому коню, не видел глаз человеческий. И передал посланец слова царевны: "Белый твой конь устал от многих войн и сражений. Нынче сразись с Азармаником на этом коне".

Ответил Бадри Иаманисдзе благодарением царевне и еще сказал: "Понимаю я, что хотела сказать, о царевна, ты этим подарком: если вчера показался ты мне неудачливым, то ныне покажись совсем другим. Знаю я, что ты и отец твой хотите смерти Азарманика, и я сражу его в поединке. Больше этого чего вам еще?!".

А утром послал Бадри Иаманисдзе человека к царю с просьбой: "Вели, о царь морей, Азарманику сразиться со мной. Наш поединок вчерашний был забавой. И пусть он скроет под доспехами уязвимые места свои. Я тоже так поступлю, и мы будем биться до решающего исхода".

Удивились царь и его приближенные такому рвению ратному. И царь послал ему ответ: "Готовься к завтрашнему дню".

В ту ночь сели мы пировать, и снова явился посланец от царевны и вызвал Юсиба. Вернувшись, Юсиб доложил: "Прислала невеста твоя меч и велела передать: пристегни его к поясу и этим мечом сражайся".

Хвалу воздал мечу Бадри Иаманисдзе и благодарность царевне, и так ответил: "Узришь ты завтра, плохой ли будет муж у тебя".

Наступило утро, и снова царь и царица заняли свои места, а царевну усадили посредине. Сидела она, солнцеликая, в таком лучезарном одеянии, что само солнце, казалось, поблекло перед ней. Расселись и вельможи, и весь город вышел смотреть.

Заиграли трубы, забили барабаны, но плакали все, потому что думали, что осилит Азарманик своего противника. Вот выехал Азарманик, и, клянусь вами, страшен был его вид. Все места, уязвимые для меча, были прикрыты на нем и на коне доспехами.

Выехал и Бадри Иаманисдзе. Взял он с собой три меча, как обычно. Столько же взял Азарманик. Обошли кони, гарцуя, один на одного, и сразились витязи.

Клянусь вами, не похож был тот бой на их первую схватку, и никто еще не видел подобного единоборства. Оно длилось с утра до вечера. И нельзя было ничего слышать в грохоте боя, в громе труб и барабанов.

Преломилось по два меча у каждого, и тогда крикнул Юсиб: "Взгляни на свое солнце, и почему забыл ты о мече, царевной присланном?" Как только донеслись эти слова до Бадри Иаманисдзе повернул он коня круто и с возгласом "Посмотри теперь, как разит мой меч", — понесся на противника.

Испугался Азарманик и ускакал прочь, но настиг его Бадри Иаманисдзе и так ударил по спине, что рассек до самого живота, и тот пал мертвым.

Вскочил царь и всплеснул руками. Радость объяла город, и воздали все хвалу Бадри Иаманисдзе. Стали преподносить дары царю и царице, и началось ликование. С почетом приглашен был Бадри Иаманисдзе, и мы с ним пошли во дворец. Вышли навстречу нам царь и царица и в тот же день справили свадьбу. Воссели рядом Бадри Иаманисдзе и царевна морей, и, глядя на них, все говорили, что не найти лучше них юноши и девушки. И не пожалел город для них своих сокровищ, оставив для себя самое малое.

Три месяца провели мы в радости и веселье. Затем послал царь гонцов во все стороны своего владения и созвал войско огромное. Две тысячи всадников в полном снаряжении привезли так много сокровищ, что любому царю хватило бы на то, чтобы создать казну.

И тогда снял царь морей с головы своей венец и возложил, его на Бадри Иаманисдзе. Стали все одарять Бадри дарами несметными, но он вернул венец царю морей и сказал при этом: —Дай бог вам прожить тысячу лет и царствовать во славу, а мне до тех пор будут сопутствовать удача и радость, пока вы властвуете по воле своей".

Поблагодарил его царь морей, и так закончил Бадри Иаманисдзе свою речь: "Царство у меня великое, но стал я поборником рыцарства и здесь познал силу рыцарства своего, но дом мой и отчизна об этом не ведают". И потому грусть запала в сердце Бадри Иаманисдзе.

Заметил это во время пиршества царь морей и спросил: "Отчего ты загрустил? " Промолчал Бадри, и тогда сказал ему царь: "Неужели решил вернуться на родину, к себе домой? Что ж, иди, а когда захочешь, возвращайся сюда. Отныне ты царь всех царей".

Обрадовался словам этим Бадри. А Юсиб воскликнул: "Удивительно, можно ли оставить такой дом и пойти к себе? "

Засмеялся царь и спросил: "Скажите, заклиная вас, хорошо или плохо в доме у Бадри?" Юсиб поспешил ответить: "Плохо, клянусь богом, плохо". Засмеялся Бадри и сказал про Юсиба: "Я в пути вызволил его из неволи, и он часто сам не знает, что говорит". И тогда решил царь морей: "Снаряжайся в дорогу с женой своей, а сокровища оставь пока здесь, их я пришлю с моими людьми.

Отдал ему царь златотканые одеяния и ставры, жемчуга и другие драгоценности. Снарядили в дорогу сто верблюдов и тысячу мулов и взяли с собой войско большое — сто тысяч всадников.

Переплыли мы море, и на том берегу перед нами возник город прекрасный. Остановились мы возле него, и сказал Юсиб Индо-Чабуки: "Здесь не следует оставаться", но не решился объяснить, какая грозит нам опасность.

Отдалились мы от войска своего — Индо-Чабуки, Юсиб, я и царевна. И сказал Юсиб Индо-Чабуки: "Это — страна дэвов, нам надо быть очень осторожными". Но не посмели мы доложить об этом Бадри.

В час полночный подкрался Бакбак-дэв и похитил спящего Бадри Иаманисдзе. Утром стали мы искать его среди воинов, но даже следов не нашли. Пошел Индо-Чабуки разыскивать Бадри, и тоже исчез.

Тогда вернулись мы обратно и доставили царевну ее отцу — царю морей.

Поднялся плач неистовый, и причитали люди: "Как спасти Бадри? Как вызволить его?"

Послал царь войско, но оно не могло вступить в страну дэвов, его разбивали и обращали в бегство. Тогда задумался царь и сказал: "Нашел я исход!" Вопросили вельможи: "Какой? Скажи нам, прикажи" Царь молвил: "Пошлем человека к Носару из Нисры, который писал нам прежде — приеду, мол, и женюсь на твоей дочери. Может быть, поможет он? " И все одобрили это решение.

Приказал царь мне с Юсибом отправиться к Носару из Нисры и рассказать обо всем, что

случилось.

Достигли мы Нисры и явились к Носару. Сидел он в саду своем, пировал с вельможами и наслаждался, слушая певцов.

Подошли мы, поклонились, и спросил он нас: почему вы в трауре? Рассказали мы обо всем.

Обернулся он тогда к витязю своему Али Диламу и спросил: "Слышишь ли?" "Слышу, о лев над львами, — последовал ответ, — пойдем, вызволим того человека из беды".

Клянусь вами! На следующий же день мы двинулись в путь, и взял Носар с собой своего витязя Али Дилама.

Глава третья

СКАЗ О НОСАРЕ ИЗ НИСРЫ

Три дня мы пробыли в пути. Приближаясь к городу Носара, встретили женщину, которая плакала и причитала: "Ой, где ты был, Носар, когда люди коварные завладели городом твоим?!" Город стоял разоренный и сожженный. Оказывается, напали на него турки разрушили стену крепостную и овладели им.

"Когда это случилось?" — спросил Носар. "Нынче", — ответила женщина, и увидели мы, как по долине спускаются вниз отряды, что разграбили город.

Сказал нам тогда Носар: "Поглядите и убедитесь сами, смогу ли я вызволить вашего повелителя".

Вскочил он на вороного коня и один помчался догонять отряды. Клянусь вами, никто еще не видел подобной битвы. Перебил он их и рассеял так, что казалось, гнев божий обрушился на них, "Радуйся! — сказал мне Юсиб. — Этот человек с легкостью спасет нашего Бадри". Вернулся Носар, и воздали мы ему хвалу.

Спросил нас Носар: "Знаете ли вы дорогу?" Юсиб доложил: "Знаем! Одна длинная, но мирная, а другая короче, но чревата бедами. Какой прикажешь ехать, той и поедем". Носар решил: "Поедем по той, что короче".

Проехали мы двадцатидневный путь. То звери на нас накидывались, то войска вражеские нападали. Но уничтожали мы их и двигались дальше. Но вот заградили нам дорогу несметные отряды. Доложил об этом Носару Али Дилам, и разрешил ему тот принять бой. Клянусь вами, понравился бы вам Али Дилам, если бы видели вы его в бою.

"Не помочь ли ему?" — спросили мы Носара. "Если он не кто иной, как Али Дилам, то в помощи не будет нуждаться". И вправду, перебил он врагов и рассеял, как подобало. А когда вернулся, вознаграждал его Носар со всей щедростью своей.

Двинулись мы дальше. Прошло еще три дня. Достигли невысокого хребта, на который поднималось три человека, восседавшие на львах. Слышим, говорят один другому: "Смотри, кого-то соблазнил Юсиб и ведет сюда". Крикнули они нам дважды: "Все равно не уйти вам от нас, потому поспешайте".

Вскочил Носар на своего вороного коня и, приказав нам: "Побудьте здесь!", — поскакал и быстро перевалил за хребет.

Прошло много времени, и предложил Али Дилам: "Поедем поглядим, что сделал с ними Носар". Когда поднялись на гору, то увидели несметное число убитых людей и коней. И те трое, что восседали на львах, тоже были убиты. Но следов Носара не смогли мы обнаружить и не знали, куда он исчез.

Впали мы в тяжкие думы, но прошло немного времени и появился Носар, ведя за собой кого-то. Когда подошли они, увидели мы странного человека. Он имел два лица. Один лик был черный, другой — красный, как кровь. Черным он говорил по-персидски, а речь красного лика нельзя было понять!

Он только и знал, что умолял нас: "Не убивайте меня! Все племена верят в бога, и да будет он свидетелем, что смогу я сослужить вам службу большую". Сказал ему Юсиб: "Непременно уьем, так и знай!" Еще пуще испугался тот и взмолился. Тогда Носар сказал ему: "Не бойся, братец, тот человек шутник, ты же поклянись богом, что не будешь вероломным. А то, знай, — меня не обманешь!"

Поклялся тот человек и сказал: "Здесь вот две птицы чудовищных размеров, и нет силы, которая их одолела бы". Приказал Носар "Едем скорее. С ними не трудно будет справиться. Я, Юсиб и Али Дилам ехали полем, а Носар — отдельно от нас стороной". Вдруг налетела огромная птица на нас троих.

Крикнул Юсиб: "Помоги, Носар!" Припустил коня Носар, и не успела птица

взлететь, как ударил он ее мечом и убил, как кошку. Была та птица величиной в слона. Удивился исходу человек двуликий и спросил: "Есть ли на свете рыцарь, подобный этому человеку?!"

Второй птицы не оказалось на месте, и мы ушли оттуда. И тогда сказал двуликий человек: "Нам нужен будет дозор ночной". Дозорным назначили меня. Ночью подступило войско, и я уничтожил его.

Поехали дальше. Во вторую ночь в дозоре стоял Юсиб и было спокойно. Про Юсиба могу сказать: хоть с виду он немощен, но сердце у него редкое, лучшего не найдешь!

На третий день сказал тот двуликий человек: "Здесь нам нужен, хороший дозор!" И встал Али Дилам. Напало ночью вдвое больше рядов, и поступил он, как подобало его рыцарскому достоинству, — уничтожил и рассеял врагов, словно обрушил на них гнев божий.

Поехали дальше, и прошло еще три дня. Вдали показалась крепость. Спросил Носар: "Чья она?" И ответил двуликий человек: "Это — крепость дэвов, и заключен в ней лев над львами Бадри Иаманисдзе". Решил тогда Носар из Нисры, что, пока не освободит его, никакими другими делами не займется.

Предупредил его двуликий человек: "Здесь ты сам стой в дозоре, но только постарайся не заснуть". В ту ночь до самого рассвета слышался лязг и звон мечей. А когда окончилась битва, заснул, оказывается, Носар из Нисры. И тогда появились два брата — дэвы Бакбак и Хазаран, окопали они вокруг Носара землю величиной с гумно и унесли его вместе с нею.

К тому времени совсем рассвело, пробудились мы и видим — много войска чужого перебито, а Носара не видать. И впали мы в большое горе. Али Дилам напал было на след, но затерялся тот след на дороге. Сказал тогда Юсиб: "Если б убили того двуликого человека, то ничего не случилось бы".

Вознегодовал человек двуликий: "Что я сделал дурного тебе, сожитель ты блудницы!" Обругал он Юсиба и удалился. А Юсиб повторял свое: "Говорил же я, что это он причина наших бедствий!"

Мы поехали дальше и прибыли в Йемен, к витязю Йемена, а тот отправил нас к тебе и велел передать: "Всех выше ты именем своим, Амиран Дареджанисдзе. Я же стар и немощен, а то, бог свидетель, не нуждался бы в помощи для деяний рыцарских. Но ныне нет былой моей доблести. Сын мой Бадри полонен дэвами. На поиски его вышел тот лев, что Носаром из Нисры зовется, но и он за грехи мои пленен неожиданно. Теперь только в деснице твоей их спасение, и что подскажет бог рыцарской совести твоей, то и сделай!"

Тогда сказал Амиран Дареджанисдзе: "Во-первых, знайте, что выступлю я без сомнения, только ждать ли нам Абана Каманисдзе и других рыцарей или идти без них?"

Я так ответствовал ему: "Живи века долгие, Амиран Дареджанисдзе. Но уж если решил ехать, то нужно поспешить, не то опоздаем и погибнут наши витязи".

Глава четвертая

СКАЗ ОБ АМИРАНЕ, СЫНЕ ДАРЕДЖАН

Внемли, о царь царей! Живи вечно, и да возвеличит бог друзей твоих и унизит недругов.

В тот же день сам Амиран Дареджанисдзе, я — Саварсимисдзе — и человек в трауре отправились к рыцарю Йемена. Встретил нас Иемен-Чабуки. Был он стар, но статен и, видимо, слыл когда-то львом-рыцарем.

Горькие слезы пролил Иемен-Чабуки и молвил: "Нечего мне больше сказать тебе, сам решай, что делать, — в тебе наша сила и надежда".

Успокоил его Амиран: "Единственное, что могу обещать тебе: или умру с ними, или вызволю их из беды".

Мы оставались там один день и попросили дать проводника. Привели нам опять Юсиба.

Двенадцать дней мы пробыли в пути и оказались у того места, где был похищен дэвом Бадри Иаманисдзе. Юсиб первым указал нам это место, и тогда сошел с коня Амиран и пролил слезы.

Поехали мы дальше и еще три дня провели в пути, и повстречался нам тот же двуликий человек. Поклонился он Амирану и сказал: "Поклялся я Носару из Нисры и не нарушу клятвы.

Если не смог я до сих пор сослужить ему службу, то ныне, когда вы едете искать его, я всей душою с вами, и служить буду, как могу".

Юсиб с неприязнью обратился к двуликому: "Опять ты появился, прелюбодей и убийца?" Но рассердился Амиран за эти слова на Юсиба и успокоил двуликого: "Будь благословен, брат наш". И последовали мы за тем человеком.

Внимай дальше рассказу моему, о царь царей!

Возникла перед нами крепость высокая, и осведомился Амиран Дареджанисдзе, чья она? Ответил ему двуликий человек: "Принадлежит она дэвам, и заточены в ней львы-рыцари Али Дилам и Индо-Чабуки. Когда их повелитель был схвачен дэвами, они кинулись вослед и вступили в схватку жестокою, но одолели их дэвы колдовством, и вот они сейчас в этой крепости".

Провели мы ночь на месте, а утром Амиран надел на себя доспехи, взял щит и меч и пошел к крепости. Поднялись навстречу ему войска бесчисленные, стали забрасывать его камнями, но ринулся он вперед, и поддались ворота. Овладел Амиран крепостью и нашел в ней рыцарей обоих — Али Дилама и Индо-Чабуки, но оказались они такими изнуренными, что пришлось оставить их в крепости под охраною человека в черном.

Запечатав двери сокровищниц, покинули мы, трое, крепость и с нами — тот двуликий человек.

Приехали к тому месту, где вырыта была земля, и сказал наш проводник: "Здесь был схвачен дэвами Носар из Нисры".

Предстоял нам путь еще долгий, но отказался двуликий человек следовать за нами: "Не поеду я дальше, и не знаю ничего, скажу только, что и трех дней не пройдет, как встретится вам лес — обиталище многих зверей. Когда вступите в него, остерегайтесь неожиданностей, и больше ничего я не знаю".

И сказал ему в насмешку Юсиб: "Вот такой и нужен был нам проводник". Удалился молча двуликий человек, а мы поехали дальше и вскоре же увидели лес.

Клянусь богом, и тобой клянусь, о царь, пятьсот львов и тигров убили мы в этом лесу и, пройдя его, вышли к широкой реке.

Видим — лодка с гребцами. Поклонились нам они и спросили: "Не придворные ли вы рыцари?" "Да, придворные", — ответили мы. "Так прикажите — переправим вас", — предложили гребцы. Сели мы в лодку и отплыли от берега, и как только достигли середины реки, — исчезли те гребцы со своей лодкой, и мы очутились в воде.

И тогда взял Амиран одной рукой меня под мышку, другой — Юсиба и поплыл. Когда выбрался на берег, воскликнул: "О боже, от какой беды мы спаслись!".

Пошли мы дальше, и видим скалу огромную, и в ней пещеру. Вышел из нее великан дидо в красном и приветствовал Амираана Дареджанисдзе: "Благо, что пришел ты! Потом посадил его на ладонь и сказал: "О, как ты мал, и кто же ты такой?" Ответил за Амираана Юсиб: "Самый ничтожный из людей". Не стерпел великан и сказал Юсибу: "Хитро плетешь ты сети, уже попали двое к дэвам, теперь и этого ведешь?" Ответил Юсиб великану: "Несчастный! Какой ты злой и жалкий, а что говорить обо мне?"

Обратился Амиран к великану: "Скажи, брат, кто ты?" И начал тот рассказывать: "Я был царем великанов. Дэвы уничтожили мое войско, а меня изгнали, и стал я одиноким". Опять заговорил Юсиб: "Если ты был так немогуч, что потерял свое царское достоинство, то было бы лучше, чтобы тебя не стало совсем".

Обратился к Амирану великан: "Куда держишь путь? Если ты рыцарь благородный и я смогу послужить тебе с пользою, то обещаю, что вернешь мне мою отчизну".

Дал обещание Амиран, поклялся вернуть ему царство. Присоединился тогда царь великанов к нам, и пошли мы дальше.

Пройдя местность скалистую, мы очутились в ущелье, перед высокой и крутой скалой. Выползла на ту скалу змея-чудовище и зашипела на нас. Подползли со всех сторон еще другие змеи. Убивали мы их, и уже надоело это, а им все не было конца. Тогда натянул Амиран Дареджанисдзе тетиву, пустил заостренную, как меч, стрелу и отсек голову той змее, что выползла на самую вершину скалы. И сразу сгнули все змеи.

Появился на скале человек и крикнул: "Если вы думаете, что хорошо поступили, убив змею, то сейчас убедитесь в своей ошибке". Вышел другой человек и спросил: "Эти люди посмели убить нашу змею?" И оба спрыгнули вниз, отворили врата той скалы и выпустили на нас трех чудовищ-драконов. Один был черный, другой — белый, третий — красный.

И сказал, готовясь к бою, Амиран Дареджанисдзе: "Черного мне, белого тебе, Саварсимисдзе, а красного Юсибу". Но Юсиб отказался: "Возьми и моего себе".

Стали наступать драконы на нас, а мы на них. Как только приблизился красный дракон, ударил его Амиран и убил. Я сразился с белым, тут подоспел Амиран и убил его одним ударом. Но в этот миг набросился сзади черный дракон, проглотил Амираана и убежал. Настиг я его, но лишь хвост успел отрубить. Вбежал дракон в убежище свое, а там и след его простыл.

Стали мы оплакивать Амирана, а он в это время, оказывается, достал из-за голенищ два ножа острых, распорол дракону брюхо и вышел наружу, весь запачканный кровью. "Плохо же вы помогли мне", — сказал нам с упрёком Амиран.

Несметные сокровища нашли мы в убежище драконов, наложили печати на них и пошли дальше. За два дня прошли, казалось, от края до края земли.

В пути пристал ко мне какой-то великан с одним глазом на лбу и сказал: "Несчастны вы, что доверились Юсибу, обманул он вас". И попытался тот великан схватить меня. Долго сражались мы, и я убил его. Потом рассказал Дареджанидзе, что было со мной, и показал на убитого.

Удивился Амиран, увидев такого большого человека, отблагодарил меня щедро и сказал: нелегкую победу, мол, одержал ты.

Слушай дальше, о царь царей. Живи долгие века!

Еще три дня пробыли мы в пути. Встретилась нам плачущая женщина. Спросил и ее: "Что случилось с тобой?" А она задала вопрос: "Нашей ли вы веры?" "Да", — ответили мы, и тогда рассказала та женщина: "Вспомнила я Бадри Иаманидзе, того льва отважного, и плачу по нем. Когда дэвы околдовали его и схватили, то и меня полонили, и с тех пор брожу я здесь, как неприкаянная. Прикажете накормить вас?"

Мы в тот день не настреляли дичи и проголодались изрядно, и потому приняли предложение. Привела нас женщина к подножию скалы, отворила двери в свое убежище и впустила Амирана Дареджанидзе. Но дэвом оказалась та женщина. Подкатила она глыбу к дверям изнутри и отделила от нас Амирана.

Видит Амиран: сидит перед ним человек с одним глазом на лбу.

"Хорошо, что пришел ты, Амиран Дареджанидзе! И разве плохо поступил ты, что надумал прийти к нам?" — промолвил тот человек.

У Амирана был обычай: оказавшись в беде, наступал на противника с кличем: "А ну, сразись, сильнейший из сильных". Но тут он поступил иначе и сказал: "С миром пришел я, но для тебя, тому свидетель бог, было бы лучше не встречаться со мною совсем".

Появился тут юноша, тоже с одним глазом на лбу, и сказал тому человеку: "Знаю, отец, что ты надумал убить этого витязя. Так повали его передо мной, а я — убью".

Мы же стоим перед дверью и не можем помочь Амирану.

Разгневался Амиран Дареджанидзе, схватил дерзкого юношу за ноги да так швырнул его, что дух выбил из него. Вскочил отец, набросился на витязя, и долго боролись они. Наконец удалось Амирану одолеть дэва, бросил он его на землю и выколол саблей глаз.

Взмолился поверженный дэв: "Не убивай, заклинаю тебя, и так я уже без глаза".

А в это время Амиран схватил ту женщину, что завлекла нас сюда обманом. "Ты еще многих околдуешь", — в гневе сказал Амиран и убил ее. Потом отвалил глыбу от входа, и мы вошли.

Лежал дэв еле дыша, не хотел Амиран лишать его жизни, но тут обнажил свой меч Юсиб и убил дэва. Рассердился Дареджанидзе на Юсиба, а тот сказал в оправданье: "Не гневайся, повелитель мой, он еще других завлек бы и обманул".

Нашли мы в том логове много сокровищ, запечатали все и ушли. И больше ничего не случилось с нами в тот день.

Перед наступлением ночи предупредил Юсиб: "Здесь нужно будет выставить дозор", и сам же бодрствовал ночью и уничтожил всех, кто напал на нас.

Утром мы пошли дальше, а ночью охранял я покой и тоже истребил всех нападавших. Но чем дальше шли, тем опаснее становилось, и следующей ночью в дозоре стоял сам Амиран Дареджанидзе.

Подступило большое войско, и справился с ним Амиран. Затем появились оба дэва — Бакбак и Хазаран, но Амиран заснул. Стали дэвы окапывать место, на котором лежал витязь, чтобы унести его, как Носара из Нисры, но вздрогнул Амиран, пробудился и с криком "О-го!" бросился на Бакбака. Испугался Бакбак и убежал, и тогда сразил витязя мечом своим Хазарана.

Подошли мы к крепости, в которой томились в неволе Бадри Иаманидзе и Носар из Нисры. Неприступной оказалась та крепость, невозможно было проникнуть в нее, и простояли мы под высокими стенами неделю целую и все надеялись, что выйдет Бакбак, но дэв не появлялся, и мы совсем потеряли надежду выманить его.

Оказавшись беспомощными, мы вдруг услышали вопрос Юсиба: "А куда делся наш коварный дидо-великан?" Как только произнес Юсиб эти слова, появился великан и спросил, нашли ли мы способ проникнуть в крепость. "Нет!" — ответил ему Амиран.

"Идите за мной", — сказал дидо и повел нас к тому месту, где под самой стеной росла куша деревьев прекрасных, а из-под корней выбивался источник. Каждый день прилетала сюда птица большая, опускалась, пила воду и снова залетала в крепость. Сказал дидо Амирану: "Если ты, рыцарь, бесстрашен, то научу тебя, как попасть в крепость. Постарайся ухватиться за ноги той

птицы, что прилетает к роднику. Она взлетит — и ты очутишься в крепости".

Возразил Юсиб: "Ах, какой ты, оказывается, злой, нам на беду! По своему подобию и способ коварный придумал".

Устроил под этими деревьями засаду Амиран Дареджанисдзе. Как только опустилась птица, бросился он к ней, ухватился за ноги, и взлетела птица вместе со своей ношей. Подняла тревогу в крепости стража: "Появился, появился!"

Когда поравнялась птица со стеной, прыгнул вниз Дареджанисдзе и обнажил меч. Истребил он всю стражу, прокладывая себе путь к воротам тюрьмы, из которой доносились призывы заключенных о помощи. Разбил Амиран ворота и освободил узников. Вышли на волю Бадри Иаманисдзе и Носар из Нисры, и еще больше полегло в крепости врагов. Бакбак пытался спастись бегством, но настиг его Носар из Нисры и убил.

Пробыли мы в крепости неделю и нашли в ней сокровища несметные. Навьючили ими пятьсот верблюдов, а город с крепостью и часть сокровищ передали царю великанов за помощь, оказанную нам.

На обратном пути прихватили сокровища, оставленные за семью печатями там, где были убиты драконы и где повстречался, дэв в образе плачущей женщины.

Потом прибыли в крепость, где дожидались нас Али Дилам и Индо-Чабуки, и оттуда забрали сокровища, которым не было счета.

И разнеслась весть по всей Аравии, весть о витязях, убивших драконов и дэвов и везущих с собою несметные богатства. Двинулись полчища по следам нашим, и пришлось с ними сразиться нам — все тем же трем рыцарям-львам и их верным слугам.

Клянусь, не могу сказать, кто из трех витязей оказался приметней в бою, — один был отважней другого.

Три дня длилось сражение, и костями легли те полчища, божья кара постигла их, И тогда выстроили на том месте каменный дом и изобразили на его стенах трех витязей и нас, их вассалов.

Вернулись мы к Иемелу-Чабуки, побыли у него неделю, и еще больше сдружились рыцари и поклялись друг другу в вечном братстве. И все вместе они были силой поистине неодолимой.

Потом поделили сокровища на равные части и разъехались по домам.

Здесь заканчивается глава, о царь индов, о Бадри Иаманисдзе, Носаре из Нисры и Амиране Дареджанисдзе, и да будешь ты жить вечно и царствовать по воле своей!

ИОАНН ШАВТЕЛИ

АБДУЛМЕССИЯ

(Отрывки)

1

Бог, единый в троице, всеправый,
Да поможет мне не для забавы.
Как Давид, на гуслих заиграю,
Я принес "Хвалу" царю державы.
Зевс меня призвал, и пожелал я
Образ твой восславить величавый.
Ныне, поучая неразумных,
Свет открою мудрости и славы.

2

Мудрые афиняне, внемлите,
Как Давида хвалят, посмотрите.
Хвалит весь Восток: Китай, Египет,
Хвалит Запад: в Сирии, на Крите.
Византийцы, эллины! Сократу
Равными себя хотя вы мните,
Звездочеты, что бранят друг друга,
Не трудитесь, молча отойдите.

3

Пусть мне скажут, правду соблюдая:
Средь людей найдется ль мощь такая?
Сей эфир, сияющий, как солнце,
Нам ниспослан господом из рая.
Мы подобных витязей не сыщем,

Мир пройдя от края и до края,
Не сравнится с высотой небесной
Бездна ада, мрачная и злая.

4

Похвалу начать дерзну я ныне,
Людам расскажу о властелине-
Бодром, доблестном, красноречивом,
Уподобившем страну твердыне,
О царе, изменников разящем,
Чтобы в адской мучились пучине,
О затмившем царственных потомков,
Полном мудрости и благостыни.

5

Где начало? Бог всего живого
Дал Давиду клятвенное слово:
"Превращу в царей твоих потомков,
Во владык престола золотого".
Вот и стал Давид царем державы
Изволеньем бога всеблагого.
Так возвышен Сим благословенный,
И от Хама ты спасен дурного.

6

Он миропомазан, крепкий станом,
Не Ионатаном, а Натаном.
Прекратил он смуту и разбой,
Мир настал с покоем долгожданным.
Так Давид могучий бодро правит,
На погибель злым, на страх смутьянам,
Он установил закон и веру,
Стал для нас оплотом богоданным.

10

Он людей согрел: так солнцем лета
В зодиаке Льва земля согрета.
Он священниками восхваляем,
Племенами, сторонами света.
Звери, горы и леса, и доли
Перед ним склонились в знакпривета.
Сокрушает он врагов коварных —
Скопища предательства, извета.

11

Да прославится Давид великий,
Чьих побед мы всюду слышим клики,
Он уничтожает вражьи рати,
Перед ним трепещет варвар дикий.
Верным - друг, врагам несет он гибель,
Стройный, мужественный, солнцеликий.
За него умру, отдам я душу, -
Кто же разлучит меня с владыкой?

15

О Сирах, Кронос, Энос с Зеноном,
Вам ли спорить с ним, непревзойденным?
Лучше в лад десятиструнной арфе
Восхвалите вы его с поклоном!
Он затмил Утрута и Саама
Волей, силой, нравом непреклонным.
Что пред ним Салим и Тур бесчестный?
Что Ростом пред ним, для битв рожденным?

16

Отпрыск он от корня Иесея,
Он живет, об истине радея,
Государством девы Непорочной
Полноправно Грузией владея,
Войско агарян обрек на гибель,
Верую святою пламенея...

От халифа поступает подать:
Сделал царь своим слугой злодея!
17

Все народы по песку гадают,
В летописях роются, читают:
"Он - поток живой воды из рая!" –
Глядя на Давида, рассуждают.
Говорю я: вот горят светила,
Но они от зависти страдают:
"Даже солнце перед ним померкло! "
Так они, пылая, утверждают.
18

Благоденствует его владенье,
Вкруг него - семи планет свеченье.
Как луна, весь мир заемным светом
Блещет перед ним в благоговенье.
Как магнит - железо, так народы
Витязя притягивает зренье.
Радости познал я преизбыток,
Вечно длится наше наслажденье.
19

Он - непобедимый повелитель,
Стройный витязь, доблестный воитель,
Он - градоправителей владыка,
Грозных полководцев предводитель.
Лучший лучник, всадник, меченосец,
Он - врагов бесчестных покоритель.
Что пред ним астролог с талисманом?
Он - провидец, мира устроитель.
21

Сказано: "Где правда утвердится,
Там и куст засохший возродится".
Ты отверг роскошные наряды,
У тебя из шерсти власяница.
Для тебя и Силоам воздвигнут,
Ты - как лев, грозна твоя десница,
Ты врагов разбил средь вод Геона,
Легион твоей стрелы боится.
26

Вечен ты, как правоты сиянье, -
Я тебя воспеть не в состоянье:
Так ты щедр, красив и благороден,
Так твое могуче обаянье!
Ассирийской мудростью украшен,
Ритора надел ты одеянье.
Отдохни, вкуси веселья жизни,
Ибо велико твое деянье!
27

Ты людей, как светоч, освещаешь...
Почему ты похвалы вкушаешь?
Потому, что варваров ты губишь,
Сарацин отважно сокрушаешь.
Сходный с первородным Исааком,
Как Мелхиседек благословляешь.
А с тобой - Исав. Но зло откуда?
Может, от сказителей узнаешь!
28

Из царей. ты лучшая защита
Властелина, чье ребро пробито, -
Господа, единого в трех лицах,
Чье лицо светилами сокрыто.
Ты пчела, чей мед - благодеянье,
Дверь в ограде, что прочней гранита.
Капище Ваала и Астарты

Сломано тобой и в прах зарыто.

30

Ты мечи врагов, как воск, расплавил,
И в силки, что недруг твой расставил,
Сам забрал ты войско иноверцев,
Сдаться в плен тебе мидян заставил.
А потом они восстали, чтобы
Ты себя победой не прославил,
И тогда расправился ты с ними:
Вражьих полководцев обезглавил.

31

Ободрил ты громкими делами
Рать грузин, ведя ее сквозь пламя.
В бой с врагом вступая, ты вздымаешь
Горгаслана и Давида знамя.
В мире нет воителя такого,
Что провел бы столько битв с врагами.
Обессилел наш противник давний:
Как Ростом возвысись над бойцами.

33

Сокрушил ты мусульман дружины.
Вздогнул раб, услышав голос львиный.
Быстро обуздал ты непокорных,
Успокоил горы и долины.
Слов твоих пугаясь, бессловесны
Сделались враги, согнули спины.
Как светила меркнул перед солнцем,
Пред тобой померкли властелины.

37

Жезл царей достал ты из Гебела,
Ты, чья слава грозно заблестала!
Ты храним кольчугой несказанной,
Враг страшится твоего кинжала.
Доблестная сабля не однажды
Сарацин проворно истребляла.
Длани мощные героев сильных
Погубили варваров немало.

38

Ты сидишь в одежде драгоценной
В ризе златотканой и священной.
Пурпуром, виссоном ты сверкаешь.
Скипетр и венец - краса вселенной.
Облаченный в яркую порфиру.
Где смарагд блистает несравненный,
Ты гордишься чудной диадемой,
Господом самим благословенной.

40

Ты украсил, свыше вдохновленный,
Хорезмийским сердоликом троны.
Сооружены из райских сосен
Во дворце опорные колонны.
Серебром и золотом блещут стены,
Плитам взор дивится изумленный,
Вкраплены меж них, горят, как пламя,
Лигвримоны и биврилионы.

46

У тебя - десятки тысяч в стане,
Знатные вельможи и дворяне.
Сердцем ты Нимврод, лицом - Иосиф,
У тебя, как у Самсона, длани.
Ты уничтожаешь лесть лукавых,
Губишь подлых, опытных в обмане.
За тебя охотно стану жертвой,
Словно агнец кроткий, жду закланий.

47

Отобрал ты солнца блеск прелестный,
Лунные лучи и свет небесный!
Ты - отца достойный сын блаженный,
Трижды славный богатырь чудесный.
Речь твоя - печать добра и правды,
Ты - судья судей, везде известный.
Ты для недругов - огонь возмездья,
Ты земных племен заступник честный.

50

"Да" есть "да", а "нет" есть "нет": ты много
Сделал, клятвы соблюдая строго.
Ты десницей добывал победу,
С помощью меча, щита и бога,
Для врагов ты стал грозой и громом,
Ты - их страх, и трепет, и тревога.
Ты ведешь к победам войско славных,
Счастье и добро - твоя, дорога.

52

Воин бога, помыслом крылатый,
Манною небесною богатый,
Светоч ты, чье пламя осветило, -
Где сокрыт предатель, соглядатай.
Ты узнал коварных, криводушных,
Отплатил им грозною расплатой.
Ахитофелю они подобны,
Каждый - вепрь жестокий, волк проклятый!

53

Ты сумел в ученье углубиться
Прокла Диадоха, Патарийца.
Эбеллиты, чье воззренье дышит
Созерцательностью Аттикийца,
Говорят: "Вовеки нашей пастве
Мудростью с Давидом не сравниться".
Знают маги и друзья Зенона,
Что Давидом Перипат гордится.

55

Ты с победою пришел из Рима,
Ибо мощь твоя неодолима.
Ты - святого знания проповедник,
Радость, что в сердцах людей хранима.
Плуг твой пашет, чтобы яровые
Зрели мощно и неистребимо.
Над тобой - туман. Ужель закроешь
Двери милости, что всюду зрима?

56

Светом осенил тебя создатель.
Молвил Иродика продолжатель -
Иппократ, а с ним Сократ согласен:
"Он - земли и моря обладатель!"
Средь восьми мудрейших ты, подобно
Эбеллитам, светлый созерцатель.
Ты детей воспринял от купели,
Юношей безгрешных воспитатель.

58

Силу дал ты льву, заре - сверканье,
Злато - западу, благоуханье -
Мускусу и Кандагару - сахар,
Индии - жемчужное блистанье.
Стал ты сотоварищем планетам, -
Этим ты исполнил их желанье.
Ты - сподвижник сонма сил небесных,
Излучаешь, как святой, сиянье.

59

Вижу: ветви дерево пустило,
Это рода царственного сила,
Что не терпит гнета, притеснений,
Что людей от горя защитила.
Ты для странников - приют ученья,
Гавань кораблей, обитель Нила!
Над землей ты высишься, как Этна.
Красноречья, мудрости светило.

62

Ты - супруг примерный, нежный, страстный,
Деткам горлицы - отец прекрасный.
Мы страдали, но пришло спасенье
От тебя, правитель полновластный.
Ты для тех, кто трудится, - отрада,
Бедняков защитник ежечасный.
Для врагов ты камень преткновенья,
Ты - утес, для варваров опасный.

63

Ты - отец сирот, приют бездомных,
Хлеб для алчущих и свет для темных,
Пестун юных, для нагих - одежда,
Ты судья для вдов и женщин скромных.
Ты для слабых старцев - посох силы,
Ты спасаешь нас от вероломных,
Ты - глубоких истин толкователь,
Ты - свершитель мудрый дел огромных.

Ч А Х Р У Х А Д З Е

ТАМАРИАНИ

(Отрывок)

1

Вы мудрословы, мира основы,
Славьте Тамары мысль могучую;
Лишь Дионосу, вторя Эносу,
Петь, славословя всемогущую.

2

Сократа дара, чар Сарамара
Мало, чтоб славить прелесть жгучую;
Гомер с Платоном слов перезвоном
Мощь ли объемлют ей присущую!

3

Знал естество тел лишь Аристотель-
Кем совершенство благ постигнуто.
Молвил в Афинах то, что в глубинах
Мысли сокрыто и не сдвинуто.

4

Полно ни разу мыслящий разум
В сущем не ведал, что воздвигнуто;
Сердца посевом, мудрости дровом
Только тобою все достигнуто.

5

Дерзки сравненья, но песнопенья
Мудрость постигли в светозарности:
Белы ланиты, розой повиты,
Кроносу равны в лучезарности.

6

Солнце у склона, луч небосклона
Вижу я в зорях благодатности
Солнца-ж личиной, света причиной
Месяц развенчан в необъятности.

7

Блещешь не втуне златом ты в руне,
Нам возвещая дар пророчества;
В горе разлуки тягостной муки,
Сердце не сносит одиночества.

8

Знаю для многих, даже убогих,
Сердце Тамары чудо зодчества;
Молвим: "Красоты стана высоты,
Неба седмицы перлы творчества".

9

Слов в переборе вникла ты в горе
Жизни Дилара с возмущением;
В поле хрустальном в облике дальнем
Инды раскрылись стрел вращением.

10

Луч и неясный, все же прекрасный,
Даже Зуалу блещет мщением;
О, света донце, видишь ты солнце-
Облик Тамары с восхищением!.

11

Кто по раздолью мчится и долю
Ищет в просторах бесконечности,
Та - чии розы дальние грезы,
Той и ланиты светит вечности.

12

Реют без пары ветви чинары,
Знаки Тамары диво-внешности
Ждет того горе, кто на просторе
Не постигает их безбрежности.

13

Станом Тамара ты как чинара,
С нею ты схожа поразительно;
Встречи с тобою ищет с мольбою
Тот, кто приемлет смерть решительно.

14

Света ты башня, жертвам не страшно,
Если сжигашь их стремительно;
В их назиданье лика сиянье
Даже средь мрака ослепительно.

15

В чем же иначе, если не в плаче
Спеть о разлуке без разлучника?
Образ Давида отблеском вида
Высшее благо счастья спутника.

16

Разве не время корня Ефрема
Нам удалого славить лучника.
Меч его в раже гибели вражьей,
И повергает в прах ослушника.

17

Дан в поколенья светом без тени
Лаша как отпрыск правоверности.
Молвлю я снова то, что основа:
- "Солнце любви он и нетленности".

18

Сердца приманка отпрыск Вахтанга,
Стал он мечтою повседневности;
День же рожденья днем и отмщенья.
Персам явил он в лоне брэнности.

19

Пиршество ваше, блещет все краше

Дамаск, Алеппо - место праздника.
Волею рока гибнет до срока,
Враг, с ним и лодка жизни странника.
20

Полны стяжаний вражий длани,
Чтобы покорным сделать данника.
Длань же Давида, козни завидя
Их повергает мощью пращника.
21

Вместе с Араном - Каркум с Арамом
Взяты Ростомом, как водителем;
Гонит всех вящей силой, разящей,
Страны забыты их правителем.
22

Прочим светилам жизнь не светила:
Бегство их спутник пред воителем;
Новое горе - взято их море,
Кто же сравнится с покорителем.
23

Несся обвалом, с крепким забралом
Некто с рычаньем, движим подлостью;
Рати, как жены им поражены,
Плен разлучил их жизнь с оседлостью.
24

В дерзости славы, высмеяв нравы,
Он возносился с ложной гордостью.
Молвишь ты знати: "Двиньте вы рати
Встретить пришельца с дружной твердостью".
25

Рати без меры - витязь и бэри
Чтобы сразиться шли с доспехами
Слышно их в гуле: "Рано в Моссуле
Будем с добычей и утехами".
26

- "Вас же недавно били мы славно,
Не похвалиться вам успехами".
Все это слыша, храбрости свыше
Ты ниспослала мудрость вежами.

27
Слышали рати: "Пусть к благодати
Столп поведет нас светозарности!"
Крепнет дружина, словно пучина
Кровь нистекала благодарности.
28

Меч их водитель, лев предводитель
С прежним Давидом схож до явности;
Храбро и рьяно бьет агаряна,
Мстя беспощадно за коварности.
29

Дайте эллинам, чтобы пели нам
С мудрым Сократом муз достойное,
Звучности мера лира Гомера
Гимном пронзает сердце знойное.
30

Я же не гений, также не Эний,
Чтобы воспеть вам нечто стройное;
Книги же рока знает до срока
Сердце пророка беспокойное.
31

Смяли всех в площадь, будто лев лошадь
Смял, расправляясь как с лисицами.
В тяжком позоре чует враг горе,
Сумрак зловецкий лег над лицами.

32

Львиным размахом смешаны прахом
Рати, что стали бледнолицыми.
Вражьи отряды бегству лишь рады,
Их не сдержали и границами.

33

В звоне победы сбылись обеты,
Что ты давала провозвестница.
Ваших десятки с сотнями в схватке
Жертвы вздымали словно лестница.

34

Витязь не ранен, мчит по поляне;
Тысячи губит смерти вестница.
Крепнет победа; рать Магомета
Трупами в поле не уместится.

35

Много там пленных, ларов бесценных,
Разбогатела рать и родина.
Сир и без стана хан Эрзинджана,
В бегство к Сегору мчит уродина.

36

"Мы против воли жертва неволи"
Молвит трусливо зла отродина;
С этого срока знаем пророка
Рать по базарам как распродана,

37

Мы твои люди, сплавивши груди,
Звучно зываем дружным голосом,
-"Пусть всемогущий, в вечности сущий,
С чадом внесет вас славы колосом!"

38

-"Пусть же Давида роза повита
Мазанным миром Савла волосом,
Будь же ты чаду радостью с младу,
Счастье взрастивши райским колосом!"

39

Мудро творила в небе светила
Бога в трех лицах мощь небесная;
Звезд всех разрядов и мириад
Вихрем объята глубь отвесная.

40

Мудрости гласом строгим приказом
Отдана ширь им поднебесная,
Также порода грешного рода
Тварей без слова и словесная.

41

Славься Тамара, станом чинара
Высишься, солнце беззакатное,
Спел я на радость дел твоих сладость,
Солнце обличье - всем отрадное.

42

Облик эфира - лекарь ты мира,
Поле познаний необъятное,
Мысли ты семя в недрах эдема,
В зарослях русло пережатное.

43

Щедрости море, внесшись в просторе
Взорами блещешь светозарными;
Властью над властью, к высшему счастью,
Признана всеми благодарными.

44

Тщетны препоны: ваши законы
Признаны даже и коварными.

Законодатель, с ним и создатель
Созданы небом в мощи равными.

45

Витязи трона чтят за патрона
Ту, что владеет львов пещерою,
Солнцем седмица славить стремится,
Твари ж ей дивной служат с верою.

46

Гусли без звона, речь же Платона
Стала бессильной славы мерою;
Чистым, как злато, сердце объято
Чувством, порвавшим с жизнью серою.

47

Лик Тамары - солнцу пары
Отблеск ярый, голос - чары,
Видят твари стан чинары,
Злата лары красят лавры.

48

Где-же чары равно яры?
Не из хмары льют литавры
Нам удары злобной кары -
То - удары звуков кнари
В честь Тамары.

ШОТА РУСТАВЕЛИ

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

(Главы из поэмы)

ВСТУПЛЕНИЕ

1

Кто создателем вселенной был всеильно-всемогущим
И с небес дыхание жизни даровал всем тварям сущим.
Одарил земным нас миром, многообразно цветущим, -
От него ж цари с их ликом, одному ему присущим.

2

Образ тел во всей вселенной создал ты, единый бог,
Будь защитой мне, чтоб мощью сатану поправить я мог!
Дай туда провести миджнуров, где их смерти ждет порог,
Облегчи грехи, чтоб с ними я в пути не занемог.

3

Льва, который с честью носит и копьё и меч Тамары -
Лалом щек и светом взоров солнцу блещущему пары,
Я ль дерзну прославить песней, хоть не жду за это кары?
Сладость высшую вкушает, кто узрел героя чары.

4

Воспоем Тамар-царицу, кровь слеза потоком красным,
Я и раньше пел ей гимны, стих ведя путям по разным.
Глаз-озер писал я чернью и пером, как стан, прекрасным.
Песнь моя вонзится в сердце копием, сердцеобразным.

5

Должен я, для песнопенья выбрав самый нежный лад,
Восхвалить ресницы, брови, губы, косы, как агат,
И зубов хрусталь граненый, дивно выстроенных в ряд.
Твердый камень раздробляет и свинцовый мягкий млат!

6

Мастерство, язык и чувство мне нужны в моем творенья.
Дай мне силы, дай поддержку, ты, мой разум, ты, мой гений!
Тариэля мы поддержим красотой песнопений.
Помощь трем героям звездным в их взаимном будет рвеньи.

7

Чтоб оплакать Тариэля, слез поток безбрежный нужен,
Ибо кто из порожденных был ему подобным мужем?
Я, Руствели, спел стихами, сердцем раненым с ним дружен,
То, что было лишь сказаньем, а отныне - цепь жемчужин.

8

Я, Руствели, оттого и спел искусно песнь свою,
Что я той, что правит ратью, жизнь, безумец, отдаю.
Изнемог я, но мидждуру исцеленья нет. Молю.
Исцелить меня любовью иль могилу рыть мою.

9

Этот дивный сказ, что ныне переделан в песнопенья,
Что, как жемчуг самородный, возлеют поколения,
Я нашел и, спев стихами, создал повод для сомненья.
Дум моих царицы чары пусть восполнят украшенья.

10

Ослепленные лучами очи снова жаждут их.
Вот мидждуром стало сердце, - не спасись в полях глухих.
Кто ж заступник? Плоть сгорела. Так вели ж, чтоб дух утих!
Порывается наружу трех ладов хвалебный стих.

11

Будь судьбой доволен каждый, чем бы кто ни удостоен!
Долг трудящихся - трудиться. Храбрецом да будет воин.
А миджнур, призванью верный, пусть в любви пребудет зноен,
Не судя других миджнуров, пред чужим судом спокоен.

12

Стихотворство изначально - отрасль мудрости одна, -
В ней божественных напевов сладость внемлющим дана,
Но и здесь способный слушать насладится им сполна;
Длинный сказ поведать кратко - этим песня нам ценна.

13

Скакуна проверить может путь широкий без преград,
В мяч играющих - арена, где ясны и взмах и взгляд,
А поэта - стих протяжный, где б он мог пойти назад,
Если сила слов иссякает и в стихах ослабнет лад.

14

Полюбуйтесь стихотворцем и его шаири строем
В миг, как, речь родную спутав, стих слагает с перебоем.
Не сомнет он хода мысли, а отступит только с боем
И, взмахнув чоганом ловко, вновь сумеет стать героем!

15

Кто лишь раз иль два случайно рифму сплел, тот не поэт.
Пусть не мнит себя поэтом! С мастерством тут сходства нет.
Строки раз-другой он свяжет, а стиха в них нет примет.
Все ж кричит с упорством мула: "Вот поэзии расцвет!"

16

Есть другие стихотворцы: куцый стих - вот их отличие.
Грудь пронзить нам совершенством не позволит их обычай,
Я сравнил бы их с юнцами, что погнались за добычей
И, не сбив большого зверя, все ж гордятся мелкой дичью.

17

Третий вид стихов пригоден для веселых песнопений,
Для пиров, забав любовных и шутливых поношений,
Нас развлечь и это может, только в ясном изложении.
Но поэт лишь тот, кто пишет в неизбывном вдохновении.

18

Перлы творчества поэту рассыпать не надо, зря,
Возлюбить одну он должен, лишь ее боготворя,
Петь о ней со всем искусством, для нее одной горя,
Никакой не ждать награды, словом музыку творя.

19

Знайте все, одной и той же гимн пою я неизменно.
Этим я горжусь, но тайны не раславил откровенно.
Хоть нещадна, как тигрица, все же чувство к ней нетленно,

Ниже вновь ее я песней славословлю сокровенно.

20

О любви, об изначальной, в высь к идеям восходящей,
Не сказать словами. Слово здесь приводит к скорби вящей.
Хоть любовь и одаряет страстью, выпренье парящей,
Не снести ее страданий и душе стратотерпящей.

21

Той любви постигнуть тайну мудрецов бессилен гений,
Истощается здесь слово, не хватает песнопений,
Я воспел лишь плоть земную, красоту ее влечений,
Не распутных, а томящих жаждой высших вожелений.

22

Кто миджнур - так он - безумец, - смысл таков арабов слова,
Ведь безумствует влюбленный, разлучась с любимой снова.
Но одни в порывах тщетных ищут божьего покрова,
А иным - красоток ласки всей земной любви основа.

23

Но лишь тот миджнур, кто с виду блещет солнечной красой,
Чей удел довольства жизни, мудрость, щедрость и покой,
Одарен умом и словом, мощных мощно кличет в бой.
Кто лишен всех этих качеств, ни к чему миджнур такой.

24

В чем краса миджнуров чувства, нам с трудом познать дано:
Ведь оно необычайно и распутству не равно.
Это чувство от распутства рубежом отделено.
Пусть не путают их, помня, что здесь мной изречено.

25

Кто миджнур, тот постоянен, презирает он порок,
С тяжким вздохом покидает он возлюбленной порог.
Лишь одной он предан сердцем, как бы ни был грозен рок.
Я брезглив к любви без чувства, где слышны лишь чмок да чмок.

26

Заблуждается, кто скажет, будто с тем миджнуры схожи,
Для кого сегодня, завтра, та иль эта - все пригоди.
Развлекаться так - похоже на проказы молодежи.
Тот миджнур хорош, который муки мира превозможет.

27

Первый долг миджнура - тайна и в страстях души покой.
Образ милой вспомнив, должен он исполниться тоской,
В иступленья от разлуки пламенеть, гореть душой,
Вынося и гнев любимой, претерпеть сердечный зной.

28

Долг его - не открываться и в страданиях никогда,
Не вздыхать при всех, чтоб милой не коснулась тень стыда,
Не давать никак заметить чувств безумных и следа
И гореть для той, с которой стала б радостью беда.

29

Как же верить тем, кто может оглашать любви обет,
Кто, вредя своей любимой, и себе приносит вред?
Если тайна разгласится, - от стыда спасенья нет.
Долг миджнура в том, чтоб дева от любви не знала бед.

30

Я дивлюсь, когда влюбленный о любви кричит своей
И позорит ту, в ком чувство смертоносных ран сильней.
А не любишь, для чего же говорить тогда о ней?
Злое слово больше жизни почитает лишь злодей.

31

Пусть влюбленный о любимой плачет - ведь он, плача, прав! -
В одиночестве прекрасном, как отшельник средь дубрав.
Лик возлюбленной он помнит, путы малых дел порвав.
А в среде людской он должен обуздать миджнура нрав.

Был в Аравии властитель Ростеван, судьбой взнесенный,
Благородный и доступный, мощью войска окрыленный,
Добрый, щедрый, правосудный, в управленьи умудренный.
Безупречный был он витязь, красноречьем озаренный.

33

Не имел Ростан потомства, кроме дочери одной,
Лучезарной, как светило, солнцу светлому родной.
Кто ни взглянет, потеряет разум, сердце и покой.
Лишь мудрец велеречивый спел бы гимн красе такой.

34

Тинатин царевны имя - всем об этом надо знать!
Как взросла и налилася, ей бы солнце презирать.
Царь созвал совет. Величья на лице его печать.
Для торжественной беседы усадил с собою знать.

35

Он вещал: "Совет мне нужен. Вы мне все должны помочь!
Если роза вянет, возраст свой не в силах превозмочь, -
Уступает место новой, удалясь из сада прочь.
За закатом солнца видим беспросветную мы ночь.

36

Я кончаю жизнь, а старость горше всяческой напасти.
Я умру сегодня-завтра; мир источник всех несчастий.
Что же ценного есть в свете, коль он мрачен хоть отчасти?
Дочь моя, что краше солнца, пусть возьмет кормило власти".

37

Отвечал совет: "Про старость, царь, напрасен разговор.
Если роза и увяла, все ж она ласкает взор,
Всех других цветов прекрасней этот запах и узор.
И с ущербною луною как звезде затеять спор?"

38

Царь, еще не свяла роза! Так судить вам для чего же!
Ваш совет, пусть даже строгий, лучших, но чужих, дороже:
Да исполнится решенье, что с душой паря так схоже!
Коль так лучше, пусть та правит, кто затмит и солнце может.

39

Хоть и девой, но царицей породил ее творец.
Мы не льстим! Мы сами видим: может править, как мудрец.
Дел, ее ж лучам подобных, блещет солнечный венец.
Льва щенки равны друг другу, будь то самка иль самец".

40

Автандил - спаспет над войском, сын амира-спасалара -
Солнцу и луне подобен, строен станом, как чинара.
Хрусталоу в его сияньи нежным обликом он пара.
Тинатин ресниц лучистых он не выдержал удара.

41

В сердце витязя - миджнура пламя тайное мерцало,
А лицо его в разлуке, словно роза, увядало.
При свиданья снова пламя рану сердца разжигало.
Пожалеть влюбленных надо: страсть для них, как смерти жало.

42

Но когда отец царевне отдал трон патриархальный,
Автандил огонь умерил, путь надежд увидев дальний.
Говорит: "Теперь удастся видеть чаще лик хрустальный.
И, быть может, вновь зардеет цвет ланит моих печальный".

43

По стране гонцов с указом шлет арабов повелитель:
"Тинатин мою царицей посадил я сам, родитель,
Озарит она, как солнце, всех, кто к ней войдет в обитель.
Пусть пред ней с хвалой предстанет восхищенный ею зритель"

44

Двор заполнили арабы, хасов целый там отряд,
Войск бесчисленных спаспета Автандила блещет взгляд.
Во главе придворной знати выступал вазир Сократ.
И, воздвигнув трон, сказали: "Он ценней других стократ".

45

Тинатин отец выводит. Лик ее блестящий бел.
Посадил на трон, корону ей своей рукой надел,
Скипетр ей вручил и деву в пурпур царственный одел.
Солнце-дева взор простерла, высший свой познав удел.

46

Царь и войско, отступивши, преклонились перед ней
И в цари благословили, славословя все звучней.
Трубный звук, игра кимвалов раздавались все нежней.
У нее в слезах ресницы, крыльев ворона черней.

47

Мысль гнетет, что не пристало ей занять отцовский трон,
И от плача лик цветущий ливнем слезным напоен.
Царь внушал: "Велел потомству замещать отцов закон,
Если б я его нарушил, был бы я огнем сожжен!"

48

Приказал: "Оставь рыдания и внемли совету, чадо!
Днесь царицей всех арабов посадил тебя я рядом,
Царству этому отныне будешь ты одна оградой,
Будь мудра в своих деяньях и суди о всем, как надо.

49

И сорняк, равно как роза, освещается лучами.
Будь в дареньях неизменна с знатью, как и с бедняками.
Щедрый недруга привяжет, кто привязан - тот уж с нами.
Будь щедр: приток и убыль неразлучны, знай, с морями.

50

Государей украшает щедрость, как эдем - алоэ.
Всякий щедрому покорен, если сердце в нем и злое.
Есть и пить всегда полезно, - что копить добро мирское?
Что раздашь - к тебе ж вернется, а что нет - то все чужое!"

51

Дочь словам отца внимает, мудрый ум в советы вник,
Взор ее, вниманья полный, от ученья не поник.
Царь садится, угощает; весел он, и пир велик.
Тинатин затмила солнце, тинатинит солнце лик.

52

Воспитатель верный призван пред царицею предстать.
Приказала: "Вскрой все склады, что хранит твоя печать,
Все наследные богатства прикажи сюда подать".
Принесли - дарила щедро, но богатств не исчерпать.

53

Раздала она подарки из наследного ларца,
Вдоволь знатных, как и малых, одаряла без конца.
И сказала: "Исполняю волю мудрого отца,
Пусть в сей день никто не прячет драгоценностей дворца".

54

Приказала: "Там берите, где хранилища полней!
Амилахор, пригоните табуны лихих коней!"
Все доставили, без меры раздала, - не жалко ей,
А войска дары сгребали, как пираты, все смелей.

55

Не жалея, брали - словно стан турецкий нес урон,
Взят арабский конь, который был заботливо взращен.
Щедро сыпала подарки, словно вьюгу небосклон,
Не оставила без доли ни мужей она, ни жен.

56

Ели, пили, день проходит незаметно в наслажденьи,
Войск несметное стеченье утопает в угощеньи.
Но поник главой владыка, на лице сгустились тени.
"Что за горе им владеет?" - был вопрос кипучих прений.

57

Автандил, для всех желанный, блещет солнечным нарядом,
Войск спасет в движеньях ловок, точно тигр, со львиным взглядом.
И Сократ, годами мудрый, с Автандилом севши рядом,

Говорит: "Каким владыка омрачен души разладом?"

58

Молвит: "Знать, воспоминанья мысли царские гнетут,
Ведь другого для печали ничего не видно тут".

Автандил сказал Сократу: "Нам спросить его не в труд,
Мы его шутливым словом извлечем из этих пут".

59

За Сократом, как решили, Автандил поднялся стройно,
И, наполнивши сосуды, подошли к царю спокойно,
Преклонив колени, сели, шутят с ним благопристойно.
И вазира блещет слово, похвалы большой достойно:

60

"Опечален ты, владыка, взор твой мрачен, без улыбки.
Но ты прав: твоих хранилищ тяжелы сейчас убытки,
Дочь твоя ведь все раздарит - на подарки руки прытки,
Что ж, на трон ее возведши, сам себя довел до пытки".

61

Царь прослушал эти речи и с улыбкой бросил взор.
Удивился, что дерзнули так вести с ним разговор.
"Тем прекрасней, - хвалит дочку, поддержав ее задор, -
Кто скупцом меня считает, изрекает ложь и вздор.

62

Тяжко мне, вазир, не это. Я ведь тем лишь удручен,
Что старею, круг закончив молодых двоих времен,
И во всей стране такого человека я лишен,
Чтобы доблести законы от меня усвоил он.

63

Дочь единственную сам же я изнежил воспитаньем.
Отказало небо в сыне, - мир терзает испытаньем!
Кто игрою в мяч мне равен иль из лука стрел метаньем?
Автандил мне чуть подобен, да и то моим стараньем".

64

Преспокойно витязь стройный слово выслушал царя
И главу склонил в улыбке, сердца радостью горя,
От зубов его блестящих на полях блестит заря.
Царь спросил: "Чему смеешься, чем тебя смущаю я?!"

65

Вновь сказал: "Клянусь собою, тут смешного вовсе нет!"
Витязь молвит: "Доложу я, коль ты дашь святой обет,
Что без гнева и обиды восприимешь мой ответ
И объявленного дерзким не простынет в жизни след".

66

Молвит царь: "Скажи, что хочешь, зла не будет никакого,
Тинатин клянусь своею - краше солнца золотого!"
Автандил в ответ: "Позволю я вернуться к речи снова:
Не кичись ты лучным делом, тихий путь найди для слова!

67

Автандил, ваш прах, владыка, в лучном деле также рьян.
Мы при воинах поспорим, - пусть приказ им будет дан.
Хвастать - кто мне равен? - значит напускать; из слов туман.
Дело ловкости решают только мяч и майдан".

68

Царь ответил: "Не позволю я соперничать со мной.
Начинаем состязанье, и не будет дан отбой.
Мы в свидетели надежных заберем людей с собой.
Пусть арена нам покажет, кто украсится хвальбой".

69

Автандил царю покорен, и окончен разговор,
Смех, и радость, и веселье - все смешалось в общий хор.
И заклад установили - был таков их уговор:
Проиграл - три дня не можешь головной носить убор.

70

И охотникам велел он: "Обойдите зелена.
Шире двигайте облаву, к нам стада зверей гоня,

Войску быть на зов готовым и идти к нам, строй храня".
И прервали пир-веселье, полны радостями дня.

РОСТЕВАН И АВТАНДИЛ НА ОХОТЕ

71

На заре подъехал витязь, - он стройнее лилий станом,
Лалом лик его сверкает, весь он блещет в платье рдяном,
В покрывале златотканом; меч с узорчатым чеканом.
Приглашал царя, и белый конь вздымался великаном.

72

Снарядившись, выезжают царь и свита на охоту.
Продвигается по долу, как на приступ, тьма народу,
Строй за строем поле кроет, песнь сопутствует походу.
В состязаньи свищут стрелы, для зверей неся невзгоду.

73

Ростеван велел: "Двенадцать к нам охотников сюда!
Лук и стрелы наготове им иметь для нас всегда!
Как закончатся удары, подвести им счёт тогда".
И со всех концов долины понеслись зверей стада.

74

Столько там зверей бежало, что немислим их подсчет:
Козы, мулы и олени, туры прыгнули с высот.
Царь и витязь к ним рванулись, - кто ж из них краса красот?
И стрелой и луком правят руки, чуждые забот!

75

Их коней копыта пылью затмевали блеск лучей.
Поражая, вновь стреляли, - кровь струилась, как ручей.
Лишь колчан иссяк, спешили им стрелу подать ловчей,
И удар у зверя тотчас затемнял огонь очей.

76

Скачут полем. Стадо в страхе мчит вперед, ища дорог.
Истребленьем, избиеньем в небесах разгневан бог.
В алый цвет поля окрасил кровянеющий поток.
"Автандил, - кричат в восторге, - быть в раю чинарой мог!"

77

Так закончили облаву, проскакав простор полей.
Там текла за долом речка, горы высились над ней.
Укрывались звери в дебри, где путей нет для коней.
И соперники устали, с виду став еще смелей.

78

"Лучший я" - друг другу молвят, повторяя то не раз.
Потешались и смеялись, не сводя друг с друга глаз.
А затем рабы явились исполнять царя приказ, -
Он велел: "Скажите правду нам без лести, без прикрас".

79

Те в ответ: "Доложим правду. Что не лжем, - судите сами.
Царь, что вас мы с ним равняем - нам не высказать словами,
На того вы не похожи, смертью хоть расправьтесь с нами,
От его ударов падал зверь пред нашими глазами.

80

Сто раз двадцать дичи битой составляет всю удачу,
И еще раз двадцать витязь Автандил набил в придачу.
Стрелы метко направляя, не стрелял он наудачу.
Землю с ваших стрел очистить вы нам задали задачу".

81

Ростевану эти вести - наслаждение от нарда:
Ведь успех его питомца - сердцу лучшая отрада.
Соловей так любит розу, как любил свое он чадо.
Смех несет ему веселье, нет в душе следов разлада.

82

И в тени деревьев сели, под листвой ища прохлады,
И, теснясь, как строй колосьев, собрались кругом отряды,
На двенадцати отборных храбрецах блестя латы.
Развлекаясь, то на речку, то на лес кидали взгляды.

ВСТРЕЧА ЦАРЯ АРАБОВ С ВИТЯЗЕМ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

83

Видят: некий витязь дивный плачет, сидя над рекой.
С львиным схож героя образ. Не разнуздан вороной.
По доспехам, сбруе, латам жемчуг блеск рассыпал свой,
Розу изморозь покрыла с сердца брызжущей слезой.

84

Шерстью пестрою наружу, был в тигровом он кафтане,
Из такой же шкуры тигра голова его в тюрбане,
Иноземного чекана плетъ держал он толще длани.
Видеть дивное виденье пожелали в царском стане.

85

И к печальному герою раб был послан для расспроса,
Но не блещет взором витязь, плачет около утеса,
Дождь хрустальный по ланитам льет с янтарного откоса.
Раб приблизился, но слова не находит для вопроса.

86

Раб стоял пред ним, от страха слов не молвя никаких.
Долго он смотрел в смущеньи. Из последних слов своих
Произнес: "Велит владыка..." и, приблизясь, вновь затих.
Ничего не видит витязь, кроме горьких слез своих.

87

Он словам раба не внемлет, с ним напрасен разговор,
Он не слышит шума войска по долине между гор.
Странно в нем стонало сердце, точно жег его костер,
С кровью смешанные слезы прорывались сквозь затор.

88

Вдаль он мыслями умчался, в голове их след угас.
Передать дерзнул повторно раб ему царя приказ.
Ничему не внемлет витязь, слезы вновь текут из глаз,
Роза губ не раскрывает, лепестками скрыт алмаз.

89

И, ответа не добившись, раб шаги направил вспять.
Молвил он Ростану: "Видно, витязь вас не хочет знать.
Страх пред ним объемлет сердце, глаз от блеска не отнять.
Безуспешно речь держал я, повторив приказ опять.

90

Царь разгневан, озадачен, и на сердце огорченье.
Подозвал двенадцать храбрых, принимает он решенье.
Им велит: "С собой возьмите вы для битвы снаряженье
И того ко мне доставьте, кто отвергнул приглашенье".

91

И, доспехами бряцая, подошли рабы к нему.
И тогда лишь вздрогнул витязь, разрывая слез кайму.
Взором все кругом окинув, увидал отрядов тьму.
"Горе мне!" - сказал и смолкнул, равнодушный ко всему.

92

Дланью он очей коснулся, отмечая слез напор,
И колчан и меч нащупал, чуя вновь в руках задор.
Сел верхом и, не желая, чтоб вели с ним разговор,
По другой тропе уехал, омрачив посланцев взор.

93

Вслед рабы простерли руки, чтоб его замедлить шаг.
Он им так отместил, несчастным, что заплакал бы и враг:
Друг на друга повергая, не щадил он их никак,
Рассекал иных до сердца беспощадной плети взмах.

94

Царь разгневан и встревожен. Войско слышит к бою зов.
Но не ждал погони витязь, не смотрел он на гонцов.
Он готовил всем нагнавшим бледный облик мертвецов,
Друг о друга он метал их. Рок Ростана был таков!

95

На конях вдогонку мчатся Автандил и царь Ростан.
Едет витязь горделиво, в лад качая стройный стан,
Мчится конь его - мерани, солнцем блещет, где ни стань.
Видит он, что царь несется и крепчает вражий стан.
96

Средь других царя заметив, он коня хлестнул тотчас
И исчез в одно мгновенье... как, - ничей не видел глаз.
Иль сквозь землю провалился? Иль вознес его Пегас?
Тщетны поиски погони, - след пути его угас.
97

Тщетно след его искали. Всех объяло удивленье:
Человек не мог исчезнуть, будто дэв иль привиденье.
Плачут воины по мертвым, повязать спешат раненье.
Молвит царь: "Пирам веселым ныне вижу завершенье".
98

Молвит: "Счастья нашей жизни претерпеть не может бог,
Потому сменил на горечь жизни сладостной поток.
Мне в беспомощных страданьях смерти видится порог.
Слава богу, коль желает так судить всевышний рок".
99

Так сказав, он повернулся, преисполненный тоской,
Вздохи сердца участились, звероловам дан отбой.
Люди бросили охоту, где кто занят был стрельбой;
Кто-то молвит: "Так и надо", кто с упреком: "Боже мой!"
100

Царь в покой к себе вернулся, опечален, полон мук,
Взял с собой лишь Автандила, - он ему и сын и друг.
Все ушли, и домочадцы не сошлись в обычный круг,
Роковыми стали радость и кимвалов сладкий звук.
101

Тинатин, о том проведая, что отца объяло горе,
Подошла к его покоям, светом лика с солнцем споря.
Царедворца вопрошала: "Спит он, иль вазир в сборе?"
Тот в ответ: "Сидит в тревоге, бледен он, и тень во взоре."
102

Автандил один в покоях перед ним сидит на ложе.
Дивный витязь им попался, оттого-то царь встревожен"
Тинатин на то: "Уйду я, чтоб не стал родитель строже.
Приходила на минуту, - доложи, коль спросит позже".
103

Царь осведомился вскоре: "Знать хотел бы, где же дочь?
Мне она - источник жизни. Мне могла б она помочь!"
Отвечали: "Приходила, грусти ей не превозмочь.
Услышав, что вы в тревоге, отошла от двери прочь".
104

Приказал: "Проси явиться, тяжело мне в разлуке с ней.
Передай: зачем вернулась? Ты ведь мне всего ценней.
Приходи, врачуй мне сердце, боль души пройдет скорей;
Отчего - тебе скажу я - сжал я срок веселых дней".
105

Тинатин пошла послушно, чтоб предстать пред отчим взглядом
Блеск луны она затмила лика солнечным нарядом.
В лоб отец ее целует, посадив с собою рядом.
"Ты зачем, - сказал, - не с нами? Приглашать тебя ли надо?"
106

Дева молвит: "Повелитель, коль судьбина жестока,
Даже смелому душою с вами встреча нелегка.
Гнев ваш грозный даже звезды ввергнет в бездну свысока.
Лучше в деле расторопность, чем бездельная тоска".
107

Он ей: "Чадо, как бы сильно ни владела мной беда,
Образ твой, с тобою близость исцеляют навсегда.
Ты спасаешь от печали, боль снимаешь без следа,
Коль поймешь тоски причину, и меня поймешь тогда.

108

Иноземный витязь странный повстречался мне случайно,
Он блистал над всей вселенной, озарял земли окраину,
Но по ком страдал и плакал, не открыл свою нам тайну,
Не пришел меня увидеть... Гнев разлился мой бескрайно.

109

Сел верхом и слезы вытер он, смутясь моим явлением.
Я гонцов к нему направил, он почтил их избиением.
После этой странной встречи сгинул дьявольским видением,
И донныне я не знаю, явью был иль наваждением.

110

Диву я даюсь - кто это? По природе он каков?
Перебил мои отряды, пролил кровь моих бойцов.
Человека вдруг не скроет с глаз таинственный покров.
Нет, до этих дней счастливый, потерял я божий кров.

111

Мне отныне стала горькой сладость божеских даяний,
Позабыты дни веселья пред лицом моих страданий.
Чтобы вновь вернуть мне счастье, в мире нет таких созданий.
Не возрадовать мне сердца до конца земных скитаний!"

112

Отвечает дева: "Смело я скажу тебе, родитель,
Недостойн бог упрека, всей судьбы распорядитель,
Непричастен к жизни горькой тварей щедрый покровитель.
Зло творить зачем же будет тот, кто есть добра зиждитель?"

113

Мой совет: ведь ты - владыка над подвластными царями,
Ширь дана твоим владеньям беспредельными краями.
Шли гонцов твоих повсюду - пусть разведывают сами:
Из живых людей тот витязь иль низвергнут небесами".

114

Шлет людей в четыре края под лазурью небосвода:
"Отправляйтесь, да не будет вам страшна трудов невзгода!
Все обшарьте, обыщите, твердо помня цель похода.
Напишите, коль дороги не найдете до народа".

115

В путь отправились посланцы, проходили круглый год,
Всюду витязя искали, всех спросив наперечет.
Не встречал никто такого, и людской не видел род.
И с досадою вернулись. В сердце горе от невзгод.

116

"Царь, - осмелились посланцы, - мы прошли всю твердь до края
Но не встретился нам витязь: шли мы, радости не зная.
Ничего о нем поведать не могла молва людская.
Мы тебе не услужили, - видно, тайна тут иная".

117

Царь вещал: "Сказала правду дочь моя, мое потомство!
Видел я, в том нет сомненья, ложь и дьявола притворство.
Это - враг ко мне явился, было неба тут потворство.
Отрешаюсь от печали, пусть вернется нам довольство!"

118

Так сказав, воспрянул духом, вновь в пирах нашлась услада;
Песнопевцев и гимнастов разыскал он, сколько надо.
Одарил гостей без меры, не вместит друзей ограда:
Ведь столь щедрого другого у всевышнего нет чада!

ТИНАТИН ПОСЫЛАЕТ АВТАНДИЛА НА ПОИСКИ ВИТЯЗЯ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

119

Автандил, в одной рубахе сидя в комнате для сна,
Ликовал; пред ним на арфе песне вторила струна.
Тинатин гонца прислала - кожа вестника черна.
Молвит чинно: "Приглашает вас чинара и луна".

120

Весть приятна Автандилу: исполняются мечты.
Торопясь, оделся в платье лучше всякой пестроты;
Розы, виденной и раньше, вновь увидит он черты,
Рад он быть поближе к милой в лицезренье красоты.
121

Автандил шагает гордо, в нем следа смущенья нет.
Ту он встретит, по которой тщетно плакал столько лет!
Дева хмурая сидела, рассыпая молний свет.
И пред ней луна, поблекнув, облачилась в черный цвет.
122

Прикрывалась прелесть тела цельношитым горностаем,
Головной убор бесценный ниспадал небрежным краем,
В сердцегибельных ресницах чары плыли черной стаей,
Шеи белый блеск волнами кос обильно обрамляем.
123

Не скрывал покров багряный на лице ее печали,
Но слова ее спокойно сесть спаспета приглашали.
Он почтительно садится, стул рабы ему подали,
Лицезренье любимой открывало счастья дали.
124

Дева молвит: "Знай, мне тяжело, не найду для речи слова,

Коль хватило бы терпенья, я молчать была б готова.

Но ты знаешь ли причину приглашения такого?

Отчего я вся в тревоге и без разума людского?"

125
Он сказал: "В твоей печали я ль найду тебе ответ?
Ведь луна, приблизясь к солнцу, исхудав, теряет свет.
Гаснет явь в моих мечтаньях и потух сознанья след.
Все сама скажи. Быть может, и поможет мой совет".
126

Дева речь свою соткала, как прекраснейший узор,
Молвит: "Я тебя держала в отдалении до сих пор.
Ныне счастье улыбнулось, ты сомненьям дай отпор.
Но скажу тебе сначала, отчего померк мой взор.
127

Помнишь, ездил на охоту с Ростеваном ты в поля?
Витязь вам предстал у речки, слезы горькие струя,
Я с тех пор не знаю счастья, память мучит, грудь паля,
Ты найди его, объезди поднебесные края.
128

Я признанья не слыхала, - что ж скажу тебе в ответ?
Все же издали был ясен мне твоей любви завет.
Знала я, что слезным градом для тебя закрылся свет,
И, любовью полоненный, дал ты верности обет.
129

Так скажу я, - службой верной ты обязан мне вдвойне:
Ты, во-первых, воин храбрый, несравненный на войне,
Во-вторых, ты ведь миджнур мой, не мерещится то мне!
Так иди, найди, где витязь, - здесь иль в дальней стороне;
130

И, любовь ко мне сильнее этим подвигом согрев,
Отрешь меня от скорби и на зло направь свой гнев,
Сердце розами надежды и фиалками одев.
Выйду я к тебе, как солнце, ты ко мне грядешь, как лев.
131

Ты ищи его три года, обойди и дол и склон.
Коль найдешь, явись с победой, речью страстной окрылен.
Не найдешь, - тогда уверюсь в том, что призраком был он.
Я с тобою встречусь свежей, как нетронутый бутон.
132

Слово клятвы: если мужем будет мне другой, не ты,
Хоть в нем солнце воплотится, восприняв людей черты,
Пусть низвергнусь я из рая в бездну адской темноты,
И, свой нож мне в грудь вонзая, в смерть любовь ты обрати".

133

Витязь молвит: "О светило, из агата чьи ресницы!
Что дерзну сказать другое? Вижу я судьбы зарницы,
Ты зажгла мне светоч жизни, я же был на дне гробницы.
Я, как раб, тебе послушный, обойду всех стран границы".

134

Снова молвит: "О светило, солнцем бог тебя рождая,
Подчинил тебе все звезды, где ни светится какая.
Я ж, твою изведав милость, полон радости до края,
Впредь ты мне не дашь поблекнуть, розу блеском озаря".

135

Твердой клятвой обменялись и друг другу дали слово.
Протекая многословно, зажурчала речь их снова,
Облегчились и забылись все несчастья былого.
Блещут белым блеском зубы, - нет у молнии такого!

136

Развлекаясь, ощущали к чарам слов сто раз влечение,
К нежным ласкам испытали лал, агат и страз влечение.
Витязь молвит: "Пред тобою разум с сердцем в разлученьи.
Дивный образ твой для сердца - пламя, но не развлеченье".

137

Витязь вышел, хоть в разлуке он и жизни не был рад.
Взор туманился, и тщетно он кидал назад свой взгляд.
Стройный стан дрожал, и розу леденил хрустальный град,
Сердцем к сердцу он стремился, как велит любви обряд,

138

И сказал: "Светило, роза от разлуки вянет рано,
И хрусталь легко желтеет, и не блещет лал багряно.
Что мне делать? Ведь разлука будет сердцу тяжелой раной.
Жизнь свою отдать для друга - я не знаю чести равной".

139

Лег в постель и плачет: слезы нагоняют вновь слезу,
Как осина, он трепещет, стан колеблет, как в грозу,
Задремав, увидел ясно он возлюбленной красу.
Горе в двадцать раз сильнее. Вздвогнув, вскрикнул, как в лесу.

140

В отдаленья от любимой истомился он тоской,
Брызжут слезы жемчугами, розу нежит он росой.
Но с рассветом он оделся, поражая всех красотой,
Сел верхом, в дарбаз поехал, чтобы долг исполнить свой.

141

И в дарбаз эджиби послан от него к царю с приветом,
Передать царю: "Осмелюсь я явиться к вам с советом:
Меч разящий вам послушен, с ним владеть вам целым светом,
Все же лучше повсеместно вновь напомнить всем об этом.

142

Я пройду, врагов сражая, грани наши до конца,
Тинатин у нас царица - ввергну эту весть в сердца,
Взявших меч заставлю плакать, мирным - буду за отца.
С подношеньем и с поклоном буду слать я к вам гонца".

143

Царь изволил благодарность передать ему в ответ:
"Лев. мой, в подвигах блестящих у тебя нехватки нет,
Но равно блистает доблесть, как и бранный твой совет.
Лучше - так иди, но тяжело быть в разлуке много лет".

144

Пред царем явился витязь, низко голову склоня:
"Диву дался я, владыко, - расхвалили вы меня.
Дай мне бог узреть вас снова в свете радостного дня,
Чтоб ликующим вас видеть, сам ликуя, мог бы я".

145

Царь обнял его за шею и целует, как родной, -
Воспитатель иль питомец где же в мире есть такой?
Витязь вышел, скорбь разлуки унеся в тот день с собой.
Сердце стонет у Ростана, и подавлен он душой.

146

Автандил к себе поехал горделиво, без печали.
Двадцать дней в пути проводит, даже ночью мчится в дали.
Высших заповедей сердца мир раскрыл ему скрижали,
Тинатин пред ним повсюду, чьи огни его сжигали.

147

Прибыл он в свои владенья, и все радостно кругом,
Знать с подарками навстречу вышла бить ему челом.
Солнцеликий помнит сроки, в чужедальний путь влеком.
Счастья полны домочадцы, озарился счастьем дом.

148

Родовой имел он замок, всем соседям в уstraшенье,
Неприступное вздымалось скал природных возвышенье.
Там три дня в охоте страстной находил он утешенье,
И позвал он Шермадина обсудить свое решенье.

149

"Шермадин, не буду, милый, пред тобой таить стыда.
Хоть я все свои деянья обсуждал с тобой всегда,
Но скрывал свои я слезы, ты не видел их следа.
Та мне счастье возвратила, от кого была беда.

150

Да, любовь сильнее смерти Тинатин зажгла во мне,
Роза стыла, напитавшись слез, кипящих на огне.
Я скрывал страданье сердца, оттого страдал вдвойне,
Но она дала надежду, - видишь, счастлив я вполне.

151

Мне наказ: "Узнай, где витязь и в каком живет краю.
Как вернешься, утолю я страсть сердечную твою.
Мужа мне не знать другого, хоть он древом будь в раю!"
И дала мне исцеленье, чтоб утишить боль мою.

152

Я, во-первых, витязь, еду завершить служений круг:
Мы должны служить владыкам службой самых верных слуг.
Во-вторых, во мне царица погасила пламя мук;
Должно в трудный час не дрогнуть и не знать, что есть испуг.

153

Ведь в любви патрон и отрок превзойти не могут нас,
Потому, прошу, с вниманьем слушай мой молящий глас:
Будешь ты владеть страною, отдавать войскам приказ.
За меня делами править - лишь тебе даю наказ.

154

Будь для подданных защитой, в бой веди войска и знать,
Шли в дарбаз гонцов с вестями, все приказывай узнать.
Будешь с ценными дарами от меня посланья слать,
Чтоб никто не мог почуять, что ушел я вдаль, как тать.

155

Мне подобно, ты отважься на охоту и в поход.
Жди меня три года, тайну береги из года в год.
Может быть, вернись, чинары не засохнет стройный всход.
Не вернись - наденешь траур, зарыдаешь от невзгод.

156

Лишь тогда царю доложишь повесть дел моих и бед,
О моей расскажешь смерти, погасив сознанья след.
"Всех удел таков, - ты скажешь, - от него спасенья нет".
Серебро, и медь, и злато бедным дай - вот мой завет.

157

Вот тогда приди на помощь и пребудь душою смел.
Не предай меня забвенью, вспоминая мой удел,
И мой дух, оплакав чинно, проводи за наш предел,

И, как мать, заплачь, припомнив резвость наших юных дел".
158

То заслышав, раб смутился, понимать лишился дара.
С глаз слеза, скользя, сливает жемчуг, тающий от жара.
Молвит: "Нет, в разлуке сердцу не снести тоски удара.
Что ж перечить? Все ж уедешь, - мой совет твоим не пара."
159

"Замени меня на время" - речью той не мучь меня!
Как нести патрона бремя? В чем тебе соцветен я?!
Лучше в землю лечь, как в ясли, но не знать разлуки дня.
Ты возьми меня с собою. Я помчусь, твой след храня".
160.

Витязь молвит: "Слушай правду, весь ее усвоив толк:
Ведь миджнур, в поля умчавшись, должен быть там одинок.
Обрести возможно жемчуг лишь за плату и за торг.
Приколоть копьем тех должен, кто не выполнил свой долг."
161

Кто, как ты, так добр и чуток, чтоб услышать сердца стон?
Кто с тобой равняться может? Кто такой, как ты, патрон?
Укрепляй границы, чтобы враг не мог нанести урон.
Я опять вернусь, быть может, коль таков судьбы закон."
162

Всех равно судьба сражает - будь один иль будет сто.
Мне не страшно, коль мне в помощь сил небесных естество.
Не вернусь домой в три года, - пусть раздастся плач и стон.
Подчиню тебе я хасов завещательным листом".

БЕСЕДА АВТАНДИЛА С АСМАТ В ПЕЩЕРЕ

227

Вниз сойдя, коня лихого отвязал он от ствола,
Сев верхом, к пещере едет. Дверь распахнута была.
Дева выбежала, слезы в пламя сердца пролила.
Мнилось ей - вернулся витязь в блеске светлого чела."
228

Не узнала: этот витязь с тем не схож своим был ликом.
Убежала, оглашая горный кряж и дебри криком.
Но, как птиц силком хватают, задержал ее он мигом,
Отвечали скалы стонам одноликим гулким кликом."
229

Не давалась, вырывалась, избегая даже взгляда,
Как в когтях орла добыча. Жизни горестной не рада.
Тариэля кличет в помощь, но вдали ее ограда.
Автандил же на коленях просит знаками, что надо."
230

Молит он: "Адама отпрыск пред тобой, - кричишь напрасно.
Видел я того, чья роза цвет теряет ежечасно,
Стан - чинара, лик - сиянье. Кто же он - скажи мне ясно.
Не обижу, будь покойна, не кричи так громогласно".
231

Отвечает дева с плачем - просьбе вторит рассужденье:
"Коль в уме ты, брось попытки! Нет, - послушай вразумленье:
Ведь того, о чем ты просишь, невозможно исполненье,
Не мечтай, что ты получишь этой тайны откровенье".
232

Повторяя, молвит: "Витязь, что ты хочешь - непонятно.
И пером его деянья описать кто может складно?!
"Расскажи" - ты мне раз скажешь. "Нет", - отвечу я стократно.
Смех дороже плача, мне же и веселье безотраднo".
233

"Ты не ведаешь, о дева, я откуда, как страдаю!
Весть о нем искал я тщетно по всему земному краю.
Я тебя нашел, но вижу - огорченье причиняю.
Не расскажешь - не отстану. Не стыдись меня, взываю!"
234

Дева молвит: "С кем связалась? Кто ты мне иль я тебе?
Солнца нет со мной. Как иней, ты вредишь моей судьбе.
Речи длинные несносны - вот ответ твоей мольбе,
Будь что будет, но ни слова не позволю я себе!"
235

Став пред нею на колени, призывал он всех богов.
Не сломить ее мольбою, и напрасен к небу зов.
Лик его горит от злобы и из глаз сочится кровь.
Прядь волос схватив, ей в горло он свой нож вонзить готов.
236

Молвит он: "За бездну горя - это вот тебе урок,
Что заставила заплакать, извергая слез поток.
Но коль скажешь, успокоюсь, - в том даю святой зарок.
Если ж нет - с тобой покончу, будь тому свидетель бог!"
237

Та в ответ: "В своих исканьях ты дошел до грани зла,
Не убьешь, так я останусь не убита и цела,
Не скажу тебе, покуда не объемлет смерти мгла.
А убьешь - навек умолкну; так и сгинет все дотла!"
238

Повторяет: "Кто ты, витязь, каковы твои желанья?
У меня, пока жива я, ты не вынудишь признанья,
Я отдать себя согласна добровольно для закланья,
Растоптать сама готова злой судьбы предначертанья.
239

Ты не думай, что страданье я найду в своей кончине, -
Отрешишь меня от плача и от слез моих отныне.
Для меня - вся жизнь былинка, что считать ее святыней!
Я чужому не доверюсь и молчу по той причине".
240

Витязь думает: "Не скажет. Путь неправый избран мной.
О другом подумать надо и осмыслить ход иной.
Отойдя, садится наземь, оросив глаза слезой.
Молвит ей: "Тебя обидев, как останусь я живой?"

241

Дева мрачно села рядом, в ней жива еще обида.
Автавил сидит, рыдая, речь людская им забыта,
Ширь же розового сада слезным озером покрыта.
Разрыдалась тут и дева, не снеся страданий вида.
242

Слезы жалость в ней будили, и сама уже в слезах,
Но с чужим она сидела - слово стыло на устах.
Тот заметил: "Утихает в ней душевных волн размах".
Со слезами молвит витязь, вновь пред ней склоняясь в прах:
243

"Право звать тебя сestroю потерял я безвозвратно.
Огорчив тебя, в сиротстве пребываю безотрадно,
Тщусь вернуть твое доверье, ведь гласит преданье внятно:
Как ни тяжко прегрешенье, все ж прошение семикратно.
244

Хоть я грубым обхождением заслужил позор и срам,
Вес ж жалеть миджнура надо. Ты внемли моим словам.
Мне нужна твоя поддержка, ведь беспомощен я сам,
Душу дам тебе за сердце, что ж тебе другое дам?"
245

И как только услышала о любви миджнура к милой,
Залилась слезами дева, застонав с стократной силой.
И в рыданиях безутешных вновь ей стала жизнь постылой.
Исполняет воля неба все желанья Автандила.
246

Видел он, как изменился девы лик при слове этом.
Исстрадалась, видно, в чувстве, ливнем частых слез согретом
Молвит он: "И враг, сестрица, принимает вас с приветом,

Знай, миджнур сам ищет смерти, не боясь разлуки с светом
247

Я миджнур - любви безумец. Жизнь влюбленных не легка.
Отыскать героя послан солнцем я издалека.
Всех путей мин скитаний не поймут и облака.
Но сердца нашел я ваши, - значит, цель моя близка.

248

В храме сердца, как икону, я воздвигнул солнца лик,
Но в скитальческую душу вместо света мрак проник.
Дать мне плен или свободу ты б могла в единый миг.
Дай мне жизнь иль смерть, чтоб грани всех страданий я достиг!"

249

Дева витязю соткала слово - прежнего пестрей:
"Речь твоя красна и к цели приведет тебя быстрее,
А пред тем вонзил мне в сердце нож, что вражьего острее!
Я близка тебе отныне и верна сестры сестрей.

250

Коль ты поднял взор миджнура в мир надежды, а не зла,
Мне велит мой долг отныне, чтоб твоей рабой была.
Отпиралась я доселе, и тебя объяла мгла,
А теперь я сжечь готова для тебя всю жизнь дотла.

251

Коль мои советы точно все исполнишь неизменно,
То и цели всех исканий ты достигнешь непременно.
Не исполнишь - не достигнешь, хоть рыдал бы ночью, денно.
Возроптав на мир, увидишь: бытие пред смертью тленно".

252

Молвит витязь: "Это слово мне напомнило о том,
Как откуда-то, куда-то шли два путника вдвоем.
Задний видит, как передний вдруг сорвался в водоем.
Подбежав к колодцу, плачет он о спутнике своем.

253

Молвит бедному: "О, спутник, там останься, жди меня!
Я извлекь тебя желаю и пойду искать ремня".
Тот в колодце засмеялся и кричит, судьбу кляня:
"Если б даже и не ждал я, то куда бежал бы я?"

254

Узел дней моих отныне держишь ты в руках, сестрица,
Без тебя ведь мне на помощь, не возденется десница.
Сотвори со мной, что хочешь, ты - надежд моих зарница.
Повязать главу без раны - сумасшествием мне мнится".

255

Дева молвит: "Витязь, речью покоряешь ты сердца,
Без сомненья, ты достоин восхвалений мудреца.
Хоть и в тягостных страданиях удостоился венца,
Но послушай, и достигнешь ты желанного конца.

256

Повесть витязя проведать не дано людскому кругу,
Коль чудесные сказанья не расскажет сам он другу.
Подожди, пока вернется, нет тут места недосугу,
Брось свои морозить розы, не снежи из слез ты вьюгу.

257

Назову нас, коль желаешь знать ты наши имена:
Таризель - зовется витязь, в нем людская мысль темна,
Я - Асмаг, в огне пылаю и покоя лишена.
А душа, вздыхая, гаснет, разве только лишь она?!

258

Не скажу о нем я больше, разговор окончен мой.
Статный телом бродит в поле, чуждым стал ему покой,
Я питаюсь мясом дичи, что приносит он с собой,
И не знаю, рано ль, поздно ль возвратится он домой.

259

Я прошу тебя, останься и не ездь по полям,
Умолю, когда вернется, - может, что и выйдет там.

Помогу узнать друг друга. Коль сойдетесь по душам,
Он все скажет, ты ж повергнешь сказ возлюбленной к стопам".
260

Витязь, девы речь послушав, стал во всем покорен ей.
Шум донесся к ним от речки, повернули очи к ней.
Проплыла луна над речкой, горный кряж блистал светлей,
Витязь с девой спохватились удалиться поскорей.
261

Молвит дева: "Исполняет все твои желанья бог,
Но останься незаметным и укройся за порог,
Воле витязя перечить из живых никто не мог.
Если б вашу встречу мирно мне устроить рок помог!"
262

В глубине пещеры дева Автандила скрыла сразу.
Слез с коня печальный витязь, блеском лат сверкая глазу,
Он рыдал, и слезы к морю мчались, вторя скорби гласу.
Автандил все видит втайне, строго следуя приказу.
263

Слезный ливень лег шафраном на хрустальные их лица
Неуемно плачет витязь, плачет дева, как черница.
Разнуздав, коня уводит в грот, унылый, как темница.
Стихли оба. Сохнут слезы на агатовых ресницах.
264

Автандил же наблюдает, точно пленник из темницы:
Дева под ноги постлала шкуры пестрые тигрицы.
Витязь сел на них, и душу тянут вздохов вереницы,
Расплело слезой кровавой врозь гишерные ресницы.
265

Высекает жар огнивом и костер разводит дева,
Мнит, что жареное мясо витязь скушает без гнева.
Поднесла, - кусок от мяса оторвав, как плод от древа,
Пожевал, но был бессилен донести еду до чрева.
286

Он прилег поспать немного, спал как будто на ходу,
Вдруг он вздрогнул, с громким криком заметался, как в аду.
То поленом, то камнями, бил себя он, как в бреду.
Дева щеки кровянила, на его смотря беду.
287

"Отчего вернулся? - молвит. - Что случилось вновь с тобой? "
Тот ответил: "Царь, охотясь, повстречался вдруг со мной.
Войск ряды он вел и много вез имущества с собой,
По долине шла охота, шли загонщики толпой.
268

Вид людей тоску навеял, грудь мне пламенем тесня.
Чтоб не видеть их, отъехал я, свою судьбу кляня,
С бледным ликом повернулся, к лесу вывел я коня,
Думал, спрячусь незаметно здесь до завтрашнего дня".
269

Дева слушала, и слезы полились сильней стократ.
Молвит: "Бродишь по долинам, только зверь тебе собрат,
Род людской тебе несносен, никому уж ты не рад.
Так без пользы для любимой угасают дни подряд.
270

По лицу земли скитаясь, ты прошел весь мир до края,
Неужели никого ты не нашел, везде блуждая,
Кто б с тобою znalся, гнева у тебя не возбуждая?
Ты умрешь иль он погибнет, - польза будет в том какая? "
271

Отвечал он: "Все, что молвишь, с добротой твоею схоже,
Но целительного зелья на земле искать кто может!
Ведь бесцельно то искать нам, что в сей мир еще не вхоже,
Лишь разлука духа с телом для меня всего дороже.
272

Где мне равная судьбою тварь всевышним рождена,

Чтобы в горе облегченье принести могла она?
Кто, в страданиях мне равный, чашу горя пил до два?
Нет таких среди рожденных, - ты, родная, лишь одна".

273

"Не сердись! - Асмаат сказала. - Обращаюсь я с мольбой,
Так как быть твоим вазиром мне начертано судьбой.
Я того, что здесь случилось, не сокрою пред тобой,
Кто чрезмерно долго медлит, тот рискует головой".

274

Он в ответ: "К тому, что просишь, путь направь ты напрямик.
Друг, полезный мне, без бога ведь не мог родиться вмиг.
Но ведь богом я отвержен, провиденья путь велик!
Со зверьями я лишь дружен, и звериным стал мой лик".

275

Осмелела снова дева: "Что ж тебя томить мне боле?
Если витязь пред тобою по своей предстанет воле,
Чтоб тебе доставить дружбой облегченье в тяжелой доле,
Не вредить тому клянись ты, кто безвреден был дотолле! "

278

Витязь молвит: "Коль предстанет, радость будет велика.
Я клянусь, полей отшельник, страстью к той, что далека,
Что его на смерть и муку не предаст моя рука,
Что в весельи обоюдном дружба будет нам сладка. "

ВСТРЕЧА ТАРИЭЛЯ С АВТАНДИЛОМ

277

Дева вышла к Автандилу, что был пленнику подобен,
Ободрить его, и молвит: "Витязь, все узнав, не злобен".
Взявши за руку, выводит. Он луну затмить способен.
Тариэль, его завидя, молвит: "Он с светилом сходен".

278

Тариэль идет навстречу, солнце им обоим пара,
Иль луна, что светит ясно для всего земного шара,
С ними станом не сравнится из деревьев и чинара,
В них семи планет сиянье. Нет! С другим сравнить нет дара!

279

Обменялись поцелуем, чужестранность не видна,
Сквозь разрывы роз сверкают блеск зубов и белизна.
Оба горько зарыдали, шея с шеей сплетена,
Цвет рубинов стал янтарным, хоть и лала им цена.

280

Обернулись. Держит витязь Автандила длань рукою.
Вместе сели, долго плачут, слезы вдаль текут рекою.
И Асмаат смиренным словом призывает их к покою:
"Не губите жизни мраком, застилая солнце тьмою".

281

Иней розу Тариэля покрывал, не леденя.
Молвит он: "Твои все тайны разузнать влечет меня:
Ты отколь, куда ты послан, кто ты сам, в чем цель твоя?
Про меня и смерть не помнит, даже ей не нужен я".

282

Автандил ему ответил достославными словами:
"Тариэль, герой могучий! Лев, нежнейший между львами!
Я араб, в стране арабов я владею крепостями,
На костре горю миджнуров, весь объят любви огнями.

283

Да, влюбился я, несчастный, в дочь могучего патрона,
Повелительница рати украшает лоно трона.
Незнакомы мы, но видел ты меня с царем у склона,
Где рабов разил ты царских, умирающих без стона.

284

Мы тебя застали в поле, увязались за тобою.
Мой разгневался владыка, мчались мы, готовы к бою.
Звали мы, но ты уехал, вслед войска неслись толпою,

Поле в пурпур ты окрасил, проливая кровь рекою.
285

Плетью головы догнавшим рассекал ты без меча,
Нам и след твой был не виден, царь помчался сгоряча,
Как за каждаем, за тобою мчались воины, крича,
Мы совсем остолбенели, без просвета жизнь влача.
286

Царь в печали: своеволие ведь несет в себе порфира,
Все тебя искали - письма обошли пределы мира,
Стар и млад не находили для души смущенной мира,
И меня послала дева краше солнца и эфира.
287

Повелела мне: "Разведай тайну этого виденья,
И тогда твои исполню я сердечные стремленья".
Приказала мне три года жить в слезах долготерпенья,
И не странно ли, что прожил без ее я лицемерья?
288

Никого досель не встретил, кто тебя видал бы сам,
Кроме курдов, что дерзнули волку, дать своим словам.
Одного сразил ты плетью, уподобив мертвецам.
Про тебя от них проведал: брат их гибнет где-то там".
289

Таризель припоминает дело, бывшее тогда,
Молвит: "Помню, хоть минуло, не оставив и следа.
На охоте вас обоих я заметил без труда,
Хоть и плакал, ту припомнив, от кого была беда.
290

Что же было между нами, что связало вас со мной?
Вы, счастливы, наслаждались, мне ж ланиты жгло слезой,
Расхрабрились вы и гнали на меня рабов толпой,
Не меня пришлось, а мертвых вам везти назад с собой.
291

Обернулся и увидел я патрона твоего.
Мне царя в нем стало жалко, и не тронул я его.
И от глаз его умчался, не затеяв ничего.
С невидимкой лишь сравнил бы я мерана своего.
292

Улетает он, как вихорь, от людей в мгновение ока.
Я от всех, кто мне несносен, уношусь на нем далеко.
Понапрасну этих курдов наказать пришлось жестоко,
Не пристало им с угрозой возносить себя высоко.
293

А теперь - ваша! Явился предо мною ты недаром,
Солнцеликого героя вознесен твой стан чинаром.
Претерпел и ты страданья, сам сражен судьбы ударом,
Нелегко найти, коль смертный обойден небесным даром".
294

Автандил сказал: "Что хвалишь! Сам больших похвал достоин.
Что в делах моих такого, что хвалы я удостоен?
Лик единого ты солнца, в чьих лучах наш мир так строен.
Неизменен ты в страданьях и над морем слез спокоен.
295

Я забыл с тобой сегодня, от кого на сердце мгла.
Бросил я свое служенье; будь судьей добра и зла!
Бирюза всегда дороже и отборного стекла.
Быть с тобой навеки радость, вся печаль с души стекла".
296

Тот в ответ: "Сквозь пламень сердца ты готов подать мне руку.
Сомневаюсь, в возмещение чем бы мог служить я другу.
Но таков закон: постигнет лишь миджнур миджнура муку.
Чем воздам тебе, с любимой причинив тебе разлуку?
297

Ты, служа царю, стремился отыскать меня скорей.
Волей бога я нашелся, к цели шел ты всех храбрей.

Но про жизнь мою кто скажет, отчего я среди зверей.
Если сам скажу тебе я, - стану пеплом от огней".

298

Тут Аснат: "О лев, слезами не помочь любви огню.
То не дело. Коль угодно, речь послушайте мою.
Вижу, витязь этот молча за тебя умрет в бою.
Ран твоих узнав причину, пусть изложит мысль свою.

299

Он просил, чтобы о прошлом речь вела я с ним, как с ближним.
Если бог тебе даст силы, места нет словам излишним.
Все узнав, едва ль с тобою он пирам предастся пышным.
Все прекрасно, что дается провидением всевышним".

300

Тариэль хранит молчанье, словно он сожжен пожаром.
Молвит ей потом: "В страданьях ты мне спутница не даром.
Не лечить того, ты знаешь, кто сражен судьбы ударом.
Жаль мне этого героя, что объят весь слезным жаром".

301

Молвит витязю: "С собратом кто сойдётся, как родня,
Должен быть он смерти стоек, не бежать, себя храня.
Бог дает одним блаженство, злой бедой других казня.
Все скажу тебе. Ты слушай. Пусть погибну от огня".

302

Молвил он Аснат: "Поближе подойди ко мне с водой,
Окропив, верни к сознанию, сердце ты мое обмой.
Коль умру, меня оплачешь, вздыхая надо мной.
Колыбель могилы дай мне, в ней найду себе покой".

303

Грудь раскрыл, готов к рассказу, нет покрова на плечах,
Восседал с померкшим взором, как светило в облаках,
Губы сжаты и застыли мысли в сдавленных речах.
Глубоко вздохнув, он вскрикнул, слез потоки на глазах.

304

"О любимая! - рыдает. - Для меня пропавший клад,
Жизнь моя и упованье, разум мой, покой и лад!
Кто ж тебя, эдема древо, на корню подсечь был рад?
Средь пожаров бьешься, сердце, опаленное стократ! "

РАССКАЗ ТАРИЭЛЯ АВТАНДИЛУ О СВОЕЙ СУДЬБЕ

305

Ты послушай и пойми ты о судьбе моей сказанья,
Мой язык едва ль охватит все беседы и деянья.
От затмившей мне сознание тщетны счастья ожиданья,
Мой удел - лишь слез потоки, бесконечные страданья.

306

Всем известны в царствах индов семь царей с могучей властью,
Шесть из царств у Парсадана. Он исполнен самовластья.
Царь царей богат и знатен, озарен лучами счастья,
Станом - лев, и ликом - солнце, войск водитель в дни ненастья.

307

Мой отец седьмою частью сам владел, врагов сражая,
Саридан - его так звали - был в боях защитой края,
Не случилась - явно ль, - с ним обида никакая,
Жил охотясь и не ведал, что такое скорбь мирская.

308

В одиночестве печальном грудь ему пронзила рана,
Он сказал: "В боях с врагами забирал я земли рьяно,
Восседаю я в довольстве, и веселью нет изъяна,
Я пойду под власть отдамся самодержца Парсадана".

309

К Парсадану с тем решением снаряжает он посольство:
Передать: "Удел всех видов - под твоей рукой довольство.

Вам служить готовый, сердца испытать хочу проворство.
Сказ о верной нашей дружбе сохранит навек потомство".

310

Парсадан пирам предался, получивши эти вести,
Отвечал: "Хваленье небу шлю я, царь земных поместий!
Коль мне равный, царь индусов, ты мне длань прости без лести,
Приходи, отца и брата дам тебе я знаки чести".

311

Он ему оставил царство, дал и титул амирбара, -
Амирбар имел у индов сан амира-спасалара.
Не лишен во всем державных он ни почести, ни дара,
Сам патрон, и не хватает только звания кейсара.

312

Моего отца владыка наравне держал с собой:
Ведь такого амирбара не имеет царь другой.
Он смирил врагов отвагой, на охоту шел, как в бой.
Схож с родителем я мало, как иной не схож со мной.

313

Но бездетны царь с царицей, им не свет зари восход,
Опечаленно взывали к небу войско и народ.
В это время я родился, - будь он проклят, день невзгод!
Царь сказал: "Я воспитаю: ведь у нас один с ним род".

314

У владык я был за сына, чтити, как отец и мать,
К управлению приучали, как вести страну и рать.
Мудрецам меня отдали, чтоб дела царей познать.
Я созрел и, солнце ликом, льву я, стройный, был под стать.

315

Подтвердить, Асма, ты можешь, что поблекнул я от горя,
А смущал красой я солнце, как лучи - туман межгорья.
"Злак эдема!" - все кричали, красоте хвалою вторя.
Стал теперь своей я тьмой, прежний облик свой позоря.

318

Лет пяти я был, как помню, и царица зачала..."
Так сказав, вздохнул, заплакал. "Дочку ей судьба дала..."
Хоть Асма водой кропила, взор ему затмила мгла.
Продолжал: "Росла, как солнце, та, кто жизнь мою сожгла."

317

Речь моя сказать бессильна, как в ней было все прекрасно.
Парсадан все дни пирует, песни льются многогласно
И царей спешат соседи одарить многообразно.
И войскам дают подарки, как с преданьями согласно.

318

Время шло, владыки стали дочь воспитывать со мной,
И уж с детства засветился в ней светила луч тройной.
Царь с царицей нас любили, как детей семьи одной.
Назову сейчас я имя той, кто пламя мне и зной".

319

Но, любимой вспомнив имя, не владел уж он собой.
Автандил в слезах внимает, сердце вновь объято тьмой.
Привела героя в чувство дева, брызгая водой.
"Ты дослушай, - он промолвил, - хоть конец и близок мой."

320

Нестан-Дареджан, запомни, названа была она.
Лет семи уже прекрасна, с детства мысль ее ясна,
А в красе поспорит с солнцем, ей подобье - лишь луна,
С ней в разлуке чашу горя мой удел испить до дна.

321

Дева выросла, созрела. Я уж в бой ходить готов.
Видел царь, что может дева уж занять престол отцов,
И меня к отцу отправил, раз я был уже таков,

Что и в мяч играл, и в поле львов давил я, как котов.

322

И для девы дом построил царь, исполненный забот,
На базальте он поставлен, и из лала сделан свод,
Дом с висячими садами, водоем душистых вод.
И жила в нем та, кто сердце жжет мне пламенем невзгод.

323

Денно, ночью из кадила ей курился фимиам,
То на мир из башни, смотрит, то гуляет по садам.
И Давар, невестка каджей, тетка ей, жила с ней там,
Дочку ей на воспитанье повелитель отдал сам.

324

Там ковровая палата, всюду бархатная ткань,
От людского взора скрытый, девы лик прозрачно-рдян.
С ней Асмаг и две рабыни, - вот и все, кто был ей дан.
И на этом Габаони цвел ее прелестный стан.

325

Лет пятнадцать мне, но длится попечение царя,
С ним дневал, не разлучала и вечерняя заря.
Силой - лев, сияньем - солнце, станом - злак эдема я,
Отличался в состязаньях, достохвальное творя.

326

Потухали зверьи зори от стрелы моей удара,
Выходил я на арену, не гася охоты жара,
Задавал пиры я, полный день-деньской хмельного пара,
А теперь в разлуке с девой я лишился жизни дара.

327

Умер мой отец. Окончен день последний Саридана.
Прекратился пир веселый во дворце у Парсадана.
Кто пред ним дрожал от страха, на лице у тех румяна,
А друзья по нем рыдали, в их сердцах раскрылась рана.

328

Я весь год одет был в траур, тяжелой жизнью омраченный,
Я рыдал и днем и ночью, одинокий, огорченный.
Царь прислал за мною хасов, злой разлукой удрученный:
"Тариэль, довольно, чадо! Снять пора твой траур черный.

329

Сами сильно мы страдаем, что ушел, кто был нам равен".
Дар с посланцами богатый Парсаданом мне отправлен.
Я по царскому указу был наследником объявлен:
"Назначаю амирбаром, будь по всей стране прославлен".

330

Я горел от горя, сердце жег огонь неугасимый,
Но меня выводят хасы, снял я траур, мной носимый.
Повелитель индов весел. Гость в пиру я, всеми чтимый.
Вышел царь ко мне навстречу, обнял, как отец родимый.

331

Я заметил: близко к трону был посажен я недаром,
Царь с царицей обласкали, поздравляя с высшим даром.
От высокой этой чести я отказывался с жаром,
Мне велели, и с поклоном стал я индов амирбаром.

332

Но уж многое забыто, ведь с тех пор промчались годы.
Рассказать все сразу трудно, сердцу тяжело от невзгоды.
Вероломен мир коварный, лжи и зла растит он всходы,
Вихри искр, его нас мучат, жгут, как огненные своды."

ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ ТАРИЭЛЯ

333

Начал он рассказ, как только вновь от слез обрел покой.
"Как-то я и царь с охоты вместе ехали домой.
"Дочь увидим", - он промолвил, руку сжавши мне рукой.
И не странно ль - помня это - что влааю я собой?!

334

Вижу сад - всего прекрасней, что объемлет небосвод,
Сладкозвучнее сирены слышен птичий хоровод,
Многогранные бассейны благовонных полны вод.
Бархатистыми коврами занавешен башни вход.
335

"Турачей отдай царевне!" - слышу я слова приказа.
Повернувши, мне на горе, едем тихо до дарбаза,
И с тех пор плачу я миру тяжкий долг свой без отказа.
Чтоб пробить из камня сердце, нужен дротик из алмаза.
336

Царь укрыл от чуждых взоров дочь свою, что солнцу пара.
Поднял он ковровый полог, я ж не видел неба дара.
Я слышал лишь приказанье, полон трепетного жара,
Чтоб Асмат взяла немедля турачей у амирбара.
337

Подняла Асмат завесу: ожидал я за порогом.
Девы взор сразил мне разум, как в беспмятстве глубоком.
Дичь Асмат спросила, отдал я, горя в огне жестоком.
И с тех пор в огне сгораю, что в веках не связан сроком.
338

"Где ж лучам, что ярче солнца, ныне гаснуть довелось? "
Застонал, не в силах вспомнить. Побледнела лика роза.
Зарыдали витязь с девой, слышно эхо вдоль утеса.
Молвят, плача: "Ослабели руки, дерзостных угроза".
339

Облила Асмат водою, привела его в сознание,
Прекратил он речь надолго, затемняло ум рыданье,
И, смешав с землею слезы, испытал души стенанье.
"Вспоминать ее, - он молвит, - безграничное страданье.
340

Бытия кто верит чарам, вознося его предметы,
Испытав, заметит вскоре в нем предательства приметы.
Отвергающих кумиры мудрецов я чту советы.
Ты внемли мне, коль не сгубят жизнь мою судьбы наветы.
341

Турачей отдал и тут же я поникнул головою,
Ниц упал, не мог и двинуть ни плечами, ни рукою.
Чуть очнувшись, слышу крики, нет предела плачу, вою,
Домочадцы подходили, будто к лодке, чередую.
342

На постели пышной в зале я лежал, как дидебул.
От рыданий и от плача раздавался всюду гул,
Люди рвут себе ланиты, ко дворцу призывали мулл,
И решили на совете: это сделал Вельзевул.
343

Царь меня обнял, увидев, что открыл глаза я вновь.
"Чадо, - молвит, - ты не умер, не жалею для нас ты слов".
Я же вздрогнул, как безумец, безответен был их зов.
Снова впал я в исступленье; обливала сердце кровь.
344

Окружить меня явились мукры, разные муллиммы,
Надо мной читали книги и коран свой досточтимый,
Колдовство во всем узрели, предрассудком одержимы.
Я лежал три дня без чувства, жаром огненным палимый.
345

Молвят лекари: "Болезни этой род нам неведомек,
И лечить его не надо: опечалил сердце рок".
То я вскакивал безумно, то в словах терял я толк.
Слезы, что лила царица, мчались к морю, как поток.
346

Пробыл так три дня в дарбазе я, ни мертвый, ни живой,
Понял все, что непонятно, овладев опять собой.
Думал, что проведаль тайну я за жизненной тропой,
И вознес творцу моление, чтоб окрепнуть мне душой.

347

Молвил: "Боже, не отвергни ты меня, молюсь тебе,
Дай мне силу над страстями, помоги моей судьбе.
Здесь мою узнают тайну, - дай вернуться мне к себе".
Вновь железным стало сердце, - внял мой бог моей мольбе.

348

Сел на ложе. Мчались люди доложить царю о том.
Лишь царице сообщили, та ко мне бежит бегом.
Царь без шапки тоже мчится, все забыв - дела и дом.
Славил бога царский голос, и молчали все кругом.

349

С двух сторон ко мне подсели, пью лекарство поневоле.
Доложил я: "О владыка, не страдаю сердцем боле,
Я верхом хочу проехать вдоль реки и дальше в поле".
Привели коней, садимся. Я с царем опять на воле.

350

Едем вместе майданом, вот поляна вдоль реки.
Царь провел меня, простился, стены замка уж близки.
Дома я. Мне стало хуже, сердце ноет от тоски.
Молвлю: "Жизнь моя во мраке, в ней не видно мне ни зги".

351

Мой хрусталь омыли слезы, перекрасив в цвет шафрана.
От ножей десятка тысяч у меня на сердце рана.
Ключаря опочивальни страж позвал к себе так рано.
Что подумал я: ужели им известно все? Как странно!

352

"От Асмаат посланец", - молвят. Что же надобно ему?
Он вошел с письмом любовным. Я прочел, сорвав тесьму.
Как я мог зажечь ей сердце? Удивился я письму
И под деревом сомненья ощутил на сердце тьму.

353

Удивляюсь я признанью и любви могучей власти.
Неудобным счёл молчанье: уличит меня в бесстрастьи,
Потеряв надежду, бросит мне она упрек в несчастьи.
Написал, что полагалось в сих делах любви и страсти.

354

Проходили дни, и в сердце разгоралось пламя снова,
Отвлекало и от войска и от сборища людского.
Не ходил в дарбаз; врачами был к постели я прикован,
И плачу с тех пор судьбине дань за радости былого.

355

Бесполезно все, и сумрак опустился к изголовью.
Не поймет никто, что забран в плен я пламенной любовью.
Надрезают мне десницу - царь решил: неладно с кровью.
Согласился я, подумав: тайну так от всех я скрою.

356

Тосковал в опочивальне я со вскрытою рукой,
Раб заходит. Я подумал: что несет он мне с собой?
"От Асмаат пришел посланец". Я велел ввести в покой,
Про себя успел промолвить: "Что возиться ей со мной?"

357

Я письмо прочел, весь полный сладострастного желанья,
По письму заметил жажду безудержную свиданья.
Отвечал: "Пришло нам время слушать сердца назиданья,
Прикажи, и я предстану пред тобой без опозданья".

358

Молвил сердцу: "Копья страсти причинят тебе кручину:
Амирбару, как владыке, инды все рабы по чину.
Заподозрят нас, поверят всех доказчиков почину,
Уличат нас и присудят мне изгнанника судьбину".

359

От царя посол явился, молвил после слов приветов:
"Кровь пустил ли я согласно высочайшего совета?"
Я ответил: "Улучшенья есть уж явная примета."

Во дворец явлюсь, и боли облегчит мне радость эта".

360

Я в дарбазе. Царь мне молвит: "Дай на этом кончить зло".

И без панциря и шлема посадил меня в седло.

Едет царь; пугает птицу соколиное крыло,

И кричат стрелки, занявши право-левое крыло.

361

Воротились, пировали после длительной охоты,

Как певцы, так и арфистки там не ведали дремоты.

Царь подарков сделал много от большой своей щедроты,

И в тот день царева свита богатела без заботы.

362

Как ни бился, потерял я в тяжелой грусти свой досуг,

Вспоминал я о любимой, весь в огне сердечных мук.

У себя я пир продолжил, пригласивши близких круг,

Чтоб за чашей круговую скрыть сердечный мой недуг.

363

Тихо молвит мне хранитель амирбарова добра:

"Кто-то просит амирбара, дева ждет там у шатра.

Видно, лих ее прекрасен, хоть и спущена чадра".

"Ты ее ко мне проводишь до желанного одра".

364

Мой уход неожиданный с пира всех смутил моих друзей,

Я сказал им: "Не вставайте, я вернусь к вам поскорей".

Сам пошел в опочивальню, раб в дозоре у дверей.

Сердцу я внушил на время воздержаться от страстей.

365

Я вхожу, навстречу дева направляет робкий шаг,

Молвит: "Счастлив тот, кто видит пред собою ваш очаг".

Я дивлюсь, что пред миджнуром дева кланяется так,

Мнилось мне: "Кто так неловок, тот в делах любви простак".

366

Я, войдя воссел на тахти, дева стала в стороне,

Не сочтя себя достойной быть со мною наравне.

Я спросил: "Что ж отдалилась, коль тоскуешь ты по мне?"

Та ни слова не сказала, став безмолвно в тишине.

367

Отвечает: "От позора в сердце боль вскипает знойно,

Коль ты мнишь, что мне за этим приходиться сюда пристойно,

Но внушает мне надежду, что ведешь себя спокойно.

Не могу роптать на бога, воздаст он мне достойно".

368

Молвит: "Пред твоим величием мысль моя опять пуста.

Верь, приказ я исполняю, говорю я неспроста.

Пред тобою раскрывает сердце дева-красота,

Пусть посланье то доскажет, что не вымолвят уста".

НЕСТАН-ДАРЕДЖАН ПРИГЛАШАЕТ К СЕБЕ ТАРИЭЛЯ

384

Как-то раз пришел я в спальню, возвратившись из дворца,

Спать не мог, забыть не в силах чар любимого лица.

Я владел таким посланьем, что нам радует сердца.

Вдруг раба зовет привратник, что-то шепчет у крыльца.

385

"От Асмаг посланец!" - молвят. Я велел ввести в мой дом.

Мне писала: "Приглашает та, что в грудь вошла ножом".

Радость сумрак осветила, разомкнулась цепь с замком.

Еду. Раб со мной. Ни слова никому и ни о чём.

386

В сад я въехал. Спутник скрылся, и уже не виден он.

Предо мной Асмаг с улыбкой, как в сиянии небосклон.

Молвит мне: "Ваша! Я выну шип, что в грудь тебе вонзен.

Посмотри, пойдя, где, роза, твой нетронутый бутон".

387

Подняла ковер тяжелый вверх с усилием немалым.
Предо мной предстало ложе, разукрашенное лалом.
А на ложе том светило в блеске лика нежно-алом:
Мне два озера блеснули черным блеском небывалым.
388

Я стою, она ни слова, хоть явился я на зов.
Лишь в улыбке, как родному, чуть заискрилась любовь.
И Асма, с ней пошептавшись, шепчет несколько мне слов:
"Уходи! Она безгласна". Я огнем охвачен вновь.
389

И пошли с Асма обратно мы за полог тот ковровый.
Я сказал: "О мир! Недавно мне, как врач, помочь готовый,
Ты зачем, внушив надежду, вновь даешь удел суровый?
Ведь и так мне злой разлуки испытания не новы!"
390

Счастье мне Асма сулила; через сад я шел домой,
Молвит мне: "И после встречи сохрани души покой.
Ты закрой завесу горя, двери радости раскрой,
Пред тобой Нестан смутилась, не смогла владеть собой".
391

Я молил: "Душе лекарства от тебя я жду, как дара,
Не губи, утешь вестями, не забудь ты зенаара.
И пиши мне письма чаще, не гаси во мне ты жара.
Если даже что узнаешь, не скрывай судьбы удара".
392

Еду; горьких слез потоки вызывала встреча эта.
Лег в постель - нет сил забыться, и в сознании нет просвета.
Мой хрусталь и лал поблекли, я синее синьки цвета.
Стал родным мне сумрак ночи, и не жаждал я рассвета".

ВСТРЕЧА ТАРИЭЛЯ С НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

399
Раб ко мне вошел нежданно, я был этим озадачен.
От Асма пришло посланье; взял его я, сердцем мрачен.
Было в нем: "Твое светило ждет тебя с мечтой горячей.
Приходи, так будет лучше, чем истлеть в тоске и плаче".
400

Я большое это счастье охватить не мог, как надо.
Опустилась ночь, я вышел и прошел ворота сада.
Там Асма на старом месте дожидалась, где ограда.
"Торопись! - с усмешкой молвит. - Видеть льва - луне отрада!"
401

Провела меня по дому, что украшен бани-баном,
И луна мне заблестала в ореоле осиянном,
Вся в зеленом, восседала на ковре багрянотканом,
Приводила чувства в трепет и лицом и стройным станом.
402

Я на край ковра ступаю, гаснет скорбь и в чувствах лад.
В сердце сумрак осветился и вознесся столп услад:
На подушке восседала та, что ярче солнц стократ,
От меня лицо скрывала, лишь тайком бросала взгляд.
403

"Отдохнуть, - рабе сказала, - пригласи ты амирбара!"
Сел я рядом на подушку с той, чей облик солнцу пара,
Рад был миру, хоть не ждал я от него благого дара.
Расскажу, коль жив останусь, что сказала мне чинара:
404

"За прием мой молчаливый на меня сердит ты даром,
Ты увял, как цвет долины, не согретый солнца жаром.
Ты, струя с нарциссов слезы, исстрадался в горе ярлом.
Но поверь, я застыдилась перед нашим амирбаром.
405

Хоть стесняться пред мужчиной для девицы долг стыда,
Хуже, если чувства сердца мы сокроем навсегда.

Сквозь улыбки прорывалась сердца тайная беда.
Я к тебе Асмат послала, правдой девичьей горда.

406

С той поры, как мы раскрыли тайны сердца друг для друга,
Ты считай меня своею - сердцем я твоя супруга.
Таково мое решенье, - зенаар тому порука.

Изменю, - пускай низвергнусь в прах с девятого я круга.

407

Так иди, срази хатайцев, укрепи рубеж войной,
Победив по воле бога, вновь ты встретишься со мной.
Тяжко будет, если долго не увижусь я с тобой.
Дай в залог свое мне сердце, а мое возьми с собой".

408

"Чтоб служить тебе, - я молвил, - стану жертвой я огня.

Ты зажгла мне светоч жизни, не сгубила ты меня.

Осветила ты, как солнце, блеском солнечного дня.

Я иду сразить хатайцев, храбрым львом явлюсь им я.

409

Смертный тем не удостоен, чем в тебе владею я,
Не странна мне милость неба, - все решает бог-судья.

Светлых глаз твоих сиянье сердцу мрачному заря.

Я до смерти твоей, покуда не разверзнет пасть земля".

410.

Я над клятвенною книгой клялся ей, она же мне.

И любовь повторной клятвой подтвердила мне вдвойне:

"Коль тебя я позабуду, мня тебя в чужой стране,

Пусть мне бог воздаст за это казнь, равной злой вине".

411

Пробыл с ней я срок недолгий в шебетаньи нежных слов,

Радость речи мы вкушали вместе с сладостью плодов.

Слез потоки проливая, я собрался, в путь готов.

И на сердце ниспустился от нее лучей покров.

412

Нелегко покинуть было мне бадахши - лал хрустальный,

Сердце биться стало чаще, обновился мир печальный.

Было все моим: и солнце, и эфира отблеск дальний.

Сердце тверже скал гранитных стало в этот миг прощальный".

ПОХОД ТАРИЭЛЯ НА ХАТАЙЦЕВ И БОЛЬШОЙ БОЙ

413

Я велел: "Сзывайте войско трубным голосом громовым!"

Описать весь стан могу ли? Каждый шел в поход готовым,

И к границам Хатаэти львом я ринулся суровым.

На путях нам старых тесно, по дорогам шли мы новым.

414

Позади пределы индов. Наш поход тянулся долго.

Мне послов послать навстречу хан Рамаз считает долгом.

Размягчить хотел мне сердце, речь свою построив с толком:

"И коза, индусы, ваша вмиг покончит с нашим волком!"

415

Ослепить меня хотели от Рамаза дивным даром,

Передали мне: "Молю вас, не губите нас вы даром!

Мы покорность перед вами закрепляем зенааром,

Без борьбы придем мы сами с нашим скарбом и товаром.

416

О грехе своем жалея, ожидаем мы пощады.

Будь к нам милостив, как вышний, не нужны твои отряды:

Пусть страны не губят нашей, бросив в нас небес громады,

С небольшим придите войском, замки вам сдадим и грады".

417

Посадив с собой вазиров, я их выслушал советы.

Доложили: "Коль ты юный, мудрецов услышь заветы:

Вероломны эти люди, знаем мы того приметы, -

Не пустили б в ход убийства и измены злой наветы.

418

Отправляйтесь! - мы решили. - Храбрецы поедут с вами,
А войска помчатся следом. Шлите вести вы с гонцами.
Если искренни хатайцы, пусть клянутся небесами.
Не смирятся - меру казни соразмерьте с гневом сами".

419

Их таким благоразумным я доволен был советом.
Я писал: "Рамаз, согласен я с полученным ответом.
Прав ты: "Лучше жить спокойно, чем расстаться с этим светом.
Не возьму с собою войско, сам приду к тебе с приветом".

420

Триста воинов храбрейших я от войска отобрал,
Остальных покинув, этих лишь с собою я забрал.
Войску дал приказ: "За мною, через доли, через вал,
Если будет нужно, гряньте, как подам я вам сигнал".

421

Пронеслись три дня. Попался нам гонец того же хана,
Вновь подарки так же ярки - украшение для стана.
Молвит мне: "Хан жаждет видеть вас здоровым, без изъяна,
Он спешит с дарами встретить амирбара Индостана".

422

Шлет вторично: "Молвит правду умоляющий мой глас,
Еду сам я вам навстречу; жажду я увидеть вас".
Я ему в ответ: "Исполню вашу волю, как приказ.
Встретим сладко мы друг друга, сын с отцом где лучше нас!".

423

Отдохнул я на опушке, где кончалась глушь лесная.
Появились вновь посланцы, предо мной главу склоняя,
От царя коней прекрасных мне в подарок погоняя.
Доложили: "У владыки жажда видеть вас большая".

424

Молвят: "Хан сказать изволил: "Еду той же я тропой.
Дом покинув, повстречаюсь на рассвете я с тобой".
Я послам его устроил не шатер - дворец большой!
С лаской принял их, они же вместе спали, как конвой".

425

О добре у добрых память сохраняется навек.
Вдруг, отстав от них, мне тайно молвит некий человек:
"Не воздам, что вам я должен, не смежу покуда век,
Не предам и не забуду благодетеля вовек".

426

С детства я на попеченьи был у вашего отца.
Видя против вас измену, я понесся за гонца.
Вас ли, розу и чинару, видеть с ликом мертвеца?
Ты внимай всему, что было; расскажу я до конца".

427

Эти люди строят козни - не попасть бы вам впросак,
Со стотысячной засадой дожидается вас враг,
Дале там их тридцать тысяч, оттого и ждут вас так.
Коль их не перехитрите - не спасетесь вы никак".

428

Царь приветливо вас встретит, - ваш и вид прельщает глаз,
Будут лстить, но ладить латы - тайный есть у них приказ.
Рати, видя знак от дыма, понесутся в бой все враз.
Много тысяч их, - конечно, победят немногих вас".

429

Благодарностью ответил я, как было то уместно:
"Буду жив - воздам. Спасенье хоть мое тебе и лестно,
Не давай другим заметить, с ними ты иди совместно.
Позабить тебя навеки - это было бы нечестно".

430

Никому о том ни слова, скрыл я будто наговоры.
Сам решил: что будет - будет, не спасут тут разговоры.

Лишь гонца к войскам отправил, - отделяли нас просторы, -
Передал: "Неситесь быстро, растопчите дол и горы!"

431

Молвил я с утра посланцам слово редкой доброты:
"Мчусь к тебе, Рамаз, навстречу, чтоб узреть твои черты".

Шел походом до полудня, не пугаясь маеты.

Рок тебя везде прикончит, где б следов ни прятал ты.

432

Пыль вздымается над долом, - вижу я издалека.

Молвил: "Хан Рамаз несется, сеть расставив для врага.

Не мечом - копьем их тело поразит моя рука".

Об опасности грозящей тут узнали все войска.

433

"Братья, - молвил я, - измену люди те готовят нам.

Не ослабнут в битве длани, - это каждый знает сам,

За владык живот сложивших души мчатся к небесам.

Днесь судьбу хатайцев вашим поручаем мы мечам".

434

Мой приказ надеть доспехи - гул громового раската.

Снарядились мы для боя, все в кольчугах, шлемах, латах,

Строй построив, мы помчались. Приближается расплата.

В этот день мой меч сражает моего же супостата.

435

Враг, прядблизясь, видит: свита, вся в доспехах, в бой готова,

И вести переговоры человека шлет к нам снова.

Говорят: "Пока, как видно, не менять вам клятвы слова,

Снаряженных мы вас видим, от тоски душа в оковах".

436

Шлю ответ им: "Вероломство ваше стало мне известно,

Но тому, что вы решили, совершиться неуместно

Коль угодно, мы сразимся, - это правильно и честно.

В ожиданьи вашей смерти в ножнах саблям нашим тесно".

437

Как вернулся их посланец, к нам не шлют его опять,

Войску дымом знак подали, вскрыв, где спрятан враг, как тать

Из засады выходила, в два ряда сомкнувшись, рать,

Не вредит нам строй их частый - с ними биться благодать.

438

Взяв копье, я поднял руку, чтоб стальной надеть мне шлем.

Жаждал боя, как прибою, чтоб нанести удары тем.

Двинул шагом я под стягом, протянулся станом всем.

Строй их тихо, а не лихо, ряд за рядом, мрачно нем.

439

Обозвали сумасшедшим, как я ближе подходил.

Устремился с дланью крепкой на стоянку главных сил.

Воин проткнут, конь низринут - оба в лоне всех светил,

Но копье сломал! Будь славен, кто, мой меч, тебя точил!

440

Ястреб в стае куропатов - так я вторгся в их ряды.

Смял бойцов с конями вместе в кучу страшной высоты.

Люди в воздухе кружились, и сверкали их пяты,

И остались от отрядов только жалкие следы.

441

На меня тут все насели, завязался жаркий бой,

Мой удар неотразимый разливал их кровь рекой,

С их коней тела свисали переметною сумой.

Все бегут, куда ни кинусь, - их и вид пугает мой.

442

Вечерело, и раздались их дозоров голоса:

"Уходите, там не стойте, вновь грозят на небеса.

Видно нам, как налетает грозной пыли полоса.

Все погибнем - так их много, не обнимут рать глаза"

443

То войска мои спешили, что оставил я нарочно,
Шли они ко мне на помощь, торопились денно, ночью.
По ущельям, через горы, к месту все примчались точно,
Подойдя, трубили зори, зазвучали трубы мощно.
444

Их завидя, враг помчался, мы за ним вослед, крича,
Поле боя мы повторно проскакали сгоряча.
И Рамаза сбросил наземь моего удар меча.
Пленных воинов связали, по земле их волоча.
445

Наши задние отряды смяли в бегство обращенных,
Низвергая, в плен их брали, побежденных, уstraшенных.
Было все как сновиденье для их воинов бессонных,
Хоть и живы все, но стоны раздавались полоненных.
446

Отдохнуть на поле брани я призвал своих бойцов.
Я мечом был ранен в руку, и лилась из раны кровь.
Лицезреть меня отряды приходили вновь и вновь,
Все хвалить меня старались, не хватало даже слов.
447

За глаза б тех слов хватило, что пришлось мне услышать.
Те словами поздравляли, эти шли меня обнять,
И, успех питомца видя, проливала слезы знать,
Моего меча ударам удивлялась сильно рать.
448

Я послал людей повсюду для сбирания дохода.
Для утечи воинов также им была дана свобода.
Разрешил пролить, где надо, кровь враждебного народа,
Без борьбы врага заставил крепостей открыть ворота.
449

Молвил я Рамазу: "Вижу нить твоих коварных дел.
Коль ты пленник - оправдайся, и тогда ты будешь цел.
Дай приказ, чтоб укрепленья защищать никто не смел.
А не дашь - за ослушанье хуже будет твой удел".
450

"Я во всем тебе покорен, - мне на это молвил он. -
Ты доверь мне дидебула, чтобы с ним я, как патрон,
Разослал приказ повсюду, где еще есть гарнизон.
Под твои отдам всё руки, будет всюду твой закон".
451

Дал ему я дидебула, с ним послал бойцов отряд,
Гарнизоны Хатаэти предо мною стали в ряд.
Мне отдали укрепленья, плачут горько стар и млад.
Получил я, победитель, несравненный ценный клад.
452

Вот вступил я в Хатаэти для обзора и обхода,
И ключи от всех сокровищ подносили мне у входа.
"Успокойтесь, - я промолвил представителям народа, -
Не сожгу вас зноем солнца, вам и так жарка погода".
453

Мы все склады осмотрели от их входов до углов,
Многоцветность их и ценность описать не хватит слов.
Там чудесную нашел я кабачу и к ней покров, -
Кто их видел, тот до смерти бредить их красой готов.
454

Я не знал, что за работа и привезена откуда,
Показал другим - дивились и сказали: "Божье чудо!"
Поперек и вдоль искусно ткань бесследно скрыта всюду,
Будто эту ткань сплавляла угольков каленых гряда.
455

Эту ткань я взял в подарок той, что светит небесам,
Все, что было поценнее, для царя я выбрал сам.
Десять сот верблюдов, мулов крепконогих взял я там,
И отправил я владыке и подарки и салам .

ТАРИЭЛЬ УЗНАЕТ' ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

560

Я послов назад отправил, сам от дум безумен я,
О Нестан вестей не слыша, стал добычею огня.
Я на вал крутой взобрался, что выходит в зелена,
И ужасное увидел... Не сгубило то меня!

561

Пешеходов двух заметив, я вперед заехал мигом,
И Асмаат увидел с ними я в смущении великом:
С головою, в кровь разбитой, с обагренным кровью лихом.
Не встречала, как бывало, ни улыбкою, ни криком.

562

Видя все, я растерялся до безумья, помертвев.
Ей кричу: "Скажи, что с нами, что сулит несчастий сев?"
Та лишь горько зарыдала, мне с трудом сказать сумев: -
"Раздробивши сферы неба, бог на нас низвергнул гнев".

563

Ближе став, спросил я снова: "Правду всю скажи мне ты!"
Слезы новые стекали, опалив ее черты.
Для десятой доли бедствий были б все слова пусты!
Кровь с ланит на грудь струится, и красны ее персты.

564

Говорит: "Скажу всю правду, - кто б молчать об этом мог!
Ты за вести за такие облегчи мой тяжкий рок!
Я молю, дай мне покинуть жизни горестный порог,
Отреши от гнета мира, за меня воздаст сам бог.

565

Кто виновник смерти зятя, это скоро стало ясно.
Царь, узнав о том, взъярился и разгневался ужасно.
"Привести ко мне убийцу!" - приказал он громогласно
И услышал в исступленьи, что искать тебя напрасно.

566

Как сказали: ты уехал, за врата умчался прочь.
Царь воскликнул: "Знаю, знаю, что случилось в эту ночь.
Кровь пролил он ведь недаром, полюбил мою он дочь,
Раз уж встретились, не стало сил разлуку превозмочь.

567

Я клянусь, с сестрой расправлюсь за жестокие удары,
Я добро велел ей сеять, а не дьявольские чары.
Дочь в соблазн она вводила, тайну скрыв влюбленной пары
Богохульником я буду, коль она избегнет кары".

568

У царя обычай твердый: никогда не клясться зря,
Клятву дав, держался слова, неуклонно все творя.
Кто-то, все узнав, поведал Кадж-Давар про гнев царя.
Кадж, читая тайны неба, знала, что сулит заря,

569

Кадж-Давар сказал об этом некий божий супостат:
"Пред людьми при всех поклялся погубить тебя твой брат".
Та в ответ: "Ведь я невинна, видит это божий взгляд.
Не поймет мой брат причины, что меня ввергает в ад".

570

У Нестан с тобой в разлуке не блистал уж свет во взоре,
Но была она красива в головном своем уборе.
То, что ей Давар кричала, неприлично в разговоре:
"Шлюха, ты меня сгубила, так познай теперь ты горе!

571

Жениха убить заставить - ох, наперсница разврата!
И зачем невинной кровью на меня падет расплата?
Как же ты навлечь посмела на сестру отмщенье брата?
С тем, кого на грех подвигла, знай, не ждет тебя услада!"

572

И рукой ее схватила, растрепала косы в пух,

Была досиня, нещадно, взор ее был мрачно - сух.
Дева тихо все сносила, перевесть могла лишь дух.
Я помочь была бессильна, хоть терзали стоны слух.
573

Позвала Давар, пресытись, двух рабов чернее сажи.
Перед ней они предстали, безобразны, словно каджи.
Наготове бот держали, подползали, как для кражи,
Усадили солнце-деву, окружив ее, как стражи.
574

И невидимо уплыли, скрыла их дворца ограда.
Тут Давар себе сказала: "Смерть за это мне награда!
Но пока убьют - убьюся, - жизнь мне будет хуже ада! "
И, сразив себя, упала, кровь лилась струей каскада.
575

"И не странно ль, что не стала жертвой я копья удара?
Вести горькие даруя, жду такого же я дара,
Отреши меня от жизни, внемли слову зенаара! "
Струи слез не высыхали от пылавшего в ней жара.
576

Я в ответ: "Ты невиновна, ты свое свершила дело.
Я Нестан обязан многим, - отплачу ли ей умело?
По воде, по горным кручам брошусь в поиски я смело".
Так сказав, я стал бесчувствен, сердце вновь окаменело.
577

Обезумел от волнения, от озноба в теле дрожь,
Сердцу молвил: "Утешаться воздыханьем - это ложь.
Лишь на поиски поехав, ты в полях покой найдешь.
Вот теперь друзья покажут, кто из них в пути хорош".
578

Я проворно снарядился и помчался на коне,
Сто и шесть десятков храбрых взял - ровесники все мне,
С ними я через ворота к той поехал стороне,
Где у взморья, взгляд лаская, бот качался на волне.
579

Сел я в лодку и на море стал среди морских дорог,
Чтоб никто из мореходов обойти меня не мог.
Тщетны все мои надежды, пуще гневаюсь на рок,
Что без милостей оставил и презрел меня сам бог.
580

Хоть и долгим срок казался, а всего прошел лишь год.
Но Нестан и в сновиденьях не видал морской народ.
И соратники лихие все погибли от невзгод.
Не дерзну корить я небо! Быть тому, что рок пошлет.
581

Снова вышел я на берег, мне тяжка морская ширь,
Сердце стало, как у зверя, и несносен мне вазир.
Я без спутников остался, одинокий поводырь,
Не предаст создатель твари, хоть ее отвергнет мир.
582

Лишь Асмаг и с нею вместе два раба - весь мой достаток.
Облегчали мне все трое жизни горестной остаток.
Про Нестан вестям по весу и до драхмы есть нехваток.
Проливаю слез потоки, плач о ней - и тот мне сладок".

ЗАВЕЩАНИЕ АВТАНДИЛА ЦАРЮ РОСТЕВАНУ

779
Сел писать он завещанье, о тоске души сказать:
"Царь, того, кого я жажду, тайно я ушел искать.
Без него, по ком сгораю, тяжела мне жизни кладь.
Призови, пристив, мне в помощь сил небесных благодать!
780

Знаю, ты мое решенье не отвергнешь под конец.
Друга спянный любовью не предаст врагам мудрец.
Я дерзну слова Платона привести, как образец:

"Вслед за плотью тленен духом как двуличный, так и лжец".

781

Ложь - источник всех несчастий и спокойствия утрата.
Как предам того, кто в жизни для меня дороже брата?
Если действовать не будешь, ни к чему ума палата.
Цель познания в том, чтоб влиться в стройность высшего уклада.

782

Ведь апостолов писанья о любви известны вам.
Как глаголят, как возносят! Будь соцветен их словам!
Гимн "Любовь нас возвышает" бубном возносят к небесам,
Коль их ты не понимаешь, как понять их простецам?

783

Кто родил меня и дал мне над врагами торжество,
Кто незримой силой дарит все земное естество.
Кто, найдя предел пределам, обессмертил божество.
Тот мгновенно претворяет сто в одно, одно же в сто.

784

Не бывает то, что воле всеблагого неугодно.
Без лучей небесных розы увядают ежегодно.
Красота нетленным видом возвышает благородно.
Разве, с другом разлучившись, жить могу я беззаботно?

785

Но прости, как ты ни гневен что я дерзко непослушен.
Я не мог снести страданий, мир мне, пленнику, стал душен.
Чтоб погас огонь горенья, мне отъезд, как лекарь, нужен.
Кто обрел свободу воли, тот к несчастьям равнодушен.

786

Бесполезны воздыханья и обильный слезомет.
Не свершившись, не проходит то, что небо людям шлет.
Сносит стойко все несчастья храбрецов отважный род,
Не менять земным созданьям бытия извечный ход.

787

Всё, чему дано от бога совершиться надо мной,
Пусть свершится! Всё исполнив, возвращусь к себе домой,
Вновь увижу величавых, вас, увенчанных судьбой.
Быть полезным Таризлю, - это весь прибыток мой.

788

Если мысль мою осудят, царь, предай меня ты казни.
Неужель в моем отъезде повод есть для неприязни?
Не предам я Таризля, я не раб людской боязни,
Не могу, чтоб он мне бросил в небесах упрек несправданный.

789

Не забыть про горе друга - это клад, никак не малый!
Презираю человека, если он изменник шальной,
Не солгу владыке солнца, что в лучах сияет, алый!
Ни к чему храбрец кичливый и вояка запоздалый.

790

Хуже нет, когда со страхом воин в бой идет кровавый,
Ужасаясь, весь трепещет и дрожит пред смертью, здоровый.
Чем же лучше хилой пряжи воин слабый и лукавый?
Всех богатств добытых лучше добыванье доброй славы.

791

Не задержат смерть теснины, ни скалистая вершина.
Храбрецов и малодушных перед ней равна судьбина.
Под конец юнцов и старых примет вечности долина,
Недостойной жизни лучше достославная кончина.

792

Повелитель, не дерзну ли доложить тебе со страхом:
Тот не прав, кто забывает хоть на миг, что станет прахом.
Уж грядет, кто днем и ночью все одним сметает взмахом.
Знай, коль я с тобой не свижусь, взят я времени размахом.

798

Если буду я низвергнут разрушающим все миром
И умру один, не слыша плача тех, чьим был кумиром,

Не одет рукой питомцев и святым не мазан миром,
Пусть твое благое сердце эту весть приемлет с миром.
794

Не измерить всех сокровищ, что хранил я по дворцам,
Одари ты неимущих и свободу дай рабам.
Раздавай богатство щедро бесприютным беднякам,
Память добрую за это обрету средь них я сам.
798

Что найдешь из тех сокровищ для хранения непригодным,
Часть отдай мосты построить, часть - домам богоугодным.
Не считай моих убытков, действуй, как найдешь удобным.
Чтоб меня утешить, кто же может быть тебе подобным?
796

Уж тогда с моим посланьем не придет к тебе гонец!
О душе своей пишу я, как проситель, но не льстец.
Лесь бесплодна; в добром деле делу дьявола конец.
Ты прости великодушно! Чем воздаст тебе мертвец?
797

Как за лучшего из верных, я прошу за Шермадина,
Без конца ему страданья шлет текущая година.
Приласкай его - ведь к ласкам он привык у господина,
Чтоб сквозь очи не прорвалась слез кровавая плотина.
798

Завещание закончив, приложил к нему я руку.
Воспитатель, меркнет разум, не снеся с тобой разлуку!
Не носить по мне вам траур, одолейте сердца муку,
Пусть пред царственным величьем страх объемлет всю округу".
799

Шермадину дал письмо он, кончив рукопись на этом.
"Что с тобой - сказал - решили, всё дерзни сказать с приветом.
Кто же, как не ты, умеет верным быть моим зачетам? "
Обнял он его, и слезы полились кровавым цветом.

ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА К ПРИДОНУ

940
О зачем ты, мир коварный, ввергнул нас в круговорот?
Кто тебе, как я, отдался, непрестанно слезы льет.
Нас отколь куда кидаешь, где сметаешь жизни всход?
Но к отверженным тобою преисполнен бог забот.
941

Автандил в разлуке плачет, слышен вопль до небокрая,
Молвит: "Я теперь, как прежде, плачу, кровью истекая.
Как была трудна мне встреча, так тяжка разлука злая.
Не равны на свете люди - между ними грань большая".
942

Насыщали зверя в поле с кровью пролитые слезы.
Автандил не мог, сгорая, отвратить огня угрозы,
Тинатин он вспоминает, и печалют душу грозы,
И сияет блеск хрустальный сквозь узоры алой розы.
943

Отцвела, завянув, роза, тополь-стан поник от бури,
Хрустала и лала грани отражают цвет лазури,
Но сдержал он натиск смерти, сердца в скорби не понурил.
Говорит: "Покинув солнце, не дивлюсь, что день мой хмурый".
944

Солнцу молвит: "Ты ведь отблеск Тинатин моей ланит.
Освещает дол и горы ваш соцветно схожий вид.
Оттого-то мне, безумцу образ твой покой дарит.
Но зачем ты отвернулась? Это грудь мне леденит.
945

Лишь на месяц удаляясь, солнце шлет нам стужу зим,
Как не стыть мне, коль два солнца бросил я, тоской томим?

Но утес не знает боли и тоской не победим,
Ран ведь нож не исцеляет, только боль несет он им".
946

Путник к небу плач возносит, солнцу молвит, говоря:
"Ты над властью власть, о боже, вот к тебе взываю я.
Ты, кто малых ввысь возносишь, дав счастливым трон царя.
Дай узреть любимой очи, в полночь день не претворя.
947

Плачем плач и горем горе увеличь, Зуал, мне ты
И покрой мне сердце мраком, ввергни в бездну темноты,
Бремя мук, как ношу мулу, ниспошли мне с высоты
И скажи моей любимой: "Он слезой сменил мечты".
948

Я к тебе, Муштар, взываю, дай правдивый приговор,
Разреши нам справедливо сердца с сердцем нежный спор.
Не бери греха на душу, омрачив правдивца взор,
Прав я, знай, не мучь, вскрывая в сердце раны давних пор.
949

Вот, Марих, я умоляю, грудь пронзи мне без пощады
И потоком алой крови обagri мои ты латы.
Ты возлюбленной поведай, как я стражду от утраты,
Ведь ты знаешь, как лишился в этой жизни я отрады.
950

Помоги ты мне, Аспирос! Грудь мне та зажгла пожаром,
Кто столь дивно цепь жемчужин алых губ объяла жаром.
Ты сама ведь одаряешь всех красавиц этим даром,
Чтоб такой, как я, бедняга погибал в безумьи яром.
951

Отарид, с твоим лишь можно мне сравнить свой жалкий рок.
В плен забрав, меня сжигает солнца огненный клубок.
Опиши мои страданья, вот чернила - слез поток,
Я свой стан, как волос тонкий, быть пером твоим обрек.
952

Сжался, Месяц, надо мною, гасну я, как ты, - иссох.
То, как ты, я полон солнцем, то опять без солнца плох.
Расскажи моей любимой, как я страстью взят врасплох,
Пусть запомнит: выпускаю для нее последний вздох.
953

Страсть мою поют светила голосами всей седмицы,
Отарид, Муштар и Солнце все с Зуалом бледнолицы,
А Луна, Марих, Аспирос опустили вниз зеницы
Возвестить моей любимой, что страданьям нет границы".
954

Говорит он сердцу: "Ныне слезы льешь неиссушимо.
Жизнь сгубив, со злом сдружиться разве так неотвратимо?
Знаю, что черны, как ворон, волоса моей любимой.
Если горя мы не стерпим, счастье чем же нестерпимо?
955

Лучше буду жить я, даже жизнь сомнению подвергая!
Коль могу я видеть солнце, ни к чему тоска такая! "
Затянул он песню сладко, слез потоки низвергая.
Соловья с совой равняет звуком дивным песнь такая.
956

Отовсюду вышли звери слушать звуки песнопенья,
Наслаждаться дивной песней над водой взнеслись каменья
И, внимая плачу, плачут, внемля в чарах удивленья.
Он в слезах поет и видит всюду слезы сожаленья.

ПРИБЫТИЕ АВТАНДИЛА В ГУЛАНШАРО

1049
Автандил проехал море; стан его для глаз отрада.
Вдруг открылся взорам город. Ширь садов - его ограда.
Разноцветное цветенье - наслаждение для взгляда,
Красоту страны той дивной опишу ли я, как надо!

1050

Прикрепили лодку к сходням, где к воде спускался сад.
Автандил на стул садится. Он надел купца наряд,
С корабля свозить товары дал он грузчикам наряд,
Скрыв лицо, торгует витязь, каравану он тавад.

1051

И туда, где их стоянка, вскоре к ним пришел садовник,
Зачарованный красавцем, загляделся, как любовник.
Автандил задал вопросы, словно опытный сановник:
"Чьи вы люди, как зовется царь ваш, стольких благ виновник? "

1052

Снова молвил: "Все, что знаешь, расскажи подробно мне,
Что тут дешево на рынке, что в повышенной цене?"
Тот ответил: "Вижу образ, что с светилом наравне,
Вам скажу я все по правде, вы доверьтесь мне вполне.

1053

Десять месяцев проедешь, - все приморская держава,
Гуланшаро в ней столица, всей страны краса и слава,
Привозить товары морем не лишен никто здесь права.
Здесь счастливого богатством блещет трон Мелик Сурхава.

1054

К нам приехав, молодеют одряхлевшие уж старцы,
Дни проводим мы в весельи, без конца здесь песни, танцы,
Круглый год цветут тут розы и не вянут померанцы.
И от нашего богатства без ума все иностранцы.

1055

У купцов больших все дело - получить в торговле прибыль,
Продают и покупают, - тут им выгода, там убыль,
Здесь за месяц богатеют, хоть каким бы бедным ни был,
В год товар приобретает, кто с пустой сумою прибыл.

1056

Я садовник у Усена, голова он над купцами.
Доложить я вам осмелюсь, как бывает с продавцами:
Этот сад - его поместье, где изволите быть сами,
Посмотреть сперва он должен, что есть ценного тут с вами.

1057

Все купцы, сюда приехав, представляются ему,
Все, что есть, ему покажут, без него же - никому.
Что ценней, ему представят, злато льют ему в суму;
Продают затем свободно, наживая денег тьму.

1058

И таким, как вы, почтенным, отдыхать у нас привычно,
Отвести для вас хоромы он прикажет, как обычно.
Но в отъезде он, не может встретить вас, как вам прилично,
Вообще ж, гостей встречая, приглашает всех он лично.

1059

Но Фатьма-Хатун ведь дома - госпожа его жена,
И она гостеприимна, для веселья рождена,
Дай ей знать о вас. Как близких, приглашать придет она,
В город люди вас проводят раньше, чем взойдет луна".

1060

Автандил в ответ: "Ступайте! Кто угодно, пусть придет"
И садовник убегает, по груди стекает пот,
И Фатьме он сообщает: "В гости к нам приехал тот,
Чья краса напоминает солнца ясного восход.

1061

Сам купец, и каравана он является тавадом,
Семидневную луною блещет станом, как и взглядом,
И под алым покрывалом он глядит червонным златом,
О цене спросил товаров, я сказал ему, что надо".

1062

И Фатьма-Хатун навстречу посылает к ним рабов,
Для товаров каравана по приказу склад готов.
Розолик, хрусталь-бадахши - Автандил к ней шел на зов.

Длань его, как лапа тигра; кисть же - точно как у львов.

1063

И весь город там собрался, раздавался шум и гам.
"Как-нибудь его увидеть!" - разносилось по рядам.
Автандила все ласкали и с ума сходили там,
И мужей презрели жены - горе горькое мужьям!

1064

И, гостей увидев, вышла к ним владелица Фатьма,
Обнаруживая радость, их приветствует сама.
Все с приветом в дом заходят, сели, радостны всеьма,
А Фатьма-Хатун, как видно, от пришельца без ума.

1065

Хоть Фатьма не молодая, но достаточно страстна,
Станом стройная, чернушка, не худа, полна она,
Любит песни, любит пляски вместе с чарою вина,
И купчиха-щеголиха по нарядам в ней видна.

1066

И Фатьма их угощала этой ночью от души.
Витязь ей дары подносит. Все сказали: "Хороши".
Огонек, что в ней зажегся, боже, рано не туши!
Ели, пили. Юный воин отдыхать ушел в тиши.

1067

Он наутро раскрывает все товары перед ней,
Отсчитал он, сколько надо, отобравши, что ценней.
И сказал купцам: "Возьмите!" - кладь подняли, кто сильней, -
"Про меня храните тайну и торгуйте, как сходней".

1068

Он ходил купцом одетый, хоть халат на нем и вис,
То Фатьма к нему вбегала, то он к ней спускался вниз.
Часто так сидели вместе, их беседа, мчалась ввысь.
Смерть Фатьме - с купцом разлука, как с Рамином - смерть для Вис.

РАССКАЗ ФАТЬМЫ О СУДЬБЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

1109

День Навроза, праздник светлый, установлен этим градом,
В путь не тронутся торговцы, не займутся и подрядом,
Красоту мы все наводим, блещем праздничным нарядом,
И в дарбазе отмечают праздник царственным парадом.

1110

У купцов в тот день обычай - во дворец нести подарки,
И ответные подарки от царя, как наши, ярки.
Десять дней напевы арфы оглашают своды арки,
На майдане песни звонки, состязанья в беге жарки.

1111

И больших купцов проводит во дворец мой муж Усен,
Я их жен сопровождаю, все за мной идут, как тень.
Все царицу без различья одаряют в этот день.
Вдоволь там повеселившись, под свою идем мы сень.

1112

Этот праздник - день Навроза - мы встречали как-то раз.
Царский двор подарков полон, одарил и нас дарбаз.
И, довольные, вернулись мы к себе в урочный час,
И пирушку продолжала я с подругами у нас.

1113

Был уж вечер, порезвиться мы ко мне спустились в сад.
Всех хатун я угощала, как обязывал обряд.
Были с нами песнопевцы, исполняли песни в лад.
Я играла, молодилась и меняла свой наряд.

1114

Там в саду красу балконов завершали капители,
Над просторным кругозором, над морской волной висели.
Я туда вошла с гостями, все вокруг меня там сели,
Принесли нам угощенье, утопали мы в весельи.

1115

Жен купцов я угощала, неприступная для зла,
Но средь радостного пира вся я вдруг занемогла.
Гости вышли, замечая, что печаль меня зажгла.
Одинокую, объяла горечь некая, как мгла.

1116

Ставни в окнах я открыла, озидала длинный путь,
Мрак печали разгоняла, чтоб дышала легче грудь.
Там, средь моря, что-то плыло, в волнах виделось чуть-чуть:
Либо зверь, а может, птица иль другое что-нибудь.

1117

Подплывающую лодку я заметила потом,
Плыли двое с черным телом, волосами и лицом.
Ближе головы заметив, вижу, выплыли вдвоем,
Было странно, но все ближе шли туда, где был мой дом.

1118

Прямо в сад втащили лодку, втихомолку, впопыхах,
Не следит ли кто, искали, озираясь второпях.
Ничего кругом не видят, что внушить могло бы страх,
Чуть дыша, никем не зрима, наблюдала я впотьмах,

1119

Лишь сошли они на берег, вскрыли крышу кидобана,
Извлекли оттуда деву - красота и диво стана,
Вся в зеленом облаченьи, а покров темней тумана,
Красоты хватило б солнцу, - так была она румяна.

1120

Дева ликом повернулась - осветил вершины, луч,
И ланит ее сиянье вознеслось превыше туч.
Я глаза пред ней смежила, - свет ее был так могуч.
Я спустилась незаметно, дверь тайком закрыв на ключ.

1121

Четырем рабам велела, что стояли там на страже:
"Посмотрите, инды взяли в плен светило солнца краше!
Подкрадитесь потихоньку, не скачите в диком раже.
Продадут - так заплатите, будь цена с запросом даже.

1122

Не дадут - возьмите силой, перебив нещадно их,
И луну ко мне доставьте, не пугайтесь дел лихих! "
И рабы мои подкрались, - как полет, их шаг был тих, -
Вид у черных злой и денег не приемлют никаких.

1123

Я с балкона перегнулась, лишь заметила разлад,
"Бейте их! " - и обезглавил их немедля мой отряд,
В море трупы, и лишь деву берегут они, как клад.
Я мгновенно к ним спустилась, взяв ее, бегу назад.

1124

Что скажу в хвалу той девы? Что за нежность, красота!
Я клянусь, не солнце - солнце, солнце впрямь лишь дева та,
Очертить ее не может и волшебная черта.
Быть в ее лучах сожженной - беззаветная мечта! "

1125

Смокла тут Фатьма и щеки расцарапала рукой,
Автандил тоску обрызгал раскаленной слезой.
И они, забыв друг друга, обезумели душой,
Снег пушистый увлажняли слез нахлынувшей рекой.

1126

Плач окончен. Молвит витязь: "Расскажи все до конца!"
Та в ответ: "Мне так хотелось с ней в любви сравнить сердца!
Надоела ей, целуя всю от пяток до лица,
Возвела ее на тахти, вся дыша огнем юнца.

1127

Я спросила: "Кто ты родом? Как луч солнца к нам проник?
К этим черным как попала ты, чей звездам равен лик? "
Тщетны были все вопросы, светлый лик ее поник,

И в стократных переливах пробивался слез родник.

1128

Чем я больше приставала к ней с излишним разговором,
Тем сильнее она рыдала, чувств подавлена напором.
На хрусталь с нарциссов лился слез поток гишерным бором.
Я горела, дивной девы опечаленная взором.

1129

Молвит: "Ласки материнской мне твоя дороже ласка,
Ни к чему мои рассказы: это горестная сказка,
Мчит скиталицу средь терний горькой участи указка,
Но была б грехом пред роком сокровенных дел огласка".

1130

Поняла: пытаться рано услышать светила глас,
Это только взволновало б и в безумье свергло б нас.
Кстати сказанный и к месту, поучителен рассказ
Ясно, что для солнцеликой не пришел беседы час.

1131

К деве, дивной, как светило, я опять простерла длань.
Скрыть ее хочу, но трудно: где найти сиянью грань?
Я завесы опустила, тяжела была их ткань.
Вихрь в ресницах девы веет и берет слезами дань.

1132

Привела к себе светило, станом тополь, луч лицом,
Ей для тайного жилища отвела отдельный дом.
От всего живого скрыла и держала под замком.
И, раба приставив к двери, заходила к ней тайком.

1133

Не сказать, какой тоскою жизнь ее была полна,
Днем и ночью непрестанно с глаз стекала слез волна,
Но на просьбу: "Замолчи же!" - умолкала вмиг она.
Без нее, увы, в разлуке, как снесла я жизнь одна!

1134

Я вошла, и перед нею слезных волн взнеслась громада,
И на черные озера копы свесились в два ряда,
И в озера ниспадает сток с гишерного каскада,
Близнецов жемчужных блещет между лалами ограда.

1135

Посреди потоков слезных я ее и не спросила,
Кто она, откуда родом, почему ей жизнь постыла.
Кровь бурлящею рекою стан-чинару оросила, -
Только б камень снес те муки, не снесла б живая сила.

1136

Ей не надо одеяла, все равно ей, спать на чем.
И довольна покрывалом, - все другое нипочем;
Спит и вместо изголовья подпирается плечом.
Пищу ей с мольбой давая, слезы я лила ручьем.

1137

Вот еще что было дивно: кабача и с ней покров!
Много ценностей видала я из всех чужих краев,
Описать наряд несчастной не хватает даже слов.
Ткань была нежна, а прочность - словно сплав стальных кусков.

1138

Солнце-дева проживала много времени у нас,
Мужу я не открывалась, - разболтал бы все тотчас.
Коль скажу, - я рассуждала, - донесет хитрец в дарбаз
С этой думою тяжелой заходила к ней не раз.

1139

Не скажу, так что ж с ней делать? - думой душу мне томило. -
Хоть узнать бы, что ей надо или что на свете мило.
Если муж о ней узнал бы, это было б мне могилой.
Солнцу равное лучами как сокрою я светило?

1140

Что одна могу я сделать? - эта мысль гнала в геенну, -
Чтоб не сделать мне ошибки, не сказать ли все Усену?
Если он мне поклянется, отвращу его измену,
Вероломным он не будет, но предаст души он тлену".
1141

Я к нему одна явилась. Розу радости сорвав,
Говорю: "Скажу я нечто, но клянись ты мне сперва
В том, что ты не выдашь тайны, клятвы выполнив слова".
Он поклялся: "Пусть о скалы разобьется голова!
1142

От меня об этой тайне не услышат - вот обет -
Ни родня, ни враг, ни старец, ни воитель юных лет! "
Сердобольному Усену я раскрыла свой секрет:
"Ты иди за мной в палаты, покажу светила свет".
1143

Встал он, мы пошли в хоромы, где вздымались к небу своды,
И ослеп Усен, увидев света солнечного входы,
Молвит: "Что ты показала? Кто она? Какой природой?
Если в ней хоть что телесно, пусть мне бог уменьшит годы! "
1144

Я ответила: "Не знаю, что в красавице телесно,
Сверх того, что я сказала, ничего мне неизвестно.
Мы вдвоем ее расспросим, отчего ей в мире тесно,
И от всей души попросим рассказать нам все любезно".
1145

Обратились к ней, но речи скромность девы нам сковала.
"Мы горим, ты видишь, солнце, вся душа запылала.
Как лечить луну, скажи нам, чтоб она опять мерцала?
Почему же стал шафранным цвет ланит, алее лала?"
1146

Понимала ль, не внимала ль, - не сказал нам девы взгляд,
В лепестки зажала роза близнецов жемчужных ряд,
Змеи кос, висевших косо, ширясь, шли в широкий сад.
Скрыл дракон светило - света удостоимся навряд.
1147

Ничего мы не добились нежной лаской и приветом:
То сидит, как тигр-аваза, и безмолвствует при этом,
То вопит в слезах и, видно, недовольна целым светом.
"Не скажу я вам! Оставьте!" - вот что было нам ответом.
1148

Сели оба, стали плакать мы горячею слезой,
В тех грехах пред нею каюсь, что мы знали за собой.
Ублажали, и просили, и вернули ей покой,
Фрукты, яства подносили, - не дотронулась рукой.

1149
Говорит Усен: "Все горе этот день забыть помог,
Тех ланит достойно солнце, целовать же кто б их мог?
Будет правым, кто проклянет бедной девы лютый рок.
Если дети мне дороже, пусть их всех загубит бог".
1150

На нее смотрели долго, уходя стонали: "Ах! "
Встреча с ней одна лишь радость, а разлука - тлен и прах,
Мчались вновь ее увидеть, день кончая второпях,
Наше сердце трепетало, полоненное в сетях.
1151

Время некое промчалось, ночь светлела, день же гас.
"Не видал давно владыки! - говорит Усек мне раз. -
Если дашь свое согласие, с даром я пойду в дарбаз".
Я почтительно сказала: "Ваше слово нам приказ".
1152

Он подарки приготовил, жемчуга и алый лал.
Я прошу: "В дарбазе людно, полон пьяных будет зал".
Я молю о том Усена, чтобы клятву он сдержал,

Он клянется вновь: "Ни слова! Пусть сразит меня кинжал! "
1153

Ко дворцу Усен явился, пир гремел на весь дворец.
Царь давно ариф Усену, и у них союз сердец.
Взял дары, сажает рядом и к нему склонил венец.
Гляньте, как купчина пьяный шустр, и быстр, и хват, и льстец!
1154

До его прихода царь уж не один испил стакан,
Чаши полны, все довольны, пили вволю, стол весь пьян.
Все забыто: что тут клятвы, что тут вера, что Коран!
Не нужна вороне роза, и ослу рога - изъян.
1155

Восхваляет царь Усена, захмелевшего глупца:
"Дивны все твои подарки, одобряю молодца!
Для царя и лал и жемчуг ты находишь без конца.
Чем воздам? - десятой доли не найду в ларях дворца".
1156

Муж с поклоном: "Благодарен, о великий государь,
Ты лучи струишь нам с неба, ты, светило, кормишь тварь,
Из утробы материнской что с собой мы взяли, царь?
Все твое, что наше ныне или нашим было встарь.
1157

Что царева благодарность мне за жемчуг и за лал!
Для царевича невесту рок Усену ниспослал.
Благодарен будешь, видя лика солнечный овал,
И еще поднимешь выше ты заздравный свой бокал".

1158
Так Усен нарушил клятву, - что ж тянуть печальный сказ!
Рассказал он все о деве, солнцем блещущей для глаз.
Царь рассказом был доволен, и настал веселья час:
Приказал Мелик немедля привести ее в дарбаз.
1159

Я веселая сидела, отогнав от сердца стон.
Вдруг въезжает к нам в ворота старшина, рабов патрон,
Шестьдесят рабов с ним были, как предписывал закон.
Диву я далась, подумав: чем грозит нам небосклон?
1160

"Мы, Фатьма, к тебе с приказом солнцеликого царя:
Здесь таится дар Усена, парой ярких солнц горя,
Дай нам взять ее с собою, нам помехи не твоя! "
Небо рухнуло, и никнет божьим гневом с гор заря.
1161

Я спросила удивленно: "Дева вам нужна какая?"
Отвечали: "Дар Усена здесь живет, лицом сверкая".
Все напрасно, приближалась дней моих кончина злая,
Ни стоять, ни сесть не в силах, трепещу я, увядая.
1162

Я к красавице вбежала, льет она потоки слез.
"Видишь, - молвлю, - мне, светило, испытанье рок принес;
Небо с гневом обернулось и ввергает нас в хаос.
Горе мне! Тебя царь просит, видно, нас сгубил донос".
1163

Та в ответ: "Хоть это тяжело, все снесем мы терпеливо,
Ведь костер тоски безмерной зажигает зла огниво.
Надо счастьем удивляться, а в несчастье что же диво?
Мне не новость смена горя, для меня оно все живо".
1164

И потоки нистекают вновь жемчужною слезой.
Поднялась она так храбро, словно тигр или герой,
И презреньем уравнила зло и счастье меж собой,
И, чадру просив, прикрыла солнца лик моей чадрой.
1165

Я пошла, открыла двери неисчисленного склада,

Жемчуга взяла и камни, все отдать была я рада.
По цене равнялись камни всей цене любого града,
Той, по ком горю, надела пояс из камней и злата.
1166
"Пригодится, - молвлю, - в жизни для спасительного дара".
Отдала рабам я деву, - блещет ликом солнцу пара.
Царь навстречу; шум и крики в облаках хмельного пара.
Дева, тихая, поникла от снедающего жара.

1167
И толпой сбежались люди, стали громче шум и крики,
И напора любопытных не сдержали стражи пики.
Станом, словно тополь стройным, очарован царь великий.
Вопрошает он: "Откуда этот образ солнцеликий? "

1168
Кто ни взглянет, как пред солнцем, перед ней смежит ресницы.
Молвит царь: "Вот мне открылись знания новые страницы,
Не от мира этот образ, а от божеской десницы,
Кто миджнур ее, тот должен без ума в полях носиться".

1169
Царь ее сажает рядом, и в речах его услада.
"Расскажи, кто ты, откуда, из какого родом града?"
Но молчит она, скрывая отблеск солнечного взгляда,
И сидит, потупив взоры, жизни горестной не рада.

1170
Этим царским излишням не могла она внимать,
Вдаль она умчалась сердцем, чтоб другое вспоминать.
Лепестки сомкнула роза, на жемчужинах печать.
Все смотрели и дивились, кто умел красу понять.

1171
Молвит царь: "Природу правды как же наш постигнет дух?
Из двух крайностей возможных правда лишь в одной из двух:
Иль она миджнур, и имя ей чье-то нежит слух,
И ко всякому другому дар вниманья в ней потух.

1172
Иль она - сама премудрость и взирает свысока,
Ей веселье - не веселье, ей и горечь не горька,
И судьба в беде и в счастье, словно в сказке, ей легка.
Мчится мысль ее, как голубь, нам чужда и далека.

1173
Вот приедет сын с победой из неведомого края,
Я в невесты предназначу сыну это солнце рая,
От него мы все узнаем, в чем ее судьбина злая,
До тех пор, вдаль от солнца, будет ждать луна, мерцающая".

1174
Про цареву сына скажем: добрый витязь и храбрец,
Ликом рдян и станом строен, повеленьем молодец.
Он надолго отлучился, он в боях лихой боец.
Лучезарную невесту приберег ему отец.

1175
Челядь женская невесту одевать в наряды стала,
И на платьях вязь каменье светозарно заблестала.
Поднесли корону деве самородного металла.
И над розой засветился луч прозрачного кристалла.

1176
Царь велел: "Украсьте ложе для наследницы, как надо".
И престол соорудили, весь из западного злата.
Тут поднялся царь великий, и за ним его палата,
И на трон возвел светило - озарение для взгляда.

1177
К ней хадумов девять стражей снарядил в охрану входа.
Продолжалось пируванье, по обычаям их рода.
В благодарность за светило дар Усену дан без счета,

Трубный звук, удары бубна услаждали слух народа.

1178

Вновь бушует пир, веселье, чаши ходят чередой.
Солнце-дева молвит року: "Мне лишь смерть дана тобой!
Я отколь куда попала, чьей я стану, чья душой?

Жизнь моя не выносима, как мне справиться с судьбой?

1179

Пусть краса моя не вянет, чей соцветен розе цвет!
Попытаюсь, - бог поможет! - над врагом достичь побед,
Кто ж из мудрых раньше смерти сам покинет этот свет?
В затруднениях нужен разум, ясный разума совет".

1180

Говорит, позвав хадумов: "Внемля мне, не будьте тупы!
В то, что пленница я ваша, может верить только глупый,
Счесть меня невестой может лишь царя рассудок грубый,
И напрасно этот праздник отмечают бубн и трубы!

1181

Не гожусь я вам в царицы, вдаль идет моя дорога,
Будь жених, как тополь, - свадьбу отвести прошу я бога.
Для меня судьбу иную испросите вы у рока,
А в совместной жизни с вами, знаю я, не будет прока.

1182

Жизнь свою, в том нет сомненья, кончу я ножа ударом,
Вам недолго жить придется: царь убьет вас в гневе яром.
Опоясана я золотом, одарю вас щедрым даром,
Только дайте мне свободу, чтоб потом не плакать даром".

1183

Развязала дева пояс и раскрыла свой ларец,
Лала цельного прозрачный с головы сняла венец.
Все дала, сказав: "Во имя вдохновителя сердец
Дайте волю мне, за это вам с лихвой воздаст творец".

1184

Жадность силу возымела, у рабов трясутся чресла,
Позабыты царь и служба, и вся, власть царя исчезла.
Отпустить ее решили, - чтоб невинность вновь воскресла.
Вот, смотрите, сила злата - корень дьявольского жезла!

1185

На земле не будет мира - род людской в цепях у злата,
Зубы в жадности скрежещут, ей одна лишь смерть преграда.
Но душа в потоках злата все ж судьбе своей не рада,
На земле в цепях у злата вся небесная услада.

1186

Все исполнили хадумы, что велела им Нестан.
В одеяние хадума вмиг одела стройный стан.
Ход другой нашли в воротах, а дарбаз, как прежде, пьян.
Не проглоченный змеею лик луны вновь осиян.

1187

Вслед за ней рабы сбежали и пропали без следа.
Слышу стук в ворота: дева вновь пришла ко мне сюда.
Я ее узнала сразу, и слились у нас уста.
Но она войти боялась: не случилась бы беда.

1188

Говорит: "Твоим подарком вновь купила я свободу,
Умоляю слезно бога за твою воздать заботу!
Дай коня мне, я уеду, вороному дам я ходу,
Чтобы царь за мной погнаться не успел велеть народу".

1189

Я взяла коня в конюшне, что быстрее всех там был,
Оседлала, посадила ту, чей лик меня пленил.
Словно лев, умчал он солнце, что превыше всех светил.
Так мое завяло жниво, что из всех растила сил.

1190

Вечер. Стало всё известно - мчится к нам гонцов колонна,
Оцепили дом, повсюду раздается гул трезвона.

"Если в доме, - отвечаю я блюстителю закона, -
Вы ее найдете, будь я кровопийцею патрона".

1191

Не найдя ее, уходят, повернувшись без привета.
Царь рыдает, свита плачет, в черный траур вся одета.
Молвят все дарбазцы, красясь краской сумрачного цвета:
"Отлучилось наше солнце, и остались мы без света".

1192

Что случилось дальше с девой, расскажу тебе потом.
А сейчас - о том, что случилось с тем вот грозным молодцом:
Для него была я самкой, для меня же он самцом.
Осрамит мужчину трусость, стыд для женщины - содом.

1193

Я супругом недовольна: он невидный и худой,
Этот юный царедворец украшал дарбаз собой,
Мы друг друга полюбили, хоть и хас он был большой.
Слаблю я твоя, что дал мне выпить крови молодой!

1194

Пред любовником не скрыла я о деве тайной вести,
Где и как ее укрыла, о ее заботясь чести.
Разглашением этой тайны угрожал он мне из мести.
Ныне он покойник, ты же спас меня, скажу без лести!

1195

Все грозил одним и тем же, как повздорим меж собой.
Я, позвав тебя, не знала, что вернулся он домой,
Испугалась, как узнала, что он встретится с тобой,
И тебя с пути вернуться умолял посланец мой.

1196

Если б ты ко мне явился, озаривши дом лучами,
Вы сошлись бы, и меж вами спор решиться мог мечами.
Я не знала, что мне делать, и блуждала лишь очами.
Тот моей возжаждал смерти всей душой, а не речами.

1197

Если б он в живых остался, то предстал бы пред царем
И, в огне тоски сгорая, доложил бы обо всем.
Царь, разгневанный доносом, повелел бы сжечь мой дом.
Мне б пришлось, детей сгубивши, под камнями стать комком.

1198

Что моя тут благодарность! Пусть тебе воздастся богом!
Без тебя уж мне пришлось бы быть плененной змиею оком,
А теперь вполне довольна я как жизнью, так и роком,
Не боюсь того, что дальше ждет за жизненным порогом".

1199

Автандил ответил: "Слушай голос мудрости старинной:
Враг открытый так не вреден, как под дружеской личиной,
Кто умен, тот не поверит слову лести беспричинной.
Но тебе уж тот не страшен, кто соцветен лишь с кончиной.

1200

Расскажи теперь про деву, что отправила ты в путь.
Про судьбу ее ты после не слыхала ль что-нибудь?"
Вновь Фатъма в слезах рыдает, и печаль колышет грудь:
"Ах, померкло снова солнце и не светел дол ни чуть!"

РАССКАЗ ФАТЬМЫ О ПЛЕНЕНИИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН КАДЖАМИ

1201

Мир мгновенный, с сатаною зло твое одно и то же!
Неизведаны пределы, где твое коварство вхоже.
Что готовишь солнцеликой - бездны мрак иль света ложе?
На тебя - я это вижу - все тлетворное похоже.

1202

Говорит Фатъма: "Унесся от меня вселенной свет,

С ней ушло мое здоровье, как и жизнь, на много лет,
Плачу в огненных потоках, мне с тех пор покоя нет,
Сил не стало, чтоб изгладить слез моих горячий след.
1203

Дом и мужа разлюбила, стала к детям бессердечной,
Наяву я ею брежу и в дремоте быстротечной.
А Усен клятвопреступник всех несчастий стал предтечей.
Подойти ко мне не смеет, проклят клятвою извечной.

1204

Как-то вечером однажды розовел вдали, закат,
Я на дом для чужестранцев иногда кидала взгляд.
Я о деве вспоминала, на душе был смертный хлад.
Кто мужским поверит клятвам, будет сам себе не рад.
1205

Вижу я: с тремя друзьями раб явился к нам как гость,
Ратно ряжен раб, другие, как в пути, одеты в холст.
Завтрак, в городе за драхму ими купленный, был прост,
Но питье, еда, беседа - и пошло веселье в рост.
1206

Я следила, им внимая. Молвят: "Нам далась услада,
Что сошлись мы здесь друзьями, но узнать друг друга надо.
Мы не знаем, кто откуда, из какого вышел града.
О себе сказать друг другу - то-то б нам была отрада! "
1207

Повели друзья беседу, разгоняя скуку дня.
Раб сказал: "Я, братья, видел отблеск высшего огня,
Жать жемчужины я буду на посеве ячменя,
Мой рассказ всех ваших лучше, вы послушайте меня!
1208

Я могучего владыки раб - владельца Каджети,
Но тяжелою болезнью смерть его забрала в сети.
Умер сирот покровитель - тяжело будет им на свете.
На руках сестры царевой от царя остались дети.
1209

Дулардухт ей имя, - скалы мягче этого отродья;
Рать ее неуязвима, рвет врагов своих, как гроздь.
Два племянника остались с ней: Росан, другой же Родья.
Ей досталось вместе с троном все величье благородья.
1210

Вдруг сестра ее скончалась в той стране, где плещет море,
Опечалились вазирьы, всю страну объяло горе.
"Как сказать царице: сгинул луч, мерцавший на просторе!"
Так сказал Рошак, начальник войска, бывшего в дозоре.
1211

Говорит он: "Хоть убейте, не могу я слышать плач!
Лучше в поле путь направлю для добычи и удач.
И домой вернусь я к сроку, как известный всем богач.
За царицей на поминки на коне помчусь я вскачь".
1212

Он сказал своим подручным: "Кто отважится со мной?"
И сто воинов отборных для разбоя взял с собой.
Днем мы грабили, и ночью забывали мы покой,
Мы громили караваны, и товар лежал горой.
1213

Едем ночью, темнотою застилало в поле след,
Смотрим в даль, и показался на равнине яркий свет.
Молвим мы: "Ужели солнце снизошло на этот свет? "
И, растерянные, ищем мы у разума ответ.
1214

Свет одним зарей казался, а другим - луны нарядом.
Посмотреть решили ближе, подошли мы всем отрядом,
Оцепили круг просторный и с светилом стали рядом.
Речь людская прозвучала нам, спаленным солнца взглядом.

1215

"Кто вы, всадники? - мы слышим. - Кто навстречу едет там?
Берегись! Из Гуланшаро мчусь к каджетским берегам".
Подскакав, как для осады, стали в круг мы там и сям,
Солнцеликий некий всадник нашим тут предстал очам.

1216

Лучезарный светлый образ мы увидели средь поля.
Весь сиял, он, словно солнце, озаряя даль раздолья.
Звуки слов его затихли, и к словам угасла воля,
От зубов лучи поднялись на агатовые колья.

1217

Обратились вновь мы к солнцу, не жалея сладкоречья.
Что не муж она, уж видим, - ложь открылась человечья.
И Рошак, узнав в ней деву, стал с ней рядом у предплечья.
И ее мы задержали силой, хоть и без увечья.

1218

Молим вновь: "Скажи нам правду, ты, соперница рассвета.
Кто ты есть, светило мира, и дитя какого света? "
Слезы льет она рекою, но не слышим мы ответа,
Жалко видеть в пасти змия полнолунный облик света.

1219

Скрыть хотела то, что явно, как и то, что сокровенно:
Кто она, от чьей измены бытие ей стало бренно,
Что-то смутно изрекала, но ни слова откровенно.
Как змея, чудесным взглядом чаровала взор мгновенно.

1220

"Не невольте, коль не может, - был Рошаком дан приказ, -
Об ее печальной жизни труден, видно, и рассказ.
Но рожден наш царь, то ясно, всем на зависть в добрый час,
Дивный дар уготовляет для него всевышний глас.

1221

Чтоб предстать царю с подарком, этот дар нам богом дан,
Будет нам он благодарен, поднесем, как армаган.
Коль сокроем, царь надменный будет гневом обуян,
Ведь утайка - преступленье и душе большой изъян".

1222

Согласились мы, не споря, прекратили все расспросы,
Деву взяв, туда пустились, где каджетские откосы.
Едем с нею в путь обратный без обиды, без угрозы,
А она рыдает, щеки омывают жадно слезы.

1223

Обратился я к Рошаку: "Я служил тебе недаром,
Отпусти меня по делу лишь до града Гуланшаро".
Получив его согласие, вот приехал я за ларом
И спешу теперь обратно я с награбленным товаром".

1224

Путешественники рады удивительному сказу.
Услыхав про все, не плачу, - высох брод от глаза к глазу,
Все приметы солнцеликой я узнала по рассказу,
Хоть немного, но все ж легче на душе мне стало сразу.

1225

Я раба того позвала, посадила пред собой,
Молвлю! "Жажду вновь услышать, что рассказано тобой".
Преодо мною вновь подробно повторил рассказ он свой.
Хоть не больше драхмы весом, все ж нашла душе покой.

1226

Два раба при мне тут жили, два искусных чародея,
Обращаться в невидимок мастерством вполне владея.
Я послала их в Каджети: "Отправляйтесь, не робея,
Раздобыть о деве вести - вам не хитрая затея".

1227

Путь в три дня прошли, вернулись, принесли о ней известья;
"Деву в дар царю отдали, в те заморские поместья,
Недоступна дева взору, как сияние созвездья.

И все рады, за Росана деву дивную невестя.

1228

Дулардухт сама велела: "Обручим ее с Росаном.

Не до свадьбы мне, печальной. Грудь окутана тумаком.

Солнцу равной справим свадьбу, как вернусь я, - поздно ль, рано",

Посадили деву в замок, и хадум ей дан охраной.

1229

В путь с царицей чародеев-каджей рать снаряжена.

Перед ними путь опасный и враждебная страна.

Храбрость каджей всем известна и в хвалах вознесена,

У родни теперь царица, - там задержится она.

1230

До сих пор на град Каджети не ходил никто походом,

Там среди града скал громада ввысь идет скалистым сводом,

И попасть возможно в крепость только лишь подземным ходом,

Дева там блистает, словно луч, что послан небосводом.

1231

И бойцы с некротким ликом там поставлены у входа,

Десять тысяч самых верных - все на хасовского рода,

Все три входа охраняют по три тысячи народа.

"Слыша это, молвлю сердцу: твой удел земной - невзгода".

1232

Как слышал эти вести солнцеликий Автандил,

Ничего он не ответил, хоть рассказ ему и мил.

Он, прекрасный, восхваляет благодать небесных сил:

"Вот какой неожиданный случай эту радость мне внушил! "

1233

"Я к тебе, Фатьма, - он молвит, - страстью нежною влеком,

Ты мне ясно рассказала все, о чем мечтал тайком,

Про дела и нравы каджей все поведай целиком.

Каджи, тварь без плоти, как же плоть нашли себе потом?

1234

Ведь душа моя несчастьем этой девы зажжена.

Если каджи бестелесны, так на что же им жена?"

Говорит Фатьма: "Я вижу, мысль твоя не так ясна.

Каджи - люди, их обитель - гор скалистых вышина.

1235

Каджи - имя, эти люди так другими нареченны.

Колдуны они и в тайнах чародейства искушенны,

Людам всем вредят, самих же не постигнет рок их черный,

Враг, ослепнув, покидает их, страданьем обреченный.

1236

Всех врагов смущают чудом, ослепляя им глаза,

От волшебных чар их в море разверзается гроза,

Осушая дно, проходят, где не блещет и роса,

Ночью день сменяют, в полночь озаряют небеса.

1237

Потому и имя каджей им дала там вся округа.

А на деле - это люди, их, как наша, плоть упруга".

Автандила благодарность слышит нежная подруга:

"Ты мне пламя погасила, велика твоя услуга".

1238

Автандила речи к богу благодарностью звучали:

"Будь же ты прославлен, - молвит, - утешающий в печали,

Бывший, сущий, несказанный, непостижный в высшей дали

И небесной благодати отверзающей скрижали.

1239

Автандил взывает к богу с благодарною слезой,

А Фатьма, горя, мечтает, что он к ней летит душой.

Витязь тайну сохраняет, притворяясь пред Фатьмой,

И Фатьма лобзает солнце, обхватив его рукой.

1240

И всю ночь лежала с милым, страсть ее слилась с рассветом,

Он обнял ее за шею, но жалел в душе об этом.

Тинатин он вспомнил с дрожью, с нею связанный обетом,
Озверевшим сердцем жаждал за зверями мчаться следом.
1241

Автандил дождит слезами, омывает тайно взор он,
И лады очей-агатов черный пруд манит простором.
"Гляньте, - молвит, - на миджнура: в чьих объятьях до сих пор он!
Соловью сорняк достался, и сижу на нем, как ворон".
1242

Даже камень размягчился б, канув в слезный водоем,
Пруд залит в гишерной чаше, в долу розы брод по нем.
Соловьем Фатьма запела, лежа с витязем вдвоем:
Коль найдет ворона розу, мнит себя уж соловьем.
1243

И ушло купаться солнце, завернувшись в луч рассвета.
Много платьев разноцветных принесла купчиха эта,
Благовонья разных видов и белье белее света;
"Надевай все без стеснения - это дар любви расцвета".
1244

Автандил сказал: "Раскрою днесь я узел тайных дел".
И купеческое платье позабыл, куда он дел.
На прекраснейшее тело латы витязя надел,
И, красой сверкая новой, лев, как луч, опять зардел.
1245

Ждет его Фатьма и яства приготовила сама.
Он приходит к ней веселый, на душе исчезла тьма.
Некупеческим нарядом очарована Фатьма.
Усмехнулась: "Так ты лучше, от тебя сойдешь с ума".
1246

И Фатьма, красавца видя, вновь в волнах сердечных бурь.
Про себя смеялся витязь, хоть на вид и был он хмур:
"Видно, сразу не узнала, распалилась чересчур".
Все же нет пути иного - вел себя он, как миджнур.
1247

Ели, пили и расстались, он ушел к себе домой.
Пьян слегка, душою весел, он обрел во сне покой.
Только к вечеру проснулся, озарив поля зарей,
И к Фатьме гонца направил: "Жду тебя! Я сам с собой".
1248

И Фатьма к нему приходит. Автандил услышал вздох:
"Ах, могучий ствол чинара раздерет меня на крохи!"
Посадил ее он рядом, стоны, жалобы заглохли,
Но в шатрах ресниц сегодня розы щек его засохли.
1249

Молвит он: "Тебя сегодня мой коснется разговор,
Как ужаленная змием, омрачишь ты ясный взор.
От меня ты слова правды не слыхала до сих пор,
Мне иных ресниц гишерных губит душу черный бор.
1250

Ты меня купцом считаешь и патроном каравана,
А ведь я служу спасетом у владыки Ростевана.
Я - тавад великих армий и блистательного стана,
И наполненного златом я владелец зарадхана.
1251

Ты доверия достойна, тайну я тебе вверяю:
Есть в арабском царстве дева - свет всему земному краю,
И она зажгла мне сердце, и в ее лучах я таю,
Порученье этой девы, бросив все, я исполняю.
1252

Я ищу повсюду деву, что бывала в доме этом,
Всю вселенную до края я прошел за нею следом.
Видел я ее миджнура: лев лежит с поблекшим цветом,
Исчерпав и дух и силы, он враждует с целым светом".
1253

Автандил Фатьме поведал о судьбе своей суровой,

О любимой Таризля и о шкуре о тигровой.
Молвит ей он: "Незнакомке будь на помощь ты готовой,
Чтобы черные ресницы ей распутать жизнью новой.
1254
Дай, Фатьма, друзьям на помощь мы сомкнем с тобою плечи,
Мы вдвоем того достигнем, чтоб светилам стало легче,
Род людской о нас узнает, нам в хвалу польются речи,
И, быть может, день настанет двух миджнуров новой встречи.
1255
Мы пошлем раба в Каджети, чтоб исполнил все по чести.
Пленной деве все, что знаем, сообщим мы оба вместе.
Чтобы знать, что нам затеять, пусть пришлет она нам вести.
Рок позволит царство каджей нам предать достойной мести".
1256
Говорит Фатьма: "Свершилось это все во славу бога,
То, что я узнала, мчится к высям вечного порога".
Был доставлен раб, как ворон, тайны ведает он рока -
И велит: "Спеши в Каджети, тут ведь длинная дорога.
1257
Ты сегодня мне покажешь пользу тайного ученья,
Коль мое исторгнешь сердце ты из пламени мученья.
Передай светилу в замок: средство есть ее леченья".
Тот в ответ: "Уже до завтра все исполню порученья".

ПИСЬМО НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

1279
Вот возлюбленному пишет, слышен стон, слезой прожженный,
И любви слезою гасит от любви ж огонь зажженный.
Написала - кто услышит, содрогнется, пораженный, -
И хрусталь сквозь розу блещет, лепестками отраженный.
1280
"Милый мой, в посланье это я вложила всю отвагу.
Стан-перо я в желчь макала, как в страдальческую влагу,
Я с твоим слепила сердцем это сердце, как бумагу,
Ты не рвись на волю, сердце, предназначенное мраку!
1281
Посмотри, мой друг, что может с нами сделать мирозданье!
Хоть лучи его и блещут, я во тьме - его созданье!
Покарать его, презревши, мудрецам велит познание.
Но ведь жизнь с тобой в разлуке - бесконечное страданье.
1282
Видишь, как обрек разлуке нас с тобой проклятый мир!
Не пришлось с тобой, любимый, мне узреть веселья пир,
И, копьем пронзив мне сердце, вдаль унесся мой кумир.
Скрытый разум раскрывает сокровенной тайны ширь.
1283
Гасла я, клянусь светилом, средь живых тебя не мня,
Силы жить и жажда жизни уж покинули меня,
Ныне, слыша все, пред богом я стою, главу склоня.
Горе прежнее затмилось в блеске радостного дня.
1284
Жизнь твоя мне светит щедро, как надежд сердечных знамя,
Хоть изранено все сердце и его сжигает пламя.
За тебя погибшей образ да хранит миджнура память,
Где взошли любви посева, и ростки лелею там я.
1285
Про себя же, мой любимый, что писать тебе другое?
И язык и ум бессильны зло постигнуть мировое.
Мне Фатьма дала свободу, - ей воздаст всевышний вдвое, -
Но наш мир, себе соцветно, вновь явил коварство злое.
1286
Видишь, ныне мир неверный множит мне беду бедой,
Но судьба нашла, что мало было муки мне такой:

Отдала меня в плен каджам, с кем вести опасно бой.
Все судьба, мой друг, послала, что мы вынесли с тобой.
1287

Я сижу в высоком замке, вижу дальние просторы,
Ход подземный охраняет неотступные дозоры,
За дорогой неустанно день и ночь следят их взоры,
Бьют врагов они, свергая сверху огненные горы.
1288

Иль ты думаешь, что каджи по-людски войну ведут?
Не сули страданий худших, чем теперь терплю я тут!
Видя смерть твою, сгорю я, как в огне сгорает трут.
Крепче скал ты будь в разлуке, пусть сомненья не гнетут.
1288

Ты отбрось, мой друг, сомнений отравляющее зелье,
Будто я чинарой-станом пью с другим любви похмелье.
Без тебя я все презрела - жизнь, и радость, и веселье.
Иль ножом себя зарежу, или брошусь я в ущелье.
1290

Солнцем я клянусь - другому не блеснет твоя луна,
Хоть бы к ней, клянусь, три солнца распалила страсть одна.
Лучше телом свергнусь, в пропасть, - здесь поблизости она,
А душа взлетит на крыльях в небеса, тобой полна.
1291

Умоляй творца, чтоб выход дал из тленной мне темницы,
Где огонь, вода, и воздух, и земля кладут границы,
Чтоб туда взнеслась на крыльях, где мечты моей зеницы
Созерцали б днем и ночью солнца вечного зарницы.
1292

Без тебя не светит солнце, нераздельное с тобой,
Ты его предвечный спутник - оба спаяны судьбой.
Образ твой увидев в солнце, тень души сменю зарей,
Жизнь была горька, но в смерти обрету души покой.
1293

Не страшусь я смерти, если дух отдам под твой покров,
И в могиле пламя сердца в темноте засветит вновь,
Там я вспомню о разлуке, и пойдет из раны кровь,
Ты ж не плачь, вспоминая, что ушла твоя любовь.
1294

Торопись в пределы индов: мой родитель ждет подмоги.
Окружен он там врагами без поддержки, одинокий,
С милой дочерью разлуки облегчи удар жестокий.
Вспоминай, как я рыдаю, проливая слез потоки.
1295

Но довольно мне, несчастной, слать судьбине укоризны.
Ты пойми, как правда сердца путь находит к сердцу ближних
За тебя умру, и ворон надо мною справит тризны,
Только слезы и страданья причину тебе я в жизни.
1296

Шлю тебе я твой подарок - знак приметь его примет!
Вот отрезок покрывала, как любви погибшей след.
Пусть останется на память, как больших надежд обет.
Обернулись к нам бедою все небесных семь планет".
1297

Вот окончила посланье, сердце к другу понеслось,
И кусок от покрывала отрезает наискось.
С непокрытой головою - вся в красе своих волос,
И летит благоуханье от чинары и от кос.
1286

Путь направ и в Гуланшаро, раб отправился домой,
Дней в дороге не теряя, он предстал перед Фатьмой.
Автандил, услышав снова весть о деве дорогой,
Молвит богу благодарность с мыслью светлой, не хмельной.
1299

Говорит Фатьме; "Мне в радость дела этого исход,

Я должник твой неоплатный, не забыть твоих забот,
Ехать надо мне немедля: ведь к концу подходит год.
Привезу в Каджети друга, там настанет день невзгод".
1300
"Лев, - Фатьма ему сказала, - мой огонь уж стал пожаром.
Сердце в сумрак погрузилось, разлучаясь с нежным жаром.
Торопись ты к Тариэлю - он я так в безумьи яром.
Если каджи возвратятся, пропадет ваш подвиг даром".
1301
И призвал к себе немедля витязь бывших с ним рабов.
Молвит им: "Из лона смерти к жизни мы вернулись вновь,
Долгожданное известье греет радостью нам кровь,
Нашей смертью не придется нам порадовать врагов.
1302
Расскажите вы Придону об успехе не нескромном,
Сам его я не увижу - я в порыве мчусь огромном.
Пусть гремит он громким криком, оглушив округу громом,
От меня ж дары берите, что добыл врагов разгромом.
1306
Хоть за преданную службу не сумел я вам воздать.
Но верну я долг немедля, коль мы встретимся опять,
Ваше - все добро пиратов, не мала была их кладь,
Хоть скупцом меня сочтете, больше нечего вам дать.
1304
На чужбине я ведь беден, хоть душа дарить и рада".
С корабля товаром ценным всем рабам дана награда.
Автандил велел: "С дарами до родного мчитесь града,
Вот письмо к царю Придону от меня, его собрата".

ПРИБЫТИЕ ТАРИЭЛЯ И АВТАНДИЛА К ПРИДОНУ

1360
На конях герои едут ранней утренней порой,
До владений Нурадина взяв Асмаг в седло с собой.
Там купец коня им отдал, да не в дар - за куш золотой.
Автандил дорогу знает - сам себе он путевой.
1361
Едут дальше, видят в поле Нурадиновы стада,
И была б страна любая их дородностью горда.
Молвит индо Автандилу: "То-то будет им страда,
Коль стада угоним в шутку! Знать дадут царю тогда.
1362
Слух пройдет, что мы их грабим, коль с собой угоним стадо,
Не жалеть потоков крови Нурадин велит отряду
И неожиданно нас узнает, гнев сменивши на отраду.
Посмеемся. Шутки в радость, коль, как надо, сердце радо".
1363
Бег коней начался буйный в табунах царя Придона,
Высекают искры в страхе пастухи вокруг загона.
"Кто такие вы? - кричали. - Стойте! Здесь стада патрона!
Так врагов своих он рубит, что кончаются без стона".
1364
Побратимы взяли стрелы пастухов пугать вдвоем,
Пастухи кричали в страхе, рев их слышался, как гром:
"Помогите, нас пираты уничтожат целиком!"
И Придону доложили о несчастье таком.
1365
Сам Придон готов сразиться, выезжает он верхом,
И на крик сбежались рати, войско движется кругом.
Шли навстречу к ним два солнца, им морозы нипочем,
Низко спущены забрала над глазами и лицом.
1366
Тариэль, Придона видя, молвит: "Вот кого хотел!"

Шлем он снял и улыбнулся, от улыбки лик зардел.
"Что же ты, - сказал Придону, - уготовил нам в удел?
Хлебосольство ваше, видно, хуже ваших бранных дел".

1367

Соскочив с коня поспешно, их приветствует Придон,
И герои соскочили - поцелуи и поклон.
И Придон, воздевши руки, чтит божественный закон,
Обнимался с ними каждый, что знакомством был почтен.

1368

Говорит Придон: "Что ж мешкать, жду я вас уж с давних пор,
Я готов к услугам вашим, мне не нужен уговор".
Встреча их напоминала двух светил с луною сбор.
И, друг друга озаряя, направляются во двор.

1369

Всех гостей царя Придона красота дворца пленила.
Он с собой сажает рядом побратима Автандила,
Знать на бархате прекрасном Тариэля усадила.
Вручены дары Придону, чье друзьям известна сила.

1370

Молвят: "Лучших подношений не имеем мы пока.
Но с богатствами пещера от тебя недалека".
До земли Придон склонился, благодарность глубока:
"Дар от вас мне так же ценен, как дающая рука".

1371

Отдыхали и вкушали у Придона угощенье,
Совершали рано утром, как обычно, омовенье.
И красивые наряды им служили в украшенье,
Жемчуга и самоцветы - Нурадина подношенье.

1372

Царь сказал: "Гостеприимство не должно встречать помехи,
Не подумайте, что с вами день проходит без утехи,
Но немедля в путь далекий надо ехать, взяв доспехи,
Если каджи возвратятся, то сомнительны успехи.

1373

Много войска нам не надо, храбрым выберем, хоть мало,
Их довольно и трех сотен, чтоб с врага сорвать забрало.
Чтоб громить в Каджети каджей, укрепим клинки кинжалов,
Обретем мы стан-чинару, чья печаль - как смерти жало.

1374

Как-то раз я был в Каджети. Эта крепость - грозный град.
Трудно брать его с налету - гор высоких крепок ряд.
Надо тайно нам пробраться, а не мчаться наугад,
Потому и бесполезно брать туда большой отряд".

1375

Согласились с ним герои, и поход их был решен.
Тут Асмаг рассталась с ними. Ей дары поднес Придон.
Триста всадников забрали - все бесстрашны, как патрон,
Кто вначале стерпит, после победит, - таков закон.

1376

Путь морской втроем проехав, едут дальше побратимы,
Днем и ночью от Придона их шаги неотвратимы.
Говорит Придон: "К Каджети уж приблизились в пути мы,
По ночам тут ехать надо, чтобы были мы незримы".

1377

Так решили три героя по Придонову совету:
День прождали, и лишь только тьма пришла на смену свету,
Едут ближе, крепость выше, - кто измерит силу эту?
Крепостной охраны крики по всему носились свету.

1378

Десять тысяч стражей было у подземного прохода.
Львы сказали, видя крепость в лунном свете небосвода:
"Поразмыслим, как добиться нам желанного исхода,
Сотня тысячи сильнее, - все зависит от подхода".

СОВЕТ НУРАДИН-ПРИДОНА

1379

Говорит Придон: "Скажу я то, что с истиной согласно:
Крепость сильная, нас мало, - понимаю я прекрасно,
Взять ее пытаться с боя самохвальством будет, ясно:
Внутрь уйдут, - тысячелетье простоим мы здесь напрасно.

1380

Упражнения гимнастов изучал я дома смладу,
Я в ученьи был прилежен, ловко прыгал чрез преграду,
И для глаз неуловимо пробегал я по канату,
Всем на зависть был известен я всему родному граду.

1381

Кто закидывать умеет петлю длинного аркана,
За зубец пускай зацепит башню вражеского стана,
Пробегу я, будто это не веревка, а поляна.
А уж там едва ль найдете человека без изъяна.

1382

Щит и меч тащить с собою не большая мне невзгода,
Полечу я, спрыгнув в крепость, как буран и непогода,
Уничтожу стражу каджей и открою вам ворота.
Вы ж туда войти спешите, где раздастся крик народа".

СОВЕТ АВТАНДИЛА

1383

Автандил сказал Придону: "Ты ведь витязь без упрека,
Не страдать тебе, коль веришь в силу длани так глубоко.
Твой совет - врагам погибель, твой удар разит жестоко.
Слышишь - это окрик стражи друг от друга недалеко.

1384

Чуть подымешься, услышит стража лат твоих бряцанье,
Подсекут аркан, признайся, - неуместно отрицанье!
Ты погибнешь, и угаснет жизни доблестной мерцанье,
Чтоб помочь беде, нам нужно здесь иное начинанье.

1385

Лучше станьте незаметно там, где прячутся от зноя,
Пропускает стража в город чужестранцев без простоя.
Я купцом переоденусь, яму хитрую им роя,
Нагружу на мула латы, меч, и щит, в все для боя.

1386

Всем троим идти не надо, - так заметят нас тотчас.
Я один, купцом одевшись, обману их зоркий глаз
И предстану перед ними, тайно в латы облачась.
Потекут потоки крови, если бог поддержит нас.

1387

Раздавлю внутри отряды, сам от них не зная горя.
Вы снаружи их рубите, храбрецам-героям вторя,
Сбив замки, я вам открою укрепления нагорья.
Если скажете вы лучше, не боюсь принять укор я".

СОВЕТ ТАРИЭЛЯ

1388

Тариэль сказал: "Понятна доблесть, явленная вами,
Столь мудры советы ваши, сколь вы мужественны сами.
Знаю - жаждете вы боя, зря не машете мечами,
В роковой момент сраженья смело вы пойдете с нами.

1389

Но подумайте вы также, чтоб и мне помочь советом,
Ведь, заслышав звуки боя, глянет дева солнца светом,
Вас завидит в гуще боя, а меня там нет при этом?
Для меня, скажу по чести, то позор пред целым светом.

1390

Лучше мой совет: исполним боевые все порядки,
Мы бойцов возьмем по сотне, чуть забрезжит проблеск краткий,
Трое строим устремимся мы верхами без оглядки,
Мчась врагам своим навстречу, вплавим в длань мечи для схватки.

1391

Смяв их живо, точно жниво, не дадим закрыть ворота,
Из троих один ворвется, двое бой начнут у входа,
Всех один в крови утопит, как в волнах водоворота,
Стянем латы, без преграды закипит в бою работа".

1392

Тут Придон сказал: "Предвижу трудность завтрашнего дня,
Не успеть им в крепость скрыться от дареного коня,
Я дарил тебе, не зная, что в Каджети ждет меня,
Я клянусь, не подарил бы, верность скупости храня".

1393

Так Придон промолвил в шутку, в развлечение друзей,
Мудрословные смеются, вняв веселью тех речей,
Потешались друг с другом, как им было веселей,
Приступили к снаряженью, оседлав лихих коней.

1394

Вновь шутивными речами обменялись второпях,
Порешили все, как было в Тариэлевых речах,
И бойцов по сотне взяли, не робеющих в боях.
На коней вскочили лихо, оправляя чабалах.

ВЗЯТИЕ КАДЖЕТСКОЙ КРЕПОСТИ И ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСТАН- ДАРЕДЖАН

1395

Трех героев светлый образ ярче солнца был для взгляда,
Светлый столп с семи созвездий к трем спустился, как ограда.
Тариэль красив и строен, конь - под ним очей услада.
Вид их - смерть для супостата, а для их друзей - отграда.

1396

Схожий образ трех героев я рисую без пороков:
Буйно хлещет дождь из тучи, гул в ущельях, рев потоков,
Вверх вздымаются озера, гром гремит с громадных стоков,
Выйдешь в море - на просторе тихо все, как у истоков.

1397

Хоть Придону с Автандилом нет там равного героя,
Но кто б жаждал с Тариэлем сокрушающего боя?
Затемняет солнце звезды, все светила светом края.
А теперь внимай, кто слышит, как раздастся гул прибора.

1398

Трое едут стройным строем, выбрав каждому ворота,
Триста воинов за ними, и геройского все рода.
Час полночный спешно, точно выбран ими для похода.
Подтянув щиты, собрались, чуть зарделся луч восхода.

1399

Но сначала шаг спокоен, будто путники в пути.
За стеной не догадались, не зажгли огня в груди,
Наблюдали их без страха, дали близко подойти.
Тут бойцы надели шлемы, в бой готовые идти.

1400

Вдруг коней вперед рванули, засвистели плети мигом,
Кони врзались, весь город огласился воем, визгом,
С трех сторон втроем ворвались, понеслись буйно, с гиком,
Гром атаки, бой литавров вмиг смешались с воплем, криком.

1401

Отвернулся от Каджети в неизмерном гневе бог,
И покинул, хмурясь, Кронос солнца сладостный чертог,
Грозным гневом обернулись небосвод и темный рок,
Тьму убитых, груды мертвых дол меж гор вместить не мог.

1402

Только окрик Тариэля оглушал врага, как громом,

Рвет он латы, как заплаты, рубит головы с покровом.
Трое врат разбили трое братьев в бешенстве багровом,
И на град, как град, нагрянув, ворвались в порыве новом.
1403

Автандил со львом Придоном повстречались в замке вновь,
Истребляя супостатов, разливали морем кровь,
Перекликнулись друг с другом, звонок радостный их зов.
Но, не видя Тариэля, озирают стан врагов.
1404

Не нашедши Тариэля, стали вновь искать со страхом,
К крепостным воротам мчались, смяв врага единым взмахом,
В кучу латы, как громады, сметены мечей размахом,
И убитых десять тысяч у ворот лежали прахом.
1405

И лежала стража, страждя тяжело, словно от недуга.
Их тела в багряных ранах, и разодрана кольчуга.
Разворочены ворота, створки пали друг на друга.
"Это подвиг Тариэля! " По делам узнали друга!
1406

Тесной просекой среди мертвых весь прошли подземный ход.
Видят: выпустил из плена змей луну - встречать восход, -
Тариэль стоит без шлема, гладь волос - краса красот.
Обвивает шея шею, с грудью грудь - один оплот.
1407

И не могут поцелуи утолить объятий жар.
И казалось, будто в небе повстречал Зуал Муштар.
Светит солнце розе сердца, блещут оба, луч их яр.
Шла доньше жизнь уныло, жизнь отныне - счастья дар.
1408

В бесконечных поцелуях продолжают объятия,
Лепестки в разрывах розы, разойдясь, вновь жаждут сжаться
Автандил, Придон явились, и втроем собрались братья,
И простерли побратимы свой салам, на солнце глядя.
1409

Им отвечает светило, улыбаясь счастьем встречи,
И соратников целует дева в чувствах безупречных
И явить им благодарность хочет в нежном красноречьи,
Полились одним потоком лучезарной пары речи.
1410

Поклонились Тариэлю, - стан чинарой он вознес, -
Поздравляли, о здоровья другу задали вопрос,
Ликовали, что не ранен, хоть доспехи вкривь и вкось.
Львами выглядели, каждей разогнав; как диких коз.
1411

Из трехсот бойцов проникли в крепость сто и шестьдесят.
Хоть и радостна победа, но Придону жалко рать,
Уцелевших супостатов стали смертью всех карать.
Драгоценную добычу не могли и сосчитать.
1412

Взяли мулов и верблюдов, все, что было крепконого,
На три тысячи грузили драгоценностей премного,
Бирюзу и лал, и чаши, отчеканенные строго.
В паланкин внесли светило, поклонясь ему глубоко.
1413

Шестьдесят бойцов оставив, как надежную ограду,
Повезли с собой светило - кто дерзнет отнять награду?
Хоть и длинен путь, но едут напрямик к морскому граду.
"У Фатьмы в долгу мы, - молвят. - Так доставим ей отраду! "

ВАРДУЛБУЛИАНИ

(Роза и соловей)

1

О, создавший небо, землю, горы, реки, океаны-
Этот сущий мир, то солнцем, то луною осиянный!
Слов достойных нет у смертных, чтобы петь тебе "Осанны",
Сам же я за слово лести да погибну, окаянный!

2

Некий мудрый да изволит внять моей смиренной речи.
Помни: жемчуг и алмазы прячет сердце человечье.
Доброе воспринимает с радостью добро нашедший,
Пренебречь им может только неуч или сумасшедший.

3

Мудрости друзья, познайте правду слов единовеца:
Глупому она несносна, умному - бальзам для сердца.
Многим горьким испытаньям в этой жизни я подвергся.
Самому себе я в тягость. О судьба, умилосьердья!

4

Семь - не шесть наук оставил древний эллин, как известно.
Мне риторика - владенье тайной слов изящных лестно.
Кто стихом со мной поспорит, силой звуков полновесной?
Да и ты и все бессмертны, в ком душа не бессловесна!

5

Кто старинного не слышал спора соловья и розы,
Кто, безумный, бродит в мире жертвой неотступной грезы,
Острый нож носящий в сердце, кровь струящий, а не слезы, -
В повести моей услышит беспощадной страсти грозы.

6

Ввел мулла Аджам, мудрейший златоуст, в обыкновенье
Петь о соловье и розе, о взаимном их плененье.
Цель одну себе он ставил: слушателям – развлеченье,
Но влюбленным - поученье, влилось в повесть огорченье.

7

С божьей помощью начну я толковать его обычай;
О весне моя поэма - и не бойся скучной притчи.
Солнце ныне в знаке Рака - все светлей земли обличье,
С каждым днем все веселее гомон, свист и щебет птичий.

8

Море, что ни день, спокойней, рев его стихает гневный,

Как сама собой стихает буря ярости душевной,

Корабли попутный ветер подгоняет ежедневный,

Сбросив снег, весна рядится в свой убор зеленый, древний.

9

Изменился воздух: сладок, полон благодати целебной.
Кто недавно старил землю, молодит ее волшебю.
И поет весны посланец гимн создателю хвалебный.
Так я кружево грузинских слов плету, как нам потребно.

10

Обновлен и омоложен лик земли вращеньем года,-
И не им ли изначала управляется природа?
Не оно ль навек связало воздух, землю, пламя, воду,
И вода - земле опора, лед - опора небосводу?

11

Ржавчину с земли весенний благотворный дождь отмоеет,
На деревьях плодоносных почки взбухшие раскроет.
Сам готов защебетать я ласточкой, но нет - не стоит,
Я слова чеканить призван - пусть весна мой дар утроит!

12

Словно молодой красавец, нежноликий, горделивый,
Молодой и стройный тополь над рекой стоит красивой,
А вокруг - цветы и травы возникают прихотливо,
Живоносной ласки солнца ожидая шаловливо.

13

Восхваляю творца, кем создан я и весь наш мир огромный.
Даже Соломон немного в стих сумел вместить псаломный,
Я - в сравненье с Соломоном - песнопевец, ритор скромный,
Но дерзну, Росточек слабый из земли пробился темной!

14

Раньше всех цветов открылось нам фиалки обаянье:
Голову склонила робко, темненькое одеянье,
Лик застенчивый, спокойно непорочное дыханье,
Тонкое благоуханье. Радость глаз и обонянья!

15

Вот расцвел жасмин душистый, ликом белым чист, как вата.
Видом нет, казалось, краше, нет прелестней аромата.
Рядом с ним теперь фиалка выглядела простовато,
Но жасмин отверг я всё же: чем фиалка виновата?

16

Тут, с открытою улыбкой, с головой, склоненной низко,
Нам благоуханный ландыш душу свежестью опрыскал.
Ландыш, выйди-ка из грядки, к ложу моему склонись-ка,
Если и не брат ты розе, то, клянусь, сородич близкий.

17

Срок настал и гиацинту: завитой пришел, пахучий!
И красавица взглянула и вздохнула: "Чем я лучше?
Ах, к тебе, кудрявый щеголь, завистью полна я жгучей!
Черный, стань моей прической - и в меня влюбленных мучай!"

18

Вышел и нарцисс-прелестник в желто-золотом наряде.
Кто он? Чей? В каком родился и взлелеян вертограде?
Аромат его услышан ангелами в райском саде,
Мой цветник обогащен им, и садовник не в накладе.

19

В тайном сговоре друг с другом мак с пурпурным аргаваном:
"Мы на цвет наш не в обиде, - нам не прибегать к румянам,
Но ведь мы ничем не пахнем, как же быть с таким изьяном?
Веселимся меж пахучих, - жить без запаха нельзя нам!"

20

Белотелая лилея говорила с базиликом:
"Словно в горе постаревший, с темным и печальным ликом,
Ты мне нравишься, душистый, в состоянье полудиком, -
Я пойду с тобою в паре на досаду злым гвоздикам".

21

Как не только описать их, - всех назвать как исхитриться,
Запах каждого, окраску, все их свойства, нравы, лица?
Им не терпится: "О где ты, наша лучшая сестрица?
Поспеш! Повиноваться жаждем мы тебе, царица!"

22

Роза! Роза! Без тебя нам ни утечи, ни удачи!
Иль тебе рабами будем, или все ослепнем, плача!.. "
И пошли - нашла: о чудо! Пери рая - не иначе!
Восхитились, преклонились в благодарности горячей!

23

Возвели ее на царство - величали, увенчали,
И она красой затмила всех, кто так блистал вначале.
С ней равно и царь и нищий забывали все печали,
Песни соловья-безумца стоном страсти к ней звучали.

24

Красотой сияя белой, красотой сверкая красной,
Всех в саду поработила силой прелести всевластной,
Ароматом все живое опоила сладострастно,

Горе стало послабее, а нужда не столь ужасной.

25

Все возжаждали веселья - в час труда и в час безделья.
Родич родича хоронит - и с кладбища на веселье.
Что ограды, что ворота? С хмеля тянет на похмелье.
День иль ночь, восход, закат ли - горы пляшут и ущелья!

26

Что скажу о соловьиных трелях я многообразных?
Сколь высокое искусство в этих песенных соблазнах!
Внемля стон его призывов, видя ливень слез алмазных,
Роза впала в гнев от страстных восхвалений неотвязных.

27

И садовнику однажды молвит роза: "Ради бога,
Правду мне скажи иль будешь мной наказан очень строго:
Кто такой певец залетный, здесь поющий слишком много?
В этом пенье стон смертельный, крик сердечного ожога.

28

Чуть в саду я поселилась, он впорхнул в мои владенья,
Носится между деревьев, как бессонное виденье,
Над моею головою кружится немолчной тенью,
И не стало мне покоя от неистового пенья.

29

Видела я, как он падал, чувств лишенный, - жертва терна.
Я смеюсь: " Придет могильщик - похоронит в яме сорной".
Отвечает: "Я не умер, хоть попал в огонь костерный!"
Ну, скажи, садовник, кто он, воспеватель мой упорный?"

30

И сказал садовник: "Всех ты краше телом и душою!
Признана у всех красавиц ты верховной госпожою.
Рад тебе служить и делом я умелым и душою.
Знай: сошел с ума бедняга, страстью уязвлен большою!

31

Правду ты сказать велела, - я ли твой приказ нарушу?
Знай, к тебе пылая страстью, он свою сжигает душу.
Обезумевший влюбленный, о тебе поет он - слушай.
Ты его спроси, зачем он стопами терзает уши.

32

Чуть уйдешь - он улетает, здесь ты - здесь и он, бессонный.
Жертвенный самозаклатель, он поет, стрелой пронзенный,
Бедный и бездомный, скудным опереньем защищенный.
Хочешь - выгоню... Но так ли вреден он, умалишенный?

33

Я считал бы, недостойный, - изгонять его не надо:
Этот голос, эти трели - всей окрестности услада.
Люди очень огорчатся, - соловей - приманка сада!.. "
К соловью, однако, роза обреталась так с досадой.

34

Соловью сказала роза с бессердечностью железной:
"Между мною и собою знаешь разницу, любезный?
Бесноватый! Что горланишь дни и ночи безвозмездно?
Тщетны все твои надежды и старанья бесполезны!"

35

Соловью была на радость и беседа униженья.
Вверх взлетал и вниз кидался, щелкал до изнеможенья.
"Роза! Мне с тобой разлука - в ад из рая низверженье.
Но скажи: зачем так жаждешь моего уничтоженья?"

36

О неравенстве меж нами ты сказала так надменно.
Соловей влюбленный, славлю ночью я тебя и денно,
А тобою беспощадно предан я огням геенны.
Если бы освободиться мне скорей от жизни бренной!"

37

И сказала роза: "Что ты привязался, одержимый!
Занялся бы ты работой более необходимой.

Мне героями, царями подобает быть любимой, -
Прочь, юродивый, противен твой недуг неисцелимый! "
38

"Солнцеликая! - воскликнул соловей, - о, сколь жестоко
В сердце ты мое вонзила меч отравленный упрека!
Ты меня в шипы швырнула: что, мол, в этих песнях прока
Знай, себя лишу я жизни, изгнанный тобой далеко!"
39

Отвечала роза: "Что мне спорить с дурачком назойным?!
Ты пойми, что мой избранник должен быть красавцем стройным,
Мы - цветов царица. В мире кто же равен красотой нам?
Прочь, если не хочешь трупом стать, навек благопристойным".
40

Соловей сказал: "Я на смерть обречен самим собою;
Я - твой суженый, ты мне лишь предназначена судьбою,
Что ж, казни! Но вдохновленный красоты твоей волшебною,
Я тебя лишь восхваляю, не прельстясь самохвальбою".
41

"Отвяжись ты, ради бога! - закричала роза грубо, -
Мне медовыми речами не заговоришь ты зубы!
Скоро осень. Мне со свитой здесь одной пожить так люблю.
Ты же где-нибудь пристройся, где пришелся ко двору бы!"
42

И вздохнул несчастный жарче, и запел он заунывной,
А из глаз его на землю слез кровавых льются ливни -
И поет он и рыдает безутешнее, надрывней!
"Горе, горе! Неужели мне участия не найти в ней?!"
48

Не гони меня отсюда - жить мне без тебя нет мочи!
Насмерть порази шипами, истерзай живого в клочья!
Пусть у ног твоих умру я, но потом и дни и ночи
Обо мне ты плакать будешь, - вот что я тебе пророчу!"
44

Соизволила ответить роза так: "Хоть и обижу
Я тебя, певец мой бедный, но пойми ты сам, пойми же:
Ты не пара мне - и разве я сама себя унижу?
Что же делать, коль под солнцем равных я себе не вижу?"
45

И хотя мне очень стыдно даже пред самой собою,
Что из-за тебя должна я погрешить самохвальбою,
Все же ты меня не тронешь слезной песенной мольбою,
Если красотой затмила я создание любое.
46

Властелин и венценосец мной бывает коронован,
Мной в печали он утешен, успокоен, коль взволнован,
В сад войдет, вдохнет мой запах - и сидит, как очарован.
Ни один цветок на свете так людьми не облюбован!
47

Для влюбленных, доведенных до безумия любовью,
Символ их предметов страсти, я окрашена их кровью.
Риторов я вдохновляю на искусство краснословья,
Я увенчиваю кудри, украшаю изголовья.
48

Приставлять меня к ланитам любят женщины ревниво,
И не прочь родством со мною прихвастнуть они игриво,
Но - напрасно: люди смотрят, замечая справедливо:
"Есть подобие, но все же роза более красива!"
49

И когда чета влюбленных, все на свете, забывая,
К ложу, как в хмелю, подходит, от желанья изнывая,
Не меня ли, в пальцах стиснув, падают, тела сливая,
Не меня ли обрывают, с ложа нехотя вставая?
50

Женщины, в мой сад являясь по утрам иль в час вечерний,

Хрусталами тонких пальцев стан очистят мой от терний,
Запахом моим наполнят грудь - и веселей, усердней
Распоются, разрезвятся, каждая подобна серне.

51

Но, хотя меня прибегнуть к самохвальству ты заставил,
Все ж от жалких, безответных приставаний не избавил.
Иль не знаешь, кто - я, что - я, и каких держусь я правил?
Ведь меня, в раю взлелеяв, бог царицей здесь поставил! "

52

Соловей ответил горько, обливаясь вновь слезами:
"Ты достойна восхвалений больше всех под небесами,
Но, чем больше мы вас любим, тем вы равнодушной сами, -
Что - друзьями, вам не смеем быть рабами, даже псами!

53

Я тобою в прах затоптан, ты же вровень с небосводом.
Здесь пришелец я, однако коренной индеец родом.
Ядом жгучим я питаюсь, обольщен любовным медом, -
Ты побоями грозила – бей, - тебе ль дружить с уродом?!

54

Я чужой здесь, одинокий, но - я не плохая птица.
Горлинка ль со мной сравнится, ласточка, или синица?
Все мое многоголосье в ухе разве уместится?
Хоть ценою жизни жажду я с тобою в страсти слиться.

55

Что со мной ты бессердечна - знают все без исключения,
Ты, мою терзая душу, в том находишь развлечение.
Чуть тобой полюбоваться я дерзну - мне нет прощенья,
Восхвалять начну насмешкам меры нет и возмущенью.

56

Риторы, и философы, и поэты, - им доверься, -
Будь грузины, будь индийцы, тюрки это будь иль персы,
Страсть мою к тебе воспели, но в многообразье версий
Кто сказал, что не достоин я тебя? Удостоверься!

57

Воспевать тебя я начал издавна - ты знаешь это;
Дал обет единолюбья - и не нарушал обета.
Но... ты бросишь взгляд надменный - горе мне! - не взвижу света.
Все же за свою жестокость не избежешь ты ответа!

58

Хоть слынешь ты райским дивом, образцом цветам красивым, -
Где, скажи, каким я признан судьей несправедливым -
По сравнению с тобою - столь ужасным адским дивом?
В трут меня ты иссушила - стань теперь моим огнивом!"

59

"О влюбленные! - рыдает соловей, - заплачьте, взвойте,
Чтоб свои увидеть раны, раны вы мои раскройте;
Одержимости учите у меня: страдая, пойте!
Помогите иль в могилу поскорей меня заройте!

60

Все угрозы пред любовной одержимостью бессильны,
Как же не испепелиться брошенному в горн плавильный?
Будут ли сухими щеки льющих ливень слез обильный?
Как прикажешь: "Прочь от милой, на других гляди умильно?!"

61

Меж отвергнутых влюбленных не моя ль всех горше участь:
Я на свой кумир не вправе и взглянуть, смертельно мучась.
Я же глаз не отрывал бы, хоть бы им и лопнуть, вспучась.
Что тебе! Моих страданий рада ты усилить жгучесть! "

62

Он продолжил: "Если б сердца замерло во мне биенье!
Чтоб, несомый на носилках, я вкусил покой успенья,
Чтобы под холмом колючим лечь в обитель погребенья,
Чтоб ни другом и ни братом не был вызван из забвенья!"

63

И сказала роза: "Бедный! Как твои печальны стоны!
Все-таки тебя мне жалко, тернием моим пронзенный.
Но зачем же до безумья ты довел себя, влюбленный?
О внемли мне, глубже вникни в мудрость речи благосклонной!"

64

Мне подобных красотою не найдешь нигде в помине;
На вершине расцветаю, если оборвут в долине;
Белая - бела, как иней, красная - горю в рубине,
Ароматом - амбра, мускус, горделивостью - богиня".

65

Соловья она дальнейшей удостоила беседой:
"Будь смелей, мой теперь ты откровенности последуй -
О своих больших иль малых доблестях и мне поведай, -
Иль прими позор изгнанья, иль увенчан будь победой!"

66

Щелкнул соловей - и горьким стоном ей ответил новым,
И кипящим захлебнулся вновь потоком слез багровым,
Небо знойным дымом вздохов он затмил, черно-лиловым,
И не словом униженья - гордым разразился словом.

67

Он сказал: "Тебя достойным называться смею разве?
Столько стрел, не промахнувшись, в цель вонзать умею разве?
Столько состраданья к бедной жертве я имею разве?
Мудрецы нас сочетали, - мудрых я мудрее разве?"

68

Как с тобой - цветам, со мною - прочим птицам не сравниться.
Нет мне Мекки, нет Медины - лишь тебе могу молиться,
Лишь тобою любоваться я могу, очей зеница, -
Мне одно призванье в жизни: пение влюбленной птицы.

69

Краше тысяч птиц красивых был удел мне предназначен, -
От любви к тебе я высох, посерел и стал невзрачен.
Мать, отца я проклиная, столь мой жребий неудачен.
Дай испить мне чашу яда - будет жизни счет оплачен!

70

Меж цветов ты одинока, одинок я среди пернатых.
Мы слышем влюбленной парой и в лачугах и в палатах.
Сколько в честь тебя напевов создал я замысловатых!
Пусть умру - бессмертен буду я в поэмах и в трактатах!

71

Все мыслители, поэты, музыканты, лицедеи
Славят соловья и розу, словом действенным владея.
Но, отвергнутый тобою, все хирея, все желтея,
Тронутый в уме, тебя я обвиняю, холодея".

72

"Все болтаешь, все клеветешь, - роза молвила надменно,-
Голос твой хорош и внешность, нет усов, - что очень ценно,
Но от вечных вздохов, стонов я оглохла совершенно,
А рассоримся - кто будет нас мирить достопочтенно?"

73

Ты поверил стихотворцам, что тебе польстить хотели:
"Мы, мол, любящая пара". Но тебя на самом деле -
С ягодой, с грибом сушеным я сравнила б еле-еле,
А меня с шипами даже воспевал сам Руставели!

74

Ты влюбись в других - по горло сытым будешь болтовнею,
А к чему, меня пороча, время тратишь зря со мною?
Умирая за любимых, пристают ли, хныча, ноя!
Хватит быть неопалимой, но дымящей купиною!"

75

Слез поток из соловьиных глаз взбурлил водоворотом.
"Прочь, - сказала ты, - в другую влюбишься - конец заботам.
Этим словом ты пронзила сердце мне, как острым дротом.

Ах, совет столь мудрый, добрый - да птенцам бы желторотым!

76

Знай: вино любви единой не черпнешь ты из колодца,
И оно из чаши в чашу прихотью не перельется.
Разве истинно влюбленный от любимой отречется?
О твои колючки насмерть он согласен исколоться!"

77

Соловей сказал - и сразу наземь пал, лишен сознания:
Был сражен, бедняжка, в сердце острым лезвием страданья.
Слезку даже уронила роза, гордое созданье.
Брызгала в него водою, чтоб вернуть ему дыханье.

78

"Кровь твою, - она сказала, - взять мне на себя легко ли?
Мало ли влюбленных было, все, как ты, сгорели, что ли?
Я тебя не приглашала - по своей пристал ты воле.
Все же грех приму, коль, изгнан, сгибнешь ты в открытом поле.

79

Так и быть, теперь свободно по моим порхай владеньям,
Пой того, кто столько ярких дал одежд цветам, растениям -
Белых, алых, желтых, синих, в меру дал и свет и тень им, -
И ответит мне дерзнувший подвергать тебя гоненьям".

80

Соловей, услышав это, сразу ожил, встрепенулся
И, забыв о жажде смерти, к жажде бытия вернулся,
Не потоком слез кровавых - радостно он захлебнулся,
Вновь запел о розе милой, к ней, ликующий, метнулся.

81

"Награди тебя, - сказал он, - тот, кто создал совершенства
Прелестей твоих и миру дал на вечное блаженство.
Ты меня спасла от смерти, вырвала из отщепенства,
Прекратила слезы, стоны, - царствуй же, ликуй, главенствуй!

82

Ты, украсившая даже цветники эдемских кушей,
Всех цветов земных царица волей бога всемогущей.
От тебя не отлученный, я не раб тоски гнетущей,
Всех, певцов на свете краше, о твоей красе поющий.

83

Да, за то, что был избавлен я от смерти, от изгнанья,
И за то, что не был ввергнут в ад позорного скитанья,
Хоть и не дано мне права ожиданья, обладанья,
Петь и петь твой цвет я буду, запах твой и обаянье.

84

Над тобой кружусь, порхаю жертвою замороженной, -
Смерти посвятил я сердце, страстью роковой сожженный;
От тебя куда уйду я, твой невольник восхищенный,
Раб, тобой поработанный и тобой же защищенный?!

85

Чтоб твои исчислять чары счетом хоть бы половинным,
Мало трелей и раскатов даже в горле соловьином, -
Как же не воспламениться, не сгореть в огне любви нам,
Видя, как ты расцветаешь, раскрывая рот рубином!

86

С дней весенних загораясь, до осенних дней сгорая,
Прахом стану - и восстану вновь со смертного одра я,
И опять начну весною, все лады перебирая.
Петь, тебя лишь восхваляя больше всех соблазнов рая!

87

Но всему приходят сроки в этой жизни скоротечной, -
И когда, увы, наступит день твой черный, день конечный,
Кровью плачущий, смогу ли боль стерпеть разлуки вечной,
Боль, которую не стерпит даже каменносердечный!

88

Я уйду, исчезну, скроюсь в хлебном полево просторе,
В норке брошенной, укромной стану в строгом жить затворе

Или, нож добыв, зарежусь - кончу счеты с миром горя,
Коль само не разорвется сердце в этом горьком споре.

89

Я ослепну, онемею, певчего лишенный дара,
И пока ты не воскреснешь, - пусть я для тебя не пара, -
Выпаду я из природы, улечусь, вроде пара,
И о соловье не вспомнят ни грузины, ни татары! "

90

Ласково и кротко роза отвечала, а не злобно:
"К столь чувствительному слову быть глухой я не способна,
Ты и мягкосерд и предан, выдержал мой искус пробный,
Ты блистательный сказитель, и певец ты бесподобный.

91

Мудрым риторским внимая обобщеньям, изреченьям,
С ними - в общем - я согласна, за одним лишь исключением:
Сам ты видишь - всей округе я служу здесь украшеньем,
Ты же не ровня мне, надо ведь считаться с положеньем.

92

Что ответить мог на это соловей?.. Он обессилел,
Языка лишился! Сколько слов и слез он даром вылил!
Кончились их объясненья! А любили - не любили ль?..
Знайте: этот вздор старинный самому мне опостылел!

93

Могут мне сказать: "Немалый труд на пустяки потрачен!"
Да и так: "Чужой к тому же тут и замысел подхвачен! "
Что ж, я - ритор, я - искатель мудрости среди всяких всячин,
То, что слышал, то - поведал и стихом не окопачен!

94

Боже вечный, безначальный, бесконечный, ты - повсюду!
Ты в бездушное вдыхаешь духа божеского чудо!
Что с нагорья Моисею ты вещал, я знать не буду, -
Слез Петра мне даруй, боже, не сочти меня Иудой!

95

О прости, коль осквернился суесловьем я греховным,
Но, кропя дождем, ты ласку солнца даровать готов нам.
Милосерд, великодушен - ты судом грозишь нам кровным...
Горе мне, коль в пустозвонстве оказался я виновным!

АРЧИЛ

СПОР ТЕЙМУРАЗА И РУСТАВЕЛИ

(Отрывки)

56

Споры царя Теймураза с дивным певцом Руставели
Лютую ярость согласьем звуков смирить бы сумели,
Речи премудрых не кратки - долгой подобны кудели.
Подданного и владыку, где вы подобным им зрели?

57

Молвлю царю с Руставели, встретя их радостным взглядом:
"Мыслим постичь вас, склоняясь к вашей премудрости кладам.
Стих, всеми славимый, слыша, мерным мы схвачены ладом.
Сравнить вас - назиданье, равное высшим усладам.

58

Много вы создали оба, в чем же различье меж вами?
Люди обоих возносят, спорят отцы с сыновьями,
Дом покидают иные, злыми задеты словами.
Просьбе внимлите: решенье нам укажите вы сами".

59

Вот и заспорили. Довод прочих поэтов не нужен.

Стройную речь начинают; разум той речи недюжин.
Жемчуг изысканный нижут, нет в нем неровных жемчужин.
Льется поток из кристаллов, сладостным словом разбужен.

60

Слушайте все, как приятна речь Руставели к владыке,
Образы в ней почитанья, как и любви, многолики.
Голову рабски не склонит, хоть перед ним и великий,
Жажды с царем быть всечасно в речи мелькают улики.

Ц а р ь

61

Сравнивать нас, Руставели, людям, как видно, охота.
Мне докучают иные: "Царь! Одолел тебя Шота".
Жажду терзать их порою, гнева не выдержав гнета.
Жажду язык их исторгнуть, в смертные ввергнув тенета!

Р у с т а в е л и

62

Сверстникам страшны сравненья. Нет от меня вам урона,
Нет меж живущих мне равных, столь же достойных поклона.
Ищут напрасно, колдуя, даже меж туч небосклона.
Пусть меня чтит стихотворец, как иудей Аарона.

Ц а р ь

63

Что ж, и меня ты причислил к тем, что слагают шаири?
Много их бродит без мысли, мыслят немногие - шире.
Пусть меж нас грани не видят! Мало ль клеветующих в мире!
Все они сумрак рождали; звезды зажег я в эфире.

64

Спорить не мысля, твердил я: "Шоту прославить нам надо.
Сладости ритора Шоты - слаще кистей винограда.
На ипподромах, аренах быть человеку услада".
Люди же спорят - и часто блещет во взорах досада!

Р у с т а в е л и

66

Пусть они распри заводят, - будьте вдали от раздора,
Вас ли, меня ль превозносят, - что нам до их приговора?
Я умереть предпочел бы, лишь бы избегнуть мне спора.
Дайте мое мне, на ваше не поднимаю я взора.

67

Попусту все, что ни скажут! Иль о тебе, как о всяком,
Можно твердить? Иль с царями подданных мерить зевакам?
Можно ли слушать лягушек, скрытых болотом и мраком?
Нужно ль внимать пустословам иль опьяненным араком?

Ц а р ь

68

Тут наша помощь бессильна, но и тебе ведь нелегче,
Ибо назойливо грубы эти бесстыдные речи.
Слушая их поневоле, плачут сердца человечьи.
Но и льстецам твоим худо: - день их стыда недалече.

Р у с т а в е л и

69

Буду молчать я, насколько будет молчанье терпимо,
Если спокойное сердце болью не будет томимо.
Если ж не выдержит сердце, лютым укором палимо,
Все захочу, славя бога, высказать неудержимо.

Ц а р ь

70

Хоть, Руставели, поэтам кончить твой труд надлежало, -
Прав иль не прав я, - его я не осуждаю нимало.
Я превзошел тебя. Правда - стая поэтов отстала,
Все ж довершили другие то, чему дал ты начало.

71

Кто тебя равным сочтет мне? Ты говорил по приказу.
Только Тамар повинуюсь, ты обращался к рассказу.
Я же от замыслов вольных не отступился ни разу.
Царством клянусь: не упрямясь, ты бы признал это сразу.

Р у с т а в е л и

72

Не обретет превосходства тот, кто себя превозносит.
Речь твоя, прочих пороча, мне пусть хваленья возносит,
Всюду я славим; хоть стих твой музыкой радость приносит,
Не преклонюсь - пусть поэта царское слово поносит.

73

Как бы кичлив, царь, ты ни был, - в выводах будь справедливым,
Я ведь, не тварь, не невежда; мог бы и я быть спесивым.
Молвил о новом; в грядущем буду казаться я дивом.
Что ты снискал своим словом? Славимым стал я, счастливым.

Ц а р ь

74

Что ты толкуешь? Послушай! Мне ли с тобой не сравниться?
Повесть в стихи уложил ты? Их у меня - вереница!
Сдайся скорей, иль настанет, верь мне, пора прослезиться!
Нас превозмочь? И сравненье пусть тебе с нами не снится.

75

Все, что рука человека по принуждению свершила,
Равно ль тому, что явила вольного творчества сила?
Все сотворенное мною как же тебя не смутило?
В час восхождения солнца прочие гаснут светила.

Р у с т а в е л и

77

В вашем творенье, владыка, я упомянут с хвалою,
Слово, о царь, вам в усладу сказано будет и мною.
Надо вам быть господином, мне же - достойным слугою.
Будьте внимательны ныне, споры грозят нам бедою.

78

В Грузии слава повсюду не моего ли созданья?
Им утешается скорбный, скрашены им пированья,
Клонятся люди над книгой в свете ночного мерцанья,
О, не гневись! К моей речи снова исполнись вниманья.

79

Я - стихотворчества корень, стихослагателей сила,
Это ль тебе, солнцеликий, плесенью душу покрыло?
Стих мой отраден и строен, что же глядишь ты уныло?
Ты ль превзойдешь меня? Гордость тщетно в набат свой забила.

Ц а р ь

122

Все, что сказал ты, о том же лучше я молвил стихами.
Битвы не пел я: сражаясь, бился победно с врагами,
Войн ты не ведал, - затем лишь любишь их славить словами;
Если б я пел свою храбрость - слыл хвастуном между нами.

123

Сам погляди; где я должен ясным быть в речи и строгим, -
Мудрость - ее не прогонишь - мне предназначена богом,

Хоть я терзаюсь, припомнив о пережитом, о многом,
Горе смирив, семь соборов ясным представил я слогом.

Р у с т а в е л и

124

Больше внимать я не стану! Видно, разишь ты с размаху!

Я ведь не ястреб. Зачем же гонишь меня ты на птаху?

Если умчусь я с другими, словно предавшийся страху, -

Всеми друзьями покинут, ты уподобишься праху.

Ц а р ь

126

В говор джавахский впадаешь в речи ревнивой, неровой!
Я возражу - по-кизикски. Справишься, в битве виновный?
Весел я был - ты ж обидел горькой обидою, кровной,
Мне лишь на пользу, что с речью ты поспешил празднословной.

Р у с т а в е л и

128

Да, я ошибся! Зачем мы спорить порой так желаем?
Лучше б изрезал ты плоть мне сабли отточенным краем!
Верю, что подданным умным спор с властелином не знаем.
Горе накаркал мне ворон! Псы пусть накинутся с лаем!

129

Царь, тебе слава пристала, путь на простертых покровах!
Пусть же твои супостаты страждут в терзаннях суровых!
Мчатся к тебе те, что ищут жизни на мудрых основах,
Знать тебе лучше писанья, - те, что прекраснее новых.

Ц а р ь

130

Книга твоя до сегодня, правда, звучала прекрасно.
Ныне ж я лучшее создал, - вот ты и плачешь всечасно,
Месяц лишь ночью сверкает, днем же он виден неясно.
С книги твоей переписчик делает список напрасно.

Р у с т а в е л и

132

Царь, поносить мою книгу вам бы не должно спесиво!
Молвивший в гневе, сам знаешь: все, что ты вымолвил, - лживо.
Право, ты б лучше со мною дрался в безумстве порыва.
Что говоришь! У невежды речи такие - не диво.

А р ч и л

208

Слыша их, мудрость вкушают, их восхваленьем встречая,
Копья их речи влюбленных ранят, любовь обличая.
Щедр Теймураз, но поет он, мудрости не расточая.
Кто победит? Говорите, мне на вопрос отвечая.

И о с и ф С а а к а д з е

ДИДМОУРАВИАНИ

(Великий Моурави)

(Главы из поэмы)

Глава первая

4

Царь в Цхинвали на досуге с моуравом был своим,
Веял ветер и прохладу посылал полям родным.
Враг изведаль гнев героев, чей порыв неукротим,
Но легко и верных дружбе разлучить наветом злым.

5

Трое верных моураву повели такой рассказ:
"Похвалу тебе за храбрость возносили мы не раз
И откроем ныне тайну - слушай, козней не страшась,
Но поклясться умоляем, что царю не выдашь нас! "

6

Моурав смутился: "В чём же я поклясться должен вам?
Я ответствен по минувшим или нынешним делам?
Вам внимая, быть весёлым или волю дать слезам?
Я служил владыке правдой и погибель нёс врагам! "

7

Трое молвили: "Боимся всё, что знаем, рассказать.
Клятву, дай, и эту клятву да скрепит твоя печать!
Если выдашь Теймуразу, как монарший гнев сдержать,
Мы тогда бессильны будем строгой кары избежать! "

8

Скорбь объяла моурава: "Здесь ошибка роковая!
Почему я должен клясться, за собой греха не зная!
Даже близких мне властитель не печалил, укоряя.
Моураву без причины досаждают - вина двойная! "

9

И поведали посланцы, клятву выслушав сначала:
"Смерть тебя подстерегает, скрыв отравленное жало.
У тебя - враги. Бесчестных жажда крови обуяла.
Мы проведали об этом и встревожились немало".

10

Моурав спросил: "Ужели угрожают смертью мне?
Сколько благ принес я людям и добра своей стране!
Жизнь нередко нам готовит, что не снилось и во сне, -
Как Ростом, и Мзе-Чабуки яд измен познал вполне!"

11

Моурав друзьям надёжным письма разослал с гонцами.
Иесе и Каихосро он писал: "Поддержан вами,
Я творил добро и в битвах гордо нёс отчизны знамя, -
Так зачем погибнуть должен, возвеличенный делами?"

12

Отвечали: "Кто не может похвалиться правой силой.
Сеет козни, чтобы смута мощь отчизны подточила.
Ты сражался, и над Картли тьма сиянья не гасила,
И горят, как прежде, в небе полуночные светила! "

13

Снова сообщили трое, что врагами решено:
"Слушай нас! Твоя погибель подготовлена давно.
Кровь твою прольют и будут пить, как чашами вино,
А покинувшему землю возвратиться не дано!"

14

Моурав ответил: "Часто рок испытывает нас,
Провиденье угрожает мне бедой на этот раз.
Я хотел бы для потомков быть примером в трудный час.
Поступлю теперь, как должно, перед вами не кичась!"

15

От меня чего желают повелитель наш и знать?"
Молвят те: "За смерть владыки ты ответ обязан дать.
Ходит слух, что снаряжаешь многочисленную рать
И, вассал, ты не желаешь Теймураза признавать".

16

Моурав ответил: "Воин должен быть с душою смелой.
Даже в тяжкий миг ни разу мной сомненье не владело.
Пусть грозит тебе опасность, Гоню искать не дело!
Был ли смертный, не познавший горечь скорбного удела?!"

17

Наши встречи царь двуличный счел за вызов дерзновенный,
Молвил он: "От слуг достойных жду я речи откровенной! "
Я ответил: "Оживет ли в прах повергнутый изменой!
Коль погибну, кто затеплит пламя жизни в плоти брэнной?"

18

Знаешь, царь, что и с Рамазом вёл беседу Тариэл,
Пощадил его, а на смерть осудить права имел,
И послушник примирённый в край родной вернулся цел.
Мне ж поведали: "Властитель умертвить тебя велел".

19

Я к царю послал Мровели, чтоб вражда не возникала,
Так наставив: "Государю справедливым быть пристало.
Передай ему, что в битвах мой клинок разил немало.
Что меня, как снегом - землю, небо счастьем одаряло"

20

И сказал царю посланец: "Выслушай без гнева речь!
Моурав готов для Картли жизнь отдать и мёртвым лечь.
Ты слугу к врагам причислил, чтоб его слезам обречь,
Хоть не раз в защиту царства, обнажал он верный меч".

21

Царь ответил: "Кто дерзает волю искажать мою!
Кто убить посмеет мужа, мне служившего в бою?
Знаю, прям он, словно тополь, выросший в солнечном краю,
А Завистники за козни сложат голову свою!"

22

Пусть укажет он виновных, и погибнет, кто не прав!
Накажу лжецов, поместья и дома у них отняв,
Чтоб они ушли в изгнанье, честь и славу потеряв,
А в походах и сраженьях был со мною моурав!"

23

И в сердцах владыка молвил, мной в притворстве обличён:
"Это всё невероятно, как на малой лодке - слон! "
Я поверил властелину, лживой речью убеждён,
Но рассказ услышав новый, и меня прогневал он.

24

Мне опять сказали: "Смерти ты избег на этот раз,
Но молчи о наших встречах! Выдав, ты погубишь нас.
От царя не жди пощады, - он с тебя не сводит глаз
И про гибель Луарсаба вспоминает каждый час".

25

Чтоб с владыкой примириться, снова я послал Мровели:
"Властелин! Друзей не выдам, столь мне преданных на деле.
В убиеньи Луарсаба зря меня винить посмели, -
Я на том стою, хотя бы слушать вы не захотели!"

26

Молвил царь послу: "Правдиво слово, сказанное мной.
Моурав, свершив убийство, в скорбь повергнул край родной.
Ныне небо охраняет убиенного покой , -
Столь жестоко в этом мире пострадал ли кто иной?"

27

Всё же мести не желаю - пусть живет слуга прощённый! "
Я подумал: "Гнев скрывает повелитель возмущённый.
Не моими ли трудами крепла наша оборона?
Мог ли я, прославив Картли, сокрушать устои трона?"

Г л а в а в т о р а я

28

"Сообщил я властелину: "Царь! Внемли словам моим!
Луарсаб ещё подростком мною был, как брат, любим.

Я, юнец двадцатилетний, появлялся всюду с ним,
Уважаем как придворный, за привязанность ценим".
29

Время шло. По Триалети, нашу землю попирая,
Рать спустилась Татархана, всё в пути уничтожая.
Властелин велел Яралу: "Защити пределы края.
Вместе с доблестным Захаром гор проходы запирая!
30

Ставьте сильные заслоны, чтоб пришельцам не пройти,
Будьте зорки, а иначе нас сумеют провести!"
Но дозорных уничтожил неприятель по пути, -
И ничто уже от смерти не могло тогда спасти.
31

В стан врага пришли манглисцы с топорами и серпами,
В доли с высей Триалети их вело чужое знамя.
Пали и Одзис, и Квелта, не поддержанные нами,
Меч карающий Симона был забыт тогда врагами.
32

В Квелта схвачен был Тевдоре - иерей немолодой.
Настоятеля пытали: "Укажи нам путь прямой! "
Он дошел до Ерикали с чужеземною ордой.
Но смотрите, что он сделал, ближним жертвуя собой!
33

Крымчаки и настоятель трудный путь одолевали.
"Укажи, - пришельцы молвят, - нам тропу на перевале!"
И священника седого двое за руки держали.
Он решил: "Царя спасу я, как бы мне ни угрожали!
34

Если укажу дорогу, не преодолевши страх,
То нагрянет враг безмерен, как песок в морских волнах.
Он отпразднует победу, наслаждаясь на пирах,
Мы же беды испытаем, будем брошены во прах".
35

Эртацминду, Квенадриси вражьи полчища прошли,
Проводник их вёл сторонкой у границ чужой земли.
И пришельцы иерея лютой смерти обrekli,
Но, несчастного пытая, слова вырвать не смогли.
36

Царь, не чуя бед, в Цхирети проводил досуг тогда.
Был я в свите Луарсаба, как и в прежние года.
Глянул с кручи я и вижу - затопила все орда,
Но решил, что силу Картли враг запомнит навсегда.
37

"Царь, - сказал я, - будь спокоен. Просьбы нет к тебе иной!
Семь часов отмерь на дело, замышляемое мной.
Пусть мне гибель угрожает, поклянусь перед тобой,
Что, ведя умело войско, я победой кончу бой".
38

У теснины Кавтисхеви я решил войска собрать
И бойцов Бараташвили не пришлось мне. долго ждать.
Я собрал четыре сотни и, на приступ двинув рать,
Каяться врагов заставил, а вдовиц - по ним рыдать.
39

Сообщил Дели-Махмаду: "Изменить способен ты ли?
Поддержи, чтоб в час опасный мы пришельцев отразили.
Верный нашему союзу, дай отпор поганой силе! "
А бойцов скликать посланцы поселенья обходили.
40

Шесть часов прошло. И храбрых я дружинников призвал,
Чтоб обрушить на пришельцев смертоносный грозный шквал.
Вместе с Заза Цицишвили, что врагов смятенных гнал,
Я врубался в строй, из трупов громоздил за валом вал.
41

За Ниаби, возле рощи, что густой стеной стояла,

С Зазой мы держались смело, но людей имели мало.
Рать Ярала вслед Захару на подмогу попевала, -
Час прошел, и кровь обоих комья пашни запятнала.

42

Оба воина погибли. Смерть друзей подстерегла.
Мы - за копья, чтоб вернее вражья сила полегла.
Бьём сперва султан носящих, вышибаем из седла, -
Я дивлюсь, какие Заза в этот день творил дела!

43

У паши единым взмахом шею он перерубил
И бурнус его зеленый алой кровью обагрил,
Голову схватив зубами, на коня опять вскочил.
Прочь отбросил чужеземцев, утоля бранный пыл.

44

Шёл июнь. Кура, бушуя, валуны волной несла.
Мы призвали эриставов, - помощь нам нужна была:
"Будьте нам в бою поддержкой. Враг сжигает всё дотла! "
Тут-то нас тропа вдоль речки в Земо-Картли привела.

45

Подошёл Дели - Махмада семисотенный отряд,
И сардар-союзник молвил: "Я разить пришельцев рад.
Мы одетым в волчьи шкуры не дадим уйти назад, -
Пусть мечи и копья наши чужеземцев поразят! "

46

Вскоре орды басурманов отошли от Карагажи,
Мы тревожили пришельцев, обходя беспечных стражей.
Я сказал: "Обогатимся неприятельской поклажей.
Царь! Вели, чтоб наши люди не склонялись к просьбе вражьей! "

47

Ни на шаг мы не отстали, полчища врагов тесня,
И вступали в бой бесстрашно, с гневом мощь объединя.
Задержал я знаменосца, торопившего коня:
Ждал подмоги - отовсюду наступали на меня.

48

Видит иерей горийский, что к реке спешит орда,
Что близка и неминуча подступившая беда.
Разобрал он мост, и доски, пенясь, унесла вода.
Перейди противник реку, - кто б его сдержал тогда?

49

Есть сказанье, что герои, переплывшие Евфрат,
Неприятеля любого остановят и сразят.
Хорошо, когда с удачей возвращаешься назад.
Если враг за стол садится, влей ему приправой яд!

50

Наши воины не спали, хоть сошла ночная мгла.
Лагерь ратников усталых цепь дозоров стерегла.
Тут священники явились, чьи прославлены дела,
Те, кого б в соблазн греховный Ева ввергнуть не смогла.

51

На заре моленья каждый богу и святым вознѣс,
Веря, что отводят беды крест, Мария и Христос:
"Перст святой, господня риза, оградите нас от слѣз,
Если б даже в час опасный через волны плыть пришлось! "

52

За рекой разбившим лагерь меч не страшен боевой.
Облечѣнные в кольчуги, становились люди в строй.
Смелым людям не пристало жизнью дорожить земной.
Стать на страже в Кортанети Шалва был назначен мной.

53

Переплыть без лодки реку в половодье кто бы смог?
Не страшиться вражьей силы дали воины зарок.
На пологий берег вынес нашу конницу поток,
И беде неотвратимой Татархана я обрѣк.

54

Как мы справились с течением - почитать за чудо надо,
Ведь Кура в начале лета - это грозная преграда.
Ни один из нас не выбыл из немалого отряда:
Не могла коней осилить возмущённых волн громада!
55

Собрались войска в Сурами, выполняя мой приказ.
Встреча с ними перед битвой весела была для нас.
Ждали воины сраженья, вражьи полчища не страшась.
Боже! Помоги, чтоб щедро Татархана кровь лилась!

Г л а в а т р е т ь я

56
Совещались мы, когда же нам начать с врагами бой?
Надо их разбить, покуда не покинут лагерь свой,
Сжечь его, как летом степи вихрь сжигает огневой, -
Пусть же сабля засверкает над обритой головой!

57
Говорят одни: "Немедля наступление поведём.
Что сидеть, сложивши руки, перед вторгшимся врагом! "
Молвят те: "Напав неожиданно, мы верней его побьём.
Чтобы снова не пытался властвовать в краю чужом! "
58

Рек Нугзар: "Сражаться ночью мудрость горцев нам велит, -
Так врага мы побеждали, будь он крепок, как гранит!",
И другие молвят: "Сонный враг вернее будет бит.
Пусть один сражает сотню, сотня тысячу сразит! "
59

Я поднялся: "Это дело вы, друзья, доверьте мне,
И клянусь, победу нашу воспоют по всей стране.
Братья! Защищая Картли, уподобимся броне!
Пусть же гнев и силу дэва враг изведает вполне!
60

Утром выстроим отряды, чтобы каждый место знал.
И вдоль берега ударим, где враги воздвигли вал.
Будем биться, чтобы каждый не страшась пришельцев гнал
И, как жёрнов мелет зёрна, нечестивых сокрушал! "
61

К нам пробрался из Ниаби незнакомый пешеход.
И для нас перед сраженьем был находкой вестник тот.
Я спросил: "Хотят сразиться иль сомненье их берёт?"
Молвил он: "Враги в раздумьи. Страшно им идти вперёд.
62

Вновь по камушкам гадают, как гадали уж не раз,
По полёту стрел решают, что несёт грядущий час.
Звездочёты смотрят в небо, от людей уединясь.
Враг возмездья ожидает и, видать, боится вас".
63

Воины толкуют в страхе: "Угрожает нам беда, - "
Знаков, нам благоприятных, мы не видим и следа!
Потускнела в поднебесьи, изменила нам звезда! "
И волшебников приборы уничтожила орда.

Г л а в а ч е т в е р т а я

64
Стало ясно - басурманы богом брошены своим.
Мы лазутчику сказали: "Знать, противник уязвим".
Молвил он: "Их сила - в стрелах с наконечником стальным,
А кремневки или копья не знакомы вовсе им".
65

Вражий лагерь отовсюду окружили мы стрелками.
Дымом скрыли все пищади, извергающие пламя,
Не ушёл никто дорогой, перерезанной нами.
Мы пустили в дело копья, чтоб расправиться с врагами.
86

Вшестеро превосходивший оттеснили мы отряд,
И, удачей окрылённый, каждый был победе рад.
Поведя бойцов бесстрашных и не ведая преград,
Я в орду врубился вражью, чтобы гнать ее назад.

87

Подоспел и царь. Он - пикой повергал врагов во прах,
Разъяренный, сеял горе в неприятельских рядах.
Словно львы, грузины бились, закалённые в боях.
Зря враги пощады ждали, затаивши в сердце страх.

68

Бой гремит. Свинец сражает вместе с конным и коня.
А иных копыта давят - им уже не видеть дня!
Бьётся свита, как пристало, от врагов царя храня.
Подоспевшая подмога поддержала и меня.

69

Лицемерья и гордыни нет в характере моём.
Скольких из седла я выбил, перед тем пронзив копьём!
Где бы он ни появлялся, расправлялся, я с врагом.
Бить противника вернее было б трудно и свинцом.

70

Пусть опасность мне грозила, я рубился без пощады,
Гнал разбитых басурманов, как рассеянное стадо;
Для меня сражать сардаров было высшею отрадой.
Пот стереть не успевал я в этом пекле жарче ада!

71

Три копыта, о повелитель, в этой битве я сломал,
После палицей сражался, громоздя из мёртвых вал.
А сломав ее, булатом я пришельцев поражал, -
Кто же царских супостатов так ещё уничтожал?

72

Бьются доблестно грузины. Меч броню сечет со звоном.
Гибнут люди Татархана, поле оглашая стоном.
Пасть не страшно ратоборцам, пылом боя упоённым!
Гул стоит, как будто громы катятся под небосклоном!

73

В дело пики мы пустили. Враг стрелами отвечал.
Где бы царь ни появлялся, взоры воинов прельщал,
Поражая в темя плетью, всадников с коней сшибал,
Дай, господь, тому победу, кто в бою не отступал!

74

Мы до ночи бились. Землю токи крови обгаляли.
Стоит, чтоб победу нашу песнопевцы воспевали!
Стоны раненых и вопли всю окрестность оглашали.
Пусть опасны были стрелы, нас они не утрашали!

75

Каждый пикой защищался и удары наносил,
Промахнувшись стрелою насмерть яростно разил.
Булавой сражённый всадник падал на поле без сил.
Стрел впилось в меня двенадцать, но отвагу я хранил!

76

Да, тех стрел неотвратимых в мой доспех впилось немало.
Наконечником двуострым мне кольчугу разорвало,
Сердца, жаждущего мести, вражью кровь не утоляла,
Но не знал я, что в грядущем ждет меня еще опала!

77

Мы громили, оттесняли, истребляли вражью рать.
Что ещё царю и Картли оставалось пожелать?
Столь блистательной победы и пером не описать, -
Обезглавленных в сраженьи было трудно сосчитать!

78

Молвил он: "Мы сохранили нашей родины алтарь!
Будет подвигом героев горд отныне государь."

Головы пашей сражѣнных шаху отошлѣм, как встарь.
Вас же, как сынов и братьев, будет чтить отныне царь".

79

Вражьих, воинов из леса трое суток гнали к нам.
Сѣдла ценные достались нашим доблестным бойцам,
Я мечом разил пришельцев, но не брал добычи сам.
Знал ли я, что мне придѣтся слать проклятия лжецам?

80

Победивши, каждый воин за трапезой отдыхал.
Пир неделю длился. Вина были алы, словно лал.
Каждый виноградным соком рог до края наполнял.
Мы на пиршестве пьянели, ток вина не иссякал".

РУСУДАНИАНИ

(Отрывок)

Вот оно, начало сказания о Русудан, о жизни ее от рождения до кончины, о том, как росла и воспитывалась она, какие беды и испытания претерпела, о том, какими сказами тешили ее родители и братья. О виденном в странах заморских, об услышанном из уст мудрецов, о вычитанном из книг древних сказывали они ей, тяжкими недугами изнуренной, пятнадцать лет к ложу прикованной, дабы не дать душе ее расстаться с телом. Далее повествуется об исцелении ее и избавлении от бедствий, о вызволении сына ее, о воздаянии хвалы господу и великой радости и отдохновении родителей и братьев ее.

А затем сказывается о том, как обратилась Русудан к сыну: Ты, молодой государь, украшающий страну свою, оком собственным зрел муки, принятые родителями моими из-за меня, - и говорить об этом излишне. Но виденное братьями моими таково, спроси об этом у вельмож своих, что трудно поверить, якобы доступно оно взору смертного. Пожелал царь Придон выслушать вельмож своих и взял клятву с них сказывать: что своими глазами видели, что от людей слышали, что из книг вычитали. Понравились ему сказы эти, и вознамерился он в сердце своем подражать тем законам в царствовании. И повелел он: Негоже по ветру развеивать деяния предков наших дабы после нас дети наши не предавали забвению имя наше. Позвал он мудрого книжника и приказал: Во имя солнца моего, напиши о том хорошо, разумно и правдиво, как свойственно тебе. Тот сел и написал так:

Жил меж рубежей Востока и Запада знатный вельможа, звали его Аптвимианэ, могущественный и всесильный, отважный и непобедимый, государям равный, щедрый и богатый, ратному делу преданный, к беднякам милостивый, слабым и больным покровительствующий, исполненный мудрости и наук многих, повсюду прославленный, своими патронами глубоко почитаемый, чужеземными государями любимый и братом ими нареченный, многих почестей и даров от них удостоенный. Прожил он немало лет, не зная недостатка ни в чём, в роскоши и изобилии. День всякий проводил он, охотясь и пируя. Не ведал он ни в чем нужды в этом мире, и не о чем было ему просить у бога и людей. А в грядущем ждал он от господа, к смертным милостивого, вечного блаженства.

Было у Аптвимианэ двенадцать сыновей, взращенных в удали и отваге, обученных всяким наукам и премудростям. Сам он был стар и не мог более повелевать делами мирскими и ратными и возложил это на сыновей своих, те вершили свой закон и порядок, и не оставалось ничего под небом, чего не познали бы они. Сам Аптвимианэ доверился воле божьей, еще щедрее оделил нищих и просил господу даровать ему дочь.

Внял бог мольбам его - и послал ему дочь необычайной красоты. Вырастили родители ее в холе и неге. Как достигла она поры зрелости, заблестала, словно солнце, и стала прекрасна, как луна пятнадцатидневная. Слух о ней разнесся по всей земле.

Весть о ней дошла до страны иаманов и достигла слуха прекрасного витязя, имя которому было Манучар. Государи соседних царств называли его сыном царским, ибо повелителями страны иаманов были отцы и деды его, богатые и могущественные, над прочими царями возвеличившиеся, но возгордившиеся богатством своим - от бога истинного отрехшиеся и идолам преклонившиеся. За это были они забыты богом, дающим силу государям и правителям, лишены милости его и отринуты им в годину бедствий. Умерли они, и владения их и власть достались другим - ибо не осталось у страны, отторгнутой ими от бога, иного властителя, кроме названного Манучара. И тот уцелел лишь потому, что находился во чреве матери, воспитанной в вере Христовой и исполненной мудрости. Когда появился на свет младенец сей, родительница его отошла, и один из вельмож взял его к себе и вырастил в страхе перед богом и в преданности патронам своим, обучил его наукам разным и делу ратному.

Возмужал Манучар, познал законы божьи и мирские, и не было в мудрости его ушерба. Наставник радовался стольким достоинствам юноши, но боялся новых правителей. Коли узнают о том они - пропадут труды мои и падет дом мой, думал он, лучше мне самому поклясться в грехе своем и своими руками доставить его ко двору. Может, господь, покровитель сирот, отведет от него десницу карающую и око зловидящее.

Одел он Манучара не как сына царского, а как бедного сироту и обратился к нему с мольбой: Ты исполнен мудрости и знаний, нрав твой и повадка безупречны. Но теперь не время вести себя по-царски, и как бы ни испытывали тебя - не выказывай своей породы царской, и бог пошлет тебе лучшие времена, и ты получишь трон отцов и дедов твоих.

Посадил он Манучара на коня и повез ко двору государеву. Явился и доложил, что нашел младенца в месте безлюдном и с божьей помощью выпестовал его, как сына, не ведая, какого он роду и племени. Выяснив же истину, не посмел долее держать его у себя и отдает на милость правителей.

Как глянули они на Манучара - удивились красе лица его и мощи тела, созданного для подвигов ратных. Позавидовали они красоте его и задумали смерти его предать. Стали они испытывать силу дланей его и могущество плеч его. Сердце замирало у воспитателя его, и проклинал он себя за деяние свое. Не выдержал он и молвил так: Государь! Если бы юноша сей обладал разумом, подобающим красоте его и силе, - я бы давно сам убил его, дабы ничего не грозило царствованию твоему. Но испытай его сам: по силе не уступает он дэвам и вешапам, и стрелок он меткий, но презирает он чертоги царские, дела ратные, пиры и одежды богатые. Избегает он этого, как самой смерти.

Как услышал это правитель, возрадовалось сердце его и сказал он: Если нрав этого юноши таков, то зачем убивать его? Он сам свой убийца.

Остался Манучар при дворе - и испытывали его по-всякому. Отваге и мужеству его не было предела. Но в поступках своих и в обращении с правителем и вельможами, в жизни придворной и делах ратных был он таким, как повелел ему наставник, - простаком-неучем. Убедился правитель, что воистину он таков, остался этим доволен премного, приблизил его к себе и оказал ему почет и уважение - не так, как подобало его роду царскому, но так, как полагалось верному вассалу. Пожаловал ему городище малое и земли - из его же наследственных владений. Был Манучар возвеличен и хвален за свою доброту и отвагу.

Как услышал он о прелести Русудан, от любви к ней стал таять, словно воск, и денно и ночью думал: как овладеть ею, что предпринять? Просить руки ее издали - откажут, ехать самому - не отпустят, убежать тайком - осудят. Так Манучар и пребывал в сомнениях.

Но не выдержал он вдали от любимой. Не тая любви своей, упросил правителя отпустить его и отправился в путь. Шел он много дней и пришел с дарами великими в ту страну. Сообщили Аптвимианэ вельможи его, что прибыл из страны иаманов прекрасный витязь, львиное сердце, доблестный и славный, по имени Манучар. Называют его сыном царским, ибо правителями страны иаманов были отцы и деды его. И пришел Манучар испрашивать руки Русудан.

Повергла в уныние Аптвимианэ просьба Манучара, ибо знал он о царском происхождении его и о доблестях его. Знал он, что витязь не отступится, пока не добьется своего, и тосковал, предвкушая разлуку с дочерью. Но делать было нечего, и послал Аптвимианэ свиту - встретить гостя за три дня пути. С большими почестями сопровождала свита Манучара, а как приблизился он на расстояние однодневного пути - сам Аптвимианэ встретил его.

Спешились они, поклонились низко друг другу, вошли во дворец прекрасный и сели пировать, пребывая в сладком отдохновении.

Так шли дни в пиршествах и развлечениях. День ото дня роскошнее становился стол, щедрее и краше подношения. Но Манучару не милы были дары и яства, вспоминал он возлюбленную свою, но не открывал этого никому.

Прошло время, и убедился Манучар, что так не получится ничего. Призвал он вельмож и заслал сватов. Ответил Аптвимианэ ему так: Не проси об этом. Не достойна тебя наша дочь. Не пожалее казны и добра, голову и душу свою готов положить за тебя, и сыновей пошлю на смерть в битве с врагом твоим, если туго тебе придется... но дочери не отдам. Ответил ему Манучар: Без Русудан не желаю даже всей земли, зачем мне дары твои, когда своё добро у меня пропадает. И сказал тогда Аптвимианэ: Ты уже зрелый муж, а дочь моя - совсем дитя. Не сможет она повелевать домом твоим и владениями, не ровня она тебе. Нынче ты таков, но неизвестно, что ждет тебя завтра: коли вернет тебе бог трон отцов и дедов твоих, то вера твоя изменится, и вижу в этом я большое препятствие.

Много дней прошло в разговорах. Не уступал Аптвимианэ дочь, но и Манучар не отступал. Одарил драгоценными камнями и жемчугами он царей и вельмож, многих посредничать просил и поклялся клятвой страшною, что если откажут ему - поразит он себя собственным кинжалом. И понял Аптвимианэ, что невозможно оставить подле себя дочь, что быть горю великому, и впал он в уныние, и не было больше у него сил. Собрались цари многие, вельможи и правители. С речами пышными благословили и соединили юношу с девою - несравненно подходящих друг к другу. Справили свадьбу, такой чете подобающую.

СВАДЬБА МАНУЧАРА И РУСУДАН

Справили свадьбу, собрали вельмож многих и пригласили государя страны той. Устроили пиршество. Семь дней и ночей не вставали гости из-за накрытых столов. А как

кончилась свадьба, распрощался Манучар с тестем своим. Отправили с молодой приданное несчетное: жемчуга-перлы, золото-серебро, шитое и нешитое, сто верблюдов, двести вьючных мулов, сто лошадей в золотой сбруе, сотню рабов и прислужниц.

Шли они много дней и пришли в страну иаманов. Разнеслась весть о том, что Манучар везет Русудан - светоч земли. Собрались многие горожане, каждый спешил увидеть красавицу. Кому удавалось пробраться вперед, кто следовал за караваном, кто на крыши высоких домов выходил, а многие поднимались на деревья, чтобы увидеть Русудан. Как подошли они к граду стольному, вышли навстречу им горожане с великой радостью и поздравляли Манучара с победой. Справили свадьбу, которой сам правитель иаманов удивлялся, завидуя щедрости и величию Манучара. И Манучар не скрывал своей повадки царской.

Гневало это правителя, но думал он: Ежели затеять с ним вражду, вдруг не одолеем его и навечно имя наше сгинет, но опасно и то, что подданные наши при виде его не захотят вспоминать нас. Большую тревогу вызвало сие у государя, но скрывал он ее. Манучар пировал и веселился со своей желанной. Так почтителен и нежен был он с Русудан, что забыла она заботы и ласки родителей.

Прошло много дней и много лет их счастливого и прекрасного супружества. Послал бог им сына и дочь, по красоте им равных. Однако Русудан, давно не видя родителей своих, стала грустить в разлуке с ними, и чуть поблекла краса ее. Как заметил это Манучар, обожгла досада сердце ему и сказал он: Что тяготит тебя, солнце страны моей и надежда моя, что грустишь ты? Что может хотеться тебе такого, чего бы я не исполнил? Зачем мне жизнь моя, если хоть во сне ты запечалишься, а не то, что если глаза мои увидят тебя бледную от печали!

Отвечала Русудан: О чем говоришь ты! Чего я могу хотеть, кроме благоденствия твоего? Чего мне может не доставать! Так велика щедрость отца моего, что ни в чём не ведаю я нужды и богатства мои неисчерпаемы. Как же я могу печалиться из-за сокровищ. Но известно тебе и скажу я, как изнежена я родителями своими и как неотлучно находилась я при них. И спящую они меня холили, и от бодрствующей не отходили. Сейчас меня смущает и удивляет, как они столько времени выдерживают без меня и как я живу в разлуке с ними. Я же только о них печалюсь. И сказал Манучар: Об этом не печалься, свет очей моих! Разве не знаешь ты, что братья твои по дальним странам путешествуют и многими делами обременены и поэтому навестить тебя не могут. А сами родители твои состарились и не в силах в столь дальний путь пускаться. А мы посетить их не можем, ибо враги наши не дремлют...

Получил Манучар письмо от правителя иаманов, писал правитель ему так: "Прошло столько времени, а ты не изволил явиться ко мне, изъявил непокорность. Если ты желаешь себе добра, в то же мгновение, как получишь приказание наше, не мешкай, спеши предстать предо мной, дабы не стеря я с лица земли самое имя твое".

Как прочёл Манучар послание сие грозное и понял, что ослушаться не посмеет, пошел он к Русудан, с весельем на лице, но с грустью в душе. Сел он рядом со своей желанной Русудан и, отпустив свиту, пожелал остаться с ней наедине. В ту ночь пребывали они в блаженном отдохновении.

Как рассвело и солнце украсило этот мир, Манучар встал с ложа своего. Сердце его наполнилось тоской, а из глаз полились слезы. Обнял он Русудан за хрустальную шею, поцеловал в уста розовые и молвил: Русудан, свет очей моих и мощь тела моего! Ты по ветру развеиваешь беду мою и вносишь радость в душу мою. Открою я тебе одну тайну, и не печалься, и пусть нрав твой тихий и сладкий не станет грозным, выслушай меня спокойно. Не стоит горевать из-за того, что мой престол и венец - у других, а я рабом им прихожусь. И до сих пор мне трудно было это выносить, но я воспитан в вере христианской и уповал на бога, и не осмеливался пойти к тому нечестивцу, ибо он звал меня идолам преклониться. Не думай и того, что из трусости не вступал я со своими врагами в борьбу. Не потому терпел я, что не могу управлять владениями своими. Дело в том, что бог за грехи наши оставил нам этого волка спящего на погибель души нашей и сделал нас паствой дьявола. И не откупиться от него, и силой не избавиться. Чем от Христа отречься, я предпочел жить в бедности и находиться в рабстве у врагов своих. Ныне же вспомнил нечестивый обо мне и пожелал видеть меня, чтобы вернуть мне мои владения. Много раз прибывал гонец и вызывал меня спешно. А тебе я до сих пор не сообщал потому что искал средство, чтобы как-нибудь уладить все так, дабы твой светлый лик не омрачать; Но не придумал я ничего, не смог спастись, и нельзя мне не ехать. Тяжко мне, что долго не увижу я лица твоего, может даже веру истинную преступлю; а так для меня лучше: и врагов поработить, и владения свои возвратить. Ты пребывай в покое, не ведая тоски, и моли бога о моей удаче.

ОТЪЕЗД МАНУЧАРА

Как услышала Русудан такой ответ от супруга, всплеснула руками, сбросила с себя украшения, расцарапала лицо и грудь свою и упала с тахты за мертво. Как увидел Манучар отчаяние ее, сердце ожгла ему печаль и заплакал он слезами кровавыми. Поднял он Русудан и уложил на колени свои, проводил руками по очам ее и звал ее громким голосом с сердцем

клокочущим. Целовал лицо ее и руки, и просил, и умолял: Не губи меня, не убивайся так. Давал ей нюхать благовония и старался привести ее в себя.

Прошло много времени. С утра до вечера без чувства лежала Русудан. Манучар бил себя по голове и клялся, что и он умрет над ней, только бы не глядеть на муки ее. Когда тысячами ухищрений привели Русудан в себя, она с плачем и причитаниями обвила колени супруга своего и стала умолять: Или убей меня своей рукой, или возьми с собой. Иначе я живой не останусь, без тебя не вырастить мне детей наших.

Как увидел Манучар, что пришла она в себя, обрадовался и сказал: Что плачешь ты, солнце мое, что льешь слезы горючие? Ты радоваться должна и утешаться. Дети наши не имеют себе равных. А родителям и братьям твоим цари завидуют. Я должен горевать в разлуке с тобой, но горевать не стану, ибо надеюсь вскоре встретиться с тобой и победить врагов моих. Успокой свое сердце и послушайся совета моего. Если исполнится мое желание и удостоюсь я счастья еще раз увидеть твой блистающий лик, приду я к тебе с дарами великими и богатством, прибавлю многие крепости и города. Но если изменит мне судьба и подстроит ловушку, тогда укрепись в сердце своем и будь разумна. Против судьбы не пойдешь. Свершится то, что суждено. Ты присмотри за моим сыном, прозванным Львиное сердце, воспитай его в уважении к добру и мудрости, обучи наукам, чтобы оказался он достойным рода своего и стал лучше меня.

Говорил так Манучар, а сам горючими слезами заливался. Русудан обнимала колени его и орошала их слезами кровавыми, и призывала смерть, и говорила, что не хочет жить без супруга своего. Так расстались они, любящие друг друга сильнее всех других влюбленных. И пустился Манучар в путь трудный, и осталась Русудан в горе и тоске молить бога со слезами горючими.

Шел Манучар много времени и пришел к могущественному и высокому государю. Как увидел его царь, остался очень доволен и оказал ему почести, которых не описать. Проверял он его качества воинские и испытывал делом его. Все знал и умел Манучар и не имел ни в чём ущерба. Что бы ни повелел царь, Манучар исполнял все со сноровкой. Увидел царь такую зрелость и удаль, остался доволен премного и воздал хвалу ему. После того, где были недруги его и непокорные или приказу не подчиняющиеся, или дань не платящие, или враг где появлялся какой - он вызывал Манучара и просил его: Как подобает роду твоему и твоему мужеству, исполни долг свой, не посрами имени своего. И Манучар шел и побеждал всех врагов, рабов с повинной приводил. Стал он таким знаменитым, что кто бы ни услышал о нем, из дальних краев приходил и воздавал почести и платил дань в тысячу раз большую. Многих могущественных царей покорил Манучар, разрушил их города-крепости и обложил их данью.

Как увидел правитель такую отвагу и славу Манучара отдал ему его поместья родовые и владения, камни драгоценные, жемчуга, золото-серебро, облачение воинское и одарил его богатством неслыханным. Прибавил к владениям его многие новые города и крепости.

Как увидели враги его, что прибывает слава его и величие, а они разоряются и гибнут, стали внушать правителю: Если так верен тебе Манучар и так любит тебя, почему не привел он ко двору дочь свою Роден, подобной которой нет на земле и невозможно найти для тебя более подходящую пару. Ты знай, что самому великому художнику не под силу изобразить красу ее и воздать ей хвалу не в силах самый красноречивый поэт.

Как услышал повелитель хвалу красоте Роден, вызвал тотчас к себе Манучара и сказал: Прослышал я о красе дочери твоей Роден, и загорелось в сердце моем пламя любви, нет мне покоя ни днем, ни ночью. Дай мне ее в жены, дабы мог усладить я душу свою, а за это одарю я тебя еще большими милостями.

Как услышал это Манучар, свет померк в очах его и потерял он сознание. Горячо любима была им дочь его Роден, и для матери своей была она утешением и жизнью. И сказал в душе своей Манучар: Для Русудан в разлуке со мной жизнь и без того несладка; ежели отберут у нее дочь, что тогда утешит ее? Терзался Манучар, но ничего поделать не мог, не помогали ни мольбы, ни просьбы, ни дары богатые, ни угрозы, - на своем стоял жестокий правитель. Ему должен был вручить Манучар дочь свою желанную, ярче светил всяких сверкающую, красоты совершенной и возраста юного, и сказал он: Я пойду и приведу дочь свою. Но отвечал правитель: Пока не увижу я красавицу, ты не уйдешь никуда, а потом отпущу я тебя. Стало легче на сердце у Манучара. Подумал он: Если отпустит он меня, то и Русудан уступит ради меня свою единственную дочь. Взял он чернила, с мускусом размешанные, и написал о своем положении во всех подробностях: какую славу он заслужил и какое величие и богатство снискал. Потом написал: Я знаю, как горька жизнь твоя, но зачем убиваешься ты и меня печалью своей убиваешь. Может, господь смилуется над нами, и мы свидимся с тобой. Если не изменилось твое сердце ко мне, уступи ради меня твою любимую дочь Роден и не печалься слишком. Мне еще тяжелее, ибо жертвую я дочью для спасения души своей. И может быть, удостоюсь я при жизни встречи с тобой.

Как дошла эта весть до Русудан, и без того в горе пребывавшей, прибавилось ей печали и забот. От тоски чрезмерной, подобной жгучему огню, задрожала она, как листок, с престола упала и забилась о землю, как птица обезглавленная. А как пришла в себя, стала громко причитая и рвать тело свое. Раскровенила она лицо свое и голову, потом разорвала одежды окровавленные и

прижала к сердцу дочь свою. Говорила она такие слова жалобные, что смущались слушавшие их и, от жалости к ней огнем загорались. Три дня и три ночи не выпускала она дочь из объятий - и ни мольбой, ни силой не могли отнять ее. Плакала Русудан, била себя по голове, а потом упала замертво. Три дня лежала она, и не было в ней признака жизни.

ЗДЕСЬ У РУСУДАН, ГОРЮЮЩЕЙ И ОТ СКОРБИ В БЕСПАМЯТСТВЕ ПРЕБЫВАЮЩЕЙ, УВОДЯТ ЛЮБИМУЮ ЕЕ ДОЧЬ РОДЕН

Пока пребывала в беспамятстве Русудан, оторвали от нее юную дочь ее и увели. На четвертый день пришла Русудан в себя, огляделась по сторонам: плакали над ней дети малые, а Роден не было видно. Вскочила Русудан и закричала громко: Что с тобой случилось, чадо мое любимое, жизнь моя! Кто это солнце светлое для меня затмил, кто отнял у меня зарю сияющую.

То билась она головой о камни, то в огонь кидалась. Хватали ее за руки несчастные служанки, умоляли дети малые утешиться, но не унималась она, и они плакали вместе с нею слезами кровавыми. Никак не могли успокоить Русудан. Тогда написал письмо к деду сын ее Придон: Повернулось пятью колесо судьбы, и приключилась с нами беда великая. Отняли у нас сестру нашу Роден, померкло солнце светлое. И теперь мать моя замышляет покончить с собой и оставить нас сиротами. А потому вы, как получите послание наше, помогите дочери своей, иначе нам не о чем будет писать.

Спешно отрядили гонца, и передал он вскоре письмо Аптвимианэ и с большим плачем и причитаниями молил о помощи. Как пришла весть о горе, постигшем любимую дочь, заторопился Аптвимианэ. Не мешкая, собрались они и пустились в путь, ни днем, ни ночью не останавливаясь, прибыли в страну иаманов. Увидели Русудан, которая не только не бросилась их встречать с улыбкой и радостным криком, но даже не обрадовалась приходу их. Тело ее, к неге и холе привычное, лежало теперь на земле, в пыли и в золе. Лицо ее, прежде сияющее и веселое, было покрыто кровью. Вместо мягких, пропитанных благовониями тканей, одета она была в траурное тряпье. С жалобным криком и слезами горячими обняла Русудан колени родителей своих: Засыпьте меня камнями, не оставляйте меня жить, не глядите, как жжет меня огонь неугасимый, иначе весь мир сгорит от этого огня.

Прошло время, и привели Роден ко дворцу правителя иаманского. Как увидел ее неверный, удивился красоте ее и прелести, воспыпал любовью к ней и одарил Манучара богатством неисчислимым. Стал Манучар богаче всех богачей, но позволения уйти правитель и теперь не дал ему. На просьбы отпустить его он отвечал: У тебя есть и престол, и венец, слава и богатство, города и владения. Если недостает тебе чего - я еще добавлю, зачем же тебе покидать меня?

Прошло еще время. Опять донесли правителю враги Манучара, что есть у него сын, какого не видел еще глаз человеческий, ни по красоте, ни по мужеству нет ему равных. Сила его такова, что льва за хвост он поднимает и дэва связать может. Пусть призовет он сюда сына своего, тогда и отпустишь его, - нашептывали вельможи.

Как услышал хвалу эту жестокий правитель, завел с Манучаром разговор такой: Если ты хочешь уйти, приведи сюда сына своего Придона, и я отпущу тебя, а без него об уходе своем и не помышляй! Как услышал Манучар, что правитель требует Придона, рассудок потерял от горя, в глазах у него потемнело и проклял он жизнь свою и взмолился он к правителю: Убей меня, но не заставляй становиться кровным врагом детей моих.

Не было у Манучара больше сил, но не отступал правитель от него. Пришел тогда Манучар к неправеднику тому со слезами и плачем, стал на колени перед ним, положил саблю свою и заклинал его благодатью солнца и луны и царствованием его: Убей меня, но не вели того! Удивился правитель, как посмел он послушаться его, но потом сжалился и подумал: от тоски чрезмерной он рассудка лишился, пожалел его и сказал: Клянусь тебе клятвой царской, что не задержу я сына твоего, покажи мне его только, и я быстро отпущу его, одарив многими милостями. Отвечал Манучар: Напрасно внимал ты наговорам недругов моих, я сам желаю, чтобы сын мой находился при мне, увидишь, как окрепнет тогда страна иаманов. Но теперь он не придет сюда по моему слову. Ты пошли человека с наказом, может, послушает он тебя. Написал правитель послание: "Придон, богатырь новоявленный! Опора вселенной! Тобой гордится престол, венец и царство! Прослышали мы о силе и красоте твоей, и желает царь наш видеть тебя, и отец твой стосковался в разлуке с тобой. Как явится к тебе гонец наш, коли покорен ты воле нашей, спеши явиться ко двору".

Устремился гонец в путь и вскоре прибыл во дворец к Придону и передал ему послание правителя, и поведал на словах то, что ему поручили. Как узнал Придон о положении отца своего, как прослышал, что не может он вырваться из пасти дракона, как внял жалобам его на свою долю, сказал: Если бы даже не приказал царь, я все равно не оставался бы здесь, ибо должен узнать, за какую провинность держит при себе отца правитель ваш.

Встал Придон и пошел к матери своей: Матушка, глубоко почитаемая, знатным родом

своим возвысившаяся над прочими, почто льешь ты слёзы горькие, почто убиваешься? Отринь от себя тоску бесовскую, может, исполнится желание твое и не узнаешь ты боле вкуса горечи и беды. А я теперь пойду, предстану пред тем могучим и несправедливым правителем. Может, он отпустит отца моего. Ты не горюй обо мне и будь весела, ибо вернусь я скоро и надеюсь на освобождение отца моего. Ты не печалься отныне, а молись о вызволении нашем, и да сбудется желание твое! Обнял Придон мать, попрощался с ней и отправился в путь.

ЗДЕСЬ ПРИБАВИЛАСЬ НОВАЯ ТОСКА К ТОСКЕ РУСУДАН: ЕЕ РОДИМЫЙ, ЖЕЛАННЫЙ И ЛЮБИМЫЙ СЫН ПРИДОН УШЕЛ К ОТЦУ

Как увидела Русудан, что сын ее, родимый и желанный, обладающий нравом безущербным и в вере истинной возвращенный, ушел к тому безбожнику, предалась горю, тоске глубокой, печали неутолимой. Говорила она слова горькие и обливалась слезами кровавыми. Не желала она слушать ни хорошего, ни дурного, не глядела на день светлый и минуты не отдыхала от причитаний и плача. Не пила Русудан, не ела, не ложилась на ложе свое, не укрывалась ничем. Пребывали в большой горести несчастные родители ее, взирая на дочь свою, возвращенную в холе и неге и в роскоши царской, а теперь лежащую в пыли и прахе. Не выдерживало их сердце боли такой, и говорили они: Зачем ты поступаешь так, чадо наше возлюбленное, жизнь старых родителей твоих и свет очей наших? Зачем ты даешь увянуть розе увядаемой и позволяешь поблекнуть сиянию безоблачному? Зачем хочешь ты покинуть родителей своих, не предав их земле, и разбить сердца братьев твоих? Мы тоже родители двенадцати сыновей, и ни одного из них нет рядом с нами. Некоторые из них в дальних странах пребывают, некоторые - в котгах дэвов и драконов, но мы не убиваемся, а ждем их победоносного возвращения. Отчего же ты не успокоишься ни на мгновение, чтобы возвратилась душа к телу твоему изможденному. Многих терпящих горе видели мы, о многих слышали, но никто не совершал подобного тебе. Не делай того, чего не позволял себе никто - ни старец, ни юнец, ни язычник, а не то что добрый христианин. Или послушайся уговоров наших, или убей нас рукой своей, не показывая нам отчаяния своего и того, как лежишь ты во прахе и золе.

Еще горше заплакала Русудан и говорила так: Что молвить и. изволите, родители мои, донныне блаженнейшие из царей, а ныне – обездоленные несчастьем моим, четыреста восемьдесят лет проведенные, горя не зная, пируя и утешаясь, а теперь из-за моей горькой судьбы в пучину отчаяния ввергнутые. Вы за все дни свои беды не знали, и не дай господь, чтобы пережить вам испытания, выпавшие на долю детей ваших. Глядя на меня, вы слезы точите и не в силах вы покинуть меня. А как же мне перенести разлуку с моими любезными и желанными сыном и дочерью, попавшим в пасть дракона. Если бы сжалился надо мной бог милостивый, не отреклись бы дети мои от учения его и не ушли бы они из рук божьих. Горе мне горемычной, мои дела и заботы будут пособниками дьявола, и я допустила до этого. Сыщется ли на земле кто-нибудь несчастнее меня. Чада мои служат сатане. Мои глаза видели уход их, и не ждет мое сердце их возвращения.

И потому жгут меня огнем неугасимым слова сына моего Придона, рыцаря безупречного и красноречивого, богатыря прославленного и возвеличенного, равных не имеющего, утешением служившего не только для родителей своих, но и для всех, кто видел и слышал его. Для стариков был он утешой души, для юношей - добрым наперсником в пиру и щедрым дарителем. Уходя, он сказал мне: Не печалься! У меня сердце горело в предвкушении разлуки с ним, а он не щадил себя во имя спасения отца. Так как же примириться мне, что дети мои потеряны для меня - душой и телом, как свыкнуться с несправедливостью такой!

От таких слов родители Русудан зажигались пламенем, и не находила Русудан себе успокоения. Стараясь утешить ее, говорили они так: О дочь наша, ты тоскуешь о потере детей своих и секунды не можешь потерпеть без тех, кто не своей волей покинул тебя, но подчиняясь насилию и жестокости. Но разве не зло то, что ты своей волей хочешь погубить себя и родителей, пятисот лет достигших. Почему следуешь ты воле дьявольской и не жалеешь братьев своих, на чужбине прослышавших о горе твоём? Почему ты не сжалишься над прислужницами твоими, страдающими, на отчаяние твое глядя?

Ведь помилованные врагом дети твои могут тоски твоей не выдержать, и ты станешь убийцей детей своих. Тогда достойны геенны огненной не только ты, но и все родичи и ближние твои. Кто знает, что готовит тебе провидение? Отчего не вспомнишь ты терпение Иова и того, как испытывал его господь, отторгнув его владения и лишив величия, оторвав от детей и от всего, трудом и потом добытого. Горе детей его и гибель богатства его, пребывание его в нищете и лишениях не сумели заставить его, смердящего, гноем истекающего, сказать хоть слово упрека господу. Днем и ночью славил Иов имя божье и говорил так: Бог дал, бог и взял. Да святится имя божье ныне и присно и во веки веков. Ежели хочу я пира, то и чуму приму из рук его. За это вознаградил Иова господь в тысячу крат и одарил его благами всякими. Отчего не спросишь ты о достойном и святом мученике Эстатэ, лишенном владений и богатств, оторванном от дома своего, не сумевшем вызволить детей своих из волчьего логова. Жену Эстатэ похитили язычники, и остался он в бедности и одиночестве. Но не роптал он и не жаловался на судьбу свою, и за это удостоил его господь больших благ и утвердил его во владениях райских. Что же ты не просишь бога всевидящего, дабы узрел он страдания твои и вознаградил тебя встречей с возлюбленным сердцем твоим и горе твое превратил бы в радость.

Многие такие слова говорили родители Русудан и терпеливо наставляли ее. А сама

Русудан говорила себе в сердце своем: Не будь тверже камня. Не слушаешь ты ни бога, ни людей.

И не стыдишься родителей своих, не жалеешь детей и братьев своих. Всех кто знал радость в своем доме, ты огорчаешь. Юноши стареют безвременно, старики чахнут в тоске, а ты не слушаешь ни единого слова. Так укрепляла Русудан сердце свое. Из жалости к отцу и матери бодрилась Русудан, но сердце ее жгло пламя яростное.

Прошло немало времени, а положение оставалось неизменным. Тяжко занедужила Русудан. И не помогли тому недугу ни лекари, ни снадобья. Горевали родители ее, но помочь ей не могли. Разнеслась весть о том по всем странам, и узнали братья Русудан о болезни ее, и пошел из Китая в страну иаманов брат ее старший. Шел он, шел, пока не достиг Иаманети. Как вошел он в город, все стали жаловаться ему и о положении Русудан рассказывать. Пришел старший брат во дворец и увидел сестру свою, тяжким недугом пораженную и от тоски рассудка лишившуюся, и бесчувственных родителей своих. Заболело его сердце, и пошел он со слезами, обнял Русудан и сказал: Сестра, свет очей моих, радость жизни моей! С какого облака подул ветер страшный, унес безоблачное солнце наше - Роден, и как смог он похитить витязя Придона, которого дэвы и вешапы одолеть не могли, по красоте и мужеству совершенного, утешителя старости родителей моих, не имеющих равных себе?

Пришли братья Русудан из разных стран. Окружили сестру. От заботы их солнце тучами покрылось, твердь земная содрогнулась. Как увидела братьев своих Русудан, залилась слезами горючими. То одного обнимала, то другого, в ноги им бросалась: Не оставляйте меня жить, не старайтесь меня спасти. Зачем мне исцеление - то, что можно увидеть - я видела, то что можно услышать - слышала. Испытавшего все это кто из вас сумеет развлечь и утешить?

Отвечали братья: Да не услышат уши наши слов таких, не прожить нам и мгновения без тебя, мы верные слуги твои. Или убей нас рукой своей, или покажи нам лик твой сияющий, ланиты цветущие, Дай услышать голос твой сладостный, речь неспешную и напевную. Отчего забыла ты любовь нашу и почтение к родителям? Почему не утетишь их и нашему приходу не возрадуешься? Мы из таких дальних стран прибыли, такие трудные дороги прошли по морю и по суше, много сражений перенесли и схваток со зверем, многих великих и могучих государей видели и волею божьей пришли сюда целыми и невредимыми. Придон моложе нас, он бодрый и юный витязь. Если бы даже ушел он для того, чтобы сразиться с дэвами или зверем диким, и тогда ты не должна была предаваться отчаянию. Если даже отправился он в дальний путь, это нужно и поэтому не страшно. Представ перед правителем, не получит он ничего, кроме почестей и милостей. Что же убиваешься ты? Может, Придон придет так скоро, что мы и очнуться не успеем. Мы много видели и много слышали о попавших в испытания и глазами своими видели невзгоды великих и могущественных государей.

Такими речами старались поддержать братья Русудан, рассказывали ей о бедах и радостях многих. Родители внушали Русудан смирение, утешали и ободряли ее. А братья сказывали о виденном и слышанном, из книг древних вычитанном, о невзгодах и муках великих государей, а после о вызволении их по воле божьей из бедствий и отдохновении. Сжалилась над братьями Русудан, старалась не плакать громким голосом. Ждала вести от детей, но не получала ее и пребывала в горьком неведении.

Как миновало два года, пришла весть о том, как встретили Придона знатнейшие вельможи и отвели его к великому государю, какого не посмеет назвать язык человеческий, и сказали: Желает видеть тебя великий и высокий государь и желает, чтобы ты воцарился над всеми странами.

Воспряла немного духом Русудан при этом известии, выслушала сказанное. Как увидели братья ее, что она пришла в себя и оправилась, возрадовались великой радостью и богу великую благодарность принесли, что спасена душа Русудан и что увидели они ее живой, глазами раскрытыми. Пришли они воздать почести ей и сказали: Как ты теперь, отрада родителей и покровительница братьев? Видим мы, что радость вернулась к тебе. Слышали мы весть, сердца наши порадовавшую. Поблагодарила их Русудан: Братья любимые, исцелители моей души! Извела я вас горем своим. Вот уже семь лет, как родители мои не имели покоя ни минуты и куска хлеба без слез не проглотили. Вот уже год, как вы здесь, и после такой долгой разлуки не оказала я вам достойной встречи и вы ни одного дня светлого не видели. Лучше бы мне не родиться и не быть возвращенной матерью вам на горе! Отвечали братья: Почто говоришь ты так, для чего нам пиры и утехи, если тебя они не радуют. Улыбнулся старший брат и сказал: Матери Зава, потерявшей сына единственного, пятнадцатилетнего, больше твоего претерпеть пришлось. Сказала Русудан: Был ли кто на земле, испытавший невзгоды, подобные нашим? Не дай господь, чтобы кто-нибудь видел такие страшные бедствия! Отвечал ей старший брат: Много чужих стран я видел и от многих мудрецов слышал разные истории. Много сам видел, многое от других слышал. Тяжкие невзгоды претерпевали и великие люди, и простые, но в конце покой и радость посылал им господь. Самые великие муки и испытания выпадают на долю царей - так было и будет, Безбедное царствование и радость без горя - не слыхал я о таком даже от мудрецов, в старину живших. Вот послушай, я расскажу историю, случившуюся давно, но сегодня, может, она вас развлечет. Как покинул я страну свою, долго шел по суше и по морю и занимался попутно делом своим. Исполнил я все веления отца моего и решил возвращаться назад. Пригласил я вельмож той страны, хотел я устроить им пир и так распрощаться с ними. Сели мы, готовые

предаваться веселью и утехам. И стали рассказывать друг другу разные истории. Был среди нас некий старый купец, и молвил он следующее: Нет на свете страны прекраснее Китая и царя, лучшего, чем китайский царь, и города величественней, чем китайская столица. Попросили вельможи того купца: Расскажи нам о том, что знаешь ты о Китае. И он отвечал: Не знаю я больше того, что слышал от отца своего. Нет на земле витязя прекраснее, чем Зав, и царя, более могущественного, чем он. Я обиделся и сказал: Не видя того глазами своими, а только слыша о нем, что же ты унизил всех остальных? И сказали вельможи: Если бы нашелся человек, который пошел бы в Китай и узнал все подробно, тогда посрамили бы мы этого купца. И решил я в сердце своем пойти в Китай, но вслух этого не произнес. Запала мысль об этом мне в душу. Разошлись все, сидевшие за тем столом, а я всю ночь не знал покоя от этой мысли. Как только занялось утро, я стал собираться в дорогу, оставил там же груз свой и рабов, навьючил постель на одного мула, взял одного слугу и пустился в путь.

Шел я много дней и добрался до китайской границы. Увидел я большую страну, с домами многими, городами и крепостями. Удивился я красоте и богатству страны той. Жалко мне стало себя, что хожу я по той стране бедным странником. Иду я грустный, а все спрашивают меня: Кто ты, бедный чужестранец, иди, поешь с нами, если голоден. Я не шел, не в силах побороть смущение, а они еще больше осуждали меня. Сказал я себе тогда: Горе мне! Для чего растил меня отец мой? Отчего считал я себя для царей желанным, друзьями любимым и хваленным? До сих пор все мудрецы и мужи ученые хвалили меня и удивлялись уму и учености моей. Отроки состязались со мной на ристалище в ловкости и отваге, а ныне любой может унижить меня. Зачем мне понадобилось видеть Китай? Пришел сюда, словно безумец, вместо того, чтобы спокойно возвращаться домой.

Такими упреками терзал я себя и, раздосадованный, шел по стране той.

Так прошел я двадцать дней, не находя покоя от тоски. И человека не мог встретить, который развеял бы мою печаль и которому бы я мог раскрыть свое сердце. Все более и более тяжело мне становилось. Решил я возвратиться. Поглядел по сторонам, вижу - едет некий человек на муле в золотой сбруе, в сопровождении двух рабов... Я, опасаясь, что и он будет смеяться надо мной, свернул с дороги. Но он, как увидел меня, послал ко мне раба: Я вижу, что ты чужестранец, и хочу с тобой познакомиться. Приходи, попируем вместе. Я не послушался вначале этого человека и сказал: Что это за бесовская страна, где не признают людей, не желаю я от вас ни пиров, ни утех.

Пошел раб и доложил о том хозяину своему. Тогда пришел он ко мне сам и сказал: Кто ты, брат, и почему гневаешься, неужели дурные люди обидели тебя? Как увидел я доброту его, сердце мое немного успокоилось, и я сказал: Попал я в страну невежд, и в гневе на них я забыл приличие и встретил тебя неприветливо. И сказал он мне: Не гневайся, брат, вижу, что человек ты знатный и почитания достойный и не встречал ты равного себе, а с дурными людьми водиться тебе негоже. Прикажи, и сядем в тени. Ты утомлен - отдохни немного.

Понравилось мне обращение этого человека, и пошел я за ним. Привел он меня к ручью. Поели мы и отдохнули. Потом спросил я его: Чья это страна и кто эти люди? Те, кого ты видел - табунщики и пастухи знатного визиря. Так богат ваш визирь, - спросил я, - что на протяжении двадцати дней пути стоят шатры его? Он сказал: Не двадцать, а сто дней ты будешь идти и видеть по пути его стада и шатры пастухов. И вспомнил я слова того купца и подумал: Не лгал он, великая страна, оказывается, Китай. И спросил я своего спутника: Брат, а ты кем состоишь при визире? Он ответил: Я старший над табунщиками. И я сказал ему: Я никуда не уйду, не повидаю патрона твоего, я желаю видеть его. Он ответил: Я к услугам твоим.

Шли мы долго, проходили города за городами, крепости за крепостями. И увидел я, что страна велика и прекрасна и нет на земле городов, равных тем городам. Привели меня в дом к визирю. Объявили ему о приходе моем. Сразу явился ко мне человек и пригласил с большим почетом. Приласкал меня визирь, расспросил: Кто ты, сынок, из какой страны пришел? Рассказал я ему о том, что со мной приключилось. Удивился он неподобающему виду моему и сказал: Слышал я о богатстве и добродетели отца твоего. Кто же отпустил тебя в путь одного? Я ответил, что иду не из дому. Был я в Хорасане с войском в походе и услышал там от одного купца о могуществе и щедрости вашего царя, которого он назвал лучшим на земле. Я не поверил ему и оставил свиту свою, и пошел один. Хотел видеть страну вашу и государя. Он сказал мне: Сын мой, трудный путь ты одолел, много испытаний видел. Китай - большая страна, если ты хочешь увидеть все, - за год не обойдешь. Если желает сердце твое, я расскажу тебе обо всем, что приключилось с царями нашими.

Поблагодарил я его, воздал ему достойную хвалу: Как подобает добродетели вашей, расскажите мне. Он сказывал мне - я же внимал ему.

МУДРОСТЬ ВЫМЫСЛА

(Отрывки)

Жил некогда царь, деяний которого никто не в силах себе представить; он скопил в своем сердце добротой и благотворением столько милосердия, что и сам не мог его измерить. Пылкость и жестокость своего гневливого сердца он побеждал благостным дуновением богобоязненности, щедростью утолял жар больше, чем облака, несущие влагу; обильнее дождя, падающего с небес, были дары, которыми он награждал людей.

Страх и трепет перед ним охватили всю землю; люди боялись его больше грома, но его милость и ласка были пленительнее и сладостнее, чем сосцы матери для младенца.

Имя этого великого и прославленного царя было Финез.

У него был везир, мудрость его достигала небес. Умом своим он измерил вдоль и поперек земную твердь, ученостью проник в морские бездны, воздушные явления и звездные пути он начертал на скрижалях своего сердца. Кротостью своих речей он укрощал диких зверей, уподобляя их людям. По слову его скалы таяли, как воск, птицы говорили человеческими голосами.

Имя этому везиру было Седрак.

Царь очень любил своего везира. И не было на сердце у царя ни заботы, ни печали, кроме скорби о своей бездетности, о том, что нет у него сына.

Однажды он раздал несметные богатства нищим, дабы они молили бога о даровании ему сына.

Был у царя евнух, человек сварливый и вспыльчивый; он был начальником царских палат, был предан царю и звали его Рукха.

Он сказал:

— Кто из царей расточал столько сокровищ?

Рассказал Седрак притчу:

1

Ц а р ь х о р а с а н с к и й

Был в Хорасане царь - великий, добрый, разумный, щедрый и милосердный. Однажды он открыл три сокровищницы и созвал всех своих подданных, чтобы каждый из них, стар и млад, вельможа и бедняк, брали в продолжение двенадцати часов все, что в силах унести. Все брали из этих трех сокровищниц, но исчерпать их не могли.

В тот день царь задал пир и заклинал своих везиров сказать, слыхивал ли кто-нибудь из них и знал ли царя, который был бы равен ему или превзошел его щедростью. Шесть везиров клялись, что не слышали о подобном царе, младший же из везиров засмеялся.

Царь спросил:

— Почему ты смеешься?

Везир попросил царя дать клятву, что тот не убьет его, и царь поклялся своей головой. Везир, обнадеженный обещанием, доложил:

— В Китае живет один человек, по имени Малкоз, ему подвластен некий вельможа; равного ему по щедрости не бывало прежде не будет и впредь.

Царь оскорбился, но, дав клятву, он уже не мог умертвить везира и заключил его в темницу.

Сам же снял царские одежды, нарядился в другое платье и двинулся в путь, чтоб увидеть того вельможу. Прибыл в город, где тот жил. Оказалось, что вельможа имел такое обыкновение: как увидит где чужестранца, ведет к себе домой; даст умыться и отдохнуть, нарядит, угостит и, наградив подарками, отпустит.

Случилось вельможе бродить в окрестностях города. Встретив того царя в образе нищего, он взял его к себе и поступил с ним так, как обычно поступал с другими. Когда нищего одели, вельможа увидел, что перед ним человек не простой, а достойный почета и уважения. Он

стал его расспрашивать, кто он, откуда родом, и заставил все рассказать. Когда же узнал, что перед ним царь, пал ниц, смиренно склонив голову, и умолял простить, что не признал его сразу. Он ввел его в свой дом, подобного которому не было даже у царя. Дом был убран с необычайной пышностью, ковры, занавеси — все было из парчи. Он устроил пиршество в честь царя. Вся посуда была из драгоценных камней. И все это он подарил царю.

Десять дней ублажал он царя. Что ни день отводил ему все более пышные покои, подносил лучшую, драгоценнейшую утварь, устраивал еще более веселые пиры и осыпал подарками.

Дивился царь величию и щедрости этого человека. На девятый день вельможа пригласил его в покои такой поразительной красоты, что и описать невозможно: ковры, занавеси, столы и утварь — все было из цельных драгоценных камней. Из них же были выточены прекрасные подобию цветов и деревьев. Все это он поднес царю. И подарил ему еще трех певец; не было им равных по красоте и голосу. Царь принял этот дар, но не взял ничего из сокровищ, кроме алмазной чаши, яхонтового кубка и цветка из драгоценных камней. Хозяину выразил благодарность:

— Да поможет мне бог отплатить тебе.

Пустился царь в обратный путь и прибыл в свой город. Заключенному везиру вернул былой почет и зажил, пируя и веселясь.

Господин того вельможи был волшебником. Он проведаль обо всем, что произошло, разгневался на вельможу, схватил его, разорил и отдал на казнь палачу. Вельможу повели на плаху. Он молил палачей не убивать его. Вельможа скрыл в наплечнике драгоценный камень и этим камнем купил себе жизнь. Те люди сказали:

— Ты знаешь сам, что наш господин колдун, и если ты останешься хоть где-нибудь на поверхности земли, он все равно узнает ворожкой и загубит нас вместо тебя; но вот что мы сделаем...

Палачи посадили его в сундук и отнесли на кладбище.

Волшебник поворожил, посмотрел, но того человека не было нигде на земле. Поверил, что его казнили.

В то время появились в городе воры, которые грабили не только дома, но не щадили и могил. Пришли они к той могиле, где был сундук, разрыли ее, нашли сундук и вытащили наружу. Увидели, что в нем сидит человек, и отпустили его.

Человек этот отправился странствовать, исходил много земель и, никому неведомый, пришел в столицу хорасанского царя. Царь пировал на высоком балконе, и пели ему те три певицы. Одна из них узнала в проходившем внизу человеке своего господина, заплакала и выронила из рук чанги. Царь спросил ее:

— Что с тобою случилось?

Та сказала, кого увидела. Стали искать того человека и нашли. Омыли его, одели и дали отдохнуть. На следующий день царь сел на коня, напал на волшебника, убил его, а все его владения отдал тому человеку.

Так отплатил он и так вознаградил вельможу за добродетель.

— Эту притчу я рассказал тебе вот к чему: никто не может раздать таких даров, каких не раздавали другие; и бог не попустит, чтобы доброе дело пропало даром. И странно, о Рукха, мне слышать от тебя такие речи!

Прошло некоторое время. Бог смилостивился к даровал царю сына, сиянию которого завидовало солнце, и месяц пятнадцатидневный просил уделить ему света, Звезды дивились его светозарности. Черные брови, подобно крыльям ласточки, простирались по хрустальному челу. Чернильные пруды его глаз были окаймлены гагатовым тростником ресниц. На щеках его цвели, сливаясь, лилии и розы.

Ему дали имя Джумбер.

Когда он подрос, царь вывел его и представил своему везиру Седраку и своим подданным. Везир вял его на руки, благословил и молвил:

— О царь, да сохранит бог ему жизнь! Да будет твой сын счастлив и благословен отныне и во веки веков. Да будут дарованы ему смышленность осла, верность собаки и сила муравья!

Услыхал это Рукха, евнух, возмутился и сказал везиру:

— Зачем ты проклял царского сына? Везир должен быть разумен, хладнокровен, находчив в речах, ибо царедворец должен обладать пятью качествами;

первое — речь его должна быть сладка;

второе — он должен умиротворять впавшего в гнев, а не гневить пребывающего в

радости;

третье — с уст его не должно срываться злое и дурное слово;
четвертое — он должен понимать, когда уместно то или другое слово;
пятое — он должен говорить так, чтобы сказанное им нравилось всем людям.
Седрак взглянул на него и ответил так:

— Все, что ты сказал, — справедливо, но когда у мужчины отсекают то, что делает его мужчиной, он приобретает качества женщины. Суди об этом хотя бы по тому, что после оскопления исчезают борода и усы. Евнух должен обладать тремя качествами:

первое — он должен быть стыдлив подобно женщине;
второе — не давать воли злему языку;
третье — хранить тайны своего господина.

Я вовсе не проклинал царевича. Если угодно, ты скоро и сам в этом убедишься; проведи осла через грязную лужу так, чтобы он увяз в грязи. А затем вели осушить лужу. Если тебе удастся во второй раз заставить его пройти по той же дороге, то осел глуп.

Возьми у бедняка его тощую, голодную собаку и отдай богачу с тем, чтобы тот откормил ее. Затем пусть оба ее поклечут. Если пес покинет того, у кого он голодал, и пойдет к тому; кто откормил его, тогда пес — неверная тварь.

Излови муравья и держи его в склянке голодным двенадцать дней. Затем выпусти. Если он не поднимет тяжесть четырежды большую, чем собственный вес, то муравей слаб, и я ошибся в своих словах, если же нет, зачем ты меня порицаешь?

Привели осла и собаку, принесли муравья и поступили так, как говорил везир, и все совершилось по его слову. Радовался царь речам везира и достоинствам своего сына.

Однажды ночью приснился царю прекрасный юноша, подобный льву мужеством и силой, статный, белолицый, румяный, стройный, как кипарис. Едва пробившийся ранний пушок вился, как гиацинт, оттеняя его невиданной красоты лицо так, что на него любо было смотреть.

Он сказал царю:

— Бог да продлит дни твоего сына. Если ты не поручишь его мне — воля твоя, но никто не воспитает его лучше, чем я. Станешь меня искать — найдешь, не станешь — пеняй на себя.

Он дал в руки царю свое изображение, начертанное на пергаменте, и сказал:

— Ищи меня и найдешь, заклинаю твоей головою! — И не стало его.

Царь проснулся и увидел: в руках у него пергамент, в покоях никого нет. Не найдя того

юношу, царь опечалился так, как если бы умер его сын, и предался великой скорби. Вошел

везир Седрак увидел, что царь лежит в постели, снедаемый тяжелой печалью, и сказал:

— О царь, много уже лет пробыл я под твоим кровом и ни разу не видел таким печальным, да оградит тебя господь от всякой болезни!

Царь сказал ему:

— Не болен я, но мне снился сон, оттого я задумчив.

Везир, не спрашивая о том, что приснилось царю, рассказал ему притчу:

2

Ж а д н ы й б е д н я к

Жил на свете бедняк, у которого не было ничего за душой. Приснилось ему, будто у него шестьдесят овец и он хочет их продать. Подошел какой-то человек и дал да каждую овцу по пяти кирманеули. Хозяин овец запросил по шести. В то время как они торговались, бедняк проснулся, и им овладело раскаяние. Он снова закрыл глаза и протянул руку купцу:

— Давай по два кирманеули, и я уступлю тебе овец, — сказал он.

— Однако кто мог ему дать серебра или кому и что мог он продать? Таково всякое сновидение. О царь, зачем тебе тревожиться из-за дьявольского наваждения?

Царь сказал:

— Мой сон не таков.

Рассказал везиру все и протянул ему пергамент.

Удивился везир красоте юноши и доложил царю так:

— Если тот человек не придет сам, разыскать его будет не легко, так как мы не знаем, откуда он родом, и он не назвал своего имени. Как же нам его найти? Ветра не удержать руками, ленивому не угнаться за своим взглядом. Человеку не избежать той судьбы, какую предназначил ему господь.

Рассказал везир притчу:

3

С к у п о й б о г а ч

Жил на свете богатый купец, Он собрал так много богатств, что и сам не знал, сколько у него сокровищниц, До самой старости он не пил, не ел досыта и не одевался как следует.

Наконец он сказал:

— Вот сколько я скопил, а теперь сяду, буду пировать, радоваться и расточать приобретенное.

Он подошел к одной из сокровищниц, она была заперта, и он не мог ее открыть. Подошел ко второй, к третьей, осмотрел все сокровищницы и ни одной не мог открыть.

Рассердился он и стал браниться. Из сокровищницы послышался голос:

— Кто ты, отворяющий дверь? Что тебе нужно?

Богач назвал свое имя.

— Это мое добро, желаю его тратить...

Оттуда послышалось:

— Если твое, то почему и сам доньше не пользовался, и не давал пользоваться ни жене, ни детям? Все это принадлежит теперь плотнику Назару.

Купец обиделся и сказал:

— Я сделаю так, чтобы все пропало одинаково и для меня и для него.

Он взял в долг денег, велел притащить множество бревен и выдолбить их; положил в них все сокровища, заколотил отверстия и бросил в реку Шаади. А плотник тот был житель Багдада, где протекает Шаади. Вышел плотник ранним утром на берег реки: "Не пригонит ли кто плот?" Видит, река несет сбившиеся плотом бревна а человека на них нет. Он дал денег пловцам, те кинулись в воду, вытащили бревна и свалили их во дворе плотника.

Бывший богач следовал за бревнами: "Узнаю, кому пошлет их судьба", — думал он. Он пришел к плотнику во двор и спросил:

— Кто ты такой?

— Я плотник Назар, — ответил тот.

Богач сказал плотнику:

— Возьми одно бревно и внеси его в дом.

Когда вытащили, он сказал:

— Расколи бревно топором, — что там внутри?

Плотник расколол бревно — посыпались жемчуг и драгоценные камни. Плотник оторопел. Тот человек сказал ему:

— Все бревна такие же, как - то, которое ты видишь. Бог отобрал у меня и отдал тебе.

Плотник ответил:

— Да возвратит господь тебе же! Возьми их обратно.

Богач не захотел брать.

— Возьми хоть половину, хоть четверть.

Но тот не взял ничего.

Плотник умолял:

— Возьми хоть три хлеба на дорогу.

Тот согласился.

Плотник пошел к жене и сказал:

— Испеки три больших хлеба и положи в них три драгоценных камня побольше. Может быть, возьмет их этот человек, да не погибнут у него с голоду жена и дети.

Жена послушалась, испекла хлеба, завернула в холст и отдала. Тот взял хлеба и ушел. По дороге видит — раскинут в пустыне шатер на козьих шкур. Подошел, а в нем бедный араб. Жена араба рожала. Соседи ушли на летние пастбища, а эти не могли последовать за ними. И не было у них ничего: ни постели, ни во что завернуть ребенка. Человек сжалился над нищетой араба, отдал ему хлеба и сказал:

— Поди в Багдад к плотнику Назару, поднеси ему эти хлеба. Человек он богобоязненный, даст тебе колыбель и ткань, чтобы спеленать младенца.

Богач ушел. Араб отнес хлеба плотнику, плотник дал все, что тот попросил.
Пришел плотник к жене, отдал ей эти хлеба.
И рассказал жене притчу:

4

Человек с решето

Сидел человек на берегу реки. В руках у него было решето. Он погружал решето в воду и, когда оно наполнялось, приговаривал:

— Кому бог дает — дает вот этак.

Затем поднимал решето и, когда вода вытекала, приговаривал:

— У кого отнимает — отнимает вот этак.

Бог послал нам счастье к самым дверям.

— О царь, если бог тебе предназначил этого человека, он приведет его к твоим дверям, иначе найти его трудно.

Рукха сказал:

— Нет ни дождя, ни снега, зачем же ему стучаться в наши двери? Если мы не знаем, где он, откуда ему знать нашу страну! Пошлем человека и попытаемся разыскать его. Разве попадала пища кому-нибудь в рот без помощи рук, разве облекался кто-нибудь в одежду не пошевелившись?

Рассказал Рукха притчу:

5

Недогадливый пловец

Пловца несло течением. Он кричал:

— Господи, помоги мне!

Товарищ сказал ему:

— Пошевели руками — и спасешься.

— Поищем и найдем его.

Везир сказал евнуху:

— Ты очень разумный человек. Если возможно без помощи бога сделать какое-нибудь дело, почему не попытаешься снова стать мужчиной, чтобы радоваться и наслаждаться женой и детьми.

Рассказал везир притчу:

6

Злосчастный богач

Был богатый купец, который не верил в бога. Он продал все свое имущество и купил зерно. "Если в будущем году плохо уродится хлеб, продам его втрое-вчетверо дороже", — думал он.

В следующем году был обильный урожай. Снова скупил он его задешево, надеясь, что в будущем году удастся продать дороже. Но с каждым годом урожая становились все обильнее и обильнее. Сгнило его зерно, и он потерял все свое имущество. Ничего у него не осталось. Взял он драгоценности, какие только были у жены, и отправился во Францию. Продал их, занялся торговлей и снова нажил несметные богатства. Из жадности он не воротился домой. Сел на корабль, рассчитывая нажить еще больше. Но на море разыгралась буря, судно разбилось, и все его добро пошло ко дну. Сам он спасся на какой-то доске. Волной выбросило его на берег.

Сильно опечаленный, пришел он в один город. Разыскал владетеля той страны и рассказал ему обо всем, что с ним приключилось. Владетель сказал ему так:

— Если ты, будучи богачом, обеднел, поживи в течение года здесь, в моих владеньях, я назначу тебя управителем, и ты наживешь еще больше добра, чем у тебя было раньше.

Купец стал управителем. И тотчас же украл пшеницы и рису, боясь, что ему мало достанется.

К концу года купец приобрел огромное состояние и сказал:

— Дурно я поступил.

Стал брать из своего амбара украденное зерно и сыпать его в амбары господина. Люди увидели, как он шел ночью к амбарам своего господина, заподозрили в краже и дали знать хозяину. Тот разгневался, отнял у него нажитое добро и прогнал. Рыдая, удалился купец, подошел к берегу моря и видит: приближается судно, а на нем плывут десять купцов.

Он рассказал купцам о своих злоключениях. Тогда каждый из них подарил ему по драгоценному камню, и он ушел. Пять драгоценных камней он, завернув в тряпье, привязал к ляжке, пять сунул в рот. На пути ему повстречались три разбойника и заговорили с ним. Он не отозвался, потому что во рту у него были драгоценные камни. Разбойники приняли его за негомо. Один из них сказал:

— Ограбим его!

Другой возразил:

— Что с него возьмешь?

Третий сказал:

— Пословица говорит: двенадцать снимали с одного голого рубаху, да им не удалось.

Услышав эти слова, купец рассмеялся и выронил изо рта два драгоценных камня. Они схватили его за глотку и отняли остальные три камня. Но тех пяти камней, которые он завернул в тряпье, разбойники не нашли. Желая продать камни, разбойники отправились в город. Повстречались им царские купцы, догадались, что это — воры, отобрали камни, чтобы передать их в царскую казну, а разбойников обрекли смерти.

Пришел купец в город и вынул свои камни, чтобы продать их. Те же самые царские люди увидели его, отобрали камни и повели на казнь. Но тут же оказались те купцы, что подарили ему камни. Он взмолился к ним:

— Из тех десяти камней, которые вы мне подарили, пять отняли разбойники, остальные пять — эти люди, да еще хотят меня казнить.

Купцы поклялись, что они подарили эти камни, не позволили его убить и донесли обо всем царю. Царь приказал:

— Поскольку ему пришлось испытать столько бедствия, поставлю его начальником моего казнохранилища.

Поручили ему казну.

Однажды искривился ключ от казнохранилища. Он не захотел потратить двух грошей на кузнеца, чтобы тот исправил ключ. Сам ваял камень, приложил ключ к стене и ударил камнем. Но стена оказалась всего в один кирпич. Она обрушилась, и открылись покои царских жен. Пришли евнухи, доложили царю, схватили того человека и выкололи ему оба глаза.

— Эту притчу я рассказал тебе к тому, что собственными силами, если бог не поможет, человеку не добиться удачи, и напрасны все его труды: надо просить помощи у бога.

Царь приказал везиру:

— Ты сказал превосходно, что и подобает такому мудрецу, как ты. У тебя и у Рукхи всегда есть о чем побеседовать. А теперь прикажи воинам сесть на коней, я тоже сяду на своего мерина, поищем красивые и приятные места и поохотимся с неделю.

Когда витязи узнали, что царь отправляется на охоту, собралось столько войска, что земле трудно было всех держать.

Старики приплясывали, точно юноши:

— Удостоиться бы чести итти рядом с царем!

А юноши вели себя, точно пожилые люди, и говорили:

— Хоть бы и нас коснулся царский приказ!

Вот какая охватила всех радость!

Восемь дней они охотились. Побили много множество дичи. Повернули обратно и прибыли в одно место, где рос прекрасный кипарис. У корней его били ключи, луга были убраны цветами. Тот, кто это видел, забывал о печалях.

Под деревом, в тени спал юноша; тут же был привязан оседланный конь.

Окликнули юношу. Подошел царь и, увидев его, поклялся, что юноша похож лицом на образ, начертанный на пергаменте.

Все дивилась красоте юноши. Юноша встал, приветствовал царя, воздал ему великую хвалу и поцеловал руку.

Царь приказал ему сесть на коня и взял его с собою. Стал расспрашивать, откуда он родом, кто он и куда держит путь.

Юноша доложил царю:

— Не знаю, откуда я родом. Что осмелюсь сказать царю? Знаю одно, зовут меня Леоном, Отец мой умер, когда мать еще носила меня, а мать умерла в час моего рождения. Я рос, скитаясь по свету.

Рукха сказал Леону:

— Клянусь головою царя, тебе выпала весьма злая судьба!

Леон взглянул на него, понял, что это евнух, и ответил:

— Ты прав. Если бы мне выпала счастливая судьба, я бы сегодня с тобой не встретился!

Но вот у тебя так завидная судьба! Если ты мужчина, где твои борода и усы? Если ты женщина, где твои длинные косы? Если ты юноша, где мощь твоей длани? Если ты девушка, дай мне прижаться к прекрасным твоим персям. Если ты мужчина, все равно тело твое утратило силу. Если ты женщина, детей ты все равно не можешь родить. Злосчастный! Ты бессилён выполнить то, что предназначено тебе природой. Если и удастся тебе склонить к себе женщину, ты должен отдать её другим. Черная твоя судьба! Не приведи господь приравнять к тебе даже блудницу. Там, где слово евнуха что-нибудь значит, там жена не будет женою своего мужа.

Рассказал Леон притчу:

7

Е в н у х и з Х а л а б а

Жил в городе Халабе вельможа, и был у него очень преданный евнух. Был у него и другой раб, который и лицом и статью походил на евнуха. Рабы очень любили друг друга. Они поладили между собой, и евнух пристал к жене своего господина, говоря:

— Я знаю, господин хочет отпустить тебя и жениться на другой. Подумай, как помочь делу!

Женщина слаба умом. Он ввел её в заблуждение и сделал так, что её любовь к мужу сменилась ненавистью. Женщина сказала евнуху:

— Если ты желаешь мне добра, скажи, как мне лучше поступить, что сделать, если муж меня бросит?

Евнух ответил ей:

— Я дам тебе лекарство, натри ему ноги, и он сразу умрет, а у меня есть приятель человек красивый и хороший, выходи за него замуж, и будешь госпожой над ним.

Соблазнилась женщина, убила своего супруга, вышла замуж за того человека и отдала ему все свое состояние.

— Эту притчу я рассказал тебе, чтобы показать, что всякий, кто подобен тебе, способен и на худшее, так как не знает страха перед господином и стыда перед людьми.

Тогда везир сказал Леону:

— Меня очень радует твоя приятная речь и пленяют твоя благовоспитанность и твое поведение. А теперь идем, послужи царю, будешь главою везиров и выше меня. И царь будет почитать тебя как брата.

Леон сказал везиру Седраку:

— Ты наставляешь меня, как отец любимого сына, я так и сделаю. Но послушай меня...

И рассказал Леон притчу:

8

В е з и р и н д и й с к о г о ц а р я

Отец моего отца был, как я слышал, старейшим из пяти везиров индийского царя. Этого старейшего везира царь очень любил — больше, чем самого себя. Остальные четыре везира стали враждовать с ним. Они говорили:

— Что нам с ним делать, царь прислушивается к его словам, следует его советам, а нас уже ни о чем не спрашивает.

Составили заговор.

На рассвете один из них пришел к царю и сказал:

— Минувшею ночью я видел во сне вашего отца, великого царя, повелителя Индии. Он приказал доложить вам, что решил призвать к себе великого везира: "Есть у меня к нему кое-какие дела, — сказал он, — я их скоро улажу и отпущу его обратно".

Пришел второй везир и поведал царю о таком же сновидении, будто он в некоем необычайно прекрасном месте видел его отца и будто тот зовет к себе везира с тем, что вскоре отпустит его обратно. Третий и четвертый везиры поведали то же самое, как было между ними условлено.

Царь удивился, но не разгадал их враждебного замысла. Он подумал: "Если бы это сказал только один, могло бы быть ложью. Но всем приснился один и тот же сон, нет сомнений, что это правда".

Царь призвал к себе старого везира и рассказал ему все. Везир понял, что это козни его

врагов. Но что было делать? Сказать царю — было бы хуже. Он ответил:

— Умоляю ваше царское величество позвольте мне сделать так, чтобы при моем сожжении не потрудились ни чужой вол, ни чужой работник. Не хочу предстать грешником перед блаженнейшим царем. Дай сорок дней сроку, чтобы я мог приготовить дрова и все необходимое.

Я заплачу за все сам и с радостью отбуду к великому царю.

Дали везиру сорок дней сроку. Он доверился четырем преданным рабам. Они привели двух землекопов. Прорыли подземный ход от везирова дома до площади за городом. Пробыли ход на площадь, сложили над ним огромную кучу дров наподобие холма и оставили посередине отверстие, через которое можно было спуститься вниз.

Когда истекли сорок дней, везир пришел к царю и сказал:

— Да пожалует царь взглянуть на сожжение своего раба, отбывающего к его отцу.

Вышли посмотреть царь и весь народ. Везир взошел на костер. Навалили вокруг щепок, облили нефтью и подожгли.

Когда дым поднялся высоко, везир влез в отверстие, прошел через подземный ход и возвратился в свой дом. Дрова сгорели, пепел развеяли, не нашли даже костей. Ход в подземелье был доверху забит золой. Везир в течение двадцати дней скрывался в своем доме. Затем он облачился в белые одежды, взял в руки посох и на рассвете отправился в царский дворец. Царю дали знать о его прибытии. Царь вскочил с ложа, вышел во двор, обнял и поцеловал везира, полагая, что тот возвратился с того света.

Стал расспрашивать о том, как он ходил к его отцу и как воротился оттуда. Везир доложил ему о рае, наговорил много всяких небылиц.

Затем он сказал:

— Все дела, какие были у твоего отца, я выполнил. А теперь он приказал прибыть тем четырем везирам — он их тоже скоро отпустит, у него и к ним кое-какие дела.

Если поверили сну, то как было не поверить тому, кто в яви возвратился с того света? Позвали везиров, царь приказал им отправиться в путь. Не догадались они прибегнуть к той хитрой уловке. Кинули их в огонь, и они сгорели. Сами придумали, сами же я поплатились за свою выдумку.

— Эту притчу, отец Седрак, я рассказал тебе к тому, что всякий человек завистлив, и я опасуюсь, как бы впоследствии и со мною не стали враждовать и строить козни везиры царя.

Царю понравилась приятная речь юноши. Он возрадовался и сказал ему:

— Если ты послушаешься и последуешь за мною, я дам тебе все, чего пожелаешь, кроме царства моего.

Рассказал Рукха притчу:

9

Н а б о ж н ы й з л о д е й

Жил некий человек, творивший много всякого зла, и при этом великий богомолец. В свободное от злодеяний время он молился и плакал. Явился к нему ангел и сказал:

— За твои злодеяния господь не сподобил тебя рая; но ты такой богомолец, что, кроме рая, он даст тебе все, о чем ни попросишь.

Тот человек ответил:

— Если мне не дано быть в раю и если вам угодно исполнить другую мою просьбу, то сделайте меня таким большим, чтобы никто, кроме меня, не мог поместиться в аду.

Этого бог не мог сделать и допустил его в рай.

— Этот юноша такой же хитрый чародей, он потребует что-нибудь такое, чего нельзя исполнить, и завладеет твоим царством.

Леон засмеялся, и рассказал притчу:

10

С т а р и к и о т р о к

Беззубый старик и отрок сидели рядом и ели. И тот и другой вдруг заплакали.

Спросили старика:

— Почему ты плачешь?

Старый ответил:

— Нет у меня зубов, трудно жевать. Этот отрок все съел и оставил меня голодным.

Тогда спросили отрока:
— А ты о чем плачешь?
Он отвечал:
— Пока я жевал, он глотал куски целиком и оставил меня голодным.
Все знали, кто из них прав, но оба они сваливали вину друг на друга.

— Подобно им, здесь также все видят, кто из нас зол, кто добр, с божьей помощью узнает про то и царь.
Царь сказал Леону:
— Почему тебе тягостно состоять при мне?
Леон отвечал:
— Тот, кто состоит при царе, подобен сидящему зимой у большого огня. Если он сядет слишком близко — сгорит от жара, если удалится от огня — замерзнет от стужи.
Тот, кто состоит при царе, должен обладать пятью редкими качествами:
первое — видеть одним глазом больше, чем можно увидеть сотнею глаз, другой же глаз должен быть более незрячим, чем у слепца;
второе — слушать только одним ухом, на другое же вовсе оглохнуть;
третье — иметь сердце, просторнее караван-сарая; оно должно вмещать и сохранять все, что услышит ухо;
четвертое — он не должен повторять всего, что услышит, а говорить лишь то, что хорошо и разумно;
пятое — иметь язык, который источал бы и мед и яд.
Рассказал Леон притчу:

11

С а м о е с л а д к о е и с а м о е г о р ь к о е

Некий царь приказал своему везиру:
— Ступай принеси мне кушанье, слаще которого не найти ни на земле, ни в морских глубинах.
Везир пошел и купил язык; принес его, зажарил и подал. Понравилось царю.
В другой раз царь приказал:
— Ступай и принеси мне такое кушанье, горше которого не найти на свете.
Везир пошел, снова купил язык и подал ему.
Царь сказал:
— Я спросил сладкое, ты подал мне язык, я спросил горькое, и ты снова подал язык.
Везир ответил:
— Клянусь твоей головою, на свете нет ничего слаще языка и горше языка.

— И вот о царь, находящийся при царе подобен свече, которая, освещая других сгорает сама. Люди ненавидят того, кого любит царь и всякими кознями добиваются, чтобы и царь его возненавидел.

Рассказал Леон притчу:

12

Д у к и д в о р я н и н и з Б е ч и

Жил в стране Бечи некий дворянин. У него был сын, украшенный всяческими добродетелями. И был он прекрасен собою.
— Желая служить у дука, — сказал он отцу. — Отведя меня к нему и замолви за меня слово.

Отец сказал:

— Я дам тебе две заповеди, поклянись хранить их, и я исполню твое желание.

Сын поклялся:

— Исполню все твои заповеди.

Отец поведал ему:

— Не прелюбодействуй в доме твоего господина, а вторая заповедь: как услышишь колокольный звон — иди в храм и, хотя бы у тебя было спешное дело, не уходи, пока не окончится служба.

Сын сохранил в сердце своем эти слова. Отец взял и отвел его к дуку, владельцу Бечи. Юноша оказался таким хорошим слугою и возбудил в нем такую любовь, что дук предпочел его своим сыновьям и передал ему в руки все свои дела.

Однажды дук послал его по какому-то делу во внутренние покои. Супруга дука, как увидела юношу, стала умолять разделить с ней ложе. Однако тот не захотел предать своего господина.

Был там же еще один юноша, сын другого дворянина. Оба они служили у дука как товарищи. Супруга дука соблазнила того, а этому юноше пригрозила отомстить. Вошел он во второй раз во внутренние покои по какому-то делу и увидел их вместе. Юноша удалился и ничего не сказал.

Дук пришел к жене и застал ее в большом гневе. Она сказала:

— Если бы ты был мужчиной, разве посмел бы твой раб коснуться меня!

Она оклеветала юношу, который не исполнил ее желания. Дук ушел разгневанный. Наутро он приказал палачу:

— Тому, кто первым придет к тебе сегодня по моему повелению и скажет: "Куда ты девал то, что велено было доставить?" — отруби голову. Отдай ее пришедшему вслед и пошли ко мне.

Он приказал невинному юноше:

— Ступай к палачу и спроси: "Куда ты девал то, что велено было доставить?"

Юноша пошел. По дороге он услышал колокольный звон, вспомнил отцовский завет, свернул к церкви и оставался в ней до окончания службы. Вслед за ним дук послал того юношу, что согрешил. Он явился первым и сказал палачу:

— Куда ты девал то, что велено было доставить?

Палач схватил его, отсек голову и оставил ее тут же. После окончания службы невинный юноша пришел к палачу. Тот вручил ему голову казненного, и юноша отнес ее дуку.

Дук, увидев его, очень удивился и сказал:

— Где ты был до сих пор?

Юноша рассказал ему об отцовском завете и как он поклялся исполнить его, и о том, что он задержался в церкви. Тогда дук заставил его поклясться и рассказать обо всем, что он видел, и, убедившись, что юноша невинен, возвысил его до себя.

— О царь, если господин любит своего раба, он не должен так легко верить наветам. Придворные будут стараться вредить ему всяческими измышлениями, уловками и хитростями, чтобы заставить царя возненавидеть его.

Царь сказал:

— Что бы ты ни говорил, — бог предназначил тебя мне. Вот знак, который ты сам дал мне во сне.

Юноша увидел свое изображение, поклонился царю и покорно последовал за ним. Они прибыли в столицу, устроили пир и предались сладостному покою.

Когда рассвело и солнечные лучи, подобно пламени, разорвали покров черной бездны и солнце разослало по земле своих светозарных вестников, царь пошел, привел Леона, вручил ему своего возлюбленного сына Джумбера и сказал:

— Я веряю его господу и тебе.

Леон ответил:

— Я вижу ныне знамение своей гибели. Я твой раб и покоряюсь тебе, но не могу воспитывать твоего сына. Я полагал, что враги будут доносить вашему величеству, чтобы погубить меня, и впал таким образом в великий грех!

Рассказал Леон притчу:

Царь Лаодокии был слеп на один глаз. У него был искусный живописец, и царь искал повода придаться к нему.

— Желая, — приказал он, — чтобы ты написал мой портрет, но точь-в-точь похожий на

меня.

Художник сказал в сердце своем:

— Вот пришел день моей гибели! Если я изображу его кривым, он казнит меня: "как мог ты дерзнуть!" Если изображу зрячим на оба глаза, — отрубит голову: "непохоже-де на меня! "

Он нашел такой исход: нарисовал оленя, дал в руки царю ружье, закрыл ему незрячий глаз, как будто царь целится, и поднес портрет царю. Таким образом царю невозможно было придрататься к живописцу, и тот спасся.

— В твоём поручении я тоже вижу повод погубить меня. Кто может воспрепятствовать или кто станет тебя порицать, если ты убьешь меня сейчас же?

Царь сказал:

— Ты достался мне не по моей воле, тебя послала судьба.

Леон сказал ему:

— Дай мне собственноручную клятвенную запись в том, что не повелишь меня убить по наветам, пока не выслушаешь, и тогда я повинуюсь.

Царь дал ему клятвенную запись. Леон взял эту запись, оправил ее в золото и положил в шапку. Потом он выстроил себе дворец и поселился в нем. Он начал воспитывать Джумбера, учил его день и ночь и редко приводил к царю.

Однажды Леон пировал три дня и три ночи без перерыва. Он заставил прислуживать Джумбера, но не давал ему ни есть, ни пить. Тот ослабел от стояния я голода и свалился без сил. Тогда Леон приказал ему сесть и утолить голод.

Рукха, бывший заклятым врагом Леона, узнал об этом.

Рассказал он притчу:

14

В о р о в а т ы й п о р т н о й

Жил на свете портной, превеликий вор. Он утаивал помногу от всякой ткани, которую ему приходилось кроить. Однажды ночью приснился ему сон: будто изо рта у него выросло дерево и на его ветвях висят все украденные им куски. Проснулся, и стало ему страшно.

Он сказал сыну:

— Как заметишь, что я краду во время кройки, напоминай мне о дереве.

Один знатный человек отдал ему скроить кусок редкостной златотканной парчи. Едва портной вознамерился украсть, сын напомнил ему о дереве. Портной рассердился, ткнул ему ножницы в рот и сказал:

— Разве такая ткань висела на том дереве?

— Кто видел или слышал когда-нибудь, чтобы так воспитывали царского сына? Он упал без чувств от голода, от стояния у него потрескались пятки...

Рукха хотел донести об этом царю. Седрак сказал ему:

— Рукха, я очень люблю тебя, ты мне дороже жизни, однако поступки твои меня удивляют.

И рассказал везир притчу:

15

Д в а м у л л ы

Жили в одном городе два муллы. Они вечно враждовали друг с другом и никак не могли ужиться: никогда вместе не ели и не пили и старались извести друг друга.

Как-то одного из них застали в постели с чужой женщиной; схватили муллу и женщину и кинули в яму, чтобы на следующий день представить свидетелей кадию и казнить их обоих.

Узнал об этом другой мулла, враг того. Он побежал к его дому, вошел, позвал его жену, заставил ее ночью спуститься к мужу в яму, а ему сказал так:

— Надень на свою жену платье той женщины, а та пусть оденется в платье твоей жены и помоги ей выйти.

Мулла поступил так, как посоветовал ему враг.

Когда рассвело, пришел кадий со свидетелями. Позвали и муллу-врага. Увидев другого муллу с женщиной, мулла-враг сказал:

— Вы все, конечно, знаете, что я ему враг, но зачем вы обвиняете его понапрасну! Ведь это, оказывается, его жена!

Тогда муллу отпустили. Враждовавший с ним мулла сказал:

— Ты знаешь, как и все, что я тебе враг, но я поступил так для того, чтобы никто не думал, что и я способен на злодеяние. Я спас тебя, потому что мы с тобой одной масти: ты —

мулла, и я мулла.

— Рукха, брат, зачем ты говоришь так, если ты не подобен тому человеку, почему не различаешь, что во благо твоему господину, а что ему во вред?

Рукха сказал:

— О везир, как я могу не желать блага своему господину!

Но этот человек похож на...

И рассказал Рукха притчу:

16

Л и с - и с п о в е д н и к

Пробирался куда-то лис. В местах, где некогда была деревня, остался от красильни незакрытый кувшин с синей краской. Бродил лис вокруг да около, упал в кувшин, стал карабкаться и с трудом вылез. И оказался лис выкрашенным в густой синий цвет. Прошел он дальше. Ему повстречался петух и спросил:

— Что с тобою случилось?

Лис ответил:

— Всю свою жизнь провел я в грехе, а теперь взялся за ум, отрекся от мира, постригся в монахи и хочу пойти в Иерусалим.

Петух сказал:

— Если ты отрекся от греха и хочешь предаться богоугодным делам, то возьми и меня с собою, да воздаст тебе за это господь.

Лис взял его с собою, и пошли они дальше.

Встретился им коршун. Коршун сказал петуху:

— Чем он тебя соблазнил? За кем ты идешь?

Петух отвечал:

— Лис постригся в монахи, идет в Иерусалим, и я вместе с ним.

Коршуну это понравилось, и он тоже пошел с ними. Потом повстречался им удод и тоже последовал за ними. Так собралось их четверо товарищей.

Лис привел их к норе и сладко заговорил лукавым своим языком:

— Дети мои, в Иерусалим нельзя приходить без духовника, исповедуйтесь у меня в грехах, получите отпущение, и тогда отправимся в путь.

Те послушались. Лис впустил их в нору - "это-де исповедальня". А сам сел у входа и сказал им:

— Я отпущу каждому из вас по два греха, но третьего отпустить не могу.

Они изъявили ему благодарность:

— Если отпустишь по два греха, то кто же осмелится просить об отпущении третьего?

Они считали себя безгрешными, а лис искал только предлога. И сказал он первому из своих послушников, петуху:

— Бог заповедал петухам петь на рассвете, почему ты поешь иной раз после вечерней трапезы?

Петух попросил отпустить ему этот грех и обещал никогда больше не совершать его. Лис отпустил ему грех. Затем изволил сказать так:

— Всякий имеет только одну жену, а тебе и десяти мало. Чуть попадетя товарищ тебе послабее, ты норовишь и у него отбить жену.

Петух обещал больше этого не делать, лис отпустил ему и этот грех. В третий раз он сказал:

— Ты не воин и не лучник, почему же носишь шпоры? Ты ведь никогда в жизни не садился на коня.

Что было сказать петуху насчет этого третьего греха? Лис оторвал ему голову и положил перед собою. Потом он сказал коршуну:

— Плохой ты певец: ни свистеть, ни щебетать не умеешь, зачем же ты вечно кричишь?

Коршун обещал, что не будет больше этого делать, и лис отпустил ему грех.

Во второй раз лис сказал:

— Господь определил тебе в пищу ящерицу и мышь. У какой-нибудь вдовы всего одна единственная наседка, почему же ты отнимаешь у нее цыплят?

Отпустил он коршуну я этот грех.

В третий раз он сказал:

— Шесть месяцев ты самец, а другие шесть месяцев самка, что же это такое?

Оторвал он коршуну голову и положил ее перед собою. Пока лис расправлялся с этими двумя, удод придумал такую уловку, что превзошел хитростью самого лиса. Лис спросил удода:

— Кто дал тебе царский венец?

Удод отвечал:

— Премудрый Соломон собственноручно возложил его мне на голову.

Лис спросил его:

— Кто твои свидетели?

Удод отвечал:

— Жирный гусь и жирная утка.

От жадности и нетерпения у лиса отшибло разум. Он подумал: "Удод мне всего-навсего на один зубок, утки же и гуся хватит на добрую неделю".

Так губит человека жадность.

Лис оставил пока что петуха и коршуна несъеденными, а сам отправился вслед за удодом. Удод предложил лису залечь в овраг и ушел.

Повстречался ему охотник с ястребом, гончими и легавыми.

Удод уселся перед ним. Тот хотел метнуть в него стрелу, но удод вспорхнул и опустился неподалеку от лиса. Охотники погнались за ним. Удод изловчился и заманил их в овраг. Легавые напали на след лиса, погнались за ним и так его разделали, что не разобрать, где кости, где мясо. С превеликим трудом спас истерзанный лис свою жизнь.

Удод крикнул ему:

— Что же, лис, разве я не привел тебе свидетелей?

Лис отвечал:

— Да постигнет еще худшая беда исповедника, который требует свидетелей.

Удод отомстил лису, но петуху и коршуну уже нельзя было помочь.

— Этот человек и есть такой лис, он всюду побывал. Он сотворит такие дела, что ты станешь бить себя по голове, но уже ничем нельзя будет помочь.

Леон, не зная забот, охотился, пировал и веселился. Однажды он собрался на охоту. Сам сел на иноходца, а Джумберу посадил ястреба на руку и приказал бежать впереди. Он заставил его до вечера гоняться за ястребом и за птицами, которых тот подымал. На следующий день он поручил ему гончих и заставил его бегать по горам и холмам. Обувь у Джумбера износилась, ноги были изранены до того, что потекла кровь. На третий день Леон отправил его вперед скороходом. Джумбер очень устал и часто падал. Он совсем выбился из сил, но Леон все же заставил его бежать до самого дома.

Рукха услышал об этом и донес царю.

Рассказал Рукха притчу:

17

В е с т н и к и н о в о л у н и я

Жил некий глухой человек, пропал у него бык, и пошел он его искать. Видит, идет кто-то навстречу. Глухой стал расспрашивать о быке. Однако тот был еще более глух, к тому же оказалось, что он нашел чьего-то осла.

Насчет быка он ничего не мог взять в толк и сказал:

— Если осел твой, ты хоть вознагради меня за то, что я его нашел.

Так они и не столкнувались.

Проезжал мимо всадник. За спиной у него сидела женщина. Глухие подошли к нему, один спросил о быке, другой рассказал об осле. Всадник оказался еще более глухим, чем те двое, и решил, что они хотят похитить женщину. Он стал заклинать их:

— У меня умерла жена, это ее служанка, не подумайте, что она мне чужая.

— Ни один из них ничего не понял.

Они отправились к кадию, и каждый принес ему свою жалобу. Но кадий был глух от старости. Наступал рамазан, кадий решил, что эти жалобщики — вестники новолуния, и сказал:

— Раз они увидели луну, трубите в трубы.

Так никто из них ничего и не понял.

— Теперь ясно, что все мы, и великие и малые, оглохли. Иначе, почему мы не понимаем, что этот человек чуть не убил отрока.

Везир убеждал его не говорить так.

И рассказал везир притчу:

18

В о л я г о с п о д н я

Был человек, проживший всю свою жизнь в горах и никогда не выдавший фруктового сада.

Спустился он как-то в долину. Увидел сад и вошел. Поглядел на всевозможные фрукты и овощи. Очень ему все понравилось, он воздал хвалу господу и сказал:

— Все ты хорошо устроил, одно только плохо: дыню ты прикрепил к тоненькому стебельку, орехи же привесил к большому дереву.

Побродил он по саду и, наконец, уснул под ореховым деревом. Прилетела ворона, уселась на дерево и уронила орех. Орех упал ему прямо на лоб и ушиб его. Человек вскочил и сказал:

— О господи, ты рассудил мудрее: если бы на дереве висел большой плод, он размозил бы мне голову.

— Может, правильнее и лучше поступать так, как поступает Леон. А ты хочешь опозорить его перед царем.

Рассказал Рукха притчу:

19

Строители деревни

Побратались собака и петух: "Давай-ка построим деревню".

Собака сказала петуху:

— Как же мы ее построим?

Петух ответил:

— Ты лай, я буду кукарекать, вот и построится деревня.

Пошли дни в лес. Собака принялась лаять и уснула. Петух уселся на дереве и давай кукарекать. Услыхала его лиса, подошла поближе и спросила петуха:

— Что ты там делаешь?

Петух ответил:

— Деревню строим.

Лиса сказала:

— Сойди-ка вниз да отмерь мне участок для дома.

Петух ответил:

— Вон там лежит старшина, разбуди его, он тебе отмерит.

Лисе так захотелось полакомиться петухом, что она потеряла всякое соображение и подошла к собаке. Собака вскочила и оторвала лисе хвост. Лиса убежала, ободранная, искалеченная, взобралась на холм и крикнула:

— Я-то поплатилась за свою глупость. А удастся ли вам этак построить деревню, мы еще увидим!

— Вы с ним сговорились; знаю, не уйти мне от вас, вы меня погубите. Но если вы хорошо воспитаете царского сына, я готов прослыть и невеждой.

Царь услышал и посмеялся над тем, что Седрак и Рукха никак не могут поладить и что везир поддерживает Леона.

Однажды Леон рассердился без всякого повода, схватил невинного Джумбера и тяжело избил его, дав ему пятьдесят палочных ударов. Рукха узнал об этом, впал в ярость и даже перестал, против обычного, говорить притчами. Он обратился к царю так:

— Ты долго молил бога о даровании сына, и он ниспослал тебе эту милость. Но ты поручил его богом отвергнутому человеку. И вот он схватил отрока и нанес ему сто палочных ударов. В чем же провинился твой сын? Он до того ослабел, что и до вечера не протянет! Что ж, усынови Леона и сделай его нашим государем.

Много еще подобных речей произнес он; так всегда поступают враги: уловив подходящую минуту, они всячески стараются повредить тому, кого невзлюбят.

Царь очень огорчился и до того разгневался, что яркое пламя прорвалось сквозь дым его гнева, и он задрожал от ярости. Рукха еще больше раздувал огонь. Царь в гневе удалил от себя везира. За Леоном послали людей, которые силой приволокли его. Царь хотел его убить. Леон дерзнул сказать ему так:

— Ты не можешь убить меня, о царь, не можешь! Вот твое клятвенное обещание, я хотел его иметь и взял его ради этого дня. Я этого ждал и знал, я предвидел, что мне предстоит. Ты не можешь убить меня без суда.

Царь вспомнил о клятве и грозно сказал ему:

— Будем судиться.

Леон ответил:

— Нет, ты прежде ветром милосердия развея пылающие уголья твоего гнева, погаси

пламень его водою кротости, и только тогда я стану говорить.

Царь пришел в себя от этих слов, утих и смягчился.

Леон долгое время стоял молча. Затем заговорил, и речь его была слаще соловьиного пения. Всем казалось, что во рту у него свил гнездо соловей или щебечет ласточка. Разве был в его жизни день, когда так, как сегодня, могла ему пригодиться вся его мудрость?

Леон сказал:

— О царь, я весьма благодарен тебе за то, что ты возвратил покой своему сердцу и за подобное твое великодушие. До чего взволновал тебя этот человек, позорящий достоинство мужчины, но ты все же не убил меня не выслушав.

Так вот, пусть ваше царское величество скажет, кем вам угодно воспитать своего сына — царем или пастухом? Есть много пастухов, которые лучше плохих царей. Пастух должен заботиться об овцах, должен пасти их там, где лучше трава, должен спокойно перегонять их с места на место, перевязывать им раны и охранять от хищников. Если он не сделает всего этого, то стадо его уменьшится.

Таким же должен быть и царь: он окружен нищими, рабами, крестьянами, дворянами, князьями, вельможами, царями и повелителями, — он должен знать их обычаи, порядки, занятия, труды, горести, заботы, торговлю, еду и питье, дары и плату.

Если бы твоему сыну не пришлось так долго простоять на ногах, как узнал бы он горести рабов, слуг и виночерпиев, труд, выпадающий на долю тех, кто стоит? Царь обычно сидит. Пожелает — встанет, а нет — сядет. Как знать ему, что такое труд слуг, как знать, что они ради него переносят? День-деньской они стоят и терпят.

Если он не испытает голода, откуда ему знать как голодают нищие и немощные или как другие терпят недостаток в пище? Ведь он-то каждый день ест и пьет все, что есть лучшего, и не голодает.

Пословица гласит: "Сытый крошил хлеб голодному и укорял — зачем ест, как свинья". Если бы твой сын не испытал, что значит итти пешим и босым, как мог бы он понять труд сокольничих, вестников и скороходов? Откуда ему взять сострадание, чтобы пожалеть их? Сам же он ездит на скакуне или иноходце, или сидит в колеснице.

Если бы он не узнал горечи палочных ударов, то, разгневавшись на своих слуг и отпустив им сто или двести ударов, — одним больше, другим меньше, — он считал бы это ничтожным наказанием, но я научил его понимать бедствия всех убогих, немощных и простых людей, а теперь рассудите и вы, чему еще следует его выучить?

Царь выслушал и понял его дельное слово и этими словами высказанную суть. Ему это понравилось, и он раскаялся во всем дурном, что причинил Леону. Он обнял его и сказал:

— Что делать, сын мой, я сожалею, что язык злых людей и забота о сыне меня взволновали.

Рассказал Леон притчу:

20

Н е с п р а в е д л и в ы й Ш и р в а н - ш а х

Сидел на троне Ширван-шах, несправедливый, безжалостный к людям, разоритель многих стран. Где бы он ни увидел челобитчика или нищего, тотчас же убивал его. Все царство было разорено.

Однажды он увидел челобитчика и приказал его убить. Человек этот сказал:

— Не следовало бы меня убивать, потому что мне понятен язык всех животных и птиц.

Царю это понравилось. Приняв сказанное им за правду, он помиловал его, поручил своему везиру и приказал так:

— Выучись у него сам, а потом научи меня.

Везир взял того человека к себе. Он понимал, что тот ради спасения своей жизни выдумал, будто знает язык животных и птиц, и отпустил его.

Прошли дни. Однажды ночью Ширван-шах сидел на пиру. Вдали перекликались две совы. Царь вспомнил того человека, языковеда. Он спросил везира:

— А ты выучился птичьему языку у того человека?

Везир ответил:

— Да, выучился.

Царь спросил:

— Что говорят совы?

Везир ответил:

— У одной совы есть дочь, другая сватает ее своему сыну. Отец невесты говорит: "Если ты не подаришь моей дочери на смотринах семьсот пустошей, где были когда-то деревни, я не отдам ее".

Отец жениха отвечает: "Если я подарю твоей дочери семьсот пустошей, то у меня еще шесть сыновей, — что же я буду делать с их невестами?" Отец невесты говорит: "Чего ты скупись и сокрушаешься? Если продлятся дни Ширван-шаха, он разорит еще много деревень".

Шаху это показалось обидным, и он сказал:

— Разве я так несправедлив?

Везир ответил:

— Так говорят совы.

После этой беседы шах стал милостивым.

— Подобно сему, пока жив ваш евнух, много таких дней выпадет мне на долю.

Царь сказал:

— И евнух и женщина слабодушны. Забудь об этом.

Рассказал Леон притчу:

21

Р а н е н н ы й   я з ы к о м

Побратались человек и медведь.

Человек зазвал медведя в гости и задал ему пир.

Медведь, уходя, простился с хозяином. Человек поцеловал медведя и приказал жене поцеловать его.

Однако, когда жена почувствовала зловонный медвежий дух, она плюнула и сказала:

— Не терплю вонючих гостей!

Медведь ушел. Некоторое время спустя человек отправился его проведать и взял с собою топор:

— Нарублю дров да притащу домой, — сказал он.

Медведь вышел его встречать, и они ласково приветствовали друг друга — каждый, как ему было свойственно. Затем медведь стал настойчиво просить человека:

— Ударь меня топором по голове, порань меня.

Человек отнекивался, медведь не отставал.

Тогда человек хватил медведя топором и поранил ему голову. Медведь ушел в лес, а человек возвратился домой.

Месяц спустя они снова встретились. Голова у медведя успела уже зажить, и он сказал человеку:

— Братец, рана, которую ты нанес мне топором, зажила, но не зажило сердце, раненное языком твоей жены.

— О царь, язык, а не что иное убивает человека. Безвременно пораженного языком — язык уже не воскресит. Рана, нанесенная языком, неисцелима.

Леон добавил:

— Пословица говорит: "Звон стрелы, попавшей в другого, для тебя подобен трубному звуку". Кто посочувствует мне в том, что случилось со мною!

Царь ответил:

— Произошло это по ошибке, не вспоминай больше об этом.

И рассказал царь притчу:

22

Р а с с к а з   о   с о б а ч к е

Был царь, и был у него злоязычный слуга, да такой, что ни одно доброе слово не сходило с его уст.

Царь уходил в поход лет на пять и сказал этому злоязычному слуге:

— Произнеси хотя бы одно единственное доброе слово, и, возвратясь, я подарю тебе новую одежду.

Злослов отвечал:

— А если не возвратишься, кто мне ее подарит, — я же задаром потеряю доброе слово?

Царь ушел в поход. Прошло два года. Злоязычный человек стосковался по царю и отправился повидать его.

Прибыл он на место. Царь первый его увидел и приказал своему везиру:
— Вон идет смердящая глотка, не спрашивай его ни о чем, он ведь расскажет только злое. Спроси, как поживает моя собачка.

Человек тот подошел и облобызал землю у ног царя. Везир спросил его.

— Эй ты, злорад, как поживает царева собачка?

Тот ответил:

— Околела.

Везир спросил:

— Что с нею случилось?

Он ответил:

— Пал белый царев верблюд, собачонка нажралась его мяса и подохла.

Везир спросил:

— Отчего же пал верблюд?

Он ответил:

— Царева мать скончалась, мы положили покойницу на верблюда, чтобы довели до гробницы, и он пал.

Огнем обожгло царю сердце, он спросил:

— Что же убило ее? Какая была у нее болезнь?

Человек тот отвечал рыдая:

— Солнцеликая царица покинула сей мир, и скорбь по ней убила вашу мать.

Царь спросил:

— Но она-то чем болела?

Он отвечал:

— Ваши сыновья и дочери погибли от оспы, и ее сломило горе по детям.

Тогда царь спросил:

— Значит, от дома моего ничего не осталось?

Он ответил:

— Когда я был там, в твой дворец ссыпали полову, не знаю, что было дальше.

Все, что он сказал, оказалось ложью, он придумывал ложь, чтобы огорчать людей.

— И вот, мой Леон, речи такого человека не могут никому повредить, если сама судьба не ополчится против человека. Пословица говорит: "Дай мне счастливую судьбу, а там хоть в навоз закопай".

Рассказал Леон притчу:

23

Х а л и ф и а р а б

Халиф багдадский охотился и, пустившись вскачь, отбил от своих вельмож. Оставался при нем только везир.

Халиф сильно проголодался. В одном пустынном месте они увидели черный шатер. Подошли к нему, — оказалось, живет в нем араб, а имущества у него три козы, и больше ничего нет за душой. Они сошли с коней и спросили чего-нибудь поесть. Араб заколол козу, сварил мясо, принес и предложил им. Халиф не съел ничего кроме мозгов.

Араб спросил везира:

— Почему халиф ничего не ел?

Везир отвечал:

— Такая у него привычка, он не ест ничего, кроме мозгов.

Араб встал, заколол остальных двух коз, приготовил мозги и подал халифу. Везир сказал халифу:

— Ваше величество видит, что сделал этот бедный, смиренный араб? Так не поступит и щедрый богач. Сколько бы ни истратил богач, клянусь своей головой, у него останется в тысячу раз больше, а у этого не было ничего, кроме коз, и он их всех заколол и зажарил для тебя.

Халиф отдал арабу свой посох и приказал:

— Приходи ко мне, никто не посмеет закрыть перед тобою мою дверь, я осыплю тебя милостями.

Халиф уехал в тот же день, а на завтра араб, прихватив с собою посох, отправился к нему, отворил дверь и вошел. Халиф молился, стоя спиной к дверям. Он не видел араба. Араб

спросил:

— Что делает халиф? Он то падает ниц, то встает.

Слуги объяснили:

— Он молится.

Араб не только не умел молиться, но даже не слышал имени бога. Он спросил:

— О чем он просит?

Они ответили:

— Он молит бога о богатстве.

Тогда араб сказал:

— Если он просит другого, стоит ли мне его просить?

И ушел.

— Я попрошу того, у кого он просит, и он мне даст, — сказал он.

Халиф не узнал ни о том, что араб приходил, ни о том, что он ушел.

Араб воротился в свой шатер и стал проделывать то же самое что проделывал халиф, приговаривая при этом: "Ты, кого халиф молит о богатстве, даруй его и мне, я же бедный".

Прошло несколько дней. Он снял свой шатер и разбил его в другом месте. Когда он копал землю, чтобы поставить шатер, открылась глубокая яма, наполненная серебром и золотом. Он засыпал яму, взял посох, пошел к халифу и склонился перед ним. Халиф сказал:

— Почему ты до сих пор не приходил ко мне?

Араб рассказал ему все, как было.

— Я помолился тому, кому ты молился, и он даровал мне яму, полную серебра и золота.

Дайте мне писца, пусть возьмут клад и доставят его вам.

Халиф приказал послать писца и пересчитать сокровища. Тогда везир посмотрел на него и сказал:

— Были три козы у бедного араба, и он заколол их ради тебя; ты обещал наградить его, но он ни о чем тебя не просил; бог ему дал, а ты отнимаешь у него и это?

— О царь, эту притчу я рассказал тебе к тому, что судьба благосклонна к человеку, если благосклонен к нему его господин. Если бы ты меня убил, злосчастной была бы моя судьба.

Царь сказал:

— Горечь подступила к сердцу и привела к этому, хоть бы не знать мне впредь горя, вот о чем молю я бога.

Рассказал Леон притчу [...]:

34

Безбородый и кадий

Жил в одной деревне безбородый человек, видом своим напоминавший скопца, и был он очень беден. Была у него только одна хорошо откормленная корова. Он сказал своей жене:

— Продам я корову, может быть, удастся купить одежду для себя и для тебя.

Погнал он корову в город, и встретился ему по пути другой безбородый. Тот стал с ним торговаться и предложил за корову три марчили. Хозяин коровы требовал четыре. Так им и не удалось столковаться.

Тогда безбородый горожанин ушел, обегал все рынки и сказал мясникам:

— Безбородый человек ведет на продажу хорошо откормленную корову. Говорите ему все в один голос: "Это коза, мы и заплатим за нее столько, сколько стоит коза".

Потом отправился к кадию, рассказал ему о безбородом, пообещал коровью шкуру.

Мясники, как увидели приближающегося к ним человека с коровой, стали предлагать ему полмарчили. "Продай нам эту козу", — говорили они.

Безбородый обиделся и ответил им:

— Корову величиною с верблюда вы норовите купить по цене козы.

Те отвечали:

— Это и есть коза.

Поспорили и пошли к кадию, пусть он рассудит. Но кадий подтвердил, что это коза. Он ведь рассчитывал получить шкуру на обувку, и кто позволил бы рассуждать безбородому?

Дали ему полмарчили, отобрали корову и закололи ее. Безбородый, опечалившись, сказал:

— Пословица гласит: "хозяину козла и хвоста не досталось", отдайте мне по крайней мере хвост.

Взял он хвост и ушел.

Спустя некоторое время у кадия умерла жена. Безбородый прослышал об этом. Он взял у своей жены шаль и платье, переделался женщиной, опоясался под платьем коровьим хвостом и пришел к дверям кадия. Кадий вышел, увидел женщину и принял ее за просительницу. Она сказала ему так:

— Я не просительница, я вдова, осталась без опоры и хочу наняться к тому, кто станет меня кормить.

Кадью это было весьма на руку, потому что он остался без жены. Он ввел ее в дом и сказал слугам:

— Ступайте на эту ночь по домам, отдохните.

Он хотел лечь с нею.

Когда они остались одни, женщина сказала кадию:

— Разденься догола, иначе я с тобою не лягу, — такая уж у меня привычка.

Кадий дался в обман и разделся догола. А безбородый снял коровий хвост и сказал ему:

— Кадий, чей это хвост?

Кадий отвечал:

— Коровий.

Безбородый сказал:

— Зачем же ты заставил меня продать корову по цене козы!

Сказав это, он кинул кадия на землю и избил его хвостом до полусмерти. Слуги были далеко, помочь было некому.

Безбородый покинул дом и удалился.

Поутру слуги долго ждали, но кадий не появлялся. Они вошли в дом и видят: лежит кадий весь опухший, женщины же при нем нет. Они с большим трудом привели его в сознание и узнали обо всем, что произошло.

Поправившись, кадий собрался в баню, чтобы натереть избитые места целебным бальзамом.

Безбородый узнал об этом, пришел к содержателю бани и сказал:

— Я весьма искусный цирюльник, позволь мне здесь прислуживать.

Содержатель бани с приятностью выслушал его и сказал:

— Экой ты счастливцев, ведь сегодня сюда пожалует кадий!

Безбородый опоясался под передником коровьим хвостом и стал ждать.

Пришел кадий. Цирюльник всячески старался угодить ему. Кадий остался доволен и потребовал, чтобы тот умастил его. Цирюльник сказал слугам:

— Сейчас я начну его натирать. Но если он будет стонать и кричать от боли, пусть никто из вас не входит, я сам выйду и скажу, если он чего-нибудь пожелает.

Так он обманом удалил слуг, вытащил коровий хвост и спросил кадия:

— Чей это хвост?

Кадий умолял, клялся щедро одарить, но безбородый все-таки избил его до полусмерти.

Затем цирюльник вышел и сказал слугам:

— Он спит, не входите, не будите его... А я принесу еще лекарств.

Безбородый оделся и ушел. Когда слуги вошли, то увидели, что кадий вовсе не натерт мазями, а лежит избитый и весь распухший. Его подняли, положили на войлок, отнесли домой и уложили в постель.

Придя в сознание, кадий сказал:

— Не будет мне здесь житья от этого безбородого. Он снова заманит меня в какую-нибудь опасную ловушку. Наймите верблюдов, я уеду в Каабу.

Когда они принялись искать верблюдов, безбородый заплатил владельцу за три дня и провел нанятых у него верблюдов мимо ворот кадия. Его спросили насчет верблюдов, и он ответил:

— Я ищу кого-нибудь, кто бы их нанял.

Слуги обрадовались, доложили кадию и наняли тех верблюдов. Пристроили к спине одного из них сиденье; кадий уселся и, забрав все свое имущество, пустился в путь.

Погонщик верблюдов рассказывал ему в пути сказки, кадий был доволен.

Кадий приказал слугам:

— Идите вперед в деревню и приготовьте ночлег, ячменя, соломы и чего-нибудь поесть. А мы с погонщиком не спеша поедем вслед.

Когда слуги удалились, безбородый рассказал ему в виде сказки об всем, что произошло между ним и кадием.

Кадий сказал:

— Я уже не раз это слушал, расскажи мне что-нибудь другое.

Безбородый ответил:

— Но я буду говорить о том, от чего болит мое сердце, какое мне дело до другого!

Он сбросил кадия с верблюда и бил его коровьим хвостом до тех пор, пока тот не

испустил дух. Тогда он повернул обратно, захватил с собою верблюдов и все имущество кадия и удалился.

— Знаю я, царь, что твой Рукха готовит мне нечто подобное; так избавь меня теперь же от него и отпусти.

Рассказал царь притчу:

35

С и л а е д и н е н и я

Жил некий великий царь. Было у него тридцать сыновей. Когда пришел час его смерти, он позвал к себе сыновей, приказал подать тридцать стрел, перевязал их крепко-накрепко и попробовал согнуть, — онигнулись, но не ломались. Тогда он стал гнуть их поодиночке и переломал все до единой. Он сказал сыновьям:

— Если вы будете держаться друг друга и жить в согласии, врагу так же не удастся сломить вас, как мне — связанные стрелы. Но если вы разделитесь, враг сокрушит всех поодиночке и истребит вас самих, ваших родичей и доброжелателей.

Так и с вами. Если вы будете жить в согласии, то и царство мое будет незыблемым. Но так как вы враждуете, то погубите мое дело.

Правила для везиров: они должны быть единомышленны, сколько бы их ни было; разум и совет одного, каким бы мудрым он ни был, без совещания с товарищем не могут быть безошибочны; невозможно не совершить хотя бы одного тяжкого промаха, а от одного промаха может произойти много вреда. Вот почему всегда следует предпочесть совет двоих или троих. Везиры должны любить друг друга. Не годятся везиры, которые враждуют и полны неприязни к людям.

Если везир предан государю, он должен обратить своего врага в друга; должен простить ему хотя бы тяжкое оскорбление, они должны объединиться сердцами, и царство их повелителя будет незыблемым.

Везир должен хранить тайны. Если между везирами вспыхнет вражда, они, взаимно враждуя, выдадут тайну.

Они начнут клеветать и обвинять друг друга: "Вон тот, нет, вон этот раскрыл ее".

Всякий везир должен стремиться к тому, что более всего полезно для повелителя и его царства.

Если царь окажет милость одному, другой, его недруг, станет изменником.

Везир должен быть благочестив, должен быть советником, исполненным благоразумия и мудрости, но когда человек видит своего врага, сердце его закипает и он теряет разум и сообразительность.

Везиры должны взвешивать каждое слово другого и принимать наилучшее решение. Люди, враждебные друг другу, никогда не взвешивают чужих слов. Стоит им взвесить их, и они сблизятся.

Везиры могут укрепить царство, но могут погубить и царство и царя.

Леон сказал царю:

— Ваше величество изволит изрекать истину. Но этот скопец заставил меня пожалеть о том, что я имею честь состоять при тебе.

И рассказал Леон притчу;

36

В о л к в к у з н е ц а х

Однажды волк напал на осла и хотел его сожрать.

Осел сказал ему:

— Знаю, ты съешь меня, но исполни мое последнее желание: у меня в копыте застрял

осколок гвоздя, вытащи его.

Волк разинул пасть и потянулся к ноге осла, чтоб вытащить осколок. Осел лягнул обоими копытами и выбил ему зубы. Таким образом, волк уже не мог съесть осла.

Волк сказал:

— Отец-то мой был чувячником, нечего мне было лезть в кузнецы.

Рассказал Рукха притчу:

37

Сын тавризского вора

Был в окрестностях Тавриза вор; когда ему ничего не попадалось под руки, он выкапывал мертвеца, снимал саван, красил его и сбывал.

Жители той страны так тяжело от него страдали, что стали желать ему смерти.

Умер этот человек, остался после него сын. И стал он таким вором, подобного которому не было на свете: он выкапывал мертвеца из могилы, снимал саван, а мертвеца сажал на кол.

Жители той страны стали добром помянуть его отца; тот говорили они, снимал саваны, но по крайней мере не сажал покойников на кол.

— Клянусь головою царя, ты заставишь нас помянуть добром твоего отца, ибо ты превзошел его.

Рассказал Леон притчу:

38

Зловредный покойник

В одной деревне, в стране Кларджети, был глашатай, человек злой, раздражительный, враждовавший со всеми. Он притеснял деревню и вконец разорил ее: измышлял какую-нибудь вину, доносил татарам, и те взыскивали с жителей много серебра.

Но вот настал день его смерти. Он созвал к себе всю деревню и сказал так:

— Во многом я виновен перед вами, и так как вы при жизни моей не могли мне отомстить, то заклинаю вас богом, когда умру, накиньте мне на шею веревку, выволоките из дому и повесьте на дереве.

Жители поддались на его уловку и, когда он умер, поступили с ним так, как он завещал. Какой-то татарин, увидев висящего на дереве глашатая, пошел и сказал кадию:

— Повесили нашего глашатая.

Татары послали своих людей в деревню и взыскали с жителей тысячу марчили.

Все стали бранить глашатая:

— Он грабил нас при жизни, а после смерти совсем разорил.

— Ты хочешь, подобно ему, загубить меня, пока жив, а мертвый повредишь и того хуже. Знаю, мне не спастись от тебя.

Рукха сказал Леону:

— Не стремлюсь я к тому, чтобы тебя умертвили или изгнали. Я хочу лишь наилучшего для своего царя; но если ты останешься при нем, это причинит большой вред.

Рассказал Рукха притчу:

39

Жемчужница и рак

Когда жемчужница плавает в море, она раскрывает рот. Увидав же рака, тотчас же его закрывает.

Рак, подплыв к жемчужнице, приставляет клешню к самому ее рту. Стоит ей слегка приоткрыть рот, и рак тотчас же засовывает клешню, постепенно забирается внутрь и выедаст все, что есть в ней живого.

— Ты желаешь того же, но еще не нашел жемчужницы с раскрытым ртом, вот почему в твоих словах столько кротости.

Рассказал Леон притчу:

40

Продавец фруктов и пастух

В городе Багдаде был такой обычай: кто придет к торговцу фруктами и даст два гроша, может есть хурмы, сколько ему захочется.

И вот пришел пастух, живший за городом, дал продавцу, сколько полагалось, уселся и съел хурмы на полмарчи.

Продавец сказал ему:

— Не ешь так много, у тебя, брат, заболит сердце.

Пастух ответил:

— Не беспокойся обо мне, я знаю, у кого от этого болит сердце.

— Так вот, я тоже хорошо знаю, кому мое пребывание здесь вредно или полезно, приятно или неприятно.

Царь сказал Леону:

— Вижу, что ты красноречив и сладкоречив, и вы с приятностью проводите время в беседе. Но я до сих пор не ведаю, какие знания приобрел мой сын. Покажи мне его.

Леон ответил:

— О царь, пошли за ним, вели ему притти, расспроси обо всем и узнаешь.

Послал царь паличника, приказал позвать своего сына Джумбера, но тот не пришел.

Он послал начальника царских палат, но царевич не пришел и с ним.

Послал старшего стольника, но и с ним он не пришел.

Послал везира, но царевич не пришел.

Тогда он послал хранителя казны.

И вот Джумбер сел на слона и прибыл. Он сошел со слона, развязал пояс, кинул его на слона, собрал в одну руку пригоршню земли, в другую взял камень, поднес и то и другое отцу, и, склонившись перед ним, облобызал его руку.

Сказал царь своему сыну:

— О жизнь моего сердца, свет моих очей! Я послал за тобою паличника, почему же ты не пришел?

Джумбер ответил:

— Я не чувствовал за собою никакой вины.

Царь сказал:

— Я послал за тобою начальника палат, и ты не пришел.

Джумбер ответил:

— Я не раб, он не властен надо мной.

Царь сказал:

— Почему ты не пришел со старшим стольником? Он ведь знатнейший из моих князей:

Джумбер ответил:

— Кто же тут хозяин, если мне итти за стольником; приглашающим гостей?

Царь сказал:

— Почему ты не последовал за моим везиром?

Джумбер ответил:

— Разве я домогаюсь престола? Боже меня сохрани, везир должен находиться при царе.

Царь сказал:

— Почему же ты пришел с хранителем казны, ничтожным слугой и негодным воином?

Джумбер почтительно сказал:

— Для других он ничтожен, и к ним посылать его не следует, но за мною нужно было послать хранителя сокровищ: я ведь — твое сокровище, твой клад, твое богатство.

Царю понравились эти слова, и он спросил Джумбера:

— Почему ты прибыл ко мне на слоне?

Джумбер ответил:

— Этого требует достоинство, потому что человек царского рода и вельможа должны сидеть высоко.

Везир сказал ему:

— Почему ты снял пояс и оставил его на спине слона?

Джумбер ответил:

— Когда царь или вельможа поспешно покидают свое место, они должны оставить там, где сидели, знак своего величия и помнить, что место это — превыше звезд; в противном случае его покинут все окружающие.

Пословица гласит: "Камень тяжел, пока лежит на месте, сдвинешь с места, и станет

легким".

Отец сказал ему:

— Почему ты поднес мне землю и камень?

Сын отвечал:

— Земля означает: каким бы великим и могущественным царем ты ни был, знай, ты — прах и в прах обратишься; угодное богу ты должен предпочитать угодному людям. Камень же означает: если ты не пользуешься своими сокровищами, тогда для тебя нет никакой разницы между золотом и камнем.

Рассказал Джумбер притчу:

41

Б е с п о л е з н о е б о г а т с т в о

Некий человек зарыл в землю очень много золота. Каждый день он приходил взглянуть на это место. Заметил это другой и сказал:

— Пойду-ка я и разрою то место, куда этот человек так часто наведывается. Посмотрю, что там.

Он пришел ночью, вырыл золото, унес его, а вместо него зарыл большой камень.

Тому человеку захотелось полюбоваться на свое золото, стал он рыть и увидел вместо золота камень.

Он горько заплакал. Пришел к нему тот, который украл, и спросил:

— Почему ты плачешь?

Он ответил:

— Я зарыл здесь золото, не желая его тратить. И вот украли у меня золото, и вместо него положили камень.

Сказал ему тот человек:

— Горе тебе! Почему же ты плачешь? Не все ли тебе равно, что лежит в земле, золото или камень, раз ты не хотел его тратить?

— О царь, так же и с сокровищницей. Все равно, что сохраняется в ней, если не будешь тратить свои сокровища и не употребишь их на благо.

Отец сказал ему:

— Значит, ты полагаешь, что сохранять достояние вовсе не следует?

Джумбер ответил:

— Не иметь достояния плохо, но еще хуже — плохо владеть им.

Рассказал Джумбер притчу:

42

Н а с л е д н и к — п р о п о й ц а

У одного богатого купца был сын. Умирая, отец дал сыну надлежащее наставление. Но триста литр свинца он доверял одному из своих слуг, наказав сохранить и не говорить сыну, где свинец, до тех пор, пока не явится в нем надобность.

Купец умер.

Сын его был пьяница и бражничал с пьяницами. Он промотал все нажитое отцом и даже продал драгоценности своей жены. Он обнищал, и когда слуги увидели, что у хозяина ничего не осталось, потеряли к нему всякую любовь.

Тогда он вспомнил о свинце и спросил слугу:

— Куда ты его запрятал? Отец доверил тебе триста литр свинца, принеси его сюда.

Пошел слуга, возвратился плача и сказал:

— Я зарыл свинец в землю, но мышь съела его.

Тот не поверил, но собутыльники подтвердили:

— Так оно, верно, и случилось.

Сын купца совсем обнищал. Хотелось ему пображничать с товарищами, но у него было ничего, чтобы, идя к ним, взять с собою. Тогда он пошел, снял "лечаки" с жены, продал, купил на эти деньги хлеба и немного сыру, захватил с собою и то и другое и отправился к товарищам.

Те пили, расположившись в саду. Когда он подходил к воротам, ему захотелось помочиться. Он положил на землю хлеб и сыр, а сам загляделся на пирующих собутыльников.

В то время как он мочился, подошла собака и съела и хлеб и сыр.

Он вошел в сад к своим товарищам. Но те позабыли и его гостеприимство, и сколько он

на них потратил, не выказали никакой благодарности и стали его бранить:

— Почему ты явился без приношения?

Ему стало стыдно, и он ответил им так:

— Я нес хлеб и сыр, но собака все съела.

Слуга, бражничавший вместе с ними, засмеялся и сказал:

— Он лжет! Как могла собака сожрать все это?

Человек заплакал и ответил ему:

— Да поразит тебя гнев господень! Если мышь съела триста литр свинца, отчего бы большому псу не одолеть и не сожрать хлеб и немного сыру?

И, заплакав, вышел.

Тогда слуга встал, догнал его и сказал:

— Теперь ты понял, насколько ты был неразумен? Зачем ты расточил свои богатства? Кто отблагодарит тебя за это? Отныне слушайся меня и больше не бражничай. Опомнись! Ведь тот свинец все еще у меня. Я знал, что наступит этот день, и если бы я отдал его тебе раньше, ты бы и его промотал. А впредь дай тебе бог употребить свое добро с пользой для себя.

И сын купца стал отныне разумно пользоваться своим добром. Выучившись торговать, он снова сделался богатым купцом.

— Хорошо иметь много добра, если человек разумно им пользуется, в противном случае нищий лучше неразумного богача. Испокон веку говорится: "бедняк сказал: я лучше всяких царей, потому что мне достаточно того, что у меня есть, и я вполне этим довольствуюсь; а цари, пусть даже завладеют всею землею, все равно никак не удовлетворятся и не насытятся".

Царь спросил его:

— Поскольку ты полагаешь, что можешь поучать мудрости, скажи мне, что для человека самое приятное и что для него самое неприятное и трудное?

Рассказал Джумбер притчу:

43

Б л а г о р а з у м н ы й ц а р е в и ч

Был славный царь, и было у него трое сыновей.

Царь сказал:

— Испытаю сыновей: кто из них обладает разумом, необходимым, чтобы править царством?

Он спросил всех троих:

— Что самое красивое, что самое тучное и что самое быстрое?

Старший сын отвечал:

— Красива моя жена, упитан мой конь, быстр мой сокол. Лучше их нигде не найти.

Отец сказал:

— Не видать тебе трона.

Второй сын хотел польстить ему и сказал:

— Нет на свете никого красивее царицы, упитаннее царского коня и быстрее царского сокола.

И ему также отвечал царь:

— Не тебе выпадает жребий быть царем.

Затем он спросил младшего, и тот ответил:

— На земле нет ничего прекраснее весны, ничего тучнее осени и ничего быстрее взгляда.

Понравилось это царю, и он избрал его своим наследником.

— Знаю, ты меня испытываешь. Но если бы даже я был не годен — где у тебя другой сын или брат, чтобы стать наследником?

Царь сказал:

— Ты прав — в таком случае и следовало бы сделать выбор.

Джумбер ответил:

— На краткое мгновение нет ничего слаще греха, но в конце концов он превращается в яд и погибель. Грех приносит в начале радость, а в конце раскаяние. Нет на свете ничего труднее милосердного и доброго дела, но, когда приступишь к нему, оно становится легким; берешься за него с неохотою, но потом оно тешит и дает великую радость. Злое и дурное деяние завершается быстрым и гибельным концом, доброе и благое — нескончаемо вовеки.

Рассказал Джумбер притчу:

Любящие братья

Жили два брата. Старший был женат, имел детей, младший же был холост. Они разошлись, не захотели жить вместе и поделили все, что у них было. Когда они поделили зерно, ямы, в которых оно сохранялось, оказались — у старшего по одну сторону тока, у младшего — по другую сторону тока.

Старший брат украдкой брал зерно из собственной ямы, ссыпал его в братнюю яму и говорил:

— Бог дал мне жену и детей, у меня есть кому зарабатывать. А у моего брата нет никого. Пускай этот хлеб достанется ему, пусть он его ест.

Но и младший брат также брал тайком зерно из своей ямы, высыпал его в яму старшего брата и говорил:

— Один я на земле, куда бы ни забрел, мне легко найти себе пропитание. Но у брата маленькие дети, ему больше моего нужно. Пускай этот хлеб достанется ему.

Так и прожили они всю жизнь. Бог приумножил добро обоих братьев, и доля каждого не оскудевала.

— Бог способствует процветанию благих и добрых деяний.

Сказал ему царь:

— Зачем же они брали зерно украдкой и ссыпали его в яму, а не отдавали открыто друг другу? Кто бы воспрепятствовал им в этом?

Джумбер рассмеялся и ответил так:

— Сердца человеческие мелки и ограничены, дележ имущества сеет вражду, и они не стали бы явно делать друг другу добро. Кроме того, доброе дело лучше совершать тайно, потому что тогда оно и перед богом большего стоит: если человек окажет тебе услугу и начнет потом хвастаться и кичиться, это покажется тебе обидным.

Рассказал Джумбер притчу:

45

Царь, брошенный в яму

Воевали два царя. Один победил другого, взял его в плен и бросил в яму.

Протекло время. Пришел туда человек, знавший о том, что случилось. Он хотел вытащить царя из ямы и помочь ему бежать. Крикнул он в яму:

— Хорошо ли я сделаю, если помогу тебе убежать?

Царь поблагодарил его.

Он спустил веревку, вытащил царя и снова спросил:

— Хорошо ли я сделал, что вытащил тебя?

Царь снова поблагодарил его.

В третий раз спросил тот человек царя:

— Хорошо ли я сделал?

Царю это надоело, и он крикнул:

— Эй, кто здесь, этот человек хочет помочь мне бежать!

Подшла стража и схватила обоих. Спросили царя:

— Почему ты выдал себя и не убежал?

Он ответил:

— Этот человек надоел мне напоминанием о благодарности, еще когда тащил из ямы. Прежде чем мы дошли бы до дому, он бы совсем меня уморил. Я и предпочел остаться здесь.

— Доброе дело надо всегда совершать так, чтобы оно было либо угодно богу, либо приятно человеку.

Царь сказал ему:

— Мне очень нравится твоя доброта. Но откуда ты, ребенок, знаешь все это?

Джумбер почтительно ответил:

— Все от бога, и, кроме того, есть еще три причины: первая — я плод доброго дерева, вторая — меня взрастил искусный садовник, третья — меня доверили бдительному наставнику.

Царь спросил:

— Кто же это?
Сын ответил:
— Дерево — это вы, породивший меня; садовник — Седрак — везир, вырастивший меня;
наставник — Леон, поучающий меня.
Тогда выступил вперед Рукха и сказал Джумберу:
— Дважды ты сказал правду, один раз солгал;
Джумбер спросил:
— Которая же ложь?
— О дереве и садовнике — ты сказал правдиво и хорошо, о наставнике — лживо и дурно.
Джумбер ответил:
— Если из трех раз я солгал однажды, то все же у меня из трех остаются две правды. Ты же порочен дважды: ты женственен в мужественности своей и, будучи женственным, — не женщина.
Рукха сказал ему:
— Тебя подучил Леон.
Рассказал Джумбер притчу [...]:

72

Г у с и в м е с т о а и с т о в

В одном месте водилось много белых аистов. Некий человек украл у аистихи яйца и подложил ей в гнездо гусиные. Аистиха вывела и вырастила птенцов, полагая, что это ее собственные. Когда они подросли, пришел аист-отец и увидел, что они совсем на него не похожи. Он собрал всех аистов, сколько их было в тех местах, и показал им птенцов. Они схватили невинную аистиху, убили ее и высосали у нее мозг.

— Чем обидел тебя Леон? Разве он — твоя жена и изменил тебе? Или враг и убил твоего сына? Или была у тебя жена, и он наслаждался ею? Или он причинил тебе увечье? Что он тебе сделал? Скажи! Я его не защищаю и не предпочитаю тебе, клянусь головою царя. Но говорю тебе истинную правду: между вами нет ничего, из-за чего стоило бы враждовать.

Враждовать надлежит в трех случаях:
с соседом, когда он хочет переступить между;
когда чьим-нибудь именем завладел другой, не погубив которого нельзя получить
имение обратно;

когда один человек нанесет другому позорящее его оскорбление.

Рукха сказал:

— Не скрываю, я враг Леону.

Джумбер сказал:

— В трех случаях не следует враждовать:

плывущему на корабле — с кормчим;

жителю долины — с жителем укрепленных мест;

тому, кто живет у нижнего течения ручья, с тем, кто живет у его истока.

Рукха сказал:

— Ты ведь царский сын, так будь же ласков и услаждай нас.

Джумбер сказал:

— Услаждать друг друга надлежит в трех случаях:

тем, кто совместно владеет крепостью;

тому, кто при дележе имущества получил наибольшую долю;

тем, кто участвует в пиршестве.

Рукха сказал:

— Тщетны все мои труды!

Джумбер сказал:

— Тщетными бывают труды:

трусливого ночного сторожа;
человека, который пытается заставить мула рожать;
того, кто гонится за ветром.
Рукха сказал:
— Он упражняется в многословии.
Джумбер сказал:
— Многословными надлежит быть троим:
беззащитному нищему;
бродячему проповеднику;
спорщику и драчуну.
Рукха сказал:
— Убегу от руки твоей куда глаза глядят!
Джумбер сказал:
— Бежать следует троим:
тому, кого осудил народ на посмеянье;
мужу своенравной жены;
тому, кто изменил своему господину.
Рукха сказал:
— Хоть бы мне умереть!
Джумбер сказал:
— Смерть призывают:
тот, кто жил порочной жизнью;
тот, кто болен продолжительной и неизлечимой болезнью;
тот, кто наверняка рассчитывает попасть в эдем
Рукха сказал:
— Ты, видно, хочешь меня изгнать?
Джумбер сказал:
— Изгнанию подлежат трое:
виноградарь, который крадет виноград;
врач, не умеющий врачевать;
монах, не приносящий утешения.
Рукха сказал:
— Вижу, гневаешься ты на меня.
Джумбер сказал:
— Возбудить гнев могут трое:
упрямый, непослушный сын;
сварливая женщина;
болтливый раб.
Рассказал Рукха притчу:

73

Ф и л о с о ф ы

Был великий, обладавший глубиной мудрости философ. Он отрекся от мира и ушел в далекую пустыню, поселился там и молился в одиночестве. И было еще шесть других философов, ученых и превеликих любителей науки. Они заспорили из-за какого-то слова, не могли притти ни к какому решению и отправились к тому отшельнику.

Спросили его, но тот долго не отвечал. Они повторили свой вопрос, и он ответил им так:

— Вы расточили все свое состояние на то, чтобы выучиться многоглаголанию, я же отказался от своего состояния и от мира, чтобы пребывать в молчании, не разговаривать.

Он не сказал больше ни слова, и возвратились они посрамленные, без всякого ответа

— Так же и я: хоть бы мне избавиться от вас, ради этого я отрекусь не только от мира сего, но и от того, вечного, и успокоюсь.

Рассказал ему Джумбер притчу:

74

М е д в е д ь и о х о т н и к

Охотились два товарища. В том месте был овраг, и они шли — один по эту, другой по ту сторону оврага. На одного из них напал медведь и подмял его. Тогда товарищ крикнул:

— Брось медведя, иди сюда, пора взяться за дело!

Тот закричал в ответ:

— Медведь не пускает, а то бы я и сам давно его бросил!

— Ты сам не отстаешь и не даешь никому покоя, а между тем никому не приятна беседа с тобою, и ни у кого нет охоты продолжать ее.

Рассказал Рукха ему притчу [...]:

145

У п р а в и т е л ь , к а к о г о и д н е м н е с ы щ е ш ь с о г н е м

Был управитель, очень хороший человек, но люди, над которыми он был поставлен, стали ему врагами и оклеветали его перед царем.

Царь сместил его и назначил управителем другого человека.

Новый управитель был человек, злой и учинял насилия над подчиненными ему людьми. Те люди впали в уныние и сказали:

— Не можем же мы умолять царя, чтобы он снова сменил управителя, что же нам теперь делать?

Собрались все, и мужчины и женщины, среди бела дня зажгли на всех десяти пальцах свечи и стали ходить по площади.

Царь спросил:

— Чего они там бродят?

Ему доложили:

— Они ищут того управителя, которого сами же недавно прогнали, и не могут его найти.

— Что ж, вы dokonали меня, и знаю, со мною поступят согласно вашей воле. Но увидите, вам еще придется разыскивать меня с огнём.

Царь, слушая их, то смеялся, то радовался, то сердился, однако, из любви к ним, скрывал свой гнев. Но в конце концов нельзя было не заметить, что он явно недоволен Рукхой.

Рассказал царь притчу:

146

Г р ы з у щ и е с я с о б а к и

В одном месте валялась падаль, семь или восемь собак теснились вокруг, пожирали ее, рычали, огрызались и кусали друг дружку. Увидев, что к ним подбирается волк, они перестали рычать, огрызаться и кусаться, разом кинулись на волка и прогнали его. Потом прибежали обратно и снова начали грызться из-за той же падали. И так всякий раз — увидят хищника, кинутся на него дружно, а потом грызутся.

— Так вот и вы, не знаете ни дня, ни ночи! Подумали бы лучше не нужно ли чего разведать о врагах, или позаботиться о моих делах. Затем беседуйте и спорьте.

Рассказал везир притчу:

147

К у п е ц и з Б р у с с ы и г о л у б к а

Жил в Бруссе именитый купец, человек богатый, богобоязненный, удачливый. В стену дома, в котором он жил, был вделан шест. Прилетала голубка, вила на нем гнездо и выводила птенцов.

Увидел однажды купец, что подходит большой караван, послал навстречу человека, велел привести и устроить поблизости на ночлег. Начальником каравана был молодой человек, родом из Индии, сын богатого купца. Отец его, оказалось, отправил с ним сто верблюдов с гвоздикой и корицей и наказал: "Продай все только одному человеку и возьми с него только одинаковыми деньгами — или плури, или марчили, или аслани". Индийский гость поведал это купцу и сказал:

— Я не могу нарушить отцовского приказа, но у кого же найдется столько денег, чтобы уплатить мне всю цену одинаковой монетой?

Брусский купец сказал ему:

— Я куплю. Какой монетой хочешь получить?

Индийский купец, желая его испытать, сказал:

— Хочу получить одни аслани.

Брусский купец приказал слугам отсчитать ему всю стоимость одними аслани и увязать серебро.

Тогда индус сказал:

— Нет, не хочу аслани, хочу одни марчили.

Слуги высыпали аслани и стали увязывать марчили. Тогда индус потребовал плури. Он испытывал купца, желая узнать, как велико его богатство.

Брусский купец строил в ту пору баню, у него уже была заготовлена известь, и, когда прибыл индус, купец тотчас же приказал истолочь те сто вьюков корицы и гвоздики и смешать их с известью. Построив баню, он позвал индуса искупаться в ней, щедро одарил его и отпустил. Индийский купец уехал, крайне пораженный его богатством.

Прошло время, голубка изменила своему обыкновению: не стала вить гнездо на том шесте и не прилетала больше к этому дому. Купец сказал:

— Нынче я понял, что счастье от меня отвернулось и мне суждено потерять мое богатство.

Он бросил торговать, запечатал сокровищницы, оделся в нищенскую одежду, не захотел даже сесть на коня и ушел пешком. Много он скитался, устал и прилег в одном месте отдохнуть. Проходило мимо деревенское стадо, осел перешагнул через купца и помочился на него. Купец даже не отстранился. Он сказал:

— Знаю, счастье снова обернулось ко мне, снесу и это унижение. Иначе осел нашел бы другое место и не помочился бы надо мной!

Он встал и пошел дальше. Долго странствовал, пришел в Индию и стал там нищенствовать. Шел он однажды по базару, сидевший там индус узнал его, дал ему два плури милостыни и сказал своему рабу:

— Отведи его в мой дом.

Когда стемнело, пришел он к купцу и спросил:

— Что с тобою случилось? Какие беды постигли тебя?

Купец все ему поведал. Узнав о том, как все было, молодой индус пошел к своему отцу и рассказал ему. Тот очень обрадовался, взял купца к себе и держал в великом почете. И жил у него купец из Бруссы. После стольких испытаний и мучений бог смилостивился над ним, и судьба его изменилась.

В стену дома, в котором он жил, был также вделан шест. Прилетела голубка и снесла яйцо. Купец убедился, что счастье возвратилось к нему, простился с хозяином, отправился домой и снова занялся торговлей.

— Великий государь, вам, мудрому и непобедимому, известно, какой я друг и товарищ Рухе, Но я знаю также и то, что от него отвратилось счастье. Я его вразумляю, наставляю, он же меня не слушается; иначе какая у меня причина быть врагом или другом одного из них и предпочитать одного другому?

Рассказал царь притчу:

Был царь, справедливый, милостивый и такое богатый, что сам он не знал цены своим сокровищам. Царь постарел. У него был хороший сын, этому сыну отдал

он свое царство и сказал:

— О сын мой, царствуй вместо меня, но, пока я жив, не прикасайся к моим сокровищам. Когда же умру, раздай их нищим за упокой моей души.

Сын послушался отца. Он проявил такую справедливость и доброту, что все поневоле забыли его отца — так хорошо начал он править. Днем никуда не ездил, лишь ночью садился на коня и отправлялся куда надо, причем факелы приказывал нести за собою, а не впереди. Все удивлялись, но никто не посмел спросить, почему он так поступает.

Спросил однажды отец о сыне:

— Хорошо ли он правит?

Доложили ему обо всем — и как превосходно он правит, и как ездит по ночам.

Царь велел позвать его и сказал:

— О сын мой, я слышу великие тебе похвалы, но если ты любишь ездить по ночам, то не лучше ли, чтобы факелы несли не позади, а впереди тебя?

Сын почтительно ответил:

— До нынешнего дня я не дерзал сказать вам, но я поступал так, чтобы и вы свои сокровища приказали нести впереди себя и раздали нищим еще при жизни, — так лучше, потому что раздать после смерти все равно, что нести факелы позади.

Царю понравился его ответ, он роздал все, поблагодарил сына и сказал:

— Лучше совершить все посильное добро при жизни и не медлить с благодеяниями.

— Седрак, разве я не знаю все это, но Рукха полагает, что ему лучше поступать пока вот этак, добрыми же делами займется, мол, позже. Однако он забывает о том, что жизнь коротка и смерть застигнет врасплох. Так и останется он при своих злых делах, человеком, не совершившим добра, и нечего ему будет взять с собою, кроме своих злодеяний.

Рассказал везир притчу:

149

Ястреб, утка и куропатка

Ястреб поймал утку и нес ее в когтях, еще живую и невредимую.

Пролетела мимо куропатка, которую вспугнул охотник.

Ястреб погнался за куропаткой, — поймаю, мол, и ее, — но тут утка вырвалась из его когтей и улетела, а куропатку он не догнал. И остался он без той и без другой.

— Если теперь ваш Рукха откажется от зла и обратится к добрым делам, он и за одним не угонится и другое упустит. Случится с ним то же, что с тем ястребом, и будет он достоин сожаления.

Рассказал царь притчу:

150

Утка и лягушка

Осталась после дождей небольшая лужа на горе. Прилетела туда утка, села, да так в ней и зажила.

Побратались утка с лягушкой, вместе проводили время и приятно беседовали по мере возможности. Когда солнце стало припекать и усилился летний зной, воды в луже поубавилось. Утка сказала лягушке:

— Давай переселимся куда-нибудь.

Лягушка ответила:

— Ты привыкла вечно таскаться по свету, а я не могу покинуть свое родовое имение.

Утка улетела и поселилась в местах, где было много воды, лягушка осталась на родине.

Спустя некоторое время утка сказала:

— Полечу-ка я навестить названную мою сестру, как-то она там поживает?

Прилетела — лужа, оказывается, высохла, а лягушка околела.

Утка сказала:

— Нет, сестра, уж лучше скитаться, как я скитаюсь, чем любить такое родовое имение!

— Поскольку Рукха закопался в злодеяниях, не берите с него пример и творите добро. Его ждет такая же судьба, какая постигла лягушку.

Рассказал везир притчу:

151

В р а ч и д в о е б о л ь н ы х в е л ь м о ж

Был царь, прославленный, милосердный и могущественный. Был у него врач, исцелявший все недуги.

Двое вельмож заболели жестокой болезнью: один страдал таким запором, что у него желудок не действовал пятнадцать дней, у другого был такой понос, что он ходил сорок раз на дно. Врач извелся, придумывая, как их вылечить, но ничего не помогало.

Царь часто спрашивал врача о здоровье вельмож. Однажды врач припал к его коленям и сказал ему:

— Если ты изволишь на меня гневаться, вели разорить меня и казнить, но, если тебе угодно оказать милость, освободи меня от лечения этих вельмож. От утра до ночи я озабочен мыслью, чтобы один из них ходил реже, и от ночи до утра не сплю из-за другого, дожидаясь, когда же он сходит. Царя я молю о богатстве, бога о сохранении жизни. На этом кончаю я свою мольбу; удостоюсь ли я исполнения хотя бы одного из моих желаний?

— О царь, внемли и ты моей мольбе и избавь меня от их речей и от общения с ними.
Рассказал царь притчу: —

152

Л ю б я щ и е с у п р у г и

Жили в городе Константинополе муж и жена, очень любившие друг друга. Сидел как-то муж на базаре, продавал разную мелочь. Какая-то женщина кинула на него пристальный взгляд. Затем она долго вертелась около него, но человек этот не обратил никакого внимания на ее любовные знаки. Тогда женщина наполнила водою чашу, прикрыла ее листом чинары и поставила перед ним. Человек этот удивился, но не догадался, в чем дело.

Вскоре он занемог и сказал жене:

— Вот как поступила со мною одна женщина, и с тех пор болен я и никак не поправлюсь!

Жена сказала:

— Любовью к тебе загорелась та женщина, оттого ты и занемог. Зачем тебе убиваться, поди к ней.

Муж ответил:

— Не знаю, где она.

Жена сказала:

— Поищи в доме, перед которым растет чинара, а перед чинарой — водоем, и найдешь.

Муж отправился на поиски и нашел то место, но дверь была заперта, и никто не отворил.

Возвратился он домой.

Жена сказала:

— Она не желает, чтобы ты вошел к ней через эту дверь, поищи другую.

Пошел он, проник в дом через другую дверь, встретила его та женщина, и предались они беседе и веселью.

Пришла базарная стража и заперла их в том доме. Они предлагали страже щедрую мзду, но им

не удалось откупиться. Тот человек дал кому-то из них один плури и послал его к жене сказать:

"Вот что случилось с нами!"

Стража отвела их в темницу, чтобы наутро представить кадию и казнить.

Жена того человека написала кадию письмо:

"О ты, праведный судья! Слышанное ли дело, чтобы в такое время, когда ты у нас судьей, хватили мужа и жену, за то что они вместе, и кидали их в тюрьму, — когда и при ком бывало такое?"

А сама завернулась в покрывало, пришла туда, где томились ее муж и та распутная женщина, и попросила тюремщика:

— Этот человек — мой должник,пусти меня к нему.

Как только ее впустили, она накинула покрывало на ту распутницу, велела ей уйти, и села рядом с мужем.

Кадий, получив ее письмо, жестоко разгневался и послал своих людей в тюрьму. Они привели и поставили перед судьей и тех, кто был схвачен, и тех, кто их схватил.

Те, кто схватил, поклялись:

— Они прелюбодействовали, мы захватили их на месте преступления.

Жена сказала судье так:

— Мой отец живет тут же, спросите его; этот человек сватал меня, — спросите тех, кто был при обручении, жена я этому человеку или нет? Если вы обвиняете меня в прелюбодеянии, то уличить вы меня можете, только застав с чужим человеком, а от собственного мужа как могу уклониться?

— О Седрак, меня тоже очень тревожит ваша упорная неприязнь друг к другу, и думаю я, никому из нас не избежать из-за нее беды: ни тебе, ни мне, ни другим, потому что такой беседе не видно конца. Послушайте меня, перестаньте укорять друг друга и кончайте на этом беседу.

В А Х Т А Н Г VI

МАДЖАМА

(Отрывок)

П. Т б и л и с и

1

Как хорош Тбилиси в мае,— в розах весь, как небо в звездах!
Склоны скал— в росе небесной, горы— в зелени, как в гроздьях.
Было б дерзостным безумьем— возмутить прозрачный воздух,
Святотатственно разрушить эту прелесть, этот роздых.

2

Загоняют люди в клетки — для забавы — ястребов,
Бродят толпами, пируют, всем постыл домашний кров.
В чем тут грех, — коль благодатью смертный полон до краев?
Взор влажнеет умиленно, дух — разнежиться готов.

3

Любо рекам, разветвляясь, разливаясь вдоль долины,
Любо людям, потешаясь, погружаться в их стремнины.
Рушат в реку глыбы камня с гиком, с криком: "Строй плотины!"
Рыб выбрасывают наземь, — вдоль реки блестят их спины.

4

Смотрят, как река сквозь ветви с гор спадает, весела.
Ловят в ней форелей быстрых, слышны клики: "Бей!" — "Ушла! "
А по долам бродят серны и олени без числа.
Взглянешь, — спросишь: "Как воспеть нам эти славные дела?"

5

Гонят в зарослях оленя, грудь его дышать устала,
Ветви бьют его, терзают жажды огненные жала.
Сладок отдых для убивших. Ветвь рогов идти мешала.
Ну, а мясо — дань влюбленных, гордость трапезного зала.

6

Выводок тетеревиный, шелестя, бежит во рву.
Жметя к скалам куропатка, смерть увидев наяву.
Рыбаки глушат форелей, сыпля им дурман — траву,
Но, увы! Загублен жизнью, — сколь бесславно я живу!

О горькая смерть!

Явился я в мир, беспомощен, сир, —
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Мнил — к чаше припасть, мил — взять свою часть, —
О горе, о смерть! О горькая смерть!

Мир душу завлек, злокознен, жесток, —
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Я жил, ликовал, — хоть счастья не знал, —
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Сидел на пирах, хоть ведал: все — прах!
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Я не был готов услышать твой зов, —
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Пришла ты в мой дом не другом — врагом, —
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Мгновенной огня повергла меня, —
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Расстался с женой, нет сына со мной, —
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Я брата лишен, с сестрой разлучен, —
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Где дом и семья? Любимцы, друзья,
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Друг жизни земной, я скошен тобой,
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Печаль познаю в далеком краю, —
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Там был я судим, растоптан, гоним,
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Зачем я пришел в мир бедствий и зол?
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Пусть больше их там, — здесь принял их сам,
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Там — скопище зла, нет мукам числа, —
О горе, о смерть! О горькая смерть!
Постиг я тебя — и молвил скорбя:
О горе, о смерть! О горькая смерть!

ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ

ДАВИТИАНИ

(Отрывки)

В с т у п л е н и е

ИМЯ И ПРОЗВИЩЕ ТОГО, КТО НАПИСАЛ ЭТУ КНИГУ

1

Написал "Давитиани"
Я, Давид Гурамишвили,
Рек божественное слово —
Сладкий плод моих усилий.
Ток живой по древу жизни
Устремил я в изобильи,
Говорил о муках крестных,
Чтобы люди слезы лили.

2

В Картли добрых вин не стало,
В том повинны войны с Чари.
Диких ягод винограда
Я промыслил для маджари.
Чтоб меня вы помянули,
Приношу вино вам в чаре.
Люди, нет для вас худого
В бескорыстном этом даре.

3

Не взрастил я терн колючий
Вкруг деревьев этих строк.
Я хочу, чтоб каждый отрок
Их плода отведать мог.
Не разлейте ж мой напиток,
Он пойдет вам, дети, впрок.
Берегите эту книгу,
Чтоб служила долгий срок.

4

В дни былые ритор Шота,
Муж, искусный в этом деле,
Вывел древо стихотворства,
Несравнимое доселе.
Взрыли корни глубь земную,
На ветвях плоды созрели.
Много знал я стихотворцев, -
Нет подобных Руставели!

5

Как юнец, который лихо
Мчит на палочке верхом,
Сходен резвыми прыжками
С настоящим ездоком, -
Так и стих мой бедный сходен
С руставелевым стихом.
Подражать ему пытаюсь,
Получил я поделом.

6

Мне достался после Шота
Сад обобранный, пустынный.
Как ребенок, между ловчих
Я толкался с хворостиной.
Не нашел плодов я в поле,
Не разжился я дичиной.
Зря, рыбак нерасторопный,
Замутил я воду тиной,

7

Стих жемчужный Руставели
Не сравнить с моей трухою.
Но кокетки могут ловко
Приукраситься сурьюю,
И вода вином прекрасным
Людам кажется порою,
В час нужды лесная груша.
Служит пищей неплохою.

8

Там, где нет коней исправных,
Всякой лошади почет.
Там, где нет высоких ростом,
Недомерок - не урод.
Нет красоты - и дурнушка
За красивую сойдет.
Тот, кто книг других не знает,
И мою авось прочтет.

9

Бренный мир, как палкой по лбу,

Оглушил меня безвинно:
Сгину я - и дом мой сгинет,
Ибо не дал бог мне сына,
И собрал свои стихи я
И связал их воедино,
Чтоб меня вы помянули
Добрым словом в день помина.

10

Я взрастил с трудом великим
Эту книгу-сироту,
Воспитал ее усердно,
Дал ей знанья полноту,
Но оставил некрещеной,
Ибо впал я в нищету,
Кто дарует ей крещенье.
Тех молитвою почту.

11

Мужа мудрого молю я
О мирском ее крещенье;
Утверди, ее, грузинку,
В нашем правом разуменье,
Если в чем солжет невольно,
Сбереги от заблуждений,
Пусть чурается враждебных
И греховных помышлений!

12

Вот зачем я, стих слагая,
Слушал мира небылицы.
Не дала судьба мне сына,
Обделила несчастливца.
Будь же, юноша, мне братом!
Будь сестрою мне, девица!
Обо мне, читая книгу,
Не забудьте помолиться.

13

Вас, мои живые братья,
Да хранит великий бог!
Пусть веселье сменит стоны
Ваших жалоб и тревог.
Помолитесь, чтоб создатель
Взял меня к себе в чертог,
Чтобы адского мученья
Избежать я, грешный, мог!

14

Недосказанное ныне
Не успел сказать я связно.
Все свободной ждал минуты,
Ах, зачем я ждал напрасно!
Копья скорби грудь пронзили,
Сердце сделалось безгласно.
Рай ли ждет меня господень
Или ад грозит всечасно?

15

Потому в тоске я плачу
И не в силах больше петь.
В изголовье встала злая,
Несговорчивая смерть.
Ни мольба, ни меч, ни подкуп
Смерть не могут одолеть.
Лишь набросится – любого
Постарается стереть.

16

Отче мой, шатер чудесный
В Картли ты воздвиг над нами,

Был высок он и просторен,
Осененный облаками.
Жил я в нем, и вдруг оттуда
Выгнал ты меня пинками.
Море слез с тех пор я пролил,
Размышляя над грехами.

17

О превратный мир! За что же
Возлюбил я образ твой?
Почитал тебя я сладким -
Ты же горький и дрянной.
Ты зачем меня навеки
Из земли увел родной?
Отчего ты, беспощадный
Надругался надо мной?

18

Прадед деда и прабабка!
Дед и бабка! В свой черед -
Мать, отец, сестрицы, братья,
И жена, и весь мой род, -
Мир вам в царствии небесном!
Да избегнет ада тот,
Кто составил эту книгу,
Чтоб читал ее народ!

НАСТАВЛЕНИЯ ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Десять полезных и нужных советов,
внушаемых отрокам

30

Эту заповедь Давида
Слушай, алчущий познания:
Тот, кто горечь превозможет, -
Вкусит сладость воспитания.
Лучше скорбным быть в начале,
Чем в конце терпеть терзанья.
Час придет - сочтешь за благо
Все минувшие страданья.

31

Мать, родив в болезнях сына,
Предает забвенью муки,
Ибо радость материнства
Отгоняет все доуки.
Снявший гроздья виноградарь
За вином не знает скуки.
Во сто крат блажен счастливец,
Изучивший все науки!

32

Знанье будет до кончины
Верным спутником твоим.
Этот клад неоценимый
Неотъемлем, неделим.
Мир грозит всему иному
Озлоблением своим, -
Человек, лишенный знания,
Безоружен перед ним.

33

Но куда б ни шел ученый,
Он не ведает преград:
Недоступным и незримым
Он сокровищем богат.
Знанье бор тайком не стащит,
Не отнимет супостат.
Глупым знанье бесполезно,

Для разумных знание - клад.

34

Сам не слишком-то ученый,
Я глупца узнаю скоро:
Он добро и зло усвоил
Вперемешку, без разбора.
Неуч их не различает:
Ум бедняге не опора.
Слон без хобота он, глупый,
Простофиля, полный вздора.

35

Как боец, который мчится
Без оружия в пыл сраженья,
Словно тигр, когтей лишенный,
Но свирепый от рожденья, -
Как любой, кто бесполезно
Тратит силы напряженье, -
Не способен умный неуч
Выполнять свои решенья.

36

Долго мудрости искал я,
Не нашел другой взамен:
Мудрый так живет на свете,
Как на это вдохновен.
Мудрый всюду будет мудрым,
С ним не будет перемен.
Он, как я, за корку хлеба
Не согнет своих колен.

37

Мудрый славен силой слова,
Мастер - тонкостью работ,
Поп - молитвами. Торговец
Разъезжает круглый год.
Воин кровь в сраженье точит,
Пахарь льет на пашне пот,
Нищий просит подаянья...
Кем ты будешь в свой черед?

38

Я привел тебе к примеру
Семь родов существованья.
Вот восьмой: царем на троне
Царские вершить деянья.
Вот девятый: с пастухами
Гнать на луг стада бараньи.
Вот десятый: быть влюбленным,
Жить в плену очарований.

39

Царь, пастух, влюбленный, нищий,
Пахарь, воин и купец,
Поп с крестом, искусный мастер
И прославленный мудрец -
Десять их. И я о каждом
Напишу тебе столбец,
Чтоб по склонности занятье
Мог ты выбрать под конец.

40

Должен милую влюбленный
Возлюбить с великой силой.
Почитать великим счастьем
Вечно следовать за милой,
Без нее любую радость
Должен он считать постылой,

За любовь пойти на муки,
Не ропща перед могилой.

41

Осторожным и бессонным
Должен быть, пастух-вожак.
Сторожит он бодро стадо.
Будь то холод, зной иль мрак.
"Жизнь отдать свою за паству
Добрый пастырь должен всяк", -
От зверей спаса незримых
И меня, сказавший так!

42

Царь обязан справедливым
Быть, как сказано когда-то,
Щедрым, мудрым, милосердным,
Строгим, грозным, если надо,
Должен, правя государством,
Он блюсти законы свято.
Символ пастырства, в деснице
Скипетр держит он из злата.

43

Нищий должен быть и скромн
И в речах своих учтив.
Всем он шлет благословенье,
Подаянье попросив.
Любит бог его, беднягу.
Он, как Иов, терпелив.
Горделивых бог не любит,
Но бедняк не горделив.

44

Пахарь или виноградарь,
Вековечный раб мотыг,
От восхода до заката
Спину гнуть свою привык.
Жарким потом истомленных,
Тень прельщает горемык,
Но они трудами кормят
И себя и всех владык.

45

Воин должен быть могучим,
Справедливым, юным, смелым.
Подчиняться господину
Должен духом он и телом.
Он любовь к своим собратьям
Доказать обязав делом
И бесстрашный бой с врагами
Почитать своим уделом.

46

Для купца торговля - прибыль.
Пить не должен он допьяна.
Он обязан, промышляя,
Жить на свете без обмана,
От мошеннических сделок
Сторониться неустанно,
Содержать весы и меру
В лучшем виде, без изъяна.

47

Поп не должен быть трусливым.
Пусть не скажет невзначай:
"Если где беда случилась -
Без меня пройдет пускай".
Поп умершего хоронит,
Провожает душу в рай.
Он нарушит свой обычай.

Если выпьет через край.

48

Мастер - муж благочестивый,
Я, Давид, пою о нем,
Счастлив труженик, который
Честным кормится трудом!
Виноградник изобильный -
Он с супругою вдвоем.
Дети мастера - оливы.
Украшающие дом.

49

Мудрый жить в миру обязан,
Словно муж-пустынножитель.
Обучать людей он должен,
Как наставник и учитель.
Если он дурным поступком
Осквернит свою обитель, -
За соблазн всего народа
Отвечает соблазнитель.

50

Вот все десять, о которых
Я сказать тебе хотел.
Облюбуй себе по вкусу,
Избери одно из дел.
Хочешь - будь бродягой-нищим
Иль трудись как земледел.
Не скажу ни слова больше.
Час ученья подоспел.

51

Как не гнется под рукою
Ветка ивы омертвелой,
Так же трудно обученью
Поддается престарелый.
С молодой лозою легче -
С ней что хочешь, то и делай.
Без труда детей обучит
Воспитатель их умелый.

52

Бог тебе, дитя, на помощь!
Ты мое послушай слово.
Отрекись навек от мрака
Для сияния дневного.
Обращать стопы к пороку
Непохвально и не ново.
Приглуши, юнец, вольнку,
Коль дудишь ты бестолково.

53

Своенравные порывы
Ты в самом себе сокрой.
Сладкий мед невоздержанья
Горькой станет лебедой.
Не прислушивайся к речи
Соблазнительной, дурной,
И тогда познаешь счастье,
Утешенье и покой.

54

Сыпать в чистые кувшины
Разный мусор не годится.
Нелегко их будет вымыть, -
Станешь охать и томиться.
Заскрежещешь ты зубами:
"Что наделал я, тупица!
Не послушал я Давида,
Не хотел добру учиться!"

55

Нужно отроку учиться,
Чтоб познать себя: откуда
Он пришел, куда стремится,
Где обязан жить покуда,
Чем воздаст тому, кто глине
Сообщает вид сосуда?
Как коню не оступиться,
Если он обуздан худо!

56

Юным отрокам и девам
Надлежит уметь молчать,
Не давать движеньям воли,
На устах носить печать,
Ни улыбкой, ни морганьем
Чувств своих не выдавать.
Тот, кто ближнего осудит,
Сам судимым может стать.

57

Не тверди: "Зачем ты учишь,
Если сам учился мало?
Трус, зачем ты восхваляешь
Доблесть храбрых, взмах кинжала?"
Нам невежество - погибель,
Вот премудрости начало.
Не томись, как я, от зноя,
В тень беги, коль жарко стало.

58

Соломон, мудрец великий
Возлюбив господне лоно,
Написал немало притчей
В книге божьего закона.
Но пришлось ему нарушить
Некий стих во время оно...
Не угодно, так не читайте,
Дети, даже Соломона.

59

Не учу я вас неправде,
Не хочу я людям зла.
Вот вам маленькая притча
Про подобные дела:
Видел я одну ослицу,
Не простой она была, -
Для себя ослят рожая,
Людам мула родила!

60

Мудрый лекарь распознает
Пульс больного в час недуга,
Но зовет других, как только
Самому придется туго.
Сам себе плохой я лекарь,
Вам же впрок моя услуга.
Для чего же безрассудно
Порицать за это друга?

61

Хоть и слеп я, - в этом мире
Есть незрячие вдвойне.
То, что старшим не скажу я,
Вам скажу наедине:
Коль пловец не в силах плавать,
Он потонет в глубине.
Лучше в детстве видеть розги,
Чем века гореть в огне!

О СНИСКАНИИ БЛАГА

62

Разум - это хлеб насущный,
Ибо служит нам питаньем.
Но, как соль нужна к обеду,
Так же нужен навик к знаниям.
О судьбе толкуют люди -
Мы хвалить ее не станем.
Даст судьба - отнимет глупость, -
Грош цена таким даяньям!

63

Мне судьба напоминает
Смену света и теней:
То погода, то ненастье,
То светлей нам, то темней.
То она сжигает злаки,
То гноит посев полей.
Нынче даст - отнимет завтра...
Как же мне поверить ей!

64

Как слепая великанша,
По земле она блуждает,
Шарит сослепая рукою,
Ищет мужа и вздыхает.
Тех, кто под руку попался,
Приподнимет, распознает,
Приглянувшись, так оставит,
Нет, так на землю кидает.

65

И еще сказать я должен
То, что выскажу сейчас.
Мудрецы судьбу слепую
Порицали много раз:
Нет ни радости, ни горя
Постоянного у нас.
Одарен лишь тот судьбою,
Кто, бессмертный, душу спас.

66

Блага, лучшего, чем разум,
Не открыто белым светом.
Но, коль ты ослеп от страсти,
Путь к нему тебе неведом.
Даже то, чего достиг ты,
Во грехе утратишь этом.
Коль добра себе желаешь,
По моим живи советам.

67

Страсть, безумцев ослепляя,
Днем назвать умеет ночь,
Труса делает отважным,
Чтобы к буйству был охоч.
Разум, как горох от стенки,
От нее отскочит прочь.
Ослепленный страстью гибнет,
И нельзя ему помочь.

68

Эпикур, философ древний,
Так об этом разумеет;
Одаренный от природы,
Духом муж не оскудеет.
Тот же, кто подвержен страсти,
Стать богатым не сумеет, -

Еле справившийся с малым,
Он за крупным гнаться смеет.
69

Человек, невольник страсти,
Воспротивившись уму,
Ничего вокруг не видит,
Что не нравится ему.
Ворох роз он растерзает,
Сорняков притащит тьму,
Изменив жене, блудницу
Не уступит никому.

70
И еще скажу: на свете
Есть глупцы такого склада,
Что за ладан почитают
Мерзость собственного смрада.
Сколько б зла ни, натворили -
Им не горе, не досада.
Им супруга - наказание,
А любовница - услада.

71
Ныне саду нашей жизни
Я хвалу свою воздам.
Я люблю его, с восторгом
Роз вдыхаю фимиам.
Но бежал я рощ священным,
Изменил я соловьям
И, внимая сказкам мира,
Стал я сказочником сам.

72
Тороплюсь начать сказанье
Я, рассказчик доброхотный,
Ибо клад, зарытый в землю, -
Клад никчемный и бесплодный.
Из деревьев наилучших
Сад развел я плодородный.
Не во вред пойдет, но в пользу
Урожай мой ежегодный.

73
Пусть же мне подскажет разум,
Как события перечесть:
Ведь коль многого захочешь,
Потеряешь то, что есть.
Отказаться от рассказа -
Не большая также честь.
Коль попал в табун пегасов,
Вслед за ними надо бресть.

БЕДЫ ГРУЗИИ

(Главы из поэмы)

Измена картлийцев и кахетинцев своим государям

143
Двух владык я именую,
Жизнь охватывая взглядом.
Отдаленные от корня,
Расцвели их ветви рядом.
Первый сыном был Давида,
За грехи людей распятым,
А второй на троне Картли
Наречен Вахангом Пятым.
144

То был царь - благотворитель
Сирой братьи неимущей,
Псалмопевец и ученый,
Гимны господу поющий.
Ветвь прославленного древа,
Что взросло обильной кущей,
Он прославился как пастырь,
Бодро стадо стерегущий.

145
Люди слушались Вахтанга,
Чтили царские дела.
Без царя и жизнь не в радость
Добродетельным была.
Но сошли они с дороги
И низверглись в омут зла, -
Надругались над стезею,
Что к спасению вела.

146
Недовольные владыкой,
Люди бросили служенье,
Знаки милости царевой
Позабыли в ослепленье.
До того дошли иные
В сатанинском заблужденье,
Что, разбив псалтырь Давида,
Прекратили песнопенье.

147
Завелась в войсках измена,
Непослушным стал народ, -
На словах Вахтанга хвалит,
А в душе его клянет.
Позабыли свет господень,
Сатане воздав почет.
Человек же, как известно,
Что посеет, то пожнет.

148
Царь послал людей достойных,
Не замешанных в расколе,
Чтоб к народу обратились
С изъявленьем царской воли:
"Уплатите все налоги
И со мной не ссорьтесь боле.
Время тяжкое настало,
Нет достатка поневоле.

149
Богоматерь учит: верьте
В посылающего манну!
Это он качать младенца
Выбрал деву невенчанну.
Это он Иоакима
Сделал дедом, бабкой - Анну,
Ради вашего спасенья
Я ему молиться стану!"

150
Не поверили грузины
Добродетельным словам,

И оглохли, и ослепли,
И в великий впали срам.
Пристрастились и монахи
К непохвальным их делам.
Ослабела добродетель,
Враг гнезвился тут и там.

151

Люди с мужественным сердцем,
Столь могучие доселе,
Добровольно отступили
И душою оробели.
Для насильников проклятых
Отворили цитадели
И, врага в страну впуская,
Защищать родных не смели.

152

Укротился пыл отважных,
И любви в сердцах не стало,
Чтоб осилить басурмана,
Больше силы не хватало.
Бросив близких и любимых,
Рать трусливая бежала.
Подрались между собою,
Подружились с кем попало.

153

И немало одержали
Наши недруги побед.
Стать хозяином нетрудно,
Коль нигде отпора нет.
Бросив жен, иные мужи
Повлеклись блудницам вслед,
Ибо вместо Иисуса
Стал им дорог Магомет.

154

Началась вражда, и люди
Осквернились словом бранным.
Появились спесь и зависть,
Не гнушались и обманом.
От разбойников не стало
Жизни бедным поселянам:
Вдов, сирот, детей невинных
Гнали в рабство к басурманам!

155

И творец, увидев это,
Наказал своих рабов:
Отнял он у них отчизну,
И пристанище, и кров.
Он сказал: "Хриstopродавцы!
Позабыв закон Христов,
Вы увидите крушенье
Всех земных своих основ!"

В о з м е з д и е б о ж и е з а г р е х и л ю д е й

156

Люди богу согрешили,
И была господня кара:
На две части расколосось
Небо в пламени пожара.
Грянул град, и виноградник
Содрогнулся от удара,
Саранча поля покрыла,
Ураган промчался яро.

157

Наступил великий голод,

Хлеб исчез на долгий срок.
Виноградари в кувшинах
Не хранили вина впрок.
Пашни стали маловаты
И удои коров убог,
Но никто не принял к сердцу
Этот тягостный урок.

158

И опять в грозе и буре
Были молнии и громы.
Росы высохли, и злаки
Стали кучами соломы.
Люди молча горевали,
С покаяньем незнакомым,
И на знаменья смотрели,
Как слепцы, полны истомы.

159

И невиданные звери
Появились в изобилье,
Пожирая как живущих,
Так и тех, кто был в могиле.
Ружья, луки и кинжалы
Их нисколько не страшили,
И отцы своих младенцев
Защищать не в силах были.

160

Эти звери обладали
Станным свойством: никогда,
Повстречав скотину в поле,
Ей не делали вреда.
Но когда, отчаясь, люди
Оставляли города,
Беглецов они душили,
Загрызая без труда.

161

Но народ не стал умнее.
И тогда великим мором
Поразило скот домашний.
Смерть грозила людям хворым.
От мечей неумолимых
Кровь лилась по косограм.
Все, что сказано Давидом,
Было божьим приговором.

162

В тысяча семьсот двадцатом
От рождения Христова
Весть о грешном человеке
Донеслась до всеблагого.
И поднялся враг с востока
И явился с юга снова,
Беды Картли и Кахети
Описать не в силах слово!

163

Перечислить беды Картли
Только мудрому по силам.
Стала плевелом пшеница -
Был огонь ей молотилом.
Десять душ один неверный
Убивал с великим пылом,
Там, где двое появлялись, -
Сто повертывались тылом.

164

Злой ингуш, черкес и турок,
Перс, дидоец и лезгин,

Чтоб хоть раз унижить Картли,
Выходили из теснин.
Вслед за тем возникла смута,
На грузина встал грузин.
От меча родного брата
Пал в сраженье не один.

165

Точно так же, как шальные
Петухи на поле бранном,
Что клюют друг другу гребни
В озлобленье постоянном,
А собака их обоих
Хвать! И горе им, буянам! -
Так и Картли и Кахети
В плен попали к басурманам.

166

Рассказать о том подробней
Не решаюсь я, родные.
Слишком много дел позорных
Обнаружу для страны я.
Люди добрые заплачут,
Позлорадствуют дурные.
Даже то, что здесь сказал я,
Мне в вину зачтут иные.

167

Коль солгу, какую пользу
Принесут мои сказанья?
Если ж буду я правдивым -
Ждать, за это мне изгнанья.
Смерть грехи не скроет наши,
И влекутся, по преданью,
За дурной душой - дурные,
Доброй - добрые деянья.

168

Как хорошее прославить,
Коль дурное не ругать?
Если зло во зло не ставить,
Что добром именовать?
Можно ль добрые поступки
У достойного отнять?
Чем оправдывать злодея,
Лучше мучеником стать!

169

Льстить в лицо, ругать заочно -
Добрым людям не годится.
Чем с неправдой жить на свете,
Лучше с правдой в небо взвиться.
Разве будет виноградарь
Жалким тернием гордиться?
Пусть погибнет плоть за правду,
Но душа возвеселится!

170

Говорить я буду правду,
Не глашатай я химере.
Недостойных не прославлю,
Не унижусь в лицемерье.
Пусть хоть голову снимают
С плеч моих - по крайней мере
Не сравню кого попало
С достославным Кахабери.

171

Из врачей лишь тот нам дорог,
Кто целит любой недуг,
А не тот, кто без лекарства

Уморит больных вокруг.
Только тот хорош хозяин,
Кто беречь умеет слуг,
А не тот, кто, безрассудный,
Погубить их может вдруг.
172

Обличителю нередко
Не прощают обличенья,
Но стране забвенья правды
Не приносит облегченья, -
Злоумышленники будут
Продолжать злоумышленья.
Выводите зло наружу,
Чтоб страшились искушенья!
173

Люди плутов порицают,
Чтобы вновь не плутовали,
Те же, кто им подражает, -
Призадумываться стали.
Нужно с самого рожденья
Все грехи отбросить дале,
А не то - нельзя избегнуть
Порицанья и печали.
174

Кто не хочет осужденья,
Должен злу сопротивляться.
На себя взглянуть полезней,
Чем в чужом белье копать.
Грех тому, кто над невинным
Начинает издеваться!
Порицать злодеев нужно,
Добрых нечего касаться.
175

Плохо то, что злые сами
Мастера чернить других.
Даже скромные наглеют,
Подражая сплетням их.
Но зерно, однако, сеют
На полях они плохих.
На земле у них - хоромы,
В небе - хижины у них.
176

Как бы смертный ни таился,
Язва вскрыется, конечно.
Скрыть болезнь никто не может,
Коль она терзает вечно.
Не сердись же, коль о язвах
Говорят чистосердечно,
Не хули чужие лица,
Коль свое безупречно.
177

Я болезнь свою скрываю,
Но она не хочет скрыться.
Замирает в муках сердце,
Беспокоит поясница.
Хорошо ли, если пахарь
С плугом в гору громоздится?
Грех тому, кто нас заставил
С нашей родиной проститься.
178

Некий пахарь своенравный
Плелся в гору за сохой,
А другой, на зло, под горку
Шел с кривою бороной.

"Сила горы одолеет", -
Уверял упрямец мой.
"Снова все с землей сравню", -
Отвечал ему второй.
179

Тот, кто действовать способен
С безрассудством столь нелепым,
Пусть меня не угощает
Дурно выращенным хлебом.
Кто убьет родного брата,
Зарубив в бою свирепом,
Пусть томится в преисподней,
Пусть ответит перед небом!
180

Почему ж ты слово правды

До сих пор не скажешь внятно?

Что не скажешь маловерам:

"Уходите безвозвратно!

Не давайте мне ни крошки

Из того, что вам приятно!

Коль не прав я, все убытки

Возмещу я семикратно".

181
А теперь оставим притчи.
Сядьте, люди, к очагу.
Всем, кто дома, кто за дверью,
Место в нашем есть кругу.
Вспомним мы родную землю -
У нее мы все в долгу:
В плен мы отдали отчизну
Ненавиственному врагу.
182

Что вспахали кахетинцы,
В гору двигаясь с сохой, -
Заравняли карталинцы
Кривобокой бороною.
И вцепились мы друг в друга,
И нагрянул враг с войною,
Придавив Кахети с Картли
Басурманскою пятою.
183

Вот к чему они приводят -
Безрассудные дела.
Что теперь Кахети, Картли?
Сожжены они дотла!
Где короны государей,
Украшенье их чела?
Горе мне! В пучине бедствий
Вся душа изнемогла.

Турки занимают Картли; Карталинский царь
уезжает в Россию

306
Жар Кахетии раздуло
Карталинским ураганом.
Коршун с коршуном сцепились

Над цыпленком бездыханным.
Но вблизи орел проснулся,
И приблизился к горланам,
И унес от них добычу.
Победив на поле бранном.
307

Эх, напрасно эти птицы
Не поладили тайком!
Тот бы ножкой поживился,
Этот - спинкой и крылом.
Зря позволили злодею
Завладеть своим добром!
Коль неправду говорю я,
Наградите тумаком.

308
Белена была Вахтангу
В эти дни вкусней нектара:
Он к султану обратился,
Не очнувшись от удара.
Двух строителей послал он
Заметать следы пожара:
Лицемера Иессея
И царевича Бекара.

309
Но строители ошиблись,
Не хватило им уменья,
Только Картли и Кахети
Обрекли на разоренье.
Не могли она воздвигнуть
Неприступного строенья,
Уступив врагу без боя
Все грузинские владенья.

310
Не смогли цари поладить, -
Зол был каждый и упрям,
Не умели присмотреться
К. государственным делам,
Крепко запертые двери
Лютым отперли врагам, -
Привели лезгинов кахи,
Карталинцы - турок к нам..

311
Лишь проведаль царь Кахети,
Что горами и долиной
Турки движутся к столице
Напрямик, как рой осиный, -
Он признал себя бессильным
Перед вражеской дружиной.
Сдал ключи он сераскиру
И пришел к нему с повинной.

312
И вошли в Тбилиси, турки,
Увидав, что нет запрета.
Иессей поладил с ними -
Был он веры Магомета.
Царь Вахтанг ушел в Россию
Через Рачу в то же лето.
Что случилось с ним в России,
Я еще скажу про это.

313
В горы к пшавам и хевсурам
Удалился Константин.
Разместилось близ Тваливи
Беглых множество грузин.

Но ни жать не мог, ни сеять
В этом месте ни один, -
Что имели, то проели
И бедняк и господин.
314

Невтерпеж несчастным кахам
Становилось это горе.
Поклялись они друг другу
Отомстить турецкой своре:
"Проведем подкоп секретный
И ворвемся в крепость Гори!"
Царь решился, и запели
Боевые трубы вскоре.
315

Иессей, узнав, что в Гори
Мчатся кахи по лесам,
Во главе отряда турок
Из Тбилиси вышел сам.
Грянул бой. И кровь людская,
Щедро пролитая там,
Жернова вертеть могла бы,
Коль текла б по желобам!
316

От рассказов этих горьких
И в гортани горько стало!
Зедавельская долина
Ополчений не вмещала.
Атакуя войско турок,
Одолели мы сначала,
Но потом разбиты были:
Нас измена доконала.
317

Страшный день! Отряды турок
Проливали кровь невинных,
Обезглавливали женщин,
Чернецов, простолюдинов.
Наши головы возили
На арбах, в больших корзинах.
Мертвецов не хоронили, -
Грызли волки их в долинах.

Пленение Давида Гурамишвили лезгинами

318
Очевидцу дней печальных
Тяжко длить повествованье!
Нелегко даются людям
Эти горькие признанья.
Все мы грешники. Во мраке
Нет нам вешнего сиянья.
Растеряв, мы снова ищем
Нашей жизни достоянье.
319

Наше зло перетянуло
На весах добра и зла.
Бог воздал нам, недостойным.
За греховные дела.
Потому и дань неверным
Разорительной была
И исчез последний хлебец
Вместе с солью со стола.
320

Колесо судьбы обратно
Стало с этих дней вращаться,
Зацепило карталинцев,

Кахов вынудило сдаться.
Петухов шакалы съели -
Курам некуда деваться:
Только ястребы напали,
Стали в ужасе метаться.
321

И руинами покрылась
Благодатная страна.
Всех в неволю уводили.
Кто не спасся дотемна.
Стали бабами мужчины,
Устрашила их война.
И никто не мог лелеять
Картли в эти времена.
322

Константин не спасся тоже.
Он отрекся без возврата
Для турецкой волчьей шкуры
От персидского халата.
Хоть и сдался добровольно
Он на милость супостата,
Но покончил дни на плахе
От руки чужого ката.
323

И причина этих бедствий -
Только наш раздор один!
Турок стал владыкой Картли,
Кахов вытеснил лезгин.
Кровь родная затопила
Дно ущелий и долин,
Всюду смрад стоял от трупов
Обезглавленных грузин.
324

Был и я когда-то князем,
Жил в селе Горис - Убани.
Там в шелках мои невестки
Щеголяли на гуляньи.
Но судьбою был заброшен
Я на север от Кубани.
Горе мне! О, кто б со мною
Разделил мои стенанья!
325

Расскажу я, как лезгины
Ловко мною овладели.
Разоренный край покинув,
В Ксанском скрылся я ущелье.
В Ламискана жил мой родич,
У него я был при деле:
Наблюдал я за жнецами,
Ибо жатвы дни приспели.
326

Раз, велев быка зарезать
Нашим людям на обед,
Я и два моих подручных
Вышли на поле чуть свет.
Нас заметили лезгины
И пошли за мной вослед:
Было видно им с Иртозы,
Что жнецов на поле нет.
327

Рядом тек ручей прохладный
Лес вокруг стоял стеною.
Человек пятнадцать пеших
Там охотилось за мною.

Прислонил я саблю к дубу
И ружье, что взял с собою.
И пошел, себе на горе,
Освежить лицо водою.

328

Тут меня они схватили,
Руки-ноги мне связали,
По тропинкам, по трущобам
За сто гор меня угнали.
Проливал я слез потоки,
Изнывал я от печали.
Ел, давясь, баранье сало,
Пил отвар из-под хинкали.

328

Не о том я убивался,
Что бараний ел курдюк, -
Лишь была бы сытной пища
И ие кончилась бы вдруг! -
Тяжко было, что лезгины
Не снимали путы с рук.
Горе мне! Зачем не умер
Я от горьких этих мук!

330

С той поры меня держали
Как прислужника простого:
Не давали ни одежды,
Ни питания, ни крова.
Все продать меня хотели,
Их холопа дарового.
Я бежал, меня поймали,
За побег побили снова.

331

Как я был в плену лезгинском
Бесконечно одинок!
Безоружному, больному,
Мне помочь никто не мог.
И вознес мольбу я к богу,
И меня услышал бог:
Снова я бежал из плена,
Подходящий выбрав срок.

П о б е г Д а в и д а и з п л е н а

405

Бил во мне источник жизни -
Полный влаги желобок.
Ныне там, где был источник,
Хлынул слез моих поток.
Я молил о провожатом,
Чтоб его послал мне бог,
Чтоб враждебную границу
Перейти я, грешный, мог.

406

И пошел я в край далекий,
Где хотел найти спасенье.
Сердце плакало; слезами
Затуманивалось зренье.
Уж не думал я, что сердце
Это выдержит томленье.
Потерял я вас, родные!
Нет мне боле утешенья!

407

Путь на север по светилам
Находил я неустанно;
Семь планет проводниками

Мне служили постоянно.
Так достиг горы я голой
Посредине Дагестана,
И немало претерпел я
В том краю от урагана.
408

Засвистел внезапно ветер,
Застучал о камни град.
Ослепляя взор огнями,
Били молнии подряд.
Негде было мне укрыться,
И, блуждая наугад,
Обмотал тряпьем я темя.
И упал, тоской объят.
409

Я лежал ничком, и сердце
Мне сказало, маловеру:
"Поищи от бури крова
И не мучайся чрез меру".
Я пошел и в блеске молний
Вдруг наткнулся на пещеру.
И она мне показалась
Подходящей по размеру.
410

Я в пещере той укрылся
И возрадовался снова:
Сам господь послал мне милость.
Не лишил в ненастье крова.
Он укрыл меня от града,
Защитил от ветра злого.
Не утратившему веры
Бог не сделает худого.
411

Ты один спасаешь, боже.
Заблудившихся в пути!
Без тебя дороги верной
Никому не обрести.
Я лежал, глаза зажмурился,
Но велел ты мне идти, -
И пошел и отыскал я
То, что должен был найти.
412

Град прошел, и мрак пещеры
Я оставил для скитанья
И восславил в сердце бога
За его благодеянья.
Не силен я был в молитвах
Без священного писанья.
"Сохрани, помилуй, боже!" -
Говорил я сквозь рыданья.

В ы х о д и з п л е н а в Р о с с и ю

449
Ночь прошла. Никто не гнался,
Чтоб настигнуть беглеца.
Истомленный и неспавший,
Снова шел я без конца.
И в дороге пропитанье
Мне досталось от творца:
Я нашел кусок арбуза,
Два отличных огурца.
450

Но когда, склонясь к реке, я
Обмывал арбуз от пыли,

Из-за пазухи упали
Огурцы и прочь поплыли.
И до слез я огорчился,
Что поймать их был не в силе:
Мне дороже ста червонцев
Огурцы в то время были!

451

Понесло их в даль теченьем,
Я за ними вслед погнался.
Чуть в реке не потонул я,
Но, увы, ни с чем остался.
И немало я на бога,
Неразумный, обижался:
"Коль ты дал, зачем ты отнял
И над нищим надругался?"

452

Все живое процветает
По твоей лишь благостыне, -
Отчего ж забыл ты, боже,
О своем голодном сыне?
Коль послал ему ты пищу
Здесь, в неведомой пустыне,
Почему обратно отнял
То, чем он владел отныне?"

453

Спохватившись, со слезами
Снова бога я молил,
Чтобы он мои упреки
Неразумные простил.
Пережить любую кару
Был готов я, слаб и хил,
Но, увы, идти голодным
Не имел я больше сил.

454

Я роптал: "Неужто голод
Омрачил мое сознание?
Но ведь душу укрепляют
Долгий пост и покаяние.
Предающиеся пьянству
Не достойны ль порицания?
Вслед за плотью губят душу
Роскошь и невоздержанье".

455

Так, я шел и горько плакал,
Тяжкой думою объят.
С покаянною молитвой
Брел вперед я наугад.
Вдруг возник передо мною
Плодоносный дивный сад.
Где сплошной зеленой чашей
Персик рос и виноград.

458

И нагнулся, и пролез я
В виноградник тот цветущий,
И наелся винограда,
Притаясь под темной кущей.
"Ах, зачем роптал на бога
Я, скиталец неимуший? "
Почему не положился
На тебя я, всемогущий?"

467

Огурцы ты отнял, боже -
Счел себя я страсотерпцем,
И хулить тебя я начал,

Согрешив умом и сердцем.
Ты ж простил грехи мне эти
И привел к единоверцам,
Хоть набить мне надлежало
Рот за это горьким перцам!
458

Как могу я, боже правый,
Похвалу тебе воздать
За великие щедроты,
За святую благодать?
Темен я, - псалмы Давида
Не умею распевать.
Не взыщи за то, что грешен
Пред тобою я опять.
462

Сделай так, чтоб стали песней
Плач мой горький и томленья.
Мне, зловонному сосуду.
Средство дай для очищенья.
Сердце, разум мой и душу
Сохрани от прегрешенья,
Укрепи своею силой,
Не ввергай во искушенье!.
463

Внял господь моим стенаньям
И мольбе немногословной -
И послал успокоенье
Он душе моей греховной:
Вместо голоса тревоги
Я услышал глас духовный, -
До ушей моих донесся
Дальний благовест церковный.
464

О, как сердце задрожало,
Услыхав церковный звон!
Я вскочил и оглянулся -
И отпрянул, поражен:
Люди истово крестились
Возле церкви у окон.
Вот оно, мое спасенье!
Кончен вражеский полон!
465

Возместил мне бог сторицей
Все, чего лишил когда-то!
Как безумное, стучало
Сердце, радостью объято,
И рассыпал изо рта я
Там немало винограда,
И бежать хотел я к людям
Из приветливого сада.
466

Тут внимательней взглянул я
На неведомых людей, -
Кички женщин поднимались,
Словно рожки у чертей.
Испугался я, несчастный,
Новых дьявольских затей
И решил бежать отсюда
И других искать путей.
467

Я набрал плодов в дорогу,
Чтоб не мыкать горькой доли, -
Часть за пазуху засунул,
Часть узлом связал в подоле.

И до сумерек в саду я
Затаился поневоле:
Днем, погони опасаясь,
Не посмел я выйти в поле.
468

Возвратившись на дорогу,
Снова я залег в тростник,
Но врагу не пожелаю
Новых горестей моих:
Комаров взметнулась туча
Надо мною в тот же миг,
И закрылся я руками,
Задыхаясь в гуще их.
469

И сказал я, комарами
Доведен до исступленья:
"Ухожу я, кто б там ни был,
Больше нет во мне терпенья!"
И вскочил и быстрым шагом
Устремился я в селенье.
И гумно, где молотили.
Я заметил в отдаленье.
470

Словно званый гость, внезапно
На гумне я появился.
Окружив меня толпою,
На меня народ дивился.
У любого под рубахой
Крестик маленький светился.
Медный крестик лобызая,
Трижды я перекрестился.
471

"Лазарь, дай-ка парню хлеба!" -

Кто-то, сжалившись, сказал.

Слово "хлеб" заслышав ухом,

Я, как лист, затрепетал,

Закачался на ногах я,

Пошатнулся, застонал

И, как рухнувшее зданье,

Обессиленный упал.

472
Слово "хлеб" я знал по-русски,
Слышал я его и ране.
Услыхав его, я понял,
Что на русской я окраине.
И душа, забыв о муке,
Погрузилась в ликование,
И, как сноп, я там на землю
Повалился без сознания.
473

Был казак в селенье этом,
Мне ниспосланный судьбою.
Как родной отец за сыном,
Он ухаживал за мною.
Обнял он меня с любовью,
Оросил мне грудь слезою,

Толмача Январу-пшава
Разыскал, привел с собою.
474

Повезли меня за речку,
В храм господень привели.
Дали мне святым иконам
Поклониться до земли.
К старшине потом позвали,
Расспросили, как могли:
Кто такой, зачем скитаюсь
От отечества вдали.

475
Расскажу теперь я вкратце,
Как я с Терекон расстался.
Прибыл я в Сулак сначала,
В Астрахань потом подался.
С Волги я к царю Вахтангу
До Москвы с трудом добрался.
Царь с царевичем Бекаром
Там у русских укрывался.

476
Был начальником я сделан
У Вахтанга в арсенале.
Дай вам боже справить пасху
Так, как мы ее справляли!
Состязались в пенье, в пляске,
Вирши взапуски писали,
Под веселый звон цимбалов
До рассвета пировали.

477
Виршеплет Джавахишвили
Там соперником мне стал.
Словно деревце кривое,
Был тщедушен он и мал.
Каждый стих мой, как репейник,
В хвост бедняге попадал,
И не раз, пища в досаде,
Шапку наземь он кидал.

Кончина царя Вахтанга. Грузинские князья и
дворяне переходят на службу к русской царице
567

Знайте все, что мир мгновенный,
Полный лживыми делами,
Даже ясный свет светила
Закрывает облаками.
Были нашему владыке
Мы послушными рабами.
Как детьми, наш царь великий
Милосердно правил нами.

568
Отнял мир у нас Вахтанга,
Омрачил наш долгий путь,
Впредь велел платить с лихвою,
Коль попросим что-нибудь.
И пришлось нам без владыки
Горя досыта хлебнуть.
Только вспомню я об этом,
Вся огнем пылает грудь!

569
Горе! Столп какой свалился!
Пал какой чертог чудесный!
Радость горем обернулась,
Скорбью стала повсеместной.

Царь, детей своих покинув,
Опочил в могиле тесной.
Крепче стой, хоть ты не рухни,
Голубой шатер небесный!
570

Умер царь, и нам, грузинам,
Нелегка была утрата.
Тьмой подернулся ночью
Свет, снявший нам когда-то.
С перебитыми крылами
Заметались мы, орлята,
Запищали безнадежно,
Как без курицы цыплята.
571

И сказали россияне:
"Ведомо, грузины, вам,
Что господь не позволяет
Поклоняться двум богам.
Иль обратно уходите,
Или здесь служите нам.
Бесполезно предаваться
Сокрушенью и слезам.
572

Двадцать с лишком лет гостями
Вы не можете считаться.
Коль на службу не пойдете,
Вам прокорму не набраться.
Будет стол у вас обилен,
Коль решите оставаться,
Если ж нет - настало время
Вам в дорогу собираться".
573

И завет царя Вахтанга
Мы, грузины, позабыли:
Не спросились у Бакара,
Своевольно поступили.
Мы пошли по тем дорогам,
Что всего опасней были.
Кто оттуда жив вернется -
Предсказать никто не в силе.
574

Кахетинцы и картлийцы
Поклялись, что с этих пор
Будут жить они, как братья,
Всем врагам наперекор,
Что делиться будут хлебом
Без размолвок и без ссор.
Я со всеми вместе клялся
Помнить этот уговор.
575

Дав друг другу обещанье
Жить по-братски и трудиться,
К государыне решили
Мы с прошеньем обратиться:
"Всех нас в подданство прими ты
И пошли с врагами биться".
Прочитав прошенье наше,
Нас одобрила царица.
576

И тотчас она велела
Нас причислить к россиянам,
Дать князьям по тридцать дымов
И по десять - всем дворянам;
Если этого не хватит,

То прибавить счетом равным
Всем еще по десять дымов,
Чтобы домом жить исправным.

577

Зависть мудрому решенью
Воспротивилась тотчас:
"Сталь тверда, железо мягко, -
Как равнять возможно нас?"
Двор узнал о нашей распре
И другой послал указ:
Только то у нас осталось,
Что нам дали в первый раз.

578

И лишь те отвергли зависть,
В ком была ума частица,
На конях они поспешно
Прочь хотели удалиться.
У меня был конь неважный,
Я не смог нигде укрыться.
Подскочив, кривую саблю
Надо мной завес убийца.

579

Умертвила злая зависть
Тетию Орбелиани
И Адама Цицишвили
Обрекла на поруганье.
Пострадав от лютой злобы,
Очутился я в капкане,
И с тех пор живу без цели,
Голова моя в тумане.

580

Эта бешеная зависть
Принесла нам бед немало:
Старших саблей зарубила,
Младших насмерть растоптала.
Мой очаг она спалила,
Кров последний отобрала.
И вошла тоска мне в сердце,
Как отравленное жало.

581

Тайный недруг мой вначале,
Неприметен людям был,
Но внезапно проявилось.
В нем немало скрытых сил.
Поедая много мяса,
Он костями нас кормил.
Древо пышное срубил он,
Сучковатое взрастил.

582

Добрых сделал он дурными,
Все разбил, что было свято.
Сам слепой, он перепутал
Все дороги для собрата.
Медный сплав с тех пор цениться
Стал у нас дороже злата.
Взыщет бог за все дурное,
Что он сделал мне когда-то!

583

Я в те дни козлу поверил,
Как ягненок несмышленный,
И внезапно я очнулся,
Над обрывом вознесенный.
Враг сказал мне: "Перепрыгни!
Там за кручей луг зеленый! "

Не сумел я перепрыгнуть
И свалился в ров бездонный.
584

Я от пастыря отбил
И свернул на ложный путь.
Тех, кто сам себя утратил,
Уж найдет ли кто-нибудь!
Человеческая жадность
Мир не в силах обмануть
Псы теперь на мой достаток
Могут смело посягнуть!

585
Неразумным и плачевным
Был глупца полет бескрылый!
Еле выбравшись из ямы,
Снова я свалился, хилый.
Уж не свидеться мне с вами,
Мать, отец и брат мой милый!
И с тобой, сестра, быть может,
Встречусь только за могилой.

586
Вот наш перечень служебный -
Что случилось с нами дале:
Мы в семьсот тридцать девятом
С Хотина врата сорвали,
Фридрихсговенские сваи
В сорок мы втором сжигали,
В пятьдесят седьмом успешно
Трон пруссаков потрясали.

587
В пятьдесят восьмом пруссаки
Нас погнали на восток.
От своих я оторвался
И остался одинок.
В Магдебургской цитадели
Был я заперт на замок
И, лишь вырвавшись из плена,
Снова просо сеять мог.

588
Много проса получил я,
Да не смог отвесть мчади:
Мне в другое ехать место
Было велено без клади.
И опять мое селенье
Я покинул службы ради
И утечи дней минувших
Навсегда оставил сзади.

ЗУБОВКА

На мотив русской песни "Казак-душа правдивая"

1

Я из Зубовки однажды к дому возвращался
И с красоткой чернобровой в поле повстречался.
На лице ее прекрасном родинка чернела.
Красота ее внезапно сердцем овладела!

2

Я спросил ее: - О солнце, держишь путь куда ты?
Из какого ты селенья, из какой ты хаты?
Я узрел тебя, и сердце стало словно камень,
Окропи меня водою, жжет меня твой пламень!

3

Осерчав, она сказала: - Грех тебе, злодею!
Как просить ты смеешь, чтобы стала я твоею!

С соловьем любиться розе, не с тобой, вороной! -
Слыша это, я заплакал, в сердце уязвленный.

4

И она сказала снова: - Прочь, отстань, прошу я!
Не хочу тебя, другому здесь принадлежу я.
Мой супруг тебя красивой, мужественней с виду. -
Обезумел я, почувяв горькую обиду.

5

А она: - Ни слова больше! Отцепись, проклятый! -
И ударила, ругая, палкой суковатой.
Покачнулся и упал я, потеряв сознание,
И она передо мною встала, как сиянье,

6

Пожалела, наклонилась и взяла за руку:
- И за что ты, неразумный, принимаешь муку? -
Я сказал: - Из-за тебя я разума лишился,
Необласканный тобою, с жизнью распростился!

7

И красавица с улыбкой ласково сказала:
- Если нас с тобой увидят, худо бы не стало.
Встань, пойдем, пора вернуться каждому до дому,
Будешь здесь, так снова выйду я к тебе, дурному.

8

И ушла она, пропала, чудо черноброво,
Лишь оставила на память ласковое слово
С той поры я, раб влюбленный, все гляжу на поле,
Лишь пришла бы, ничего я не желаю боле.

9

"Я приду", - она сказала. Полный ожиданья,
Не могу в тоске по милой я сдержатъ рыданья. В час кончины одинокой не она, так кто же Дверь в
загробное селенье мне откроет, боже?

10

Послужить моей любимой жажду я, унылый.
Переполненное сердце вечно жаждет милой.
У нее в руках, я знаю, чтобы жил и впредь я,
Есть и хлеб существованья и вода бессмертья.

11

Дай мне, боже, только ею жить в години эти!
Разве есть еще другая, лучшая, на свете?
За меня она, я знаю, вытерпела муки,
Вижу лик ее обмерший, связанные руки.

12

Где теперь ты, дорогая? Отзовись скорее!
Ты была мне в целом мире всех людей роднее.
Я в аду тебя не вижу, ты в стране господней,
Так возьми ж меня с собою прочь из преисподней!

Я в аду тебя не вижу, ты в стране господней,
Так возьми ж меня с собою прочь из преисподней!
Так возьми ж меня с собою прочь из преисподн

ПЛАЧ ДАВИДА О МГНОВЕННОМ МИРЕ

1

Плачу и рыдаю, сердцем унываю,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Плачу о себе я, о своей судьбе я,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Дух мой отлетает, тело покидает,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Что же я томился, в мир зачем явился?
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

2

Был рожден я в горе, дом утратил вскоре,

О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Из родного дому отдан был другому,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Плакал я, голодный, в муке безысходной,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Нрав твой без труда я понял, голодая,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

3

Лишь тебя достиг я, вмиг тебя постиг я,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Были мне готовы сети и оковы,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Увидел свой путь я и ударил в грудь я,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Горько зарыдал я и к тебе воззвал я:
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

4

Худо ты устроен, жалости достоин,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Горек ты и вреден, радостями беден,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Горе да утраты, вот лишь чем богат ты,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Злобный и порочный, ты - как тать полночный,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

652

Те глупцы, что миру верят, как кумиру,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Сроду между нами ходят сиротами,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Ты в грехах и сквернах губишь легковерных,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
И ведешь убогой ложною дорогой,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

6

Плачу я, рыдаю, ибо лжив ты, знаю,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Ибо вверг меня ты в горе и утраты,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Обречен тобой я и лишен покоя,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Светоч жизни брэнной, ты грозишь изменой,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

7

С самого рожденья стоишь ты презренья.
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
От земли до тверди все подвластно смерти,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Как ягненок зверю, я тебе не верю,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Обернувшись другом, ты сразишь недугом,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

8

За свои несчастья рад тебя проклясть я,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Влек меня ты к разным горестным соблазнам,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Все, что мне дарил ты, чем меня кормил ты,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Я вкушал с весельем и - отравлен зельем,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

9

Радуясь, горя, миру говорю я:
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Мрак ты мне являешь, свет мне заслоняешь,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Стоит ли дивиться, что в тебе творится,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Лживый и смердящий, скоропреходящий,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

10

Я тебя увидел и возненавидел,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Вкрадчивый, коварный, пес неблагодарный,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Кто с тобой столкнется, под ярмом согнется,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Под тяжелой ношей упадет прохожий,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

11

Солнце за луною всходит над землею,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
За крупицу счастья - целый день ненастья,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Стражду я от зноя, от мороза - вдвое,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Ты в жару и в стужу губишь плоть и душу,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

12

Потому я ныне вопию в пустыне,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Что твои деянья выше пониманья,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Что зимой, что летом - худо в мире этом,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Где искать мне крова от тебя, дурного,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

13

Ты мольбы не слушал, мой очаг разрушил,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Ты мой сад плодовый снес рукой суровой,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Нет отца на свете, мать забыли дети,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Я, их брат родимый, прочь бежал, гонимый,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

14

Только возмужал я, разум потерял я,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Красотой прельстился, без ума влюбился,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
И попал в беду я, и постиг нужду я,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Вот и воздаянье за мое деянье,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

15

По твоим советам жил я в мире этом,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Сладкое для взора брал я без разбора,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Сам меня толкнул ты, сам и обманул ты,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Дни утехи любви, да разбиты зубы.
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

16

Коль терзал ты тело, так наставь на дело,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Коль сразил недугом, дай пожить хоть с другом,

О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Светлою отрадой бедного порадуй,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Дай мне друга видеть, не стремись обидеть,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

17

Зол ты и опасен, груб и безобразен,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Все твои творенья ждет уничтоженье,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Вот мой враг стучится, сместь меня грозитя,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Это смерть с подъятым близится булатом,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

18

Если ты есть бденье, что есть сновиденье?
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Если ты - питанье, что есть голоданье?
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Коль ты - жизнь земная, что есть смерть людская?
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Избери ж: любое, то или другое,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

19

Все, о чем я мыслил, здесь я перечислил,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Завтра иль сегодня быть мне в преисподней,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
От врага бегу я, скрыться не могу я,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Смерть спешит за мною с острою косою,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

20

О, цветник изрытый, наглухо закрытый,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Дикий сад, в котором все покрыто сором,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Дал ты мне во вьюгу вшивую дерюгу,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Запеленут ею, я окаменею,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

21

Вот твое желанье и твое даянье,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Твой обед и ужин, что к поминкам нужен,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Хоть длинна дорога, ты даешь немного,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Но и эта пища ради братья нищей,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

22

В час, когда умру я и душа, горюя,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Досягнет из тела горнего предела,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
С бедною поклажей в руки божьих стражей,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Передашь ее ты. Вот твои щедроты,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

23

Взднут цепь на шею, и предстану с нею,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
С цепью зол несчетных на суде бесплотных,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Взвешают, все земное, доброе и злое,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Злое перетянет - дух в геенну канет,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

ЗАВЕЩАНИЕ ДАВИДА ГУРАМИШВИЛИ

1

Не хочу я больше лиры и свирели,
Уж не в силах петь я, как я пел доселе.
Повернулся лживый мир ко мне спиною.
Ничего мне не дал, что сулил весной.

2

Не простил грехов мне он в великом гневе,
Исушил мне корни, листья сжег на древе.
Стал я одинокий, сирый, нелюдимый,
Ближними забытый, брошенный любимой.

3

Сердце словно уголь стало от печали,
Волосы густые с головы упали,
Сморщились ланиты, словно плод печеный,
И поник я долу, скорбью удрученный.

4

Овладели телом немощи и хвори,
На больное сердце навалилось горе.
С обнаженной саблей смерть ко мне стучится,
Острою косою смель меня грозитя.

5

Слушайте же, люди, верящие в бога,
Те, кто. соблюдает заповеди строго:
В день, когда пред вами мертвый я предстану,
Помяните миром душу бездыханну.

6

Те, пред кем я грешен, мне мой грех простите,
Горечи и злобы в мыслях не таите:
Не смогу ничем я больше вас обидеть,
Онемел язык мой, взор не может видеть.

7

Если бы и стали спорить вы со мною,
Все равно уста я больше не открою:
Глух я и безжизнен, нет во мне дыханья,
Истребил создатель сам свое созданье.

8

На одре кончины, устремленный к богу,
Ничего с собой я не беру в дорогу,
Ничего теперь мне, грешному, не надо -
Ни бахчи, ни дома, ни парчи, ни сада.

9

Боже, мой создатель, милостивым буди!
Об одном молю вас, праведные люди:
Три доски на гроб мне сбейте, остругайте,
Только позолотой гроб не украшайте.

10

Не трудитесь красить, сколотите просто,
Чтоб вести полегче было до погоста.
Не бросайте денег ради позолоты,
Лучше их оставьте на свои заботы:
Бесполезны гробу ваши украшения,
Мать - земля поглотит их в одно мгновенье.

11

Тот же, кто добра мне истинно желает,
Пусть душе поможет тем, чем подобает,
Пусть ее проводит он с посильным даром,
Чтоб она за гробом не пропала даром.

12

Вот что ей, убогой, будет во спасенье:
Служба и молитва, ладан и каждение,
Пища для голодных, платье для холодных,
Чтоб никто не грабил бедных и безродных.

13

Мне же не помогут вопли и рыдания,
Не вернут мне жизни горькие стенанья.
Скорбные одежды - что они Давиду?
Лучше заплатите в храм за панихиду.

14

Горе мне, больному! Если что случится,
Нет попа о дарами, чтобы приобщиться.
Кто меня помянет в церкви за обедней?
Кто меня проводит в дальний путь последний?

15

Одинок я в мире: не дал бог мне сына,
Чтоб затеплить свечку дома в день помина,
Чтоб поминки справить обо мне, убогом...
Вот как я унижен всемогущим богом!

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

1

Святитель Иоанн в Кахети, в Зедазени,
Заставил слезы течь из стен церковной сени.
Есть, в Картли некий храм, где Шио, наш отец,
Являет чудеса для страждущих сердец.

2

При этих двух церквах имел я по гробнице,
Чтобы в одной из них почить с крестом в деснице,
И каждый этот склеп был выложен из плит,
Оградой окружен и крышей перекрыт.

3

И вот взгляни теперь, случайный посетитель,
Где я нашел свою последнюю обитель!
Здесь тленью предан я, а где душа моя,
Куда она ушла, не понимаю я.

4

И как со мною мир коварен был безмерно,
Так, верно, и тебя обманет лицемерно.
Не осуждай меня, утратившего плоть,
И да простит тебе грехи твои господь!

Т Е Й М У Р А З 11

ПРЕНИЯ ДНЯ И НОЧИ

(Отрывок)

Р а с с к а з д н я

437

Время дневное украсят шутки, пиры и охота,
Хохот звучит и напевы, всем веселиться охота.
Льются дары песнопевцам, - царская эта забота,
Видят вельможи: обильна царского трона щедрота.

438

Пьют из бассейна, фонтанов струи подобны топазам.
Алчного гонят со смехом: "как бы не выпил все разом".
Счастлив сидящий близ трона, царскому внемля указам.
Будет осыпан дарами, счета не будет абазам.

439

Тут музыканты друг другу вторят пленительным ладом.
Плачут, играя: их память мчится к любовным усладам.
Люди пред ними танцуют, юноши с девами рядом.
И акробаты на кровле пестрым прельщают нарядом.

440

Тут и борцы удивляют люд своих мускулов ковкой.
Если равна у них сила, спорят - кто более ловкий.
Много забавников прочих. Видим - в спокойной сноровке.
Удаль, веселье, издевка тех, что скользят по веревке.

441

Днем и по саду гуляют благоуханной весною.
Розой любуются алой, скрытой листвы глубиною,
Да и другими цветами, - розой ли только одною?
И соловей всех пленяет песней любовной, шальнойю.

442

Люди цветы собирают; розы смыкаются в связки.
Плачет над розой влюбленный, грезя о сладостной ласке.
Розу к любимой пошлет он тайно: боится огласки.
Ночь! Что ты скажешь? Ты знаешь только ведь грустные сказки.

Р а с с к а з н о ч и

443

День! И меня ты послушай в чванстве надменном и строгом.
Хвалишь дневные утехи слишком напыщенным слогом.
Скольким пирам только ночью должно греметь по чертогам.
Сколько досугов полночных, мудро назначенных богом!

444

Данное господом богом, таинство наше седьмое, -
Юноши с девой венчанье - ночи деянье прямое.
В хлопотах светлых родные: грусти сняла с них ярмо я.
В песнях, их радость исходит, счастье у них не немое.

445

Учит обычай: невесте дар, вам доступный, дарите.
Пусть на подносе предбрачном жемчуга светятся нити.
В жемчуг невесту оденьте, дав ей удар по ланите,
Так же ей сласти подайте, этим ее полоните.

ПОВЕСТЬ ОБ ОБЩЕЙ ТРАПЕЗЕ

Р а с с к а з н о ч и

446

Зятя на пир приглашают, - пир перед свадьбою скорой.
К деве спешат, наряжают, дабы разжечь его взоры.
Все мастера притираний, все, кто умеет узором
Лик облекать, - возлагают жемчуг, алмазы, уборы.

447

Деву в трапезную вводят, все говорят о невесте.
Дева красива, - и шепчут: "Прелесть волос ее - взвесьте".
Села невеста. Все сели. Все застывают на месте.
Юношу вводят; все видят - этой достоин он чести.

448

Юноша против невесты сядет, согласно обрядам.
Он уж при входе с невестой быстрым обменяется взглядом.
Девушке вовсе не мило то, что сидит с ним не рядом.
Подали яства; застольным надо предаться усладам.

449

Тут и начнется веселье! В чашах качаются вина.
Юноша с пира уходит, - будто на то есть причина.
Бродит по саду. Вернулся. Поняли: в сердце кручина.
Встанет сидевший близ девы - женщина или мужчина.

450

Юношу к деве подводят; он благодарен за это.
Благо сбылось: месяц рядом с солнцем, с источником света.

Молча сидит он и смотрит, взор его полон привета.
За руку взял ее тихо; грудь его счастьем согрета.
451

Новым кольцом заблестела белая эта лилея.
Яблоко ей на колени бросили, шутку затея.
Плод она сбросит ладонью, шутке сердись и робея,
После опять его примет - то ли в сердцах, то ли млея.
452

Вот уже праздник в разгаре, винам уж нету преграды,
Сладко звенят музыканты, сладко воркуют рулады.
Слушать стихи величанья юноша с девушкой рады.
С хохотом клонятся к зятю, шуток струятся каскады.
453

Молвят: "Не смотришь на деву, - или испорчено зренье?
Что вам стыдиться сегодня? Стыд ваш - родным оскорбленье.
Лишь отплати нам с лихвою, - мы же даем разрешение".
Юный, смеляя, целует деву, - и весь он - томленье.
454

Это увидя, ликуют; хохот проносится всюду,
И для вина все желают видеть большую посуду.
В чашу жених опускает черных волос ее груди.
Выпив, платком вытирает кудри, подобные чуду.
455

Сколько при этом обряде разных звучит песнопений!
Юноша множит усладу сладостных прикосновений.
И до утра еще много встретится увеселений.
С ней он платком обменялся; сладость в подобном обмене.
456

Вот им платок поцелован; время - и в спальню он вышел,
Утром халат ему теща вышлет, - шелками он вышит,
К ней он идет, говорит ей: "Нет благодарности выше".
И на коня он садится. Пламенем конь его пышет.
457

Дома он в думках, чтоб к свадьбе все было скоро готово.
Мать, о невесте спросивши, слышит похвальное слово:
"Мать, поспеши обвенчать нас, дева нежна, тонкоброва".
Ну, а теперь о весельи, день, я скажу тебе снова.
458

Что же я медлю со свадьбой, с радостями и пирами?
Юноша в радостной спешке, спать он не может ночами.
Чтобы твой дом возвеличить, деньги он сыплет горстями.
Кликнул кушцов, а с парчою те уж идут к нему сами.
459

Родственники перед свадьбой дом жениха посещают.
Их драгоценной парчою, в кипах вносимой, прельщают.
Ставят блюда со сладостями, родственников угощают.
Шьются к венчанью наряды, в песнях об этом вещают.
460

Трижды пропетая песня множит портного старанья.
Лишь на портном примеряют свадебное одеянья.
Гонят юнца, веселятся, все ведь пришли для гулянья.
После портной сам нарядит юношу к часу венчанья.
461

В баню уводят невесту, моют ей голову, тело.
Влагою роз ароматных кудри надушат умело.
Можно теперь перед свадьбой в ткани облечь ее смело.
Брови сурмят ей: все это правило свадеб велело.
462

В эту же ночь ее руки красят старательно хною.
Хну растворяют, как должно, держат пригоршней одною.
Сестры усы молодому, той же порою ночью,
Красят, вздохнув: "Ты - очаг наш, полный сверканья и зною. "

463

Утром родные невесты званых встречают: ведь святы
Правила дома: весельем знатные гости объяты.
Деву румянят и холят, льют на чело ароматы,
И в ожерельях блестящих шея и грудь ее сжаты.

464

Все, чем с времен стародавних могут украситья жены,
Шею и грудь ей обвило и издает златозвоны.
Жемчуг, четыре султана - это подобье короны,
Это - венец новобрачной. Строги убранства законы.

465

Вот уж невесту покровом кутают блещущим, белым.
Царски украшено место, чтоб там невеста воссела,
И на подруг ее пышных смотрят юнцы обомлело,
Будто сошли сюда звезды, а в небесах - опустело.

466

Все, что в тот день совершится, пересказать я не в силах.
Прелесть нарядов явить ли, прелесть красавиц ли милых?
Словно о солнце должны мы думать об этих светилах.
Ну, а луна рядом с ними кажется в пятнах унылых.

467

Жены идут к новобрачной, блеск их - алмазные грани.
Там наряжают невесту, все приготовив заране.
Мускусом трут ее, амброй, рядом иных притираний.
Чинна, спокойна невеста, нет в ней к прельщенью стараний.

468

Деву к престолу выводят, кинув на лик покрывало.
Дружку сажают с ней рядом; блещет сидение ало.
Ниже - прислужницы, слуги: их ведь в приданом немало.
Надо, чтоб цепь сотрапезниц рядом с невестой сверкала.

469

О женихе в нашей речи мы позабудем ужели?
Служащих дома невесты щедро в халаты одели.
Вот жениха окружили дружки с эджибом, велели
Ветром к невесте помчаться вестнику - махаробели.

470

Вестнику чарку подносят: к дому примчался он яро.
Как не отдать ему чарки, всех драгоценнее чарок?
Он одарен и халатом, - тем, что узорчат и ярк.
Он возвратился и молвил: "Я заработал подарок".

471

Вышел жених, и запели песнь поезжане, - и взлета
Песня достигла: составил строфы певучие Шота.
Всадники тронулись. Блещет на чепраках позолота.
Рядом с конем молодого всем красоваться охота.

472

Близится юный, к ступеням он подошел ему милым.
Молят о счастья родные, к горним взнеслись они силам.
Жены в смятеньи: все ближе песни с их огненным пылом.
Входит жених и садится рядом с лучистым светилом.

473

Время проходит. Обряду новому миг наступает.
Брат ли невесты, отец ли - верно обычай он знает -
Встал пред невестой; пред нею после колени склоняет,
Руку ее поднимает и молодому вручает.

474

Деньги дает молодому, - к ним благодарность прибавил -
И не садится. Напев же вновь новобрачных прославил.
Дружка к невесте, - и молит встать - ведь настаивать вправе.
И, за рукав ее взявший, знает жених об уставе.

475

Раньше невесты у церкви юноша встал тароватый.

Заперты двери - откроют по получении платы.
Деньги вручил он. Раскрылись двери церковной палаты.
Входят: в руках новобрачных свечи большие зажаты.
476
Стелют ковры, а над ними пламень парча излучает.
Встали на ней молодые, взор их парчу примечает.
Слышно: "К стене прислоняться в церкви устав запрещает",
И, повенчанное взявши, юных священник венчает.
477
Нужны венцы. К новобрачным ризничий вышел. Не краток
С ним разговор; просит денег; низкий в речах отпечаток.
Спорит, сердитый отходит, не повернет он к ним пяток,
Прежде чем с юноши денег он не получит вдостаток.
478
Кончив венчанье, священник вышел с потиром, в котором
Блещет причастье; им чашу дал он с молитвенным взором.
Кончен обряд - встарь святым он был установлен собором.
Ныне три ночи венечным им красоваться убором.
479
Выход из церкви; рванулась песня в веселой тревоге.
Вынул эджиб свою саблю, поднял ее на пороге.
И молодые под саблей вышли; и тихи, и строги,
К дому идут, - и за ними двинулись все по дороге.
480
Вот у ворот молодые, тут их встречают запретом.
Дать вратарям надо денег: те говорят им об этом.
И серебро новобрачный дал им, таким разодетым,
Песни поют поезжане, двери раскрыты с приветом.
481
К матери девы навстречу убранным входят покоем,
Мать, с возвышенья спустившись, видит детей своих, коим
В рты и кладет она сахар, и, положивши обоим,
С дочкой целуется, после - с радостной свадьбы героем.
483
Кравчий повенчанным выбран, встал за юной четою.
Час наступил поздравлений; все уж рассказано мною
О молодых; раньше прочих с чашей они золотою,
Время пришло, чтоб нарядным женам блеснуть красотою.
484
Жены идут, чьи семейства славой блестят стародавней.
По-двое входят; подарки бросили ценности равной.
Лики - хрустальные, а шаг их и величавый, и плавный.
Сели поздравив; сверкает ряд их - на пиршестве главный.
485
После идут поезжане; вот ритуал их прохода:
Встав на колени, подносят чаши различного рода.
Следом проходят по паре гости высокого рода,
Блещут подарки их, словно звезды во тьме небосвода.
486
Кончены все поздравленья, поднесены уже чарки,
Кравчие тоже с дарами - быстро собирают подарки,
К пиру мужей и красавиц рой приготовился яркий,
Как опишу этот день я - радостный, светлый и жаркий?

АКРОСТИХ

1

Кто тут мной воспет, узнает тот, кто, знал страстей пыланье.
А друзей молю я слово мудро молвить в назиданье,
Как уйти мне из-под власти колдовского обаянья,
Уж пора узнать, кому же приношу отныне дань я.

2

Как любовь к тебе я скрою, вздыхающий украдкой.
Раб я твой, и мне собою жертвовать легко и сладко.
Алмаз ты сверкаешь, нет в свеченье недостатка.
Шар земной обласкан светом двух светил - ты их порядка.

3

Ах, как дивно украшает родинка тебе ланиты.
Юной пылкостью твоею пьян я; больше не пьяни ты
Тем нектаром приворотным, - только взором помани ты,
Только слово ты промолви - для меня тенета свиты.

4

Еле стройный стаи колебля, как лебедушка, плыла ты,
Были дни - мечтал, я следом за тобой войти в палаты.
Я в твои попался сети, и на волю нет возврата.
Так обнять тебя я жажду, как приличествует брату.

5

Все в тебе - уста, улыбка - источает мед сотовый.
Очарован я твоею стройной речью, вязью слова:
Искрометна речь живая, бьет струею родниковой.
Дышит роза уст - Европа век тебе внимать готова.

6

Образ твой, подобный солнцу, я сравнил с ночным светилом.
Благостью ты, словно светом, всю округу озарила.
Равная семи созвездьям, ты мне душу окрылила.
Огради же от напастей, осени надеждой милой.

7

Дай мне право век кружиться мотыльком твоей орбиты,
Ежечасно слышать голос, что нежней, чем звон барбита.
Темным мнится день пригожий, коли ты глядишь сердито.
Если мыслю не по-братски, изгони меня из свиты.

8

Лепестки расцветшей розы пышут, - то твое дыханье.
Иль фиалковым настоем мнится мне благоуханье.
Тщетно я искал по свету равное тебе сиянье.
Алмаз ты затмеваешь, лалов жаркое пыланье.

9

Каждый мудрый песнопевец на тебя не зря дивится.
Вешим эллинам загадкой ты явилась, свет-зарница.
Если утром ты мне светишь, будет ясной вся седмица.
Лал пред щек твоих румянцем бледности своей стыдится.

10

И отец и мать почтенны, будут век благословенны,
Кто такое чудо создал - лал и жемчуг драгоценный!
Ангел жизни им защита, сила добрая вселенной.
Ты среди детей родимых им милее несомненно.

11

Век тобой им любоваться в цветнике родного парка.
Отгадать я тщетно силюсь - роза ты или фиалка.
Я чуть жив, навек плененный красотой твоею яркой.
Сам ;не свой, я умоляю: снизойди ты к жертве жалкой.

12

Ласкова, нежна, прекрасна, ты пленяешь все живое.
А когда ты, нежным взором ранив сердце ретивое.
Вопросишь недоуменно: "Что случилось, что такое?" -
Августейшей я отвечу: "То любовь, - не чувство злое".

13

Всей душой тебе я предан, излучающей сиянье.
Если чуточку жалеешь, дай нектар для исцеленья.
Весь во власти я отныне несказанного влеченья.
Разве в силах пережить я миг горчайший разлученья!

14

Ореол твой всех объемлет, кто в глаза твои заглянет.
Полдень полон света солнца, ты ж полна благоденний.

Если роза увядает - цвет ланит твоих не вянет,
Вновь прошу тебя избавить от тенет страстей, желаний.

15

Озаренная сияньем черных глаз, ты так прекрасна!
Загрущу я несказанно, коль ко мне ты безучастна,
Лютый огонь охватит сердце, что тебе одной подвластно,
Юный пыл в душе угаснет вдалеке от взоров ясных.

16

Буду гостем я покуда, у меня одно желанье:
Любоваться ненаглядной и достойным быть вниманья.
Если кто с тобой сравнится, я готов и на закланье.
Нет тебе в Европе равной красоты и обаянья.

17

Не избегнуть нам разлуки. Как мне жить в родных пенатах?
Аромат вдыхать я жажду розы северного сада,
Ясный образ видеть вечно - вот души моей услада,
Мне ли причинишь ты горе, иль в беде покинешь брата!

18

Обезуметь тут мне впору, и подумай ты о госте.
Я ль залить сумею горе соком виноградной грозди,
Сев к застолью в Сакартвело, воспою тебя я в тосте,
Если здесь, тобой сраженный, не почию на погосте.

19

Стих мой, время нам умолкнуть. Нами ей не усладиться.
Трудно будет жить, коль солнцем зелья выдана крупица:
Ранит вновь булатом сердце мне души моей царица.
Акrostих мой прочитайте. В нем про это говорится.

САЯТ - НОВА

ПОВЕРЬ МНЕ!

1

Поверь мне, кованный железа кусок -
И то железкою кривой назовут.
Резьба - тарелке деревянной не впрок.
И деревяшку - таковой назовут.

2

Должны ложиться стройным рядом слова.
Хитрец привык везде искать смысла два.
Приметы дерева - и цвет и листва.
Траву - не хною, а травой назовут.

3

Парча красива, но добротней - сукно,
А ситцу в стирке расползтись суждено,
Стекло в оправе золотой все равно
Стеклом, качая головой, назовут.

4

Хвалиться княжеством иной может зря.
Назваться ива и сосной может зря.
Я - сазандари грузинского царя.
Саят-Нову - Саят-Новой назовут!

ТЫ - ИСТОЧНИК ПЕСЕН

Ты - источник песен, ты подобна сазам.
Ты - в тебя влюбленных убиваешь разом.
Кипарис! А кудри уподоблю вязам.
Море ты, украшен мир твоим указом.
Замкнутый ларец ты с пламенным алмазом.

Ты - краса ловитвы, раш ты и джейран ты,
Ты коралл и лал ты, луч небесных стран ты,

Ты шандал хрустальный, вместо свеч нам дан ты.
В длани держишь меч ты, как Иракий хан ты,
Окруженный свитой, пляской, песней, сказом.

Светишь ты над миром, солнце и луна ты.
Лишь бы не зашла ты, в мире ведь одна ты.
Кипарис тенистый - к благу нам дана ты.
Ты- луга, и лес ты, - в нем и мир пернатый,
В нем и дичь, - и лес тот не окинуть глазом.

Ты- весна, фиалка, золотой поток ты,
Из цветов расцветших благовонный сноп ты!
...Ты ж, Саят-Нова мой, преданный холоп ты,
Соловей-скиталец, верен ей по гроб ты,
Трелишь по утрам ты, свой утратив разум.

В СОЛОВЬЯХ НЕТ НЕДОСТАТКА

1

В соловьях нет недостатка, полон сад цветов, - не так ли?
Полон он фиалок нежных, розовых кустов, - не так ли?
Каждый куст сирени тенью нас укрыть готов, - не так ли?
Всюду свечи восковые, полон сад ковров, - не так ли?
Все разубрано; канатных много плясунов, - не так ли?

2

Не сердись, я притчей много, мудрецам подстать, имею.
Как отдать тебе сто жизней? Ах, одну я, знать, имею,
Весь я твой! Иль пред тобою я долги опять имею?
Приходи к нам, о приятном я тебе сказать имею.
Всех позвали, - и с шелками сотни тут купцов, - не так ли?

3

Так уж за городом надо: без веселья - невозможно.
Без возвышенных речений восхваленье - невозможно.
Если ковш мы расплескаем, - утоление - невозможно.
И твое от пиროвания отдаленье - невозможно.
От Лейли принять приятно чашу в ночь пиров, - не так ли?

4

Тростниковый стан твой тканью опоясался узорной.
Родника над ртом жемчужным, - как индийский перец черный.
Яхонт, лал ты, и алмаз ты, жемчуг лучший ты, отборный.
Не придешь, - так разберет нас суд царевый непритворный.
Царь Саят-Новы - прекрасней царственных орлов, - Иракий!

ТЫ - ПЕННАЯ КУРА

1

Ты - пенная Кура с волной Аракса мутноводной.
Вконец измучен я твоей повадкой сумасбродной.
Похожа ты на златоткань отделки превосходной.
Глаза и брови красотой блистают благородной.
- Но что я дам тебе взамен!? - шепчу в тоске бесплодной.

2

Иной на пиршестве вкушать вино и снедь стремится.
Другой за праздничным столом к стихам, - заметь, - стремится.
А мой язык тебя одну всегда воспеть стремится.
О том - и сердцу век болеть, к тому и впредь стремится!
Кто в розу, как оса, впился? Оставь ее, негодный!

3

Тебя воспевший - океан чернил, как я, испишет.
Тебя узревший - ничего не ест, не пьет, не дышит.
Других возлюбленных совсем не видит и не слышит.
Как солнце, выглянешь из туч, - и мир весельем пышет,
А без тебя тоскует он, как сирота безродный.

4

Приди и вслушайся в мои слова, журавль Багдада,
Индийский нежный попугай, чей голос мне отрада.
Тому, кто правду говорит, хоть раз поверить надо:
И для красавицы Ширин опасен враг Фархада!
Беда мне с милою такой строптивой, злой, холодной!

5

Что делать, если нарды вдруг смешала, мне в насмешку,
Убила доведь, повела вперед простую пешку?
Без розы соловей поет и плачет попережку.
На свете бед - не перечесть. Ищи свою, не мешкай!
Страдаешь ты, Саят-Нова, от робости природной:

ТВОЕМУ СУДУ

Твоему суду сердце будет радо,
Ты - пресветлый царь, Грузии услада,
Люди говорят - я, мол, их досада,
Мусор я дрянной, кладезь, полный яда, -
Мол, не обессудь, - высказаться надо.

Неженат живу - где искать привета?
Я - мужик: толкнут - и не ждут ответа;
Вот я целью стал для насмешек света;
Сердце я раскрыл - молвят мне на это:
"Холм бесплодный ты меж грядами сада!"

Я царю предстал в чистом облаченьи,
Саза моего чужа нетерпенье, -
Мне б грузинских слов позабыть значенье! -
Прочь меня прогнал царь в ожесточеньи:
"Грязный войлок ты, поношенье взгляда!"

Сказано: гора встретится с горою.
Боже, будь твоя милость надо мною!
Неужели я и суда не стою?
Лучше бы казнил царскою рукою -
Ты, наставник мой, ты, моя отрада.

Грудь мне сокруши - всё равно я вскоре
Возвращусь к тебе с жалобой во взоре.
Брошусь я в Куру, не в Куру - так в море!
Пой, Саят-Нова, пой, лелея горе!
Горе да беда - вот твоя награда.

ОСТАВЬ МЕНЯ!

1

Оставь меня! Хитрить, платить бесчестьем дань я не хочу!
Я униженья не хочу, в ногах валяться не хочу.
Исподтишка передавать чужую брань я не хочу.
И сколько б ни твердили мне: "Двуличным стань!" - я не хочу
Я простолюдин, а не князь. Другого званья не хочу!

2

Не допускай, чтоб кровь моя рекою попусту лилась.
Ты, видно, дорогой ценой купил меня на этот раз.
К тебе с поклоном я приду: иранский чин введен у нас.
Но ты одень меня в шелка и переливчатый атлас:
С каймою черной нипочем я одеянья не хочу!

3

Ты слов моих не отвергай, коль правда у тебя в чести.
Зато твоей одежды край отныне я готов нести,
И прахом голову мою в своей гордыне ты сочти!
Но саду твоему - с моим в одной долине расцвести.
Меж ними кольев не вбивай: размежеванья не хочу!

4

Ушло, былое, не вернуть поры твоей, Саят-Нова!
О ней напрасно не вздыхай и слез не лей, Саят-Нова.
Отныне всякий по плечу ударит: "Эй, Саят-Нова,
Куда идешь? Ступай ко мне, и ешь, и пей, Саят-Нова".
Но хлеба с твоего стола, с тобой братанья - не хочу!

СРЕДИ ДВУХ СЕЛЕНИЙ

Среди двух селений, слышал, есть гора, это правда.
В саду твоём розы - пришла их пора - это правда.
В твой сад соловьи кажут путь в вечера, это правда.
Как свет, говорят, государя сестра, это правда.
Знал много я стран и в морях знал ветра - это правда.

Простер к тебе руку, - её ты шипами пронзила.
Рубинами влажными кровь мои пальцы покрыла.
Снесу ль это горе? Уж сердца исчерпана сила.
Глаза мои плачут, в разлуке ничто мне не мило.
Мне небо свидетель, - я в дымах костра, - это правда.

Знать, сокол напрасно трудился, гонясь за лисицей!
Ты змея поборешь, твой взор полыхает зарницей.
Забудь тебя! К новой лететь быстролетною птицей!
Что раньше оплакать? Печали снуют вереницей!
И жертвы считать для себя лишь игра, - это правда!

Смущается разум того, кто стоит пред тобою,
Меч к шее наклонится, сердце пронзится стрелою.
Сгниет он, иль моря он будет объят широтою,
Под тяжестью жернова в яму падет с головою.
Опасна, слышал я, колодца дыра, - это правда.

Как на берег выйти? Я брошен в морскую пучину.
Рот кашей сожгла мне, - и дую я на пахтанину.
Горшок я разбитый, и в яме я наполовину.
Как синька, я вылинял, взор на себя я не кину.
Рабом меня чтут Гурген-хана двора, - это правда.

КТО МОРЕ ЗВЕЗДНЫМ...

Кто море звездным сожжет сияньем?
Кто б мог исчерпать Куру горстями?
Как может ветер скалу обрушить,
Хотя бы дул он, ревел годами?
Хоть блещут стенки и медной чаши,
Всё ж золотая для взора краше,
К камням, не к стеклам, пристрастье наше,
Хоть в перстне схоже стекло с камнями.

Пусть мир наш черта влеком указкой,
Всё ж черт на бога глядит с опаской.
И тыкве чашей не стать ширазской,
Хоть вознесешь ты её над нами.

Кем речь от рыбы была добыта?
Не красят хною ослов копыта.
Когда не ватой - песком набита
Постель, - не спится и под шелками.

Кто я, знать хочешь, мне докучая?
На наши песни взял все права я.
Я - Арутин, Саят-Нова я!
Пою, - и песни гремят громами.

ХОРОША ТЫ В ЗЛАТОТКАНИ!

Хороша ты в златоткани! В золотом уборе ты.
Всем Тураном, всем Ираном завладеешь вскоре ты.
Будь со мной! Грозь разлукой, смерть несешь во взоре ты.
Соловья стегаешь веткой! Почему с ним в ссоре ты?
Спит влюбленный; слышит: песней потекла в просторе ты.

Всё в цвету! В кругу прислужниц выходи же в сад скорей!
Там тебя с прекрасным утром поздравляет соловей.
Кто взрастил тебя на славу? Отчего ты всех милей?
Всех убила! Я не в силах петь о прелести твоей!
Сотни строк стихов любовных принимай, не споря, ты.

Как твоя красива шея! Не хрустальна ли она!
Что ты в зеркало глядишься? Лик твой - полная луна.
Ты подрезываешь кудри, мне рука твоя видна.
Чем кичишься? Уж не тем ли, что душа моя больна?
Я сражен! Ведь весь мой разум забрала в задоре ты.

Нет, мне смерти не избежать. Я погибну, я умру,
Хоть бы всем и завладел я, что имеется в миру!
О любовь, в уборе этом как блестишь ты поутру!
Шелк! Атлас! Парчи узорной примечаю я игру!
Не украл, - сама дала мне лал в золотом узоре ты.

Нет, тебе приснилось только, что неправилен мой слог!
Кто раскинул эти розы, разостлал на твой порог?
Описать ли прелесть милой? Нет, стихам она не впрок!
Плачь, Саят-Нова! Откуда получить ее ты б мог?
Трон индийского владыки, - знаю - мне на горе ты!

ПУСТЬ ПОПУГАЙ ПОЕТ

1

Пусть попугай поет - а я услышать соловья хочу.
Дай, роза, мне росы твоей! - целебного питья хочу.
С нагорья дальнего пришел и поискать жилья хочу.
Заплакал соловей: "узнать, где роза спит моя, хочу!"

2

От поисков я ослабел. Кровавый пот лился с меня.
Над розой срезанной застыл, как соловей, судьбу кляня.
Ты - златокованный ларец, а в нем лежит хрусталь, звеня.
Ковчега не хочу... Ларец, - твержу я, в грудь бия, - хочу!

3

О редкостный зверек, бежишь, таясь от зверолова ты.
Скажи мне, мраморная ты иль из кости слоновой ты?
Счастливицу, видно, суждена заморская обнова - ты!
Диковинный атлас! Как раз такого для шитья хочу.

4

Я получил твое письмо. Тебе - мое прочесть пора б!
Нуждаюсь в добром слове я, как нищий, узник или раб.
Зачем отринула того, кто жалок, немощен и слаб?
Под одеялом у тебя, недужный, забытья хочу.

5

Не обжигай меня, я сам горю на медленном огне.
Не двоедушен я, поверь, коварство не по сердцу мне,
Я - соловей, Саят-Нова! Открой же, роза, дверцу мне
В златую клетку: миндаля очищенного я хочу!

В САДУ ЛЮБИМОЙ

1

В саду любимой разум потерял я.
Уйти хочу - и слышу стук засова.
Тогда сознание разом потерял я.

Очнувшись, тополя увидел снова.

2

Сказал ей: Видишь, обливаюсь кровью!

Язык певца не понуждай к злословью.

Господь благослови тебя любовью,

Чтоб ты вовек не ведала худого.

3

Султаном был - с войсками я расстался.

Торговцем был - с шелками я расстался.

С любимой со слезами я расстался.

Как мне достать ее со дна морского?

4

Такое мне доселе не знакомо:

К моей груди приставлен меч Ростома.

В окно гляжу, надеясь по-пустому.

Утешить в силах ты одна больного!

5

Твой облик чист и светел, как лампада.

Молю я: не ищи других, не надо!

Коль для тебя слова любви - отрада,

Пойми: Саят-Нова - властитель слова.

ПИТОМИЦА РОЗЫ

1

Питомица розы, поверь мне, - родного сосца прекраснее ты.

Насущного хлеба, добытого в поте лица, прекраснее ты.

Блестящего слитка в руках златодела - творца прекраснее ты.

Кувшина, что мог бы служить украшеньем дворца, прекраснее ты.

2

Чье войско стоит у ворот? Я султана ищу.

Нарцисса - в садах, и на склонах - тюльпана ищу.

Жемчужные; четки, продернутые сквозь парчу!

Подземной царицы, подвесок ее и венца прекраснее ты.

3

Вселенная делится надвое: ты - и не ты!

Мне ангел приснился. Его неземные черты

Казались чудесным подобьем твоей красоты.

Насущного хлеба, - готов я твердить без конца, - прекраснее ты!

4

Ты - пряность заморская, что ли? Корица, мускат?

Иль камень целебный? Иль золототканый наряд?

Ларец драгоценный, в котором скрывается клад?

Сандалового с перламутровой крышкой ларца прекраснее ты.

5

Зачем же далекой ладьей ты маячишь всегда?

Спросила бы Саят-Нову: "Что, мол, плачешь всегда?"

Днем солнцу подобна, ты светишь в ночи, как звезда.

Пятнадцатидневной созревшей луны для певца прекраснее ты!

УЛЫБНУЛАСЬ БЫ МНЕ РАЗОК!

1

Улыбнулась бы мне разок! Что ты прячешь взор, покажись!

Хоть сердиться умешь ты, хоть язык остер, - покажись!

Кто ты, - лал, изумруд? Готов разрешить я спор - покажись!

Очутиться в плену боюсь, но взгляну в упор. Покажись!

Соловели, - я в тоске ищу розу с давних пор! Покажись!

2

Драгоценная, не сердись! Вечерком выходи ко мне.

Златотканый ковер топча башмачком, выходи ко мне.

От нескромных очей лицо скрыв платком, выходи ко мне.

По-грузински шепну словцо я тайком, - выходи ко мне.

Кто ты, нежная лань, газель или серна гор? - покажись.

3

Вышла, волосы распустив, серебристый набросив газ.

Красноватых кудрей отлив мне напомнил рехан тотчас.
Твой точеный стан горделив, и не требует он прикрас.
Из коралла застежкой ты на груди собрала атлас.
Ты - жемчужина! Ты сама - дорогой убор! Покажись!

4

Ты головку свою зачем в западню суешь, - не пойму!
Ожерелье зачем суешь в просмоленную ты суму?
Оттолкнула меня совсем, предпочтенье отдав кому?
Он в парчу и в шелка одет, а попробуй сказать ему:
- Что в узле твоём парчовом? Не таись, как вор! Покажись!
Наступила весна. Ужель нам сидеть взаперти - пора?
И фиалок и роз не счесть. Видно, саду цвести пора.
Поспевают черешни. Быть садовому в чести пора.
Поднимается солнце ввысь. Вот уже полдня почти пора!
Тени жаждет Саят-Нова: Где ты, мой шатер, покажись!

ПОЛУНОЧНАЯ ЗВЕЗДА

1

Полуночная звезда в небосклоне - ты.
Розы в скошенной траве благовонней ты.
Ты - фиалка, первоцвет в вешнем лоне - ты.
Кто ты? Сказочный олень, конь в погоне - ты?
Ты - сантури, ты - смычок, плеск ладоней - ты!

2

Где наставник твой? Ушел, видно, на покой.
Убиваешь ты меня собственной рукой.
Дай лекарства, помоги совладать с тоской!
Кисть не может передать красоты такой:
Дивной вязи на шелку изощренней ты.

3

Без тебя судьба моя слишком тяжела,
И за что меня казнишь? Я не сделал зла.
Кандалы - моя любовь, цепи, кабала.
Ты глядишь, а мне глаза застилает мгла...
Ты - в ларце из хрусталя, в светлой броне ты.

4

Горный тур, - со снеговой кручи прянешь ты,
Или дождем из грозовой тучи станешь ты.
Серной на скале мелькнешь и не взглянешь ты.
Тысячью огней сверкнешь и обманешь ты.
В каждом вздохе у меня, в каждом стоне - ты!

5

Заручилась ты не зря дружбою царей:
Грамоту индийский царь шлет из-за морей,
Страж с кинжалом золотым замер у дверей,
Блюдо жемчуга тебе в дар несут скорей.
Прочь ступай, Саят-Нова! Посторонний ты.

В САД ВЕСЕННИЙ

В сад весенний дверцу милой открою.
Тополь сладок, розан сладок, сад сладок.
Проживем здесь все мы годы с тобою,
Лик твой сладок, месяц сладок, мир сладок.

Эти чаши, это блюдо - всё наше!
Струны саза, злаков груда - всё наше!
Эй, садовник, прочь отсюда! Всё наше!
Пир наш сладок, взор твой сладок, день сладок.

Нет уж роз тут, уж не манят, алея.
Соловьиный льется плач, их жалея.
Но в фиалках лиловет аллея.
Вечер сладок, отсвет сладок, ключ сладок.

Тонкий стан твой в плащ облекся багряный.
Кипарис ты, персик нежный и пряный.
Держишь мир ты ручкой властной и рьяной.
Пламень сладок, трепет сладок, май сладок.

Арутин я. Льется звонко рулада.
Сядь! Ковер хорасанский - услада.
Ай, с ограды не кинули б взгляда!
Саз мой сладок, рот твой сладок... я сладок.

МАЛО РАДОСТИ В ТОМ...

1

Мало радости в том, что совсем ты дурного не знаешь.
Ты печали не знаешь - ни старой, ни новой не знаешь.
Загубила, кого, без единого слова, - не знаешь.
Чье рыданье всечасно прорваться готово - не знаешь.
Как зовусь я, и то - не гляди так сурово! - не знаешь.

2

Нас обоих господь сотворил, - я клянусь тебе в этом.
Слаще сахара может быть слово твое, по приметам.
Желчь оставь для врагов - не гнушайся хорошим советом.
Ты различья не ведаешь между зимою и летом.
Ты ни масляной, ни воскресенья Христова не знаешь.

3

По природе своей соловей, воробьем я не буду.
Я не дальняя лодка, гонимая ветром повсюду.
Я не черен, а бел. Я привержен добру, а не худу.
Мы соседи с тобой. Как понять мне такую причуду,
Что родства ты не знаешь, соседства простого не знаешь?

4

Без тебя я томлюсь понапрасну, тоска меня гложет.
Как свеча, от чужого дыханья угасну, быть может.
Стань же сахара слаще, - мой стих в этом деле поможет!
О, никто тебе, Саят-Нова, торговать не предложит!
Сам себе господин, ты ль призванья святого не знаешь?

ГОЛОВА! О ГОРЕ!

Голова! О горе! Что с тобой стало!
Ты во всех краях народ забавляла,
Где бы ни был я, - ты в прахе лежала,
Не нужна теперь ты людям нимало.
Не вини, кручина, многих ты в этом;
Намудрил, - причина только лишь в этом.
Уже славен был я в мире просторном,
Как алмаз в затворе златоузорном,
Что ж со мной? Что день мой сделался черным?
Иль мой лоб стал - камнем, ум непроторным?
Не вини, кручина, многих ты в этом;
Намудрил, - причина только лишь в этом.

Уже не рис - ячмень я. Вижу со страхом:
Стал дроздом, взлетал же голубя взмахом.
Для чего, скажи мне, стал я монахом?
Знать, от злой судьбины всё пошло прахом.
Не вини, кручина, многих ты в этом;
Намудрил, - причина только лишь в этом.

На пирах царями я отмечался,
И везде князьями я почитался.
И в одежде алой я величался.
В чернорясца век бы не обращался!
Не вини, кручина, многих ты в этом;

Намудрил, - причина только лишь в этом.

БЕСИКИ

САД ТОСКИ

1

В сад тоски влекла меня прохлада;
Розу мнил сорвать у водопада.
Но таилась хитрая засада:
Мне стрела досталась, не услада.
Ждал, сраженный: будет ли пощада?
Роза шепчет шелестом наряда:
"Не спеши. Кичливым есть преграда".
Не узнал причины я разлада.
Слезы лил, бродя у вертограда.

2

Вот пошел, фиалку вопрошаю:
"Чем обидел розу - я не знаю,
Первый раз неласковой встречаю".
Мне фиалка: "Распря понимаю.
Ты скользишь в горах отрад - по краю,
Ты найдешь в душе укоров стаю.
Розе горько - правды не скрываю, -
Изменил ты розовому раю,
Для другой горит твоя лампада".

3

И, смущен, иду для той же цели
Я к нарциссу: слезы одолели.
"Путь открой мне к рдяной колыбели,
Хоть тропу, что видишь еле - еле.
Ты весь край прошел в ее пределе.
Ублажи ты розу. В нежном деле
Помоги. Припасть ей не ко мне ли?
Разузнай, что ей налгать успели.
В чем вина? В укорах нету склада".

4

И нарцисс, в стеблей своих оправе,
Говорит, внемля любви отраве:
"Обижаться, путник, ты не вправе.
Роза позабыла о забаве,
И тобой лишь хвасталась в дубраве.
Ну, а ты, не тверд в любви уставе,
С кем ты был? Худой не смолкнуть славе.
Ревность жжет. Душа подобна лаве.
По заслугам, путник, и награда".

5

Мне не вняли! Снова я у сада.
Обессилел. Замкнута ограда,
С горечью мне нету больше слада.
Плачу я. Горька моя досада.
А душа зажечь бывала рада
У скорбящих блеск веселый взгляда!
Ныне сам я в цепкой лапе хлада.
Смерть дает Бесики чашу яда,
И пред ней челом склониться надо.

С ПЛАЧЕМ ЛЕТИТ СОЛОВЕЙ

1

С плачем летит соловей из полночного сада.
Видно, садовника разгорячила досада,
Гонит он прочь соловья, - тот летит и рыдает,

Осы вдогонку спешат из колючей засады.

2

Ты, соловей, промолчи, н утихнут угрозы,
В грудь не вопьются осиные злые занозы.
Поговори с гиацинтом - пускай он научит,
Как подольститься к садовнику голосом розы.

3

С шелестом розы к нему в темноте подойди ты.
Не распознает обмана садовник сердитый.
В темном саду поскорей повидайся с нарциссом, -
Пусть перед розой он будет твоею зашитой.

4

Ранен я, ранен! Кончается век соловьиный.
Проклял садовник меня. Погибаю, безвинный.
Сжальтесь! Вдохните в скорбящего душу живую
Или смягчите слезами мученья кончины!

СТРОЙНЫЙ СТАН

1

Стройная станом - тюльпаном, станом - дурманом,
Кудри по странам влюбленных ловят арканом!
Очи, как ночи, и многих предали ранам!
Губы из крови, а брови - спрячешь колчаном!
Вспомни, луна, как одна пойдешь Гюлистаном!

2

Чистый нарцисс, он с ночными дружен очами!
Локон, как змейка: посмей-ка - к шейке устами!
Родинки глади янтарной властны над нами!
Пара плодов - померанцев! - снятся ночами!
Как не воспеть тебя! Горько ты делаешь пьяным!

3

Тополь ты гибкий да зыбкий, тонкая ветка!
Хрупки персты, да за сердце схватят нас метко.
Стан такой девы во сне видели редко!
Вечность вкушал я: ведь встречи помнит беседка!
Дни мои ныне в пустыне льются туманом!

4

Розу устами, перстами нежить - услада!
Очи! Им надо - о, надо! - встречи у сада!
Сердце томится, стремится, - всюду преграда.
Бросить? По свету ведь нету лучшего клада!
Где же той дверца, кто сердца стала тираном?

5

Схож я с луною за злою черною тучей!
Жизни не надо! Отрада - встать бы над кручей!
Сжальтесь, кто схвачен тоскою злой, неминучей!
Скройте безумца в гробнице с песней плакучей!
Жизнь моя мчится, стремится в ночь ураганом!

НЕОДОЛИМЫЕ ДУМЫ

1

Неодолимые думы становятся горем,
Сердце не верит, что лютый недуг перебором.
Щеки твои розовеют, подобные зорям.
Мы же, безумцы, друг другу стенаньями вторим.
Жду, погибая, - когда исцеленье подашь ты?

2

Поступью плавной ты схожа с плывущей луною.
Вот я в луну и влюбился порою ночьюю.
Я обезумел, мне тягостно бремя земное.
Как уживаешься ты со смертельной виною?
Веришь ли в бога? Ведь верит во что-нибудь каждый!

3

Знаешь ты, знаешь: меня поджидает могила.

Сердце, что крепче скалы, ты во прах сокрушила.
Сладкой была, стала горькой, обеты забыла.
Стала несправедливой - дверь предо мною закрыла.
Кто пожалеет меня, - я сгораю от жажды!

4

В горести я стираю зовущие руки.
Разве не видишь, как я погибаю в разлуке?
Силы я черпал в счастливой любовной науке.
Что ж ты меня обрекаешь на смертные муки?
Дай мне взглянуть на тебя, покажись хоть однажды!

О ЦАРИЦЕ АННЕ

1

Я скиталец, чужестранец.
Прохожу, пою, играю.
Мир пустой и вероломный
Укоряю, проклиная.
Только Анне раб покорный,
На нее, горя,зираю,
Я сгораю, о царица,
Я без рая умираю!

2

Кто прельщает, кто сражает
Красотой? - Царица Анна!
С вей луна, ночами споря,
Погасает постоянно.
Звезды полночи толпою
К ней стремятся неустанно.
Посмотри, одна над миром
Светит Анна необманно.

3

Мысли мне смешала Анна,
Полонив меня тоскою,
Стан являя, убивая
Тонкой прелестью такою.
Ах, нарцисс над розой плачет,
Не обняв ее рукою!
Не иметь бы вовсе милой!
Не лишаться бы покою!

4

Уст	рубин	твердит	улыбкой:
Жемчуга	дружны	со	мною.
Влага	глаз	пускает	стрелы,
Обойдешь	ли		стороною?
Кинешь	стрелы,	тяжко	ранит, -
И	пойдешь	бродить	по зною.
Заблудился!			Провинился
Я беспечности виною!			

5

Больше не в силах

Петь я о милых!

Разума вовсе лишила меня,

Именем кратким,

Именем сладким,

Именем нежным и станом маня.

Сердцу подарок

Дорог да жарок.

Памятен будет: он жарче огня,

Древнее снова

Слышу я слово:

"Любишь - умрешь. Так люби - не стена."

6

Будь, о царевна,

К верным негневна!

В тканях укрывшись, прими договор.

До смерти - всюду! -
Верен пребуду.

Если ж измены увидишь позор,
Если с другою

Я под луною
Выйду, ей предан, забывши твой взор, -

Будь беспощадна!
Пусть безотрадно

Буду рыдать я в ответ на укор!

Я ДУМАЮ О ТЕБЕ

1

Я думаю о тебе, сражен отказом.
От черных душистых кос теряю разум.
Смеются твои уста, - рубин с алмазом.
Взглянуть на точеный стан и сгинуть разом!
Мне есть о чем горевать, - я пленник страсти.

2

Мне есть о чем горевать в моей утрате.
Твои ресницы тесней индусской рати.
Ты шлешь стрелу за стрелой в знак благодати.
Ужель не слышит судьба моих проклятий?
Я смерть принять от тебя почту за счастье!

3

Уж если я не люблю, то кто же, кто же!
Красавицы не найти с тобою схожей.
Ни стариков не щадишь, ни молодежи.
И я в причудах твоих теряюсь тоже.
Убей меня, исцели от злой напасти!

4

Вовек не жаждал сильнее и никогда я
Не знал, что буду рассвет встречать, рыдая.
Моей неверной судьбы не разгадаю.
Ты знать не хочешь о том, как я страдаю.
Другой, лаская, сожмет твои запястья.

5

Зачем меня обожгла слепящим светом!
Твои глаза не затмить семи планетам.
Насмешкой жалишь меня, манишь приветом.
Я гибну! Разве не ты повинна в этом?
И погубить и спасти в твоей лишь власти.

ЧЕРНЫЕ ДРОЗДЫ

Два черных дрозда, в черных клетках чернея,
Зовут кличем ясным, пространствами рея.
Следят - видом схожи - где виден прохожий?
Сердца - хоть из камня - сразят, не робея.

2

Кричат эти птицы, весну предвещая,
Нарциссы, и розы, и ландыши мая.
Сулят нам услады да радости рая.
Вкруг них - черный бархат, черноты их множа.

3

Дрозды друг *эй* другом все следуют, следом,
Вдвоем душат душу одну сладким бредом.
Все зрят прозорливо, весь путь твой им ведом.
Решат - бросят радость, прирежут - без дрожи.

4

Друзья! Кто же это? Чья черная чара?
Влачит бархат сумрачный родственниц пара.
Лишь слез нет им дара. Блеск бросится яро, -
И плачь, о скиталец, в пыланьях пожара!

ПРЕДУТРЕННИЙ ВОЗДУХ ПРОХЛАДНЫЙ...

1

Предутренний воздух прохладный
Из жизни исчез безвозвратно.
Свиданья с моей ненаглядной
Я жажду так поздно, так жадно.

2

Печали гнетущая сила
К молчанью меня приучила.
Фиалки поникли уныло, -
Фиалкам тепла не хватило.

АСПИНДЗСКАЯ БИТВА

О Давиде Сардали

1

Дол Аспиндзи - мой свидетель. В этой речи нет обмана,
Войско русских, карталинцы, хахи, мчались утром рано
Строем к Ацкури; оттуда - все вояки Дагестана,
С ними - полчища османов - пополнение их стана.

2

Ярким пурпуром играет ратный дол и берег Мтквари.
Там османы в их бурнусах, словно в рдеющем пожаре.
Серебро доспехов! Злато! Взор метался в этой чаре,
О клинки лезгинов! Лучших нет в Хорезме на базаре!

3

Русские в зелено-красном и в лазурном красовались.
Ранцы медные сверкали, роем звезд переливались.
Гром оружия, ружей грохот гулом в небе отзывались.
И царя картвелов мысли к бурям битвы порывались.

4

Осуждать сказитель должен, да кого же - непонятно.
"Русский нам добра не хочет", - клеветали многократно,
Но, почета не стяжавши, с войском граф ушел обратно.
"Возвращаюсь во-свояси", - будто вымолвил он внятно.

5

Вот осман с лезгином видят отходящих русских спину
И решают: "Нам послало небо добрую судьбину".
Загремели зурны, трубы - и, куда я взор ни кину,
Вижу: храбрые в смятеньи, словно ввержены в пучину.

6

И враги тут возомнили, что и вы уйдете тоже.
По знаменам разделились; говоря, глядели строже.
Страх объял картвелов храбрых, ропот подняли, и что же...

Побежали друг за другом, друг во друге страх умножа.

7

И османы и лезгины одолели Мтквари с гиком.

Баш-ага на этот берег мчится, в гневе превеликом.

- Эй! Вернитесь! Не робейте! - потрясен был воздух криком.

Перекрыл он сотни воплей. Пули бьют в упорстве диком.

8

Кулаком ты в грудь ударил, вся равнина задрожала,

Дрожь коня твое волнение пламенное отражала.

Стал твой взор горящий - уголь, стал он - жарких два кинжала

Мир сметающая буря из ноздрей твоих бежала.

6

Белый конь твой на равнину, загоревшись, прынул разом.

И сородичи с тобою; твой они впивают разум.

Тридцать их, иль шестьдесят их - внемлют все твоим указам.

Сердце черное сражу я о воителе рассказом.

10

Натиск твой первоначальный копьеносцев сбить стремится.

И гигант, и человек ты, и сверкающая птица.

Разметал отряды быстро ты, мелькая, как зарница.

Став для них точильным камнем, чтобы в кровь им погрузиться.

11

На османов мчась, погнал ты баш-агу - прекрасный, властный.

И клинок твой завертелся в шкурах вражьих не напрасно.

Допьяна поишь ты саблю; небо внемлет битве страстной

Белый конь твой, не страшится быть покрытым кровью красной.

12

Ужас руша на лезгинов, белый конь твой к ним процокал.

Пред тобой засел в засаду Катехан и с ним Осокол.

Пламя вырвалось, - и грохот в небо вскинулся высоко.

В клубях дыма их прикрытье: ты напал на них, как сокол.

13

Беглецы, твой слыша голос, встали, словно в землю врыты,

А затем к тебе помчались, - и с тобой в порыве слиты.

И татары не успели за рекой найти защиты;

У перил моста сгрудились уstraшенные сунниты.

14

Там - без брода мчатся в реку, обезумев от испуга,

Здесь - теряющие разум, бьют кинжалами друг друга.

С толку сбил ты убежавших, велика твоя заслуга.

Восхваляемый, косил ты, - и пришлось османам туго.

15

Перекладина над Мтквари - путь врагов; они, как тени,

Ползали по ней, свергались, зная - спешили к смертной сени,

Стали с горькою повинной обнимать твои колени.

За грузина - сотня пленных, - не хотел ты меньшей пени.

16

Ты приказ дал к разграблению, застывала кровь на стали.

Гнали пленных, как баранов, собирать уж их устали.

Тут храбрейшие османы в рабском облике предстали,

И людьми преподношенья в эти дни дешевле стали.

17

У реки бурнусов сотни - словно пурпурное стадо.

За хоруш часы давали, ну, а меньшего - не надо!

На конях златоузорны ленчики - очей услада.

Мантии, меха, папахи - не сочтешь! - войскам награда.

18

Привели коней берберских - их дороже нету в мире.

Не считали павших в реку, утонувших в бурной шири.

Ружья лучшие да сабли! Я о пышном помню пире:

Про тебя на нем запели полнозвучные шаири.

19

Как бы слово мне наладить, чтобы ты в нем отразился?

Помню я: при входе в город я невольно прослезился.

Люди, выбежав, сгрудились: каждый взор в тебя вонзился.
Любовался тот, кто раньше быть врагом тебе грозился.

20

Скучно слово, все ж решил я, чтоб о деле знать высокою
Те могли бы, кто желал бы петь о славном, о далеком,
Помню юношей вас. Людям не назначено ли роком
С той поры до дней наставших к вам стремиться жадным оком?

21

Вы - базар сердец, и тело стройное дано герою.
Нард завихрившийся щеки прикрывает вам порою.
А чело, горя сияньем, словно солнечной игрою,
Янтарями отливаясь, встало радугой второю.

22

Ваши два зрачка - нарциссы: звезды в них заночевали.
Увлажненные топазы воронов к себе призвали.
Коршуны склонили веки: зависть и они знавали.
А в моих глазах сраженных только слезы застывали.

23

Из ноздрей горячих ваших веет сладкое дыханье.
Гладь гранатов - это море в час благого замиранья.
Заключен в подвижных лалах, жемчуг сыпал нам сиянье.
К белизне извив гишера - рядом - вышел на свиданье,

24

Вот над раковинкой белой вьются белые знамена,
Мрамор взнес бальзам целебный, он для всех - смиритель стона.
Ветви тополю подобны - из ростомского полона.
Длань, что слезы осушает, веет силою Самсона.

25

Сердце льва в груди могучей; словно лев вы были в сечи.
Ширь груди - в магнит одета, сталь ее звенит далече.
Мощь спины, как мощь алмаза - для нее не сыщешь речи.
Стан - тростник индийский; дивны, как изваянные, плечи.

26

Ниже голеней упругих и колен, - колен Ахилла, -
Крепость щиколоток лани и точеных пальцев сила.
И орлов сердитых стая ваши ногти запросила.
Благосклонный! Ваше сердце поклонение вкусило.

27

Кто же мог не поклониться? Каждый раз, увидя снова
Лик, чью сладостную прелесть описать не может слово,
Все о бедах забывали, и печаль была готова
Улететь. А ныне - горе! - вы гонимы. Нет былого!

28

Ах, когда б на лик твой светлый был мой взор сегодня брошен!
О тебе все поминает, кто тобой отвергнут, брошен.
Злое бедствие! Я вижу: ты в удел злосчастный брошен.
В горе тот, кем для народа был мосток спасенья брошен!

МАНАНА

РАЗГОВОР МАНАНЫ С ЛИХОРАДКОЙ

Л и х о р а д к а   с к а з а л а :

1

Разлучились мы, Манана,
Как ты время коротала?
Впору биться мне о камень -
Так бранилась ты, бывало.
Обходить твой дом стороной

Я зарок себе давала.
А сама ты звать не станешь,
На тебя надежды мало.

М а н а н а   с к а з а л а :

2
Пусть тебя сжигает пламя,
Злая ведьма, лихорадка!
Я семь месяцев в ознобе
Сотрясалась жердью шаткой.
Еле-еле от болезни
Дух перевела украдкой.
Кто тебя позвать захочет -
Жизнь тому не будет сладкой.

Л и х о р а д к а   с к а з а л а :

3
Не надейся по-пустому.
Ты средь поля колос хилый.
По тебе твои родные
Не прольют слезы унылой.
По рукам-ногам свяжу я,
Уложу тебя в могилу,
Как удушенного волка
Как змею, как все, что гнило.

М а н а н а   с к а з а л а :

4
Что с тобою, лихорадка?
Ну, чего ты захотела?
Оттого ли ты глумишься,
Что с лица я подурнела?
Но дана мне власть от бога:
Изгоню тебя из тела.
Песий лай - твои угрозы,
И до них мне нету дела.

Л и х о р а д к а   с к а з а л а :

5
Эй, Манана, осторожней!
Ты меня страшась даром.
Отравлю и дни и ночи,
Иссушу палючим жаром.
Позову попов ко гробу -
Вот пожива будет старым...
Прекращу твоё дыханье,
Душным задушу угаром.

М а н а н а   с к а з а л а :

6
О, скажи мне, лихорадка,
Отчего ты рассердилась,
Разве ты не христианка,
Кто же ты, скажи на милость?
Словно Мурия собачка,
Вишь, тебе я полюбилась.
Коль убьешь, не стану плакать, -
Я на жизнь не так уж льстилась,

Л и х о р а д к а   с к а з а л а :

7

Трое суток потеряла.
Что казню тебя - не диво;
Омрачив твой век недолгий,
Я была лишь справедлива.
Почему тебя жалеть мне,
Ты упряма и кичлива,
Разговором ядовита
И обличьем некрасива.

М а н а н а   с к а з а л а :

8

Прочь с очей моих! Довольно!
Мира злобная причуда,
Отнимающая силы
Дщерь презренная Иуды!
Черный саван скорой смерти
Сшей себе, души остуда.
Как меня ты смеешь мучить,
Ты, отрепьев рваных грудя?!

С н о в а   М а н а н а   с к а з а л а :

9

Горе мне, Манане бедной,
Никну слабой головою.
Я не выживу, - умру я,
Свяну чахлою травкою.
Я и так уж невесома,
Таю свечкой восковою.
Чем я так ей полюбилась,
Что не выпустит живую!

Л и х о р а д к а   с к а з а л а :

10

Эй, Манана, если трону -
Рот замкну семью замками,
Перестанешь у меня ты
Разговаривать стихами.
Лишь начну людей пытать я -
Люди смерти просят сами.
Сиротою станет прятка
Пред закрытыми глазами.

М а н а н а   с к а з а л а :

11

Пусть твои глазища слепнут,
Что ты мучаешь, пугая,
Что еще ты можешь сделать?
Я лежу, изнемогая.
Зубом на зуб не попасть мне,
Пламя сердце рвет, сжигая,
Но меня ты не загубишь,
Бог поможет мне, дурня!

Л и х о р а д к а   с к а з а л а

12

Что ты, что с тобой, Манана?
Разве я была дурною,
Разве я вослед ознобу
Не давала места зною?
Я бессонницей поила, -
Не водою ледяною,
Нет, тебя я не забуду,
Навещу порой ночью...

М а н а н а   с к а з а л а :

13

Для чего тебя мне видеть,
Гибельная огневица,
Чуть подступишь к изголовью,
Все дрожат и всем не спится,
На зуб зуб не попадает,
Ноют кости, поясница,
Нет больным тобой спасенья,
Впору им в слезах топиться.

Л и х о р а д к а   с к а з а л а

14

Умертвив тебя, не буду
Я виновной, без сомненья.
Если у тебя осталось
Хоть немножечко имения,
Обменяй его на саван, -
Вот его употребленье.
Ты уже мертва, Манана,
Ты уже добыча тленья.

От составителя

С сокровищницей древнегрузинской литературы русские читатели познакомились издавна. Многие древнегрузинские памятники были переведены и напечатаны отдельными книгами, переводы некоторых сочинений (полностью или частично) вошли в сборники грузинской поэзии и прозы.

Несмотря на это, все-таки остро ощущается отсутствие на русском языке сборника, который даст заинтересованному читателю сравнительно полное представление о пути развития древнегрузинской литературы. В связи с этим, мы предлагаем читателям настоящий сборник, в котором полностью или в виде отрывков представлены многие образцы древнегрузинской литературы. Все произведения были напечатаны ранее. Здесь же указывается откуда перепечатывается то или иное сочинение:

1. **Яков Цуртавели**, Мученичество Шушаники — **К. Кекелидзе**, Этюды по истории древнегрузинской литературы, XII, Тб., 1973, стр. 91-103.

2. **Иоанн Сабанидзе**, Мученичество Або Тбилели — **К. Кекелидзе**, Этюды по истории древнегрузинской литературы, XII, стр. 113-128.

3. **Василий Зарзмели**, Житие Серапиона Зарзмели — **К. Кекелидзе**, Этюды по истории древнегрузинской литературы, XII, стр. 139-163.

4. **Георгий Мерчуле**, Житие Григория Хандзтели — **Георгий Мерчул**, Житие св. Григория Хандзтийского. Введение, издание, перевод **Н.Марра**, ТРА-ГФ, VII. СПб., 1911, стр. 83-151.

5. Балавариани. Отрывок — Балавариани. Мудрость Балавара. Перевод с грузинского **Б. Абуладзе**. Предисловие и редакция **И. Абуладзе**, Тб., 1962, стр. 3-32.

6. **Мосэ Хонели**, Амирандареджаниани. Главы из романа — **Мосэ Хонели**, Амирандареджаниани. Рыцарский роман об Амиране — сыне Дареджан. Перевод с грузинского **Б. Абуладзе**, Тб., 1965, стр. 19-54.

7. **Иоанн Шавтели**, Абдулмессия. Отрывки — Антология грузинской поэзии, М., 1958, стр. 109-113.

8. **Чахрухадзе**, Тамариани. Отрывок — **Чахрухадзе**, Тамариани. Перевод с грузинского **Ш.Нуцубидзе**, Тб., 1942, стр. 103-115.

9. **Шота Руставели**, Витязь в тигровой шкуре. Главы из поэмы — **Шота Руставели**, Витязь в тигровой шкуре. Перевод с грузинского **Ш.Нуцубидзе**, Тб., 1966, стр. 7-41, 54-83, 89-90, 93-101, 128-132, 173-176, 209-212, 232-237, 247-274, 280-284, 297-309.

10. **Теймураз I**, Вардбулбулиани. Маджама (Отрывки). Жалоба на мир — Антология грузинской поэзии. стр. 162-183.

11. **Арчил**, Спор Теймураза и Руставели. Отрывки — Антология грузинской поэзии, стр. 198-201; Нравы Грузии. Отрывки — Поэзия Грузии, М.-Л., 1949, стр. 152-153; Восхваление и порицание царей. Отрывок — Летопись дружбы грузинского и русского народов с древних времен до наших дней, I. Составил **В.Шадури**, Тб., 1967, стр. 67-69.

12. **Иосиф Саакадзе**, Дидмоуравиани. Главы из поэмы — **Иосиф Тбилели**, Великий моурави. Поэма XVIII века о Георгии Саакадзе. Перевод с грузинского **Г. Цагарели**, М., 1945, стр. 11-23.

13. **Русуданиани**. Отрывок — Русуданиани. Перевод с грузинского **А. Беставашвили**, Тб., 1971, стр. 11-24.

14. **Сулхан-Саба Орбелиани**, Мудрость вымысла. Отрывки — **Сулхан-Саба Орбелиани**, О мудрости вымысла. Перевод с грузинского **Е.Гогоберидзе**, М., 1951, стр. 13-52, 64-81, 120-123, 221-230.

15. **Вахтанг VI**, Маджама (Отрывок). О горькая смерть! — Антология грузинской поэзии, стр. 202-203.

16. **Давид Гурамишвили**, Давитиани. Отрывки — **Д.Гурамишвили**, Давитиани. Перевел с грузинского **Н. Заблоцкий**, М., 1955, стр. 25-58, 95-102, 111-113, 117-123, 151-156, 236-245, 267-271.

17. **Теймураз II**, Прения дня и ночи. Отрывок — Поэзия Грузии, стр. 160-165; Акростих — Летопись дружбы, I, стр. 88-90.

18. **Саят-Нова**, Стихотворения — Саят-Нова, Стихотворения. Вступительная статья, подготовка текста и примечания **С.Гайсарьяна**, Л., 1961, стр. 159,169-170, 173-175, 189-190, 195-197, 199; Антология грузинской поэзии, стр. 232-241.

19. **Бесики**, Стихотворения — Антология грузинской поэзии, стр. 221-227; Поэзия Грузии, стр. 186-189; Аспиндзская битва — Поэзия Грузии, стр. 190-192.

20. **Манана**, Разговор Мананы с лихорадкой — Антология грузинской поэзии, стр. 229-230.

Все тексты перепечатаны почти без изменений. Исключение составляет "Житие Григория Хандзтели". В этот текст на основе замечаний **А.Шанидзе** (**А.Шанидзе**, К толкованию одного места "Жития Григория Хандзтели", Сообщения АН ГССР, V, № 9, 1944, стр. 939-944; **его же**, Великий домашний Запада Григорий Бакурианис-дзе и грузинский монастырь, основанный им в Болгарии, Тб., 1970, стр.33; **его же**, Грузинский монастырь в Болгарии и его типик, Тб., 1971, стр. 81, 268) мы внесли несколько поправок, а также уточнили орфографию и изменили написание некоторых собственных имен.

Сожалею, что в нашем сборнике не печатаются такие значительные памятники, как, например, сочинения гимнографов, жития афонских деятелей, многие стихотворения и поэмы Теймураза Первого, Арчила, Вахтанга Шестого и др. Надеемся, что этот недостаток будет восполнен в очередном издании "Древнегрузинской литературы".

СЛОВАРЬ

Аарон - библейский персонаж.

Абазы - серебряная монета.

Абхазия - Западная Грузия; в средние века нередко обозначала всю Грузию.

Аваза - гепард, хищное млекопитающее, приручаемое для охоты.

Агаряне - мусульмане, арабы.

Агат - драгоценный камень черного цвета (мет.глаз).

Адамант - алмаз, бриллиант.

Азнаур - дворянин, благородного происхождения, знатный.

Алавастр - алебастр, белый гипс.

Амбра - ароматное вещество органического происхождения.

Амилахор - главный конюший, шталмейстер.

Амир - эмир, правитель, повелитель.

Амир - муминин - повелитель верующих (титул халифа).

Амир - спасалар - предводитель войска, главный военачальник.

Амирбар - управитель двора; адмирал.

Апаи (и) - название месяца января в дохристианском грузинском календаре.

Арак (и) - водка, напиток.

Аргаван - красный цветок иудиного дерева.

Ариф - сотрапезник.

Армаган - дар, подарок.

Арран - область средневекового Азербайджана.

Аслани - золотая монета.

Аспирос - планета Венера.

Астарта - языческая богиня любви.

Атрошан (и) - огнепоклонство.

Бадахши - рубин из горной области на Памире Бадахшана.

Бани - плоская кровля.

Барбит - струнный музыкальный инструмент.
Баш-ага - главный начальник.
Белена - ядовитое сорное растение.
Бивриليون - драгоценный камень темно-голубого цвета.
Било - колокольный язык.
Бэри - старец.

Ваал - языческий бог плодородия.
Вазир - визирь, советник царя.
Вамек - герой персидского средневекового романа "Вамек и Азра".
Вахтанг - Горгасал, царь Грузии (V в.).
Ваша - приветственный возглас (груз. ура).
Вая - вайя, пальмовая ветвь; желтый цветок
Велиар - сатана, антихрист.
Вельзевул - сатана.
Вертоград - сад.
Вешап - дракон, чудовище.
Вис - героиня поэмы Горгани (XI в.) "Вис и Рамин" (в груз. переводе "Висрамиани")
Виссон - драгоценная ткань.
Вретише - дерюга, грубая ткань.

Габаон - гора близ Иерусалима.
Гагат - драгоценный камень черного цвета.
Гебел - гора в Палестине.
Геон - мифическая река, протекающая в раю; арабское название Аму-Дарьи (Джеон, Джейхун).
Грив - мера сыпучих тел (около 100 кг).
Гурген - хан - Георгий XII, сын Ираклия II.
Гюлистан - цветник, розовый сад.

Дарбаз (и) - дворец; приемные покои; дворцовый совет.
Деканисса - настоятельница монастыря.
Деньми - днями.
Джавахский - диалект грузинского языка.
Джейран - антилопа (мет. красавицы).
Дидебул (и) - знатный, благородный.
Дидо - дидоец (народность в Дагестане); б.м. великан (от груз. диди - большой).
Дилар - имя героя утерянного грузинского романа "Дилариани". ("Диларгетиани").
Дионос - Дионосий Ареопагит (псевдо Дионисий, V в.), широко известный в древней Грузии философ Петр Ивер.

Днесь - теперь, сегодня.
Доведь - шашка, прошедшая в дамки.
Докука - просьба, ходатайство.
Драма - мелкая серебряная монета; мера веса.
Драхма - см. драма.
Дрот - дротик; проволока.
Дук (а) - герцог.
Дэв - див, сказочный великан, злой дух.

Евлогия - освященные в церкви предметы (здесь: масло для лампы).
Епистолия - послание.

Зарадхан (а) - склад оружия, арсенал.
Зенаар (и) - всевышний, клятва.
Зенон - элейский диалектик (V в.).
Зуал - Зохал, планета Сатурн.

Иадгар (и) - книга церковных песнопений.
Иесей - библейский персонаж.
Извет - донос, навет.
Инды - индийцы (мет. ресниц).
Иоаким - библейский персонаж.
Ионатан - библейский персонаж, сын царя Саула.
Иосиф - Иосиф прекрасней, библейский персонаж.
Иродик - софист, учитель Иппократа.

Исаак - библейский персонаж.

Исав - сын Исаака.

Кабача - верхняя накидка, женское платье.

Кадж - человекоподобное сказочное существо, чародей.

Кадий - мусульманский духовный судья.

Каждение - курение ароматическими веществами при исполнении церковных обрядов. **Кандагар** - город в Афганистане.

Каркум - пустыня Каракумы.

Картли - область в восточной Грузии; восточная Грузия; вся Грузия.

Кат - палач.

Катехан (ы) - жители Катеха (местность в Азербайджане).

Келарь - монах, заведующий хозяйством в монастыре.

Кивот - шкафчик или застекленная рама для икон.

Кидобан (и) - сундук, ларь.

Кизикский - диалект грузинского языка.

Кимвал - ударный музыкальный инструмент.

Кирманеули - мелкая серебряная монета.

Кичка - головной убор замужней женщины.

Кнари - струнный музыкальный инструмент.

Кодрант - мелкая монета.

Кронос - планета Сатурн.

Кудель - пучок вычесанного льна или шерсти для пряжи.

Кукуль - монашеский головной >бор.

Купина - куст, группа деревьев.

Куропалат - византийский титул, даваемый правителям Грузии в IX-XI веках.

К - х - л - название болезни. "Эти три согласные, в грузинском тексте стоящие под титлом, могут быть прочитаны "куртхеул - благословен", но, едва-ли так называли какой-либо нарост" (Н.Марр).

Лал - драгоценный камень красного цвета, рубин (мет.уст).

Лари - драгоценность, клад.

Лаша - Георгий, сын царицы Тамар (XIII в.).

Лебеда - серная трава.

Лейли - героиня романтической поэмы "Лейли и Меджнун".

Лечаки - женский головной убор, тонкая накидка.

Лигврилион - драгоценный камень розового цвета.

Литр (а) - мера веса, сыпучих тел и жидкости.

Лия - библейский персонаж.

Ловитва - ловля; разбой, грабеж.

Магог - Гог и Магог, библейские народы, обитавшие на севере.

Майдан - центральная площадь.

Максим - Максим исповедник (VII в.), церковный деятель, автор комментариев на апокалиптические книги.

Мампал - владыка, патриарх.

Марих - планета Марс.

Мартирон - часовня, воздвигнутая во имя святого мученика, место его прославления.

Марчили - серебряная монета.

Махаробели - вестник радостного события.

Медина - город в Аравии, куда бежал Мухаммед.

Мекка - город в Аравии, где родился Мухаммед.

Мелхиседек - библейский персонаж.

Меран(и) - крылатый конь.

Миджнур (и) - влюбленный, потерявший разум от любви, одержимый джином (от арабск. маджнун).

Миро - благовонное масло, употребляемое при церковных обрядах.

Млат - молот.

Мосул - город в Аравии.

Моурави - управитель.

Мтавар (и) - глава, правитель.

Мтквари - река Кура.

Мукры - четцы священной книги мусульман Корана.

Мулла - мусульманское духовное лицо.

Муллимь - мусульманские ученые, богословы.
Муштар - планета Юпитер.

Навроз - мусульманский новый год (21-22 марта).
Нарды - восточная игра в кости, трик - трак.
Натан - Натан мудрый, воспитатель царя Соломона (библ.).
Нимврод - библейский персонаж.
Ниср - (искаж. арабск. Миср) - Египет.

Одесную - по правую сторону.
Опечь - опекать, заботиться.
Орар - дьяконское облачение, расшитое золотом.
Орать - пахать.
Осокол - местность в Дагестане.
Отарид - планета Меркурий.
Охудение - осуждение, порицание.

Пажить - пастбище.
Паксимад - облатка, сухарь.
Парехи - пещера; название местности.
Пахтанина - сыворотка.
Паче - больше, более.
Паша - падишах, царь.
Пенаты - родной дом, очаг.
Пери - фея, ферия, гурия (мет. красавицы).
Перипатейцы - последователи философской школы Аристотеля.
Пестун - воспитатель.
Печалование - скорбь; забота.
Пещь - печь, огонь.
Питиахш - правитель области, глава, управитель.
Плури - золотая монета, флорин.
Поезжане - лица, участвующие в свадебном поезде.
Потир - чаша, употребляемая в христианском обряде.
Пресвитер - священник.
Прокимены - стихи из Псалтыря.
Прокл - **Диадок** - философ-неоплатоник (V в.), широко известный в древней Грузии.
Рамена - плечи.
Рамин - герой поэмы персидского поэта Горгани (XI, в.) "Вис и Рамин".
Рахиль - библейский персонаж.
Раш (и) - крылатый конь.
Ритор - оратор, златоуст.
Ростом - герой поэмы Фирдоуси (X в.) "Шах-наме".

Саам - персонаж поэмы Фирдоуси (X в.) "Шах-наме".
Савл - библейский персонаж.
Сагодебели - кладбище; часть старого Тбилиси.
Садилего - тюремная; часть старого Тбилиси.
Саз - струнный музыкальный инструмент.
Сазандари - певец и музыкант, играющий на сазе.
Сакартвело - Грузия.
Салам - восточное приветствие.
Салим - персонаж поэмы персидского поэта Фирдоуси "Шах-наме".
Самсон - библейский персонаж.
Сантури - струнный музыкальный инструмент.
Сарамар - имя искажено (некоторые исследователи связывают его с Соломоном, некоторые - с индийским именем чародейки (Сарама).

Сарацины - магометане, арабы.
Сардар - военачальник.
Сарнадиб - Сарандиб, о. Цейлон.
Сатали - название болезни.
Сегор - город, в котором укрылся Лот (библ.).
Сераскир - военачальник.
Силоам - чудодейственный источник близ Иерусалима.
Сим - библейский персонаж.

Сирах - Зирах, мудрец (библ.).
Сирый - одинокий, бедный, сирота.
Скиния - походный переносный храм.
Скрижаль - доска, таблица.
Спаспет - полководец.
Ставра - драгоценная шелковая материя.
Старица - старая женщина.
Страз - драгоценный камень из свинцового стекла.
Сунниты - последователи суннитского толка в Исламе.

Тавад(и) - дворянин, князь.
Тароватый - щедрый; ловкий, расторопный.
Тать - вор, разбойник.
Тахти - тахта, трон.
Тенета - сети.
Толмач - переводчик.
Тук - сало, жир.
Тур - персонаж поэмы Фирдоуси "Шах-наме".
Турач - лесная птица, вид фазана.

Утрут - герой персидского национального эпоса.

Фархад - герой романтической поэмы "Хосров и Ширин".

Хадумы - слуги, челядь.
Халаб - Алеппо.
Халиф - наместник Мухаммеда, духовный глава мусульман.
Хам - библейский персонаж.
Харани - город в Месопотамии.
Хасы - придворные, приближенные царя.
Хатаэти - страна на севере Китая.
Хатун - госпожа.
Хорасан - область в Иране.
Хорезм - страна в средневековой Средней Азии.
Хоруш - куруш, серебряная монета.
Хотин - город и крепость на Днестре.
Храмина - хоромы, палата, дом.

Хроникон - система летоисчисления в христианских странах (в Грузии цикл =532 г.).

Цевница - струнный музыкальный инструмент.

Чабалах(и) - шлем, головной убор.
Чермное - красное.
Чернец - монах.
Черница - монахиня.
Чоган - клюшка для игры в поло.

Шаири - стих; стихотворная форма (строфа состоит из четырех шестнадцатисложных строк с единой рифмой) для средневековых грузинских эпических произведений.

Шандал - подсвечник.

Ширин - героиня романтической поэмы "Хосров и Ширин".

Эджиби - дворцовый слуга, камергер.
Эктения - проповедь.
Энос - газский философ (V в.), неоплатоник.
Эрети - область в Восточной Грузии.
Эрзинджан - город в Эрзерумской области.
Эрисмтавар (и) - главный правитель.